

ПОЛКОВОДЦЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вадим
Каргалов,
Андрей
Сахаров

...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он
...и в то время, когда он был еще мал, он

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 16

---

 (654)

Вадим Каргалов, Андрей Сахаров

**ПОЛКОВОДЦЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

 1985

63.3(2)41
К 21

ВАДИМ КАРГАЛОВ

СВЯТОСЛАВ

*Рецензенты —
доктор исторических наук А. Кузьмин,
кандидат исторических наук О. Рапов*

К $\frac{4702010200-232}{078(02)-85}$ 151-85

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОЛЬГА, КНЯГИНЯ КИЕВСКАЯ

1

Хвойные леса — хмурые, сумрачно-зеленые, переходящие чащобами в черноту, дремучие, немеренные, почти не тронутые топором смерда-землепашца, застывшие в извечном суровом покое.

Неколебимые, одетые седыми мхами камни-валуны.

Бездонные топи, покрытые болотной ржавчиной, с обманчиво-веселыми зелеными травяными окнами, скрывающими коварные трясины.

Серо-голубые, отливающие студеным серебром, плоские чаши озер.

Сабельные изгибы широких и неторопливых рек.

Цепи песчаных дюн, выбеленных солнцем, врезались в лохматое тело леса и тонули в нем, не в силах преодолеть необозримую толщу.

Равнодушно-безмятежное северное небо, синее и бездонное летом, свинцово-тяжелое зимой...

Это причудливое смешение мрачного черно-зеленого, призрачного серо-голубого и нарядного песчано-желтого цветов, это небо — то немислимо высокое и недоступное, то будто упавшее на колючую щетину ельников, это странное сосуществование покойной неподвижности лесной чащи и вечной торопливости морских ветров, все это, вместе взятое, — Псковская земля, исконно русское владение.

Дальше, на закат и на полночь¹, обитали иноязычные народы Ливь, Чудь, Емь, Сумь и Корела, а еще дальше, за морем, притаились в своих каменных берлогах жители фьордов — варяги.

Облик людей всегда напоминает облик земли, родившей и взрастившей их, потому что люди — дети земли, плоть от плоти ее. Серые и голубые глаза псковичей будто вобрали в себя прозрачный холод северного неба, светлые волосы напоминали о белизне песчаных дюн, а суровый и спокойный нрав был под стать вековой неизменяемости и непоколебимости лесов и гранита. Было в людях Псковской земли что-то упруго-сильное, надежное, нестигаемое, за что их боялись враги и ценили друзья. Побратиму из Пскова верили, как самому себе: не поддастся стыдной слабости, не слукавит по малодушию, не предаст. Взять за себя жену-псковитянку почиталось на Руси за великое счастье: такой женой дом крепок.

Добрая слава шла о псковичах по соседним землям, и они гордились своей славой и ревниво оберегали.

Наверно, именно поэтому мало кто удивился во Пскове, когда послы могучего киевского князя, знатный муж Асмуд и бояре, приехали в город за невестой для своего господина. Удивительным показалось другое — выбор княжеской невесты.

Щедра Псковская земля на невест-красавиц, дочерей старцев градских, нарочитой чади, старейшин и иных лепших людей, и каждый был бы рад породниться с князем. Но послы, перебрав многих, остановились почему-то на отроковице Ольге, которая даже заневеститься еще не успела: исполнилось Ольге в ту весну лишь десять лет. Кажется, ничего в ней не было примечательного: тоненькая, как ивовый пруттик; косы белые, будто солнцем выжженные; на круглом лице — веснушки, словно кто ржавчиной брызнул. Разве что глаза были у Ольги необычно-

¹ На запад и на север.

венные: большие, глубокие, синие-синие, как небо в августе. Но кто за одни глаза невесту выбирает?

Отец же Ольгин был человеком простым, незаметным, выше десятника в городском ополчении не поднимался, великих подвигов не совершал, и по имени его знали лишь родичи, друзья-приятели да соседи по Гончарной улице. А вот поди ж ты как поднялся!

Качали головами люди в Пскове, недоумевали. Завистники шептались, что тут, мол, дело нечисто. Не иначе — ворожба. Отвели-де глаза княжескому послу родичи этой Ольги, заговорами опутали. Недаром слухи ходили, будто Ольгина мать с волхвами зналась, да и померла она как-то не по-людски: сгорела от молнии в тот год, когда звезда хвостатая на небе летала, пророча бедствия...

Но все-таки было, наверное, в девочке по имени Ольга что-то такое, что выделило ее из других псковских невест, что уязвило неприступное сердце княжеского мужа Асмуда. Не застыдилась Ольга, подобно другим девушкам, когда посол пришел на ее небогатый двор, не закрыла ладонью пылающие щеки, не потупила глаза. Прямо, твердо встретила оценивающий взгляд Асмуда. И вздрогнул княжеский муж, будто облитый ледяной водой, без колебаний подал Ольге заветное ожерелье, горевшее камнями-самодцветами. Видно, не любвеобильную и мягкую подругу искал посол для князя, но повелительницу, способную встать рядом с ним и с великими делами его. Искал и нашел в псковской девочке Ольге, недогнущей рукой возложившей на себя ожерелье княгини.

Но видели все это немногие — сам посол, его свита да Ольгины родичи, а потому недоумевали люди во Пскове...

Потом псковичи увидели Ольгу уже в пышном одеянии княжеской невесты: в длинном, до пят нижнем платье из красной паволоки, перепоясанном золотым поясом, а поверх было еще одно платье, из фиолетового аксамита¹. Ольга, окруженная боярами в высоких шапках и дружинниками в кольчугах светлого железа, спускалась от воротной башни Крома² к ладьям.

Пышное одеяние лежало на плечах Ольги ловко, привычно, словно она носила его с младенчества; вышитые на аксамите головы львов и хищных птиц угрожающе шеве-

¹ Дорогие ткани, которые привозились в Древнюю Русь из Византии. Паволока — шелк; аксамит — плотная и ворсистая, как бархат, ткань с золотыми и серебряными нитями в основе.

² Кром — Псковский кремль.

лились. Ольга не шла, а будто плыла над дорогой, и в об-
лике ее было величие. Лицо окаменело, застывшие синие
глаза смотрели поверх толпы куда-то вдаль, за реку Вели-
кую, где висело над лесами багровое солнце. Ольга словно
не замечала ни множества людей, шумно приветствовав-
ших избранницу князя, ни расцветенных праздничными
стягами ладей. И не о ворожбе или заговоре шептались
теперь псковичи, но о воле богов...

О чем думала сама Ольга в эти торжественные мину-
ты? Да и думала ли вообще о чем-нибудь? Может, она
просто отдалась могучему потоку, который поднял ее и
понес навстречу багровому солнцу?

Под ногами мягко качнулись доски палубы.

Последний раз взвыли, раздирая уши, медные трубы
славного города Пскова.

Затрубили в рожок седобородый кормчий. Весла вспе-
нили мутную полую воду реки Великой.

Горестный тысячеголосый вопль толпы провожал ла-
дью: псковичи по обычаю оплакивали невесту.

Асмуд осторожно тронул девочку за локоть, подсказал:

— Поклонись граду и людям. Поклонись.

Ольга трижды склонилась в глубоком поклоне.

Толпа на берегу благодарно загнула.

Прощай, Псков!

Сильный порыв ветра развернул кормовой стяг. Вол-
нующаяся полоса красного шелка закрыла от взгляда
Ольги удаляющийся город, окрасила все в багрянец и зо-
лото.

Потянулись дни водного пути. Ладьи плыли вверх по
реке Великой, потом свернули в приток ее — реку Синюю,
с трудом пробирающуюся сквозь дремучие леса. Могучие
ели так близко подступили к берегам, что лапы их почти
смыкались над водой, и казалось, будто не по реке бегут
ладьи, а по лесной дороге.

Ночевали в ладьях, поставив их на якоря поодаль от
берега, — береглись от лесного зверя и лихого человека.
Костры для варки пищи раскладывали прямо на палубах,
на железных листах. Вдоль бортов расхаживали всю ночь
сторожевые дружинники, с опаской поглядывая на лес-
ные чащи, где в угольной темноте мигали тускло-зеленые
волчьи глаза. Трещали, ломаясь, ветки прибрежных куст-
тов: не то кабаны продирались к реке на водопой, не то
бродил поблизости хозяин леса — медведь.

Когда опадало пламя костров и забывались тяжелым
сном усталые гребцы, в кормовую каюту приходил Асмуд.

Кряхтя, усаживался на скамью, покрытую медвежьей
шкурой, отстегивал и клал рядом — под правую руку —
длинный прямой меч. Пламя свечей дрожало, разбрызги-
вая по кольчуге Асмуда мерцающие искры. Рыжие усы
княжого мужа казались отлитыми из меди.

Асмуд с вежливым полупоклоном спрашивал Ольгу о
здравии, справлялся, не терпит ли в чем утеснения или
нужды, и, выслушав слова благодарности, сам начинал
рассказывать о славном граде Киеве, об обитателях днеп-
ровских холмов — полянах, о первых киевских князьях.

Иногда вместе с Асмудом приходил кроткий старец
гуслиар, и тогда сказания о прошлом как бы обретали жи-
вую плоть, становились осязаемо-зримыми.

— В стародавние времена, — начинал старик, трогая
узловатыми пальцами струны, — жили у реки Днепра
три брата: один по имени Кий, другой — Щек, третий —
Хорив, а сестра их была Лыбедь. И построили на горе
городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев.
А кругом был лес да бор великий, и ловили там зверей.
И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они
поляннами, от них поляне и до сего дня в Киеве...

— Истинно так! — подтверждал Асмуд.

— И у древлян было свое княжение, и у дреговичей, и
у словен в Новгороде, и у полочан, — продолжал гу-
слиар. — А есть еще кривичи, что возле Смоленска живут,
и северяне, и радимичи, и вятичи на Оке-реке, и все име-
ют язык общий, славянский, и иные народы — меря, му-
рома, чудь, мордва, печера, зимгола — все под Русью...

Хрипловатый голос старца звучал торжественно.

Перед Ольгой будто разворачивалась огромная земля,
населенная разноязыкими народами и племенами, кото-
рым не было числа, как не было числа лесам, рекам, го-
родам, сельским мирам, а в центре этой необъятной зем-
ли, над всеми, высился Киев, еще неизвестный Ольге, но
уже желанный город.

Ольге было страшно и одновременно трепетно-радост-
но. Она — и такая необъятность! Только сумеет ли?
Встанет ли вровень с таким, огромным?

От тревожных сомнений Ольге не спалось, металась на
мягком ложе, стонала. Обеспокоенная мамка трогала су-
хой пергаментной ладонью лоб, шептала участливо: «Аль
почудилось что недоброе?» Накидывала на шею ожерелье
из чистого дерева — березы, взмахивала руками, отгоняя
злых духов: «Кыш! Кыш!»

Неспокойные были у Ольги ночи...

Но утреннее солнце разгоняло недобрые призраки, и Ольга опять ждала с нетерпением, когда польются, словно журчащая в камнях вода, сказанья гусляра о временах минувших.

Охотнее всего Ольга слушала сказанья о вещем князе Олеге. Он когда-то жил в Новгородской земле, и псковские старики часто вспоминали его. Потом Олег стал княжить в Киеве, прославился победоносным походом на Царьград, склонил под свою власть многие племена и народы. Последнюю весть о нем принесли в Псков бродячие гусляры: князя ужалила змея, исползшая из лошадиного черепа, и он умер.

Вечерние повествования старца связывали воедино деяния князя Олега, и Ольге становился понятным взлет Киева, затмившего своей славой остальные русские города.

— С тех славных времен началась единая держава — Русь, — назидательно говорил старец. — А раньше единым только язык славянский был, но жили славяне друг от друга отдельно, каждый своим племенем. Держава эта князю Игорю осталась, когда начал он по Олеге княжить в Киеве...

Ольга из сказанного что могла понимала, а что не понимала — просто запоминала свежей памятью своей. Пройдет время, и сказанья эти, трепетно пропущенные через детское сердце и обогащенные житейской мудростью, зазвучат в устах самой княгини Ольги победной песней о земле Русской, и, как она нынче, будет внимать им княжич Святослав...

2

А ладьи плыли по реке Синей, и волны от них седыми усами тянулись к берегам, сдвигавшимся все ближе и ближе. Потом река превратилась в ручей и растворилась на топком лугу. Дальше был волок.

Дружинники покатали ладьи по круглым бревнам через водораздел, отделявший реку Синюю от истоков речки Зарянки.

Зарянка вывела судовой караван на большую воду реки Двины.

А с Двины на Днепр был еще один волок, через который ладьи приходилось нести чуть ли не на руках — столь трудным он был.

Мало что запомнилось Ольге от судового пути. День

за днем — вода и лес, вода и зелень лугов, деревеньки на дальних берегах, — тягуче-однообразно. Разве что встреча с варягами?

Случилось это уже на Днепре, в полуденный сонный час, когда гребцы, сморенные зноем, едва шевелили веслами. Ольгу разбудил топот на палубе, ляг оружия, громкие голоса. Она накинула платок, выглянула в оконце.

Наперерез ладьям, разбрызгивая воду длинными черными веслами, неслась варяжская лодка — узкая, будто прижавшаяся к воде. Лишь резная голова дракона высоко поднималась над острым носом; дракон был зеленый, с красной пастью, в которой зловеще сверкали железные зубы. На корме дрека, под навесом из пестрой ткани, толпились варяжские воины: рыжебородые, в круглых железных папках, в кожаных панцирях, обшитых железными и медными бляхами. Варяги угрожающе поднимали вверх мечи и широкие топоры-секиры.

Однако лица киевских дружинников были почему-то буднично-равнодушными, мечи покоились мирно в ножах, луки закинута за спину, как на походе, когда до битвы еще далеко. Неужели они совсем не опасаются варягов, о которых шла недобрая слава?!

До варяжского судна осталось не более перестрела¹.

Асмуд что-то прокричал по-варяжски. Ольга разобрала лишь знакомое слово «конунг», что по-варяжски означает «князь», и дважды повторенное имя своего будущего мужа: «Игорь! Игорь!»

Стихли воинственные крики, опустились секиры и мечи. Черные весла глубоко вонзились в воду, останавливая стремительный бег варяжского судна. Спустя мгновение Ольга видела уже не угрожающую драконью голову, а удаляющуюся корму. Варяги бежали, не принимая боя. Одно имя князя Игоря привело в трепет морских разбойников, которые, как утверждали люди, не боялись никого и вдесятером были способны завоевывать города!

Ольгу переполняло ликование. Отблеск грозной силы киевского князя падал и на нее, княжескую невесту. Перед глазами проплывали сладкие видения. Вот она идет рука об руку с Игорем по красной суконной дорожке, вся усыпанная камнями-самоцветами, и люди кругом кланяются, кланяются, кланяются, и торжественно режут трубы. А на князе серебряная кольчуга, вся переливается, и багряный плащ. А рука у него большая, сильная, теплая...

¹ Перестрел — древнерусская мера длины, равная полету стрелы (примерно 100 шагов).

Только лица будущего мужа Ольга никак не могла представить. Ей почему-то казалось, что он не должен походить ни на кого из знакомых людей. Но глаза у него, конечно, такие же, как у нее самой, — синие-синие...

Вечером Ольга встретила Асмуда не своей обычной робкой улыбкой, а гордо, почти надменно. Драгоценные камни на ее широком ожерелье предостерегающе сверкали.

Асмуд удивленно поднял брови и, поняв все, склонился в глубоком поклоне, как перед княгиней...

Тогда-то и сказал он боярам, что взяли-де они из Пскова девочку, а привезут в Киев княгиню, перед которой — придет время! — будут трепетать самые знатные мужи...

А путешествие продолжалось.

Возле устья реки Березины княжеский караван ждали. На высоком мысу вспыхнули сигнальные костры, три столба черного дыма поднялись к небу. Узкая и длинная лодка-однодеревка выплыла навстречу. Гонец князя Игоря передал, чтобы невесту везли в Любеч, городок на левом берегу Днепра, почти на половине водного пути от устья Березины до Киева.

Ольге понравилось название городка: ласковое, теплое. Любеч от слова «любый», «любимый», значит. Как было не увидеть в этом доброе предзнаменование?

Еще три дня пути, и ладьи свернули с днепровской стремнины в тихий просторный затон. На пристани, связанной из толстых сосновых бревен, и на песчаном берегу затона было пустынно; только кучи потемневших щепок да черные пятна кострищ немо свидетельствовали о недавнем многолюдстве.

Здесь, в любечском затоне, смерды всю зиму рубили по приказу князя лодки-однодеревки. Ополовиненная сосновая роща, когда-то вплотную подступавшая к воде, так и называлась — «Кораблище». Но готовые однодеревки по первой весенней воде уплыли к Киеву, где их снаряжали для дальнего морского путешествия: надшивали досками борта, ставили уключины, весла и прочие снасти. Проводив однодеревки, смерды разошлись по своим деревням, и немногочисленно стало в Любече.

Гряда холмов, окаймлявших прибрежную низину, радовала взгляд свежей зеленью. Цветущие яблони скрывали невысокую деревянную стену городка, и только сторожевая башня на холме была видна отовсюду. Наверно, с нее и заметила стража приближение судового каравана,

потому что раньше, чем ладьи приткнулись к пристани, из городских ворот высыпали люди.

Впереди вышагивал высокий, дородный, нестарый еще муж в синем плаще, в шапке с собольиной опушкой, с посохом в правой руке — княжеский огнищанин¹ Малк, по прозвищу Любечанин. За ним торопились ратники в коротких кафтанах без рукавов, надетых поверх белых холщовых рубах, в холщовых же штанах, заправленных в мягкие сапоги, с копьями и овальными щитами. Важно плыли, покачиваясь, две-три высокие шапки бояр, оказавшихся в тот час в городе и пожелавших встретить княжескую невесту. Трусцой семенила позади боярская челядь.

Княжеской невесте огнищанин Малк, бояре и ратники поклонились в пояс, а челядь и прочие мизинные люди рухнули на колени и уткнулись лбами в песок. Бережно поддерживая Ольгу под локотки, Асмуд и Малк свели ее на пристань. Подбежали холопы с крытыми носилками, и Ольга нырнула в них вперед головой, как в воду. Асмуд самолично задернул шелковый полог. Процессия медленно двинулась к городу.

Носилки покачивались, как ладья на волнах, Ольга слышала хриплое, прерывистое дыхание холопов, шуршанье шагов по песку, легкий звон оружия — дружинники шли рядом с носилками. На минуту вдруг потемнело: носилки внесли под своды воротной бапни. Потом в щели снова ударило солнце.

Города Ольга так и не увидела. Асмуд откинул полог носилок лишь на дворе Малка Любечанина, отгороженном от городской улицы высоким частоколом. Ольгу повели через просторный двор, мимо каких-то женщин, одетых нарядно и цветасто, потом через полутемные прохладные сени.

Наверх, в терем с подслеповатыми узкими оконцами, поднялся следом за Ольгой только Асмуд. Придирчивым взглядом окинул чисто выскобленные стены, ковры на полу, открытые лари с посудой и прочей утварью, а постель даже потрогал ладонью: мягко ли?

Следом проскользнула мамка, прижимая к груди ларец с Ольгиными драгоценностями, тоже повела прищуренными глазками и смиренно присела на скамью в дальнем углу — облюбовала себе место.

¹ Огнищанин — княжеский слуга, управлявший хозяйством, вотчиной.

— Ладно ли будет тебе здесь, княгиня? — спросил Асмуд и, дождавшись утвердительного кивка Ольги, с поклоном упятился за порог.

За дверью негромко звякнуло железо, выдавая присутствие сторожевых дружинников.

Неслышно ступая по ковру, Ольга подошла к окну; с усилием, со скрипом сдвинула вбок тугую оконницу, затянутую мутным бычьим пузырем.

Почти вровень с окном торчали заостренные бревна частокола. Невидимый за частоколом город выдавал себя лишь неясным людским гомоном, скрипом тележных колес, конским ржаньем, звонким перестуком кузнечных молотов. Только взметнувшуюся над холмом башню видела Ольга да проплывавшие над башней облака...

3

Если бы кто сказал Ольге раньше, что вся жизнь может состоять из бесконечного ожидания, она бы не поверила. Но теперь это было именно так. Любечское сидение тянулось смазанной полосой неотличимых друг от друга дней.

Изредка от князя Игоря приезжали бояре, рассаживались по лавкам — как на подбор тучные, багроволицые, в длиннополых жарких кафтанах с накидными петлями — и сидели молча, томясь от духоты, не зная, что сказать этой надменной девочке, неизвестно за какие достоинства вывезенной из далекого северного Пскова...

...Первое чувство, которое испытала Ольга, когда увидела наконец своего суженого, был страх. Страх... и разочарование.

Князь Игорь совсем не походил на того светлолицего витязя, каким она представляла его в мечтах. Киевский властелин был немолод; в лохматой бороде серебряными нитями проросла седина; бурое, будто выдубленное ветрами и солнцем лицо избородили глубокие морщины. Князь был приземист, невероятно широк в плечах и в своем длинном красном плаще, ниспадавшем до пола, казался гранитной глыбой. Только глаза у него были такие, как когда-то привиделись Ольге: синие-синие...

Тяжело ступая большими сапогами, князь Игорь подошел к обмершей девочке, пробасил недовольно:

— Дитя еще сущее...

Асмуд рухнул на колени, повинно склонил голову.

Но вмешался высокий муж в таком же, как у князя,

длинном красном плаще, застегнутом у правого плеча массивной золотой пряжкой (Ольга после узнала, что это был варяг Свенельд, второй после князя человек в Киеве):

— Жонок у тебя много, княже. А эта подрастет, будет достойной княгиней. Глянь-ка на нее, княже!

Ольга стояла, вся напряженная, как готовая лопнуть струна, щеки пылали, а взгляд больших синих глаз был почти страшным; от такого взгляда у людей мороз проходил по коже, подгибаются колени...

Встретив ответный, привычно-ломающий взгляд князя Игоря, Ольга не дрогнула, не отвела глаза. Куда-то пропал страх. Только боль в сердце, только нестерпимая обида.

— Твоя правда, Свенельд, — помедлив, негромко произнес князь. Сорвал со своей груди золотую цепь и кинул к ногам Ольги.

Цепь глухо звякнула, змеей развернулась по ковру, коснувшись тяжелыми, тускло-желтыми звеньями носков Ольгиных бархатных сапожек.

Ольга вздрогнула, закрыла ладонями лицо и разрыдалась.

Как будто издалека донеслись до нее приветственные крики людей: «Слава тебе, княгиня киевская!» Обессилевшая Ольга упала на руки мамке. Последнее, что запомнилось ей, — грозные слова князя, обращенные к Асмуду:

— Береги ее до поры! Береги лучше глаза!

Потом был тот же терем, та же сторожевая башня и облака за оконцем, тот же отгороженный от людских взглядов яблоневый сад по вечерам, но все изменилось вокруг Ольги.

Вдвое умножилось число сторожевых дружинников; даже у калитки сада стояли дружинники, а другие расхаживали по другой стороне частокола, когда Ольга гуляла там.

Хлопотливую уютную мамку сменила киевская боярыня Всеслава, с которой даже отмеченный особой княжеской милостью Асмуд говорил почтительно, столь знатного рода она была. Комнатные девушки — не холопки, а чада лучших киевских бояр — стерегли малейшее желание: стоило Ольге повести бровью, как желаемое оказывалось в руках. Дни вдруг стали заполненными, быстротекущими. Боярыня Всеслава без конца наставляла будущую княгиню, как вести себя с мужем, а как с иными людьми; когда следовало надевать пышные платья из паволоки и аксамита, а когда простей домашний сарафан

и лётник; как повязывать головной убор замужней женщины — повой.

Ольгу учили ходить и сидеть, поднимать чашу с вином, кланяться и принимать поклоны. Нелегкой была эта наука, но Ольга понимала, что все это нужно ей, будущей княгине, и внимала боярыне с прилежанием и терпением.

Иногда конюхи подводили к крыльцу смирную белую кобылу, и Асмуд осторожно подсаживал Ольгу в седло. Оказывается, и ездить на большом воинском коне, подобно мужам-дружинникам, надлежало уметь княгине.

Длиннее и доверительнее стали вечерние беседы с Асмудом, и не преданий старины касались они теперь, но нынешней Руси. Неторопливые рассказы Асмуда как бы высвечивали изнутри огромное и непонятное непосвященным строение державы князя Игоря.

Над всеми, в одинокой недоступной вышине — сам князь.

Под ним старшая дружина: бояре, княжие мужи, нарочитая чадь — советники князя, воеводы на войне, наместники в подвластных землях, послы.

Под старшей дружиной — младшая: гридны, отроки, юные, детские. Младшие дружинники были телохранителями, воинами, слугами на княжеском дворе, огнищанинами в селах, даньщиками, вирниками, гонцами.

Князь без дружины как без рук, но и дружина без князя как пес без хозяина: княжескими милостями жива, княжескими даяниями кормится, княжеским именем прикрывается от врагов. Потому едины они: князь и дружина, дружина и князь.

В воле князя прогнать одного или даже десять дружинников, низвести неугодных от знатных мужей до холопов, но без всей дружины князь ни большого дела не свершит, ни малого...

— Князь и дружина! — многозначительно повторял Асмуд. — Вот чем держится Русь!

Ольге дружина представлялась многоголовым и непонятным чудищем, покорно распластавшимся у ног князя, цепенеющим под его грозным взглядом, но начинающим шевелиться и скалить зубы, лишь только князь отворачивался.

И это виденье потом долго преследовало ее на многочисленных пирах и советах в княжеской гриднице, когда бояре и мужи разногласно гудели, одобряя или осуждая князя, качали вразнобой высокими боярскими шапка-

ми, сукоными колпаками, круглыми варяжскими шлемами...

От недели к неделе что-то менялось в Ольге, оправдывая пророчество варяга Свенельда: «Будет княгиней!»

...Обложными дождями занавесил окна терема первый осенний месяц — сентябрь. Заскрипели на дворе телеги, застучали двери подклетей, куда смерды носили привезенные из деревень съестные припасы, и, венчая дело, с лязгом смыкали железные челюсти тяжелые висячие замки. Опасливо оглядываясь на стоявших у нарядного крыльца дружинников, смерды выезжали за ворота, и снова пустел двор Малка Любечанина, покрытый рябыми от дождя, стылыми лужами.

Ненастная выпала в тот год осень, а за ней утадывалась ранняя зима. Недаром и журавли раньше времени отлетели, и ветер задувал с восхода, и месяц рогами туда же указывал — все приметы к ранней зиме сходились.

В середине октября — месяца-листопада, который ни колеса, ни плыза не любит, — сонный покой Любеча разбудили трубы. К пристани подплыли ладьи под поникшими, пропитанными дождевой мокретью, стягами: князь Игорь прислал за невестой своих мужей.

4

Пологий левый берег, такой низкий, что воды Днепра свободно вторгались в него широкими извилистыми заливами; крутые, покрытые голым черным лесом холмы на правом берегу, а на самом высоком из холмов, горе Кня, которую люди называли просто Гора, прилепились над обрывами деревянные стены и башни.

Это — Киев, стольный град князя Игоря.

Ладьи причалили к Подолу, неширокой полосе песка у подножия холмов, которую весной заливали полые воды Днепра, смывая остатки шалашей и легких построек. В осеннюю пору постройки были уже покинуты своими временными обитателями, ремесленниками и приплытыми торговыми людьми, которых не допускали за городские стены. Ветер сорвал камышовые кровли и надсадно свистел в жердях стропил; жерди скрипели и опасно кренились под его напором.

Кучка дружинников в суконых плащах, потемневших от дождя, встречала ладьи у пристани. Ольге подвели рослую белую кобылу, как две капли воды похожую на ту, любечскую. Асмуд и незнакомый киевский боярин под-

садили княжескую невесту в седло и пошли рядом, поддерживая руками стремя.

Узкая скользкая дорога огибала Гору, петлями поднимаясь к городским стенам. Мокрые шлемы дружинников тускло отсвечивали, мелкий частый дождик шелестел по овальным щитам. Зыбкими, какими-то размытыми казались за дрожащей дождевой пеленой соседние холмы. Кое-где на их склонах серели кровли жилищ, поднимались к свинцовому небу мутные струйки дыма.

Скоро и Днепр, и песок Подола, изъязвленный осипами дождевых капель, и петли дороги остались далеко внизу: всадники выехали на плоскогорье, обрубленное с трех сторон крутыми обрывами. Дорога тянулась между оплывшими курганами древнего могильника. Дальше плоскогорье перерезалось глубоким рвом, за которым сочилась влагой серые откосы вала.

А над валом — стены из могучих, в два обхвата, дубовых колод, узкими щелями-скважнями. Под высокой, тоже рубленной из дуба, проездной башней — черный проем ворот.

Простучали под копытами осклизлые, заляпаные грязью доски перекидного моста. Приветственно подыались копыта воротной стражи. Всадники въехали в город.

Узкая улица с трудом пробиралась между скученными постройками. Рубленые боярские хоромы за несокрушимыми частоколами. Приземистые, тяжеловесные купеческие домины. Амбары и клетки, будто вросшие в землю. Покатые кровли полуземлянок простонародья. Все сумрачно-серое, набухшее влагой. Пахло сырým лесом, как от плотов на реке.

Изредка навстречу попадались люди: сгорбившиеся под мокрыми дерюгами, нелюбопытные.

Мостовая из сосновых тесаных плах привела на княжеский двор, тоже тесно застроенный. Подклетки из толстых бревен, с узкими прорезными оконцами. Большие дружинные избы. Громада княжеского дворца с островерхими теремами, к которым вели крытые переходы. Над шатровыми кровлями со скрипом поворачивались вырезанные из железа петухи, недремные стражи жилья. Нарядное, резное крыльцо гридницы.

По широким ступеням навстречу Ольге сбежали люди — громкоголосые, суетливые, в разноцветных нарядных кафтанах, с гремящими мечами у пояса.

Окружили, повели во дворец.

В просторной гриднице — помещении для пиров и

княжеских советов — пылали факелы, разбрасывая дрожащие багровые блики по темным стенам, по ребристому от поперечных балок закопченному потолку. Вдоль стен тянулись длинные столы, тесно заставленные серебряными и глиняными блюдами, подносами, ковшами, причудливо изогнутыми медяницами¹, корчагами с вином, деревянными ведерками с медом и ячменным пивом-олуем, резными сои́лами² с дичиной.

Приветственно заревели, поднимая огромные туры рога, неразличимые в полутьме люди.

Неширокая дорожка из красного сукна вела в глубинную гридницу, где на возвышении, отдельно от всех, стоял небольшой деревянный стол и два кресла. Высокие резные спинки кресел скалились звериными мордами, ножки выгибались змеиными хвостами. На одном кресле сидел, развалившись, князь Игорь — черная борода растрепана, кафтан распахнут, выбившаяся из-под кафтана исподняя рубаха резала глаза неожиданной снежной белизной. Второе кресло было свободно — для нее, для Ольги...

Оглушенная и ошеломленная ревом, дымным смрадом, трубными возгласами, мечущимися языками факелов, Ольга медленно пошла по красному сукну. Бояре и княжьи мужи, перегибаясь через столы и опрокидывая посуду, швыряли ей под ноги серебряные шейные гривны, пригоршни монет-диргемов, пластинчатые браслеты, подвески, бусы. Красное сукно позади Ольги заискрилось драгоценностями, как будто она оставляла за собой серебряные следы...

В памяти Ольги этот торжественный и страшный день остался не размеренным чередованием часов, а минутными озарениями, яркими вспышками то удивления, то тревоги, то торжества, то ужаса, а между ними — туманное полузабытье, усталое оцепенение, когда она закрывала глаза и сжималась в тоскливом, бессильном безразличии...

...Князь Игорь, огромный, сильный, озаренный радостной улыбкой, прижимает ее голову к груди, и Ольга слышит, как гулко и размеренно стучит его сердце, и задыхается от терпкого мужского пота, и стонет от боли — литая золотая пуговица на кафтане князя впивается ей в щеку...

...Разинутые, испускающие оглушительные крики рты; задранные лохматые бороды; вытаращенные глаза; баг-

¹ Медяница — медный сосуд.

² Соило — большое деревянное общее блюдо для еды.

ровые щеки — но все это внизу, за общими столами, как бы отдаленное от Ольги, а сама она, приподнятая соседством князя, будто скользит над толпой бояр и княжич мужей, гордая и недоступная...

...Капище¹. Зловещие черные идола, грубо вытесанные из дерева, покрытые жирной копотью. Их много, как голых стволов в сгоревшем лесу, но выше и могучее всех идол Перуна, грозного бога грома и молнии. У Перуна луноподобное, покрытое тусклым серебром лицо и вызолоченные усы; из морщинистой, изборожденной глубокими трещинами груди идола торчат угрожающие кабаньи клыки. Приплясывают волхвы, дремучие старцы в длинных черных одеяниях, с седыми клочковатыми бородами и горящими безумием глазами, с изогнутыми посохами в руках. Чадро пылают можжевельные поленья на камнях жертвенника. Бьются в лужах крови зарезанные петухи, бараны и белоснежные священные козы, принесенные в дар богам. Больно сжав пальцами локоть Ольги, князь Игорь почти волоком тащит ее вокруг жертвенника. Не светлый это свадебный обряд, а шабаш злых духов, празднество лесных бесов, — так кажется Ольге, так ей жутко...

Утром молодую княгиню повели в Вышгород, городок на правом высоком берегу Днепра, выше Киева на половину дня пути.

Отныне и на долгие годы Вышгород станет местом постоянного обитания Ольги, и люди привыкнут называть его просто именем княгини — Ольгиным городком. И будет у Ольги в Вышгороде свой собственный двор, отдельный от киевского двора князя Игоря, свои бояре и мужи-дружинники, о которых будут говорить: «Ольгины бояре» и «Ольгины мужи». И в отсутствие князя не в стольный Киев, а в Ольгин городок будут приезжать послы.

...Так видится автору начало пути Ольги, псковской девочки, киевской княгини, матери князя Святослава...

5

Князь Игорь отлучался из Киева часто. Большая часть жизни проходила в разъездах, и по-иному он просто не представлял княжеского бытия.

В начале зимы, как только покрывались льдом реки и

¹ Капище (от древнеславянского «кашь», «кипь» — идол) — культовое сооружение у восточных славян.

устанавливался легкий санный путь, князь с дружиной отправлялся на полюдь: объезжал подвластные племена, собирал дани, творил суд над людьми. С трудом разыскивали его послы, расспрашивая смердов в деревнях, не проходил ли князь, а если проходил, то в какую сторону пошел дальше. Неделями длились поиски, и бывало, что запоздалые вести гонцов оказывались уже ненужными.

На полюдь князь Игорь кормился всю зиму и только весной, по первой воде, пригонял в Киев ладьи с собранной данью: медом, воском, мехами, зерном. Оживал тогда княжеский двор на древней горе Кия. Сплошной полосой шумели дружинные пиры. Пышные кавалькады всадников проносились по дороге, которая вела к княжескому селу Берестову, к заповедным ловам, и с рассвета до сумерек слышались в лесу протяжные стоны охотничьих рогов, конское натужное ржанье, свист оперенных лебедиными перьями стрел, предсмертные вопли зверей. Напрасно ждали своего князя тиуны и огнищане, напрасно подстерегали его у ворот со своими заботами — у Игоря не находилось времени на скучные будничные дела. Он искренне верил, что лишь пиры, охота и война достойны внимания князя. Дни проносились пестрым веселым хороводом, и Игорю некогда было остановиться и оглядеться, да и зачем? Ведь коротки, ох как коротки дни весеннего роздыха...

А у пристаней Киева и Витичева уже собирались бесчисленные лодки-однодеревки, глубоко оседали в воду под тяжестью товаров, расцветали стягами. В начале июня ладьи отплывали по великому торговому пути из варяг в греки к далекому Царьграду, а следом за ними по днепровскому берегу отправлялся с конными дружинами сам князь.

Этот поход сквозь печенежские степи иногда бывал продолжительнее, иногда — короче, но никогда не занимал меньше месяца.

А там и июль наступал, макушка лета, самое удобное для войны время, когда просыхали лесные дороги, мелели реки и вдоволь было спелых луговых трав для конницы. Начинались летние походы.

Князь Игорь водил свои конные дружины то на полдень, в земли уличей и тиверцев, то на закат, в земли дулебов. Не за данью были эти походы, но за военной добычей и рабами, потому что уличи, тиверцы и дулебы еще не встали под власть Киева и обороняли свои поселения оружием.

В бесчисленных стычках у лесных завалов и в осадах укрепленных родовых городков незаметно подкрадывалась осень. Дружины с разбухшими обозами торопились в Киев, чтобы до осеннего бездорожья спрятать в клетях княжеского двора военную добычу и шумно отметить победы почестными пирами.

А там и зима была недалеко, и холопы уже ладили сани для полюдья.

Так замыкался годовой круг...

Само собой получилось, что люди, отчаявшись дождаться князя Игоря, стали искать суда у княгини Ольги. Тиуны, озабоченные неотложными хозяйственными делами, знали дорогу к Ольгиному городку лучше, чем к красному княжескому двору в Киеве. Градники и древоделы приезжали к Ольге за советами, где рубить новые грады, а где подновлять старые, а потом и вовсе переселились со своими умельцами в Вышгород. В несокрушимых подклетах вышгородского двора, под присмотром Ольги, хранились самые ценные товары. В земляной тюрьме-порубе Вышгорода томнились в тесном заключении лютые недруги князя Игоря, надзор за которыми опасно было доверить постороннему человеку...

Немного времени прошло, и Ольга крепко прибрала к рукам Киевскую землю, уже привыкла смотреть на нее как на свой большой двор, требующий хозяйского глаза, ключи от которого лучше хранить на собственном поясе, не передоверяя никому...

Князь Игорь замечал, что люди все реже обращаются к нему с повседневными делами, и воспринял это как должное. Киевский дворец был ухожен даже лучше, чем раньше, кони на конюшнях сыты и веселы, холопы почтительны и одеты в чистое, подклети ломятся от запасов — чего еще желать? Постепенно он привык отсылать к Ольге докучливых просителей и жалобщиков, даже местных и своих мужей-дружинников, проевших раньше времени положенную им долю дани и просивших еще. Власть киевского князя как бы разделилась надвое: на войне предводительствовал Игорь, а внутренней жизнью огромной страны заправляла Ольга.

Такое положение дела казалось естественным не только самому князю Игорю, но и его боярам и мужам. Копать в земле и по крохам собирать ее щедрые дары — удел смердов-пахарей, хозяйствовать на дворе — удел жены. Для княжих мужей богами предназначено собирать дани, ходить в походы и привозить военную до-

бычу, а потом пировать и проводить время в праздности — до следующего похода. Да и могли ли они думать иначе? Еще не расползлись по русским землям, поглощая пашни и угодя смердов-общинников, княжеские и боярские вотчины. Данями, а не оброками с зависимых смердов и не плодами подневольного труда холопов, закупов и прочей челяди кормились князь и дружина.

На переломе исторических эпох князь Игорь и княгиня Ольга олицетворяли собой два различных общественных начала — родовое и феодальное, два образа жизни, два миропонимания. Игорю были близки отчаянная смелость и бесшабашность предводителя конной дружины, Ольге — рачительное упорство и расчетливость хозяина-вотчинника. Игорь остался в привычной для себя обстановке дружинных пиров, так походивших на прежние родовые братчины, набегов на соседние племена, коротких добычливых войн, а остальное было уделом княгини Ольги.

Не в таком ли, исторически возможном, разделении власти между князем-воином Игорем и княгиней Ольгой, озабоченной внутренними делами молодого государства, следует искать особенности личности Святослава? Он будет, подобно своему отцу, князем-воином, освобожденным от обременительной и серой повседневности стараниями матери-княгини. Недаром Святослав запомнился современникам и потомкам ярким всплеском древней отваги и диковатой самобытности, отходившей уже в десятом столетии в прошлое. Но, направляемая твердой рукой княгини Ольги, эта отвага решала не узкоплеменные, а государственные задачи, по сути своей перерастая ставшие архаичными формы дружинного быта, дружинного побратимства и подчеркнутого единения князя с войми своими...

6

Перед Древнерусским государством в десятом веке стояли большие и сложные внешнеполитические задачи, а в определенные периоды эти задачи вообще становились главными, оттесняя на второй план внутренние дела.

Классовые противоречия внутри страны еще не обострились настолько, чтобы требовать каждодневного и пристального внимания князей. Во многих своих проявлениях внутренняя жизнь державы текла как бы сама собой, в устойчивом, веками сложившемся русле родовых обычаев. Обычаями определялись и взаимоотношения сель-

ских общин-миров с князьями, и величина дани — уплачивалась она киевскому князю или пришельцам-хазарам; обычным правом руководствовался княжеский суд, и воля богов в судебном поединке по-прежнему отмечала победой невинного...

Первые столетия русской истории были легендарным временем грандиозных военных походов, которые совершенно затмили в памяти восхищенных потомков и незаметную, внешне неброскую работу по «строению» государства, и почти неощутимое для одного поколения перерастание родовых порядков в порядки феодальные. Не случайно на страницах летописей звенят мечами славные вои, ведомые полусказочными вождями; с шорохом взрезают синюю паволоку моря остроносые ладьи под русскими стягами; в знойном мареве дрожат миражи царьградских башен и куполов...

Но военные дела самого князя Игоря были сначала негромкими, почти домашними. Никто серьезно не угрожал Руси, не на кого было собирать великие рати.

В начале княжения Игоря к степным рубежам Руси подошли кочевники-печенеги. Великие печенежские князья заключили мир с князем Игорем и прошли со своими ордами дальше к Дунаю, а малые орды, оставшиеся у Днепра, вели себя хоть не совсем мирно, но и не ратно. Набегали на пограничные села, грабили дворы и угоняли скот, чинили препятствия посольствам, а весной, собираясь в большие ватаги, подстерегали судовые караваны возле днепровских порогов. Только однажды князь Игорь воевал с печенегами, но война оказалась непродолжительной и закончилась в то же лето. Печенеги откочевали к морю, а русские дружины, поблуждав по степным балкам и солончакам, возвратились в Киев. Славы князю Игорю этот поход не прибавил...

Хазары, сидевшие на Нижней Волге и отделенные от Руси широкой полосой печенежских степей, вели себя незаносчиво, довольствовались десятиной с торговых караванов да невеликой вятичской данью. Вятичи еще не были под властью Киева, и потому наезды на Оку конных хазарских отрядов мало беспокоили князя Игоря.

Спокойно пока было и на западе. От воинственных польских князей Русь отделяли ничейные земли, населенные племенами, не платившими дани ни той, ни другой стороне. А кривые сабли венгров были обращены на Византию. Для князя Игоря венгры были скорее возможными союзниками, чем врагами...

От посягательств Византийской империи Русь защищали грозные воспоминания о царьградском походе князя Олега Вещего и заключенный по его поручению тринадцатую послами-варягами мирный договор. Да и не до Руси было в то время императору Роману Лакапину. Со всех сторон надвигались на империю грозные тучи войны. Затянувшаяся война с болгарским царем Симеоном истощала силы империи. Беспокоили набеги венгров. Вызывали тревогу хищные замыслы германского императора, который пытался вытеснить византийские гарнизоны из сказочно богатой Италии. Стратиги западных фем¹ непрерывно просили войско, а где его было взять? Из одной войны империя падала в другую, и не видно было конца военным тяготам...

Успешнее шли у Византии дела на востоке. После ожесточенной войны, продолжавшейся с перерывами целую вечность, дрогнул и зашатался Арабский халифат; попятились, истекая кровью, арабские полчища, недавно еще назвавшиеся неисчислимыми. Армения и Грузия поспешили признать власть императора.

Но успехи давались дорогой ценой. Своего войска катастрофически не хватало, и Роман Лакапин нанимал воинов из других стран. Князь Игорь по просьбе щедрых на золото и посулы императорских послов охотно отпускал дружины искателей богатства и военных приключений, варягов и руссов. Они плавали с флотом византийского патриция Космы в Лангобардию, а с протоспафарием Епифанием — в Южную Францию; стояли гарнизонами у Понта²; сражались в Сирии с конницей халифа; служили в дворцовой страже в Царьграде. Возможно ли было императору при таких обстоятельствах нарушать мир с Русью?..

Пользуясь затишьем на границах, князь Игорь округлял свою державу, склонял под власть Киева славянские племена. Три лета его воевода Свенельд осаждал неприступный град улицей — Пересечен, и взял его копьем. Упрямые улицы смирились и обязались платить дань. За великие подвиги эта дань была отдана Свенельду. И дань покоренных древлян тоже пошла Свенельду, хотя и роптали другие мужи-дружинники: «Вот отдал ты одному мужу слишком много, а другим что останется?»

¹ Фемы — военно-административные округа Византийской империи, во главе которых стояли стратиги.

² Понт — Черное море, которое в средние века также называлось Русским морем.

Но князь Игорь не послушался недовольных, сказав, что надо было бы им самим, как Свенельду, примучивать соседние земли. «По мужеству и дань!»

Сам Игорь смотрел на передачу воеводе Свенельду уличской и древлянской дани как на дело временное. Воевода Свенельд и его дружинники-варяги скоро понадобятся. В глубокой тайне Игорь вынашивал планы большого морского похода, который прославит его, как на все времена прославил князя Олега Вещего царьградский поход.

Князь Игорь делился своими честолюбивыми замыслами с Ольгой и, не встречая сочувствия, сердился: «Тебе бы ключами звенеть у подклетей да с тиунами гривны считать, ничего тебе больше не надобно!»

Ольга упрямо поджимала губы, отводила в сторону глаза, не осмеливаясь перечесть мужу — князь Игорь в гневе бывал страшным.

Неоднократно, подливая мужу за трапезой его любимое греческое вино, Ольга начинала осторожные разговоры о выгодах царьградской торговли, о том, что на вышгородском дворе скопилось много меда, воска, мехов и зерна — некуда больше складывать, и самое бы время снаряжать торговые караваны в Византию.

Князь Игорь угрюмо отмалчивался, но Ольга чувствовала — морскому походу быть. А тут еще начали приходить нехорошие вести из Царьграда: византийцы насильничают над русскими купцами...

Ясным весенним днем 941 года огромный судовой караван отплыл от пристаней Киева и Витичева. Одни говорили, что князь Игорь повел на Царьград тысячу ладей, другие — десять тысяч, но точного числа ладей и воинов не знал никто.

На высоких просмоленных бортах перевернутыми языками пламени атели овалы пилы. Поблескивали на солнце островерхие шлемы дружинников. Покачивалась над ладьями камышовая поросль копий. Бесчисленные весла разбрызгивали днепровскую воду.

Русь выступила в поход!..

По Днепру судовая рать двигалась спокойно и неторопливо. Крепкие сторожевые заставы загодя вышли к порогам и отогнали печенегов. Не о безопасности заботился князь Игорь (кто осмелится напасть на такое войско?), а о скрытности. Недобрый чужой взгляд способен погубить великое дело.

Последняя стоянка на родной земле, на зеленых лу-

гах и в рощах днепровского острова Хортица. Игорь приказал принести в жертву у священного дуба черного, как ночь, быка: пусть боги оценят жертву киевского князя и будут благосклонны к нему.

И вот уже морская ветер в днепровском лимане погнав навстречу ладьям соленые волны.

Русское море! Мечта и тревога! Ставшие явью мнящие сны!

Из днепровского устья ладьи повернули на закат.

Плыли, таясь, ночами, а днем отстаивались в безлюдных местах, под песчаными береговыми обрывами. Встречные купеческие суда останавливали и приказывали следовать за собой, клятвенно обещая отпустить с миром, когда минуют византийскую границу.

Позади остались устья трех великих рек — Буга, Днестра и Дуная. Дальше ладьи плыли еще осторожнее. Далекий болгарский берег походил на туманную прерывистую полосу, и самые зоркие глаза береговой стражи не смогли бы приметить ладьи.

Но все предосторожности оказались напрасными: император Роман уже был извещен об опасности. Херсонский стратиг получил от печенегов весть, что по днепровскому пути проплыло множество русских ладей, что на ладьях не видно товаров, а воинов много больше, чем обычно. Остроносая тахидрома¹, вздрагивая от бешеных ударов весел и опасно крелясь переполненными ветром парусами, повеслась напрямик через море к Константинополю, далеко опережая огибавшие болгарское лукоморье ладьи князя Игоря.

Потом князь Игорь напрасно обличал лукавую ложь купцов, приехавших в Киев из Царьграда накануне похода. Купцы говорили чистую правду, когда сообщали тогда об уходе большого византийского флота в Средиземном море. Однако в царьградской гавани осталось немало старых, неисправных кораблей, которые не могли выдержать длительное путешествие, но вполне способны были сражаться на подступах к столице. Император Роман приказал снарядить их новыми веслами и парусами, навесить рули, заделать щели в бортах, поставить на палубах большие медные трубы для метания горючей смеси — «греческого огня». С купеческих судов, которых в торговой гавани Константинополя всегда стояло великое

¹ Тахидрома — быстроходное византийское судно, которое использовалось для разведки и перевозки гонимых.

множество, на вооруженные триеры пришли опытные гребцы и кормчие. Под пурпурными императорскими стягами возрожденные к жизни военные корабли выдвинулись в устье Босфора...

Не обманывали купцы и тогда, когда они говорили князю Игорю, что в Царьграде почти не осталось войска. Но при первых же известиях о походе руссов император разослал гонцов к своим полководцам и стратигам. Доместик Панфир, изумив знатоков военного дела стремительными переходами, привел из Малой Азии сорок тысяч опытных воинов. Патриций Фока успел подойти с войском из Македонии, а стратилат Федор — из Фракии...

Обо всем этом не подозревал князь Игорь и продолжал свое движение к Царьграду, из осторожности обходя прибрежные города, отказываясь от болгарской добычи ради большой, царьградской...

Последний мыс перед Босфором, а возле него, как палец, предостерегающе уставленный в небо, башня маяка. Над башней поднимаются клубы черного дыма — стража оповещает о приближении руссов. Из-за мыса выплывают хищные византийские триеры. Византийских кораблей так много, что князь Игорь не решается идти на прорыв и приказывает поворачивать к берегу, на мелководье, недоступное для больших судов.

— Пойдем к Царьграду сушей! — объявляет он хмурым воеводам.

По пыльным дорогам, вьющимся среди зеленых холмов, на которых нарядными резными игрушками разбросаны виллы царьградских вельмож, пошли пешие рати воев. Дружинники остались на берегу, возле ладей.

Движение пешего войска отмечалось дымами пожаров. Дымы умножались и постепенно удалялись от берега. На захваченных у греков повозках привезли к ладьям первую добычу. Ничто не предвещало беды. Обитатели белых домов бежали, бросив все свое имущество, а о страшных железобокых всадниках императора Романа не было слышно. Казалось, повторяются обстоятельства славного похода Олега Вещего, когда царьградцы спрятались за крепостные стены и молили руссов о пощаде...

Но вот неожиданно иссяк поток телег с добычей. Дымы пожаров остановились, не продвигаясь больше к полуденной стороне, где за холмами притаился Царьград.

По опустевшей дороге, нахлестывая бичом взмысленных коней, примчался на колеснице сотник Свень.

— Княже! Беда! Греки идут великой силой!

Нападение тяжелой панцирной конницы, которую вели за собой прославленные византийские полководцы Панфир, Фока и Федор, было неожиданным. Всадники с длинными копьями выехали из садов и начали теснить руссов. Многие воины не успели добежать до общего строя и погибали поодиночке, настигнутые всадниками. Но остальные составили рядом большие щиты и приняли бой.

Страшными были атаки конных катафрактов, которые пронзали своими длинными острыми копьями людей насквозь. Но еще страшнее показался руссам греческий огонь, который извергали медные трубы. Струи ползучего пламени ползли по щитам, обтянутым бычьей кожей, и воины вынуждены были откидывать горящие щиты, сражались незащищенными. Истлывал русский строй, медленно пятился к берегу. Но между ним и берегом тоже были греческие всадники.

До вечера длилась жестокая битва. Руссы держались, удивляя императорских полководцев упрямой стойкостью и презрением к смерти.

Огорченный большими потерями, доместик Панфир приказал грубить отступление. Руссам все равно некуда бежать. Позади них — море и огненосные триеры. Руссы неизбежно попадут на невольничьи рынки или в руки палачей. Стоит ли проливать кровь блестящих всадников в бесплодных атаках?..

Было уже совсем темно, когда остатки воев возвратились к ладьям. Следом за ними осторожно подъехали конные разъезды доместика Панфира, остановились поодаль. На холмах вспыхнули огромные костры, ярко осветили деревянные кресты, на которых палачи распяли пленных руссов — для устрашения уцелевших в бою...

Положение русского войска казалось безвыходным: впереди — многочисленная императорская конница, за спиной — цепь огненосных триер, а до Руси долгие недели пути по враждебной земле или по морю, не менее враждебному. Выбор представлялся скудным: смерть в бою или смерть на кресте... Если боги не дадут силы для прорыва...

На совете ближней дружины князя Игоря было решено прорываться по морю. Воевода Свенелд верно подсказал, что на суше, даже в случае первого успеха, пешей рати все равно не уйти от греческой конницы.

Едва над неподвижной, будто застывшей водой Понта

заялся рассвет, ладьи князя Игоря тихо отплыли от берега, вытягиваясь строем клина. На острие клина, как клюв хищной птицы, взрезала волны княжеская ладья — большая, с множеством красных весел, от носа до высокой резной кормы укрытая серыми бычьими шкурами для защиты от греческого огня.

Ладьи проплыли больше половины расстояния от берега до греческого флота, когда на триерах началась суматоха. Взревели тревожно трубы, прокатилась над морем судорожная барабанная дробь. Полуголые корабельщики с криками принялись выбирать якорные канаты. Зашевелились длинные весла триер. Патриций Феофан, друнгарий флота, попытался преградить дорогу русскому клину. Но было уже поздно. Цепь триер так и не сомкнулась перед стремительно набегавшими русскими ладьями.

Гребцы на княжеской ладье ожесточенно рвали весла, обливаясь потом под бычьими шкурами, надсадно всхрапывая. Навстречу быстро катились высокие носы триер, угрожающе торчали из воды бивни тарансов. Кормчий направил княжескую ладью в свободное пространство между двумя триерами.

Застучали по бортам греческие стрелы. Потоки жидкого пламени брызнули с палубы ближней триеры, огненными ручейками поползли по мокрым шкурам; скатываясь в воду, греческий огонь продолжал гореть, и казалось, что ладья плывет по сплошному огню. Тяжко ударила в корму каменная глыба, пущенная греческой катапульты.

Дым, шипенье пара, крики и стоны раненых, треск сокрушаемого ударами дерева...

И вдруг тишина. Княжеская ладья прорвалась через цепь греческих кораблей. Впереди был простор Русского моря. Гребцы налегали на весла, дружинники срывали и бросали в воду дымящиеся клочки бычьих шкур. Затихал, удаляясь, грохот битвы.

Князь Игорь стоял на корме, силясь рассмотреть в дыму, чем закончилось сражение. Следом за ним прорвалось не более десятка ладей, а остальные погибали в кольце триер. Воины с тонущих ладей кидались в воду, плыли среди потоков пламени, тонули. Немногих счастливых, сумевших добраться до берега, встречали копыя катафрактов. Ладейный флот погибал на глазах, и ничем нельзя было помочь ему. Бывает ли более горькое зрелище для предводителя войска?

Еще несколько ладей вырвалось из смертельного коль-

ца по мелководью. Следом за ними поехали берегом греческие всадники, изредка пуская стрелы.

— Раньше нас будут в Киеве, — проговорил Игорь, указав на эти ладьи. — Если доплывут...

Друнгарий флота Феофан не преследовал беглецов. Может быть, он не надеялся догнать быстроходные русские ладьи, а может, не пожелал утруждать гребцов. Да и то верно: кому страшны брызги разбившейся о камни волны?

Чтобы избежать встречи с кораблями херсонского стратига, которые могли подстергать возвращавшиеся ладьи возле устья Днепра, князь Игорь приказал кормчим плыть прямо через море к Босфору Киммерийскому¹. Этот круглый путь надолго отсрочил его возвращение в Киев.

7

За окнами тихо шелестели листвой березы.

Ольга любила это чистое дерево и велела посадить березы на своем вышгородском дворе. Березы оставались для Ольги сладким воспоминанием детства. Где-то во Пскове осталась ее березка, посаженная отцом в день рождения дочери. Какая она теперь? Поди, выросла ровень с крышей, как эти, вышгородские? Помнится, батюшка ласково поглаживал теплой ладонью белую головку дочери и приговаривал: «Моя березка...» Каким бесконечно далеким стало то время!

Ольга перегнулась через подоконник, растерла пальцами березовый листик и разочарованно вздохнула. Листик был не зелено-клейким, исходящим свежей влагой, как в прохладном Пскове, а ломким, тронутым желтизной. Видно, высушили вышгородскую березу знойные ветры из печенежских степей, исхлестал своими колкими струями днепровский песок. Не так ли высохла и очерствела душа самой Ольги, в которой увядали живительные побеги теплых человеческих чувств, уступая место властолюбию? Дорогой оказывалась расплата за вознесенье на немислимую высоту...

Заметив удивленно-почтительные взгляды бояр Асму-да, Вуефаста и Искусеви, княгиня Ольга выпустила из пальцев искрошившийся березовый листик, презрительно поджала губы. Давно уже мишуги времена, когда боярин

¹ Керченский пролив.

Асмуд надоедал юной княгине своими советами и наставлениями, а боярин Вуефаст хвастался былыми подвигами и украдкой жаловался приятелям, что, дескать, обидел его князь Игорь, когда отослал со своего большого двора на двор малый, вышгородский. Теперь оба гордились славой Ольгиных бояр, были преданными и послушными слугами. А о чудине Искусеве и говорить нечего: из неизвестности подняла его княгиня Ольга, от простого воя до знатного мужа. Смирно стояли бояре у порога, ожидая, когда к ним обратится княгиня.

Еще вчера приехал в Вышгород сотник Свень, возглавивший прорыв немногих уцелевших ладей вдоль болгарского берега. Однако Ольга не пожелала тогда говорить с ним и отослала к боярам. Пусть Асмуд, Вуефаст и Искусеве сами расспросят вестника несчастья, а утром, когда улягутся первые волнения и отстоится правда, расскажут ей...

Но и теперь рассказ бояр был страшен. Погибли ладьи, погибло войско, а о самом князе не было никаких вестей. Сумеет ли Игорь доплыть через коварное море до Босфора Киммерийского? А если доплывет, то пройдет ли благополучно через печенежские степи? Как воспримут соседние правители весть о гибели войска и о долгом отсутствии князя? Не нападут ли на обеззаставший Киев?

Впервые Ольге приходилось думать о защите рубежей одной, без Игоря, и она с гордостью почувствовала, что способна и на это совсем неженское дело, что нити, которые протянулись от ее вышгородского дворца к киевским старейшинам, к старцам градских иных земель, к сельским мирам и подвластным племенам, достаточно крепки и надежны — потянуть за эти нити, и зашевелится Русь, начнут стекаться к Вышгороду вои, и послушные ее воле воеводы поведут могучие рати на врага.

Медленно, почти незаметно не только для других людей, но и для самой Ольги накапливалась власть; везде появились верные, лично от нее зависимые люди; щедрость Ольги оборачивалась благодарной преданностью избранных и завистливым желанием остальных людей стать поближе к княгине. Так длилось годами, чтобы в опасные осенние дни 941 года обратиться в подлинную власть над Русью. И Ольга чувствовала в руках эту власть, и бросала короткие, повелительные, непререкаемые слова:

— Асмуду собрать воев. Пусть сходятся к Вышгороду и Витичеву, сядутся до поры в воинские станы, Ис-

кусеве готовить ладейную рать, идти на низ Днепра. Вуефасту ставить крепкие заставы от печенегов. Да пошли-те гонца в Киев, чтобы люди крепили стены и собирали осадный запас. И без промедления! Без промедления!

Бояре разом поклонились и торопливо затопали к двери, как будто их сегодняшнее поспешание могло ускорить многотрудные и вовсе не однодневные дела, порученные княгиней Ольгой. Поспешание являло их усердие, не более того, но Ольга довольно улыбнулась. Усердие — залог успеха любого дела...

В гридницу несмело заглянул Добрыня, служивший Ольге на почетном месте княжеского стража-придворника. Ольга, несмотря на заботы, улыбнулась Добрыне приветливо.

— Поди позови сотника, что прибежал с моря...

Сотник Свень успел помыться в бане, отоспаться, переодеться в нарядное и чистое. Но куда спрячешь исхудавшее лицо, выпирающие скулы, дрожащие пальцы? Вестник несчастья — иным он и не мог быть...

— О том, как бились пещцы, знаю, — медленно заговорила Ольга. — И о ладейной рати тоже знаю. Скажи мне, муж, что поразило тебя в этих битвах? Что подломило дух?

Свень, облизывая кончиком языка потрескавшиеся сухие губы, без раздумий ответил:

— Греческий огонь! Будто молнию небесную имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас. Оттого и одолели они, а бились мы сильно...

Сказал и умолк, глядя на Ольгу преданными глазами. Ольга не спросила больше ничего, хотя могла бы и спросить и возразить. Не только в греческом огне дело, но и в многолюдности войска. У императора Романа, как говорили знающие люди, сто двадцать тысяч воинов, а у князя Игоря столько не было. У императора в войске одни опытные ратоборцы, а у князя Игоря вместе с дружиной пошли воями горожане и смерды. Греки давили панцирной конницей, а воины Игоря сражались пешими. Все это было так. Но Ольга все же чувствовала, что Свень сказал что-то самое главное, объясняющее коренные причины. Греческий огонь не только опалил русский строй на суше и пожег ладьи, но и поразил дух войска устрашающей неожиданностью. Удивить — значит победить!

Этот завет княгиня Ольга спустя много лет передаст своему сыну Святославу, и тот сам будет удивлять и побеждать врагов неожиданными решениями...

Вопреки ожиданиям конец лета и осень прошли спокойно. Не ратными были соседи с закатной стороны, венгры и поляки. Херсонский стратиг не посылал воинские триеры в устье Днепра. Печенеги, как всегда, осенью отпочевали к морю, на теплые пастбища. И княгиня Ольга велела отпустить воев из Вышгорода и Витичева по деревням. Княжские мужи начали готовить дружины для зимнего полюдя. Нарушенная морским походом жизнь возвращалась на круги своя...

Обходным путем по Сурожскому морю¹, Дону, Северскому Донцу и Сейму возвратился князь Игорь. Невеселым было это возвращение. Немногие дружинники и вой уцелели, и великий плач стоял тогда в Киеве и в иных градах русских.

Почестный пир возвратившегося князя походил больше на тризну. Игорь сидел тихий, печальный, весь какой-то поникший, постаревший до неузнаваемости. Густо себребилась в бороде новая седина, а на голове волосы стали совсем белыми. Старик стариком, даже багряный княжеский плащ его не красил. Наверно, с того дня киевляне и стали называть своего князя Игорем Старым...

После пира князь с немногими, самыми близкими, боярами уехал в Вышгород, к жене Ольге. Надломленный поражением, Игорь искал женской ласки и сочувствия. Искал и нашел так необходимое ему человеческое тепло. Ольга приняла его в свое растопленное жалостью, еще не издававшее подлинной любви сердце.

Неистребимо вечное женское начало даже в повелительнице, поднимается оно над прошлыми обидами и даже над рассудком, преображая все вокруг. Первой весной стала для Ольги та хмурая вышгородская осень...

И, как плод запоздалой супружеской любви, на макушке следующего, 942 года, посередине щедрого на солнце и грозы июля, месяца-сенозорника, месяца-страдника, родился княжич Святослав. С него начал отсчитывать дни своей непродолжительной, но яркой жизни великий воитель земли Русской, князь-витязь Святослав!

8

Годы младенчества Святослава проходили для князя Игоря и княгини Ольги в неустанных трудах и заботах. После неудачного царьградского похода поломались при-

¹ Азовское море.

вычные отношения с Византией. Русские кущи, приплывшие следующим летом в Царьград на ладьях-однодеревках, терпели всяческие притеснения и обиды, горько жаловались на греков, и мало находилось потом желающих совершать это нелегкое путешествие. На княжеском дворе и в селах копились нераспроданные запасы меда, воска, мехов и других товаров, которые раньше без промедления поглощал ненасытный царьградский рынок. Херсонский стратиг подзуживал против Киева печенежских князей, и их хищные орды все чаще стали появляться в пограничных землях. Конные дружины отгоняли печенегов прочь, но они нападали в другом месте, и набегам не было конца. Каждому было ясно, что корень в злоумышленных греков, что печенежские сабли куплены на византийское золото. Выход был единственный: еще раз пробовать воевать Царьград...

Перед зимним полюдем князь Игорь сказал:

— Буду собирать меньше дани, чем в прошлые годы, но накажу старейшинам готовить воев к войне. Нового царьградского похода не миновать!

И Ольга на этот раз согласилась с мужем.

Время подтвердило справедливость решенного. Новый царьградский поход действительно был необходимостью. Не о честолюбии и не о мести за поражение шла речь, но о благоденствии Руси. Воедино сошлись мысли Игоря и Ольги, и потянулись месяцы и годы совместных трудов. Светлое время, которое Ольга вспоминала потом с сожалением и грустью...

Воевода Свенельд по воле князя отправился к варяжским ярлам — нанимать дружину. На ладьи погрузили меха, драгоценности, дорогое оружие, цветастые заморские ткани — Ольга не жалела добра. С варягами следовало быть щедрыми. Только щедрость могла обеспечить верность этих жадных искателей чужих богатств.

Свенельд возвратился с клятвенными заверениями варяжских ярлов и конунга Хельгу явиться с войском по первому зову князя Игоря.

О готовности прислать воев — всех, кого удастся собрать, — сообщали старейшины полян, словен, кривичей, тиверцев. Другие племена тоже выделяли отряды воинов. Много больше, чем в прошлые годы, было построено ладей-однодеревок.

Послы князя Игоря отправились к печенегам, чтобы подарками и посулами склонить вождей на совместный поход против Византийской империи.

Сорок кочевых племен печенегов делились на восемь колен, во главе которых стояли князья, именуемые также ханами. Четыре колена печенегов — Кварципур, Сирукалпей, Вороталмат и Вулацоспон — кочевали в степях по левую руку от Днепра, а другие четыре колена — Гиазисопон, Гилы, Харовой и Явдиертим — по правую руку. Великие князья первых четырех колен печенегов, связанные с Херсоном ежегодной взаимовыгодной торговлей и убогатворенные богатыми дарами, уклонились от похода, зато остальные вожди приняли послов князя Игоря, взяли предложенное серебро и меха и сами отослали в Киев знатных заложников в обеспечение верности князю руссов. Кочевья в степях между Днепром и Дунаем начали готовиться к большой войне. Гонцы князя Игоря могли теперь безбоязненно проезжать через Дикое Поле: их встречали как друзей и союзников.

Трудно было переоценить важность временного союза с печенегами: наемная конница восполняла недостаток в конных дружинниках, так заботивший князя Игоря. В дальнем походе конница незаменима...

Весной 943 года огромное войско выступило в поход. Дружина князя Игоря и часть воев спустились в ладьях по Днепру, а остальные пошли к Дунаю через степи; по пути к ним присоединялись орды печенегов, и странно было видеть в одном ратном строю извечных врагов — смерда-пахаря, сменившего плуг и подсеčný топор на копьё, и кочевника-печенега.

Простое перечисление народов и племен, принявших участие в этом походе, было способно утратить любого: поляне, словены, кривичи, тиверцы, варяги, печенеги...

Снова херсонский стратиг погнался в Константинополь быстроходною тахидрому с тревожной вестью: «Вот идут руссы, без числа кораблей их, покрыли море кораблями!» Гонцы болгарских бояр дополняли: «И сушией идут руссы, наняли с собой печенегов, нет им числа!»

Но рати князя Игоря дошли на этот раз только до Дуная. Император Роман дрогнул перед неисчислимым множеством варваров, прислал к князю Игорю вельмож с предложением мира: «Не ходи, но возьми дань, которую брал князь Олег, и прибавлю я еще к той дани!»

Одновременно другие послы императора поехали к печенежским вождям, повезли ткани-паволоки, золото и арабских скакунов, дорогое оружие, и тоже предложили мир.

В большом шатре, поставленном на одном из островов

дунайской дельты, собралась на совет старшая дружина князя Игоря: бояре, воеводы, княжьи мужи. Предстояло обсудить великое решение — продолжать поход или возвращаться, удовлетворившись прежней данью и заверениями императора Романа в будущей дружбе?..

Бояре и воеводы были на этот раз единодушны: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно — не бившись, взять золото и серебро и паволоки? Разве знает кто, кому одолеть: нам ли, грекам ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской — всем общая смерть!»

Видно, живы еще были у бояр страшные воспоминания об огненном бое, о тяжелых жертвах прошлого похода, и не захотели они испытывать судьбу и воинское счастье. Да и сам Игорь не забыл босфорского поражения. Согласился с дружиной:

— Быть по-вашему! Если греки дадут золото и ткани на всех винов, какие есть в ладьях и в пешей рати, объявим мир!

Сотник Свень сбежал на берег, к греческим послам, терпеливо ожидавшим решения совета у своей разукрашенной триеры, и скоро вернулся с ответом: «Согласны!»

Бояре и княжьи мужи шумно вывалились из шатра: оживленные, довольные завершением делом. Опасный поход оборачивался приятным путешествием по спокойному теплому морю. Как тут было не радоваться?

Только Свенельд с сомнением покачивал головой:

— Выйти в поход трудно, но и из похода выйти тоже нелегко...

Князь Игорь оценил мудрость этих слов, когда вечером в его шатер неожиданно пришли конунг Хельгу и ярлы — предводители варяжских дружин.

Конунг Хельгу, высокий, багроволицый, в боевом панцире из толстой кожи, обшитом позолоченными бляхами, начал недовольно:

— Ты, княже, позвал нас на войну, а сам заключил мир. Серебро и меха, которые привезли твои послы, лишь залог, но не добыча. Наши люди не могут возвратиться в свои фьорды с пустыми руками!

Ярлы поддержали своего вождя:

— Стыдно викингам возвращаться без добычи... Даже дети будут смеяться над викингам... Обратного пути у нас нет...

А конунг продолжал:

— Если, княже, сам не хочешь идти дальше, отпусти нас одних. Мы сами возьмем достойную добычу!

И яры снова поддержали его:

— Возьмем... Не впервой викингам на немногих кораблях брать мечом обширные страны и богатые города...

Князь Игорь задумался. Ссориться с варягами опасно, их немало в войске, да и молва о том, что он, киевский князь, нарушает свое обещание вознаградить воинов греческой добычей, может сильно повредить в будущем. Кто ему поверит, если снова придется нанимать войско? Но и отпустить Хельгу с его волками-ярами в греческую землю нельзя. Император обвинит Русь в вероломстве и откажется от мира. Но как уговорить варягов? Им-то ведь все равно, в мире или в войне останется Русь!..

Игорь вопросительно посмотрел на Свенельда, от которого привык выслушивать разумные советы. А Свенельд будто только ждал этого, приблизился к князю, горячо зашептал в ухо:

— Добычу можно искать не только в Царьграде. На Хвалынском море¹ тоже есть богатые города. Отошли туда варягов. Если надобно, я сам с ними пойду. Тогда Хельгу поверит в наше чистосердечие...

Князь Игорь сразу оценил мудрость воеводы. Варяжские наемные дружины нельзя держать в бездействии, иначе они, как саранча, пожрут нивы своего нанимателя. А до Хвалынского моря далеко, путь туда опасен из-за хазар и других воинственных народов. Долгим будет поход конунга Хельгу. А может, и безвозвратным...

Благодарно кивнув Свенельду, князь Игорь обратился к варяжскому конунгу — сердито, будто бы даже с обидой на его горячность и несправедливые упреки:

— Напрасно ты подумал, конунг, что ваши мечи будут ржаветь в ножнах. Пойдешь с судовой ратью на Хвалынское море. Дам тебе ладьи, и припасы, и оружие и воев отпущу, кто пожелает идти с тобой. С греческим же царем у меня мир нерушим!

Конунг Хельгу пощептался со своими ярами и согласился. Но поставил два условия. Пусть-де Игорь договорится с греками, чтобы те беспрепятственно пропустили его войско через Босфор Киммерийский. И еще пусть с ним вместе будет в походе кто-нибудь из знатных кня-

жеских мужей, чтобы все видели: не от себя воюет конунг, но от князя Игоря.

Игорь указал рукой на Свенельда:

— Он пойдет. Отрываю от сердца своего.

Хельгу поклонился, удовлетворенный...

Через несколько дней ладьи Хельгу и Свенельда покинули дунайское устье. К варягам присоединилось немало дружинников и воев, решивших искать счастья и добычи в дальних краях. Греческие послы не только пообещали пропустить ладьи через море, но и разрешили заходить по пути в порты Таврики¹ за водой и съестными припасами.

Когда ладьи скрылись за горизонтом, Игорь вздохнул с облегчением. Разве мог тогда князь знать, что в хвалынском походе завяжется первый узелок древлянской трагедии, погубившей его?

9

А пока на смену военным заботам пришли заботы мирные, посольские, требовавшие не стремительности и безрассудной храбрости, но мудрого терпения и предусмотрительности. Война венчается добрым миром, а недобрый мир порождает новую войну. Но новой войны не хотели ни русские, ни греки и потому единодушно приступили к строению мира.

В Киев без обычной пышности приехало немногочисленное греческое посольство — обговорить предварительные условия мира. Посольство возглавлял патриций Феофан, три года назад погубивший своими огненными триерами русский флот у Босфора. Феофан был живым напоминанием об опасностях, которые подстерегают руссов в случае нового похода. Намек императора Романа был понятен: Византия не боится войны, хоть и стремится к миру. Но и Русь тоже не хотела воевать. С кем было воевать, если лучшая часть войска уплыла на Хвалынское море, а вои разошлись по своим землям?

К тому же греческие послы не требовали ничего обидного и невозможного. Патриций Феофан был согласен подтвердить прежний, еще со времени Олега Вещего, торговый договор, только просил, чтобы руссы не воевали херсонскую сторону и ее города, не мешали херсонцам ловить рыбу в устье Днепра, но сами бы защищали их

¹ Каспийское море.

¹ Крымский полуостров.

от возможных набегов печенегов, черных болгар и хазар. Доверенные мужи князя Игоря тоже не упорствовали. Переговоры шли успешно.

Перед отъездом греческие послы изъявили желание, чтобы князь Игорь самолично подтвердил хартию о мире. В посольской горнице киевского дворца по этому случаю собрались немногие избранные люди: сам Игорь, княгиня Ольга, бояре, которые должны поехать вместе с послами в Царьград. От князя Игоря был назначен послом боярин Ивор, от княгини Ольги — Искусеви, от княжича Святослава — Вуефаст. И от других князей и княгинь русских тоже были послы: Слуда, Улеб, Каншар.

Имена эти навечно сохранила русская летопись...

Кормилец¹ Асмуд вынес на руках княжича Святослава.

Малолетний княжич был в полном княжеском одеянии: в багряном плаще-корзно, в круглой шапке с опушкой из горностая, в красных сафьяновых сапожках; на шее мальчика тускло поблескивала золотая цепь — знак высшего достоинства, к наборному серебряному поясу подвешен прямой меч. Все было точно таким же, как у самого князя Игоря, но крошечным, будто игрушечным, — княжичу Святославу пошел лишь третий год...

Греческие послы многозначительно переглянулись. Им ли, познавшим кровавые интриги императорского двора, было не знать, что законный и притом единственный наследник означает устойчивость государственного порядка? Принимая послов вместе с сыном и намеренно обрядив мальчика в полное княжеское одеяние, Игорь явно подчеркивал, что ему есть кому передать власть, что на Руси не предвидится губительной внутренней смуты...

Еще раз переглянулись греческие послы, когда князь Игорь объявил имена своих послов к императору. От малолетнего княжича был назначен отдельный посол, и назван был сразу за послом самого князя. Князь Игорь как бы указывал место княжича: рядом с собой.

Обратили внимание греческие послы и на княгиню Ольгу.

Жены и любовницы императоров неоднократно царствовали в Византии и над своими мужьями, и над всей империей, проливая крови больше, чем самые свирепые полководцы. По всему было видно, что киевская княгиня относилась к таким властным женам, и, наверное, не слу-

чайно князь Игорь то и дело оглядывался на нее, будто ища одобрения своим словам. К тому же киевский князь уже стар, а княгиня в самом расцвете женской силы...

Патриций Феофан слушал князя невнимательно. Каждое слово хартии было ему знакомо по прежнему сидению с русскими посольскими вельможами. Теперь патриций внимательно присматривался к княжеской семье, пытаясь разгадать, почему хмурится старый князь; какие мысли скрываются за чистым, без морщин, белым лбом русской княгини; чего можно ждать в будущем от наследника киевского престола — вот от этого мальчика, смиренно сидевшего на руках у бородатого воина, судя по обличью — варяга...

На вид княжич был здоров, крепок, несуетлив, глаза спокойные, и в них уже читалась гордая уверенность, свойственная прирожденным властелинам.

Да, много любопытного и многозначительного подметил патриций Феофан. Будет о чем рассказывать по возвращении императору Роману...

С того времени рядом с именем князя Игоря будут произноситься на императорском совете в Константинополе новые имена — княгини Ольги и княжича Святослава. Неведомо для себя самого, мальчик Святослав уже вышел на открытую сцену мировой истории, сам факт его существования уже будет учитываться соседями Руси в сложной политической игре. Наследник киевского престола!..

Но вот прочитаны и одобрены все статьи хартии. Князь Игорь заканчивал прием послов торжественными словами:

— ...посылаю мужей своих к Роману, Константину и Стефану, великим царям греческим¹, чтобы возобновить старый мир и заключить союз с царями и со всеми людьми греческими на все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. А кто из русской стороны замыслит нарушить мир, то пусть не имеют помощи от бога Перуна, да не защитятся они собственными щитами, да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, да будут потом рабами во всю свою загробную жизнь!

Напутствуемые этой клятвой, греческие и русские послы вместе покинули горницу. «Какие страшные кары обрушит на греков за вероломство киевский князь, если на

¹ Сыновья императора Романа — Константин и Стефан — были объявлены соправителями при жизни отца.

¹ Кормилец — дядька, воспитатель малолетнего князя.

своих людей он готов возложить земное и небесное проклятие?! — думал патриций Феофан. — Нужно посоветовать императору осторожность, хотя бы на первое время, пока руссы будут особенно бдительно следить за соблюдением договора...»

У порога Феофан обернулся и еще раз окинул взглядом княжеское семейство. И снова его удивили холодные, не по-детски серьезные глаза Святослава. Почудилось что-то знакомое, уже увиденное...

Медленно спускаясь по ступеням парадного крыльца, Феофан наконец догадался: точно такие же холодные синие глаза были у княгини Ольги...

Посольства возвратились в Киев в середине зимы. Император Роман одобрил все статьи договора и велел написать их на двух хартиях, одна из которых была скреплена крестом и его царским именем, а другая — именами русских послов, и поклялся истинно соблюдать то, что в хартиях написано.

Снова патриций Феофан стоял в посольской горнице перед князем Игорем, выслушивал вопросы и давал на них ответы от имени императора Романа.

— Скажи, что приказал передать царь?

— Император Роман, обрадованный миром, хочет иметь дружбу и любовь с князем руссов. Твои послы приводили к присяге императора, а нас прислали привести к присяге Русь.

И сказал на это князь Игорь:

— Да будет так...

На следующее утро князь Игорь и княжич Святослав, бояре и мужи старейшей дружины, старцы градские и прочие лучшие люди пришли вместе с греческими послами на капище, к идолу Перуна.

На святилище горел ровным, почти бездымным пламенем жертвенный костер. Князь Игорь положил на землю обнаженный меч и щит. Следом за ними сложили на землю оружие все мужи. И княжич Святослав опустил свой маленький меч рядом с длинным отцовским мечом, повторил вместе со всеми священные слова клятвы.

Волхвы окропили оружие кровью жертвенных животных. Алыми бусинками рассыпались по светлому железу кровавые брызги.

Это была первая кровь на мече княжича Святослава...

Как будто благословляя священную клятву, сквозь свинцово-низкие облака проглянуло солнце, раздвинуло до бесконечности снежную равнину за Днепром, выцветило

в яркие краски зубчатую стену Великого бора. Ослепительно вспыхнула позолота на лике Перуна.

Волхвы восславили богов, подаривших людям благоприятный знак.

Потом князь и Святослав посетили церковь святого Ильи, что стояла над ручьем в конце Пасынчей беседы, чтобы своим присутствием скрепить клятву христиан — варягов, хазар и иных пришлых воинов, которых было немало в дружине. Среди своих дружинников тоже оказались христиане, до времени таившиеся.

Темные лики греческих богов сурово глядели на притихшего Святослава. Униженно склоняя простоволосые головы, христиане-дружинники целовали большой серебряный крест, который им протягивал тучный муж в черном одеянии — христианский волхв Григорий.

В храме было сумрачно, тесно, смрадно от горящих свечей и ладана. После озаренного солнцем капища христианский храм показался Святославу черной мрачной пещерой.

Это детское впечатление — разительный контраст между просторным небом над идолом сереброликого Перуна и могильной теснотой дома христианского бога — преследовало Святослава долгие годы, превращаясь в стойкое неприятие греческой веры, которая, как ему казалось, была такой же стесняющей чувства человека, как киевский храм святого Ильи...

Отбыли из Киева греческие послы, задаренные сверх всякой меры медами, воском, мехами, рабами. «Строение мира» было завершено.

А вскоре и сам Игорь отъехал из Киева на полюдь, запоздав из-за переговоров с греками против обычного срока на три месяца. Уезжая, строго наказал прислать гонца, если будут какие-нибудь вести с Хвалынского моря, от Хельгу и Свенельда.

Свенельд возвратился спустя много месяцев, неслыханно обогащенный хвалынской добычей. Но обретенное в походе богатство не принесло счастья Киеву...

Возвращение в Киев дружины Свенельда осталось в детской памяти Святослава чем-то праздничным, многокрасочным, шумным. Пение больших медных труб... Приветственные крики горожан... Шествия нарядных всадников по улицам... Заздравные чаши на почестных пирах...

Поединки богатырей перед красным крыльцом княжеского дворца... Славословия гуслиров подвигам воинов Свенельда...

И подарки Свенельда. Много подарков! Отдельно — князю Игорю, отдельно — княгине Ольге, отдельно — княжичу Святославу. И каждый подарок — драгоценная редкость.

Княжичу Святославу Свенельд преподнес искусно вырезанные из кости фигурки воинов, зубчатых башен, лошадей, диковинных зверей с хвостом вместо носа — заморскую игру. Когда фигурки передвигали по доске, расчерченной белыми и черными квадратами, под доской начинали звенеть маленькие серебряные колокольчики. А еще Свенельд привез дружинные доспехи, будто нарочно изготовленные для мальчика. Святославу они пришлись впору, и он гордо расхаживал в позолоченной кольчуге и крутом шлеме с перьями. А еще Свенельд подарил княжичу маленькую лошадку с длинными, торчащими вверх ушами. Лошадка понравилась Святославу больше всего. Кормилец Асмуд подсаживал мальчика в седло, тоже маленькое, как раз для Святослава, и осторожно возил по двору...

После таких радостей казалась непонятной хмурая озбоченность отца, его длинные ночные разговоры с матерью в типине ложницы. Сквозь сон Святослав слышал тревожившие его слова: «Не к добру... Недовольны в дружине... Вознесся без меры Свенельд...»

Святослав недоумевал. Как можно говорить плохое о таком щедром, таком веселом, таком нарядном человеке, как Свенельд?!

Откуда было знать мальчику, что Свенельд привез в Киев не только дорогие подарки, но и опасные заботы?

Дружинники князя Игоря и княгини Ольги с завистью смотрели на внезапно обогатившихся воинов Свенельда. Чужое, криливо выставленное напоказ, казавшееся несметным богатство возбуждало недобрые чувства. Бояре и мужи старшей дружины роптали открыто, упрекали князя: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги!» Настойчиво советовали: «Пойдем, княже, с нами за данью, да и ты добудешь и мы!»

Князь Игорь отставил Свенельда от древлянской дани и осенью сам пошел с дружиной в Древлянскую землю. Он собирал прежнюю условленную дань, да еще прибавил новую, много больше прежней. Древляне, уstraпненные

копьями многочисленной княжеской дружины, без спора отдали обе дани...

На исходе зимы 945 года из Древлянской земли потянулись к Киеву обозы с медом, воском, мехами, зерном. Большие были обозы. Если вытянуть их по одной дороге, то они, пожалуй, покрыли бы все расстояние от Киева до Искоростеня, стольного города древлянского князя Мала.

Но Игорю и этой тяжелой дани показалось недостаточно. Великолепие Свенельдовой добычи неотступно стояло перед глазами. «Если хитрые древляне нашли меха, мед и прочее добро для второй дани, — прикидывал князь Игорь, — то почему бы не собрать с них третью дань? Древляне обросли густой шерстью, яко овцы, пока Свенельд обретался за морями. Самое время состричь!»

Игорь собрал своих мужей и объявил властно, как о давно решенном:

— Идите с данью домой, а я вернусь к древлянам и возьму еще.

Недоуменно и встревоженно переглянулись мужи. Князь явно нарушал древние обычаи. Но перечить не осмелились. Только любимец князя боярин Ивор попытался было предостеречь от неразумного шага, но Игорь гневно оборвал его:

— Прочь с глаз моих! Трусливых да опасливых не держу возле себя! Пусть все про то знают!

И пошел Ивор, опустив голову, к своему коню, а вслед ему не то сочувственно, не то насмешливо смотрели мужи, бывшие побратимы и товарищи по дружине...

...Какими причудливыми и обманчивыми оказываются порой изгибы жизни!

Униженный и раздавленный оскорбительными словами князя, боярин Ивор думал, что он уходит жалким изгнанником, расставаясь с властью, с богатством, с почетом княжеского мужа. А на самом деле он уходил от собственной смерти...

Не успел князь Игорь с небольшой дружиной отделиться от остального войска и снова выехать на древлянскую дорогу, как древлянские охотники, провожавшие обозы с данью до рубежей своей земли, побежали через леса, по известным лишь местным жителям звериным тропам к князю Малу.

Коротким и единодушным было решение древлянских старейшин: «Если повадится волк к овцам, то выносит все

стадо, пока не убьют его. Так и князь Игорь: если не убьем его, то всех нас погубит!»

Со всех сторон стекались к Искоростеню охотники и звероловы, вооруженные, как для охоты на медведей, рогатинами с тяжелыми железными наконечниками и топорами. В колчанах угрожающе поскрипывали длинные боевые стрелы...

Крупными хлопьями падал снег, белым саваном ложился на конские крупы, на теплые суконные попоны, на воротники овчинных полушубков и меховые шапки дружинников; холодящие железные доспехи по зимнему времени везли в переметных сумках. Все вокруг стало белым-белым: и земля и небо. В молочной снежной белизне белые всадники скользили, как призрачные тени.

Вечером дружина князя Игоря выехала из леса к реке Уж.

Копыта коней, легко пробивая мягкий снежный покров, весело застучали по речному льду.

Берега медленно поднимались, сдвигались все ближе и ближе, а впереди, там, где река пробила узкий проход сквозь скальную гряду, замаячили черные стены и башни Искоростеня.

Князь Игорь невольно прищпорил коня. Быстрей! Быстрей! Туда, где иззябших и усталых всадников ожидало благотворное тепло человеческого жилья, треск березовых поленьев под медными котлами с кипящим варевом, покорное гостеприимство древлянского князя Мала...

А береговые обрывы по сторонам поднимались все выше и выше, и полоска мутного неба между ними казалась не шире киевской улицы...

Неожиданными и до нелепости неуместными показались Игорю тревожные выкрики передовых дружинников. Он приподнялся на стремянах, глянул из-под ладони. Перегораживая реку от берега до берега, чернел впереди завал из могучих сосновых стволов; ветви перепутались, образовав непреодолимую стену. Дружинники сгрудились возле завала, проклиная лукавство древлян. Грядли молодшей дружины спешивались, рубили топорами пружинившие колючие ветки.

Князь Игорь устало откинулся в седле, прикрыл глаза. На многие часы было здесь работы. Мужья-дружинники к мечу привычны, а не к топору. А рабы и смерды, сопровождавшие обоз, непредусмотрительно отпущены в Киев. Но кто мог знать, что князь Мал осмелится загоразживать завалами?!

Раздался леденящий душу свист.

Над обрывами поднялись цепи лучников в волчьих шапках.

Взвизгнули стрелы, косым ливнем хлынули вниз — туда, где в снежной круговерти суетились у завала дружинники князя Игоря.

Падали на речной лед кони и люди.

Дружинники отчаянно рвали щиты, привязанные к седлам, но сыромятные ремни не поддавались, затягивались в неразвязные узлы, и длинные древлянские стрелы вонзались в не защищенные доспехами груди, бока, спины, бедра. Многие пали, так и не успев обнажить мечи, не сумев понять, откуда поразила их смертоносная стрела. Казалось, само небо разверзлось над головой и пролилось ливнем стрел...

А с обрывов с ревом, свистом, визгом, устрашающими воплями уже катились вместе с лавинами снега древлянские войны.

А крупный снег все падал и падал на лед реки Уж, словно торопился схоронить от людских глаз следы неравной схватки...

Не скоро узнали в Киеве о гибели князя Игоря — вся его дружина полегла, и некому было доставить весть.

Впоследствии князю Святославу не единожды пришлось слушать сказания о трагедии в древлянских лесах, о не женском мужестве и хитрости Ольги, о ее мести князю Малу и всем древлянам. Эти сказания год от года обрастали новыми красочными подробностями, и уже нельзя было понять, где правда, а где — красивый вымысел.

Сравнивая потом сказания с теми темными явными былями, которые врезались в его детскую память, князь Святослав с сомнением покачивал головой. Горестный плач по убитому князю Игорю он запомнил. И древлянских послов тоже запомнил, потому что необычными показались мальчику люди в лохматых шапках, с большими желтыми бляхами на длиннополых кожаных кафтанах, громкоголосые и неуклюжие. Запомнились презрительные, недоброежелательные взгляды, которые они кидали на него, княжича, обычно окруженного лаской и подчеркнутой почтительностью людей. Святославу было одновременно и страшно и обидно, и он сжимал дрожащими пальцами рукоятку своего маленького меча. Кто-то из послов отчетливо прознес: «Волчонок!» Недовольно загудели киевские бояре и мужи, но Ольга смирила их строгим взглядом и

продолжала говорить с послами князя Мала доброжелательно, как будто не слышала обидного слова...

А вот как древлянских послов закапывали живыми в землю и жгли в огне, Святослав не мог припомнить, как ни старался. Отроки пробегали по гриднице с обнаженными мечами — это было. И шум был железнозвонкий на дворе, будто бились две рати. Но когда княжич Святослав подбежал к оконцу, только какие-то пыльные, неузнаваемые тела лежали посередине двора в кольце дружинников. Может, это и были древлянские послы? И на тризне по отцу не был Святослав. Кормилец Асмуд после рассказывал, что княгиня Ольга ходила с отроками в Древлянскую землю и многих древлян побила, мстя за мужа своего. Но все это миновало княжича Святослава. Видно, щадил его мать, не пожелала приобщать к кровавой мести.

И еще запомнилось княжичу Святославу, как гордо и уверенно в те дни расхаживал по дворцу воевода Свенельд, властно хлопал дверями, покрикивал на самых уважаемых мужей, и те повиновались ему, будто князю. На совете Свенельд сидел не рядом с остальными мужами, не на боковой скамье, а в кресле — таком же, как у княгини Ольги или у самого Святослава. Княгиня Ольга слушала длинные речи Свенельда со вниманием, ни в чем не перечая варягу...

— Силу набрал Свенельд-то, большую силу! — объяснял мальчику кормилец Асмуд. — Нет ныне в Киеве человека, равного ему!

Святослав присматривался к Свенельду, пытаясь отыскать эту самую силу, и недоумевал. Раньше Свенельд выделялся из всех своими сверкающими доспехами, высоким шлемом с перьями, драгоценными перстнями и золотой цепью на шее, а ныне был одет просто, неприметно, в суконный кафтан и боярскую шапку, будто не варяг даже, а русский муж. Почему же так слушают его и мать и другие люди?

Немало лет пройдет, прежде чем Святослав уразумеет скрытый смысл происходившего. За Свенельдом было войско, возвратившееся с Хвалынского моря и уверовавшее в своего удачливого предводителя. За Свенельдом была огромная добыча, которая еще не до конца была растрачена на пиры и подарки и на которую можно было нанять воинов. А главное, Свенельд не имел корней в русской земле, его благополучие покоилось на близости к сильному киевскому князю. Победа древлянского вождя Мала означала

для Свенельда утрату всех богатств и даже самой жизни. Поэтому княгиня Ольга могла рассчитывать на верность и усердие варяжского полководца.

В звезду Свенельда поверили бывшие Игоревы бояре и княжьи мужи, не желавшие уступить свое место у княжеского стола древлянским старейшинам. Устремления варяга Свенельда и киевской старшей дружины слились воедино, и этот союз раздавил князя Мала.

Спешно снаряжалось войско, и в нем не было пеших — у всех воинов были кони. И оружие было хорошим и единообразным: длинные боевые копья, прямые мечи, дальнобойные луки из турьих рогов, булавы, секиры. Предводители конных дружин поклялись сложить головы за князя Святослава и княгиню Ольгу.

На макушке лета, когда просохли дороги в древлянских лесах, дружины выступили в поход. Тогда-то и пришел черед Святослава идти на настоящую войну. В глазах людей он уже был князем, наследником Игоря Старого, справедливым мстителем за смерть отца. Кому, как не ему, надлежало возглавить войско?

Слава Святославу, князю киевскому!..

Широкая поляна в оковом еловом лесу. На невысоком кургане стоит смиренный белый конь Святослава. Рядом Свенельд, кормилец Асмуд, Ивор, Слуда и другие бояре-воеводы. А вправо и влево от кургана, перегораживая поляну строгой железной линией, застыли окольчуженные всадники. Колыхались и шуршали золотым шитьем тяжелые полотнища военных стягов. Нетерпеливо переступали и звенели наборной сбруей застоявшиеся кони под рядными попонами. Покачивались над остроконечными шлемами предостерегающие жала копий. Багровыми солнцами горели на овальных щитах начищенные медные бляхи.

А впереди, за празднично-зеленой полосой непрямой травы, огромной колыхающейся толпой стояли древляне. Их было так много, что казалось — киевские дружины утонут в людской толще, как топор в темной воде омута.

Древляне разногололо кричали, угрожающе взмахивали топорами и рогатинами, медленно надвигаясь на дружинный строй.

Святослав робко оглянулся на своего кормильца Асмуда.

Асмуд был непривычно строгим и торжественным. Шлем из светлого железа низко надвинут на брови, на червленом щите — оскаленная львиная морда. Этот щит,

трофей давнего успешного похода к туманным берегам земли саксов, кормилец берег пуще глаза, запирал на ви- сячий замок в сундуке. Любопытному княжичу Асмуд объяснял: «Придет час, за сим щитом поведу тебя в пер- вую битву!»

Ныне этот час пришел...

— Начинай, княже! — торжественно возгласил Ас- муд. — Делай как учил тебя!

Святослав с усилием поднял тяжелое боевое копьё и кинул в сторону древлян. Копьё скользнуло между ушей коня и упало на землю совсем близко, ударившись древ- ком о копыта.

— Князь уже начал! — закричал воевода Свенельд.

— Князь начал! — хором подхватили другие воево- ды. — Последуем, дружина, за князем!

Кони дружинников неслись по мягкой земле беззвуч- но, только доспехи звенели да трубы ревели победную песню битвы. Суматошно засуетились древляне, пытаясь уклониться от разящих копий. Горестный тысячеголосый стон пронесся над поляной: дружины врезались в толпу древлян и, разрывая ее на части своими железными клиньями, погнались прочь.

Древляне откатывались, как обессилевшая волна от скалистого берега, оставляя в траве черные бугорки не- подвижных тел. Дружинники преследовали их, мерно поднимая и опуская потускневшие от крови мечи.

Немногие уцелевшие древляне скрылись за стена- ми Искоростеня, надеясь не на свою силу, но лишь на крепость деревянных стен...

Осада Искоростеня затянулась. Из Киева приехала обеспокоенная Ольга, привела с собой пешую рать и обо- зы с припасами, потому что голодно стало войску в разо- ренной древлянской земле.

Потянулись скучные недели осадного сидения.

В окрестностях Искоростеня горели леса. Раскаленное небо дышало дымом пожаров. Прозрачные струи реки Уж, журчавшие между каменными глыбами, не осве- жали тело — они сами были теплыми, как парное моло- ко. Тощали кони, уставшие выискивать островки сухой колкой травы среди кострищ...

В самую сушь, когда дерево стало подобно труту, к городским стенам подошли лучники Свенельда, запалили пучки просмоленной пакли, привязанной к дальнбой- ным стрелам, и пустили горячие стрелы на город.

Море багрового огня поднялось над Искоростенем, и

не было двора, где бы не горело, и нельзя уже было ту- шить пожары — пылало везде. Горожане выбегали из ворот в дымящихся одеждах, падали, обессилевшие, к ногам киевских дружинников.

Многие древляне расстались тогда с жизнью, а участь уцелевших была горькой. Молодых воинов и красивых девушек княгиня Ольга отдала в рабство своим мужам, а на остальных возложила тяжкую дань. Две части древ- лянской дани шли в Киев, а третья в Вышгород, самой Ольге...

...Пройдет время, и сожжение Искоростеня обернется еще одной красивой легендой о хитрости княгини Ольги, будто бы попросившей у князя Мала вместо дани по три голубя и по три воробья от каждого двора, о том, как птицы с привязанными к лапкам кусочками горящего трута прилетели обратно в город и подожгли дома, кле- ти, сараи и сеновалы своих хозяев. И Святослав, сам ви- девший огромное зарево над Искоростенем, поверит в эту легенду...

А княгиня Ольга с сыном и дружиной пошла дальше по Древлянской земле, принимая покорность старейшин, устанавливая дани и уроки, назначая погосты, куда древ- ляне должны приносить меха, мед, воск, зерно, мороже- ное мясо и дичину перед зимним полюдьем.

Путешествие с матерью по Древлянской земле запо- нимось Святославу изнурительными и однообразными пе- реходами по лесным дорогам и болотным гатям, комари- ным тонким звоном под походными шатрами, скучными переговорами матери с какими-то убогими, униженно склоненными людьми, надсадным скрипом обозных те- лег, тоскливыми песнями смердов. После яркого празд- ника битвы все это показалось Святославу буднично-се- рым, недостойным внимания князя-воина.

И это детское впечатление, переросшее в упрямое не- принятие повседневных княжеских забот, оказалось та- ким же прочным и незабываемым, как разочарование в хмуром полумраке христианского храма...

Все это случилось в 946 году, повествование о кото- ром летописец предварил словами, написанными с крас- ной строки: «Начало княженья Святослава, сына Игоря- ва...», а закончил буднично-просто, лишь мимоходом упо- мянув имя малолетнего князя: «...и пришла Ольга в го-

род свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год...»

Потом Святослав исчезает из летописей почти на десять лет. Солнце княгини Ольги безраздельно сияло над Русью и, как молодой месяц в полуденном небе, оставался невидимым для людей подрастающий князь. Как будто вовсе не было его, всюду только Ольга, Ольга, Ольга...

Со своими близкими боярами, княжими мужами и дружинниками Ольга объезжала необъятную землю, устанавливала смердам уроки и оброки, определяла погосты.

На первый взгляд Ольга заботилась лишь о дани, как прежние князья, но ее походы не были похожи на обычные полюдья. Ольга брала на себя приглянувшиеся села и деревни, оставляла на погостах верных мужей-дружинников, опутывая Русь сетью княжеских владений и доверенных людей. По Днепру, Десне, Мсте, Луге и иным рекам протянулись княжеские села, ловища, перевесища, рыбные ловли, бобровые гоны, бортные уголья, и до них не было больше дела родовым старейшинам, но лишь управителям-тиунам самой Ольги. Не старейшины отныне властвовали над землями, но Ольгины мужи.

Княгиня Ольга протягивала цепкие руки верховной власти к окраинам Руси, подбирала под себя земли, чтобы никогда больше не повторилась древлянская трагедия, чтобы племенные вожди были под постоянным присмотром, а смерды отдавали дани без остатка...

Исподволь, изнутри, непонятная для отдельных людей, почти незаметная для целого поколения, шла перестройка Руси племенной в Русь княжескую, родовых порядков в порядки феодальные.

Из своих поездок по Руси княгиня Ольга возвращалась в Киев усталая, озабоченная делами, непонятными и чуждыми сыну, который смотрел на мир глазами своих наставников-воинов и равнодушно внимал рассказам матери о погостах, селах, смердьях пашне, даях и уроках. Ни битв, ни подвигов, ни славной добычи заморских походов — разве это интересно?!

Не встречала Ольга понимания и в старейшей дружине. Бояре и княжие мужи привыкли от похода до похода жить в праздности, проедаая добычу и собранную для них князем дань, видели свое предназначение лишь в войне. Они роптали на прижимистость Ольги, которая не баловала дружину пирами, и назидательно учили князя Святослава: «Не жалея для дружины серебра и злата. С дружиной больше богатства добудешь, а без дружины

потеряешь последнее!» Они предавались приятным воспоминаниям о прежних походах, о щедрости и воинской доблести Олега Вещего и Игоря Старого, которые — не в пример нынешней правительнице! — не давали застояться дружинным коням, а мечам заржаветь в ножах.

Нелегко было княгине Ольге. Больше, чем злобное противление племенных вождей и старейшин, тяготило ее непонимание собственной дружины, молчаливое неодобрение самых близких людей — Свенельда, Асмуда, Добрыни, который стал к тому времени всеми уважаемым огнищанином вышгородского двора. Неудивительно, что и сын Святослав смотрит непокорно, бряцает игрушечным мечом, спрашивает явно с чужого голоса: «Князья всегда на войну ходили, почему я не иду? Я ведь тоже князь, все так называют!»

Однако, если бы мужи только роптали да упрекали, еще полбеды. Самые нетерпеливые из них складывали к ногам княгини свои мечи, виновато кланялись и уходили из дружины. Обычай не препятствовал этому. Служба в дружине — дело добровольное, свободный муж в перерыве между войнами волен сменить князя. Уходили и поодиночке, целыми ратями, благо новому греческому царю Константину Багрянородному без конца требовались воины. Византийская империя поглощала всех способных носить оружие, согласных продать свою кровь за золото и нарядные одежды.

Потом до Киева доходили будоражившие завистливое воображение слухи о подвигах бывших Ольгиных дружинников и приобретенных ими на войне богатствах. Шестьсот двадцать девять русских дружинников на девяти ладьях плавали вместе с греками на зеленый остров Крит... Русские и варяги доблестно сражались у крепости ал-Хадас с быстрыми всадниками сирийского эмира Сайв-ад-дауда... Светловолосые и голубоглазые воины в золоченых панцирях стояли в залах и галереях императорского дворца в Константинополе, и им доверяли больше, чем коренным византийцам...

Казалось, даже боги были против княгини Ольги. Зловещие идолы — громовержца Перуна, неукротимого ветряного Стрибога, пугающего своей непонятностью Симирыгла — угрюмо стояли на опустевшем капище. Если не было войны — не было и жертвенных костров, не лилась на камни горячая кровь сфащенных животных и птиц, не кружились в пляске волхвы, заклинавшие бо-

гов защитить воинов от вражеских копий и стрел. Скучно было богам, скучно было волхвам. Волхвы предупредили, что боги недовольны тишиной...

Ольга не любила киевских богов. Они казались ей мрачными, жестокими, корыстными, отдающими милость свою за кровавые жертвоприношения.

На родине, во Пскове, боги были проще и понятнее. Псковичи поклонялись воде, приписывая ей живительную силу, омывали в речных водах тела свои и складывали у журчащих ключей скромные дары, плоды земли и леса. Поклонялись огню, очищавшему человека от дурных мыслей и прогонявшему злых духов. Почитали землю-кормилицу, первооснову всего живущего, и клялись матерью сырой землей на суде, а согрешив, просили у нее прощенья. Почитали священных животных: коня, медведя, кабана, тура, покровителя урожая — козла. Считали березу чистым и чудодейственным деревом, и девушки-невесты поверяли березе свои нехитрые тайны. Но пуще всего псковичи почитали предков, ставили для домового деда, незримо обитавшего в избе, отдельную чашу, никогда не забывая наполнить ее. Маленьким, вырезанным из березы идолам можно было пожаловаться на неудачу, попросить у них помощи. Можно было отблагодарить идолов, намазав губы маслом или медом, а можно было и наказать за упрямство — высечь прутиком или бросить под лавку в темный угол. Легко было жить с такими богами, не угнетали они человека...

Но детские боги не могли теперь помочь княгине Ольге. Они равно приветливо относились и к боярину и к смерду, и каждый мог надеяться на их милость, определяемую не знатностью и богатством человека, но лишь скромными жертвоприношениями. Те языческие боги не разделяли людей на богатых и бедных, на властелинов и рабов. Они не требовали безоговорочного подчинения младших старшим, не освящали своей божественной волей власть избранных над остальными людьми.

Но уже была в Киеве и другая вера — христианская. Эту веру проповедовал в церкви Ильи грек Григорий, и немало мужей из дружины Ольги внимало его проповедям.

Сама Ольга не ходила в церковь, однако со священником Григорием беседовала охотно и подолгу. Приятным собеседником был грек: ненавязчивым, уважительным, мягким. Разговаривая с Григорием, княгиня Ольга всегда чувствовала свое превосходство, и это превосходство

неизменно подчеркивалось медоречивым греком. «Несть власти, аще не от бога!» — повторял грек, и Ольге казалось, что эта христианская заповедь полезна для государства. Не без колебаний она решила принять новую веру. Пышное посольство отправилось в Константинополь.

«Архонтессу руссов», как называли греки киевскую княгиню, встретили с большим почетом. Сам император Константин Багрянородный неоднократно беседовал с ней, а императрица приглашала в свои личные покои, куда допускались только избранные. Обряд крещения совершил патриарх Феофилакт, напутствовав Ольгу добрыми словами: «Благословят тебя потомки в грядущих поколениях твоих внуков!»

Не был ли преувеличением столь пышный прием? Могла ли княгиня вызвать такой интерес императорского двора? Да, наша древняя история выделила целую плеяду русских княгинь, игравших видную роль в политической жизни.

Дочь киевского князя Ярослава Мудрого Анна была королевой Франции. Княгиня Евпраксия Всеволодовна — императрица Германии. Она выступала на церковных соборах, в Констанце и в Пяченце, где решалась судьба германской короны. Внучка князя Владимира Мономаха была советницей своего мужа, датского принца Кнута Лаварда. Русская княгиня Ефросинья Мстиславна была королевой Венгрии. Русская княгиня Янка-Анна Всеволодовна «правила» посольство в Византию. Вдова великого князя Романа Мстиславовича Анна встречалась с венгерским королем, заключала мирные договоры с литовскими князьями.

Но Ольгу больше интересовало, как отнесется к приятию христианства ее сын Святослав, бояре и старшие дружинники.

Что она, Ольга, привезет из Царьграда? Крест на шее, дареное золотое блюдо да прежнего священника Григория, которого люди в Киеве не больно-то уважают. Не маловато ли?..

Но главное разочарование ожидало Ольгу впереди, когда она встретилась с сыном. Святослав внешне почитательно слушал восхищенные рассказы матери о великолении царьградского двора, о великой чести, возданной русскому посольству, о мудрости и праведной жизни патриарха Феофилакта. Однако в спокойных синих глазах сына Ольге то и дело чудилась усмешка, как будто

все, чем она восхищалась, казалось Святославу мелким, суетным, недостойным внимания воинна.

А он уже был воином, князь Святослав! И дело заключалось не только в том, что пятнадцатилетний юноша выглядел почти взрослым мужем, что кольчуга плотно облегла его выпуклую грудь, а крепкие руки уверенно держали рукоятку тяжелого боевого меча, — князь Святослав уже привык повелевать, и не только своей дружиной сверстников¹, но и знатными мужами, и те признавали его право повелевать, как повелевал когда-то старшей дружиной его отец Игорь Старый.

Ольга почувствовала, что, руководя сыном до его возмужалости и совершеннолетия, еще и сейчас не наступившего, она незаметно для себя обходила главное в его жизни — предназначение воина. Она обошла эту сторону жизни мальчика, и нашлись другие учителя, которые ходили с ним в походы на окраинные племена, сопровождали судовые караваны сквозь печенежские степи, сражались мечами в потешных боях, как со взрослым. И князь Святослав давно привык смотреть на все глазами своих наставников-воинов, и бесконечно далекими кажутся ему заботы Ольги. Святослав поверил, что государство держится лишь княжеским мечом, и никакие доводы уже не могут поколебать этой веры...

Святославу уже нельзя было навязать материнскую волю, как случалось в детстве, потому что он был почти взрослым, потому что он сам почувствовал сладость власти, а главное, потому, что за ним стояла дружина — все эти шумные, бряцающие оружием, жаждущие добычи и безрассудно отважные мужи, которым мирные годы казались потерянным временем, а война — единственно достойным занятием, которые без конца повторяли сказания о подвигах предков и звали молодого князя на этот опасный путь. Ольга чувствовала свое бессилие перед этим мужским братством, которое затягивало даже преданных ей людей: кормильца Асмуда, Искусеви, Добрыню, старых бояр вышгородского двора.

Ольга понимала, что упущенного не воротить, но все же пыталась переубедить князя, произносила с дрожью в голосе, с показным ликованьем:

¹ «Дружина сверстных» (сверстников) набиралась молодым князем из своих ровесников в 12—15 лет, была одета в одинаковое платье, ездил на конях одной масти. Эта дружина служила личной охраной молодого князя и всегда сопровождала его.

— Крестись, сын мой! Я познала бога — и радуюсь! Если и ты познаешь — тоже станешь радоваться!

— Чем плохи наши старые боги? — спокойно возражал Святослав. — Перун дарует нам победы, Даждьбог — солнечное тепло и урожай злаков, скотий бог Волос заботится о дружинных конях, чтобы они не уставали в походах. А единый греческий бог не способен помочь даже своему царю. Не потому ли царь просит у тебя воинов?

Если Ольга продолжала настаивать, Святослав цедил сквозь зубы — неохотно, отстраняюще:

— Как мне одному принять греческую веру? А дружина моя станет насмехаться...

И это было все!

Правда, Святослав открыто не препятствовал тем из мужей, кто собирался креститься, но презрительный и насмешливый взгляд князя, будто нечаянно указанное чашником место на пиру в отдалении от княжеского кресла, странная забывчивость туна, проехавшего со столовыми запасами мимо двора дружинника-христианина и свернувшего во двор дружинника-язычника, предостерегали умеющих видеть. Христиан в Киеве почти не прибавлялось.

Деятельную Ольгу не утешали слова христианского смирения, подсказанные священником Григорием, хотя повторяла они эти слова довольно часто: «Да будет воля божья. Если захочет бог помиловать род мой и народ русский, то вложит им в сердце то же желание обратиться к богу, что даровал мне...»

А вскоре заботы о вере отодвинулись куда-то далеко-далеко: препятствия, чинимые хазарами восточной торговле, становились разорительными для купцов. Пришло время освободить от хазарской дани вятичей, которые еще не признавали власть Киева, и объединить их с другими славянскими племенами. Выход был один: война с Хазарским каганатом. Бояре и княжие мужи все чаще заговаривали о походе.

Княгиня Ольга не пресекала воинственных речей. Ею овладело какое-то странное равнодушие. Полоса неудач подломила гордую княгиню. Власть уплывала из рук. Святослав был уже не отроком, но мужем. Ольга женила его на дочери знатного киевского боярина, и уже появились первые внуки — Ярополк и Олег. Они жили в Вышгороде, под присмотром княгини Ольги, а князь Святослав остался в Киеве, среди своих мужей-

дружинников. К своей молодой жене он наезжал не чаще, чем когда-то Игорь к княгине Ольге, весь был в чужих и непонятных матери дружинных делах, и в его разговорах с Ольгой порой проглядывала обидная снисходительность.

Заканчивался 963 год, последний год несовершеннолетия князя Святослава. Люди ждали каких-то перемен, ибо прежнее спокойное княжение многим казалось топтанием на месте.

О славных ратных потехах и доблести молодого князя в Киеве знали все, любовались и восхищались Святославом. На киевском княжеском дворе подрастал истинный полководец. Но каким он станет правителем, когда окончательно сменит княгиню Ольгу?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ХАЗАРСКИЙ ПОХОД

1

Замысел хазарского похода князя Святослава поражает зрелостью и стратегической широтой. В цепи враждебных государств, окружавших Древнюю Русь, было найдено самое слабое звено, изолированное недоброжелательством соседей, разъедаемое внутренней ржавчиной.

О том, что пора сбить хазарский замок с волжских ворот торговли с Востоком, говорили уже давно. Теперь же разгром Хазарского каганата становился для Руси насущной необходимостью. Великое движение киевских князей на окраины славянских земель замедлилось, споткнувшись на вятичском пороге. И не в упрямстве вятичских старейшин заключалась причина: вятичи, населявшие лесистое междуречье Оки и Волги, продолжали платить дань хазарам, и чтобы поставить их под власть

стольного Киева, нужно было сначала сбросить с вятичей хазарское ярмо. Дорога в вятичскую землю пролегла через хазарскую столицу Итиль...

Для множества людей, населявших соседствующие с Хазарским каганатом земли, Итиль был жестоким городом.

Сюда их приводили хазары в оковах и на невольничьих рынках продавали, как скот, мусульманским и иудейским купцам.

Сюда на скрипучих двухколесных телегах и в перегруженных, осевших в воду до края бортов судах привозили дани, собранные с подвластных хазарам народов безжалостными тадунами¹.

Отсюда вырывались хищные ватаги хазарских наездников и, прокравшись по оврагам и долинам степных речек, обрушивались огнем и мечом на беззащитные земледельческие поселения.

Опасность, угрожавшая со стороны Итиля, казалась соседям вечной и неизбывной, и только немногие, самые мудрые, догадывались, что сама Хазария больна, тяжело больна. Награбленное чужое богатство придавало ей пышный блеск, но не исцеляло внутренние недуги. Так порой под драгоценными одеждами знатного человека скрываются неизлечимые язвы...

Потом, после гибели Хазарии, люди станут думать, когда она покатилась к упадку, будут искать причины этого упадка внутри и вне ее.

Может, упадок Хазарии начался в восьмом столетии, когда на нее обрушилось арабское нашествие?

В Хазарию вторглась двадцатитысячная армия Мервана, двоюродного брата арабского халифа. Каган, правитель Хазарии, бежал на север, к Уральским горам, а арабская конница устремилась следом за ним, сея смерть и разрушения. Кагану пришлось смириться перед грозной чужеземной силой. Он согласился принять из рук халифа урезанную власть, стал искать утешения в мусульманской религии. А от гнева разоренного завоевателями народа Каган отгородился копьями и мечами наемной гвардии мусульман-арсиев...

Может быть, ослабляющий удар Хазария получила не извне, а изнутри в девятом столетии, когда против кагана-мусульманина из чуждого тюркского рода Ашина под-

няли мятеж хазарские беки, полновластные хозяева кочевий, родовых войск и стад?

Могучий и честолюбивый бек Обадий тогда объявил себя царем, а Каган из полновластного ранее правителя превратился в почитаемого черню, но бессильного затворника кирпичного дворца в городе Итиле, в слабую тень былого величия. Царь Обадий насаждал в Хазарии пудейскую веру, которая еще больше разъединила людей и привела к кровопролитной междоусобной войне...

Может быть, именно новая вера сыграла роковую роль в судьбе Хазарии?

Иудаизм — религия работорговцев, ростовщиков и сектантов-фанатиков — подорвала военную мощь Хазарии, основанную на родовом единстве кочевых орд, разрушила международные связи Хазарии с великими христианскими и мусульманскими державами. Религиозная нетерпимость иудеев, вылившаяся в жестокие преследования христиан, оттолкнула от Хазарии даже ее давнего и заинтересованного союзника — Византийскую империю. Восхищенные послания единоверцев — «иерусалимских изгнанников», рассеявшихся по всей Европе, тешили самолюбие хазарских правителей, но не заменяли дружбы и доверия соседей. Эгоистичным и опасным для самой Хазарии было это восхищение далеких единоверцев. Не в силах оказать даже малейшую реальную помощь Хазарии, иудеи других стран использовали сам факт существования этого «остатка Израилева» для самоутверждения, для опровержения неопровергаемого и унижающего упрека: «У каждого народа есть царства, а у вас нет ни земли и следа!» Эти иерусалимские «изгнанники» писали: «Когда же мы услышали про хазарского царя, о силе его государства и множестве его войска, мы внезапно обрадовались и подняли голову. А кабы весть о нем усилилась, этим увеличится и наша слава...» Ответные послания хазарского царя, в которых он, не задумываясь над последствиями, объявлял своими владениями давно не принадлежавшие хазарам соседние земли «на четыре месяца пути вокруг», порождали еще большее недоверие к хазарам. Опасная игра, в которую корыстно вовлекали Хазарию зарубежные «единоверцы»...

А может, конец могущества Хазарии наступил позднее, в десятом столетии, когда растаяли, будто весенний снег, огромные хазарские владения, отложились благодатные просторы степей и богатые приморские города?

¹ Та дун — хазарский наместник в завоеванных землях.

Сколько много было владений у хазарского Кагана и как мало осталось во второй половине столетия!

Крымские готы перешли под власть Византии, и в приморских городах полуострова стояли гарнизоны византийского императора.

Степи между Волгой и Доном заняли печенеги, разрушили десятки хазарских замков, сожгли сотни селений, и кочевать в степях хазарам стало опасно, как в чужой стране.

С востока хазар теснили азиатские кочевники-гузы. Раскосые всадники на лохматых лошадках уже показывались на левом берегу Волги.

Глухо волновались болгары, данники хазар, еще не осмеливаясь открыто обнажить мечи, но всегда готовые нанести удар в спину своим угнетателям.

Одно за другим отказывались от уплаты дани славянские племена, и теперь только вятичи с неохотой посылали нещедрую дань мехами и медом. Надолго ли?

Владения Хазарии сжимались, как сохнувшая кожа, и в конце концов под властью Кагана остался лишь небольшой треугольник степей между низовьями Волги и Дона да немногие города в предгорьях Северного Кавказа. Жалкие обломки прежнего могущества...

А может, все перечисленное даже не причина упадка Хазарии, а лишь следствие этого упадка? Может, настоящая причина коренилась в другом — в самой сущности этого государства-грабителя, государства-паразита?

Хазария не создавала богатство, а лишь присваивала чужое, не ею созданное. Она кормилась и богатела за счет других народов, изнуряя их даними и разбойничьими набегами.

В городе Итиле пересекались мировые торговые пути, но самим хазарам нечего было предложить иноземным купцам, кроме рабов да белужьего клея. На рынках Итиля продавали болгарских соболей, русских бобров и лисиц, мордовский мед, хорезмийские ткани, персидскую посуду и оружие. Из рук в руки переходили серебряные монеты с непонятными хазарам надписями.

Чужое, все чужое...

Поток иноземных товаров, проходивший через Хазарию, не приносил благосостояния ее народу, оставляя по себе единственный след — торговую десятину в казне царя.

Да полно, можно ли вообще называть Хазарский каганат государством?

Хазария походила на огромную таможенную заставу, перегородившую торговые пути с Запада на Восток, на преступное сообщество сборщиков пошлин и алчных грабителей.

В Хазарии не было внутреннего единства. Люди были разобщены множеством языков и религий. В городе Итиле жили мусульмане, иудеи, христиане, язычники, неизвестно какой веры пришельцы из дальних стран, привлеченные обманчивым блеском богатства, которое текло мимо, не задерживаясь в Хазарии. Люди жили рядом, но не вместе, каждый по своей вере и по своим обычаям. Мусульманские мечети соседствовали с христианскими храмами и иудейскими синагогами, а на окраинах города язычники приносили жертвы своим деревянным и каменным идолам. Даже судьи были разные: отдельно для мусульман, отдельно для иудеев, отдельно для язычников, и судили эти судьи по своим, отдельным, законам. Отдельными были базары, бани, кладбища. Как будто городская стена Итиля замкнула в свое кольцо несколько разных городов, и жители их понимали друг друга не лучше, чем пришельцев из неведомых далей.

А для коренных хазар, кочевников и скотоводов, город Итиль даже не был местом постоянного обитания. С наступлением весны хазары уходили со своими юртами и стадами в степи, на знаменитые Черные земли в долине реки Маныча, а когда там выгорала трава под летним солнцем, кочевали дальше по кругу: с Маныча на Дон, с Дона на Волгу, и так до осени.

Хазары-кочевники покидали Итиль с радостью и с песнями, провожаемые завистливыми взглядами бедняков, которые не имели своего скота и вынуждены были проводить знойное лето в городе. Уходившие в степь презирали остающихся, а те ненавидели уходивших, завидовали им и, задыхаясь в пыльном пекле раскаленных солнцем улиц, призывали несчастья на их головы.

Станный, непонятный, зловещий, пропитанный взаимной ненавистью город... Он был жестоким не только к чужим людям, но и к своим постоянным обитателям...

Что же объединяло жителей Итиля? Что собирало их в войско? Что заставляло безропотно отдавать сборщикам налогов немалую часть достатка? Неужели только мечи и копья наемной гвардии арсиев?

Нет!

Население Хазарии объединяла, кроме не всегда сбывавшейся надежды на свою долю добычи и торговой

десятины, слепая, веками взлелеянная вера в божественного Кагана.

Никто не знал его имени, и называли просто — Каган, был ли он молод или убелен сединами.

Мало кто видел его лицо.

Каган жил в постоянном затворничестве в своем кирпичном дворце, равного которому по величине не было здания в Итиле. Только управитель дворца — кендеркаган и привратник-чаушнар удостоивались чести ежедневно лицезреть божественного Кагана. Даже хазарский царь, предводитель войска и полновластный правитель страны, допускался во дворец Кагана лишь изредка. Остальным людям запрещалось приближаться к высоким дворцовым стенам.

Только три раза в год Каган нарушал свое загадочное уединение. На спокойном белом коне он проезжал по улицам и площадям Итиля, а позади, на расстоянии полета стрелы, ровными рядами следовали гвардейцы-арсии в кольчугах и чеканных нагрудниках, в железных шлемах, с копьями и мечами — все десять тысяч арсиев, составлявших наемное войско Хазарии.

Встречные падали ниц в дорожную пыль, закрывали глаза, будто ослепленные солнцем, и не поднимали головы раньше, чем Каган проедет мимо.

Ужасной была участь тех, кто осмеливался нарушить обычай и кинуть на Кагана хотя бы короткий взгляд. Арсии пронзали дерзких копьями и оставляли лежать у дороги, и никто не смел унести и похоронить их. Выбеленные солнцем кости так и оставались на обочине, и люди осторожно обходили их, ужасаясь дерзости поступка. Как можно осмелиться взглянуть в лицо божественного Кагана?!

Даже после смерти Каган оставался загадочным и неприступным.

Никто не знал, где именно он будет похоронен.

Для мертвого Кагана строили большой дворец за городом. В каждой из двадцати комнат дворца, одинаково обтянутых золотой парчой, рыли по могиле. Самые близкие слуги Кагана вносили тело во дворец и плотно закрывали за собой двери. Спустя некоторое время следом за ними входили молчаливые арсии с широкими секирами в руках и выкидывали за порог, к ногам толпы, отрубленные головы слуг Кагана. Потом люди шли чередой по дворцовым покоем, но могилы были уже зарыты, и ни-

кто не знал, в которой из комнат погребен Каган, — все участники погребения были мертвы.

Но сколько бы лет ни прошло, каждый прохожий склонялся в поклоне перед погребальным дворцом Кагана, а всадники слезали с коней и шли пешком, пока дворец не скрывался из глаз...

Люди верили, что Каган и после смерти продолжает беседовать с богами, а живой Каган проводит дни и ночи в благочестивых размышлениях. Только божественная сила Кагана приносит Хазарии благополучие и победы на войне...

Вера в Кагана была требовательной и беспощадной.

Если дела шли хорошо, люди прославляли своего Кагана. Но если на Хазарию обрушивалась засуха или поражение на войне, то знатные люди и чернь собирались огромными толпами к дворцу царя и кричали: «Мы приписываем несчастье Кагану! Божественная сила Кагана ослабла, и он приносит вред! Убейте Кагана или отдайте нам, мы сами его убьем!»

И Кагана убивали, если царь по какой-либо причине не брал его под защиту...

Нового Кагана всегда выбирали из одной и той же, знатной, но не очень богатой семьи. Хазары считали, что чрезмерно богатый Каган, не привыкший с детства добывать средства к жизни, не будет как следует заботиться о благосостоянии народа.

Рассказывали, что на одном из рынков Итиля можно было увидеть молодого человека, продававшего хлеб, о котором знали, что после смерти нынешнего Кагана он будет избран на его место.

Вновь избранный Каган уединялся с царем и четырьмя знатными хазарскими беками в комнате без окон, с единственной узкой дверью, возле которой стояли арсии с обнаженными мечами. Царь накидывал на шею Кагана шелковую петлю и сдавливал до тех пор, пока тот не начинал задыхаться, теряя сознание. Тогда Кагана спрашивали хором: «Сколько лет ты желаешь царствовать?» Полузадушенный Каган называл то или иное число лет, и только после этого его усаживали на золотой трон с балдахином, воздавая высочайшие почести.

Если Каган не умирал к назначенному им самим сроку, то его убивали, ссылаясь на его же собственную божественную волю. Если Каган называл непомерно большое число лет, его все равно убивали по достижении сорокалетнего возраста. Хазары считали, что с годами ум-

Кагана ослабевают, рассудок расстраивается, божественная сила становится меньше, и Каган уже не может принести пользу.

Да, Итиль был жестоким городом...

Как понять подобное сочетание безмерного величия и бессилия? Слепой веры и безжалостности? Как объяснить соединение, казалось бы, несоединимого? Как отыскать кончик нити в тугом клубке противоречий, чтобы распутать клубок?

Никто из хазарских правителей не пытался ответить на эти вопросы. Противоречия накапливались столетиями, к ним привыкли, и уже никого не удивляло, что Кагана, перед которым вчера преклонялись, сегодня выбрасывали на растерзание толпы. Так было всегда, сколько помнили люди, а значит, так и должно быть. Новизна страшила. Воспоминания о былом могуществе Хазарии успокаивали и подогревали высокомерную гордость.

Время тянулось с удручающим однообразием.

А может быть, правители даже не понимали, что Хазария, подобно своему Кагану, задыхается в шелковой пегле-удавке, и потому не пытались ничего изменить?

Тем более никто из них не предугадывал, что над ними уже поднимается карающий меч, что приближается последний год Хазарского каганата...

2

Хазарский поход князя Святослава ничем не напоминал прежние дерзкие рейды руссов за добычей и пленниками. Святослав подбирался к границам Хазарии исподволь, закрепляя каждый пройденный шаг, собирая союзников, чтобы до вторжения окружить хазар кольцом враждебных им племен и народов. Не удачным предводителем конной дружины, но мудрым и дальновидным полководцем предстает молодой киевский князь перед изумленными современниками и потомками.

Князь Святослав начал с завоевания земли вятичей, через которую проходил водный путь к столице Хазарии — городу Итилю. Летописный текст о походе на вятичей в 964 году предельно краток и не совсем понятен: «...пошел Святослав на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам...»

Как все просто выглядит: пришел и спросил!

В действительности же дело обстояло, думается, значительно сложнее. Земля вятичей была огромна и покрыта великими лесами. Сами вятичи не знали, до каких пределов тянется их земля, как не знали и того, сколько вятичских племен и родов проживает в необозримых лесах. С какими вятичами мог разговаривать князь Святослав, где он их нашел? Ясно одно: это были старейшины, имевшие право говорить от имени своего народа. Но как сумел собрать их князь Святослав для переговоров?

Пожалуй, это могло быть так...

Войско киевского князя плыло в ладьях по Оке, великой реке вятичей. По берегам тянулись нескончаемые леса. Медно-красные сосны стояли над песчаными обрывами, как воины в строю. Ветер раскачивал ветви, швырял в светлую окскую воду колючие шишки. Из леса выходили на водопой медведи. Вытягивая лобастые головы, медведи смотрели на ладьи и прятались в прибрежных кустах, испуганные ревом боевых труб и плеском множества весел. Кабаны взрывали землю под столетними дубами. Проносились над водой громкоголосые птичьих стаи. В тихих омутах плескалась богатырская рыба сом.

Вятичская земля щедро являла свои богатства, обилие зверя, птицы и рыбы. Не видно было только обитателей ее, многочисленного и воинственного племени вятичей. Редкие прибрежные деревни оказывались покинутыми. Челноки рыбных ловцов спрятаны в оврагах под кучами веток. Дороги и тропы перегорожены завалами. Видно, вятичи не ждали добра от чужого войска и загодя схоронились в лесных чащобах.

Впереди больших воинских ладей князя Святослава скользили по воде сторожевые челны. Они крались возле берегов, заворачивали в устья малых рек, высаживали ратников возле покинутых деревень. Ратники забирались на высокие деревья и подолгу обозревали окрестности. Они всюду искали вятичей, но те будто растворились в своих лесах.

Возвращаясь к ладье Святослава, ратники виновато разводили руками:

— Никого нет, княже!

Святослав недовольно хмурил брови. Начало похода вызывало тревогу. Высоко поднятый меч пока что рассекает пустоту. Как победить врага, если он уклоняется от встречи? Где вятичи?

И князь снова и снова посылал вперед сторожевые ладьи с самыми опытными воинами:

— Возьмите пленников! Выведайте, где прячутся старейшины!

Но поиски были бесплодными.

Ночами, собираясь вокруг костров и прислушиваясь к таинственным шорохам леса, дружинники Святослава шептались о неуловимых лесных жителях, которые будто бы способны превращаться в зверей. «Может, медведи, которые выходили к реке, и были заколдованными вятичами? Нужно принести жертвы Перуну, чтобы он расколдовал вятичей и отдал нам в руки...»

Выход подсказал воевода Свенельд, который когда-то возвращался по этой реке из хвалынского похода и уже встречался с вятичами. Вятичи без сожаления покидают свои убогие жилища, но есть у них священные для многих родов места — капища, где стоят деревянные идолы. Жители здешних лесов весьма почитают идолов и не отдадут их без боя. Нужно высадиться с конной дружиной и углубиться в лес, чтобы найти такое капище. А когда вятичи соберутся к капищу, чтобы защитить своих идолов, наверняка представится возможность поговорить с их старейшинами...

— А с дружиной меня пошли, княже, или какого-нибудь другого воеводу, — закончил Свенельд. — Так будет ладно.

— Сам пойду с дружиной в лес, — решил Святослав.

Воевода склонил голову, повинаясь княжеской воле...

Но ладьи плыли и плыли сквозь леса, а драгоценная награда — шейная серебряная гривна, обещанная тому, кто найдет большую дорогу в глубь леса, по-прежнему покоилась в ларце. На прибрежных лужайках мирно зеленела не примятая копытами и колесами трава.

Воины на сторожевых ладьях не подозревали, что на всем протяжении пути их сопровождают зоркие глаза вятичских охотников, что далеко впереди судового каравана разносятся вести об опасности. Невидимые и неслышимые, вятичи скользили как тени от дерева к дереву, ныряли в овраги, спрямляли изгибы реки через лесные чащи и неизменно оказывались в голове судового каравана.

Многое смогли высмотреть вятичи, но многого так и не поняли до конца.

Движение судовой рати князя Святослава было грозным и величественным. Ладьи заполнили речной про-

стор от берега до берега. Блестело на солнце железо доспехов. Колыхались на ветру разноцветные стяги. Бесчисленные весла вспенивали речную воду, и волны бились в берега, как во время бури.

Вечером ладьи причаливали к берегу, вонзаясь острыми носами во влажный песок. Для ночлега воеводы Святослава выбирали место, прикрытое от внезапного нападения оврагами и лесными чащобами.

Вятичи издали смотрели, как копошатся на прибрежном лугу воины Святослава. В их движении, казавшемся беспорядочным, не сразу удавалось уловить какой-то скрытый, не до конца понятный смысл.

Вот от толпы отделились воины с длинными копьями, растянулись цепью вокруг стана, будто оградив его живым частоколом. Конные заставы выехали к недалекому лесу. Взметнулись стяги на длинных шестах. Толпа возле стягов была гуще, чем в других местах. Задымилась, запылала костры.

Воины неторопливо ходили между кострами, пронесли на плечах обдранные туши кабанов и баранов, снимали и складывали на землю доспехи. Свои длинные копья они вонзали деревками в землю, и луг становился похожим на колючее жнивье.

Однако, как ни старались вятичи угадать, где остановился сам князь, им это не удавалось. В воинском стане не было нарядных шатров, в которых обычно ночевали знатные люди. Все воины без различия укладывались спать на звериные шкуры или попоны, а под головы подкладывали седла. Не видно было котлов для приготовления пицци. Воины разрубали мясо широкими ножами, нанизывали на прутья и жарили над углями, каждый для себя. Даже по одежде невозможно было разобрать, кто из них князь, кто воевода, а кто простой ратник. Под кольчугами у всех оказались длинные белые рубахи, на ногах — кожаные сапоги. И оружие было одинаковое: боевые топоры-секиры, копьё с железными наконечниками, луки из упругих турьих рогов, кое у кого мечи, тяжелые медные булавы. Бесплезно было искать князя среди одинаково одетых и одинаково вооруженных воинов. Любой из них мог оказаться князем!

В этой подчеркнутой одинаковости войска было что-то необычное и грозное. Будто некое сказочное боевое братство, о котором слагали былины старики...

И вятичи сообщали своим старейшинам, что воинов в войске Святослава больше, чем деревьев в лесу, что все

воины одеты в железные рубахи, но князя не различить между ними, а потому не в кого было пустить заветную черную стрелу, предназначенную для самого опасного врага...

Проторенную дорогу, уводившую в глубь леса, нашел десятник из дружины Свенельда. Следы копыт и глубокие борозды от волокуш были еще свежими. Значит, совсем недавно по этой дороге ездили многие люди и перевозили тяжести.

Многочисленная конная дружина углубилась в лес. Впереди гарцевал на гнедом коне ошастливленный наградой десятник; витая серебряная гривна негромко постукивала по кольчуге.

Князь Святослав торопил воинов. Вятичей необходимо застать врасплох, чтобы они не успели спрятаться в лесу. А в том, что проторенная дорога вела к населенным местам, сомнений не было.

Вековые сосны вплотную придвинулись к дороге. Всадники ехали как по дну глубокого оврага. Стало сумрачно, сыро, тревожно. Кое-кто из молодых дружинников уже начал с опаской поглядывать по сторонам: недоброе место, тесное...

Но Святослав был спокоен. Древлянские леса не чета вятичским, здесь хоть сухо, а там болота да трясины. А древлянские леса он уже проходил с дружиной насквозь, и не благодатным летом, а в осеннюю мокреть...

Дорога резко повернула, огибая возвышенность, и вдруг исчезла под завалом из сосновых стволов. Ветви деревьев угрожающе растопырились: колючие, непреодолимые на первый взгляд...

И в этом не было ничего неожиданного для Святослава. Лесные жители всегда отгораживаются завалами. Поэтому дружинники везли с собой железные крючья, веревки, подсечные топоры. Они без команды спешили, кинулись на завал, как на штурм вражеской крепости.

Крики, скрежет железа, треск ломающихся ветвей, глухие удары падавших на землю сосновых стволов...

Очень скоро через разбросанный завал перебрались первые всадники.

Потом встретился еще один завал, но уже не такой крепкий. Видно, складывали его вятичи наспех, подрубая лишь деревья, которые стояли возле самой дороги. Деревья лежали в завале не острыми вершинами вперед, а беспорядочно, как попало. Через такой завал продраться было нетрудно, и он почти не задержал дружину.

Впереди посветлело. Дружинники заторопили коней, оживились: конец леса близко! Но возле опушки их подстерегал еще один завал. К нему подъехали без опаски. Если вятичи отдали без боя завалы в глубине леса, то зачем им устраивать засаду здесь, возле редких деревьев?

Звон тетивы, похожий на мгновенно оборвавшееся жужжанье шмеля, был неожиданным и, как все неожиданное, пугающим. Длинная черная стрела, неизвестно откуда прилетевшая, вонзилась в горло десятника; кровь брызнула на витую серебряную гривну. Десятник без стога выпал из седла.

А вокруг снова была тишина, и не слышно было ни торжествующих криков врагов, ни топота убежавших ног, ни шороха в придорожных кустах — один безмолвный лес, и нельзя было понять, кем пущена стрела, поразившая десятника.

Дружинники осыпали завал стрелами, кинулись, выставляя копыта, в стороны от дороги. Остроконечные шлемы замелькали между деревьями, удаляясь.

К распростертому на земле десятнику подъехал князь Святослав, молча снял шлем. Ему подали стрелу — тяжелую, с черным древком и черным оперением, по зазубренному наконечнику красными бусинками скатывались капли крови.

Князь протянул стрелу Свенельду:

— Глянь-ка, воевода! Видишь зарубки на древке? Точно бы круг вырезан, а рядом косою крестик. Меченая стрела! Сбереги стрелу — по ней будем искать с вятичей дикую виру...¹

За последним завалом открылась широкая и светлая поляна, круглая, как чаша, окаймленная со всех сторон синеватой гребенкой леса. Среди сочной луговой зелени чернели полосы пашни. Причудливо петляла речка, заросшая кустами ивняка.

За кустами дружинники не сразу заметили вятичскую деревню. И без того невысокие избы были врыты в землю до половины срубов, плоские кровли амбаров и скотных дворов едва поднимались над зарослями репейника, и казалось, будто деревенька пугливо прижимается к земле. Только изба, стоявшая на отшибе, была повыше, и ее окружал частокол из заостренных воинов. В таких из-

¹ Дикая вира — штраф, который собирался с общины, на территории которой произошло убийство (если убийца неизвестен).

бах у вятичей жили молодые воины, отлученные от семей до наступления совершеннолетия.

Сотня дружинников на гнедых конях с гиканьем и свистом понеслась к деревне. Но деревня встретила чужих всадников распахнутыми дверями покинутых изб и нежилой тишиной.

Неужели опять неудача?

Бешено нахлестывая коня, к Святославу подлетел сотник Свень, выкрикнул торжествующе:

— Княже, там идолы! Капище!

На пологом холме за деревней, возле рощи прямых, удивительно красивых берез, высился могучий дубовый столб, потемневший от времени и непогоды; венчался он подобием человеческой головы, грубо вытесанной топором. Земля перед большим идолом была обильно полита кровью жертвенных животных, почернела и запеклась, как кострище. Рядом стояли идолы поменьше, тоже темные, щелястые, зловещие. А вокруг торчали из земли неопшуренные березовые жерди, похожие на огромные голые кости, и на них белели черепа животных: быков, баранов, коз. Только медвежьих и кабаньих черепов не было на ограде капища. Лесных зверей вятичи почитали наравне с идолами, а вылепленными из глины медвежьими лапами даже украшали свои жилища.

Ни один дружинник не ступил на священную для вятичей землю капища. Так приказал князь Святослав. Нельзя обижать чужих богов. Чужие боги могут жестоко отомстить дерзким пришельцам за обиду. Да и вятичи не простят, если дружинники нанесут какой-нибудь ущерб их святыне. А Святослав надеялся сойтись с вятичскими старейшинами на мире, а не на войне. Хоть и далеко земля вятичей от Киева, но люди в ней не совсем чужие, одного с остальными славянами языка и племени. Да и не ради покорения вятичей задуман поход — цель его дальше и величественнее. Хазария! Вот что неотступно владело думами князя Святослава, определяло его поступки. Сейчас князю Святославу нужны были мирные вятичи, способные пополнить его дружины вбоями и надежно подпереть с тыла двинувшееся к Итилю войско. Поэтому, показав вятичам грозный меч, нужно поскорее сменить его на зеленую ветку мира...

Деревню князь Святослав тоже не велел разорять, выбрал место для своего стана в отдалении от нее, на зеленом лугу.

Обычно в чужой земле воинский стан огораживался

со всех сторон составленными рядом обозными телегами, но на этот раз дружина шла налегке, без обоза, и Святослав велел окопать стан рвом, а по краю рва поставить легкий частокол. К вечеру маленькая крепость была готова. Дружинники загнали за частокол коней, подняли перекидные мостики. Костров не зажигали. Тихо было в стане. Лишь копы сторожевых ратников покачивались над частоколом.

Ночь прошла спокойно. Но перед утром сторожевым ратникам почудилось какое-то шевеленье за рвом. Там скользили неясные тени, слышались порой приглушенные голоса, негромкое звяканье железа.

Разбудили князя Святослава. Он перегнулся через частокол, долго всматривался в предрассветную туманную мглу, прислушивался и наконец, угадав в поле множество людей, удовлетворенно улыбнулся: вятичи все-таки собрались к капищу!

3

Коршуны кружились над поляной, едва шевеля кончиками крыльев, и в их неторопливом полете было ожидание. Когда собиралось вместе столько людей, после них всегда оставалось много еды...

Коршуны ждали, ждали своего часа...

С высоты птичьего полета на поляне были отчетливо видны два огромных кольца, одно внутри другого. То, что поменьше, отливало сизым блеском железа, казалось мертво-застывшим, туго напружинившимся; это за рвом, желтевшим свежим песком, изготовилась к бою околюченная дружина князя Святослава. Другое кольцо — внешнее — колыхалось множеством простоволосых голов и лохматых шапок вятичей, щетиной копий, бурокрасными пятнами щитов, сплетенных из ивовых прутьев; большое кольцо то сжималось, то разбухало вширь, будто мутный речной прибой, готовый захлестнуть островок воинского стана. Множество вятичских воинов из ближних и дальних деревень сошлись к капищу по призыву старейшин, чтобы прогнать незваных пришельцев или умертвить их. Боги, столько раз помогавшие вятичам на войне и на охоте, теперь сами нуждались в защите...

В первых рядах вятичского войска стояли признанные силачи и храбрецы, дерзко подставлявшие стрелам свои голые груди. Всю их одежду составляли холщовые

штаны, туго перетянутые ремнями и заправленные в сапоги, а оружие — широкие топоры-секиры, такие тяжелые, что сражаться ими приходилось двумя руками. Зато страшными были удары вятичских боевых секир: они рассекали даже крепкие железные доспехи и раскалывали щлемы, как глиняные горшки. Воины-копьеносцы составили вплотную большие щиты, а за ними толпились лучники и метатели дротиков — молодые воины, для которых сражение будет первым.

Вятичское войско казалось грозным и непобедимым, но князь Святослав был спокоен. Он знал, что вятичи не умеют воевать строем, что кольчуги и панцири имеют лишь немногие старейшины, а потому конные дружины могут разрубить их беспорядочную, уязвимую в рукопашном бою толпу, как железный клинок разрубает ковригу хлеба.

Князь Святослав смотрел сейчас на вятичей не с опаской или враждебностью, но с восхищением храбростью полуголых силачей, готовых на смерть и дерзко показывавших эту готовность. Он думал, какими славными воинами станут вятичи, если одеть их в железные доспехи, если дать им в руки крепкие дружинные щиты, если сомкнуть в спаянный ратный строй. Не врагов видел перед собой князь Святослав, но воинов будущей непобедимой русской рати, которую он поведет за собой в дальние походы. Нужен мир с вятичами, только мир!..

По своим прежним походам князь Святослав отлично знал ратные обычаи лесных жителей. Начиная битву, они устрашающе кричали, делая вид, что собираются напасть, а на самом деле лишь запугивая врага. Но если враг оставался твердым, они сами обращались в притворное бегство, заманивая в засады. Важно было сохранять спокойствие и не поддаваться на хитрости.

Вот и сейчас вятичи испустили оглушительный вопль, разом кинулись вперед... и остановились. Снова закричали все вместе, пробежали несколько шагов и снова остановились.

— Мыслью, на приступ вятичи не пойдут! — сказал Святослав воеводе Свенельду и медленно вложил меч в ножны. — Пожалуй, пора говорить со старейшинами...

Протяжно, успокаивающе пропела труба в стане князя Святослава. Дружинники опустили копыя. С легким стуком через ров упал перекидной мостик. Сын воеводы Свенельда — Лют Свенельдич — вышел в поле с зеленой березовой веткой в руке — знаком мира.

Лют Свенельдич шел под тысячами настороженных взглядов, мягко ступая сапогами по луговой траве, весь облитый железом доспехов, но без меча у пояса. Смуглое лицо Люта было строгим и торжественным, движения неторопливыми и величественными. Горячая степная кровь, унаследованная Лютом от матери-венгерки, выдавала себя лишь нетерпеливым блеском черных глаз да пятнами румянца на смуглых щеках. Будто два мира сошлись в посланце князя Святослава: спокойная непоколебимость русских лесов и лихая необузданность степного ветра. Но в ту минуту лихость смирилась перед спокойствием...

Вятичи пятились, расходясь в стороны и освобождая дорогу к кучке седобородых старцев в длинных белых плащах — старейшинам вятичских родов.

Старейшины стояли, одинаково опираясь на посохи, и молча смотрели на Люта. В глазах старейшин не было страха или тревоги, только гордая уверенность.

Лют положил к ногам старейшин березовую ветку.

Повинуясь едва заметному жесту одного из старейшин, молодой вятичский воин бережно поднял ветку с земли. Лют облегченно вздохнул: вятичи были согласны говорить о мире...

А рабы князя Святослава уже расстелили на поляне большой пестрый ковер, положили на одном краю ковра несколько полосатых подушек, а на другом — дружинное седло, окованное серебром. Боязливо оглядываясь на молчаливые ряды вятичей, рабы отбежали прочь, и почти сразу же на перекидной мостик ступил князь Святослав.

Князь был пешим, без доспехов, но два дружинника вели следом княжеского коня; боевой меч Святослава был привязан к седлу. Рядом с князем, отставая на полшага, шел воевода Свенельд. Серебряная цепь на шее воеводы постукивала по железу панциря, на левой руке покачивался овальный красный щит с медной бляхой посередине, рука в железной рукавице поддерживала ножны длинного прямого меча, за пояс заткнута тяжелая медная булава, на высоком шлеме подрагивали в такт шагам разноцветные перья. Воевода Свенельд как бы олицетворял собой грозную мощь дружинного войска, и рядом с ним простая белая рубаха князя выглядела подчеркнута мирно и скромно.

Князь Святослав опустился на седло, заскрипевшее

под его тяжестью. Свенельд встал за его спиной, держа на вытянутых вперед руках княжеский меч.

Подошли вятичские старейшины и, повинувшись приглашающему жесту князя, смиренно присели на подушки. Они были без оружия, но длинные посохи, положенные на ковер у их ног, хищно поблескивали острыми железными наконечниками.

Ближе других к князю сидел, положив узловатые худые руки на колени, старик со светлыми, почти белыми глазами. Точно такие же глаза Святослав видел когда-то у древнего старца гусяря; люди говорили, что тот гусярь начинает вторую сотню лет земной жизни. Сколько же лет прожил старый вятич, если время обесцветило его глаза? Скольких видел правителей, требовавших покорности и дани, как сейчас собирался сделать он, Святослав?

Старец первым начал разговор, а остальные старейшины почтительно внимали его словам, согласно покачивая бородами:

— Моя имя Смед. Я старейшина рода, на земле которого ты сидишь. Вятичи спрашивают: зачем ты привел столько воинов в железных рубахах? С миром пришел или с войной? Отвечай, пока не пролилась кровь!

Святослав вытащил из-за голенища черную стрелу и кинул ее вятичскому старейшине. Кстати, очень кстати оказалась эта стрела! Безрассудный выстрел неизвестного вятичского воина позволял князю выступить обвинителем, а старейшины должны оправдываться. А кто оправдывается, тот всегда слабее...

— Кровь уже пролилась! — сурово начал князь. — Этой стрелой убили храброго воина из моей дружины. Кровь требует отмщения!

Старейшина Смед, крихтя, нагнулся, поднял с ковра черную стрелу, задержал взгляд на метке. Лицо его потускнело, тонкие сухие губы горестно задрожали. Видно, старейшина узнал на стреле свой родовой знак...

— Кровь твоего воина не останется без искупления, — с усиленным произнес он. — Но ты, княже, еще не ответил...

— Кому вы, вятичи, даете дань? — прервал старца Святослав.

— Хазарам, — помедлив, ответил старец. — Хазарам, которые приходят с Волги.

— Разве хазары ваши старшие родичи? Может, у вятичей много лишних мехов? — напористо спрашивал

Святослав. — Или меда? Или зерна? Или серебра, чтобы всем этим наделять людей чужого племени?

— Когда приходят за данью, о желании не спрашивают...

— Выслушай тогда древнее сказание и уразумей его смысл, — неожиданно сказал Святослав и поведал вятичскому старейшине услышанное когда-то от матери сказание о хазарской дани, о находчивости полян, вручивших хазарам вместо дани обоюдоострые мечи, и о пророчестве хазарских старцев, предсказавших своему князю, что поляне никому не будут платить дани, но сами станут собирать дань с иных народов...

— Смысл сказания нам понятен, — произнес после долгого молчания старейшина. — Дань берут мечом, меч же освобождает от дани — вот что ты хотел сказать, княже. Но у вятичей мало мечей, и живут они каждый своим родом, разъединенно. Хазары же приходят неожиданно, и если не дать им ничего, то вырезают один род, потом другой, потом многие роды, пока остальные не придут к ним с данью. Не для вятичей твое сказание, а для тех племен, которые собраны в одну горсть...

— Ты сам ответил, старец, зачем я пришел в землю вятичей! — воскликнул Святослав, вскакивая на ноги; следом за ним поднялись с подушек старейшины. — Я пришел, чтобы собрать вятичей в одну горсть! И не в горсть даже — в крепкий кулак! Разящий, всесокрушающий! Не другом я пришел и не недругом — господином! Настало время вятичам склониться под руку Киева. Тогда я скажу, что между нами мир на вечные времена!

Вятичи с глубоким вниманием слушали короткие, резкие, будто рубленные фразы. Для них не было неожиданным требование князя Святослава подчиниться власти Киева. Давно уже к этому шло. Необъятная держава киевских князей надвигалась на их земли, обтекая полукольцом подвластные Киеву племена. Хазары не были больше заслоном от этого непреодолимого движения. Хазарские конные отряды, приходившие к вятичам за данью и пленниками, казались ничтожными песчинками, которые бесследно сдует ветер войны. Да и тяжело хазарское ярмо. Тяжко и обидно, потому что хазары привыкли смотреть на вятичей как на рабов, а не как на свободных охотников. Иная у хазар была жизнь, иной язык, иные боги, иные меры добра и зла. Чужаками были хазары в вятичской земле, но чтобы навсегда изгнать их, у вятичей не находилось силы...

Все это так, но легко ли решиться? С проезжей дороги свернуть на боковую тропу, и то подумаешь... А тут речь идет о всей будущей жизни...

Смущала и резкость князя, его недвусмысленная властность. Сразу господином себя объявил... Если нынче так говорит, что дальше-то будет? Старейшины привыкли управлять родами по своей воле, безраздельно. Да и будет ли киевский князь надежной защитой от хазар? До Киева далеко, а до Волги рукой подать, дороги у хазар проторенные...

Пошептавшись между собой, старейшины начали спрашивать князя Святослава, и за каждым их вопросом чувствовалось опасливое недоверие.

— Назвать тебя господином легко, — задумчиво говорил Смед. — Но мы не свободны в выборе, ибо подчиняемся хазарам с давних времен. Не случится ли так, что ты с войском уйдешь, а хазары придут и покарают нас, и возьмут дань вдвойне?

— Забота князя оборонять людей своих! — твердо отвечал Святослав. — Останусь зимовать в земле вятичей и буду ей крепким щитом, а по весне пойду воевать Хазарию.

— Сохранишь ли обычаи наши, ибо привыкли вятичи жить по своим обычаям, со своими богами и со своими старейшинами?

И на это был согласен князь Святослав. Пусть старейшины сидят в своих родах, как сидели до сего дня. Лишь молодые вятичские воины, которые придут в княжескую дружину, будут под властью князя.

И снова совещались между собой старейшины, а остальные вятичи стояли в напряженном молчании на поляне, сжимая копья и топоры. Солнце уже стояло прямо над головой, и разочарованные коршуны устали ждать сечи...

Наконец старейшина Смед шагнул к князю, поклонился и торжественно произнес:

— Будь гостем в земле вятичей и господином!

— Будь господином! — повторили остальные старейшины.

Радостные крики разнеслись над поляной: «Мир! Мир!»

Вятичи складывали оружие на землю, приветственно размахивали руками.

Мир!

Из стана выезжали на поляну дружинники князя Свя-

тослава; мечи их покоились в ножнах, в руках — зеленые березовые ветки. Ликующе, празднично ревели трубы.

Мир!

Вятичи протягивали дружинникам деревянные ковши с медом, круглые хлебы, куски вяленой дичины. Проворные княжеские рабы оделяли вятичских старейшин чашами вина.

Князь Святослав пригубил чашу и передал старейшине Смеду:

— Пусть будет между нами добрый мир!

...Так была одержана Святославом первая победа хазарского похода — бескровная битва за землю вятичей...

4

Князь Святослав и думать забыл о черной стреле — не до того было. Шутка ли: целая земля, многолюдная и обширная, становилась под его руку!

Из глухих заокских лесов, с неведомых доселе Святославу вятичских рек Цны, Колпи, Унжи и иных многих приходили старейшины с данью и клятвами верности. Всех нужно было принять чество, обласкать, условиться о числе воинов, которые пойдут с князем в весенний поход. И свои воеводы отъезжали с ратями в разные концы Вятичской земли, и каждому воеводе нужно было сказать, куда идти и как вершить дела.

Заботы, заботы без конца... Как не хватало Святославу матери — княгини Ольги... Может быть, только теперь он впервые понял, какой груз она снимала с его плеч, освобождая от повседневных княжеских дел... Но княгиня Ольга осталась в Киеве, и нельзя было позвать ее, потому что негоже оставлять княжество без твердой власти... Крепкое княжество надежно охраняет спину войска, питает его живыми соками, а потому — глубокий поклон княгине Ольге!..

Но не только нескончаемые заботы тяготили князя Святослава. Он был теперь на виду у всех, и люди внимательно приглядывались к нему, решая для себя, какой он правитель. Если в Киеве, в тесном дружинном кругу, князь Святослав допускал вольности, держался с мужами как равный, давал волю радости или гневу, то теперь его окружали незнакомые, настороженные люди, и приходилось постоянно думать, как воспримут они те или иные его слова и поступки. Без доверия к предводителю

мертва душа войска. Князя должны не только бояться, но и любить, восхищаться им, передавать из уст в уста слова о его справедливости, мудрости, нелицеприятной доброте. И не столь уж важно, правда это будет или красивый вымысел. Добрая слава должна опережать дела правителя...

Поэтому князь Святослав обрадовался, когда к нему пришел местный старейшина Смед и многозначительно сказал, что выполнил обещанное. Представлялся случай показать людям справедливость и доброту князя...

Два угрюмых вятичских воина вволокли в избу юношу в длинной белой рубахе, простоволосого и босого. Руки юноши были связаны за спиной сыромятным ремешком.

— Сей отрок из нашего рода, — пояснил старейшина. — Я обещал найти человека, который убил твоего воина. Это он. Род выдает его головой за смертоубийство...

Князь Святослав, Свенельд и телохранители-гридни с любопытством разглядывали молодого вятича, а тот, чувствуя недоброжелательные взгляды, держался подчеркнуто прямо и гордо. Глаза у юноши были синие-синие — совсем такие, как у самого Святослава, и в них не было заметно страха, только тоскливая безнадежность. Видимо, юноша примирился со своей горькой участью и был готов без мольбы принять любой, самый жестокий приговор. Раз род отдал его князю, значит, он виноват...

Святославу молодой вятич понравился.

Князь вообще любил смелых людей и прощал за смелость многое. А тут еще, кроме мимолетного расположения к юноше, примешивался дальновидный расчет. Он, киевский князь, имел возможность показать себя вятичам не только грозным, но и милосердным. Князю не к лицу быть излишне жестоким к людям, которые покорны ему. Жестокость порождает неверность, а разумная доброта — благодарность и ревность к княжеской службе. Однако, подумав так и заранее решив помиловать молодого вятича, князь Святослав все-таки спросил его с подчеркнутой суровостью в голосе:

— Верно ли, что ты убил воина?

Юноша молча кивнул головой.

Старейшина Смед торопливо пояснил, снимая вину с остальных своих сородичей:

— Он это, он! На роде вины нет, только на нем! Род

не поручал ему проливать кровь, но только следовать за твоим войском в отдалении!

— Зачем же ты пустил стрелу? — спросил Святослав.

Юноша разлепил плотно сжатые губы, проговорил хрипло, с усилием:

— Твое войско шло к капищу... Лесные завалы не задержали войско... Я хотел убить воеводу или другого знатного человека, чтобы войско остановилось...

— Но ты убил простого десятника!

— Я видел на нем серебряную гривну! — упрямо возразил молодой вятич. — Серебро носят на груди только знатные люди. И ехал он впереди всех!

Святослав вспомнил, как радовался десятник, получая награду — серебряную гривну, погубившую его спустя несколько часов; вспомнил и нахмурился.

Тяжелое молчание повисло в избе. Гридни двинулись к молодому вятичу, чтобы схватить его по первому знаку. Но Святослав остановил их, заговорил медленно, словно взвешивая на весах справедливости каждое слово, будто еще сомневаясь, на что решиться:

— Кровь за кровь... Есть такой древний обычай... Но и другой обычай есть, столь же древний: жизнь за жизнь... К которому обычаю склониться? Кровь за кровь или жизнь за жизнь?

Люди слушали, затаив дыхание и стараясь угадать, чем закончит князь свою речь-раздумье. Кровь на лесной дороге была уже прошлым. А в настоящем и будущем вятичи рядом, в одном воинском строю. Людям были понятны сомнения князя, и Святослав чувствовал это понимание и внутренне торжествовал.

Веско и стройно укладывались в округленные фразы княжеские слова:

— Отрок пролил кровь до объявления мира. Он не знал, с чем идет войско в его землю — с войной ли, с миром ли. Оттого вина его вполтину меньше...

Воевода Свенельд кивнул, соглашаясь:

— Да, то было до мира.

— Мне не нужна кровь этого отрока, старейшина! — решительно закончил Святослав, поворачиваясь к Смеду. — Он должен заменить павшего воина, заняв его место в дружинном строю! Да, да! Пусть будет так: жизнь за жизнь! Это будет справедливо!

— Это справедливо! — обрадованно поддержал Смед, развязывая узлы на руках юноши. И добавил строго: —

Отрок Алк! Служи князю верно, как служил своему роду!..

Вечером Алк уже стоял в карауле возле самого леса. Никто не приглядывал за ним. Лес был рядом, шагни за дерево и исчезни!

Но крепче сыromятных ремней связало юношу доверие новых товарищей-дружинников, обласкавших его и принявших в свою дружинную семью, и он чувствовал, что не сможет обмануть это доверие, что существуют узы не менее прочные, чем прежние, родовые, а имя этим узам — дружина...

Перед утром мимо Алка проехал на коне Святослав. Князь кивнул юноше приветливо, но равнодушно, как будто не было ничего удивительного в том, что вчерашний враг сторожит воинский стан в кольчуге дружинника.

А может, действительно нечему было удивляться?

Судьба вятичского юноши Алка просто повторила судьбы тысяч и тысяч славянских воинов, втянутых в исторически неизбежное движение. Воины из многих славянских племен — поляне и северяне, древляне и радимичи, кривичи и дреговичи, уличи и тиверцы — приходили на службу к киевскому князю и, поварившись в дружинном котле, забывали род свой и родовые обычаи. И не так уж было важно, что внутри самой дружины еще сохранялась видимость родовых связей, что каждый дружинник выбирал себе побратима¹ и скреплял побратимство древними обрядами. В старом сосуде было уже новое молодое вино. Общим большим родом для дружинников князя Святослава стала вся Русь!

Величие Святослава, объяснение его громких побед заключалось в том, что князь не пытался обогнать свое время, но и не отставал от него. В дружине он нашел естественную форму военной организации, способную привлечь на княжескую службу самые разнородные общественные элементы, объединить их под властью киевского князя, используя живучие и достаточно крепкие родовые связи или видимость этих связей, еще цепко державших сознание людей.

В обиходе князь Святослав был доступен и прост. Ел из дружинного котла, а в походах довольствовался, как остальные воины, куском поджаренного на углях мяса. Одевался в простую белую рубаху. Голову часто остав-

¹ П о б р а т и м — названный брат.

лял непокрытой. Любил ходить босиком по утренней росистой траве и громко свистел, подзывая коня. Дружинников называл по именам, будто добрых товарищей. Одобряя отличившегося, с размаху хлопал ладонью по плечу и весело смеялся, если тот не мог удержаться на ногах от этой могучей ласки. Вечерами подолгу сидел с дружинниками у костра и слушал песни гусяров о подвигах предков.

Неповященным могло показаться, что князь ничем не выделяется из дружины, что он даже не повелитель, а лишь уважаемый старший брат в общем дружинном братстве, плоть от плоти его. Но это только казалось...

Когда Святослав сдвигал брови и хмурился, сразу замолкали вольные голоса. Отмеченные почетными боевыми шрамами мужи боязливо пятились, не смея поднять глаз, и будто невидимая стена отделяла людей от князя.

Святослав умел быть крутым и даже жестоким. Однажды к нему пришли вятичские старейшины — жаловаться на боярина Асмуда. Асмуд набирал воинов в деревнях, но молодые охотники по совету старцев спрятались в лесные убежища. Их искали долго, но все-таки нашли, и Асмуд приказал казнить беглецов. «Они трусы, если боятся войны, — объявил он старейшинам. — Трусы не нужны ни родичам, ни князю Святославу!»

Князь Святослав с позором прогнал жалобщиков. «Пусть ваши роды соберут новых воинов — столько, сколько сказано, — отсутствовал князь. — А если не найдете храбрецов, желающих идти на войну, я прикажу убить всех мужчин, а женщин и детей продать в рабство хазарским купцам. Род, неспособный воспитать храбрых воинов, должен исчезнуть!»

Многие ужаснулись тогда словам князя. По вятичской земле поползли слухи о жестокости Святослава, и осуждали его вятичи. Но воинов старейшины стали присылать без задержки...

Однако, карая ослушников и наводя ужас на врагов, князь сам не терпел бессмысленно жестоких людей. Рассказывали, будто Святослав с позором изгнал из дружины варяга Веремуда, истязавшего своего коня. «Кто по злобе мучит коня, тот недостойн садиться в воинское седло! — сказал тогда Святослав. — Кто сегодня без вины обидит коня, завтра ударит побратима! Не место такому человеку в дружине!»

Князь Святослав умел быть гордым и недоступным. Он высокомерно разговаривал с послами самых могучих

правителей. Вождей кочевого племени гузов он заставил целый день и целую ночь ожидать у своей избы, а потом, усевшись в дубовое кресло, слушал их, коленопреклоненных, холодно и безразлично, будто не вожди перед ним, а жалкие рабы, прах земной. Он без чести выгнал с пиратного боярина, осмелившегося прежде князя пригубить заздравный кубок, велел ободрать с боярина серебряную гривну и высокую бобровую шапку.

Князь есть князь!

Но почему же тогда Святослав так прост с дружинниками и многими другими, совсем обычными людьми? Почему он разговаривал с вятичскими старейшинами как с равными, тоже сидя на земле? Почему он угощал из своих рук болгарских кормчих, которые пришли с Волги проситься к нему на службу? Оборванные, иссеченные ветрами и опаленные солнцем, речные люди казались чернью, недостойной внимания знатного мужа, а князь обласкал их...

В котором из своих поступков Святослав был самым собой?..

А правда заключалась в том, что внешняя простота князя Святослава была неразрывна с грозным величием верховной власти, что они были едины, и это единство как бы олицетворяло сущность тогдашней Руси, в которой складывалось могучее раннефеодальное государство, но люди еще не были разьединены так, как это случилось в других, уже начавших дряхлеть странах. Разве осмелился бы византиец, столетиями живший в унижении и покорности, заговорить с императором? И разве императору не показалось бы крушением основ свободного общения с простыми людьми? На Руси — иное. Люди были вчерашними свободными пахарями, охотниками или воинами родовых дружин, и их предводитель не мог быть иным, чем князь Святослав. Былинную личность Святослава породило его время, время перехода от военной демократии к классовому обществу, и внешние черты военной демократии еще долго скрывали глубокие трещины, начинавшие расчлепать славянское общество. Однако военный гений Святослава был уже поставлен на службу огромным по своим масштабам внешнеполитическим задачам Древнерусского государства, которое предоставило в распоряжение князя-витязя и материальные ресурсы, и новые организационные формы, позволившие создать войско, представлявшее собой не простое соединение родовых ополчений, но единое целое...

Князь Святослав повел за собой в хазарский поход крепкое, хорошо вооруженное, обученное ратному делу войско, и его длительное пребывание в земле вятичей было временем, когда сколачивалось это войско. И временем дипломатической подготовки похода, временем поисков союзников, для которых господство Хазарского каганата в низовьях Волги и в степях Северного Кавказа было опасным.

5

Как-то неожиданно подкралась и вошла в силу осень. Сусальным золотом зазвенели леса. Рассветы стали прозрачными и холодными, как родниковая вода. Кое-где в низинах уже ложились рассыпанной солью на траву первые заморозки. Солнце по-прежнему щедро разливало свет, но не обжигало, как летом, а лишь слегка касалось земли ласковым теплом.

В пригожий осенний день к князю Святославу приехали послы из Волжской Болгарии. Посольство ждали давно. Еще летом с попутным купеческим караваном князь Святослав отправил богатые дары болгарскому царю и намекнул, что желает быть с ним в мире и в дружбе.

Волжская Болгария давно искала союзников, которые помогли бы ей освободиться от обременительной хазарской дани. В прошлые времена болгарский царь неоднократно посылал посольства и в Хорезм, и к арабскому халифу в Багдад, не смущаясь немислимой дальностью пути. Халиф прислал на Волгу ответное посольство. Вместе с послами приехали искусные арабские градостроители, чтобы возвести на Волге неприступную для хазарского войска крепость, оплот независимости Болгарии. Воодушевленный посольством, болгарский царь отринув власть хазар, признал себя вассалом халифа и в освящение союза принял ислам. Но бесконечно далеко был Багдадский халифат от Волжской Болгарии, а Хазария — рядом. Хазарский царь обрушил свой гнев на всех мусульман. Он приказал разрушить минарет самой большой мечети в Итиле, а ее служителей-муэдзинов — повесить. Многочисленное хазарское войско, опустошая земли как саранча, двинулось с низовьев Волги на Болгарию. Болгарскому царю пришлось смириться, возобновить выплату дани и отдать заложников. Но лютая вражда к хазарам осталась. И если совсем рядом, в земле вя-

тичей, вдруг появилось могучее войско, которое можно повернуть против Хазарии, — разве мог упустить болгарский царь такой случай?..

Болгарские послы приехали.

Правда, приехали они с большим промедлением и не пышным посольством, а тайком, в одежде простых купцов, с немногими слугами. Видимо, болгарский царь опасался раньше времени навлечь на себя гнев хазарских правителей. Ну что ж, пусть хоть так! Осуждать болгарского царя не следовало, его можно было понять. Старшая дочь царя была замужем за Каганом, а старший сын томился заложником в хазарской столице Итиле. Кому хочется рисковать родной кровью?

Понять-то болгарского царя Святослав понял, но все же решил, что показать свое неудовольствие за бедность и потаенность посольства будет не лишним. Он не почтил послов личной беседой. Переговоры были поручены воеводе Свенельду и боярам.

Нелегкими оказались эти переговоры. Послы осторожничали, не желали связывать себя определенными обязательствами. О совместном походе на Хазарию они и слышать не хотели, испуганно отмахивались широкими рукавами халатов: «Нет! Нет! Такого мы не можем, нет войска у царя!» Однако пропустить судовую рать князя Святослава через свои владения послы все-таки обещали. И еще обещали дать суда для перевозки воинов и припасов, если у князя Святослава окажется мало своих ладей. Но только пусть русский князь возьмет суда, оставленные болгарам в условленном месте, как бы насильно, без их ведома. И пусть князь войдет в Болгарию будто бы войною, а болгары запрут в крепостях и ничем мешать ему не будут...

Князь Святослав посмеивался, слушая рассказы воеводы Свенельда о лукавой хитрости болгарских послов, которая навряд ли могла ввести кого-нибудь в заблуждение.

— Пусть тешатся надеждой, что обманули хазар. Для нас главное — пройти через Болгарию без войны. А мнимую войну, если им так хочется, покажем. И деревни кое-где пожжем, и возле городов пошумим...

Договоренное скрепили взаимными клятвами, и болгарские послы отбыли так же тихо, как приехали. Водный путь к столице Хазарии — городу Итилю — был открыт для князя Святослава.

Но у Хазарии были еще одни соседи, которые загораживали ее со стороны степей, — печенеги. Немыслимо было посылать через степи войско, не сговорившись предварительно с печенежскими вождами. А еще лучше было приобрести в печенегах союзников. Князь Святослав был уверен в своей силе. Хазарам не выдержать сокрушительного удара окольчуженной русской рати! Но в русской войске мало конницы. Если остатки хазарского войска разлетятся брызгами по степи, как догнать их? Печенежская легкая конница могла бы завершить разгром. Ради этого не жалко ни серебра, ни части добычи. Надобно нанять печенегов, как нанимал их отец Святослава, киевский князь Игорь Старый для царьградского похода...

Печенежские кочевые орды прорвались в степи между Волгой и Днепром почти сто лет назад, но об этом степном народе было известно немного. Печенеги старались не допускать в свои кочевья чужих людей, подозревая их в недобрых намерениях, а смельчаков, которые осмеливались на свой страх и риск углубляться в степи, безжалостно убивали. Поэтому известия о печенегах доходили до Руси стороной, через другие степные народы.

Рассказывали, что печенеги — большой и богатый народ, владевший множеством коней и баранов, драгоценными сосудами, серебряными поясами и хорошим оружием. Они имеют также большие трубы в виде бычьих голов, в которые трубят во время боя, и рев этих труб поистине ужасен. Вся Печенегия делится на восемь округов с великими князьями во главе, а округа, в свою очередь, делятся на племена, в которых тоже есть князья, но уже меньшие, и таких князей насчитывается сорок. Так что у печенегов много князей, все они воинственны и алчны, и забота о добыче постоянно занимает их головы. Своими набегами печенеги внушают страх соседним народам.

Рассказывают, что набег печенегов подобен удару молнии, а отступление их тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Нападая, печенеги предупреждают молву, а отступая, даже не дают преследователям возможности взглянуть на себя, столь они стремительны. Жизнь мирная для них несчастье, а верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеваются над мирным договором. Самое худшее то, что печенеги своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще

не сосчитал, сколькими тысячами или десятками тысяч они нападают: число их бесчисленно...

Князь Святослав знал обо всем этом, но он знал и другое: опустошая набегами соседние земли, печенеги сами много страдали от хазар. Ежегодно хазары совершают походы в страну печенегов, захватывают пленников и продают их в рабство мусульманским и иудейским купцам. Поэтому печенеги ненавидят хазар и вредят им как только могут. Не обернется ли давняя вражда печенегов к хазарам дружбой к нему, князю Святославу? Враги обещают врага могут сговориться...

Зимой печенеги кочевали далеко от русских земель, на берегах теплого моря, откуда с наступлением весны начинали двигаться со своими табунами и стадами к северу, и так все лето, по мере того как солнце выжигало пастбища. Поэтому осенью они оказывались совсем близко от вятичских земель, и посольству было легче их найти.

После долгих раздумий Святослав назвал имя посла: Лют Свенельдович. С ним отправились в Печенегию толмач-переводчик и крепкая охрана из ближних дружинников князя.

До реки Прони посольство ехало по лесам. Леса были здесь не дремучими и хмурыми, как на Руси, а нарядными, веселыми, насквозь прошитыми солнечными лучами. Часто попадались поляны, такие просторные, что казалось — они тянутся до самого горизонта. Но всадники поднимались на возвышенности, и снова впереди открывались леса. Настоящая степь начиналась только за рекой Проней.

На прономском берегу Лют Свенельдович велел надеть кольчуги и шлемы, которые дружинники везли привязанными к седлам, и решительно направил коня к броду.

Зашуршала под копытами жесткая степная трава.

Всадники сбились плотной кучкой, готовые отразить неожиданное нападение. Лют Свенельдович был серьезен и озабочен, безлюдье в степи не успокаивало его. Печенеги умели подбираться незаметно, как волки. Правда, обычай защищал жизнь послов, но откуда знать диким степнякам, с посольством или с войной пришли чужие всадники? Все решала первая встреча...

Беспокойство Люта передавалось дружинникам, и они настороженно поглядывали по сторонам, вздрагивали и поднимали копыта, когда из травы с шумом вырывались птицы.

Но все равно встреча с печенегами оказалась неожиданной. Из низины высыпали всадники в длинных черных одеждах, в остроконечных колпаках, тоже обтянутых черной тканью; не понять было, шлем под ней скрылся или просто шапка из плотного войлока. Всадники на скаку натягивали луки, размахивали копьями и трехгранными кривыми мечами.

Дружинники встали плотным кольцом вокруг Люта, тоже оцетинились копьями.

Печенеги закружились вокруг посольства диким хороводом, почти касаясь наконечников копий своими развевающимися черными одеждами, устрашающе визжали, скалили большие желтые зубы. Казалось, еще мгновение, и они закружат и сомнут горстку дружинников.

Лют Свенельдович поднял над головой зеленую ветку.

Хоровод печенежских всадников постепенно замедлил свое бешеное вращение. Умолкли крики и визг. Наконец печенеги остановились, опустили копыта.

— Мы идем посольством к вашим старейшинам! — выкрикнул толмач по-печенежски. — Не убивайте нас, но дайте проводников! Жизнь послов неприкосновенна!

Подъехал печенег с длинной черной бородой, в которую были влетены красные ленточки. Под его одеждой угадывались неживые складки кольчуги, на запястьях покачивались массивные серебряные обручи. Браслеты из серебра и нарядный пояс свидетельствовали о знатности рода, и Лют понял, что именно от этого человека зависит их судьба.

Толмач повторил свою просьбу, добавив, что посольство прибыло от славного и непобедимого князя Святослава. Бородатый печенег прокричал что-то резким, срывающимся на визг голосом, указал пальцем на землю.

— Он требует, чтобы мы бросили копыта, — перевел толмач. — Тогда он выслушает нас...

Лют Свенельдович кивнул дружинникам. Копья полетели на землю. Печенег снова заговорил, но уже спокойнее, дружелюбнее:

— Если вы действительно послы, то ваша жизнь в безопасности. Завтра вы предстанете перед старейшинами печенежского племени. Следуйте за моим конем и не пытайтесь убежать!

Кольцо печенегов разомкнулось, пропуская посольство. Лют Свенельдович облегченно вздохнул, обер платком

испарину на лбу. Начало было положено, первый мостик к печенегам перекинут...

Печенежский стан находился в низине и открылся взглядам путников неожиданно, когда они поднялись на гряды холмов. За составленными кольцом и связанными между собой повозками теснилось множество юрт из бурого войлока, а посередине — большой белый шатер, жилище печенежского вождя. Едкий кизячный дым струился над круглыми кровлями. Развевались на ветру лошадиные хвосты, привязанные к длинным жердам, — бунчуки.

Из-за телег высыпала огромная толпа печенегов, которые с пронзительными криками, размахивая топорами и обнаженными мечами, побежали навстречу посольству, грозя растерзать его, изрубить на куски, затоптать в пыльную землю. Лют и его спутники остановились, захлестнутые бушующей толпой, и уже прощались с жизнью, столь страшной была ярость обступивших их печенегов. Всадники, которые захватили посольство в степи, отталкивали своих сородичей древками копий, что-то кричали, но толпа продолжала наступать. Вопли, визг, лягз оружия, испуганное лошадиное ржание...

Но вот из стана показалась кучка всадников в блестящих на солнце доспехах, в круглых железных шлемах, над которыми колыхались пучки разноцветных перьев, и толпа вдруг отхлынула, злобно ворча. Это явились наконец печенежские старейшины, чтобы властью своею исторгнуть посольство из рук народа. Лют вторично за сегоднешний день возблагодарил богов за спасение от верной смерти. Сколь дики и свирепы печенеги!..

Мимо расступившихся печенегов, которые продолжали угрожающе размахивать оружием, но больше не кричали из уважения к своим старейшинам, посольство проследовало к белому шатру вождя; старейшины называли его великим князем.

Обитатель шатра оказался тучным белолицым мужчиной. Волосы у него были светлые, необычные для степняков, а жирные плечи туго обтягивал полосатый шелковый халат. Если бы не железный шлем с перьями и не кривой меч, заткнутый за серебряный пояс, печенежского вождя можно было принять за купца; похожие купцы приезжали в Киев с персидскими товарами. Вождь возлег на горе подушек. Возле него сидели на корточках старейшины, а позади застыли свирепого вида телохранители с обнаженными мечами.

Дружинники внесли подносы с дарами князя Святослава и, поставив их к ногам вождя, тихо отошли за спину Люта Свенельдовича.

Вождь печенегов скользнул равнодушным взглядом по связкам дорогих мехов, по серебряным слиткам-гривнам, по золотым и серебряным чашам. Его внимание привлекло лишь оружие: островерхий русский шлем, кольчуга с железными панцирными пластинками на груди, обоюдоострый прямой меч. Вождь шевельнул короткими толстыми пальцами. Подскочившие телохранители уволокли оружие в глубину шатра. Остальные дары расхватывали старейшины.

Вождь молча выслушал посольскую речь, потом перевод этой речи на печенежский язык и что-то шепнул невзрачному старичку в длинной черной одежде, сидевшему рядом с ложем. Старичок проворно вскочил на ноги, шагнул к послам и заговорил на языке славян:

— Великий князь из рода Ватана приветствует посла князя Святослава. Речь посла выслушана и дошла до сердца великого князя. Хазары такие же враги печенегам, как и руссам. Но поход может решить только совет великих князей, чьи люди и стада кочуют по сию сторону Днепра. Ждите их слова. В юрте, куда вас проводят, вы найдете пищу для тела и безопасность...

Послы, кланяясь, попятились к выходу из шатра. Великий печенежский князь по-прежнему сидел неподвижно, как истукан, и взгляд его был устремлен вверх, к круглому отверстию, через которое виднелось голубое небо...

Долгое ожидание утомляет не меньше, чем бесплодная погоня. А среди чужих, неприветливых людей, в душном полумраке незнакомого жилища ожидание поистине иссушает душу и тело.

Три недели Лют и его спутники видели только бурый войлок юрты, тусклое пламя очага да хищные наконецники копий печенежской стражи, которые покачивались у входа. Часы сливались в непрерывную сонную череду, и лишь нити солнечных лучей, пробивавшиеся сквозь дыры в обшивке юрты, возвещали о наступлении нового дня. Вечером молчаливые печенежские воины вволакивали в юрту большой медный котел с вареной бараниной, вносили бурдюки с водой и кобыльим молоком — еду и питье на следующий день. И только ночью, в полной темноте, послов выводили на прогулку в дальний угол печенежского стана. За три недели сидения послы не узнали

о жизни печенегов больше того, что увидели в первый день.

Но все на свете имеет конец. Пришел день, когда посольство снова повели в белый шатер. Трехнедельное ожидание завершилось разговором, который длился не дольше, чем требовалось проворному человеку, чтобы переобуться. Тот же старичок в черной одежде произнес слова, оправдавшие все труды и лишения посольства:

— Великие князья из родов Ватана, Куэля, Майну и Иная пришли к согласному решению воевать с хазарами. Пусть князь Святослав начнет, а печенеги поспешат к хазарским границам из тех мест, где их застанет известие о походе. Да погибнут наши общие враги!

6

Князь Святослав ждал возвращения посольства с нетерпением и тревогой. На последнем пороге обиднее всего споткнуться. До сих пор все удавалось без труда. Не предвещает ли затянущаяся полоса везенья неожиданную неудачу?

Может быть, именно от этого нетерпенья и от этой тревоги Святослав часто уезжал из стана, с немногими людьми уединялся в березовых рощах или на берегах лесных озер, подолгу размягченно беседовал с ними, изменяя своему обычному немногословию. Гридни-телохранители затаив дыхание слушали князя, и перед ними разворачивались немислимые дали.

Однажды, остановившись на берегу коричневого от торфа лесного озерка, князь Святослав сказал:

— Больше всего воду люблю. Чтобы много было воды, без конца и без края. В Днепре воды много. В Оке, реке вятичей, тоже. Но та вода бегучая, неласковая. А вот здесь вода стоячая, спокойная, но темная, будто ночь. До теплого моря хочу дойти, до синей воды, где плавали ладьи Олега Вещего и отца моего Игоря Старого. И не гостем мимоежем хочу побывать на море, но стать на берегах его крепко...

Слова князя быстро разошлись по дружине, и воины заговорили о походе к теплему морю. Возвратившееся от печенегов посольство напомнило о таком же посольстве князя Игоря, которое положило начало совместному походу на Царьград. Волхвы искали и без конца находили добрые предзнаменования. Нетерпение охватывало воинов. Все ждали следующей весны...

Весна 965 года выдалась ранней и дружной. Быстресобычного очистились от льда реки. По большой воде из Киева и Новгорода в землю вятичей приплыло много новых ладей с воями, оружием, припасами. Войско множилось на глазах, и уже не хватало княжих мужей, чтобы ставить старшими над сотнями. Печенеги, раньше обычного откочевавшие с приморских пастбищ, пригнали тысячные табуны коней. В конные дружины князь Святослав звал всех, кто умел держаться в седле, невзирая на род и достаток. До позднего вечера на приокских лугах и лесных полянах слышался конский топот, ржание, звон оружия, повелительные выкрики десятников и сотников: новые дружинники приучались к ратному строю.

Крепкие заставы перегородили тропы и дороги, чтобы на Волгу, в хазарские владения, не проскользнул ни конный, ни пеший, чтобы хазары не узнали о готовности русского войска. Когда наступит время, князь Святослав сам объявит о походе. А пока пусть нежатся в покое и неведенье хазарские правители, пусть пересчитывают жирную десятину с торговых караванов! Внезапным весенним громом будет для них поход князя Святослава!

На исходе мая, в канун змеиных свадеб, наступил долгожданный день. Князь Святослав напутствовал гонца, который отправлялся к хазарскому царю:

— Лишних слов перед царем не рассылай. За многими словами — малая сила, а за немногими — великая. Сильный шепотом скажет, а все слышат. Крика же слабого разве что заяц пугается, да и то лишь потому, что отроду пуганый. Всего три слова передашь царю: «Иду на вы!» Сказав, молчи. Смертью грозить будут, тоже молчи. Помни: в твоём молчании — сила!

Бояре и дружинники смотрели на гонца с почтительным удивлением. На верную смерть отправлялся гонец, рубаху перепоясал черным похоронным поясом, а лицом светел, безмятежен. Меча у гонца не было, только короткий нож за черный пояс заткнут — самого себя до сердца достать, если придет крайний случай. Немислимого мужества и жертвенности человек. По нему хазары о всем русском войске судить будут. Не на посольский разговор ехал гонец, а на смертный поединок. Доблесть показать хазарам, чтобы уязвить дух хазарского царя до битвы...

Гонец двинулся к выходу, тяжело ступая сапогами по еловым плахам пола. За ним потянулись из избы бояре и воеводы. Только гридни-телохранители остались воз-

ле княжеского кресла. Они всегда при князе, не оставляют ни на минуту. Князь Игорь Старый этот обычай завел, а Святослав посчитал полезным сохранить его. Понадобятся зачем-нибудь гридни — вот они, рядом, а если не надобны, то будто и нет их, столь они молчаливы и ненавязчивы. Как копыа, поставленные до поры к стене...

Проводив бояр, Святослав подумал, что нужно бы объяснить дружине, почему он сам предупреждает хазарского царя о походе. Сказать гридням, чтобы разошлись эти слова по дружине.

— Эй, отрок! — обратился князь к высокому светло-волосому гридню, родом из вятичей. — Замечал я, что ты смысленный, угадливый. Угадай, зачем я царя о походе упреждаю?

— Не ведаю, княже.

— То-то что не ведаешь! — улыбнулся Святослав. — Вижу, что и другие в недоумении. А ведь как просто догадаться! Подумай сам: намного ли опередит гонец войско? Самое большее на неделю, полторы, если мы быстро пойдем. А сумеет ли царь за это время новых воинов собрать и обучить? Думаю, не сумеет. Что есть под рукой, то на битву и выведет, не более того. А трепет у него в душе от нашей дерзости будет великий. Решит царь, что безмерно сильны мы, если сами о походе предупреждаем. Того мне и нужно...

Гридни с восхищением слушали своего князя, а Святослав, расхаживая по избе, продолжал рассуждать:

— И о том я подумал, чтобы всех воинов хазарского царя одним разом сразить. А что получится, если царь не успеет их вместе собрать? Разбредутся опоздавшие воины по степям, разыскивай их потом! Так-то вот, отрок...

С ликованием и праздничной переключкой труб отплыла судовая рать. Ей предстоял неблизкий, но привольный путь: по Оке-реке до Волги, а потом до низовьев великой реки, где на островах, образованных волжскими протоками, притаилась за каменными стенами хазарская столица Итиль.

Конные дружины пошли к Итилю прямым путем, через печенежские степи. По дороге к ним примыкали печенежские князья, заранее оповещенные гонцами Святослава о начале похода.

Грозным и неудержимым было движения войска князя Святослава. Его тяжелая поступь спугнула сонный по-

кой хазарской столицы. Приближался час решительной битвы, которая ответит на роковой вопрос: быть или не быть Хазарии...

7

Прозрачным майским утром, которое отличалось от других разве что тем, что накануне был большой торг и усталые горожане крепче обычного спали в своих жилищах, к воротной башне Итиля подъехали всадники, забарабанили в ворота древками копий. Сонный стражник выглянул в бойницу и кубарем скатился вниз. Промедление было опасно: перед воротами ждал сам Иосиф, царь Хазарии и многих соседних земель.

Медленно, со скрипом распахнулись городские ворота. Стражники склонили копыа, приветствуя царя. В почтительно прикрытых глазах стражников — любопытство, тревога. Неожиданное возвращение царя казалось непонятным и пугающим. Лишь дела чрезвычайной важности могли оторвать царя Иосифа от милых его сердцу весенних степей. Но что это за дела, можно было только гадать. Кто из смертных осмелится расспрашивать гром, почему он гремит, или молнию, почему она огненной стрелой пронесется по небу?..

Улицы Итиля были пустыньны. Только святые старцы, для которых прожитые десятилетия сократили время сна до короткого забытья, брели к храмам на утреннюю молитву, да ночные сторожа дремали на перекрестках, оперевшись на древки копий. Но старцы отрешены от земных забот и нелюбопытны, а сторожа — молчаливы, и потому в городе мало кто узнал о возвращении царя.

Царь Иосиф равнодушно скользил взглядом по жилищам ремесленников, построенным из войлока и дерева и похожим на юрты, по купеческим глинобитным домам, спрятавшимся за глинобитными же заборами, по приземистым, с плоскими кровлями караван-сараям. Все постройки были присыпаны желтоватой пылью, казались унылыми и безликими.

Иосиф представил на мгновение праздничное многоцветье весенних степей, прохладные струи Маныча, синие дымки костров между юртами, и тяжело вздохнул.

Дела, дела...

Улица спустилась к протоке Волги, которая делила город на две части — Итиль и Хазар. Посередине протоки, на песчаном острове, высился кирпичный дворец Кагана,

окруженный малыми дворцами, садами и виноградниками. Это был город в городе, недоступный для простых людей. К острову можно было пройти только по наплавному мосту, возле которого всегда стояли вооруженные арсии.

Царь Иосиф спешился, бросил поводья подскочившему арсию, пошел по скрипучим, зыбко вздрагивавшим доскам моста. Внизу катилась желтоватая, тоже будто присыпанная пылью волжская вода.

Мост выводил на площадь, выложенную известковыми плитами, а за площадью стоял дворец Кагана. Он поражал своими размерами. Выше дворца были только минареты некоторых мечетей, но минареты торчали как древки копий, а дворец загораживал полнеба. Все, что окружало дворец, казалось ничтожно малым. Жилище, достойное равного богам...

Царь Иосиф медленно пересекал площадь, испытывая непонятную робость. Для царя не было тайн во дворце, да и сам Каган избран по его воле из числа безликих и безвольных родичей прошлого владыки, но сейчас Иосиф чувствовал себя слабым и униженным, ступал по белым плитам осторожно, будто опасаясь нарушить звуком шагов величавый покой.

У высоких ворот, украшенных золотыми и серебряными бляхами, Иосиф положил на землю меч, железный шлем, стянул сапоги из мягкой зеленой кожи и выпрямился, босой и смиренный. Приоткрылось прорезанное в дверях оконце, ровный бесстрастный голос спросил:

- Кто нарушил покой равного богам?
- Иосиф, слуга богов!
- Что ищет слуга богов у равного богам?
- Совета и благословения!
- Пусть ищущий войдет...

Двери бесшумно распахнулись, и царь Иосиф шагнул в загадочный полумрак дворцового коридора. Молчаливые арсии в золоченых кольчугах, с маленькими топориками в руках сопровождали его. Влажные плиты пола неприятно холодили босые подошвы. Струи дыма от горящих факелов ползли, как змеи, к сводчатому потолку.

У тронного зала Иосифа остановил привратник-чаушиар. Он коротко поклонился царю, поднес к стоявшей рядом жаровне палочку пропитанного благосвониями пальмового дерева, и дерево загорелось ровным, почти бездымным пламенем. Царь благоговейно взял горящее дерево, подержал в руках и вернул чаушиару. Таков был

обычай: хазары верили, что огонь очищает и освобождает от дурных мыслей, а перед лицом Кагана совесть человека должна быть прозрачной, как горный хрусталь.

— Бойди и припади к источнику мудрости! — сказал наконец чаушиар.

Золотой трон Кагана стоял посередине большого круглого зала. Над тронном висел балдахин из алого индийского шелка с золотыми тяжелыми кистями. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь окна, яркими пятнами расцветили ковер на полу. Торжественная тишина, не нарушаемая присутствием людей, царил в зале.

Царь Иосиф трижды поклонился пустому трону, упал ниц на ковер и не поднимал головы, пока не услышал негромкий певучий звон: управитель дворца, кендер-каган, ударил молоточком по серебряному диску.

— Жаждающий совета может приблизиться!

Иосиф на коленях пополз к трону.

Когда до подножия трона оставалось несколько шагов, снова раздался серебряный звон, и царь поднял голову. Он увидел Кагана.

Каган сидел на троне неподвижно, как каменное изваяние. Высокая шапка Кагана, сплошь покрытая золотым шитьем, поблескивала множеством драгоценных камней. Рукава белого одеяния спускались почти до пола. У Кагана было безбородое, бледное от постоянного затворничества, ничего не выражающее лицо, глаза прикрыты набрякшими веками. Что-то отреченное, неживое чудилось в лице Кагана, как будто он был уже не способен испытывать волнения и желания, свойственные простым смертным, как будто жизнь утратила для него всякий интерес и Каган всматривается только внутрь себя, отыскивая в себе непостижимые ни для кого ценности...

— О, равный богам! — начал царь Иосиф. — Пусть не покажется дерзким известие, нарушившее твой покой! От северного правителя князя Святослава приехал гонец с угрожающими словами. Призови свою божественную силу, защити Хазарию. Вели рабам твоим взяться за оружие и благослови их на подвиги!

Каган медленно склонил голову.

— Слово твое услышано и одобрено! — возгласил кендер-каган. — Божественная сила Кагана с тобой, царь Иосиф! Да постигнет врагов злая смерть и забвение потомков! Да обратятся они в пепел, сдуваемый ветром твоей славы!

Царь Иосиф снова опустил на колени и пополз к

выходу. Обычай был соблюден. Каган устами своего первого слуги произнес благословляющее слово. Теперь судьба Хазарии вручена царю, а Кагану остается лишь молить богов и ждать исхода войны. И придет к Кагану безмерное восхищение народа в случае победы или позорная смерть, если Хазарии не поможет его божественная сила.

А над крышей дворца смуглолицые арсии уже поднимали на шесте большой золотой круг. Блеск его можно было увидеть со всех концов города. Гулко ударили барабаны. Заревели большие медные трубы. Великий Каган сзывал в войско подданных своих, невзирая на племя их, достаток и вероисповедание!

Забурлил, заволновался Итиль. Толпы народа заполнили улицы и площади. Муллы с высоких минаретов звали к священной войне с неверными руссами, осмелившимися обнажить меч против благословенного аллахом города. Христиане собирались к папертям церквей, где бородатые попы призывно поднимали к небу кресты. Иудеи почтительно внимали своим сладкоречивым раввинам, которые убеждали умереть с именем бога на устах, ибо сам Каган иудей, и царь Иосиф тоже иудей, и великий визирь исповедует иудейскую веру, а потому защита их от врагов — богоугодное дело.

Лишь хазары-язычники не говорили о боге и, собираясь возле своих войлочных юрт на окраине города, ждали слова родовых вождей. Но вождей не было в городе, да и вообще кочевников в Итиле осталось мало, совсем мало. Они уже откочевали в степи, на весенние пастбища.

Царские гонцы, безжалостно нахлестывая коней, помчались искать кочевья в бескрайних степях. Но скоро ли они приведут оттуда воинов? Да и захотят ли кочевые беки, известные своим вероломством, спешить на помощь царю?

Тревожно, ох как тревожно было царю Иосифу!

Наступал час расплаты и за чрезмерное властолюбие, оскорблявшее беков, и за невыносимую тяжесть налогов, на которые роптали горожане, и за разбойничьи набеги на подвластные племена. Но только ли его, царя Иосифа, во всем этом вина? Так поступали и другие цари, а Хазария гордо стояла на рубеже Европы и Азии, внушая страх врагам, и подданные хазарских царей, разъединенные судьбами и верами, тем не менее покорно собирались к золотому солнцу Кагана!

Почему же так тревожно теперь? Что изменилось в Хазарии?

Царь Иосиф искал ответа и не находил его.

А ответ был прост, как сама правда. Зло не может продолжаться бесконечно. Держава, несущая зло подданным своим и соседям, рано или поздно сама обрушивается в бездну зла. Не была ли порождена тревога царя Иосифа предчувствием гибели? Но в этом предчувствии он не осмеливался признаться даже самому себе...

Только через неделю, когда на равнине перед городскими стенами собралось для царского смотра войско, Иосиф немного успокоился. Нет, Хазария еще достаточно сильна!

Десять тысяч отборных всадников-арсиев, закованных в блестящую броню, застыли крепко сбитыми рядами. Перед каждой сотней развевался на бамбуковом шесте стяг зеленого, священного для мусульман цвета.

Непробиваемой толщей стояло пешее городское ополчение, тоже одетое в железные доспехи. Итиль — богатый город, в купеческих амбарах и караван-сараях нашлось достаточно оружия, чтобы вооружить всех способных носить его.

А вокруг кипело, перемещаясь в клубах пыли, потрясая луками и короткими копьями, множество легковооруженных всадников. Кочевые беки все-таки привели свои орды и теперь собирались возле шелкового шатра царя Иосифа.

Казалось, забыты прежние обиды и все подданные Кагана, как в старые добрые времена, сплотились перед лицом грозной опасности. Но насколько прочным будет это сплочение, могла проверить только битва...

А пока измученные, почерневшие от недосыпания царские писцы едва успевали заносить в свои книги имена прибывших воинов, и число их уже приближалось к заветной цифре — пятьдесят тысяч... Множилось хазарское войско, и царь Иосиф без прежнего трепета выслушивал донесения гонцов о движении по Волге судов князя Святослава, а по степям — русской и печенежской конницы. На совете высших сановников и кочевых беков было решено не утомлять войско переходами, а сражаться с руссами здесь, под стенами Итиля. А потом перерешать было уже поздно. Войско князя Святослава неожиданно оказалось совсем близко, на расстоянии одного дня пути.

Царь Иосиф исповедовал иудейскую веру, но, как многие другие люди в Хазарии, считал самыми искусными воителями не своих единоверцев, а мусульман-арабов. Перед сражением с руссами он выстроил войско по арабскому образцу.

Четыре линии обычно насчитывал арабский боевой строй.

Первая линия — «Утро псового дая». Она называлась так потому, что первой начинала битву, осыпая врагов стрелами конных лучников, словно дразнила их, чтобы заставить расстроить ряды. В этой линии царь Иосиф поставил кара-хазар (черных хазар) — быстрых наездников, пастухов и табунщиков, жилистых, злых, со смуглой кожей и множеством туго заплетенных косичек, которые свешивались из-под войлочных колпаков. Кара-хазары не носили доспехов, чтобы не стеснять движений, и были вооружены луками и легкими метательными копьями-дротиками.

Вторая линия называлась у арабов «День помощи». Она как бы подпирала сзади конных лучников и состояла из тяжеловооруженных всадников, одетых в железные нагрудники, кольчуги, нарядные шлемы. Длинные конья, мечи, сабли, палицы и боевые топоры составляли ее оружие. Тяжелая конница обрушивалась на врага, когда его ряды смешивались под ливнем стрел конных лучников. Здесь у царя Иосифа стояли белые хазары — рослые, плечистые, гордые прошлыми боевыми заслугами и почетным правом служить Кагану в отборной панцирной коннице.

Но если «День помощи» не сокрушал врага, то вся конница расходилась в стороны и пропускала вперед третью линию — «Вечер потрясения». Пешие ратники «Вечера потрясения», бесчисленные, как камыши в дельте Волги, стояли стеной, опустившись на одно колено и прикрываясь щитами. Древки своих копий они вонзали в землю, а острия наклоняли в сторону врага. Преодолеть эту колючую изгородь было не легче, чем добратся незащищенным пальцем до кожи ежа. Щедро проливали нападавшие кровь перед «Вечером потрясения», пока на них, обессиленных и упавших духом, снова обрушивалась панцирная конница, чтобы довершить разгром.

Пехоты у царя Иосифа было много. Итиль — большой город, все жители его по приказу царя взяли в руки ору-

жие: ремесленники, торговцы, гребцы с судов, погонщики верблюдов, слуги знатных людей, банщики и костоправы, бродячие акробаты и всякая пная чернь, жизнь которой не стоила дороже разбитого горшка. Неумелые в одиночном бою, они, собранные в плотную толпу, представляли грозную силу. В их немых телах застрянут мечи руссов...

И наконец, позади всех, на некотором удалении, ждала своего часа последняя боевая линия, которую арабы называли «Знамя пророка», а хазары — «Солнце Кагана». Она вмешивалась в битву в решительный миг, чтобы переломить сражение в свою пользу. Здесь, возле большого золотого круга, собралась наемная конная гвардия мусульман-арсиев.

Арсиев берегли. Они вступали в бой только при крайней необходимости. Зато им доставалась львиная доля добычи. Арсии безжалостно вырубали дамасскими мечами и бегущих врагов, и своих же воинов, если те, устрашившись, начинали отступать. Вместе с арсиями был царь Иосиф. Он стоял на высоком помосте, под золотым кругом, а далеко впереди, на зеленой равнине, россыпью бесчисленных разноцветных точек разворачивалось войско князя Святослава.

Руссы приближались медленно, и царю Иосифу показалось, что князь Святослав намеренно оттягивает начало битвы. Не испугался ли предводитель руссов, увидев перед собой столь грозное и многочисленное войско? Может быть, он не захочет испытывать судьбу в сражении и начнет переговоры?

Дружины руссов, одетых в кольчуги светлого железа, уже не раз проходили через хазарские владения. Руссы вырубали своими длинными прямыми мечами сторожевые заставы, пытавшиеся преградить им путь, захватывали добычу и пленников, но, не задерживаясь в Хазарии, уходили на Каспий или за Кавказские горы. Спустя много месяцев они возвращались, обремененные добычей, и, не желая рисковать всем добытым богатством, отдавали часть хазарам за безопасный проход через их владения. Может, и князь Святослав минует Хазарию, удовлетворившись богатым выкупом?

Кажущаяся медлительность войска Святослава как будто подтверждала мысли царя Иосифа, и он уже прикидывал, сколько можно отдать руссам серебра и товаров, чтобы они не причинили вреда Хазарии...

Даже себе самому царь Иосиф боялся признаться, что

мысли эти были порождены неуверенностью в войске. Когда он утром объезжал боевой строй, воины встречали царя угрюмо и обреченно, на их лицах не было заметно той восторженной готовности к самопожертвованию, без которой невозможна победа. Войско походило на старое дерево, со виду могучее, но на самом деле уже надломленное, готовое обрушиться наземь от сильного порыва ветра...

Только наемники-арсии были привычно спокойны и бесстрашны. Для них, наследственных воинов, война была простой работой, пусть опасной, но — работой. Они давно уже продали свои жизни царю за серебряные монеты, обильную еду и почетные привилегии. Арсии будут сражаться как разъяренные быки. Ничего другого они не умеют и не желают делать. Но способны ли арсии увлечь за собой все войско?..

Пешие руссы приближались, вытягиваясь вперед клином. На острие клина шли богатырского роста воины в железных панцирях и шлемах, глубоко надвинутых на брови. Живот, бедра и даже голени воинов были обтянуты мелкой кольчужной сеткой, непроницаемой для стрел. Руки в железных рукавицах сжимали устрашающе большие секиры. А вправо и влево от дружины богатырей-секироносцев — сплошные линии длинных красных щитов, которые закрывали пеших руссов почти целиком, от глаз до кожаных сапог. Над щитами поблескивали острия бесчисленных копий.

На крыльях русского войска двигалась конница: справа — светлая, переливающаяся железом дружинных доспехов, слева — черная, зловещая. Царь Иосиф догадался, что это печенеги, и подумал, что там самое слабое место. Печенежские воины быстры, но нестойки в прямом рукопашном бою.

Но пока рано, рано думать о печенегах. Главное — пешая рать руссов. Если сокрушить пешую рать, то печенеги сами разлетятся в стороны, как брызги от брошенного в лужу камня...

Царь Иосиф поднял обе руки вверх.

Арсии вскинули копьа и разом испустили грозный боевой клич, от которого качнулся золотой круг над головой царя. Взревели хазарские трубы. Завизжали, завыли черные хазары, подобно гончим псам рванулись на руссов. Непрерывным весенним ливнем полились оперенные железом стрелы.

Руссы продолжали идти вперед медленно, но неудер-

жимо, и в их строю не было заметно павших, только щиты обрастали щетиной вонзившихся стрел.

Снова затрубили хазарские трубы. Мимо расступившихся конных лучников промчались белые хазары, всесокрушающий «День помощи». Звеня доспехами, тяжелая конница белых хазар докатилась до линии красных русских щитов и встала, будто натолкнувшись на крепостную стену. Задние всадники напирали на передних, а те пятились перед колючей изгородью копий. Все смешалось. Белые хазары кружились на месте, не в силах прорвать строй руссов и не в состоянии вырваться из схватки. А над их головами поднимались и мерно опускались огромные секиры, от которых не было спасения. «День помощи» рассыпался на глазах. Кучки обезумевших всадников вырывались из сечи, скакали, нахлестывая коной, подальше от страшного русского клина. Царь Иосиф вдруг с ужасом понял, что рассеянную конницу больше не собрать. Для хазарского войска наступал вечер...

Чужая, негибкая воля направляла ход битвы, п царь Иосиф думал теперь только о том, чтобы продержаться до темноты и укрыться за городскими стенами. А для этого пешая рать «Вечера потрясения» должна остановить руссов, остановить во что бы то ни стало!

Равнина уже очистилась от конницы, и только вытопанная трава да множество убитых и раненых черных и белых хазар напоминали о происходившей здесь жаркой сече.

Руссы, сотрясая землю, продолжали двигаться вперед.

Клин русского войска, возглавленный секироносцами, вошел в толпу хазарских пешцев неожиданно легко и, рассекая ее надвое, приближался к золотому кругу. В тесноте воины отбрасывали бесполезные копьа и сражались мечами, топорами, кинжалами. Перешагивая через чужих и своих павших, поскальзываясь на мокрой от крови траве, выкрикивая хриплыми голосами боевые призывы, руссы шли вперед, и царь Иосиф чувствовал, что «Вечер потрясения» долго не выстоит.

Тогда он решил на последнее, отчаянное средство: он послал гонца за Каганом, чтобы равный богам, явившись на поле битвы, воодушевил воинов и устранил врагов...

Каган выехал из ворот Итиля на белом коне. Чаушиар и кендер-каган держали над ним большой шелковый зонт, чтобы ни один луч солнца не упал на божественное лицо.

Многочасная, как весенний луг, следовала свита Кагана. Шествие замыкали двадцать пять жен Кагана, которые ехали на богато украшенных верблюдах.

В свите Кагана было так много нарядных всадников, драгоценности и оружие телохранителей так ослепительно блестели на солнце, что князю Святославу показалось: на помощь хазарам спешит из города новая рать. И он послал гонца к печенегам, стоявшим в засаде возле реки, чтобы они остановили эту рать. Печенежские всадники высыпали из зарослей и с воинственными криками устремились наперерез Кагану и его свите.

Бег печенежской конницы казался неудержимым. Прильнув к гривам коней, выставив вперед острые жала копий, печенеги приближались к Кагану. Тот остановился. Позади, равнодушно поглядывая на приближавшихся печенегов, застыла свита, как будто Каган был щитом, способным прикрыть от любых опасностей.

— Каган! Это Каган! — вдруг раздались испуганные вопли. Печенежские всадники, мгновенно назад свирепые и неустрашимые, остановились. Они бросали в траву оружие и падали сами, уткнувшись лбами в землю. Слепая вера в божественную силу Кагана, о которой они столько слышали от хазар, лишила печенегов воли. Страх перед Каганом оказался сильнее страха смерти, и печенеги безропотно ложились под копыта хазарских коней. Так вот на что надеялся царь Иосиф, призывая Кагана!

А Каган продолжал свое неторопливое шествие, и хазары, увидев его, кричали торжествуя и радостно: «Каган! Каган! Божественный Каган!» Сразу что-то изменилось на поле битвы. Пешие хазары яростней взмахивали саблями и топорами, теснее смыкали ряды. Конница белых хазар собиралась вместе и выравнивалась, готовясь к новой атаке. И неизвестно, как повернулось бы дело, если бы отчаянный русский лучник не сразил Кагана стрелой. Взмахнув длинными рукавами, Каган вывалился из седла.

Горестно завывали хазарские воины.

Чаушиар и кендер-каган склонились над своим поверженным повелителем. Каган лежал на спине, бессильно раскинув руки; черная стрела с непонятными знаками на древке вонзилась между бровей, и капли крови скатывались по переносице в остеклевенные глаза. Божественный Каган был мертв...

Отчаянные крики разнеслись над полем: «Горе! Горе! Каган ушел от нас! Закатилось солнце Хазарии!» Рас-

сыпались и обратились в паническое бегство телохранители и слуги. Высоко вскидывая голенастые ноги, затрусили к городским воротам верблюды жен Кагана. Воины хазарской пешей рати дрогнули, опустили оружие, покорно склонили головы под мечи набегавших руссов. Каган убит, божественная сила отступилась от Хазарии, стоило ли продлевать агонию бесполезным сопротивлением?..

Хазарского войска больше не было, была толпа растерявшихся, упавших духом людей, которую теснили и избивали руссы.

Только царь Иосиф с конными арсиями бросился на прорыв и, потеряв большинство воинов, усакал с уцелевшими в степь. Печенеги преследовали беглецов, осыпая стрелами. Тела арсиев густо усеяли дорогу бегства, но сам царь с кучкой телохранителей скрылся в наступившей темноте. Ночь, покровительница беглецов, спасла его от верной смерти. Царь Иосиф спешил к Саркелу, хазарской крепости на Дону, чтобы укрыться за ее кирпичными стенами.

А русское войско, завершив разгром хазар, осталось ночевать на костях, на поле брани. Запылали огромные костры, в которые воины Святослава швыряли не дрова, а древки хазарских копий — так много брошенных копий оказалось на поле. Зазвенели, расплескивая рубиновое аланское вино, заздравные чаши. Гремели победные песни, и даже раненые подтягивали хриплыми, прерывающимися голосами. Великой была победа, и великой была радость войска. Сладок пир на костях поверженных врагов. Нет лучше тризны в память павших товарищей. Слава храбрым, отличившимся в бою! Слава князю Святославу!..

Жители Итиля смотрели с городской стены на празднующих руссов. Многие думали, что следующего утра им не пережить, и с молитвами готовились к смерти. И оно пришло, сумрачное утро поражения...

9

Ночью горожане, имевшие свои ладьи или деньги, чтобы заплатить чужим кормчим, покинули Итиль. Как стало известно впоследствии, они искали спасения на пустынных берегах Хвалынского моря. Больше всего беглецов укрылось на Баб-ал-Абвебе и Сня-Сухе¹. Они на-

¹ Апшеронский полуостров и Мангышлак.

деялись отсидеться в безопасных местах, а потом завязать мирные переговоры с князем руссов, отдать дань, какую он потребует, и возвратиться в Итиль. Чем язычник Святослав хуже иудея Иосифа? Оба чужие! Для купцов родина там, где можно наживать богатство. А переход Хазарии под власть князя Святослава сулил торговым людям небывалые возможности. Открывались свободные пути в необъятную Русь и в города Византии. Не все ли равно, кому платить торговую десятину?..

На следующий день молчаливые дружины руссов, предостерегающе звеня оружием, вошли в Итиль. Они миновали глинобитные жилища западной части города, замкнутой в кольцо кирпичных стен на правом берегу Волги. Здесь зимой жили кочевые беки со своими людьми, а летом по пустым улицам, заросшим скудной пыльной травой, бродили овцы и верблюды. Не здесь было главное богатство Итиля, а на острове, где высился дворец Кагана, и на другом берегу реки, в Хазаре, который еще называли Сарашел — «Желтый город», месте обитания купцов и ремесленников, рынков и складов с товарами.

Возле наплавного моста уже не было сторожевых арсиев. Небольшой отряд наемников преградил дорогу руссам только на площади перед дворцом. Не рассудок, но отчаяние вывело их под мечи руссов; короткая свирепая схватка, и последние защитники Итиля полегли на каменные плиты. Руссы изрубили секирами двери дворца и ворвались внутрь.

Целый караван верблюдов, тяжело нагруженных золотом, серебром, драгоценными тканями, дорогим оружием и амфорами с греческим вином, привел в воинский стан князя Святослава воевода Свенельд, которому было доверено собрать лучшую добычу. А когда руссы покинули город, в Итиль ворвались буйные орды печенежских всадников. Печенеги рассыпались по улицам, вламывались в жилища, избивали горожан трехгранными кривыми мечами, тащили на волосяных арканах пленников, расхватывали имущество. Город окутался дымом бесчисленных пожаров. Князь Святослав расплачивался со своими печенежскими союзниками хазарским добром.

...Потом впереди русского войска полетит добрая молва о князе Святославе, который беспощаден только к врагам и не забирает последнее, и другие хазарские города предпочтут сдаваться руссам без боя, чтобы их не отдали на растерзание свирепым печенегам.

А поход продолжался. От разоренного печенегами Итиля войско князя Святослава двинулось на юг, к древней столице Хазарии — Семендеру. Здесь, в предгорьях Северного Кавказа, жили оседлые люди, разводили сады и виноградники, сеяли хлеб. В Семендере был свой царь из арабского рода Кахвана, по имени Салифан, исповедовавший мусульманскую веру. Царь подчинялся хазарам, но у него были свои вельможи, свое войско и свои крепости, и хазары не входили в его владения со своими кочевьями, довольствуясь данью и внешней покорностью.

Приближение русского войска застало царя Салифана врасплох. Семендерское войско потерпело поражение и рассеялось по укрепленным поселкам; таких поселков, окруженных каменными стенами, было здесь много. Беззащитный Семендер сдался на милость победителей.

Князю Святославу город не понравился. Беспорядочное скопление жалких построек в виде шатров из дерева, переплетенного камышом и обмазанного глиной... Хищные минареты мечетей... Приземистые караван-сарай... Пыльные вихри на торговых площадях... Душный зной и зловоние из переполненных нечистотами рвов... Бедно одетые, униженные люди...

Сам царь, его вельможи и богатые горожане бежали в горы, увозя во вьюках и на двухколесных повозках, запряженных волами, все ценности.

Разочарованный Святослав отдал Семендер печенегам...

Стремительно пролетали летние дни, но еще стремительнее было движение войска князя Святослава через земли аланов и кософов, жителей предгорий.

Егорлык, Сальские степи, Мангыч...

Взята копьем сильная хозарская крепость Семикара, построенная для защиты сухопутной дороги к устью реки Дона...

Вперед! Только вперед!

Осколки разгромленных аланских и косожских ратей оставлены на съедение печенегам, которые шли следом за русским войском, как стая волков за караваном, и доvolvствовались отбросами.

Нечастые дневки на берегах рек и у степных колодезцев почти не задерживали войско. Пока одни дружинники отдыхали, другие продолжали двигаться вперед, расчищая путь мечами и захватывая свежих коней для

обоза. Близился край коренных хазарских владений. Ночные ветры с закатной стороны уже приносили соленый запах моря.

Когда от жителей прибрежных городов Тмутаракани и Корчева приехали тайные послы, князь Святослав объявил воеводам:

— Война окончена. Впереди земли, жители которых не хотят быть нашими врагами. Пора вложить мечи в ножны и проявить к людям милость...

И это была правда. Разноязыкое и разноплеменное население прибрежных городов лишь вынужденно терпело власть хазарского царя. Хазарские гарнизоны сидели за стенами цитаделей, окруженные морем ненависти. В победоносном войске князя Святослава горожане видели избавителей от хазарского ярма и были готовы подняться с оружием в руках на своих угнетателей. Печенеги, следовавшие за русским войском, превратились в опасную обузу. Нужно было избавляться от временных союзников...

Однако печенеги рвались к богатым приморским городам, которые, как казалось вождям, были их законной добычей.

— Осталось всего два дня пути до моря, — настаивали печенежские вожди, приехавшие в шатер князя Святослава. — Зачем прогоняешь нас? Хочешь один забрать всю добычу? Мы пойдем за тобой, как раньше шли!

...Застыли в боевом строю русские дружины, повернувшись спиной к морю, а лицом и копьями — к печенежским станам, которые черными островами стояли среди выжженной солнцем бурой степи и угрожающе гудели, готовые силой поддержать требования своих вождей.

Князь Святослав убеждал вождей повернуть коней на север, где в степях еще остались стада и табуны хазарских кочевых беков, где уже не нужно будет сражаться, но только брать добычу.

— Вы степные люди, — говорил князь, — и ваше место в степях. Оставайтесь мне друзьями и союзниками. Только в степях не пересекутся наши дороги, и будет между нами мир, как прежде...

...А русские дружины продолжали стоять под палящим солнцем, и воеводы только ждали знака, чтобы силой оружия разметать станы печенегов и принудить их к отступлению...

Грозная картина готового к битве дружинного войска убеждала печенежских вождей лучше, чем самые изощренные речи. В княжеский шатер вползали на коленях слуги вождей, что-то шептали, опасливо поглядывая на предводителей русского войска. И вожди смиряли свой гнев, начинали говорить просительно, настаивая уже не на продолжении совместного похода, а на справедливом разделе прежней добычи. Такой оборот дела устраивал князя Святослава, и он после недолгого спора согласился отдать печенегам треть копей и пленников. Вожди посчитали это за удачу и разъехались по своим станам удовлетворенные.

Ночь после переговоров была беспокойной. Дружинники не расседывали коней и не снимали кольчуг, готовые отразить вероломное нападение: от печенегов можно было ждать самого худого! Но когда над степью поднялось багровое солнце, на месте печенежских станов остались лишь черные пятна остывающих костров да вытоптанная конскими копытами трава. Печенеги ушли. Конные разъезды, поехавшие следом за ними, сообщили князю, что печенеги ушли невозвратным путем...

А в городе Тмутаракани уже разгоралось пламя мятежа, грозившего поглотить хазарский гарнизон. По темным улицам, прячась от стражи, перебегаючи закутанные в плащи люди. Из-за саманных заборов слышался скрежет стали о точильные камни. В храме Иоанна Предтечи собрались городские старейшины — не только христиане, но и мусульмане, и иудеи, и люди совсем непонятных и неизвестных религий, которые они привезли из дальних стран вместе с товарами, краснолицыми рабами и диковинными животными: ненависть к хазарам объединила всех. Приукрашенные щедрой людской молвой рассказы о непобедимости русского войска вселяли уверенность в конечной гибели Хазарии, а обнадеживающие слова тайных послов, возвратившихся от князя Святослава, порождали надежды на выгоды от свободной торговли. Алчным огнем загорелись глаза купцов, когда они узнали о намерении князя Святослава продать в Тмутаракани и Корчеве несметную добычу хазарского похода: степных скакунов, пленников, драгоценности Кагана и царя, меха из складов Итиля, шелка Семедера, аланское кованое серебро...

Тмутараканский тадун, извещенный соглядатаями о недовольстве горожан и напуганный приближением русского войска, решил покинуть город. Из цитадели вы-

ехали всадники с факелами в руках. Хазары швыряли факелы на деревянные крыши домов, убивали жителей, пытавшихся тушить пожары, и, предав улицу огню, ехали на другие улицы. Сплошное дымное зарево поднялось над Тмутараканью. От нестерпимого жара трескались и осыпались городские стены.

Навстречу войску Святослава поскакали, загоняя на смерть коней, гонцы от старейшин погибшего города: «Спаси, княже! Поспеси в Тмутаракань!»

Но русское войско опоздало. Хазарский гарнизон успел погрузиться на суда и переправиться на другую сторону пролива, в Корчев, где тоже была цитадель и тоже сидел хазарский тадун. Князя Святослава встретили толпы рыдающих тмутараканцев — в прожженных одеждах, с набухшими от крови повязками на свежих ранах. Воздевая руки к равнодушно-красивому южному небу, они проклинали хазар и призывали несчастья на их головы. Многие изъявили желание тут же взяться за оружие и помочь руссам изгнать хазар из Корчева.

Через пролив переправилась только небольшая дружина воеводы Свенельда, но и ей не пришлось принять участие в битве за Корчев. Вооруженные горожане со всех сторон окружили корчевскую цитадель, привезли камнеметные орудия и множество лестниц. С отчаянной злостью горожане полезли на стены, задавили своим многолюдством защитников цитадели и убили тадунов. К вечеру ни одного живого хазарина не осталось в Корчеве. Не осталось и мертвых: тела убитых хазар сбросили в городской ров, на съедение бродячим псам. Отрубленные головы двух тадунов — тмутараканского и корчевского — привезли князю Святославу и швырнули в пыль к его ногам...

Русские дружины, не приближаясь к огнедышащим стенам Тмутаракани, разбили станы в окрестных селениях, в садах, которых было много в окрестностях города. Омывали усталые, растертые кольчугами до кровавых ссадин тела в ласковых водах Сурожского моря. В огромных количествах поглощали вареную баранину и фрукты, принесенные благодарными тмутараканцами. Как будто не в чужую землю, а к себе домой пришло войско. Как будто наступило время отдохновения от ратных трудов, время пиров и мирной торговли.

Тмутараканские и корчевские купцы, еще вчера с яростными воплями карабкавшиеся на стены цитадели,

теперь звенели серебром в кожаных кошелях, раскидывали перед восхищенными глазами дружинников драгоценные греческие паволоки, щедро плескали в кубки темное вино из узкогорлых амфор.

Война и торговля всегда идут рядом. Кончается война — начинается торговля, а за торговлей снова следует война. Война и торговля... Неразрывны они, как добро и зло в человеке, как чередующиеся времена года.

Но пока на берегу Сурожского моря царили мир и торговля, а что касается будущего — о том знает князь. Не дело воинов задумываться о будущем, когда вокруг все так радостно...

Пожалуй, только пленники, которых в гремучих цепях вели на суда работоторговцев, несли в себе неизбывное горе. Впереди у них был бесконечный тяжкий путь по невольничьим рынкам Византии, Сирии, Египта и иных чужих стран, названия которых они даже не знали.

Из песни не выкинешь даже горького слова — рассыплется песня. Что было, то было! Пленники такая же добыча похода, как золотые кубки, серебряные монеты-диргемы, шелк и оружие, меха и скакуны, отары овец и караваны верблюдов. Святослав был сыном своего времени и не видел ничего зазорного в том, что пленников обменивали на необременительные в пути, но такие тяжеловесные золотые монеты...

Веселым и безмятежным казался людям князь Святослав, и навряд ли даже ближние мужи догадывались, что для предводителя войска наступило время тягостных раздумий и сомнений.

Хазарский поход закончился. Остатки хазарских кочевий в степях между Волгой и Доном развеют в прах печенеги — недаром печенежские вожди так жаждали новой добычи! Последняя хазарская крепость — Саркел, где, по слухам, укрылся царь Иосиф, в случае необходимости будет сметена с лица земли, как куча опавших листьев порывом свежего ветра. Куда дальше вести войско?..

Воины еще отдыхали на теплом морском берегу и залечивали раны прошлого похода, а могучие внешние силы уже закружились вокруг стана князя Святослава, подталкивая его войско в выгодную для себя сторону. Из этих внешних сил, торопившихся извлечь корыстную пользу из чужих побед, самой опасной и настойчивой была Византийская империя...

Архонт руссов Святослав вышел к Босфору-Киммерийскому!

Благоденствие херсонской фемы зависит лишь от его доброй воли! Железнобокая конница эмира северных народов Святослава в неделю пути от кавказских перевалов, и некому преградить дорогу коннице в пределы халифата!..

Конунг Святослав собирает ладьи, и скоро море станет опасным для варяжских торговых караванов!..

Святослав выбирает, на кого обрушить меч!..

Святослав, Святослав, Святослав...

Грозное имя русского князя звучало осенью 965 года на многих языках, оно произносилось то с тревогой и ненавистью, то с восхищением и надеждой, но никогда — равнодушно. Князь Святослав казался живым воплощением могучей силы, которая разнесла вдребезги обветшавшее здание Хазарского каганата и теперь напряживала мускулы для нового прыжка.

Вожди кочевых племен и наместники обширных областей, стратеги византийских фем и императорские сановники, мусульманские визири и прославленные полководцы арабского халифата ловили слухи о числе воинов князя Святослава, подсылали соглядатаев, составляли про запас хитроумные посольские речи, готовили караваны с богатыми дарами на случай мира и копыя на случай войны. Но больше всего их интересовал сам русский князь, неожиданно вознесшийся из небытия на вершину воинской славы. Они расспрашивали очевидцев хазарского похода о словах и делах Святослава, прикидывали, как использовать его возможные слабости, чтобы повернуть дело на свою пользу. Даже за внешней простотой, которой, по слухам, отличался предводитель русского войска, подозревали какой-то особый, пугающий своей непонятностью скрытый смысл. Гадали, к какой религии склонится князь, ибо не может правитель огромной страны довольствоваться никому не ведомыми языческими идолами! Делали многозначительные выводы из милости князя к тмутараканским христианам, а потом недоумевали, почему купцы-мусульмане тоже хвалят Святослава. Все, казалось бы, взяли на заметку и разложили в удобном для себя порядке многоопытные вершители государственных дел, даже то, что князь Святослав был молод, очень молод — в лето хазарского похода ему исполнилось два-

дцать три года. Возраст, когда чувства еще властвуют над разумом, когда не хочется терпеливо распутывать жизненные узлы и рука сама тянется к мечу, чтобы одним взмахом разрубить их, когда горячая голова подсказывает дерзкие и опрометчивые решения...

Представлялось вероятным, что юный предводитель руссов шагнет через Босфор-Киммерийский, в сказочно богатую Таврику, где среди вечной зелени нежатся на берегу теплого моря белые города, где сады отяжелели от диковинных фруктов, а неслучайные отары овец сползают по горным склонам в долины. Разве можно удержаться при виде незащищенного богатства? А то, что богатство Таврики само просится в руки князя Святослава, было ясно каждому. Не херсонский же стратиг со своими обленившимися лучниками может остановить руссов! Вот когда император пришлет триеры с войском, тогда начнется настоящая война. Но произойдет это очень не скоро, вероятнее всего, после зимних штормов, и войско князя Святослава успеет насладиться благодатным покоем и щедрыми дарами Таврики. Способен ли юный правитель варварской страны заглянуть далеко вперед, чтобы уяснить грядущие опасности? Устоит ли перед опрометчивыми советами варягов, которых, по слухам, много в его войске и которые жаждут только добычи?..

Начертанный растревоженным воображением, таврический путь князя Святослава казался единственно возможным и даже неизбежным, как ливень, который следует за черной тучей...

Но они ошибались, эти многомудрые мужи, угадыватели чужих мыслей и похитители чужих тайн, и причина их ошибки коренилась в непонимании самой сути хазарского похода князя Святослава. К Босфору-Киммерийскому пришел не лихой стяжатель военной добычи, а предводитель войска могучей державы, и его стремительный бросок через Хазарию был лишь началом единого сабельного удара, который прочертит на карте Восточной Европы широкий полукруг от Каспия до балканских владений Византийской империи. Князь Святослав мыслил иными масштабами, чем предводитель хвалынского похода варяг Свенельд или даже его собственный отец Игорь Старый, мечты которого не простирались дальше военной добычи, даров византийского императора и выгодного торгового договора. Но о сиюминутной выгоде думал князь Святослав, остановивший войско на пороге беззащитной Таврики, но о будущих великих походах.

Время воевать с византийским императором еще не пришло. Недавние завоевания требовали закрепления. Еще сидел за кирпичными стенами Саркела царь Иосиф, мечтавший сложить из обломков Хазарии новый каганат. Не надежны были вятичи, которым невредимый Саркел по-прежнему казался символом хазарского могущества. Чем были для вятичей победы князя Святослава под Итилем и в предгорьях Северного Кавказа? Даже эхо этих побед едва долетало до вятичских лесов. А Саркел был рядом, на глазах, и по-прежнему оставался хазарским. Князь Святослав понял, что только гибель Саркела под ударами его войска лишила бы вятичей последней веры в силу Хазарского каганата.

Самому Святославу взятие Саркела не сулило ни добычи, ни славы. Что значило овладение маленькой крепостцой, затерявшейся в глубине степей, по сравнению с недавними громкими победами над хазарами? Но было нечто такое, что перевешивало добычу и славу, — военная и государственная целесообразность. Князь Святослав пошел своим, никем не предсказанным, но единственно возможным путем. Это уже была зрелость полководца и правителя...

Правоту этого шага подтвердил впоследствии русский летописец. Спустя столетие он расскажет как о великом успехе о взятии князем Святославом Саркела, но умолчит о подобных сказкам победах в дальних землях, и объяснить это следует, конечно, не случайностью или неосведомленностью: летопись зафиксировала то, что было действительно важно для Руси!..

Пройдут века, и ревностные историки примутся искать причины неожиданного поворота князя Святослава от заманчивой Таврики на хмурый север в посольстве грека Калокира, сына херсонского протевона¹, который будто бы вошел в доверие к «начальнику тавров» и склонил его на союз с византийским императором. Недаром-де император Никифор Фока потом осыпал почестями удачливого херсонца и поручил ему важнейшее посольство в Киев...

Но не правильнее ли предположить, что Калокир добился желаемого ухода русского войска от порога Таврики лишь потому, что это входило в намерения самого князя Святослава?

Князь Святослав извлек немалую пользу из поспешной готовности Калокира сделать все, что могло бы спо-

собствовать успеху переговоров. Зерно, солонина и фрукты из селений херсонской фемы пополнили запасы войска. Дружинники оделись в легкие греческие ткани, которые не притягивали солнце, но отталкивали его, оставляя плечи прохладными. Искусные ладейные мастера из эмпориев южного берега помогли снаряжать суда. Сославшись на трудности приступа к каменным стенам Саркела, князь выговорил у Калокира даже катапульты для своего войска. Да что удивляться щедрости херсонцев? Посол Калокир был готов усыпать розами и окропить вином всю дорогу от Босфора-Киммерийского до Саркела, лишь бы князь Святослав поскорее ушел от порога Таврики!..

Святослав чувствовал, что в дружеских заверениях Калокира скрывается не только опасение за судьбу Херсона, но еще какой-то неясный, дальний расчет. Туманные намеки на возможность совместного похода в цветущие балканские земли воспринимались князем как окно в неведомое, как мостик, который греки готовы услужливо перекинуть через непреодолимую глубину рва, отделявшего Русь от больших европейских дел. Грекам явно что-то нужно от русского князя! Осторожная недоговоренность посольских речей Калокира воспринималась Святославом как желание предварительно заручиться согласием императора, ибо не о единении с херсонской фемой туманно говорил посол, но о будущем союзе двух великих держав. Последующие события показали, что предчувствия не обманули князя Святослава...

Князь Святослав уходил из Тмутаракани, оставляя позади себя не кровь, не проклятия и дым пожаров, как в хазарской земле, а благодарную память жителей. Добрые семена доверия и дружбы, посеянные им в тмутараканской земле, скоро прорастут щедрой нивой. Поднимется на берегу Сурожского моря еще одно русское княжество, и будут править там князья русского рода, пока не сметет их черное половецкое половецье...

Саркел по-хазарски означает «Белый дом».

Свое название Саркел перенял у старой крепости, которая была построена когда-то на другом берегу Дона из белоснежного камня-известняка. Старая крепость давно погибла, развалины ее заросли колючей степной травой, но название «Белый дом» осталось в памяти людей.

¹ Протевон — выборный глава херсонского сената.

И когда на левом берегу реки построили новую крепость, название осталось ей как бы в наследство.

В новом Саркеле не было ничего, что бы оправдывало древнее название. Стены крепости были сложены из красно-бурых больших кирпичей. Шестнадцать квадратных башен как зубы сказочного дракона угрожающе торчали над степью. Еще две башни, самые высокие и мощные, стояли за внутренней стеной, в цитадели. По ночам на башнях зажигали костры, чтобы путники могли в темноте найти крепость.

Но попасть внутрь Саркела было нелегко. Крепость отгородилась от степей не только несокрушимым кирпичом стен, но и водой. С трех сторон невысокий мыс, на котором стоял Саркел, омывался волнами Дона, а с четвертой — восточной — стороны были прорыты два широких и глубоких рва, заполненных водой.

Что-то чужое, нездешнее было в облике Саркела. Хазары-кочевники говорили о Саркеле с суеверным страхом и старались не приближаться к его стенам цвета запекшейся крови. Как ненасытное чудовище, Саркел поглощал целые стада быков и баранов, обозы зерна, тысячи пузатых бурдюков с вином и кобыльим молоком, взамен выплескивая в степь только летучие отряды свирепых наемников-гузов. Саднящей занозой торчал Саркел в зеленом теле степи: непонятный, злоедающий, ненужный населявшим эту степь людям...

Крепость Саркел в девятом веке подняли из земли честолюбивые замыслы хазарского царя, но осуществили эти замыслы не сами хазары, а пришельцы-византийцы. По просьбе царя византийский император Феофил прислал на берега Дона спафарокандидата Петрону Каматира, брата своей любимой жены Феодоры, а с ним зодчих и каменщиков. Они выстроили крепость по привычному византийскому образцу, несколько не заботясь о том, вписывается ли она в мягкие волны стеного моря.

В Саркеле поселились разноязычные и разноплеменные, отчужденные друг от друга люди: болгары, аланы, иудеи, мордва, а в цитадели стали гарнизоном триста наемников-гузов. Хазарский царь не доверял собственному народу. Хазар-кочевников впускали в крепость только днем, в небольшом числе, и все оружие они должны были оставлять возле воротной башни.

Жизнь в крепости текла уныло и однообразно. Копышились в темных полуземлянках в западной части Саркела мастера-ремесленники, крутили гончарные круги,

постукивали молотами по наковальням, дубили в чанах вонючие кожи. Уличные торговцы раскладывали прямо на земле свои нехитрые товары и дремали, прислонившись к глинобитным заборам. А в цитадели, отделенные от остальной крепости еще одной стеной, в душных войлочных юртах варили в котлах конину и тянули свои заунывные песни степняки-гузы. Они не привыкали к городской жизни. Царь ежегодно заменял наемников, чтобы среди них не успела созреть измена.

Наместником крепости всегда назначался близкий родственник царя, младший брат или племянник. Кочевые беки говорили с обидой, что Саркел принадлежит не Хазарии, но лично царю. Так оно и было в действительности. Саркел — царская крепость, последнее убежище царя в случае смертельной опасности. Поэтому не было ничего удивительного, что после разгрома под Итилем царь Иосиф направил своего коня именно к Саркелу. Его преследовали печенеги и небольшой отряд дружинной конницы. Но массивные, окованные железными полосами ворота Саркела захлопнулись за спиной царя раньше, чем погоня успела добежать до крепостных стен...

Печенеги не умели брать приступом крепости, а русских дружинников было мало. Началась неторопливая, вялая осада. Возле обеих воротных башен Саркела встали сторожевые заставы. Заколоченные в землю острые колья преградили путь гузам, пытавшимся устраивать вылазки. А потом печенеги окружили всю крепость кольцом составленных рядом и связанных ремнями телег.

Весенняя прохлада сменилась летним зноем, а потом и осень подкралась: пыльная, знойная. Пожелтевшая трава звенела как выкованная из меди. Обмелевший Дон обнажил песчаные плесы, и, когда задували раскаленные полуденные ветры, мелкий белый песок струился как вода. Из пересохших крепостных рвов несло нестерпимым трупным смрадом. Над зубчатыми башнями кружились коршуны; их было так много, что казалось — коршуны слетелись к этому страшному месту со всего Дикого Поля.

Тягостно и скучно было осаждавшим, но осажденным еще тяжелее. Гузы давно съели своих коней и варили в котлах сырые кожи, благо кожевники Саркела имели большие запасы. Колодцы в крепости пересохли, а добывать воду из Дона удавалось редко: все тропинки к реке стерегли печенежские лучники. Защитники Саркела с тоской и надеждой поглядывали на безоблачное небо, мо-

лили богов о благодатном дожде. Но только однажды вдалеке прокатился гром, небо многообещающе нахмурилось тучами. Однако дождь пролился за рекой, будто в насмешку уронив на плоские крыши и пыльные улицы Саркела редкие россыпи крупных капель...

Царь Иосиф уединился в башне, которая стояла посередине цитадели. Возле узкой двери, прорезанной в кирпичной толще башни, стояли свирепого вида арсии с обнаженными мечами. Жители Саркела давно иссохли от голода и жажды, а усатые лица арсиев сыто лоснились, мясистые плечи распирали кольца доспехов. В глубоких подвалах башни еще сохранились запасы пищи и вина. Тяготы осады не коснулись царя и его телохранителей. Башня была крепостью в крепости, последним оплотом и последней надеждой царя Иосифа.

Перед заходом солнца Иосиф выходил на верхнюю площадку башни и подолгу стоял на виду у людей: в длинной белой одежде, прямой и неподвижный. И защитники Саркела думали, что царь беседует с богами, и надеялись на чудо, и эта надежда поддерживала их решимость обороняться.

А на что надеялся сам Иосиф? Чего он ждал?

На этот вопрос мог ответить только он, но в крепости не было человека, который осмелился бы спросить царя. Обитатели полуземлянок западного города и войлочных юрт цитадели страдали от голода и жажды, умирали от ран и болезней, изнемогали в несменяемых караулах на стенах, но тоже на что-то надеялись и чего-то ждали. Может, смерти, которая единственно могла избавить от нестерпимых мук осады?..

Судовая рать князя Святослава подплыла к Саркелу с ликующими трубными возгласами, с воинственными песнями — отдохнувшие в садах Тмутаракани воины были веселы и беспечны. Гузы тоскливо смотрели сквозь бойницы, как разбухали от множества людей воинские станы у крепости, как черными змеями ползли вдоль берега конные рати. Гузы не кричали и не пускали стрелы, даже когда чужие всадники подъезжали совсем близко к стенам. Видимо, они чувствовали приближение конца и сберегали силы для последнего боя. А то, что последний бой недалек, было ясно по деловитой суете на берегу Дона. Прибытие князя Святослава сразу прогнало согнутую одурь, царившую в осадном войске. Стучали, как дятлы, топоры плотников, сколачивавших длинные штурмовые лестницы. Византийские мастера в коротких си-

них кафтанах хлопотали возле катапульта, прилаживали к рамам упругие канаты, сплетенные из воловьих жил. Дружинники ставили на колеса деревянный сруб, обтянутый сырой бычьей кожей. Внутри висело на цепях тяжелое дубовое бревно, окованное железом, — таран. Печенеги под присмотром русских десятников растаскивали ограждение из телег. Тысячи людей подносили землю в мешках и корзинах, обозную рухлядь, охапки сухой травы, коряги, выброшенные волнами Дона на отмель, — засыпать ров. По этой насыпи, как по ровному полю, поползет к воротной башне страшный своей неуязвимостью таран, и воины, спрятавшиеся внутри его, будут долбить городские ворота.

Перед вечером дружинники и вои пешей рати искупались в прохладной речной воде, переоделись в чистые рубахи. Завтра приступ!

Долгие недели занимал Саркел мысли князя Святослава, и, может быть, именно поэтому таким скоротечным, до удивления легким показался сам штурм.

Пешие лучники густыми цепями встали под стенами Саркела и осыпали их стрелами. Едва между каменными зубцами показывалась лохматая шапка гуза или шлем арсия, туда летело сразу несколько стрел, и защитники крепости не могли как следует прицелиться в набегавших руссов. Камни из катапульта разрушали башни, проламывали кровли жилищ. Воины полезли на стены густо, зло, а возле подножия стены ожидали своей очереди, прикрывая головы большими щитами, целые толпы пещцев. Черепаха уткнулась лбом в проем воротной башни, таран упорно долбил в ворота, и они поддавались, расходились широкими щелями. Конные дружинники ждали, когда рухнут ворота, чтобы немедленно ворваться в крепость...

Но первыми в Саркел проникли пешие воины. Они перевалили через стены и разбежались по узким улицам. Гузы молча падали под ударами мечей и копий. Они не просили пощады. Сами не щадившие никого, степняки считали, что побежденный в бою попросту недостоин жить. А через рухнувшие ворота в Саркел уже вливалась дружинная конница.

Внутренняя стена, отделявшая цитадель от остального города, почти не задержала воинов Святослава. Стены крепки многочисленными и храбрыми защитниками, а их в Саркеле осталось мало, совсем мало. Цитадель пала.

Жестоким, но тоже непродолжительным оказался бой в башне царя Иосифа. Дружинники изрубили топорами

дверь башни и полезли вверх по крутым скользким лестницам. В тесноте численное превосходство почти не влияло на ход боя: плечом к плечу могли сражаться не больше двух дружинников, а остальные, напирая и толкая в спины, только мешали свободно действовать оружием. Однако дружинники, перешагивая через павших товарищей, скользя на залитых кровью ступенях, отбрасывая бесполезные длинные мечи и расчищая себе дорогу кинжалами, теснили арснев, поднимаясь все выше и выше, с площадки на площадку башни. Наконец они ворвались в просторное помещение. Бойницы были здесь широкими, как окна, и солнечные лучи свободно проходили сквозь них, освещая красивый пушистый ковер на полу, яркие шелковые подушки на широкой постели под балдахином, развешенное по стенам дорогое оружие. Это было жилище царя Иосифа.

В углу, загораящая спиной узкую дверь, стоял тучный, важный облик старец. Он что-то закричал пронзительным голосом, негодуяще замахал широкими рукавами халата, отгоняя дружинников, будто злых духов, заклинаниями. Его отбросили прочь, как ворох тряпья. За дверью была еще одна лестница, такая узкая, что каменные стены почти касались плеч. А потом прямо в глаза ударило ослепительное солнце: дружинники поднялись на самую верхушку башни.

Над бездной, между двумя каменными зубцами, стоял царь Иосиф, сам неподвижный, как камень. Царь был безоружен, в белой одежде, крупными складками опускавшейся до пола. Руки Иосифа были скрещены на груди, на пальцах разноцветными огоньками сверкали драгоценные камни перстней. Дружинники медленно двинулись к царю, но Иосиф вдруг шагнул назад и беззвучно упал в пустоту. Громко закричали люди у подножия башни, в этом крике не слышно было страшного звука упавшего с высоты тела...

Князь Святослав стоял на возвышенности поодаль от крепости, в окружении воевод и знатных мужей. Внешне он казался спокойным, даже равнодушным, как будто штурмовать крепости было для него привычным делом. Еще недавно он бы, наверное, первым кинулся с мечом в руках на приступ, увлекая за собой воинов, но за последний год многое изменилось. Куда-то исчез юношеский задор, а вместо него пришла мудрость полководца, который видел свое предназначение не в лихой рубке среди опьяняющего шума битвы, а в трезвых решениях,

бросающих в нужную сторону тысячи воинов. Смелость полководца — в дерзости и неожиданности решений, переламаывающих ход войны. Мчаться впереди дружины приличествует отважному отроку, но не предводителю войска, за которым пристально следят правители соседних народов. Вот и сейчас неподалеку присели на корточки печенежские вожди и смотрят больше на него, Святослава, чем на захлестнутый приступом Саркел. И знатный херсонский муж, сопровождающий войско по просьбе посла Калокира, тоже не спускает глаз с князя руссов, чтобы после все рассказать своему господину. Разумно ли открыто радоваться столь невеликой победе, как взятие степной крепостцы?..

Затихал шум битвы за багрово-красными стенами Саркела. Конные дружинники уже погнали из ворот толпу пленников. Между зубцов стены мелькали родные остроконечные шлемы, покачивались разноцветные прапорцы. С верхушки башни, стоявшей посередине цитадели, вдруг упало что-то белое, трепещущееся, и ответный торжествующий рев донесся до Святослава. И почти сразу верхняя площадка башни будто расцвела железным цветком: ее заполнили русские дружинники в блестящих на солнце кольчугах. Взметнулся красный княжеский стяг. Все было кончено. Саркел пал.

Князь Святослав устало обтер лицо полдой легкого греческого плаща. Шелк плаща был прохладным и скользким, он не впитывал пот, но только размазывал его по лицу, неприятно царапал кожу золотым шитьем.

Святославу почему-то вспомнились гладкие, скользкие речи Калокира, в которых порой чудились острые шипы, до времени скрытые ласкающими шелками славословий. Нельзя снимать боевой железной рукавицы, чтобы не наколоться на эти шипы. Но пока, кажется, дороги русских и греков сходятся вместе. Однако для того чтобы это предположение перешло в уверенность, нужно дожидаться еще одного гонца от Калокира. Гонец должен подтвердить одобрение херсонским сенатом секретной миссии Калокира к императору Никифору Фоке...

Отшумели почестные пиры на развалинах поверженного Саркела. Полуведерная круговая чаша обошла все войско, от князя до последнего погонщика верблюдов, и снова заняла свое место в сундуке виночерпия-кравчего.

Разошлись по своим кочевьям одаренные князем Святославом печенежские вожди. Поднялся над донским берегом высокий курган, последнее прибежище павших во время штурма Саркела воинов, и уже справили по ним тризну, которая по обычаю следовала за почестным пиром. Под надежной охраной уплыли вверх по Дону ладьи с добычей. Можно возвращаться домой, поход закончен!

Однако князь Святослав непонятно медлил, и воеводы недоуменно пожимали плечами, гадая о причинах такой медлительности. Нечего больше делать под Саркелом, почему же князь не отправляется в путь? Приближается зима, а до Руси еще далеко...

Но приехал гонец из Херсона, на считанные минуты уединился с князем в шатре, и Святослав сразу заторопился. Он оставил с войском Свенельда и других воевод, а сам с небольшой конной дружиной поехал в Киев прямо через степи, пренебрегая опасностями, которые подстерегали путников в Печенегии.

Бесконечно огромная, расстилалась вокруг степь, и под стать ей были планы князя Святослава. Неизведанные дали раскрывались перед его глазами, в степных миражах чудились сказочные города, жесткая степная трава склонялась к ногам коня, как неисчислимые толпы побежденных врагов, а неутомимые кони несли и несли всадников в остроконечных русских шлемах вдогонку за закатным солнцем, которое будто указывало дальнейший путь князя Святослава — на запад...

Хазарский поход, недавно владевший всеми помыслами Святослава, отодвинулся куда-то бесконечно далеко. То была лишь малая ступень на лестнице воинской славы, по которой собирался поведсти князь Святослав молодую, стремительно набирающую силы Русь. А как высока будет эта лестница!..

Огромной была захваченная в хазарском походе добыча, оглушительна и торжественна слава побед над хазарами и другими народами, населявшими земли между Хвалынским и Сурожским морями. За одно это можно благодарить богов. Но князь Святослав приобрел в хазарском походе нечто большее, чем добыча и слава.

Высшей наградой воителю был бесценный боевой опыт, и, как перемещения послушных костяных фигур на шахматной доске, когда-то подаренной варягом Свенельдом, — для князя Святослава стали до конца понятными и привычными переходы на огромные расстояния конных и пеших ратей, стремительные рейды разведыватель-

ных отрядов, напряженные выжидания и смертельные броски засадных полков. Из предводителя конной дружины князь Святослав превратился в полководца. У него развивался чудесный дар проникновения в то изменчивое, загадочное, почти неуловимое для непосвященных, что называется «духом войска», появилось неясное до конца ему самому единение мыслей и чувств с дружиной. Святослав научился предвидеть, как отзовутся в сердцах воинов те или иные его слова и поступки, и это было счастьем, потому что мало иметь рядом послушных людей — для великих дел нужны единомышленники.

Это были свойства прирожденного полководца, которые невозможно приобрести ни учением, ни многолетним опытом, но только найти в самом себе. Князь Святослав нашел...

Может быть, именно от нахлынувшего вдруг чувства братской близости с соратниками, ехавшими рядом с ним по бесконечным просторам степей, князь Святослав в первый раз высказал вслух то сокровенное, тщательно скрываемое, что владело последнее время его мыслями:

— После хазарского похода Русь крепко встала на краю моря, у Дона-реки. Но у моря два края. Другой край моря у реки Дуная. Туда лежит путь наших коней!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОЛЬШАЯ ВОЙНА

1

Величественно и грозно плыл сквозь столетия корабль Византийской империи, направляемый опытными кормчими, поражающий воображение современников ослепительным блеском сказочного богатства.

Разное случалось на этом бесконечном пути.

Попутные ветры туго надували паруса, и тогда бег византийского корабля становился стремительным и неудержимым.

Налетали свирепые штормы, ломали весла и рвали снасти, несли корабль на острые зубья скал, и только неистовые усилия корабельщиков спасали его от конечной гибели.

Мертвые штили останавливали корабль посередине

уснувшего моря, и он томился в неподвижности, сжигаемый немилосердным солнцем.

Как ревущее пламя над просмоленным деревом, вспыхивали на корабле мятежи, кровь щедро поливала палубы, звенели оковами и раскачивались на пеньковых вверевках побежденные бунтовщики, и ополовиненная в междоусобных сечах команда уже не способна была поднять разом все весла.

Незаметно для человеческого глаза начинали подгнивать и крошиться дубовые ребра ипангоутов, обрастало ракушками и зелеными бородами водорослей днище, и казалось — кораблю больше не выйти на морские просторы...

Но, отстоявшись в спокойных гаванях, наскоро обновленный и пополненный другими матросами, корабль Византийской империи снова бороздил беспокойное море истории, разбивая, как утлые рыбацкие челны, судьбы малых народов, оказавшихся волею случая или злого рока на его смертоносном пути...

Врагов и союзников Византийская империя повергала в трепет железной поступью полков, двигавшихся слаженно и бездушно, как механизмы; всепоглощающим ползучим пламенем греческого огня; несокрушимыми каменными твердынями крепостей; звериной настойчивостью опытных полководцев, для которых в искусстве войны не оставалось никаких тайн.

Но военная мощь все же не до конца объясняет причины чудовищного разбухания империи, сумевшей подмять под себя добрую половину тогдашнего мира. В руках императоров было еще одно, почти невидимое для непосвященных, гибкое, коварное оружие — византийская дипломатия.

Основы византийской дипломатии заложил великий Юстиниан¹. Уже тогда византийская дипломатия, начертанная на своих знаменах старое римское правило «Разделяй и властвуй!», больше полагалась на хитрость и интригу, чем на добрососедство и честное выполнение принятых на себя обязательств. Всесильная жена импе-

¹ Юстиниан — византийский император (527—565), который пытался восстановить былое могущество и территорию Римской империи, проводил широкую завоевательскую политику. Юстинианом были отвоеваны захваченные варварами области Западной Римской империи: Италия, Сицилия, Корсика, Северная Африка, часть Испании.

ратора Феодора, бывшая актриса на константинопольских подмостках, оставшаяся актрисой и на престоле, внесла в византийскую дипломатию женскую гибкость и изощренное коварство; успех или неудача переговоров часто решались в гинекее¹.

По мере ослабления военной мощи империи и роста окружавших ее опасностей дипломатия становилась все изощренней и изворотливей, доводя до совершенства искусство правдоподобной лжи, наполненных медленно действующим ядом дружественных заверений, внешне бескорыстного корыстолюбия, радушных объятий, оборачивавшихся вдруг смертельными тисками.

Византийская империя была со всех сторон окружена беспокойными, находившимися в постоянных передвижениях, разрозненными племенами, которых греки презрительно называли «варварами». Главной задачей дипломатии было заставить варваров служить империи, вместо того чтобы угрожать ее границам. Варваров подкупали, чтобы превратить из врагов в союзников, их вождям раздавали пышные византийские титулы, знаки отличия, золотые и серебряные диадемы, мантии, жезлы; за них выдавали замуж девушек из самых знатных патрицианских фамилий. Как камень за пазухой, императоры держали про запас во дворцах Константинополя беглых родственников варварских вождей, чтобы при удобном случае выдвинуть их своими претендентами на власть. Не давать никому из соседей усиливаться, но властвовать над всеми — вот чего добивалась Византия, разжигая войну между собственными союзниками, натравливая одного варварского вождя на другого, неизменно заверяя обоих в своем благорасположении.

Если сильного правителя не удавалось ни купить, ни одолеть чужим оружием, империя прибегала к политической и экономической блокаде, разрывала жизненно важные для его страны торговые связи, окружала кольцом враждебных народов и душила.

Только немногим правителям, таким, как русские князья Олег и Игорь, удавалось силой сбить византийские замки...

Дипломатическими делами ведал первый министр императора — великий логофет, что само по себе свидетельствовало, какое важное значение придается диплома-

¹ Гинекей — женская половина дворца.

тии. Сотни опытных чиновников, в том числе переводчики со всех языков, плели паутину интриг, составляли хитроумные наказы послам. Многочисленные купцы и миссионеры неустанно следили за союзниками и врагами, искали болевые точки на теле стран, где их принимали радушно и миролюбиво.

Византийскими послами обычно назначались самые знатные люди. Нередко перед дипломатическими поездками им специально давались громкие и почетные титулы, долженствующие поднять их авторитет в глазах иноземных правителей и внушить доверие. А для приема иноземных послов был разработан сложный и тщательно продуманный ритуал. Варваров встречали на границе.

Под видом заботы об их безопасности приставляли многочисленных соглядатаев. В столицу их везли по самой длинной и неудобной дороге, чтобы внушить мысль о трудности военного похода на Константинополь. Послов помещали в особые дворцы, постоянно окруженные стражей, и месяцами держали на положении не то пленников, не то почетных гостей. Послов из стран, в союзе с которыми империя была заинтересована, старались очаровать лаской и подчеркнутым уважением, водили по улицам столицы, показывали великолепные дворцы и храмы, многолюдные торговые площади, огненные триеры в гавани, могучие крепостные стены и башни; перед послами стройными рядами маршировали полки, казавшиеся бесчисленными. Откуда могли знать послы, что одни и те же воины неоднократно проходят перед ними, меняя одежду, знамена и оружие?

Посольский церемониал венчался оглушающе пышными приемами в императорском дворце, богатыми дарами, торжественными проводами с распущенными знаменами и трубачами. Слепленные и подавленные величием империи, послы уезжали, увозя с собой неизгладимые впечатления. Расходы окунались политическими выгодами...

Но проходили столетия, и отлаженный механизм дипломатической службы Византийской империи начал давать перебои. Империю окружали уже не варварские племена, воинственные, но раздробленные и допуславшие поэтому полную свободу для коварных дипломатических комбинаций, а сильные государства.

Правитель Болгарского царства Симеон, вырвавшийся из византийского почетного плена, сам начал наступле-

ние на империю, угрожал даже Константинополю¹. Ни огромная дань, на которую согласились императоры Лев и Роман, ни унижительные послания константинопольского патриарха Николая Мистика, написанные не чернилами, а слезами, не остановили болгарского натиска. Оставалось надеяться только на чудо, и чудо произошло: царь Симеон умер, не довершив разгрома Византии, как намеревался сделать. Его сын Петр, по прозвищу Короткий, вялый и нерешительный правитель, поспешил заключить мир с императором и женился на его внучке, принцессе Марии². А потом внутренние смуты и набеги венгров и печенегов ослабили Болгарию, что открывало для империи долгожданные возможности вмешаться в болгарские дела. Но Болгария ослабела не настолько, чтобы ее можно было сломить усилиями дипломатов. Не дипломатии здесь принадлежало решающее слово, а оружию, и никто из советников императора не брался предсказать, на чьей стороне окажется военное счастье...

Неудачей закончились неоднократные попытки византийской дипломатии подчинить Русь, новое государство, раскинувшееся от Варяжского моря до устья Борисфена³. Торговая блокада водного пути «из варяг в греки», в котором была кровно заинтересована Русь, разорвана победоносными морскими походами киевских князей. Не привели к вовлечению Руси в орбиту византийской политики и высшие почести, оказанные архонтессе руссов Ольге. Священник Григорий тщетно метался среди недоверчивых руссов, стараясь распространить христианскую веру и открыть дорогу греческим миссионерам, но не преуспел в задуманном. А недавний хазарский поход князя Святослава окончательно показал, что Русь пошла своим, неподвластным и нежелательным Византии путем. Бесплодными оказались хитросплетения опытных дипломатов великого логофета, искавших лазейки к сердцу воинственного князя...

До последнего времени Византийская империя успешно использовала в своих целях кочевые народы, населявшие причерноморские степи по соседству с

¹ Болгарский царь Симеон (919—927) с детства воспитывался в Константинополе, был вынужден даже принять монашество, но после смерти отца — царя Бориса — бежал на родину и возглавил борьбу с Византией за независимость своей страны.

² Петр Короткий — болгарский царь (927—969), женат на внучке императора Романа Лекапина.

³ Борисфен — река Днепр.

херсонской фемой: печенегов, хазар, торков, аланов. Взаимоотношения с кочевыми народами сложились в сложную систему, звенья которой переплелись между собой, удерживая в равновесии соседние страны. Как фигурам на шахматной доске, каждому из кочевых народов была уготовлена своя роль в политической игре.

Печенегов толкали на войну с руссами, потому что руссы не могли начинать дальних походов, если с печенегами у них не было мира. Как только войско руссов покидало свою страну, печенеги начинали опустошительные набеги. Печенегов же можно было направить на дунайских болгар, чтобы сделать тех сговорчивее.

А на самих печенегов была возможность давить конными тысячами хазарского царя, которые вторгались в Печенегию, угоня стада и захватывая пленников. Если же чаша весов начинала колебаться, уместно было кинуть на нее торков, которые боялись печенегов, но при случае могли и сами нанести им немалый урон.

А если бы хазары повернули коней в сторону, невыгодную императору, то на них можно было двинуть гузов, воинственный кочевой народ. И аланы, хоть считались вассалами хазарского царя, тоже были способны причинить хазарам большой вред и убыток, если подарками и лестью пробудить честолюбие аланских правителей.

Все народы Причерноморья оказывались завязанными в один клубок, а кончик нити находился в византийских руках...

Однако неожиданный и дерзкий поход князя Святослава разрубил важнейшее звено в цепи, которой византийская дипломатия долго и старательно опутывала кочевые народы, и цепь византийского влияния грозила распасться окончательно. Случилось это именно тогда, когда чужие послушные сабли были особенно нужны Византии: столкновение с Болгарией казалось неизбежным после позорного изгнания болгарского посольства ныне царствовавшим императором Никифором Фокой.

Император уже сожалел о собственной несдержанности, оскорбившей болгарского царя. Болгарских послов, приехавших в Константинополь за прежней данью, следовало обласкать и успокоить, а он приказал своим придворным отхлестать послов по щекам и вдобавок обозвал всех болгар бедным и гнусным народом, кричал как пьяный скиф в харчевне: «Пойдите и скажите вашему архонту, одетому в кожух и грызущему сырые шкуры, что сильный и великий государь сам придет с войском в его

землю, чтобы он, рожденный рабом, научился называть императоров своими господами, а не требовать дани, как с невольников!»

Но пригрозить легко, а осуществить угрозу гораздо труднее. Войско императора Никифора Фоки вторглось в пограничные болгарские земли, разрушило несколько крепостей и остановилось перед Гимейскими горами¹, которые отделяли греческую Фракию от внутренних областей Болгарии. Дремучие леса, ущелья, опасные скользкие тропы, горные потоки и заоблачные перевалы преградили путь. Предостерегающе мигали на голых вершинах сигнальные костры болгарской стражи. Император не решился углубиться в горные лабиринты, где в прошлые времена нашло гибель не одно и не два византийских войска, и возвратился в Константинополь. Он только раздражил смиренного царя Петра и посеял у него опасные иллюзии своей силы. Это было плохо, совсем плохо. Нужно ли удивляться радости Никифора Фоки, когда херсонский вельможа Калокир посвятил его в тайну переговоров с могучим князем руссов Святославом?

В союзе с русскими император Никифор Фока увидел возможность тройной игры, столь привлекательной для византийской дипломатии: увести опасного князя на Дунай, подальше от херсонской фемы, жемчужины императорской короны; столкнуть лбами две самые опасные для Византии державы — Русь и Болгарию, чтобы они взаимно обессилели в войне; направить печенегов на Русь, покинутую войском и беззащитную, а самому тем временем прибрать к рукам Болгарию.

Если бы мог предвидеть хитроумный Никифор Фока, к каким неожиданным и губительным для империи последствиям приведет эта игра, он без промедления отдал бы Калокира в руки палачей, а не осыпал милостями. Если бы он мог тогда проникнуть в тайные планы коварного херсонца, замыслившего взойти на императорский трон и избравшего средством достижения своей вероломной цели русские мечи...

Но человеку, даже вознесенному на вершину власти, не дано заглянуть в грядущее. Грядущее скрыто непроницаемой завесой еще не прожитых дней, недель, месяцев, лет. Даже оракулы угадывают будущее лишь в тех редких случаях, когда боги соизволят проявить к ним свою капризную милость...

¹ Балканские горы.

Посол Калокир, ошарашенный высшим титулом патриция и обедом в личных покоях императора, отплыл в Киев на быстроходной триере. В дубовом сундуке с секретными замками он повез князю Святославу 15 центинариев золота. Это золото было малой частью будущего вознаграждения, которое Калокир должен был обещать руссам от имени императора Никифора Фоки. Еще большее богатство Калокир намеревался посулить от своего имени, если исполнится задуманное...

2

Русские вельможи-бояре оказались крайне недоверчивыми и скрытными людьми. По их бородатым лицам невозможно было определить, довольны ли они богатыми дарами императора, не говоря уже о том, с пониманием или неодобрением они отнеслись к предложению союза против болгарского царя.

Архонтесса Ольга, которая после неоднократных просьб посла Калокира соизволила принять его в своем деревянном дворце в крепости Вышгород, тоже не пожелала внести ясность в намерения руссов. Она вежливо справилась о здоровье императора Никифора Фоки, выразила радость по поводу его побед в Сирии над арабами, показав тем самым осведомленность в византийских делах, и отпустила посла. Связки дорогих мехов, присланных Калокиру после приема у архонтессы, явились слабым утешением. Калокир ждал безотлагательных действий, промедление казалось ему чудовищной несправедливостью. Стоило ли тратить столько усилий, чтобы склонить императора Фоку к союзу с руссами, если теперь он, патриций и опытный политик, привыкший заранее предугадывать каждый шаг, вынужден долгие недели томиться в ожидании? Да и не с грубыми русскими вельможами, и даже не с привлекательной, несмотря на преклонный возраст, архонтессой Ольгой он приехал разговаривать, а с князем Святославом...

Но Святослава в Киеве не было. Прошлым летом он снова ушел с войском в землю вятичей, вознамерившихся было отколоться от его державы, и будто растворился в лесах. Потом бояре сказали Калокиру, что князь, покоров вятичей, отправился в обычный зимний объезд своих владений, который у руссов называется «полюдь». Оставалось только ждать, пока князь закончит свою по-

ездку или пожелает прервать ее ради встречи с византийским посланцем. Но когда это будет?

Скучные зимние дни, когда за окнами просторного деревянного дома, отведенного греческому посольству, тихо пролетали крупные хлопья снега, скрашивались беседы с русскими воеводами Икмором и Сфенкелом, мужами, достойными уважения за военные подвиги, приличные манеры и знание греческого языка. Рекой лились хмельные русские меда, веторопливо текла под веселый треск поленьев в очаге достойная беседа.

Калокиранисколько не смущало, что русские военачальники настойчиво расспрашивали о войске императора Никифора Фоки, об укреплениях Константинополя и пограничных городах, об огненном флоте. Наоборот, явный интерес руссов именно к военной силе Византии пробуждал надежды на успех посольства. Так подробно расспрашивают лишь о будущем союзнике. Или... о будущем враге. А не он ли, Калокир, намеревался в конечном итоге столкнуться лбами императора Фоку и князя Святослава, чтобы по дороге, расчищенной для него русскими мечами, взойти на трон? Если все это так, то почему бы не удовлетворить любопытство Икмора и Сфенкела?

А рассказать патриций Калокир мог многое. Византия была единственной страной того времени, где продолжали изучать военную науку, стратегию и тактику войны, разработанные в прошлом великими полководцами Рима и преданные забвению варварскими вождями.

Тщательно описанное в сочинениях историков и военачальников искусство боя было сильной и одновременно слабой стороной византийской армии. Следуя жестким правилам, до мелочей регламентировавшим движение войска и взаимодействие его частей, можно было избежать случайных поражений, но с такой же долей вероятности упустить победу, если для ее достижения от полководца требовались самостоятельность и риск. Правила ведения войны оостенели в систему догм, сковывавшую инициативу подлинных полководцев, и позволяли посредством скрывать свою неспособность. Византийская стратегия предпочитала медлительную войну, в которой все было предусмотрено заранее и не оставалось места для неожиданностей. В такой правильной войне византийское войско было неодолимо, как искусный фехтовальщик, против которого вышел с таким же оружием жалкий погонщик обозных мулов или изломанный непосильным тру-

дом раб. Но если тот же погонщик мулов отбросит непривычный для него меч стратиота¹ и возьмет в руки тяжелую дубину, исход схватки трудно предсказать...

К этой мысли неназойливо, но настойчиво подводил русских военачальников Калокир: с императором можно успешно воевать... Калокир перечислял тяжелые кавалерийские полки императорской гвардии катафрактосов: скола, эскувита, арифма, иканата. Говорил о раз установленной численности пехотной таксисархии: 500 тяжеловооруженных оплитов, 200 копейщиков, 300 стрельцов. Предостерегал перед сокрушительной силой трехтысячной турмы, успевшей сомкнуться в глубокую фалангу, но тут же добавлял, что пехота в императорском войске играет второстепенную роль, пехотинцами служит чернь.

— Конница! Конница катафрактосов, у которой покрыты броней и всадники и кони! — воодушевленно восклицал Калокир. — Пешие воины лишь поддерживают конницу в бою, охраняют лагерь и стоят караулами в горных проходах. Так всегда было в империи, так всегда и будет!

Русские воеводы слушали с непроницаемыми лицами, и невозможно было понять, насколько интересны им рассказы византийского посла. Но Калокир был уверен, что каждое слово откладывается в их памяти, что русские варвары делают надлежащие выводы из его слов.

Иногда Калокир спохватывался, что рассказы о страшной силе катафракторной конницы могут запугать руссов и отвратить их от войны, и тогда он начинал едко высмеивать ходившие среди варваров слухи о бесчисленности византийского войска. Под рукой у императора обычно оказываются лишь тагмы — отборные войска, расквартированные в столице и ее окрестностях, и император выводит в поход не более 16 таксисархий пехоты и 8—10 тысяч всадников. Остальные войска — фемные — разбросаны по всей обширной империи, и собрать их вместе трудно не только из-за больших расстояний, но и из-за нежелания стратигос фем, полновластных правителей своих областей. Империю раздирают внутренние распри, стратиго поднимают мятежи, удачливые полководцы порой идут войной не на арабов или другие народы, а на

¹ Стратиоты — наследственные византийские воины, получавшие за службу земельные наделы. В X веке зажиточные стратиоты составляли войска катафрактосов (тяжеловооруженных всадников) и фактически превратились в служилых феодалов.

Константинополь, чтобы самим взойти на императорский престол.

— Так поступил нынешний император Никифор Фока, — доверительно шептал Калокир и с бесстыдством неверного слуги, обсуждающего за столом в харчевне неблаговидные поступки своего господина, принимался торпливо рассказывать известную всем в Византии историю восшествия на престол Никифора Фоки.

...Возвышение Никифора началось давно, еще при императоре Константине Багрянородном, когда его отец Варда Фока был назначен domestikом схол Востока¹. Никифор и его брат Лев прославились в битвах с арабами. При императоре Романе², безвольном и сластолюбивом, унизившем себя постыдной для венценосца женитьбой на дочери владельца трактира красавице Анастасии, принявшей новое имя Феофано, — Никифор Фока сменил отца на посту domestikа схол Востока, а Лев Фока стал domestikом Запада. В руках братьев оказалась большая часть войск империи, и поэтому, когда умер император Роман, оставив малолетних сыновей Василия и Константина, овдовевшая Феофано вызвала всесильного domestikа Никифора в столицу, наградила высшим званием стратига-автократа и отдалась под его защиту. Никифор Фока отбыл в Малую Азию, чтобы завершить войну с арабами. Но вслед за ним полетели отравленные стрелы интриги. Евнух Иосиф Врига, любимец покойного императора, направил письма известным малоазиатским полководцам Иоанну Цимисхию и Роману Куркуасу с предложением убить Никифора или насильно постричь в монахи; за это полководцам были обещаны посты domestikов Востока и Запада. Однако звезда Никифора Фоки стояла высоко. Полководцы не осмелились на измену и обо всем сообщили Никифору. Коварный евнух сам толкнул себя в пропасть. Стратиг-автократ, любимец воинов Никифор Фока объявил себя императором и двинулся к столице. В августе 963 года он торжественно взшел на трон в Золотой палате, а спустя месяц женился на красавице Феофано, унаследовав таким образом и титул, и жену покойного Романа.

Только слава полководца и верные войска привели Никифора Фоку на престол. Став императором, он остался полководцем. Войны стали получать повышенное жа-

¹ Доместик схол Востока — командующий войсками в Малой Азии.

² Император Роман II — 959—963 гг.

дованье. Катафракты и их родственники были освобождены от налогов, а на остальных подданных империи налоги были увеличены. Глухо роптала оттесненная от власти знать. Недовольно было духовенство, на богатства которого покусился новый император. Голод и дороговизна возбуждали ярость черни. Никифор Фока растерялся.

Вскоре он понял, что лишь блестящие победы на войне могут заткнуть рты недовольным, и кинулся на поиски военного счастья. Через два года Никифору Фоке удалось захватить остров Крит. Его любимец евнух Петр захватил всю Киликию. Но этого оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить недовольных. Нужны были новые победы: оглушительные, по возможности бескровные, приносящие добычу и славу, но не обрекающие народ на лишения и жертвы. Так был задуман болгарский поход...

Но Никифор Фока неожиданно споткнулся на болгарском пороге, не осмелившись углубиться в Гимейские горы. Как канатоходец, замедливший движение посередине туго натянутого каната, император был готов схватиться даже за воздух, чтобы сохранить равновесие. Одной из таких отчаянных попыток было одобрение посольства Калокира...

О многих любопытных подробностях, касавшихся императора Никифора Фоки, мог бы порассказать Калокир. Например, о страшной давке на стадионе, которую вызвал император, неожиданно выведя на поле две фаланги стратиготов с обнаженными мечами. Люди приняли потешный бой за расправу и в панике бросились к узким проходам... Или о неправедных делах императорского брата Льва Куропалата, скупавшего чаши и перепродававшего по дорогой цене... Или о новой высокой стене, которую Никифор приказал построить вокруг дворца, чтобы чувствовать себя в безопасности...

Однако по отчужденным лицам русских воевод Калокир понял, что их мало интересуют эти подробности, любопытные для любого придворного. Зато руссы оживлялись и благодарно поднимали чаши, когда посол, разочарованно вздохнув, начинал рассказывать о больших военных кораблях — дромонах, способных вместить свыше 200 гребцов и 70 вооруженных стратиготов, о быстроходных тахидромах, стороживших подступы к Босфору, о Манганском арсенале в Константинополе, где собраны на случай войны громадные запасы оружия и снаряжения.

Порой Калокир чувствовал себя обыкновенным лазутчиком, приехавшим из вражеского стана, и только под-

черкнутая почтительность высокопоставленных руссов и неоднократно произносимый ими титул патриция, к которому он еще не успел привыкнуть и который ласкал слух, помогали преодолеть минутное недовольство собой. Калокир убеждал себя, что ради великой цели следует идти на все. Кто останавливается на половине пути, всегда проигрывает...

Потом Икмор куда-то уехал, а вместо него с послем беседовал старый почтенный воевода Свенельд, который носил на шее не серебряную цепь, а золотую и пользовался у руссов огромным уважением. Как хотелось Калокиру быть полезным этому влиятельному человеку, советнику двух князей — Игоря Старого и Святослава! Но не получилось. К сожалению, не получилось...

Правда, Свенельд интересовался Никифором Фокой, но не как императором, а исключительно как полководцем. Вопросы старого воеводы были точными и не допускали двусмысленных или неопределенных ответов. Каким образом Никифор строит войско в походе? Чему равняется его дневной переход при быстром движении, без обозов и осадных орудий? Как он использует в бою тяжелую конницу? Какие караулы оставляет для охраны дорог?..

А что знал обо всем этом Калокир?

Херсонский патриций неоднократно видел императора и мог подробно описать его внешний облик. Лицо Никифора Фоки больше приближалось к черному, чем к белому; под густыми бровями блистали черные глаза; волосы тоже были темными и густыми; нос средний, слегка загнутый; в бороде седина; стан плотный и круглый. Император весьма широк в плечах и груди и очень силен. Однажды в сражении он так сильно ударил копьем неприятельского воина, что пронзил насквозь броню. Можно было еще прибавить, что император всю жизнь сохранял воздержание, не вкушал мяса, уклонялся от брачного союза и только в преклонном возрасте нарушил обет, женившись на Теофане...

Однако о Никифоре Фоке как о полководце Калокир не знал почти ничего, кроме перечисления его побед да неясной людской молвы о храбрости и военной опытности в бытность его domestиком Востока. Принадлежавший по рождению к придворным кругам, Калокир был глубоко убежден, что жизнь империи направляется не мечами полководцев, а хитроумными политическими комбинациями высших вельмож, заседавших во всемогущем

синклите, капризами возвышенных до положения соправителей любимцев императоров — евнухов-парахимоменов, интригами гинекея — и мало интересовался чисто военными делами, ограничившись обязательным для будущего стратига (а Калокир, как самое малое, рассчитывал на этот пост!) чтением сочинений древних и новых полководцев. Теперь оставалось только сожалеть. Он не сумел удовлетворить любопытства варвара с золотой цепью на шее, и тот больше не приходил, оставив тягостные сомнения в душе Калокира.

Русская зима казалась Калокиру бесконечной. Вьюги сменялись ясными морозными днями, когда солнце ослепительно блестело и снег зло поскрипывал под сапогами. Потом снова начинались снегопады, обрушивавшие на город огромное количество снега. Сугробы поднимались до половины частоккола, плоские кровли жилищ стонали под тяжелыми белыми шапками.

Посольские чиновники, переводчики и слуги отяжелели от безделья и обильного корма, двигались раздражающе медленно, вперевалку, выставив вперед круглые животы. Из Константинополя не приходило никаких вестей. То ли император Никифор Фока забыл о своем послем, то ли гонцы не могли преодолеть трудности зимнего пути. От столицы империи до устья Борисфена 3800 стадий бурного моря, а дальше почти столько же сухопутной дороги по печенежским степям, непроезжим и мертвым в это время года...

Как-то неожиданно, сразу после мартовских снегопадов, пришла дружная весна. За окнами повисли сосульки. Звонко застучали по крышам капли. С глухим гулом и шорохом тронулся лед на Днепре. С первыми ладьями, приставшими к Подолу, пришла долгожданная весть: князь Святослав скоро вернется в Киев.

Наковец-то!

3

Немногие знали, что последнее полюдье князя Святослава было не просто полюдьем. Объезжая погосты и собирая обычные дани, князь одновременно проводил смотры воинов, которые весной отправятся в поход.

Опытные мужи, уже побывавшие на войне, и полные молодого задора отроки выстраивались перед князем, и он придирчиво осматривал оружие, кольчуги, щиты. Если у кого-нибудь не оказывалось доспехов, князь строго вы-

говаривал старейшинам. Сородичи обязаны полностью снарядить воина. Воины должны думать не о снаряжении, а о ратном учении, потому что воин, даже вооруженный лучшим образом, бессилен против опытного противника, если не умеет искусно владеть оружием и сражаться в строю.

С новонабранными воинами оставались на погостах княжьи мужи и дружинники — учить ратному делу. Никогда еще не бывало, чтобы воины расставались с семьями и привычными занятиями задолго до похода и жили в отдельных избах, будто дружинники, а этой зимой было так. Старейшинам было велено приносить воинам все необходимое — хлеб, мясо, мед и уксус — и не занимать их работой.

Тяжким бременем легли военные расходы на сельские общины, но возражать никто не осмеливался: князь Святослав был суров и непреклонен.

Небывалое, великое дело было задумано Святославом: создать общерусское войско. Не ополчение смердов и горожан, грозное лишь своей многочисленностью, а именно войско, хорошо и единообразно вооруженное, обученное сражаться строем, объединенное единой волей полководца и послушное, как меч в опытных руках.

Калокир глубоко ошибался, когда думал, что делится с русскими воеводами совершенно неизвестными им военными тайнами. Руссы и без него уже многое знали о византийском войске и флоте от купцов, ежегодно ездивших с товарами в Константинополь и подолгу живших там, от наемников-варягов, служивших в императорской гвардии, от своих соплеменников, проданных печенегами в рабство греческим судовладельцам и бежавших из плена. Еще живы были старые дружинники князя Игоря, когда-то сражавшиеся с закованными в броню всадниками-катафрактами среди зеленых холмов Фракии. Соединенные воедино и осмысленные, эти знания позволили найти действенное оружие против действительно опасной византийской конницы.

Сомкнутый строй тяжелой пехоты, прикрытой длинными щитами!

Глубокий строй, о который, как о каменную стену, разобьются волны катафрактов!

Отдельные звенья будущего железного строя выковывались мужами князя Святослава в древлянских лесах, на промерзших до дна болотах земли дреговичей, среди поселков улочей и тиверцев. Выковывались, невидимые

для чужих глаз, чтобы весной соединиться в единую рать, о которую раскрошатся византийские мечи.

Но пока об этом знали немногие доверенные мужи, а истинный размах приготовлений представлял лишь сам Святослав. Даже всевидящий Калокир, зимовавший в столице руссов, не догадывался, что подготовка к походу уже завершается, что князь давно принял решение, которое посол ожидал с нетерпением и тревогой...

Князь Святослав знал, что византийские полководцы предпочитают фланговые удары, хитроумные обходы, неожиданные нападения из засад, и искал противоядие против этих опасных приемов войны. Вместе с пешими ратями на Дунай пойдет многочисленная конница, способная оградить войско от внезапных нападений, обрубить железные клинья катафракторных полков, нацеленные в спину пехотному строю. Конницы потребуется много, очень много. Опытные в переговорах со степняками бояре отправились к печенегам и венграм, чтобы позвать их на помощь. А когда посольства возвратились в Киев с обнадеживающими вестями, князь Святослав приказал позвать Калокира.

Калокиру тот день поначалу показался до обидного будничным, не соответствующим значительности задуманного дела. На посольский двор приехал воевода Свенельд, коротко поклонился встречавшему у крыльца хозяину, сказал, что князь ждет. Дружинники в одинаковых синих кафтанах и коротких плащах подвели коня. Красуясь своей ловкостью, Калокир легко взлетел в седло, нетерпеливо взмахнул плетью. Воевода Свенельд поехал впереди, указывая дорогу.

От городских ворот всадники повернули в лес. По сторонам замелькали литые сосновые стволы. Кое-где под кустами еще белели сугробы, но открытые поляны уже радовали глаз первой весенней зеленью. Копыта коней скользили по влажной земле.

Ехали долго — сначала по лесу, потом вдоль берега неширокой спокойной реки, потом снова через лес. Загородный двор князя Святослава стоял на краю большой поляны, заполненной множеством шалашей, войлочных юрт и шатров из полосатой ткани. Всадники остановились перед воротами, прорезанными в высоком частоколе. Заскрипел и тяжело плюхнулся поперек рва перекидной мост. Караульные дружинники расступились, пропуская византийского посла.

Калокир никогда не был в загородном замке князя, по-

хожем на настоящую крепость, и с любопытством оглядывался по сторонам.

Двор был тесно застроен квадратными клетями из дубовых бревен, большими дружинными избами, нарядными теремами с резными оконницами; терема соединялись воедино крытыми переходами. На галерее, опоясывавшей дворец, толпились вооруженные воины. У длинной конюшни смиренно стояли рослые воинские лошади, покрытые синими и красными попонами.

Подбежали отроки в красивых кафтанах с серебряными пуговицами, помогли послу спешиться, но повели его почему-то не ко дворцу, а к небольшой избе, стоявшей в глубине двора. Бесшумно распахнулась дверь, на которой были грубо намалеваны изображения солнца и луны. Калокир, вздохнув, шагнул через порог.

В полумраке Калокир не сразу заметил князя, сидевшего на скамье под развешанным оружием. Князь был в простой белой рубахе, неподносаемый; с бритой головы свисал длинный пучок волос, на больших усах — мутные капли меда. Большая глиняная чаша с этим излюбленным напитком руссов стояла рядом, на низком столике.

Искусство кланяться — одно из наиглавнейших достоинств придворного. Но князь руссов не оценил изящества Калокира. Он угрюмо и нетерпеливо смотрел, как мечется по избе византийский посол, приседая и притопывая красными сафьяновыми сапожками, потом что-то буркнул под нос и хлопнул ладонью по скамье рядом с собой: «Садись!»

Калокир осторожно присел, готовый мгновенно сорваться с места. Святослав в упор разглядывал грека немигающими синими глазами. Видимо, ему что-то не понравилось в облике Калокира, и он недовольно сдвинул брови, криво усмехнулся. Проговорил негромко, холодно:

— Бояре поведали мне, зачем ты приехал. Повторять посольских речей не будем. Слова, как вода, протекают меж пальцами. Союз скрепляется не словами, а железом и кровью. Золота ты привез мало. На твое золото не соберешь и четырех тысяч добрых воинов¹, а требуются десятки тысяч. Потому остальное золото мы возьмем сами. Царю Никифору нет дела до дунайских земель! Если

¹ Калокир привез в Киев 14 центинариев, то есть 1500 фунтов (литров) золота, или 108 тысяч византийских солидов. Обычная плата наемникам составляла 30 солидов, то есть на золото Калокира можно было нанять лишь 3600 воинов.

согласен, посылай гонца в Царьград. Передашь: «Русь идет!..»

Калокир склонился в глубоком поклоне. А когда поднял глаза — князя рядом не было. Неслышно ступая мягкими, без каблуков сапогами, Святослав шел к двери. Обернулся, поманил пальцем, приглашая посла следовать за собой:

— Погляди войско, чтоб знал, с кем иду на Дунай...

Заревели трубы. Между шатров и шалашей замелькали одетые в кольчуги воины. Немыслимо быстро попереки поляпы вытянулся строгий железный строй. Прикрываясь длинными щитами, руссы стояли стеной, и лишь по шевелению длинных копий можно было догадаться, насколько глубок строй. В клубах пыли на фланги выезжали конные дружины. Еще раз взревели трубы, и войско замерло, готовое кинуться в сечу.

Да, князь Святослав не напрасно потратил долгие зимние месяцы!

Калокир напряженно приглядывался к молчаливым, мрачным рядам руссов, и запоздалая тревога охватывала его. Страшная чужая сила, вызванная к жизни его, Калокира, хлопотами и интригами, готова была сдвинуться с места и покатиться, сокрушая все на своем пути, к границам Византийской империи. Где она остановится, эта сила, да и остановится ли вообще?

Но перерешать было уже поздно. Непреодолимый поток подхватил Калокира и понес на своих могучих плечах. Нужно было плыть, отдавшись на его волю, или камнем идти на дно. Но он, Калокир, умелый пловец!..

В Киев патриций Калокир вернулся поздно вечером, но еще долго в его окнах горел свет: он сочинял верно-подданное послание императору. Пробегал глазами написанное, рвал испорченные листы и расшвыривал по ковру, снова принимался писать. Тайные тревоги не должны просочиться в послание ни словом, ни намеком. Император Никифор Фока должен торжествовать: хитроумный план столкнуть Русь и Болгарию удался...

Подготовку к большому походу невозможно долго сохранять в тайне. Венгры, ободренные союзом с князем Святославом, в марте 968 года напали на византийские владения, разгромили под Фессалоникой войско доместика Запада и взяли много пленных. В Болгарии это нападение расценили как начало войны, и в июне в Константинополь приехало посольство царя Петра — просить защиты от венгров, от печенегов, опасно придвинувшихся к

Дунаю, и от руссов, которые, по слухам, вышли из своих лесов.

Император Никифор Фока принял послов благосклонно, почтил торжественным приемом и обедом, на котором болгары сидели выше, чем епископ Лиутпранд, посол германского императора. Если бы болгарские послы знали, что почти одновременно в гавань Константинополя приплыли русские корабли и были встречены как друзья и союзники... Но византийцы умели хранить свои тайны. Ни послы о русских кораблях, ни руссы о болгарском посольстве так ничего и не узнали. Никифор Фока удовлетворенно потирал руки: уверенные в благорасположении Византии, царь Петр и князь Святослав не станут уклоняться от войны...

Войско князя Святослава двинулось к Дунаю на ладьях и на конях, повторяя путь второго похода князя Игоря Старого. В причерноморских степях к русским дружинам присоединились печенеги.

Царь Петр действительно не стал уклоняться от войны. Он начал собирать ополчение, чтобы выступить к Дунаю и преградить дорогу руссам и печенегам.

А император Никифор Фока, будто бы в неведении о надвигавшихся военных событиях, отправился с катафрактами в Малую Азию, где защитники Антиохии продолжали отбивать приступы византийского осадного войска и дерзко нападали отрядами легкой конницы на обозы.

Фигуры были расставлены на доске. Каждый из правителей считал, что именно он будет диктовать правила игры. Но игра у всех пошла по чужим правилам...

4

У императора Никифора, автора известного трактата «О сшибках с неприятелями», не было читателя более внимательного и благодарного, чем болгарский царь Петр. Царь Петр искренне уверовал, что византийцы достигли наивысшего совершенства в искусстве войны и что нужно лишь перенять это искусство, чтобы стать непобедимым.

Законы войны были изложены императором Никифором в словах точных и уверенных, как поступь панцирных византийских полков, и потому казались незыблемыми.

Вторжению неприятельского войска всегда предшествуют действия легких отрядов конницы, которые занима-

ют дороги и броды, выставляют стражу на вершинах холмов и в иных возвышенных местах, чтобы держать стражу под неослабным наблюдением и собрать сведения, необходимые полководцу. Решительное сражение можно начинать, когда о неприятеле известно все до конца и когда условия явно благоприятнее, чем были вчера и чем будут завтра. Поэтому достаточно вовремя поставить у границы значительное войско, чтобы неприятель устранился или, самое малое, отложил вторжение. Разве допустимо, чтобы полководец бросился очертя голову в неизвестную страну, не представляя даже, какое войско ему противостоит?!

Царь Петр, успевший собрать под своими знаменами почти тридцатитысячное войско, без особой тревоги выслушивал донесения стражи о движении по Дунаю руссов. Еще меньше беспокойства вызывала у него печенежская конница, медленно ползущая в клубах пыли по другому берегу реки. Царю Петру казалось, что самое главное для победы он уже сделал: заставил самолюбивых кметей¹ и упрямых бояр явиться со своими дружинами. Нелегко это было. Сколько помнил царь Петр, страну раздирали внутренние усобицы. Не прошло двух лет после его воцарения, как младший брат Иван возглавил опасный боярский заговор. Заговорщиков удалось обезвредить, а самого Ивана постричь в монахи. Спустя три года поднял мятеж другой брат — Михаил, который до самой смерти властвовал в долине реки Стримона. Его приверженцы-бояре впоследствии бежали в Византию и оттуда вредили как могли. Потом восстал сербский наместник Чеслав, отделивший эту обширную область от государства. Глухо роптали горожане, недовольные тяжестью налогов. Бояре-землевладельцы старались не допустить в свои владения царских чиновников. В народе распространялась зловредная ересь богомилов, которые открыто хулили богатых и знатных, учили людей не повиноваться властям, отвергали христианские обряды. Даже казни и церковная анафема не устрашали еретиков. Порой царь Петр чувствовал себя чужим в собственной стране и грустно спрашивал дядю Георгия Сурсувула, нужен ли он вообще болгарам.

Тем радостней было царю Петру сознавать, что теперь за его спиной стоит войско, равное которому было разве

¹ Кметы — наместники отдельных областей Болгарского царства, считавшиеся вассалами царя.

что у его прославленного родителя царя Симеона. А царь Симеон дошел почти до самого Константинополя...

Неподалеку от Переяславца, богатого торгового города на болотистом острове Балта в дельте Дуная, царь Петр вывел свое войство на берег реки, опередив русские ладьи, которые неторопливо поднимались против течения. На просторном лугу, полого спускавшемся к воде, встали дружины кметей, боярские конные отряды, пешие рати придунайских городов. Воинов было много, но царь Петр приказал растянуть строй и перед каждой дружиной поднять не по одному, а по нескольку стягов, чтобы войско показалось руссам еще более многочисленным. Царь не хотел немедленного сражения. Пусть руссы, увидев многолюдность войска и его готовность к битве, уйдут сами. Он не будет преследовать или чем-нибудь вредить князю Святославу. В народе нет ненависти к руссам, а с некоторыми из племен руссов, например с уличами и тиверцами, болгары были дружны. Да, да! Пусть руссы свободно уходят!

Русские ладьи, выплывавшие из-за островов, словно в нерешительности останавливались посередине реки. Гребцы едва шевелили веслами, чтобы суда не сносило течением.

Царь Петр, одетый, как для торжественного приема, в пышную мантию, пурпурную царскую шапку, вышитую золотом и осыпанную жемчугом, и красные сандалии, поздравил Георгия Сурсувула, проговорил снисходительно:

— Теперь руссы повернут обратно или сойдут на другой берег. Ни один благоразумный полководец не решится высаживать своих людей на глазах у неприятельского войска!

Седобородый Георгий Сурсувул важно кивнул, соглашаясь. Сказанное царем было очевидно. Высаживаться на берег перед лицом грозного войска неблагоприятно. Ни один великий полководец древности так не поступал. Такое противоречило бы всем правилам войны. Сейчас руссы отступят, а потом долгие недели будут посылать через Дунай переодетых лазутчиков и отряды легкой конницы, чтобы найти уязвимое место в обороне царя Петра. Первая ошибка считай что выиграна!..

Но предугадать неожиданности войны можно лишь тогда, когда оба противника следуют одинаковым правилам. Князь Святослав был достаточно осведомлен в византийской тактике, но он хорошо запомнил мудрые слова, когда-то сказанные его матерью Ольгой: «Удивить —

значит победить!» Если по византийским правилам войны, которым, как ему говорили верные люди, следует царь Петр, войску предписывалось отступать, значит, нужно сделать наоборот. И князь Святослав приказал высаживаться на берег. Недоумение опытного византийца Калокира только укрепило уверенность князя в правильности решения.

Разрезая острыми носами коричневую дунайскую воду, ладьи помчались к берегу. Руссы выбегали на луг и тотчас выстраивались рядами, составляя из щитов неодолимую стену. Под ее прикрытием, в безопасности от стрел и дротиков, вставали другие воины. Русский строй разбухал на глазах, становился глубоким и плотным, как македонская фаланга.

Когда опомнившийся царь Петр послал на руссов боярскую конницу, было уже поздно. Всадники даже не доскакали до линии красных русских щитов, принялись заворачивать коней.

Тогда вперед двинулись сами руссы — тяжелым мерным шагом, от которого, казалось, вздрагивала земля. Не то стон, не то тысячеголосый горестный вздох пронесся над полем битвы. Руссы вклинились в ряды воинов царя Петра и начали теснить их.

А с другого берега Дуная к месту битвы уже спешили большие плоты с конницей. Русские дружинники и печенеги высаживались выше и ниже по течению. Царь Петр с ужасом понял, что если всадники князя Святослава успеют окружить войско, то это будет не просто поражение, это будет гибель — полягут все, кого он так опрометчиво привел на дунайский берег...

Царь Петр приказал трубачам подать сигнал к отступлению.

Но они опоздали, эти багроволицые, надменные царские трубачи в нарядных кафтанах, с серебряными цепями на выпуклой груди! Бегство началось раньше, чем они поднесли трубы к губам.

Нахлестывая коней, уносились прочь конные боярские дружины. Врассыпную бежали ополченцы, бросая в траву копья. Царские телохранители посадили своего повелителя в крытую повозку, запряженную четверкой сильных коней, и быстро повезли через толпу обезумевших, отчаянно вопящих людей к доростольской дороге.

Бегущих преследовали печенеги на лохматых низкорослых лошадях. А руссы, вложив мечи в ножны, вернулись к своим ладьям.

Приветственные крики воинов возвестили о прибытии князя Святослава.

В простых, но крепких доспехах князь ничем не выделялся из рядовых дружинников. Он спрыгнул с ладьи прямо в воду, доходившую ему до коленей, обнял рванувшегося навстречу воеводу Сфенкела. Сегодняшняя победа была победой Сфенкела, это он возглавлял высадившихся на берег воинов.

Князь Святослав медленно пошел по лугу, время от времени поднимая вверх руку в железной рукавице — отвечал на приветствия дружинников. Постоял с непокрытой головой возле павших воинов, которые лежали рядом возле самой воды, закрытые до подбородков плащами.

Узнав среди павших старого сотника Свеня, князь Святослав помрачнел, сказал резко:

— Дать возьму и на живых и на мертвых!

Что еще мог сделать князь, кроме как щедро одарить родичей погибших в бою? На войне всегда так: одному выпадает счастливый жребий, другому — черный. Без крови война не обходится. Важно только, чтобы кровь не проливалась напрасно, чтобы кровью оплачивались победы, а не поражения. Сегодня была победа. Первая победа дунайского похода, а потому самая дорогая. И неожиданно легкая. Войско почувствовало вкус победы. Теперь его никому не остановить!..

Не было на поле брани ни тризны, ни почестных пиров — князь Святослав велел садиться в ладьи. Отпущенные болгарские пленные, боязливо оглядываясь на свирепых печенегов, толпой побежали к лесу. Они уносили с собой не только удивление перед неодолимой силой руссов, повергнувших в прах надежды царя Петра, но и обнадеживавшие слова князя Святослава: «Расскажите всем, что воюю не с болгарами, которые суть тоже славянского корня, но с царем Петром и его недобрыми советниками!»

Слова эти многое объясняют в искрометном калейдоскопе событий ближайших месяцев...

Восемьдесят крепостей построил когда-то римский император Юстиниан, чтобы обезопасить свою дунайскую провинцию Мизию. Стояли эти крепости вдоль всей реки и в отдалении от нее, на больших дорогах. Простояли они почти половину тысячелетия, устрашая врагов.

Ровно восемьдесят городов на Дунае и в задунайских землях взял князь Святослав за одно лето и осень 968 го-

да, поражая врагов и союзников стремительностью переходов, яростью скоротечных приступов. И... неожиданным милосердием!

Победное шествие князя Святослава по болгарской земле не сопровождалось убийствами, грабежами и разрушением городов. Здесь он не считал людей врагами.

Обосновавшись в Переяславце, князь Святослав был готов принять вассальные обязательства болгарских феодалов, оставить в неприкосновенности внутренние порядки Болгарии, чтобы продолжать совместную войну с Византийской империей.

Впереди маячила реальная возможность русско-болгарского союза.

Однако именно такой оборот дела меньше всего устраивал Никифора Фоку. Император не без оснований полагал, что теперь главное — удалить князя Святослава из Болгарии. Царь Петр был бы рад помочь в этом, но оказался бессилем. От царя отшатнулись собственные подданные. Приходилось думать о безопасности самой империи, и Никифор Фока начал деятельные военные приготовления. Он набирал новые отряды стратиотов, увеличил количество конных катафрактов, приказал расставить метательные орудия на стенах Константинополя. Через Босфор на столбах была протянута тяжелая железная цепь, один конец которой был прикреплен к башне, называемой «Кентинариос»¹, а другой — к башне Галатской крепости на противоположном берегу пролива. Подобных оборонительных мероприятий не помнили в византийской столице...

Старый паракимомен евнух Василий, в свое время немало способствовавший воцарению полководца Никифора Фоки, еще раз доказал свою полезность и усердие. С ведома императора люди паракимомена Василия пробрались в степи между Доном и Днепром и уговорили печенежских вождей напасть на Киев. Сколько золота и дорогих тканей они передали вождям в уплату за этот поход, знал только паракимомен Василий, тщеславно принявший на себя посольские расходы. Он был в состоянии это сделать, потому что богатства, полученные от нескольких императоров, все равно невозможно было растратить за одну жизнь, так они были велики...

Весной 969 года печенежские орды двинулись на Киев.

¹ К е н т и н а р и о с — Сотенная башня.

Так был зажжен пожар за спиной Святослава, который вынудил воинственного князя приостановить победное шествие к византийским границам и поспешить на выручку собственной столице.

5

Над степью летели стяги — красные и голубые, туго вытянутые встречным ветром. Сотня за сотней, как полноводная река, катилась дружинная конница по теплой и влажной земле, легко и неслышно. Всадники в острокопечных шлемах вели в поводу заводных коней. Размашистой рысью бежали выючные лошади, и трудно было разобрать, где кончается дружинный строй, а где начинаются обозы, — и там и тут одинаково быстрыми были всадники и кони, только впереди на одного всадника приходилось два коня, а во выючном обозе — десять...

Уже сам по себе этот стремительный бросок через степи был подвигом, на который способно лишь закаленное в дальних походах войско. В один дневной переход князя Святослава легко укладывалось по два обычных дневных перехода¹, но Святослав продолжал торопить воевод. Его подгоняли тревожные и укоризненные слова киевских вечников: «Ты, княже, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою землю покинул. А нас чуть не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут нас. Неужели не жаль тебе твоей отчины, старой матери, детей своих!»

Правда, как понял князь Святослав из рассказа гопцов, непосредственная угроза Киеву почти миновала. Город, в котором заперлась княгиня Ольга со своими внуками Ярополком, Олегом и Владимиром, печенеги осадили великой силой. Люди изнемогали от голода и жажды. Нельзя было даже послать гопца за помощью к воеводе Претичу, который стоял с ладьями на другом берегу Днепра и не знал, что город вот-вот падет перед крепкой осадой. На торговой площади собрались отчаявшиеся киевляне. «Нет ли кого, кто бы мог перебраться на ту сторону реки и сказать, что, если не приступите утром к городу, сдадимся печенегам?» — взывали к народу старцы градские. Ответом им было безнадежное молчание. Слишком плотно обложили Киев печенеги, и казалось невозможным пробиться через их станы. Тогда один отрок, ма-

¹ Дневной переход русского конного войска равнялся примерно 50 километрам.

ло кому известный в Киеве, сказал: «Я проберусь!» И ответили ему старцы градские, не надеясь на успех, но и не желая отказываться даже от призрачной надежды: «Иди...»

Отрок незаметно вышел из города с уздечкой в руках и побежал через стоянку печенегов, спрашивая встречных: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Он знал по печенежски, и печенеги принимали его за своего сородича и даже смеялись вслед, потому что потерять коня позор для воина. Так отрок добежал до берега Днепра, быстро скинул одежды и бросился в воду. Печенеги стреляли вслед из луков, но не попали в него, и отрок переплыл на другой берег, передал воеводе Претичу последнюю волю киевлян: «Если не пойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам!»

Нелегко было Претичу решаться на битву, потому что печенегов было много больше, чем у него людей, но и бездействовать воевода не осмелился. «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег, — после долгого раздумья сказал Претич своим мужам и пояснил: — Если не сделаем этого, то погубит нас князь Святослав!»

На следующее утро, близко к рассвету, когда туман пополз по воде, воины Претича сели в ладьи и громко затрубили во все трубы, а киевляне радостно закричали со стены, приветствуя своих избавителей. Печенегам показалось, что пришел князь Святослав, потому что в тумане они не могли сосчитать ладьи, а трубы ревели громко и устрашающе. Печенеги кинулись прочь от Киева. Княгиня Ольга и княжичи беспрепятственно прошли к ладьям. Претич уже собирался возвращаться на другой берег, но увидел печенежского князя, который подошел к ладьям без оружия, и задержался. Разговор между ними был кратким, но многозначительным.

— Кто пришел? — спросил печенег.

— Люди с той стороны Днепра.

— А ты не князь ли? — снова спросил печенег, введенный в заблуждение богатыми доспехами и величавой осанкой воеводы.

— Я муж его, пришел с передовой дружиной, а за мной идет войско с самим князем, бесчисленное их множество!

И тогда предложил печенег, чтобы избежать сечи с великой ратью князя Святослава: «Будь мне другом!» Они подали друг другу руки, и печенег велел принести

Претичу саблю и стрелы, а тот, в свою очередь, дал ему кольчугу, щит и меч. Печенеги отошли от города, но недалеко. Нельзя было даже коня вывести напоить, потому что печенежские всадники ездил вдоль Лыбеди. Тогда-то и послали киевляне князю Святославу слова, полные горькой укоризны: «Не жаль тебе твоей отчины...»

Святослав понимал, что слова эти быстро разойдутся по всей Руси, и только немедленная громкая победа над печенегами заставит людей позабыть о них. Превыше всего для княжеской славы любовь к родной земле, которую надлежит защищать от врагов, и никакие подвиги в дальних странах не могут стать оправданием князю, отдавшему свою собственную землю на разорение!

Возмездие вероломным печенегам должно быть немедленным и неотвратимым! Мертвая тишина должна царить в печенежских степях, пока он воюет на Дунае!..

Печенеги обычно мало опасались нападения. Их хранили от врагов немеренные просторы степей и быстрота бега неутомимых, привыкших к дальним переходам степных коней. У печенегов не было городов, а становища из легких войлочных юрт могли в случае опасности расстаться по степям, раствориться в балках и оврагах, в зарослях и камышах, окружавших озера. Но эта война не была похожа на прежние походы русских дружин в степи...

Конница князя Святослава шла облавой, загоняя печенежские кочевья к обрывистым берегам рек, а по воде спешили к условленным местам ладьи с пешими воинами. Печенеги металась в железном кольце русских дружин, но спасения не было: везде их встречали копы и мечи. Долго потом в колючей степной траве белели кости печенегов, и некому было насыпать над ними курганы, потому что оставшиеся в живых страшались даже близко подойти к полям поражений. Многочисленные табуны коней и стада, главное богатство и источник силы печенегов, медленно потекли к берегам Днепра. Вожди дальних орд посылали к князю Святославу гонцов с униженными просьбами о мире, клялись больше не нападать на русские земли. Казалось, война была окончена, но Святослав продолжал рыскать по степям, отыскивая недобитые печенежские кочевья. Он не хотел рисковать. Скоро возвращаться на Дунай, и только пустыня, усеянная костями коварных степняков, могла быть залогом безопасности столицы. Пустыня, безжизненная и устрашающая любого, кто дерзнул бы направить коня к Днепру...

В печенежских степях князь Святослав оставался до середины лета. Он возвратился в Киев, овеянный славой избавителя и победоносного полководца. Вечники, недавно укорявшие его в забвении родной земли, восторженно приветствовали своего князя.

Но в сердце Святослава не было удовлетворения. Победа над печенегами не радовала его; она воспринималась лишь как досадная помеха главному делу — походу на Византию. Тесными и какими-то душными показались Святославу гридницы киевского дворца, да и сам город, зажатый кольцом потемневших от времени и непогоды деревянных стен, стал как будто меньше и беднее. Может, именно поэтому Святослав решился высказать матери то сокровенное, что он держал в тайне даже от самых близких людей:

— Не люблю мне в Киеве, хочу сидеть в Переяславце на Дунае. Там середина земли моей, туда стекаются все блага: из греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии — серебро и кони, из Руси — меха и воск, мед и рабы...

Княгиня Ольга, осунувшаяся, постаревшая, шел ей уже шестой десяток лет, укоризненно качала головой, не понимая, как можно променять привычный покой киевского дворца, доверие и почтительное восхищение близких людей на поиски призрачного счастья в неведомых землях. Сходить в Царьград за данью и добычей — это понятно, это свойственно воинственным мужам. Но оставаться навсегда вдали от отчины?! Это было выше ее понимания. Как рачительную хозяйку большого двора, которую мало заботит все, что происходит за его пределами, по ту сторону высокого частокола, — княгиню Ольгу внешние дела интересовали лишь в той степени, в какой они могли эхом откликнуться на Руси. Оборонять рубежи — это понятно. Угрозой войны требовать от соседей должного уважения — тоже понятно. Но то, что замыслил сын...

Не зная, как убедительно возразить Святославу, старая княгиня вдруг заплакала и попросила жалостливо, по-бабы:

— Видишь, я больна, куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, отправляйся куда хочешь...

Пораженный беспомощностью матери, которую он привык видеть неизменно властной и строгой, Святослав растерялся, сказал послушно:

— Пусть будет так...

Сказал и тут же горько пожалел о сказанном, потому что эти три слова перечеркивали весь смысл его жизни, становились непреодолимой стеной поперек заветной дороги.

Неожиданная смерть княгини Ольги освободила князя Святослава от неосторожно данного обета. Плакали по ней великим плачем сын ее, и внуки ее, и все люди на Руси. Старую княгиню похоронили посередине поля, не насыпая над могилой кургана и не справляя тризну, потому что Ольга имела при себе священника, который настоял на исполнении христианского обряда.

Случилось это 11 июля 969 года, на пятом году самостоятельного правления князя Святослава Игоревича.

Перед отъездом на Дунай Святослав наделил княжеской властью своих сыновей. Трое их было: Ярополк и Олег, дети жены-боярыни, и младший Владимир, плод недолгой, тайной, но поистине горячей любви к материнской ключнице Малуше, дочери Малка Любечанина. Строгая княгиня отослала Малушу обратно в Любеч, но младенец остался в вышгородском дворце под присмотром своего дяди Добрыни. Завистники презрительно называли Владимира «рбичичем», то есть сыном рабыни, но Святослав считал сына таким же княжичем, как и старших братьев, и все трое получили княжения: Ярополк — Киев, Олег — Древлянскую землю, Владимир — Новгород.

Князь Святослав понимал, что законные наследники — залог прочности державы, и заранее позаботился, чтобы люди знали своих князей. Он же, князь-отец, даже пребывая на Дунае, останется высшим судьей и повелителем, охранителем единства Руси!

6

А в Болгарии и Византии тем временем происходили серьезные перемены.

30 января 969 года умер болгарский царь Петр. Известно об этом стало много недель спустя, потому что ведьможи покойного царя держали случившееся в тайне, поспешив уведомить лишь императора Никифора Фоку. В Константинополе жили заложниками сыновья царя Петра — Борис и Роман. Старшего из них — Бориса — император срочно отправил в Болгарию, на освободившийся отцовский престол. С отрядом болгар и варягов, служивших наемниками в императорской гвардии, Борис вошел в Преслав и возложил на себя царские регалии: ман-

тию, пурпурную шапку и красные сандалии. Кметям, собравшимся по этому случаю в парадном зале дворца, было объявлено о возобновлении дружественных отношений с императором Никифором Фокой. Между двумя рядами мраморных колош, окаймлявших зал, стояли варяги в византийских панцирях.

Казалось, император Никифор Фока достиг желаемой цели — защищаться от руссов болгарскими мечами. Но это только так казалось...

Болгарский народ ненавидел византийцев. Боляре опасались попасть в железные руки императорских стратигов, привыкших повелевать людьми как рабами. Лучше уж признать себя вассалами могучего князя Святослава, который не покушается на права болгар и демонстрирует свое миролюбие...

Всеобщее недовольство было ответом на решение царя Бориса. Люди, почти не скрываясь, говорили, что новый царь смотрит на Болгарию из византийского окна.

Чтобы возвысить царя Бориса в глазах его подданных, Никифор Фока направил в Преслав пышное посольство. Патриций Никифор Эротик и настоятель Филофей привезли дружественное послание императора и предложение скрепить союз брачными узами — выдать замуж болгарских царевен за сыновей покойного императора Романа. Невесты царской крови были немедленно отправлены в Константинополь на колесницах, украшенных золотом. По пути бирюжи объявляли народу, что это следуют будущие императрицы, а потому дружба с Византией будет вечной. Но мало кто верил этим заверениям.

Дальнейшие события окончательно развеяли надежды императора на царя Бориса. Болгарские феодалы заперлись со своими дружинами в укрепленных замках. В Македонии сыновья влиятельного кметя Николы — комитолулы Давид, Моисей, Аарон и Самуил — подняли восстание, отделили от царства обширные области и провозгласили самостоятельное Охридское царство, которое сразу заняло враждебную позицию и по отношению к царю Борису, и к Византии. Остальные кметы на мольбы царя о военной помощи отвечали уклончиво, жаловались на трудности в сборе войска, на оскудение казны и на нежелание народа воевать с руссами. «Если раздать оружие черни, то неизвестно, против кого это оружие повернется...»

Когда князь Святослав в августе 969 года возвратился в Болгарию, он нашел многих сторонников. Болгарские

дружины присоединялись к русскому войску. Печенеги и венгры снова прислали легкую конницу. Комитопулы Охридского царства заявили о своем желании воевать против Никифора Фоки совместно с князем Святославом.

Почти не встречая сопротивления, князь Святослав двинулся к Преславу. Византийские советники царя Бориса бежали под покровом ночной темноты, бросив на произвол судьбы растерянного, упавшего духом царя. В том же прямоугольном парадном зале с двумя рядами колонн из темно-зеленого мрамора царь Борис склонил голову перед Святославом и принял на себя обязанности вассала. Царь Борис сохранил царские регалии, казну и придворных. Для охраны царя в Преславе был оставлен воевода Сфенкел с отрядом русских и болгарских воинов.

Последняя карта Никифора Фоки оказалась битой. Император остался лицом к лицу с князем Святославом, за спиной которого была дружественная Болгария.

Неудачи подломили престарелого императора. Никифор Фока бездумно бродил по пустым залам дворца Вуколеон — обрюзгший, рыхлый, с нечесаной седой бородой и воспаленными от бессонницы глазами. Только однажды он рискнул, как бывало прежде, пройти пешком по улицам столицы. Однако на хлебном рынке его окружила толпа черни. На Никифора Фоку обрушились проклятия и грубая брань, полетели камни и комья грязи. С большим трудом телохранители защитили императора и, накрыв с головой простым солдатским плащом, увели во дворец. Это был позор, это было почти падение, и ничего удивительного не было в том, что на следующее утро красавица Феофано вызвала из Малой Азии полководца Иоанна Цимисхия. Император не возражал. Иоанн Цимисхий уже доказал однажды преданность, предупредив о злоумышлении евнуха Скриги. Пусть еще раз послужит императору...

Триумф по случаю взятия византийскими войсками крепости Антиохия был последней радостью императора Никифора Фоки. Дни его были сочными. Феофано уже решила вверить свою судьбу полководцу Иоанну Цимисхию, как шесть лет назад она вверила ее самому Никифору. В личные покои императрицы поодиночке пробрались верные воины Цимисхия, и Феофано спрятала их в запертой комнате. К дворцовому перевороту уже было почти все готово, когда в десятый день декабря некий клирик, пожелавший остаться неизвестным, подкинул Никифору Фоке письмо, которое раскрывало заговор: «Го-

сударь! Да будет известно, что тебе готовится ужасная смерть. Вот истина: прикажи осмотреть покои императрицы, и там найдут вооруженных людей!» Император тут же послал своего паракимомена со стражей в покои Феофано, но тот случайно или намеренно прошел мимо потайной комнаты, где прятались воины Цимисхия. А Феофано, прикинувшись незаслуженно оскорбленной, потребовала у императора ночной аудиенции: «Я хочу говорить с тобой наедине. Отошли людей, и пусть двери спальни будут открыты. Ты узнаешь нечто очень важное!» Феофано была так прекрасна, ее глаза смотрели так правдиво и грустно, что император Никифор Фока согласился, забыв о своих опасениях: «Я отошлю людей и буду ждать тебя!» — пообещал он.

Ночь с десятого на одиннадцатое декабря 969 года была ненастной и зловещей. Северный ветер свистел между колоннами. Мокрыми хлопьями падал снег. Прятавшиеся в покоях Феофано воины осторожно вышли на скользкую кровлю дворца, никем не замеченные, пробрались туда, где стена отвесно опускалась к морю. В пятом часу ночи к подножию стены подплыла ладья, причалила возле каменного льва — символа могущества. Раздался тихий протяжный свист. Воины спустились на веревке большой плетеный корабль. Леон Валант, Анципофедор и другие друзья Цимисхия были поочередно подняты на кровлю дворца; последним в корабль залез сам Цимисхий. Лодка тихо отплыла и скрылась в темноте. Провожая ее глазами, Цимисхий подумал, что обратного пути у него нет. Кто-то должен умереть сегодня: он сам или Никифор Фока.

Заговорщики, сжимая мокрыми пальцами рукоятки мечей, пошли по темным переходам дворца. Немногочисленные стражники спали глубоким сном. Милостивый дар императрицы Феофано — чаши с подогретым вином, которое она послала стражникам под предлогом непогоды и холода, — оказался сонным зельем.

Двери в спальню императора, как предупреждала Феофано, оказались незапертыми. Заговорщики с обнаженными мечами кинулись к императорскому ложу, сорвали пурпурный полог. Ложе было пустым. В отчаянии Леон Валант прошептал: «Я сам брошусь в море, чтобы не попасть в руки палачей!» Иоанн Цимисхий растерянно развел руками. Все погибло. Почему он доверился Феофано? Почему он решил, что коварство Феофано не может обратиться против него самого?

Скрипнула неприметная боковая дверца. Человек в длинном белом одеянии служителя гименея поманил Иоанна Цимисхия пальцем...

Император Никифор Фока спал в полукруглой нише, скрытой от чужих глаз портьерой из тяжелой ткани. Он лежал прямо на полу, подстелив барсовую шкуру. Иоанн Цимисхий вспомнил, что Никифор Фока всегда спал в шатре на барсовой шкуре, презирая размягчающую роскошь ложа, — и в его сердце шевельнулось что-то похожее на жалость. Но перерешать уже поздно. Кто-то из них двоих должен умереть сегодня...

Цимисхий кивнул Леону Валанту. Зловеще блеснул в дрожащем свете факела длинный прямой меч. Лицо императора окрасилось кровью, но он был еще жив и бился в руках схвативших его воинов. Иоанн Цимисхий бессильно присел на край императорского ложа. Воины наносили Никифору Фоке удары рукоятками мечей, пинали ногами, рвали бороду, пока чей-то милосердный акуфий — тоцкий, слегка изогнутый кинжал — не прекратил его мучений.

Так на пятьдесят седьмом году жизни принял смерть Никифор Фока, процарствовав всего шесть лет и четыре месяца. Его пощадили мечи врагов в бесчисленных битвах, но перед женским коварством и предательством друзей он оказался беззащитным. Недаром шептались люди в Константинополе, что пустынные покои дворца Вуколеона опаснее аравийских пустынь...

Утро застало Иоанна Цимисхия в Золотой палате. Он сидел на троне в пурпурной мантии и красных сандалиях, но он еще не стал императором. Полтора десятка верных друзей — вот и все, что у него было здесь, под рукой, потому что караулы у дворцовых ворот держали неподкупные наемники из варваров, боготворившие императора, своего единственного покровителя в чужой стране. В железную решетку, загораживавшую вход в Золотую палату, ломались опомнившиеся телохранители Никифора Фоки, которые полагали, что император не убит, а просто захвачен злоумышленниками. По коридорам и галереям дворца металась обезумевшие люди. Слухи один другого страшнее расползались по дворцу. Говорили, что недоброе случилось и с императрицей Феофано, что невольники будто бы отняли у стражи оружие и ходят по императорским покоям, убивая людей...

Железная решетка гнулась, поддаваясь неистовым усилиям телохранителей. Еще немного, и они ворвутся

в Золотую палату. Иоанн Цимисхий приказал показать людям голову императора...

Анципофеодор поднял за бороду голову Никифора и швырнул ее к решетке, к ногам телохранителей. Незадачливые стражи императора оцепенели, выпустили из рук бесполезные мечи.

— Да здравствует император Иоанн Цимисхий! — громко прокричал Анципофеодор.

— Да здравствует император Иоанн Цимисхий! — послушно повторили телохранители, опускаясь на колени...

В сущности, не произошло ничего неожиданного и удивительного для обитателей Вуколеона. Опустился занавес еще одного царствования, на сцене появился новый актер, тоже полководец, как убитый император.

Императоры приходят и уходят, но империя вечна!

Из всех возможных претендентов на высшую власть судьба подарила Византии лучшего правителя, если принять во внимание, что в скором времени предстояло защищать Константинополь с мечом в руках. Война стучалась в ворота столицы. Ратное искусство и решительность Иоанна Цимисхия были известны всем.

Современник так описывал нового императора: «Лицо белое и красивое, волосы на голове русые и на лбу редкие; глаза у него были острые, голубые, нос тонкий, надлежащей величины, борода рыжая; ростом он был мал, за что и получил прозвище Цимисхия, то есть «Маленького», но имел широкую грудь и спину; сила у него была исполинская, в руках чрезвычайная гибкость и крепость. Сия геройская, неустрашимая и непоколебимая сила в малом его теле производила удивительную храбрость. Он не боялся нападать один на целую неприятельскую фалангу и, побивши множество воинов, невредимым отступал к своему войску. В прыгании, игре мячом, в метании копий он превосходил всех людей того времени. Говорили, что он, поставив рядом четырех коней, прыгал как птица и садился на самого последнего. Он так метко стрелял в цель из лука, что мог попадать стрелой в отверстие кольца...»

Византийское войско получило в лице императора Иоанна Цимисхия достойного предводителя, а князь Святослав — опаснейшего врага.

Император Цимисхий, которого знали как дерзкого и решительного полководца, повел себя как осторожный и предусмотрительный правитель. К этому его вынужда-

ли неблагоприятные для империи обстоятельства. Византию три года пожирал голод. Арабы снова напали на сирийскую Антиохию. Еще одна война — на западе — казалась непосильным бременем. Князь Святослав, только что взявший штурмом Филиппополь¹, был по-настоящему опасен, и император Цимисхий попытался купить мир, пусть даже дорогой ценой. Византийское посольство отправилось к князю руссов, чтобы подарками и обещаниями будущего союза склонить к возвращению в свои варварские области. Но послы напрасно швыряли золото к ногам усатого варвара и напрасно грозили, что император сам пойдет на него войной с огромным войском. Ответ князя Святослава был гордым и презрительным: «Не вижу никакой необходимости для императора совершать столь трудное путешествие. Мы сами скоро поставим шатры пред царьградскими воротами, храбро его встретим и покажем, что мы не бедные ремесленники, живущие одними трудами, но храбрые воины, побеждающие врагов оружием!»

Все слова были сказаны. Империя вступала в большую войну. Иоанн Цимисхий выбрал из всего войска храбрейших молодых воинов, одел в блестящую броню и повелел впредь именовать их «бессмертными». С полком «бессмертных» император собирался лично выступить против князя Святослава. Прославленному полководцу магистру Варду Склиру и не менее прославленному победителю арабов патрицию Петру было приказано отправиться с полками в области, пограничные с Болгарией, и зимовать там. Через границу пошли опытные лазутчики, одетые в скифское платье и знающие язык руссов.

Но перевалы Гимейских гор лежали под снегом, необычайно обильно выпавшим в ту зиму. Война, так и не вспыхнув, вынуждена была ждать следующей весны.

И она пришла, громовая весна 970 года...

7

Магистра Варду Склира не покидало ощущение, что на него непрерывно давит, обрекая на неудачу все усилия по обороне болгарской границы, чья-то чужая, непреодолимая воля.

Следуя предостережениям императора, магистр Варда Склир вовремя занял пехотой горные проходы через Ги-

¹ Пловдив.

меи. Узкие дороги перекрыли копьеборцы и щитоносные ратники, а за их спиной расположились пращники и стрелки из лука. Ловкие сильные юноши из стратиотских семей поднялись на отвесные склоны и привязались ремнями к кустам и корням деревьев, чтобы сверху посыпать стрелы в варварских вождей. Не забыта была и стража на боковых тропах, чтобы варвары не могли обойти заставы.

Но все предосторожности оказались напрасными. Болгарские проводники вели руссов по горным тропам, о которых не подозревали даже местные пастухи, и руссы неизменно оказывались позади византийских сторожевых застав. Пехотинцы Варды Склира, окруженные врагами и горными теснинами, бросали на землю оружие или погибали в безнадежных схватках. Они не имели даже возможности отправить к полководцу гонцов, и потоки русской и болгарской пехоты, дружинной конницы, венгерских и печенежских всадников сразу во многих местах неожиданно ворвались во Фракию.

Крестьяне не успели собраться в крепости со своим имуществом и скотом, как предписывалось правилами войны, и сделались легкой добычей варваров. Здесь, в коренных византийских владениях, князь Святослав не удерживал своих воинов от грабежей, как было во время болгарского похода. Дымы пожаров поднялись наполовину неба. Толпы пленных в окружении печенежских всадников потянулись к Гимейским горам. Вина за разорение Фракии лежала на магистре Варде Склире. Но что он мог сделать, если испытанное средство обороны — заставы в горных теснинах — погибло без пользы?

Бесполезным оказался и другой испытанный прием — нападения тяжелой катафракторной конницы из засад на походные колонны врага. Обычно варвары не выдерживали неожиданных ударов, успешно отступали, чтобы собраться в большие скопища. Продвижение их замедлялось, а потери подрывали боевой дух. Однако князь Святослав оказался предусмотрительным. Далеко в стороны от тяжелой конницы и пехоты, двигавшихся по большим дорогам, он разослал быстрых венгерских и печенежских всадников. Венгры и печенеги, стремительно перемещаясь на своих короткохвостых лошадаках, осматривали рощи, перелески, сады, овраги, селения, даже заросшие кустами кладбища. От них невозможно было спрятаться. Обнаружив засаду, венгры и печенеги посылали гонцов к воеводам, а сами, как рой жалящих стрелами ос, кружились

вокруг катафрактов. Их нельзя было отогнать, ибо они отъезжали и снова возвращались; нельзя было их и убить, потому что быстрота коней спасала от погони. Как гончие зверя, обкладывая они тяжелую конницу катафрактов, пока не подходили конные дружины князя Святослава или вооруженная длинными копьями пехота.

А тем временем остальные полки князя Святослава в полной безопасности продолжали свое неумолимое движение по большим дорогам...

Потеряв несколько засадных отрядов, магистр Склир вынужден был отозвать катафрактов к главному войску. Предварительная стадия войны, имевшая цель ослабить неприятеля до решительного сражения, была проиграна Вардой Склиром начисто, и он сознавал это. Князь руссов оказался предусмотрительнее, чем опытный византийский полководец, покоритель многих земель Востока. Наверное, правду говорили люди херсонского стратига, следившие за победами князя руссов в хазарском походе, что он всегда жаждет решительного сражения, не отвлекаясь на осады крепостей. Если это так, то князь руссов достиг желаемого. Варда Склир вынужден принять сражение. Или, открыв варварам дорогу на Константинополь, добровольно отдать себя в руки палачей...

Подобного еще не бывало. К подобному не привыкли ни сам магистр Склир, ни патриций Петр, ни другие византийские военачальники: воевать, подчиняясь чужой воле!

Последним сигналом тревоги было взятие руссами и болгарам Адрианополя, города, откуда византийцы сами привыкли начинать походы, чтобы потом перенести войну на чужие земли.

К Варде Склиру, стоявшему лагерем под стенами крепости Аркадиополя, прискакал Иоанн Алакас, предводитель передового отряда, и сообщил, что скифы совсем близко. Двенадцатитысячное отборное войско Варды Склира поспешно втянулось за крепостные стены. А вскоре в клубах пыли к крепости подошла венгерская и печенежская конница. Всадники в черных развевающихся одеждах рассыпались по брошенному византийцами лагерю.

Потом подошли пешие полки руссов и болгар, расположились станом на дальнем краю равнины, примыкавшей к крепости; с двух сторон равнину окаймляли густые заросли.

Варда Склир считал, что лучшего места для битвы

трудно пожелать. В зарослях, на флангах войска князя Святослава, можно заранее поставить две сильные засады. Затем ударить частью войска в чело руссов, перебить их сколько удастся, притворным отступлением заманить остальных между засадами и разгромить. Магистру Склиру все казалось простым и ясным. Вот оно, поле победы!

Но Склир промедлил еще несколько дней: неудачное начало войны побуждало к осторожности. Иногда мудрое терпение полководца оказывалось способным ослабить врага до битвы. Склир надеялся, что среди разноплеменных варваров, приведенных князем Святославом, начнутся внутренние раздоры. Разве можно продолжительное время удерживать в полном повиновении столь различных друг от друга руссов, болгар, венгров и печенегов? Такое по силам лишь опытным императорским чиновникам!

Надеялся магистр и на то, что часть войска князя Святослава, тяготясь бесполезным стоянием под стенами Аркадиополя, разоидется по окрестностям для грабежей и захвата пленников. Варваров станет меньше, и их легче будет разгромить в сражении...

Расчеты Варды Склира как будто оправдывались. Стража ежедневно уведомляла, что большие отряды конницы покидают стан князя Святослава. Возле крепостных стен стало меньше караульных варваров, и они вели себя беспечно. Ночью два сотника катафрактов пробрались в заросли, к местам будущих засад, и благополучно возвратились в крепость.

Варда Склир решил: «Пора!..»

Перед рассветом два полка тяжелой конницы вышли из ворот Аркадиополя и тихо втянулись в заросли. Варда Склир с крепостной стены напряженно вглядывался во мглу, прислушивался, не поднимется ли шум в стане руссов, не раздадутся ли тревожные крики и лязг оружия, но было тихо. Руссы не заметили выдвижения засадных полков.

Если бы мог знать магистр Склир, что в этот самый час в шатре бодрствующего князя Святослава собрались воеводы и князь, удовлетворенно потирая руки, говорит:

— Змея выползла из норы. Греки по обычаю своему поставили засады. Не следует до поры мешать им, иначе они опять спрячутся за стенами. Пусть будет тихо, совсем тихо...

Князь Святослав торжествовал. Сбывалось то, к чему он стремился с самого начала, убедившись в опытности и

осторожности византийского полководца — решительное сражение. Ведь главное на войне — не захват обширных областей и взятие крепостей, а разгром неприятельского войска. Пока цело войско неприятеля, война не выиграна, но если разгромлено войско, то крепости сами упадут в руки победителя, как перезревшие плоды с дерева. Нелегко было вынудить хитрого грека Склира покинуть свое каменное убежище. Ради этого стоило пренебречь даже опасностью ударов засадных полков. Греки должны глубоко увязнуть в сражении, иначе они опять отступят и придется делать самое кровопролитное дело на войне — штурмовать каменные стены, обороняемые многочисленным гарнизоном...

Два полководца расставили свои фигуры на шахматной доске сражения, и у каждого были свои надежды, и каждому казалось, что он отчетливо видит фигуры противника.

Но каждый из них в чем-то ошибался...

Князь Святослав, спокойно поглядывая с возвышенности, как из ворот Аркадиополя потоком выливается закованная в блестящую броню конница, думал о разгаданной хитрости греков. Удары засадных полков магистра Склира не будут для него неожиданными, против них оставлены сильные заслоны.

Но Святослав не подозревал, что в засадные полки магистр выделил добрую половину отборного войска, а потому их нападение окажется много опаснее, чем ожидалось.

Столь же спокойно с крепостной стены смотрел магистр Склир. Князь руссов поставил впереди конницу: в середине — дружинников, одетых в доспехи светлого железа, по краям — толпы легкоконных венгров и печенегов, которых легко увлечь притворным отступлением под удары засадных полков, а потом, сдавив с обеих сторон, опрокинуть на тяжелую конницу князя Святослава. Русской и болгарской пехоты пока не было видно, и Варда Склир подумал, что князь оставил пехоту для охраны лагеря. Это непоправимая ошибка! Конница руссов будет разгромлена быстрее, чем пехота подойдет из лагеря!

Но магистр не знал, что русские и болгарские пехотинцы встали глубокой фалангой сразу за дружинной конницей и потому расчленив войско князя Святослава не удастся...

Сражение началось яростными атаками тяжеловооруженных всадников патриция Алакаса против печенегов,

которые стояли на правом фланге войска князя Святослава. Навстречу катафрактам полетело множество стрел, но закованные в броню всадники и кони были неуязвимы. Печенеги начали заворачивать коней, спасаясь от длинных копий катафрактков. Однако печенежские вожди заметили, что греков мало, и прекратили отступление. Толпы печенегов начали окружать катафрактков Алакаса, и те медленно попятнулись, не нарушая строя и не позволяя печенегам приблизиться для сабельной рубки: бегущихся печенегов встречали острия копий. Так, медленно отступая, Алакас уводил печенегов к зарослям, за которыми укрылся засадный полк.

Удар засадного полка был неожиданным и страшным. Сначала из зарослей показался сплошной ряд длинных нацеленных копий, затем, ломая ветки, вынеслись всадники. Печенеги обратились в бегство. Часть печенежских всадников кинулась назад, подальше от сечи, а остальные, подгоняемые копьями катафрактков, в беспорядке покатались к русской дружинной коннице, угрожая захлестнуть ее своей массой и нарушить боевой строй.

Варда Склир возбужденно потирал ладони. Наступал решающий момент сражения. Правое крыло Святослава разгромлено, нужно обрушиться на центр, где стоит русская конница...

Но магистр не успел отдать приказ. Тяжелая конница руссов сама двинулась вперед, а слева, обгоняя ее, понеслись на византийцев легкоконные венгры.

Нападение венгров было яростным, но не очень опасным. Железные ряды катафракторной конницы только слегка подались назад и тут же, получив подкрепление, вернули потерянное пространство. Однако отважные венгры сделали свое дело. Русские дружинники пропустили сквозь свои ряды бегущих печенегов и снова сомкнули строй.

Началась смертельная рубка закованных в броню всадников, одинаково сильных и умелых. Скрежетала сталь, рычали сцепившиеся вплотную войны, ржали кони, сталкиваясь закованными в железо грудями.

Варда Склир приподнялся на стременах.

Тесня украшенные перьями шлемы катафрактков, на него надвигались островерхие русские шлемы. Прямые мечи руссов поднимались и опускались мерно и тяжело, как цепи на молотье, только не спелые зерна они роняли на землю, а головы катафрактков...

Во главе отряда отборных всадников магистр кинулся

в сечу, разрезая, подобно железному клину, толпу сражавшихся. Ему преградил дорогу огромный скиф, взмахнул мечом. Но лезвие меча только скользнуло по шлему Варды Склира, а ехавший рядом патриций Константин, брат магистра, успел поразить скифа. Телохранители подхватили магистра и силой увели его в безопасное место...

А сеча продолжалась, и военное счастье попеременно склонялось то на одну, то на другую сторону, в зависимости от того, руссы или греки получали подкрепления. Подоспела русская и болгарская пехота, и Варде Склиру тоже пришлось ввести в дело пехотные полки.

Варда Склир вдруг с ужасом понял, что вопреки его намерениям в сражение втянулось почти все византийское войско, что, если не переломить хода битвы, он скоро останется полководцем без армии. Византийцам приходилось платить жизнью за жизнь, а не одной жизнью катафракта за десятки жизней одетых в шкуры варваров, как бывало раньше, и это было страшно. Варда Склир запоздало подумал, что, может быть, именно к такому исходу стремился князь руссов: истребить в кровопролитном полевом сражении византийское войско, чтобы потом идти к беззащитному Константинополю...

Но еще не все потеряно. Магистр приказал трубить и стучать в бубны. Еще один засадный полк выехал из зарослей и обрушился на левый фланг руссов. Весы победы качнулись в пользу Варды Склира, русские дружинники начали медленно отходить.

Но боевой порыв засадного полка уже иссякал. Вместо ошеломленных неожиданностью, утомленных битвой русских всадников он натолкнулся на глубокую фалангу русской и болгарской пехоты. Погибали катафракты в бесплодных атаках, а русы и болгары стояли, прикрываясь своими большими щитами, и в их рядах не видно было брешей.

«Напрасно! Все напрасно!» — в отчаянии шептал Варда Склир, в очредной раз бросая вперед катафрактов. Обреченно и устало накатывались валы катафракторной конницы на строй руссов и отливались обратно, оставляя на пыльной вытоптанной траве всадников и коней. А позади фаланги, в безопасности, перестраивалась и приводила себя в порядок тяжелая русская конница, и возвратившиеся после бегства печенеги накапливались на флангах.

Сражение было проиграно. Это стало ясно Варде Скли-

ру, когда предводители катафрактов сообщили о потерях. Нужно отступить, чтобы спасти уцелевших воинов... Чтобы неудачная битва не превратилась в непоправимую трагедию...

Искусными маневрами Варда Склир вывел войско из-под ударов, еще раз доказав свое полководческое дарование. Об этом отступлении, почти безнадежном, будут с восхищением писать историки и знатоки военного дела. Но радость магистра была непродолжительной. Трагедия все-таки произошла. В Аркадиополь вернулась с поля битвы лишь малая часть воинов. Константинополь попросту некому было защищать!

8

В то лето многие заботы колебали душу императора Иоанна Цимисхия. Как бы остановившись на распутье, он не знал, по какой идти дороге, боясь уклониться от истинного пути.

С запада приближались страшные своей многочисленностью и варварской отчаянной храбростью полчища князя руссов Святослава. Вопреки ожиданиям Святославу удалось не только собрать, но и удержать под своими знаменами разноязыкие варварские народы. В его полках стояли плечом к плечу руссы и болгары, в табунах мирно соседствовали русские, печенежские и венгерские кони, а юрты кочевников полукругом огибали воинские шатры дружинников. Произошло самое ужасное из всего, что могло произойти: объединение варваров против империи!

Кто же он такой, князь руссов Святослав, если невозможное сделал возможным и существующим? Какие злые варварские боги подняли его на вершину полководческого искусства?

Магистр Варда Склир, на которого возлагалось столько надежд, позволил обескровить свое войско в сражении под Аркадиополем и теперь сидит, как суслик, в каменной норе. Остальные полки увязли в сражениях с арабами в Малой Азии. Смятение и растерянность царя в столице. По рукам ходили списки зловещих стихотворений поэта Иоанна Кириота, сына достопочтенного патриция Феодора и ученика известных ученых математика Никифора и юриста Декаполита.

Во всеоружье Русь стремится против нас,
Народы Скифии поднялись на войну,

И всякий тот народ, который даже вида
Страшился нашего — столицу грабит ныне!..
Позор! Позор!..

Правда, как истинный верноподданный империи, поэт Иоанн Кириот в другом стихотворении предрекал жалкую участь возгордившимся болгарам, намекая на временность успехов варваров:

Иная ждет одежда вас: колодка
На ноги и ярмо на согнутую шею,

И бич со всех сторон покроет вас рубцами!..

Но самые добрые пожелания не сбываются сами по себе. Чтобы отбросить варваров обратно в их неблагоустроенные земли и вернуть империи мир, необходимо войско из многих тысяч катафрактов. На этом сосредоточились все мысли и труды императора Иоанна Цимисхия.

Неожиданно тень злодейски убитого Никифора Фоки снова поднялась над Византией, омрачая солнце нового царствования. Племянник убитого императора — полководец Варда Фока — поднял опасный мятеж в Малой Азии, а Лев Фока бежал из ссылки и принялся подбивать на восстание стратиготов Фракии, обещая им титулы, чины и земельные владения. У мятежников оказались сторонники даже в столице. Люди шептались, что хоть прощенный император не очень заботился о народе, но таких бедствий при нем не было, и, может быть, он не допустил бы варваров до порога Константинополя. На могиле Никифора Фоки кто-то высек ночью стихотворную надпись, зывающую к нему как к спасителю империи от варваров:

Восстань теперь же, император,
И собери войска, фаланги и полки!

На нас устремлено вторжение руссов!..

Наскоро собранные в столице полки пришлось вместо Фракии послать в Малую Азию, на мятежника Варду Фоку. Туда же поспешил по повелению императора магистр Варда Склир, чтобы военной силой или обещаниями почестей, раздачей золотых солидов и уверениями в совершенном прощении смирить мятежников. Варда Склир повез с собой грамоты с императорскими печатями для тех, кто, отвергнув главного мятежника Фоку, склонит голову перед законным властителем. Но усмирение мятежников затянулось на недели и месяцы.

А тем временем варвары стали беспредельно дерзкими. Завершив опустошение Фракии, они со всеми своими

полчищами перешли в Македонию, разгромили магистра Иоанна Куркуаса, предводителя войск македонской фемы, и разорили всю страну.

И снова, как часто бывало во время военных неудач империи, полководцы уступили место дипломатам. К князю Святославу направилось императорское посольство. Иоанн Цимисхий провожал послов с надеждой и страхом. Речь шла о его собственной судьбе. Тяжести еще одной неудачи его царствованию не выдержать...

Вопреки ожиданиям переговоры с князем Святославом оказались непродолжительными и нетрудными. Видимо, князь руссов не покушался на Константинополь и не думал о завоевании империи. Он потребовал дань и возмещение всех военных расходов, причем золото пришлось пообещать не только на живых, но и на убитых воинов. «Возьмет за убитого род его!» — сурово объявил князь, и послы беспрекословно согласились. Но другое требование князя, высказанное с обычной для него краткостью и твердостью — «До Болгарии вам дела нет!» — смутило послов. От империи отпадали многолюдные и богатые земли, которые византийцы привыкли считать своими владениями. Однако, памятуя о желании императора добиться перемирия любой ценой, послы согласились и на это требование князя Святослава.

Осенью 970 года руссы, болгары, венгры и печенеги покинули Фракию и Македонию. Теснины Гимейских гор поглотили их без остатка, и только пепелища селений, развалины крепостей и белые кости на заброшенных полях немо свидетельствовали о недавнем нашествии. Империя обрела мир. Обрела мир, чтобы... готовить новую войну!

Медленно дотлевали на окраинах империи угли мятежа. Захваченный в плен Лев Фока был ослеплен и сослан. Потерпев несколько поражений, покинутый большинством своих сторонников, сдался Варда Фока. Магистру Склиру, извещавшему об этом радостном событии, император Иоанн Цимисхий приказал: «Постричь Варду Фоку в монахи и отправить на остров Хиос вместе с женою и детьми, а самому тебе со всеми войсками переправиться в Европу и там зимовать, ибо при наступлении весны я отправляюсь в поход против скифов, будучи не в силах сносить их обиды...»

Слова эти, относившиеся к осени 970 года, то есть ко времени, когда был заключен мирный договор с князем Святославом, были фактически объявлением о новой вой-

не. Невысокой оказалась цена клятвенных заверений византийских послов! Легче тополиного пуха, который уносится первым же порывом ветра, были клятвы византийцев!

Но сами византийцы не видели в вероломстве императора Цимисхия ничего особенного и тем более предосудительного. Вероломство и изощренная ложь уже давно были возведены империей в ранг государственной политики. Обман противника почитался за доблесть, которой гордились и которую ставили в пример потомкам. Широкие военные приготовления императора были встречены с одобрением.

Спешно снаряжался огненосный флот, которого, по рассказам опытных людей, руссы боялись больше всего на свете. В город Адриана¹, освобожденный руссами после заключения мира, перевозились на кораблях запасы хлеба в количестве, значительно превышавшем обычные потребности гарнизона. На равнине у константинопольских стен с утра до вечера звенело оружие, раздавались повелительные команды военачальников, стройными рядами проносились катафракты, лучники поочередно метали стрелы в красные щиты: обучалось новое войско. Военные учения шли всю зиму, и сам император часто выезжал к воинам, чтобы они лучше познали искусство двигаться в полном вооружении, мгновенно перестраиваться и поворачивать ряды, пропускать сквозь полки конницу и снова смыкаться непреодолимой фалангой. Многим военным хитростям, изобретенным храбрейшими в битвах мужами, успел обучить император Цимисхий своих воинов до наступления весны.

События разворачивались неумолимо и стремительно.

На исходе марта 971 года, когда зимняя мрачность сменилась весенней ясностью и отшумели морские штормы, в заливе Босфора проводился смотр огненосного флота. Более трехсот больших кораблей легко и слаженно передвигались в спокойных водах залива, изображая морское сражение. Император Цимисхий, наблюдавший величественное зрелище морского боя с галереи Влахернского дворца, остался доволен. Он велел наградить гребцов и воинов деньгами. Вскоре флот отправился в устье Истра², чтобы отрезать руссам путь отступления. Императору уже казалось недостаточным просто вытеснить князя Свя-

¹ Адрианополь.

² Дунай.

тослава из Болгарии. Руссы обречены на полное истребление. Война должна закончиться не очередным мирным договором с князем Святославом, а его гибелью. Неожиданность нападения удвоит и без того огромную мощь византийского войска. Эта весна будет весной победы.

Так говорил император Иоанн Цимисхий и верил, что так и будет. Вскоре он вышел из Константинополя с двумя тысячами «бессмертных». В Адрианополе императора ожидало полностью снаряженное, готовое к походу войско: пятнадцать тысяч пехотинцев в доспехах и тринадцать тысяч всадников-катафрактков. Паракимомен Василий спешно стягивал к Адрианополю остальные войска, осадные орудия и обозы.

Все благоприятствовало успеху похода. Лазутчики, возвратившиеся с Гимеев, принесли обнадеживавшие вести: горные проходы не были заняты русскими и болгарскими сторожевыми заставами. Приехавшие из Болгарии купцы единодушно подтверждали, что князь Святослав не ожидает войны, что его воины по-прежнему стоят гарнизонами в разных городах. Император Цимисхий подумал, что руссы совершают непоправимую ошибку, за которую на войне расплачиваются поражением. Разве можно рассредоточивать войско? Истинный полководец побеждает до начала войны. Сражение лишь подведение итогов предыдущих усилий, предпринятых втайне от неприятеля. Пришло время наказать князя Святослава за пренебрежение правилами войны...

В блестящих доспехах, на белом коне, с длинным боевым копьём, император Иоанн Цимисхий первым выехал из ворот Адрианополя. Почти тридцатитысячное отборное войско густыми колоннами пошло к Гимейским горам, чтобы, преодолев горные теснины, обрушиться на великий Преслав, столицу Болгарии. Следом неспешно двинулись вспомогательные полки, обозы и осадные орудия. Великий поход начался.

Стремительный бросок через Гимейские горы подтвердил громкую славу полководца Цимисхия. Преодолев перевалы, ущелья и бешеные горные потоки, византийское войско благополучно достигло северного склона Гимейских гор. Иоанн Цимисхий разбил лагерь на каменной гряде, укрепленной самой природой, — с двух сторон ее омывала река. Внизу, на равнине, тускло мигали огни Преслава, не подозревавшего об опасности и, конечно, беззащитного...

...Потом военные историки будут многозначительно

рассуждать о стратегических ошибках князя Святослава, которые помогли императору Иоанну Цимисхию выиграть войну в Болгарии.

Князь Святослав не занял войском горные проходы через Балканы...

Князь Святослав не укрепил устье Дуная и позволил византийскому флоту подняться вверх по реке...

Князь Святослав допустил распыление сил, поставил гарнизоны в Преславе, Доростоле и других болгарских городах...

На первый взгляд все эти упреки справедливы. Так оно и было в действительности, если верить описанию дунайской войны византийцем Львом Диаконом. Но справедливы эти упреки лишь на первый взгляд.

Бывают непростительные для полководца, порожденные неопытностью или недомыслием стратегические ошибки. Но бывают вынужденные решения, внешне похожие на ошибки. Пожалуй, в данном случае мы имеем дело именно с вынужденными решениями.

Для того чтобы занять горные проходы постоянными сторожевыми заставами, прикрыть устье Дуная от византийского флота, держать сосредоточенными в стратегически выгодном месте значительные силы и одновременно надежно контролировать огромную территорию, что представлялось невозможным без постоянных гарнизонов в крепостях, — у князя Святослава попросту не хватало войска. Невозможно заткнуть ладью пробойну в днище ладьи, если в эту пробойну свободно проходит голова быка. Бессмысленно хвататься рукой за древки нескольких копий, больше одного копьей воин не может метнуть в неприятеля, и кто осмелится осуждать его за это?..

Нельзя забывать о недавнем мирном договоре с императором Иоанном Цимисхием, который не мог не породить у князя Святослава определенной уверенности в безопасности. Ведь император не послал, подобно князю Святославу, предупреждение о вторжении: «Иду на вы!» Цимисхий вломился в Болгарию неожиданно и подло, как ночной разбойник в мирный спящий дом...

9

Площадка сторожевой башни была просторной и ровной. Старые каменные плиты были отполированы до зеркального блеска. Несколько столетий на древней башне Преслава, столицы Болгарии, сменялась стража. Ходили

по площадке римские легионеры в тяжелых сандалиях, подкованных медными гвоздями. Тогда у северных отрогов Балканских гор еще не было большого города, и сторожевая башня торчала одиноко и угрожающе, как символ чужой, подавляющей силы. Шаркали по вечным каменным плитам мягкие, без каблуков сапоги скифов — жителей степей. Звенели шпорами наемники-варяги. А потом покой Преслава оберегала болгарская стража. Ныне же рядом с болгарскими воинами на башне стояли русские дружинники. Два братских народа впервые объединились против общего врага — Византии.

Раннее утро 12 апреля 971 года было тихим и прохладным. Над полями и виноградниками медленно, будто нехотя, поднималось солнце. Недалекие горы дышали влажным холодом. Из ущелий клубами неживого белесого дыма выползали на равнину туманы. Будто неведомые немые рати подкрадывались к стенам Преслава.

Почти каждое утро ползли к городу такие туманы с гор. Но восходило солнце, и исчезали злоеющие тени, а сами горы вспыхивали многоцветием лиственных лесов, пенящихся потоков, гранитных обрывов.

Но в то утро туман казался особенно густым и мрачным. В его клубах угадывалось постороннее шевеление, неясный гул. Стражи, просовывая головы между каменными зубцами башни, настороженно вглядывались в сияющую мглу.

Рассветная тишина неожиданно взорвалась ревом боевых труб, оглушительным медным звоном литавр и кимвалов. Из тумана выходили колонны византийского войска, разворачивались боевым строем на равнине, зеленевшей первыми весенними всходами.

Косые лучи утреннего солнца праздничным блеском отразились в железе доспехов. Гордо развевалось бело-голубое знамя «бессмертных», выдавая присутствие в войске самого императора.

Дружинник затрубил в рог.

Резкий, пронзительный вопль тревоги метался над крышами домов, где забылись мирным сном не подозревавшие об опасности жители Преслава, над пустыми в этот ранний час улицами и торговыми площадями, над каменной громадой царского дворца, местом пребывания царя, воеводы Сфенкела и дружины.

По-разному откликнулись люди на тревожный призыв турьего рога.

Воевода Сфенкел снял со стены боевой меч в простых

кожаных погнах, который он брал с собой только в большие битвы. А то, что битва будет, воевода понял сразу, как услышал сигнал тревоги. Не к лицу руссам отсиживаться в крепости. Сфенкел привык смотреть на войну глазами князя Святослава, а князь всегда говорил, что за крепостными стенами прячется от врагов только слабый духом. Сильный и мужественный сам выходит в поле, навстречу опасности, ибо лишь решительное сражение может принести победу...

Царь Борис с семьей и придворными поспешно покинул дворец и укрылся в доме среди садов, который ничем не выделялся из других домов внешнего города. Борис решил ждать, чем закончится сражение, втайне надеясь, что царский титул защитит его от самого худшего...

Патриций Калокир, советник царя Бориса и воеводы Сфенкела, тихо шепнул доверенному слуге, чтобы тот собрал в ларец драгоценности и держал наготове лучших коней. Калокир помышлял только о бегстве, считая город обреченным. У воеводы Сфенкела мало воинов, а император Цимисхий, конечно, пришел в Болгарию с огромным войском...

Русские и болгарские дружинники, составлявшие гарнизон Преслава, поспешно вооружались и бежали на площадь к царскому дворцу. Здесь воевода Сфенкел установил место общего сбора.

Зажиточные горожане зарывали в землю золотые солиды и серебряные слитки, прятали в тайники дорогие товары и утварь. Так поступали даже те, к кому прокрадывались по ночам византийские лазутчики. Обычай византийцев были хорошо известны: сначала заберут все добро, а потом начнут разбираться, кто был им врагом, а кто — скрытым другом.

Городские ополченцы собирались у амбаров, где в мирное время хранилось их оружие. Царь Борис мог правиться или не нравиться, к воеводе Сфенкелу и его русским дружинникам можно было относиться дружелюбно или настороженно, но оборонять свои дома были готовы все. От византийцев жители Преслава не ждали ничего хорошего.

Разобравшись на дворцовой площади по десяткам и сотням, русские и болгарские дружинники пошли к воротам. Одинаковые кольчуги из светлого железа, остроконечные шлемы, красные щиты делали их неотличимыми друг от друга, как дружину кровных братьев, и невозможно было определить, кто из них пришел с берегов

русской реки Днепра, а кто влился в дружину здесь, в Болгарию. Русские и болгары шли на битву в одном строю.

С той роковой минуты, когда рог дружинника оповестил город об опасности, прошло немного времени. Медлительное византийское войско еще не успело приблизиться к стенам Преслава.

Когда император Цимисхий увидел выходящих из ворот руссов, он был удивлен и озадачен. Согласно всем правилам войны неприятель, оказавшийся в численном меньшинстве и к тому же застигнутый врасплох, должен отсиживаться в осаде, пока не подойдут подкрепления. Неужели лазутчики ввели его в заблуждение и в Преславе оказалась не горстка дружинников, а главное войско князя Святослава?

Замешательство императора продолжалось считанные мгновения, но руссы успели построиться для сражения. Перед византийцами оказался сомкнутый глубокий строй тяжеловооруженной пехоты. Силу такого строя уже познал под Аркадиополем магистр Варда Склир. Однако руссов на этот раз было не очень много, и Цимисхий успокоился. Имея в руках тридцатитысячное отборное войско, глупо опасаться полевого сражения. Руссы совершили ошибку, покинув крепость!

Полки пеших стратиотов, выставив вперед длинные копыя, двинулись на русский строй. Стратиоты шли уверенно, неторопливо, время от времени останавливаясь, чтобы дать возможность лучникам и пращникам метнуть свои смертоносные снаряды и привести руссов в замешательство. Камни выстукивали по красным русским щитам непрерывную барабанную дробь, стрелы свистели и чиркали по остроконечным шлемам, но руссы стояли непоколебимо, и в их сомкнутых рядах не видно было потерь. С таким же успехом можно было швырять в стену горсти сухого гороха...

Византийская пехота не привыкла сражаться вот так, строй на строй. По сигналу трубы стратиоты расступились, пропуская вперед катафрактов. Атаки тяжелой конницы следовали одна за другой, но руссы стояли.

Погом две фаланги пехотинцев, греков и руссов, все-таки сошлись вплотную. Русский строй качнулся назад, изогнулся дугой, но тут же выпрямился, со страшной силой отбросив поредевшие ряды стратиотов.

Снова на равнину, усеянную телами павших, вынеслась катафракторная конница. Руссы стояли. Заканчи-

вался второй час битвы. «Сколько может длиться кровопролитие? — раздраженно думал Цимисхий. — Не для того я преодолевал опасные Гимей, чтобы положить половину войска в первом же сражении...» И император двинул вперед «бессмертных».

Две тысячи отборных всадников, закованных в броню, гордых доверием императора и жаждавших отличиться, неистовым напором смяли левое крыло руссов. Одновременно легкая конница доместика Востока, привычная к стремительным рейдам в тыл неприятеля, отрезала руссам путь отступления.

Император ждал замешательства и беспорядочного бегства, обычного для окруженного войска, когда пехотинцы, преследуемые конницей, обречены на полное уничтожение. Однако руссы не позволили расстроить свои ряды. Воодушевила ли их властная воля полководца, или они сами умели отходить, не нарушая строя, но ожидаемого бегства не получилось. Руссы отступали к городским стенам медленно, время от времени поворачиваясь лицом к преследователям и отбрасывая их короткими сокрушительными ударами. Катафракты скорее провожали руссов как почетная стража, чем преследовали их.

Цепи легковооруженных всадников, пытавшихся отрезать руссов от города, были разорваны мгновенно, как гнилая сеть, в которую случайно забрела сильная морская рыба — дельфин. Руссы втянулись в Преслав и крепко заперли за собой ворота.

На подступивших к стенам стратиотов посыпались стрелы и камни. Дружинники и горожане-ополченцы выкрикивали бранные слова и угрожающе размахивали оружием.

— Варвары всегда хвастливы! — надменно бросил Иоан Цимисхий, скрывая за подчеркнутым презрением к противнику свое разочарование исходом первой схватки. — Пусть орудия паракимомена Василия научат их вежливости!

Всю ночь воевода Сфенкел и другие предводители войска обходили городские стены. Войны были бодры и готовы защищать город. Никто из них не воспринял вчерашнее отступление под прикрытие крепостных стен как поражение. Потери оказались тяжелыми, но главного греки не достигли: дух русского войска, собравшегося в Преславе, не был подорван, вместе с болгарскими дружинниками были готовы обороняться.

Среди знатных людей, сопровождавших воеводу Сфен-

кела в ночном обходе, не было патриция Калокира. Осторожный грек бежал из осажденного города, пока шла битва. Когда об его исчезновении сказали Сфенкелу, воевода презрительно скривился. Он и раньше не доверял сладкоречивому советнику. Но думать о нем было сейчас недосуг. Князь Святослав воздаст должное беглецу, когда тот объявится в Доростоле. Значительно больше беспокоило Сфенкела отсутствие некоторых боляр царя Бориса. В болярских руках были хорошо вооруженные отряды, и было неясно, на чьей стороне они выступят. Греки воюют не только оружием, но и вероломством, подкупом, интригами. Что успел наобещать болярам император Цимисхий?..

Паракимомен Василий, предводитель вспомогательного войска, превзошел самого себя в расторопности. Первые лучи восходящего солнца осветили длинные ряды метательных орудий. Василий поднял и резко опустил правую руку. С грохотом и скрипом взметнулись рычаги метательных орудий. Каменные глыбы и горшки с горячей смесью, медленно переворачиваясь на лету, обрушились на Преслав. Опрокидывались и рассыпались каменным щербом зубцы стены. Потоки липкой горячей жидкости текли по деревянным мосткам, на которых стояли у бойниц русские и болгарские лучники. Сразу во многих местах вспыхнули пожары. Клубы черного дыма закрыли солнце. А камни продолжали падать на стены. Защитники болгарской столицы погибали, не испытав последней горькой радости воина: умирая, насмерть поразить врага.

Казалось, все было сметено с гребня стены этим каменным смерчем. Но город не сдавался. Дымящиеся стены извергали из бойниц стрелы и дротики. Немало стратиотов нашли смерть у их подножия, а взобравшихся наверх храбрецов встречали копыя и мечи дружинников. Первый приступ был отбит.

Опять металы камни и греческий огонь смертоносные орудия паракимомена Василия. Стратиоты и спешенные катафракты добежали до стены, густо и зло карабкались по штурмовым лестницам и слова откатывались, уstraшенные потерями. Так продолжалось до темноты. Преслав выстоял.

Ночью Сфенкел собрал предводителей дружины и городского ополчения на совет. Невеселыми были речи собравшихся. От обстрела погибло на стенах больше воинов, чем во вчерашнем полевым сражении. Еще один та-

кой день, и Преслав некому будет оборонять. Но слабодушных среди соратников Сфенкела не оказалось. Следом за воеводой они повторили, как клятву, напутствие князя Святослава, которое помнил каждый воин: «Да не посрамям земли Русской, но ляжем костьми. Мертвые сраму не имут!»

И вот наступило 14 апреля, последний день обороны Преслава. Снова заработали бездушные орудия паракимомена Василия. Стратиготы полезли на оголившиеся стены. И таким великим представился самим византийцам подвиг первого воина, поднявшегося на преславскую стену, что исторические сочинения сохранили его имя: Феодосий Месоникт, родом из восточных провинций. Авторы византийских исторических сочинений почему-то умолчали, что схватка была выиграна не доблестью воинов императора Цимисхия, а метательными орудиями.

Через разбитые ворота стратиоты колоннами врывались в улицы Преслава, сметая немногочисленные заслоны руссов и болгар. За пехотой в конном строю спешили катафракты. Воинов не пужно было больше посылать вперед, каждый спешил, ибо давно известно: львиная доля добычи достается тому, кто ворвется в дом первым.

Но сражение за Преслав еще не окончилось. Воевода Сфенкел с уцелевшими дружинниками укрылся в царском дворце, который был обнесен невысокой, но достаточно прочной каменной стеной; во двор дворца вели единственные узкие ворота. Полторы сотни стратиотов ворвались в ворота, но были мгновенно перебиты руссами. Та же участь постигла и катафрактов, осмелившихся въехать в ворага в конном строю. Византийцы растерянно толпились на площади, залитой щедрым южным солнцем, а в полумраке воротного проема угрожающе шевелились длинные конья руссов.

Подъехал со своими «бессмертными» император Цимисхий. Опытный полководец, он мгновенно оценил губительность боя в тесных лабиринтах дворца и приказал выкурить руссов огнем. В окна дворца полетели пылающие факелы, сосуды с греческим огнем, комки смрадно дымившегося войлока. Вскоре пламя охватило дворцовые постройки. Стратиоты выровняли ряды и подняли конья, чтобы во всеоружии встретить спасающихся от огня руссов. Приближался последний акт преславской трагедии.

Говорят, что иные поражения превосходят славой победы. Бой на дворцовой площади Преслава подтверждает истинность этих слов. Даже враги отдали должное

мужеству руссов и болгар, их стойкости и презрению к смерти.

«Руссы вышли из дворца и приготовились к сражению, — с почтительным удивлением повествовал византийский историк. — Император послал против них Варду Склира с отборными воинами, которые окружили руссов. Руссы дрались храбро и ни один из них не просил пощады и не подавался назад. Однако греки одержали победу и всех перекололи. В этой битве весьма много погибло и болгар, которые находились в рядах руссов и сражались с греками, как с виновниками нашествия на их страну...»

Византийский историк допустил неточность: не все руссы погибли на дворцовой площади Преслава. Воевода Сфенкел с горсткой дружинников прорвался и ушел из города. Византийцы преследовали его, но не сумели настигнуть. Сады и виноградники, которыми изобиловали окрестности болгарской столицы, укрыли беглецов от погони. Ночью Сфенкел выбрался на доростольскую дорогу, еще не перекрытую византийскими заставами.

10

Облицованные мрамором стены были нарядны и холодны. Многоцветный мозаичный пол дышал ледящей стужей. Ветер с Дуная, проникая сквозь широкие, забранные причудливыми бронзовыми решетками окна, отдавал промозглой сыростью. С трудом верилось, что в этот самый час над Доростолом висит ослепительное южное солнце, что вокруг дворца цветут сады и горожане ходят в легких одеяниях. Сумраком, сыростью, зловещими тенями, тревожными шорохами, несмываемыми следами чужой непонятной жизни были переполнены покой древнего доростольского дворца, временного жилища князя Святослава.

Пересчитывая шагами скользкие каменные плиты, князь с грустью и сожалением вспоминал о теплом ласковом дереве киевских теремов. Камень будто клетка — давит, леденит, навеивает недобрые мысли. Видно, права в чем-то была княгиня Ольга, предостерегая от расставания с отчиной. Душа человека требует домашнего тепла...

А может, мрачные мысли пришли от недобрых известий?

Радоваться действительно было нечему. Начало войны с императором Цимисхием проиграно, и Святослав отдавал себе в этом отчет.

Вчера в этом мрачном и холодном зале перед Святославом сидел патриций Калокир, будто бы чудом вырвавшийся из осажденного Преслава. Святослав никак не мог уразуметь спокойствия и высокомерной уверенности грека. Позорное бегство из осажденного города тот представлял если не как подвиг, то уж, во всяком случае, как великую услугу князю руссов!

Правда, известия, принесенные Калокиром, заслуживали внимания. Патриций просидел два дня в тайном убежище неподалеку от Преслава, и верные люди успели рассказать ему обо всем, что делалось в это время в захваченном греками городе.

Император Иоанн Цимисхий старается предстать перед болгарами избавителем. Он разрешил болгарским пленным уйти кто куда пожелает и объявил, что вступил в их страну не для порабощения Болгарии, но лишь для войны с руссами, против которых единственно будет сражаться. Плененному царю Борису император оставил регалии и царское одеяние, почтительно называл его на людях царем. Благодарный Борис по подсказке императора разослал грамоты своим подданным, чтобы они больше не помогали князю Святославу. Растерянные бояре мечутся, не зная, к кому примкнуть. Они еще не повернули оружия против бывших союзников, но и помощи от них ожидать нельзя. Опытный Калокир правильно подметил эти тревожные изменения...

Князь Святослав мог бы добавить, что не только боярские дружины покинули его. При первых же известиях о вторжении в Болгарию большого византийского войска ушли за Дунай печенег и венгры. Святослав остался один на один с Цимисхием. Однако, даже зная много больше, чем патриций, князь Святослав не считал, подобно ему, войну проигранной. Кроме начала, война имеет еще и конец. Именно конец войны венчает лаврами победителя!

Поэтому Святослав равнодушно слушал советы патриция Калокира: временно отступить, заключить союз с германским императором Оттоном, который постоянно враждовал с Византией, снова нанять печенегов и, дождавшись из Руси нового войска, вернуться в Болгарию. Калокиру легко советовать. Главная забота патриция — о собственной безопасности. Пусть спасается, Святослав его не будет удерживать. Бесплезен теперь Калокир. Пришло время мечей, а не хитроумных интриг, в которых тот чувствовал себя как рыба в воде. Пусть Калокир один от-

правляется к императору Оттону. За прошлые услуги Святослав даже поможет ему безопасно покинуть пылающую войной Болгарию...

А сегодня в том же зале стоял воевода Сфенкел. Сапоги воеводы были забрызганы бурой дорожной грязью, голова обвязана тряпичной. Сфенкел смотрел растерянно и виновато. Но в чем он виноват, воевода Сфенкел? Он сражался как храбрый воин и снова будет сражаться, когда придет час битвы.

Святослав ласково похлопал Сфенкела ладонью по плечу:

— Ступай, воевода! Милость моя с тобой!

Сфенкел благодарно вздохнул, пошел, шаркая сапогами и пошатываясь, к выходу...

Калокир и Сфенкел... Высокомерный беглец и чувствующий себя виноватым герой... Как они не похожи друг на друга! А ведь оба, каждый по-своему, были с ним, со Святославом...

Но предаваться раздумьям было некогда. Цимисхий, наверно, спешит, он тоже знает цену дням на войне. Святослав трижды хлопнул в ладоши, сказал вбежавшему отроку:

— Зови Свенельда. И гонца, что приехал из Плиски, тоже зови...

Император Цимисхий действительно спешил.

17 апреля он быстрыми маршами двинулся из Преслава к Доростолу, снова поручив заботы об обозе и осадных орудиях паракимомону Василию.

Города между Гимейскими горами и Дунаем были уже покинуты русскими гарнизонами. Без боя сдались византийскому войску Плиска, Диная и другие крепости. В них император Цимисхий оставил небольшие отряды стратиотов, а с остальным войском продолжал стремительный бег к Дунаю. Там решался исход войны.

23 апреля, рано утром, конные разъезды императора Цимисхия приблизились к Доростолу, где, как уже знали византийцы, стоял с войском князь Святослав.

Первая схватка закончилась грагически для византийцев. На малоазиатских всадников Феодора Мисфианина, опередивших катафракторные полки и пехотные колонны, нанали из засады руссы.

Может быть, руссы и пропустили бы всадников, потому что в обязанности сторожевой заставы входило лишь оповещение о приближении неприятеля, но войнами командовал дружинник, вырвавшийся вместе с воеводой

Сфенкелом из Преслава. Ненависть к византийцам, безжалостно переколовшим мечами его товарищей на дворцовой площади, оказалась сильнее благоразумия. Послав гонцов к князю Святославу, дружинник с остальными воинами напал на растерявшихся от неожиданности греков. Руссы вышибали их из седел длинными копьями, рубили мечами, пронзали широкими охотничьими ножами. Почти никто из всадников Феодора Мисфянина не спасся. Однако и руссы, ослепленные яростью, были окружены подоспевшими стратиотами и перебиты.

Император Цимисхий долго стоял на поляне, усеянной телами греков и руссов. Он видел, как мрачнели лица проезжавших мимо катафрактов, как они придерживали волновавшихся коней и приглядывались к убитым воинам, будто пересчитывая их. Греков полегло больше, и не только застигнутых врасплох всадников Феодора Мисфянина, но и стратиотов, сражавшихся потом с окруженными руссами. Это наводило на грустные размышления.

Цимисхий подумал, что если бы князь Святослав согласился уйти за Дунай со своими страшными копьеносцами и не менее страшными всадниками в кольчугах, способными на равных сражаться с катафракторной конницей, то он бы сам предложил мир, чтобы не испытывать больше военного счастья. Но, судя по первой ошибке, Святослав решил защищаться...

Цимисхий взмахнул плетью, кинул вздыбившегося коня к доростольской дороге. За ним поспешили «бессмертные». Мягкий топот нескольких тысяч копыт был подобен подземному гулу.

Колонны стратиотов расступались, пропуская императора.

Всадники вынеслись на небольшую возвышенность. Дальше, до самых стен Доростола, тянулась равнина, кое-где пересеченная канавами и руслами ручьев, испятнанная черными полосками пашни, колючими кустарниками. А еще дальше, позади Доростола, медленно катил свои коричневые волны весенний полноводный Дунай.

Издалека каменные стены Доростола казались невысокими и совсем негрозными, но Цимисхий знал, что толщина их достигает двенадцати локтей, а до зубчатого гребня способны дотянуться лишь самые длинные штурмовые лестницы. Двое ворот выходили в поле, а над ними торчали массивные башни.

Но не каменные твердыни Доростола привлекли внимание императора. Преграждая путь к крепости, на рав-

нине стояла еще одна стена — живая. Пешие руссы стояли своим обычным сомкнутым строем, сдвинув стеной большие щиты. Князь Святослав вывел войско в поле...

Император Цимисхий расставлял свои полки неторопливо, с тщательностью и искусством, достойным великих полководцев древности. Два крыла катафракторной конницы, как два железных кулака, были готовы ударить или в чело русского войска, или сбоку — в скулу, или сзади — в незащищенный затылок. Расчлененный на сотни строй тяжело вооруженной конницы был гибким и послушным воле полководца. Позади конницы стояли рядами многочисленные лучники и метатели камней, которым было велено непрерывно обстреливать руссов, чтобы они не имели ни минуты покоя и понесли потери до начала рукопашной схватки.

Намерения противоборствующих сторон прояснились еще до начала сражения.

Император Иоанн Цимисхий решил искать победу неожиданными ударами катафракторной конницы то по одному, то по другому крылу русского войска, поочередно сосредоточивая на крыльях большинство полков, а в случае необходимости и «бессмертных».

Князь Святослав противопоставил коннице императора Цимисхия глубокую пехотную фалангу. Русские дружинники умели сражаться в конном строю, но с не меньшим искусством и стойкостью могли биться пешими. Тяжело вооруженная пехота устойчивее в бою, чем конница. Только она может выдержать натиск катафрактов и похоронить на доростольской равнине цвет византийского войска. Так считал князь Святослав, спешивая своих дружинников и усиливая этими отборными воинами пехотный строй.

Двенадцать раз бросались в атаки катафракты императора Цимисхия, и двенадцать раз откатывались, устилая поле нарядными панцирями, расколотыми щитами и шлемами с разноцветными перьями.

«Битва долго оставалась в совершенном равновесии, — писал византийский историк. — Руссы сражались храбро и отчаянно. Они давно приобрели славу победителей над всеми соседственными народами и почитали величайшим несчастьем быть побежденными и лишиться этой славы. Греки тоже страшились быть побежденными. Они до сих пор побеждали всех своих неприятелей, а теперь настал день, когда они могли лишиться приобретенной славы. Приближался вечер, но оба войска продолжали сражать-

ся с необыкновенной храбростью. Руссы... испуская яростные крики, бросались на греков. Уже пало весьма много воинов с обеих сторон, а победа все еще оставалась сомнительной...»

...Оставим на совести византийца рассуждения о «природном зверстве» и «бешенстве» руссов, без которых его соотечественники вообще не мыслили рассказы о «варварах». Главное он все-таки признал: императору Цимисхию не удалось сломить русское войско в многочасовом сражении.

Только перед самым заходом солнца Цимисхий собрал в одном месте значительную часть конницы, лично возглавил ее и смял левое крыло утомленных непрерывным сражением руссов. Руссы отступили и заперлись в Доростоле.

Если отступление одного непобежденного противника можно считать победой другого, то император Цимисхий победил в первом сражении. Именно так он постарался представить дело, чтобы ободрить свое войско. Катафракты и стратиоты шумно пировали, хвастались наградами, преувеличенно почтительно называли друг друга новыми чинами, щедро пожалованными императором. Но сам Цимисхий отлично сознавал, что победа эта призрачна, а тяжелые потери почти бесполезны. До желаемой цели — разгрома князя Святослава — сегодня было так же далеко, как вчера. Стены Доростола неприступны, а укрывшиеся за ними войско руссов способно к продолжению войны.

Всю ночь вооруженные стратиоты стояли перед воротами Доростола, чтобы предупредить возможную вылазку руссов. А утром 24 апреля император Цимисхий приказал строить укрепленный лагерь. Вокруг возвышенности греки вырыли глубокий ров. Землю, извлеченную из рва, насыпали валом, а на гребне вала водрузили копья и повесили на них щиты. Была назначена дневная и ночная стража, потому что дерзость и предприимчивость руссов были хорошо известны, с ними приходилось соблюдать осторожность. Так предупредил Цимисхий, и военачальники согласились с ним. Руссы — опасные враги. Доблесть катафрактов и стойкость стратиотов полезно дополнить надежными укреплениями и зоркими сторожевыми заставами.

Весь день под Доростолом было спокойно. Византийцы копошились в своем укрепленном лагере, ставили шалаши и шатры для военачальников и знатных людей. Руссы отдыхали за крепостными стенами после вчераш-

него боя. Война будто замерла, подарив усталым ратникам короткую передышку...

Военная хроника последних апрельских дней 971 года вместила больше драматических событий, чем иные месяцы или даже годы другой войны.

25 апреля отряды катафрактов подъехали к стенам Доростола, вызывая руссов на бой. Лучники и пращники императора Цимисхия принялись метать стрелы и маленькие ядра из обожженной глины. Им отвечали со стены защитники города. Поединок оказался неравным: византийские стрелы ломались, ударяясь в каменные зубцы, глиняные ядра рассыпались красной пылью, а тяжелые дротики, выпущенные дальнобойными крепостными самострелами, пронзали насквозь панцири катафрактов и щиты стратиотов. Убедившись в тщетности своих усилий, начальники катафрактов и лучников увели своих людей в лагерь.

Вечером руссы в конном строю вышли из города. Катафракты атаковали их, но успеха не имели. После равного боя руссы возвратились в Доростол.

Однако вечер 25 апреля все же принес императору Цимисхию удовлетворение. По Дунаю поднялся к Доростолу византийский флот. Огненосные триеры растянулись цепью поодаль от берега, в безопасности от крепостных метательных орудий, и встали на якоря. Так предписывали правила морской войны, и друнгарий флота следовал им неукоснительно. Руссы поспешно вытащили из воды свои легкие ладьи и унесли к стенам, под охрану лучников. Князь Святослав приказал крепко беречь ладьи, потому что между берегом и цепью огненосных триер оставалась широкая полоса мелководья, по которому русские ладьи могли свободно плавать. Оплошность греков сулила заманчивые возможности...

26 апреля произошел второй большой бой под Доростолом. Руссы снова вышли в пешем строю. И опять была равная битва, в которой военное искусство греков не смогло преодолеть мужества и стойкости русских пехотинцев. Только неожиданная гибель воеводы Сфенкела, пронзенного копьем катафракта, внесла замешательство в ряды руссов, и они отступили, но недалеко. Катафракты, утомленные битвой и уstraшенные большими потерями, не осмелились их преследовать. Руссы остались на равнине, зажгли костры и простояли на виду у византийского войска всю ночь и утро следующего дня.

Только к полудню 27 апреля, когда император Цимис-

хий послал большое конное войско, чтобы отрезать руссов от города, воины князя Святослава свернули свой стан и неторопливо ушли в Доростол. На месте русского стана греки нашли лишь остывающие костры да тела катафрактов. Зрелище показалось византийцам столь ужасным, что они поспешно повернули коней прочь от стана. Руссы что-то кричали им вслед со стены, но из города больше не выходили.

28 апреля прибыли осадные орудия. Многочисленные баллисты и катапульты были пока поставлены возле византийского лагеря. Византийцы копошились вокруг них, как бурые лесные муравьи. Император торопил, ему не терпелось повторить преславскую бойню. Но с осадными орудиями пришлось провозиться до самого вечера. Деревянные рамы распались в дороге, веревки из сплетенных воловьих жил пересохли, рычаги и втулки колес требовали свежей смазки. Обстрел Доростола пришлось отложить на следующий день.

А на следующий день было уже поздно. Вокруг Доростола желтел свежими откосами глубокий и широкий ров, вырытый руссами всего за одну ночь с 28 на 29 апреля. Император Цимисхий был удивлен и раздосадован. Князь Святослав отыскал единственно возможное средство защиты от осадных орудий, причем средство, никогда раньше не применявшееся полководцами. Глубоким ровом он просто преградил путь осадным орудиям к крепостным стенам. А чтобы засыпать ров, требовалось сначала прогнать русских лучников, которые посылали через ров свои смертоносные стрелы и не подпускали воинов вспомогательных отрядов.

В ленивой перестрелке через ров прошел день 29 апреля, день очередного разочарования императора Цимисхия...

Ночь принесла новые огорчения. Дождь и шквальный ветер загнали воинов Цимисхия в шатры и шалаши. Даже караульные спрятались под крышу, забыв о своем долге. А князь Святослав посадил на ладьи две тысячи дружинников. Ладьи проплыли, не замеченные никем, между берегом и стоявшими на якорях огненными триерами. Выше по реке стояли возле берега обозы императора Цимисхия, о которых узнал князь Святослав...

Нападение руссов оказалось совершенно неожиданным. Стража паракимонена Василия была мгновенно перебиты, запасы продовольствия перенесены на ладьи. То, что руссы не могли увести с собой, они безжалостно

уничтожили: рассыпали по земле и смешали с навозом зерно и муку, разбили кувшины с вином, изрубили топорами обозные телеги. Захваченное оружие и доспехи они побросали в воду.

Между тем ветер начал стихать, дождь прекратился, сквозь тучи стала изредка проглядывать луна. Пора было возвращаться. Ладьи тихо поплыли вдоль берега к Доростолу.

За прибрежными кустами раздались громкие, веселые голоса. Гребцы подняли весла, замерли. К воде вышли греческие воины — кто в рубахе, кто в одних штанах, а кто и вовсе голый. Они вели в поводу коней, принялись тереть их волосяными щетками. За плеском воды и громкими голосами греки так и не расслышали осторожного журчанья воды под носами ладей. Ладьи благополучно миновали опасное место. Открылась большая поляна, освещенная дрожащими отблесками костров. Возле них сидели греческие воины, тоже без доспехов и оружия; другие собирали хворост на опушке леса. Разве можно упустить такой случай?

Воевода судовой рати пропустил вперед ладьи, нагруженные продовольствием, а с остальными причалил к берегу за лесом. Тихо, как охотники за бобрами, дружинники прошли через ночной лес и напали на греков. Много здесь погибло воинов императора Цимисхия, и только темнота спасла некоторых от смерти. Запомнилась та почь грекам...

Император Цимисхий в гневе топал ногами и кричал на друнгарию флота как на нерадивого раба. Жалко было обоза и погибших воинов, но еще больше сожалел император, что князь Святослав захватил много продовольствия и осада может затянуться. Сколькими жизнями придется заплатить за лишние дни осады?..

А то, что осада неизбежна, не вызывало сомнений. Непобежденное войско засело за каменными стенами Доростола и досаждало частыми вылазками. Единственное, что мог противопоставить император дерзости руссов, — это рвы, которыми были перекопаны все дороги из крепости, и многочисленные заставы, бодрствовавшие днем и ночью.

Недели тянулись, незаметно складываясь в месяцы. Прошел июнь, на вторую половину своей быстротечной жизни покатился июль, а над воротной башней Доростола по-прежнему развевался стяг князя Святослава...

Чтобы найти правильный путь, нужно остановиться и оглядеться. Князь Святослав мысленно повторял события последнего года, искал ошибочный поворот, который завел его в каменную ловушку Доростола, и — не находил...

Все сделанное представлялось правильным и единственно возможным. Необходимо было воевать Фракию и Македонию, чтобы показать императору Иоанну Цимисхию, избалованному победами над восточными народами, силу Руси. И мирный договор был необходим, потому что не штурмовать стены Царьграда шли русские рати, но лишь отвадить византийцев от Болгарии. И воеводу Сфенкела нельзя было не поставить в Преславе, ибо только под надежным присмотром царь Борис сохранил вассальную верность: глаза у царя, как у стрекозы, смотрели во все стороны...

Пожалуй, единственное, что надо было сделать, — еще зимой, не дожидаясь весеннего водного пути, позвать из Руси новые рати. Князь Святослав собирался так сделать. Но воеводы говорили, что подобного никогда еще не было, что зимой ратники не начинают походов, а у Святослава не хватило твердости отместить их возражения. Может, успокоился прошлыми славными победами, уверовал в свой неизменно счастливый жребий? Но кто знал, что Цимисхий вероломно нарушит свои клятвы?!

Но теперь поздно мучиться напрасными сомнениями и переворачивать, как бусины на нити, прошлые дела. Что сделано, то сделано, и сделанного не переделаешь. Нужно искать выход из безвыходности, свет в кромешной тьме. Это потруднее, чем отважно махать мечом на поле брани. Но он, предводитель войска, которому доверены тысячи жизней, должен безнадежное превратить в возможное, а возможное — в свершившееся...

Князь Святослав понимал, что здесь, под Доростолом, император Иоанн Цимисхий сильнее. У него больше воинов, в кольце окружения не видно слабых мест. Если бы Святослав был только полководцем, он бы давно завязал мирные переговоры с императором, чтобы не подвергать войско тяготам дальнейшей осады.

Но князь Святослав был не только полководцем, но и правителем огромной державы, вручившей ему свою судьбу и свое войско. Поле его сражения простиралось далеко за пределы окрестностей Доростола и даже за пределы

Болгарии, и общая картина войны просматривалась Святославом несколько по-иному, чем можно было ее представить с крепостной башни.

У императора Иоанна Цимисхия при всем пышном блеске его трона был ненадежный тыл. Осаждая Доростол, император то и дело вынужден оглядываться назад, пристально следить, что делается в покинутой им Византии. В ненадежности тыла — слабость Цимисхия, которая сведет на нет все его военные успехи. Каждый лишний день осады увеличивал опасность мятежа внутренних врагов Цимисхия, а счет уже идет не на дни и даже не на недели, а на месяцы!

Вот почему князь Святослав отклонял советы воевод и упрямо повторял: «Ждать! Ждать!»

Советов было много, и почти все они с военной точки зрения были разумными. Одни предлагали тайно, под покровом ночной темноты или в непогоду сесть на ладьи и плыть к устью Дуная. Другие считали возможным силой прорвать кольцо осады и укрыться в горах и лесах Болгарии, жители которой благожелательны к руссам и ненавидят греков. Третьи настаивали на немедленном мире с императором, чтобы потом, собрав новое войско, отринуть невыгодные условия. Четвертые, самые отважные и безрассудные, призывали выйти в поле и погибнуть с оружием в руках, чтобы поддержать славу руссов, никогда не склонявших головы перед врагами. Но никто не говорил о продолжении обороны Доростола, истощавшей и без того ослабленное войско — дружинники сварили в котлах последних коней и голодали...

Князь Святослав терпеливо выслушивал советы, но отвечал всем одинаково: «Ждать! Будем ждать!» Воеводы недоумевали. На что надеется князь? Кто придет на помощь осажденным?

Но князь Святослав дождался своего часа. Верный человек, пробравшийся ночью через византийские заставы, принес в Доростол вести о новом мятеже Льва Куропалата, брата убитого Цимисхием императора Никифора Фоки. Пришло время действовать. Пришло время доказать Цимисхию, что русское войско еще достаточно сильно и может при желании оборонять Доростол бесконечно долго, а потому лишь заключение немедленного мира освободит императора от связавшей его по рукам и ногам осады. А чтобы императору было легче решиться, нужно еще раз крепко побить его...

Князь Святослав догадывался, что император Цимисхий возлагает большие надежды на метательные орудия, которые подтянулись к крепости и уже начали свою разрушительную работу. Нужно выбить из рук Цимисхия это действительно опасное оружие...

В полдень 19 июля, когда стража, отягощенная выпитым за обедом вином и разморенная зноем, утратила бдительность, руссы стремительно напали на метательные орудия. Начальник стражи Иоанн Куркуас, родственник императора, успел вскочить на коня и кинулся со своими воинами на выручку. Но конь споткнулся в рытвине, сбросил всадника. Руссы, привлеченные превосходным вооружением и вызолоченными доспехами Иоанна Куркуаса, приняли его за самого императора, толпой набросились на упавшего и изрубили мечами и секирами на части вместе с доспехами. Жарким пламенем вспыхнули деревянные рамы катапульта и баллист. Изрубленные топорами ремни и веревки из воловьих жил шевелились в огне, как паучьи лапы.

Подоспевшие катафракты успели отбить раненых, которых руссы волоком тащили к городу, но тело императорского родственника руссы унесли с собой. Стратиготы шептались, что магистр Иоанн потерпел наказание за безумные преступления против христианских храмов: он ограбил в Мизии многие церкви, а ризы и святые сосуды переплавил в слитки. Среди военачальников Цимисхия было немало людей, совершивших подобные подвиги, и страх небесного возмездия охватил грешников...

20 июля руссы под предводительством Икмора, знаменитого воина, занимавшего после смерти Сфенкела второе место в войске, снова вышли из города. Густая фаланга руссов долго сражалась с катафракторной конницей и нанесла ей тяжелые потери. Все меньше находилось храбрецов, желавших очертя голову бросаться на копья руссов. Только гибель Икмора от меча одного из телохранителей императора — Анемаса, сына предводителя критян, заставила руссов отступить. Византийцы, осматривая убитых руссов, нашли среди них женщин, которые в доспехах воинов сражались столь же храбро, как мужчины. И снова в страхе шептались стратиготы, в недоумении покачивая бритыми подбородками: «Можно ли вообще победить руссов, если у них мужчины и женщины одинаково мужественные?» Цимисхий велел объяснять воинам, что женщины вышли в поле лишь потому, что руссов осталось совсем мало. Однако этим объяснениям

не верили, ибо видели своими глазами, сколько руссов благополучно возвратились в Доростол...

Князь Святослав готовился к новому сражению. Чтобы воодушевить войско, он собрал воевод и выборных от каждой сотни и произнес речь, которая стала известна каждому воину:

«Погибнет слава, сопутница русского оружия, без труда побеждавшего соседние народы и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим грекам! И так с храбростью предков наших и с тою мыслью, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями, или, совершившим знаменитые подвиги, умереть со славою!»

— Слава не погибнет! — сурово заверили воеводы и поклялись сложить головы, но не посрамить славы русской. Следом за ними принесли клятву все воины, а волхвы скрепили клятвы новыми жертвоприношениями.

Наступило 22 июля, день последнего сражения под стенами Доростола. На этот раз войско вывел в поле сам князь Святослав. Он велел накрепко запереть городские ворота, чтобы никто из воинов не помышлял искать спасения за стенами, но думал только о победе. Или о смерти, если боги не признают руссов достойными победы.

Руссы не стали ждать, когда катафракты начнут свои обычные фланговые атаки, и сами устремились вперед. Заплатался византийский пехотный строй, привыкший заслоняться атакующей конницей, стал подаваться назад. Попятелились катафракты, которые из-за неожиданного наступления руссов не успели разогнать коней для удара. Отступление было уже общим, когда прибытие императора Цимисхия с «бессмертными» остановило его. Но попытки отбросить руссов оказались тщетными. Воины князя Святослава сражались с невиданным мужеством.

Император Цимисхий видел, что в прямом бою руссы одолевают византийцев, и, оставив против русской фаланги пехоту полководца Петра и патриция Романа, послал отборную конницу Варды Склира в обход. Остальные катафракты спешили, чтобы усилить пехотный строй.

Неожиданное появление в тылу вражеской конницы заставило руссов приостановить свое победное шествие. Натиск на пехотные таксиархии полководца Петра и патриция Романа ослабел. Но сражение продолжалось с

прежним упорством, и всадники Варды Склира тщетно атаковали руссов, повернувшихся к ним лицом. Император с «бессмертными» снова вынужден был вступить в бой. Из византийских рядов нарочно кричали, что князь Святослав тяжело ранен, но руссы не поверили и не поддались панике. Многие из них видели, как князь в блестящей кольчуге появляется в самых опасных местах, воодушевляя воинов. Святослав почувствовал, что наступает критический момент сражения, когда полководец должен бросить на весы победы последнее, что у него осталось, — личное мужество...

Но, как показалось воинам, стихийные силы природы в тот день были против князя Святослава. С юга надвинулись на Доростол черные грозовые тучи. Шквальный ветер ударил в лицо русским воинам, пыль ослепила глаза, а потом хлынули потоки косога стегающего дождя. Едва слышны были в свисте ветра сигналы труб, но руссы уловили их тревожный зов, разом повернулись, закинули щиты за спины и двинулись к Доростолу.

Всадники Варды Склира поспешно раступались, освобождая им дорогу. Препятствовать отступлению руссов было так же бессмысленно, как пытаться хрупким плетнем остановить горную лавину: масса тяжело вооруженных пехотинцев задавила бы катафрактов...

Снова в зале доростольского дворца собрался коммент — совет военачальников. Воеводы подсчитывали потери. Погибло пятнадцать тысяч воинов... Потеряно двадцать тысяч щитов... Многие дружинники получили раны и теперь способны сражаться в половицу прежней силы...

Почему же так спокоен князь Святослав? Или делает вид, что спокоен, чтобы поддержать веру в победу? Или действительно считает сегодняшний кровопролитный бой победой?

Князь Святослав мог бы объяснить воеводам, что много исхода сражения он и не ждал. Победить многотысячное, сытое и отдохнувшее войско императора Цимисхия было почти невозможно. Но то, что задумано Святославом, было достигнуто: византийцам нанесены тяжелые потери, и последние надежды Цимисхия на скорое завершение войны рассеялись как дым. Еще немного продержаться, и Цимисхий будет умолять о мире...

— Передайте воинам — жертвы не были напрасными! — заключил Святослав речи воевод. — Цимисхий не забудет нынешней бойни! Укрепитесь духом и ждите!

Воеводы кланялись и, придерживая левой рукой нож-

ны мечей, выходили из зала, а вслед им неслись многократно повторенные слова князя: «Ждите! Ждите! Ждите!..»

А сколько еще осталось ждать? И чего?

Этого они не слышали от князя Святослава, и только глубокая вера в счастливую звезду предводителя войска удерживала их в повиновении.

12

Ночью к воротам Доростола подошел человек в плаще патриция, с горящим факелом в руке. Десятинику воротной стражи, высунувшемуся в бойницу, он крикнул:

— От императора — к князю руссов!

Тяжелые створки ворот слегка приоткрылись, пропускающая посланца императора...

Сам князь Святослав не пожелал разговаривать с византийцем. Князю прилично принимать посольства от соседних государей, а не тайных послов, которые неизвестно с чем пришли. Святослав приказал проводить византийца в парадный зал, поручил Свенельду выслушать предложения Цимисхия, если посол действительно пришел от императора, а сам остался в небольшой комнате, отделенной от зала пологом из тяжелой ткани.

Вскоре в комнату вошел Свенельд и плотно задернул за собой полог:

— Княже! Греки просят мира!

— На чем хочет замирился Цимисхий?

И Свенельд, медленно загибая пальцы, принялся перечислять:

— Мы должны отдать грекам Доростол... Опустить пленников... Покинуть Болгарию и возвратиться в свое отечество... Император со своей стороны обещает безопасно пропустить наши ладьи, не нападая огненосными кораблями, дать хлеб для всего войска, а наших людей, которые будут приезжать в Царьград для торговли, считать по прежнему обычаю друзьями...

— Пишите хартию! — кивнул Святослав.

Нельзя сказать, что согласие было дано князем Святославом с легким сердцем. Договор перечеркивал почти все, что было достигнуто в дунайских походах. Но выбора не оставалось. Мир был тяжелым, но не обидным. А что касается будущего, то лишь от него, Святослава, зависит, сохранятся ли в силе невыгодные для Руси условия. Спор с Византией из-за дунайских земель будет про-

должен. Пока же граница между двумя государствами пройдет по Дунаю...

За полог снова заглянул Свенельд:

— Грек спрашивает: на сколько воинов давать хлеб?

— Скажи: на двадцать две тысячи!

Потом Свенельд вошел с пергаментным свитком в руке. Князь Святослав закоптил над свечой перстень с печатькой и скрепил черным оттиском начертанные на пергаменте строки...

Грек отбыл из Доростола так же тихо и незаметно, как пришел. Пергамент с хартией мира остался у воеводы Свенельда, потому что император Цимисхий настаивал, чтобы руссы сами обратились с мирными предложениями. Цимисхий считал умалением чести Византии самому искать мира. Кто ищет мира, тот не является победителем!

Князь Святослав вынужден был согласиться. Тщеславие не должно затмевать разума. Не время спорить, кто на людях должен поклониться первым. Пусть утешенная гордость будет возмещением Цимисхию за кровь тысяч катафрактов. Славы князя Святослава это не умалит!

Утром воевода Свенельд в сопровождении десяти самых рослых и крепких дружинников отправился в византийский стан. Император Цимисхий принял русское посольство в большом шатре, украшенном дорогими тканями и статуями. Император сидел на походном троне, повторяющем своими формами трон Золотой палаты, но только поменьше. По обеим сторонам трона стояли вельможи в нарядных одеждах.

Великий логофет от имени императора сказал, что византийцы охотно принимают предложение мира, ибо они обыкновенно побеждают врагов больше благодеяниями, чем оружием. Свенельд восхитился благородством и благоразумием императора, заботливо оберегающего жизни своих воинов. Кое-кто из византийских вельмож воспринял последние слова как намек на большие потери катафрактов, но лицо императора было спокойным и приветливым, и вельможи не осмелились показать своего неудовольствия.

Ласковыми и полными взаимной похвалы были посольские речи, но обмануть они никого не могли. Врагами встретились руссы и греки, врагами и расставались. Только равновесие во многих сражениях привело к вынужденному миру. Но надолго ли сохранится такой мир?

Свенельд от имени своего князя просил императора

послать послов к печенегам, чтобы уведомить их о заключенном мире и предостеречь от нападения на возвращающихся руссов. Великий логофет заверил, что к печенежским вождям тотчас же отправятся знатные люди и с ними Феофил, архиепископ Эвхаетский. Тогда же было договорено, что правители скрепят мирный договор личной встречей.

Встреча князя Святослава и императора Цимисхия на берегу Дуная...

Описание этой встречи столетиями кочевало по страницам исторических сочинений, потому что это описание, включенное в «Историю Льва Дякона» со слов очевидца, было единственным в своем роде. Только из него потомки могли узнать о внешности прославленного русского князя и его одежде. Не два облеченных высшей властью правителя встретились на дунайском берегу, а два мира, два образа жизни, во многом исключаящие друг друга...

«Император Цимисхий в позлащенном вооружении, на коне, приехал к берегу Дуная, сопровождаемый великим отрядом всадников, блестящих доспехами. Святослав приплыл по реке на скифской ладье и, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия. Он был среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал; с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с длинными висящими усами. Голова у него была совсем голая, только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и свирепым. В одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная карбункулом, а по обеим сторонам от него — двумя жемчужинами. Одежда на нем была простая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная. Поговорив немного с императором о мире, сидя на лавке в ладье, он отправился обратно. Таким образом закончилась война греков с руссами...»

Провожая глазами ладью князя Святослава, Цимисхий задумчиво проговорил:

— Этот варвар не должен вернуться на Дунай!

— Он не вернется! — заверил параклимен Василий. — С посольством архиепископа Феофила в Печенегию поедут мои верные слуги...

Но Святослав еще раз обманул надежды императора Цимисхия. Напрасно ждали руссов в днепровских порогах подкупленные византийским золотом печенеги. Напрасно бороздили море возле днепровского устья огнен-

ные триеры херсонского стратига, которому было приказано при встрече с русскими ладьями поступать так, как если бы он ничего не знал о заключенном мире. Отправив в Киев воеводу Свенельда с частью войска, чтобы ввести в заблуждение византийцев, князь Святослав остался в Белобережье, на одном из бесчисленных островов дунайской дельты, и зимовал там. Не только забота о собственной безопасности руководила князем Святославом. Своим присутствием у границы Болгарии он хотел ободрить и поддержать болгар, с которыми расправлялся император Цимисхий.

А для болгар действительно наступили тяжелые времена. Восточная Болгария потеряла свою независимость. Царь Борис был низложен, ему было приказано сложить с себя царские регалии: пурпурную шанку, вышитую золотом и осыпанную жемчугом, багряную мантию и красные сандали. Взамен утраченной короны Борис пожаловали скромным титулом магистра. Младший брат низложенного болгарского царя — Роман — был осклопен по приказу императора. Спешно переименовывались на греческий лад болгарские города. Преслав становился отныне Иоаннополисом, в честь самого императора Цимисхия, Доростол — Феодорополисом. Замерла Болгария, скованная железными обручами византийских гарнизонов. Страшной оказалась расплата за слабодушие царя Бориса.

Воины князя Святослава провели в Белобережье всю зиму, терпя великий голод. За мерзлую конскую голову платили по полугривне, варили в котлах вместо мяса ремни от щитов. Ждали Свенельда с обозом и новыми войнами, но Свенельд не пришел.

Весной 972 года ладьи князя Святослава направились к днепровскому устью...

Уже совсем близкой казалась отчизна — рукой подать. Но самый терпеливый из печенежских князей, коварный и мстительный Куря, не ушел от днепровских порогов. Когда воины князя Святослава вытащили ладьи на берег, чтобы перенести их на другую сторону порога, на них напали печенеги. Князь Святослав рубился мечом, как простой воин, и, как все остальные воины, погиб от кривой печенежской сабли.

Печенежский князь Куря велел сделать из черепа Святослава чашу и пил из нее на пирах. «И есть чаша сия и доныне в казне князей печенежских, — повествовал русский летописец. — И пили из нее князь и княгиня в свадебном чертоге, говоря: «Каков был сей человек, его

же лоб есть, таков будет и родившийся от нас!» Тако же и прочих воев Святослава лбы исковши серебром и держали у себя печенеги, пьюще из них...»

Когда внук князя Святослава — Ярослав Мудрый — разгромил печенегов под Киевом и они рассеялись по степям, затерялся след знаменитой чаши, способной пробуждать мужество у прикоснувшихся к ней губами...

Не сохранилось и кургана над могилой князя Святослава, и только память народная, вечная хранительница истинно ценного, бережно донесла до потомков славное имя князя-витязя, воителя за землю Русскую. Остался он в памяти людей молодым и отважным — таким, каким представил его летописец на заре жизни:

«КОГДА СВЯТОСЛАВ ВЫРОС И ВОЗМУЖАЛ, СТАЛ ОН СОБИРАТЬ МНОГО ВОИНОВ ХРАБРЫХ. И ЛЕГКО ХОДИЛ В ПОХОДАХ, КАК ПАРДУС¹, И МНОГО ВОЕВАЛ. В ПОХОДАХ ЖЕ НЕ ВОЗИЛ ЗА СОБОЮ НИ ВОЗОВ, НИ КОТЛОВ, НЕ ВАРИЛ МЯСА, НО, ТОНКО НАРЕЗАВ КОНИНУ, ИЛИ ЗВЕРИНУ, ИЛИ ГОВЯДИНУ И ЗАЖАРИВ НА УГЛЯХ, ТАК ЕЛ. НЕ ИМЕЛ ОН И ШАТРА, НО СПАЛ, ПОДСТЕЛИВ ПОТНИК, С СЕДЛОМ В ГОЛОВАХ. ТАКИМИ ЖЕ БЫЛИ И ВСЕ ПРОЧИЕ ЕГО ВОИНЫ. И ПОСЫЛАЛ В ИНЫЕ ЗЕМЛИ СО СЛОВАМИ: «ИДУ НА ВЫ».

¹ Пардус — гепард. Гепарды были известны на Руси как охотничьи звери, которые очень ценились за быстроту и легкость движений и бесстрашие.

ХРОНОЛОГИЯ ПОХОДОВ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА

- Около 945—972 гг. — годы жизни киевского князя Святослава
964 г. — поход в земли вятичей
965 г. — хазарский поход
967 г. — первый поход на Дунай
968 г. — нападение печенегов на Киев и возвращение князя Святослава на Русь
969 г. — второй поход на Дунай
970—971 гг. — война с Византийской империей

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.
Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.—Л., 1963.
Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980.
Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982¹.
Тихомиров М. Н. Поход Святослава в Болгарию. — В кн.: Исторические связи России со славянскими народами. М., 1949.
Чертков А. Описание войны великого князя Святослава против болгар и греков в 967—971 годах. М., 1843.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

¹ В указанной книге дается обстоятельный обзор источников и историография (с. 11—92).

ЗАВЕЩАНИЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Неподалеку от Киева в своем загородном вышгородском дворце умирал великий князь киевский Ярослав Владимирович, в христианстве Георгий. Ему было полных семьдесят шесть лет. Начинаясь февраль 1054 года.

От печи, что стояла в углу одрины¹, исходило ровное, спокойное тепло, скудные лучи неяркого февральского солнца осторожно пробирались сквозь узкие стекла окон, ложились на укрытые дорогими византийскими тканями стены, на ложе, где утонал в коврах и подушках усопший, холодеющий великий князь. Его впалые щеки западали совсем, и приподнятые скулы еще больше выступили вперед; некогда зоркие, цепкие, с прищуром глаза потеряли свою цепкость и властную силу и будто потухли, в них едва теплилась жизнь. Ярослав знал, что умирает. Он и приехал сюда, в свой любимый Вышгород, для того,

¹ Спальни, от «одр» — ложе.

чтобы провести последние дни в тишине и покое, наедине со своими мыслями, рядом с любимым сыном Всеволодом, который сидел сейчас в отцовском изголовье.

На пути Ярослав попросил повернуть в сторону двора сына Всеволода. Он хотел проститься со своим последним родившимся внуком — первенцем Всеволода — Владимиром, в христианстве Василием. Этот внук был особенно дорог Ярославу, потому что родился он во искупление тех несчастий, что понесла Русь в недавней войне с Византией. В 1042 году на престол в империи встал Константин IX Мономах, который сразу же отодвинул от трона всех, кто ранее поддерживал его противников, — Михаила IV и Михаила V, и одними из первых пострадали русские купцы, русский монастырь на Афоне. Пристань и купеческие склады были разграблены сторонниками Константина Мономаха, убийство русского посла переполнило чашу терпения Ярослава, и в 1043 году он послал на Константинополь по примеру Олега, Игоря и Святослава свою рать. В поход по воде двинулось двадцать тысяч человек во главе со старшим Ярославовым сыном, князем новгородским Владимиром и боярином Вышатою Остромиричем. Князь вел в поход дружину; Вышата — прочих воев: вооруженных смердов, ремесленников. Константин было опомнился, попытался покончить дело миром, послал навстречу руссам на Дунай послов с подарками и мирными предложениями, но руссы продолжили свое движение. Однако Владимиру не суждено было повторить подвиги Олега. Его ждала судьба Игоря. Буря разметала и потопила многие русские корабли, и даже сам князь был вынужден пересест в другую ладью. Но попытка греков разгромить княжескую дружину на море окончилась неудачей: Владимир разбил посланный против него византийский отряд и вернулся в Киев. Труднее пришлось воям Вышаты: выброшенные на берег, они решили добираться на родину посуху, но на обратном пути около Варны их настигло войско Кекавмена, руссы были разгромлены и пленены. Шесть тысяч пленников Константин приказал жестоко наказать. Одним из них выкололи глаза, другим отрубили правую руку, чтобы никогда не поднимали они меч против великой империи. Ярослав готовил новый поход против греков, заслал посольства к своим друзьям в окрестные страны, прося помощи, но в это время в Киев пришли послы из Константинополя. Император обещал возместить весь ущерб, нанесенный русским купцам и монастырю, отпустить на ро-

дину пленных, отдать в жены еще неженатому Ярославу сыну, шестнадцатилетнему Всеволоду, свою внебрачную дочь Анастасию, рожденную от любовницы Склирины. В 1046 году был заключен мир, а вскоре в Киеве появились первые отпущенные греками русские пленники. В рубищах, седые, с темными впадинами вместо глаз, с завернутыми за пояс пустыми правыми рукавами рубах брели они от пристани в устье Почайны, вдоль Подола и далее на гору, вызывая ужас и сожаление у киевлян, а потом иные из них появились в Новгороде и Чернигове, Переяславле и Смоленске, в селах и погостах. Печаль опустилась тогда на Русскую землю. И когда, прибыв с большой свитой, императорская дочь сошла на берег, держа в руках данную ей отцом икону богородицы, ее встретили напряженным и печальным молчанием. Венчание происходило в огромной Десятинной церкви, воздвигнутой еще при Владимире сразу же после крещения Руси, а потом Всеволод с молодой женой отбыл на княжение в Переяславль.

Родился же первенец Всеволодов в 1053 году в Киеве, потому что переяславский князь, ходивший у отца в любимцах, мало жил в своем стольном городе и больше времени проводил возле отца в великокняжеском киевском дворце. Здесь же, во Всеволодовых хоробах, и появился на свет будущий великий князь киевский Владимир II Мономах.

По старославянскому обычаю ему дали два имени, и оба в честь великого князя Владимира I. Имя выбирал сам дед, великий князь Ярослав, Всеволод же, как всегда, согласился с отцом, и уже на склоне лет Владимир Всеволодович написал в своем «Поучении»: «Я худой, дедом своим благословенным, славным нареченный во крещении Василий, русским именем Володимир». Но вопреки установившемуся обычаю мать и отец решили, кроме того, наречь его и еще одним именем, в честь византийского деда Константина IX — Мономахом. Тогда задумался великий князь: слишком много бед и печалей было связано у Руси с этим именем, но потом сказал: «Пусть будет так» — время пройдет, уйдут в прошлое вместе с людьми сегодняшние обиды и печали. А имя византийского императора так и останется за его внуком, наследником Всеволода, и, может быть, поможет ему в нелегкой борьбе за власть со своими недругами, с властелинами окрестных стран.

Ярослав Владимирович, ведомый под руки, вошел в

хоромы, не снимая шубы, прошел в детскую, кормилица отодвинулась в сторону, и он склонился над колыбелью. Оттуда прямо на него смотрели два совершенно прозрачных светло-голубых глаза, золотая прядка волос падала на лоб младенца. Ярослав скупо улыбнулся замерзшими, неживыми губами и повернулся прочь. В ту пору Владимиру Мономаху не исполнилось и года.

В Вышгород Ярослав приехал уже совсем ослабевший, с саней его подвняли и перенесли в хоромы. Он горько усмехнулся, сказал: «С саней и скоро снова на сани». Никто не ответил на шутку. Немногие приехавшие с великим князем близкие бояре, старшие дружинники потушились. Все понимали, о чем говорит Ярослав. Через несколько дней его, уже неживого, вновь положат на сани, но уже погребальные, по старорусскому обычаю, и повезут в Киев, на отпевание и похороны в храм святой Софии.

Смерти он не боялся. К ее неизбежности привыкал долгими часами раздумий о судьбах человеческих, о земных делах и жизни небесной. Часто вспоминал он, как отец любил повторять слова: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет их и воры не крадут». Умом он понимал праведность этих слов и тщету всего земного, но это умом, а сердце его жило земной полной жизнью, влекло в гущу дел человеческих, и порой некогда ему было остановиться, оглянуться, подумать о всем сущем. А потом останавливался, оглядывался. Это было в те горькие минуты, когда Ярослав Владимирович терял своих близких. Так, вдруг оцепенел он, глядя на лежащего в гробу старшего сына Владимира. С ним, после смерти еще в далеком 1020 году своего первенца молодого Ильи, связывал Ярослав многие надежды. Владимиру исполнилось едва тридцать два года, но он уже проявил себя как опытный воин — горячий до рати и в то же время рассудительный. В Новгороде, куда он был, как старший сын, послан отцом на княжение, Владимир быстро утвердил свою власть и заставил опасаться новгородских бояр-крамольников. Пять лет возводил он в новгородском детинце пятиглавый храм святой Софии по образу и подобию Софии Киевской и наконец закончил великое строительство — знак величия и мощи княжеской власти. И вот теперь молодой князь лежал в мраморной раке этого храма, еще мгновение, и лик его навсегда будет скрыт под тяжелой плитой.

Смутился тогда духом старый великий князь и прошептал про себя горестно и истово: «Все в руках божьих». В новом храме было светло и чисто, строго смотрели со стен лики святых угодников, остро пахло известью... Смерть наследника, полного сил и надежд, потрясла его.

И еще он задумался о тщете земного, когда за два года до смерти Владимира хоронил свою старую княгиню, Ингигерду, в христианстве Ирину, дочь шведского короля Олафа Скоткенунга. Казалось, никогда не изойдет сила из этой женщины. Она пришла к нему в то время, когда Ярослав сидел еще при живом отце Владимире Святославиче все в том же Новгороде. Юная принцесса, не знавшая ни слова по-русски, обжила на новом месте, научилась бойко говорить на незнакомом ей языке, легко разобралась в паутине семейных княжеских споров, обид, несбывшихся надежд, а главное — нашла путь к сердцу своего мужа, ожесточенного междоусобными бранями, братоубийственными войнами, клятвopеступлениями, кровью, кровью бесконечной в борьбе за власть. Честолюбивая, красивая, умная, она хотела, чтобы ее Ярослав вырвался из тесноты братнего ряда вперед, и уже при старом Владимире побуждала его отложиться от Киева, прикрывшись варяжской дружиной, вечно мятежным новгородским боярством. И чем тяжелее приходилось ему в борьбе со своими врагами — внешними и внутренними, тем желанней ему казался дом, где жена разделяла все его радости и горести и где год от года множилась его семья. Сначала Владимир, потом Анна, а далее с промежутком в три-четыре года Изяслав, Святослав, Всеволод, Анастасия, Елизавета, Игорь, Вячеслав. Она добила своего: он стал первым на Руси, а может быть, даже и среди окрестных стран, и вот теперь Ингигерда лежит бездыханной, и ничто не может утешить ее — ни его первенство, ни успехи сыновей, ни громкие браки ее дочерей. Ушла великая княгиня, и вместе с ней ушла половина его жизни. Кажется, и есть семья и нет семьи. Изяславу тридцать, Святославу двадцать семь, Всеволоду двадцать четыре, Вячеславу восемнадцать. Все женаты, у всех дети, за всеми — княжеские столы в разных концах Руси, следят друг за другом, к кому более благоволит отец, чужие друг другу люди, соперники. Дочерей, тех нет рядом уже давно. Анна во Франции, Елизавета в Норвегии, Анастасия в Венгрии.

В тот раз у гроба жены он сказал самому себе: хва-

тит, нельзя объять всего земного, жизнь быстротечна, скоро и ему собираться в последний путь, пора помыслить о душе, о том, с чем он придет на суд божий. Но великий князь выходил из храма, и тут же дела земные обнимали его со всех сторон. И даже сейчас, приняв уже святое причастие и чувствуя, как уходит из него жизнь, Ярослав думал не о небесном, а о земном.

Кому оставлять престол? Изяслав прост сердцем, нет в нем хитрости, дальнего расчета, ходит на поводу у своей жены — дочери польского короля Казимира Пяста Гертруды, а за ней стоят латиняне, Рим, хищная польская шляхта, которая только и мечтает вновь вмешаться в русские дела. Сегодня Казимир друг, а завтра поляки вновь попытаются вернуть завоеванные еще Владимиром и вновь отнятые у них Ярославом червенские города. Святослав зол, подозрителен и хитер, такому ничего не стоит воткнуть братоубийственный нож в великокняжескую семью. Неохотно приезжал он в последние годы на зов отца из своего Чернигова, вокруг него с утра до вечера сидят немцы. Они прибыли в Чернигов из германских земель вместе с Одой, дочерью Леопольда, графа Штаденского и сестрой трирского епископа Бурхарта, ставшей женой второго из здравствующих Ярославичей. Что ни год — Ода в Германии, а с ней к черниговскому столу все прибывает и прибывает немецкий люд. Всеволод ласков и тверд, изворотлив в делах житейских и смел в бою. Этот испокон веков через жену связан с константинопольским двором, с лстивыми греками. Три сына, три невестки из разных окрестных стран, каждая тянет мужа в свою сторону. Вячеслав и Игорь еще молоды.

И все же ближе всех был к великому князю Всеволоду. Любил его отец за ласку и уважение, за спокойствие духа и ясность ума. Вот и теперь он рядом с ним, сидит на низкой скамеечке, держит в своих сухих, теплых ладонях слабеющую руку отца. Ему он передал своих самых преданных и близких дружинников, и теперь они сидели в гриднице, готовые по первому слову молодого князя поддержать его и в рати и в мире.

Потухшие было глаза старого великого князя вдруг ожили: «Потерпи, дождись старшинства... Твое от тебя никуда не уйдет, береги сына». Всеволод послушно кивнул головой, сжал слегка руку отца своими теплыми пальцами. Он понимал, о чем просит отец.

Великокняжеская старшая дружина, близкие бояре, и Иван Творимирич, и Вышата Остромирич, и Шимон и

другие, с кем Ярослав прошел трудный и долгий путь поражений и побед в борьбе с братьями Святополком и Мстиславом, с иноземными властелинами, с кем создал единое и мощное Киевское государство, митрополит Илларион, богатое киевское купечество, все, кому благоволил Ярослав долгие годы, только и ждали знака, чтобы собрать народ на вече, пошуметь там, выкликнуть Всеволода, передать ему власть — освятить ее именем церкви в Софии Киевской, а потом чтобы все было как при отце Ярославе Владимировиче — дать отпор Всеволодовым братьям, заставить их, как и прежде, ходить под киевской рукой.

Некоторые из них хмуро сидели сейчас в гриднице, ждали, чем закончится последний разговор великого князя с любимым сыном, ждали Всеволодова слова, знака, ждали своего часа. Но Всеволод помнил и то, как несколько недель назад, уже тяжело запеможив, Ярослав вызвал сыновей в Киев для того, чтобы сказать свой ряд. Несколько дней совещался тогда Ярослав с сыновьями и ближними боярами, устанавливал порядок для Русской земли. Великий князь торопился, пока жив, так устроить Русь, чтобы не пошли прахом все его труды, в которые вкладывал он жизнь с того памятного 1014 года, когда решился выступить против отца. Владимир тогда уже старел, все чаще держал около себя Бориса, сына от византийской царевны Анны, а их, старших сыновей полоцкой княжны Рогнеды и других жен (болгарыни, чехини), бывших с ним до христианского брака, отодвигал в сторону. Первым выступил против отца снедаемый жаждой власти Святополк. Отец заточил его тогда в Турове вместе с женой — дочерью польского короля Болеслава I Храброго и ее духовником епископом Рейнберном. Поляки всерьез хотели в те дни поднять Святополка против отца, вернуть себе завоевания Владимира, и в первую очередь червенские города. Но заточение Святополка нарушило все их расчеты. Ярослав был вторым, кто поднялся против отца. Вся жизнь младший, не имевший никаких прав на киевский престол, он после смерти старшего Владимировича — Изяслава — и заточения Святополка вдруг вышел вперед: отец перевел его на правах старшинства в Новгород. В его руках была сильная новгородская дружина, отряды пришлых варягов, к его услугам были деньги богатых новгородских купцов, ведущих торговлю со всем известным тогда миром. Его властолюбивые планы поддерживали видные новгородские бояре, посадник, кото-

рые давно уже тяготились зависимостью от Киева, обязанностью ежегодно посылать в великокняжескую казну две тысячи гривен. «Решайся, князь, отец твой стар и немощен, у тебя есть друзья в Киеве, Святополк в немилости, помешкаешь, Владимир всю власть передаст сыну Борису, тогда сведут тебя из Новгорода, будешь коротать дни где-нибудь на Волыни или в вятичских лесах». Долго колебался Ярослав, но потом решился. Он уже не мог жить без этого постоянного почета и поклонения, без ощущения своей силы и власти. Он только себе одному мог признаться в том, как любил торжественный выход из своего княжеского дворца в тринадцатиглавую еще деревянную тогда Софию Новгородскую, как нравился ему вид многих людей, снимающих шапки и кланяющихся при одном его появлении. Нет, за то, чтобы сохранить все это и приумножить, за то, чтобы поставить перед собой в поклоне всю Русь, стоит решиться на безумный шаг. «Решайся, князь», — говорила и Ингигерда. Ей, шведской принцессе, был узок простор Новгорода, ей, как и ему, нужна была вся Русь.

А потом были неожиданная смерть отца и выступление Святополка. Старший брат решил силой утвердить свое старшинство. И если сказать по совести, то Святополк расчистил для него путь к Киевскому престолу. Он сел в Киеве после смерти Владимира и первым делом послал убийц к брату Борису, который отказался пойти на Киев во главе отцовской дружины, бывшей с ним в походе против печенегов. Его проткнули коньями на берегу Альты, когда, пропев шестипсалмие и канон, он готовился отойти ко сну в своем шатре. Другого Владимировича, единокровного Борисова брата Глеба, убийцы Святополка зарезали на корабле на пути из Смоленска в Киев. Третьего брата, Святослава Владимировича, люди Святополка настигли в Угорских горах, куда он в страхе бежал, спасаясь от лютого брата. Теперь оставались Ярослав в Новгороде и Мстислав в далекой Тмутаракани. Мстислава не достать, да и не даст он себя так легко убрать с пути. В его руках сильная дружина, закаленная в боях с печенегами, да и сам князь смел и охоч до брани. А Ярослав не стал дожидаться Святополковых убийц и выступил на Киев первым. Много в те годы было пролито крови, Святополк водил на соперника и поляков и печенегов, Ярослав отбивался от брата при помощи наемных варягов, своей новгородской дружины и простых новгородских воев. Мстислав же наблюдал со стороны за схваткой

братьев. И победил в конце концов Ярослав, а Святополк погиб где-то на путях между ляхами и чехами.

Затем, когда был великий голод в Суздальской земле и когда Ярослав расправлялся в Суздале с мятежом, на который подняли народ волхвы, вышел из Тмутаракани в союзе с хазарами и касогами Мстислав и осадил Киев. Ярослав же из Суздаля помчался в Новгород, наскоро собрал там рать и вместе с варягами двинулся на Мстислава. Тогда разгромил его Мстислав при Листвине, но не пошел более к Киеву, так как не принимали его киевляне. Оставил Мстислав за собой и Тмутаракань и Чернигов с северскими городами. И долго еще страшился Ярослав идти в свой стольный город и появился там лишь тогда, когда твердо договорился о мире с Мстиславом. Но и после этого беспокойно было на душе великого князя: за сутки пути могла дойти Мстиславова конная дружина до Киева, и лишь когда в 1036 году умер грозный брат, Ярослав мог сказать: теперь он один самовластеец на Руси. Оставаясь, правда, в живых еще один брат — Судислав, княживший во Пскове, но и его убрал Ярослав с дороги — заточил в темницу, и до сего дня вот уже двадцать с лишним лет томился Судислав под суровой стражей.

Многой кровью досталась ему победа. Да и где доставалась легко власть! Разве у моравов после смерти объединителя — князя Святополка не дрались жестоко за власть его сыновья? Разве у ляхов после смерти могучего воителя Болеслава Храброго старший сын Мечислав II не изгнал своих младших братьев, не ослепил двух своих других родственников? Разве у чехов Болеслав III, вступив на престол, не приказал оскотить одного своего брата Яромира и удушить в бане другого — Олдржиха, и когда оба чудом спаслись от людей Болеслава и в конце концов прогнали старшего брата, разве потом Олдржих, заняв чешский престол, не выгнал брата Яромира, с которым вместе скитался по чужим краям, спасаясь от убийц Болеслава? А в Византии, Венгрии — тайные убийства, ослепления... Кровью доставалась власть тем, кто стремился к ней, и сколько таких властолюбцев гибли на этом трудном пути!

Но теперь уже не власть свою наказывал спасать сыновьям Ярослав Владимирович. Ее опьяняющую силу он чувствовал особенно остро лишь в молодые годы, а потом привык к ней как к обиходной одежде. Она стала его повседневностью в той большой и трудной работе по

укреплению Русской земли, которой Ярослав занимался всю последующую после захвата власти жизнь. Власть связала его по рукам и ногам многочисленными обязанностями, условностями, ритуалами. И он уже не мог вырваться из-под этого тяжкого жернова, который с годами давил его все более и более. И теперь он призывал своих сыновей, чтобы передать им весь этот груз, весь этот тяжкий государственный труд, которым он жил все последние годы. Он боялся одного — что новая братоубийственная распря, которая могла бы начаться после его смерти, погребет под своими обломками его нескончаемые труды, его радости, его видимые успехи.

А успехи были немалые. Он оставлял своим сыновьям в наследство Русскую землю, как понимал ее сам, как понимали его заботы те, кто был рядом с ним все эти годы, — бояре, старшая и младшая дружины, высшие церковные иерархи, богатое купечество.

Вот она, Русская земля — Киевское государство — раскинулась на полсвета — от полуночных стран и студеного моря на севере до дикого поля, а через него до Тмутаракани на юге, от дремучих окско-волжских вятичских лесов, земель черемиси и мордвы на востоке, до границы с ляхами и до угорских гор на западе.

И все эти земли, города и столы при Ярославе Владимировиче один за другим попадали под властную руку Киева. Гибли в междоусобной борьбе братья Ярослава, и наступило время, после смерти Мстислава, остался он один старший и единственный, не считая заточенного Судислава, из большого Владимирова гнезда. Теперь не союзники братья, а его посланцы — пять сыновей сидели на главных русских столах — в Новгороде, Чернигове, Переяславле, Смоленске и Владимире; не свою, а отцовскую волю, волю великого князя, исполняли они, заботясь об устройении Русской земли.

Но не только из этих земель и столов состояла Русская земля. Главным в ней был тот порядок, за который прочно держались князья, бояре, церковники и богатые купцы. И в основе этого порядка лежало обладание землями, лесами, угодьями и постепенное, но уверенное закабаление смердов, сидевших на этих землях, пользовавшихся этими лесами, угодьями. Вчера еще свободный человек на свободной земле, сегодня смерд оказывался под рукой князя, объявившего земли верви¹ своими, или

боярина, или дружинника, получившего от князя за службу и разные услуги права на эти земли, и начиналась для смерда новая, зависимая от господина жизнь, начинались платежи, дани, работы. В этот охраняемый со всей силой княжеской власти порядок входило и ведение князьями, боярами, дружинниками, церковниками собственного барского хозяйства; усадьбы киевских, новгородских, черниговских, переяславских, смоленских и других бояр, княжеских дружинников, отцов церкви охватывали всю Русь, и всюду под эти усадьбы, под барские поля брались лучшие смерды земли. А самих смердов то силой, то за долг деньгами, семенами, скотом сильные люди заставляли работать на своих полях, пасти свой скот, исполнять многую другую работу. Под строгим надзором управителей-огнищан шла жизнь княжеских и боярских усадеб. А рядом с боярином-огнищанином стояли его помощники — тиуны, конюхи, сельские и ратайные старосты, следившие за полевой работой, разного рода сборщики платежей, рядовичи-мечники, ябедники, вирники и другие.

Этот порядок был для них их Русской землей, совсем иной, чем она была для смердов, закупов, холопов, и за эту Русскую землю готовы были лить свою кровь, класть свои головы и степенные, поседевшие в междукняжеских хитростях и боевых походах бояре, и младшие дружинники, лишь вступившие на путь службы своему князю. Все чаще раздавали земли с жившими на них смердами князья во владение своих слуг, а те, неся службу князю и обогащаясь, в свою очередь, раздавали земли уже своим слугам, вооружали их, вели в походы свои дружины, грозя при случае подняться и против дающей им руки.

В сознании Ярослава и его сыновей Русской землей были и те многие торги, что шумели по городам, и те караваны, что тянулись навстречу друг другу с разных концов земли и из окрестных стран: в Новгород двигались возы с зерном, с юга, из Волыни, по всем русским городам везли соль, и немало наживались на этих товарах купцы в голодные годы либо тогда, когда вдруг войны перекрывали пути из конца в конец Русской земли. С севера на юг шла рыба всех видов: из Киева, Новгорода и других больших городов корабейники развозили по весям и градам изделия искусных ремесленников, чья каждодневная и незаметная работа на городских посадах, лепившихся около княжеских детинцев, создавала славу русскому ремеслу. В окрестные страны русские гости вез-

¹ Общины.

ли воск, скору¹, льняное полотно, разные серебряные поделки, знаменитые русские кольчуги, кожи, пряслица, замки, бронзовые зеркальца, изделия из кости и другую разную всячину. Нередко вместе с караванами купцы гнали на продажу и челядь — захваченных во время военных походов пленников, которые высоко ценились на херсонесском, константинопольском и булгарском рынках. В Русь же отовсюду иноземные купцы везли свои товары — из Византии паволоки², дорогое оружие, церковную утварь, драгоценные камни, золотые и серебряные вещи, из стран Кавказа, Ирана, Прикаспия — благовония и пряности, бисер и вино, из Фландрии — тонкие сукна. Торговали русские купцы с прирейнскими городами, уграми, чехами и ляхами. Большие мыта³ собирали с этой разнообразной торговли великие князья киевские, и нужно было свято оберегать торговые пути, безопасность торговых караванов, нужно было охранять права купцов, их многочисленные и хорошо организованные общины. Сила купечества была силой и богатством княжеской и боярской Русской земли.

Весь этот порядок освящала набирающая силу христианская церковь. К тому времени, когда Ярослав звал своих сыновей в Киев, повсюду и прочно пустила она свои корни. Правда, смерды по селам и погостам еще верили в своих старых славянских богов, слушались волхвов и ведуний, поклонялись лешим, упырям и берегиням, устраивали бесовские игрища на Иванов день 24 июня с прыганьем через огонь и умыканием девиц, но по всей Руси уже раскинула свои сети христианская церковь. В Киеве сидел митрополит — ставленник константинопольского патриарха, в других же городах — Новгороде, Чернигове, Переяславле, Ростове, Владимире, Турове, Полоцке, Тмутаракани, Юрьеве — сидели епископы, и от них тянулись нити в церковные приходы с храмами, и все крупные церковные иерархи владели землями, на которых работали зависимые люди, дворами, где трудилась под присмотром тех же огнищан и тиунов челядь. Десятая часть со всех даней и доходов еще по уставу Владимира шла в пользу христианской церкви. Пользуясь княжескими благодеяниями, богатели церковные служители, и вот уже появились первые монашеские обители. Прочно стояли на Киевской горе монастыри святого Ге-

¹ Пушнину.

² Яркие шелковые ткани.

³ Пошлины.

оргия и святой Ирины, заложенные Ярославом в честь своего святого и святой своей жены Ингигерды — Ирины. Могучей силой становилась русская церковь, и все чаще с сомнением поглядывал Ярослав на митрополита-грека, присланного к нему из Константинополя. Через владыку греки знали все о делах киевских, вмешивались в расчеты великого князя, а едва он пытался урезонить их, тут же выставляли вперед свою защиту и опору — митрополита, и тот на плохом русском языке втолковывал Ярославу, что его, князя, власть — земная, а его, митрополитья и патриаршья, — от бога и высший судья в делах земных — патриарх константинопольский. Ярослав лишь усмехался про себя, слушая эти речи. В Киеве хорошо знали, как прогоняли с патриаршей кафедры и ставили на нее византийские императоры своих людей, и не от бога, а от той же земной власти исходила власть и высших церковных служителей, но до поры до времени не хотел киевский князь ссориться с византийской церковью, и лишь когда во время русско-византийской войны митрополит выступил с осуждением Руси, Ярослав решил, что час греков на русской митрополичьей кафедре пробил.

Он призвал к себе мудрого Иллариона — священника своей домовою церкви святых апостолов в селе Берестове близ Киева — и спросил, готов ли тот принять митрополичий сан. Был Илларион истинный русин, все мысли его были о благе и процветании Русской земли, об утверждении в ней порядка, поддерживаемого князьями и боярами. Незадолго перед этим в церкви Благовещения в Киеве в присутствии князя Ярослава произнес он свою знаменитую Похвалу князю Владимиру, где называл его «великим каганом»¹ и прославлял Русь, «ведомую и слышимую всеми концы земли». И тут же, обращаясь к киевскому князю, промолвил, что Ярослав не рушил устава Владимира, не умалял его благоверных начинаний, но умножал их всемерно и ежечасно.

Во время, свободное от церковных служб, любил Илларион уединяться. Он выкопал в бору неподалеку от Киева пещерку и уходил туда надолго молиться, приобщаться к богу. Слава о его подвижничестве, честности и уме давно перешагнула стены Киевского детинца, и вот теперь он стоял перед трудным выбором.

— Решайся, святой отец, — говорил ему в те дни Ярослав, — вместе мы укрепим великое дело и церкви, и

¹ Титул каган был равен царскому.

земной власти, ведь власть земная тоже дана людям от бога.

В 1051 году впервые на Руси был провозглашен митрополитом прирожденный русин. А в бывшей пещерке Иллариона поселился скромный инок Антоний, в миру юноша Антипа из города Любеча. И теперь Ярославу с сыновьями надо было думать о судьбах русской митрополии, о делах церковных, потому что вились около сыновей и греки, и латиняне, и немцы, а следовало укреплять дело русское.

Не одна в тогдашнем мире была Русская земля, со всех сторон ее окружали окрестные страны. И любой властелин думал о своих боярах и дружинниках, о своих купцах, о своих и об их новых прибылях и доходах, о торгах, захваченной челяди и о горах разных товаров. Богаты и обширны были русские земли, но их как трудно было защищать их от врагов. Силой, только большой силой можно было держать в отдалении ляхов и угров, печенегов и торков.

Долгими годами собирали и строили киевские князья свои военные силы, чтобы дать отпор или ударить самим на севере и юге, на западе и востоке. Ярослав вслед за Владимиром добился того, что в поход воеводы водили не только конную великокняжескую дружину, но и пешцев, простых воев из всех русских земель. Любил великий князь обозреть перед отправлением в поход свое войско. Вот сидят на конях впереди его испытанные воины — старейшая дружина, бояре и мужи, закованные в брони, вооруженные мечами, с блестящими шишаками на головах, уже немолодые, грузные, поседелые в боях, с лицами, покрытыми рубцами и шрамами. Многие из них сражались рядом с ним еще против Святополка и Брячислава Полоцкого, Мстислава и печенегов, ходили походами на мазовшан, были с Владимиром Ярославичем во время русско-византийской войны. В мирные дни — наместники, волостели, огнищане, старейшие дружинники во время походов составляли военный совет великого князя, были его воеводами. Каждый из них приводил своих дружинников, которые шли в бой рядом со своим боярином или мужем, а далее тоже в брнях и шишаках, кольчугах, с мечами и копьями сидели на конях младшие дружинники. В мирные дни это были княжеские и боярские ключники, конюхи, казначей; они ходили с князем на сбор дани — в полюдье, помогали князю в судебной расправе. Здесь же в войске это были простые конные воины, которые

шли в поход под предводительством старших дружинников. А еще далее стоял полк — смерды, ремесленники, всякие черные люди, вооруженные топорами, луками и стрелами, а перед ними на коне сидел тысяцкий. Поодаль, не смешиваясь с русскими войми, располагались наемные отряды — то это были варяги, то расселенные в русском приграничье служилые кочевники — берендеи и торки. Варягов интересовало одно — плата. Нет, ненадежные союзники варяги, хотя и связала Ярослава с ними судьба. Торки хороши, когда руссы добывают для них победу, сами же они от жестокой борьбы уклоняются.

Вот уже многие годы был мир с главной державой мира — Византийской империей. Со времени венчания Анастасии и Всеволода дружба с империей крепла день ото дня. Константин Мономах старел. Из Константинополя пришли вести, что в последние месяцы почти одновременно со своим бывшим противником Ярославом император занемог. Его смерти ждали недруги, готовые начать борьбу за власть, слабеющую в руках больного императора. Восстания болгар потрясли захваченную Византией Болгарию, вся юго-западная часть Балкан — Македония, Эпир и далее земли вплоть до Коринфа были охвачены волнениями славянских народов и присоединившихся к ним византийских крестьян. В 1047 году Константин молил киевского князя о помощи во время мятежа Торника. Эта помощь пришла, и император был спасен, зато теперь Ярослав совершенно спокойно передал русскую митрополию в руки русина Иллариона, и греки промолчали, а с конца 40-х годов новая опасность нависла над Византией — на востоке появились несметные полчища неведомого народа турков-сельджуков. В 1050 году их войско под предводительством Тогрил-бея захватило Багдад. Теперь на очереди были византийские владения в Малой Азии и Сирии, а тут еще восстали союзные печенеги хана Кегена и перешли Дунай, а потом в пределах империи появилась новая орда хана Тираха. И новые мольбы полетели из Константинополя в Киев. В 1053 году русский отряд бился в составе византийской армии против турок в Грузии, зато Ярослав уже именовал себя титулом самовластца и царя, в котором прежде в течение столетий отказывала гордая Византия своему северному соседу. И греки снова были вынуждены смолчать.

Былая вражда с ляхами также сменилась прочной дружбой. Забылись времена, когда со Святополком про-

тив Ярослава ходило войско Болеслава Храброго на Киев, грабило русские земли, насильничало. Теперь король Казимир Пяст был другом Ярослава, а Ярослава сестра Добронега, в христианстве Мария, стала его женой, польской королевой. Пришли назад русские пленники, взятые еще при Болеславе Храбром, а по договору 1042 года Казимир навечно уступил Руси червенские города и пограничную крепость Берестье. Но и Ярослав платил за доброе добром. Трижды — в 1041, 1043 и 1047-м ходила русская рать на помощь Казимиру в его борьбе с мазовецким князем.

Был мир и с уграми. Давно забылись времена, когда Болеслав Храбрый вел на Киев в поддержку Святополку, кроме ляхов, полутысячную рать угров и когда Русь и Германская империя совместно воевали против Польши и Иштвана I Венгерского. Шли годы, и вот, уже спасаясь от преследований германского императора Генриха III, будущий король угров Андрей бежит на Русь и отсюда уже приглашается венгерской знатью на престол. Но возвращается он не один, вместе с ним из Киева трогается в путь его жена, дочь Ярослава Анастасия.

В последнее время помирились враги 40-х годов Ярослав и король чешский Бржетислав I. Русский монастырь святого Прокопа на Сазове наполнился русскими людьми, становился местом, где читались русские книги, отсюда же привозили руссы мудрость и знания чешских летописцев.

Добрые отношения установились у Ярослава и с Германской империей Генриха III. Вместе они поддерживали Казимира Пяста, в Киеве внимательно следили за попытками Генриха овладеть итальянскими землями. Генрих же высоко ценил русскую военную мощь. Однако он заколебался, когда верный себе в желании породниться со всеми сильными дворами окрестных стран Ярослав Владимирович в 1043 году предложил Генриху руку своей дочери. В конце концов Генрих отказал, чем немало раздосадовал киевского князя, но уже подрастал будущий Генрих IV, и ни Ярославу, ни Генриху III не суждено было узнать, что пройдут годы и внучка киевского князя, родная сестра Владимира Мономаха Евпраксия Всеволодовна покорит сердце германского императора, рассчитывавшего, кроме того, и на помощь Руси в своей борьбе со знатью и папой римским.

Оставлял Ярослав своим сыновьям и родственные связи с французским королевским домом. Правда, не вели-

кая это была честь — французские короли, первые Капетинги едва-едва управлялись со своими личными наследственными владениями, даже там, в королевском домене, они не были в полной безопасности под натиском своевольной и сильной, располагавшей хорошо вооруженными собственными отрядами знати. Что касается французских герцогов, то некоторые из них были значительней и сильнее слабого владетеля Парижа, и все же, когда из Франции в 1049 году пришло пышное посольство епископа Готье Савейра, Васцелина де Шалиньяка и Роже Шалонского с просьбой о руке княжны Анны Ярославны, киевский князь дал согласие. Сегодня Капетинги слабы, но неизвестно, что будет завтра, в Париже же будет сидеть его дочь, а от нее все равно через все страны будут тянуться нити в Киев. Так мыслил Ярослав. 19 мая 1051 года в древней столице франкской империи Реймсе было отпраздновано бракосочетание французского короля Генриха I и русской княжны Анны.

Осторожно и бережно укреплял Ярослав связи со Швецией и Норвегией. Ингигерда надолго обеспечила ему дружбу со шведским королевским домом, из Норвегии же на Русь бежали многие неудачные принцы, и всех принимал Ярослав при своем дворе. Так жил здесь Магнус и дождался своего часа: пришли в конце концов из норвежских земель звать изгнанника на королевский трон. А потом Магнус окреп и не только подчинил своей власти своенравных норвежских эрлов, но и сумел после смерти Кнута Великого завоевать Данию. Приветили на Руси и Гаральда Смелого — брата норвежского короля Олафа. Долго жил при Ярославовом дворе Гаральд, отсюда ходил воевать с наемным отрядом в пятьсот человек в Византию при Михаиле III, дрался в Сицилии, а потом, когда власть в империи перешла к Константину Мономаху и начал тот притеснять русскую торговлю и русскую церковь на Афоне, Гаральд поднялся в поход вместе с Владимиром Ярославичем, вместе с ним попал в бурю, отбил от наседавших греков и благополучно вернулся в Киев, и там новые испытания ожидали молодого норвежского рыцаря: Гаральд влюбился в юную красавицу Елизавету Ярославну, младшую дочь великого князя киевского. Но со смехом отвергала любовь норвежца Елизавета, да и зачем ей было выходить замуж за странствующего рыцаря, искателя приключений? Долго добивался Гаральд ее благосклонности, и лишь когда стало ясно, что у него появилась возможность занять опустев-

ший королевский трон Норвегии, Елизавета по настоянию отца дала согласие Гаральду. Теперь она далеко, в норвежском стольном городе, королева Норвегии.

И даже степь успокоилась в последние годы правления Ярослава Владимировича. Шестнадцать войн вела Русь с печенегами только с 1015 по 1036 год, а сколько набегов совершали печенеги прежде, еще при Владимире! И Владимир и сам Ярослав много сил и средств потратили на то, чтобы защитить Русь от их страшных походов. Мощные линии обороны создал против кочевников Владимир вдоль притоков Днепра на левобережье. Дальние крепости стояли на Суле, где в устье реки стоял город Воишь. Если печенеги проходили эту линию, их встречала оборона на реке Трубеж, в центре которой стоял город Переяславль. Миновав Переяславль, кочевники могли выйти к Чернигову и Киеву. Но перед Черниговом стояли крепости по рекам Остру и Десне, а под Киевом на Витичевом броду и вдоль долины реки Стугны стояли уже иные крепости. Над самым бродом была построена мощная крепость с дубовыми стенами и сигнальной башней на вершине горы. Едва появлялись печенеги на броду, как на башне загорался огонь и киевляне издали узнавали в наступающих сумерках о грозившей стольному городу опасности. Крепости по Стугне — Треполь, Тумаш, Василев и другие, соединенные между собой земляными валами, окаймляли великий бор, подходивший к Киеву с юга. Все они тянулись к городу Белгороду, поставленному еще Владимиром, где собирались на войну с печенегами русские силы. А между крепостями от Сулы до Стугны стояли курганы с дозорными, вдалеке от курганов и крепостей выезжали конные сторожи. Быстро оповещали они все русское предполье о печенежских нашествиях, и тогда затворялись крепости, загорались на башнях и курганах тревожные костры, собирались по русским городам дружины и вои на отпор врагу.

Ярослав укрепил старания своего отца. Начиная с 30-х годов поставил он новую линию крепостей по правому берегу Днепра, вдоль реки Роси. И все крепости и Владимирова и Ярославова времени были заселены людьми, воинами, которых призывали сюда князья и из Новгорода, и из Чернигова, и из Ростова, и Смоленска. Спокойной жизни не обещали, но обещали подвиги, добычу и княжеские награды, и шли удальцы на тяжкую и опасную службу, и создавал о них народ легенды и сказания.

Но не только русских удальцов призывал сюда Ярослав. Селил он здесь и служивых торков и берендеев, а в 1031 году вывел сюда пленных ляхов: пусть живут, охраняют русское порубежье.

Страшный печенежский набег на Киев в 1036 году стал последним для печенегов. Теснимые новыми кочевниками — торками, печенеги передвинули свои кочевья на Запад, часть их ушла к Дунаю.

Наступила очередь Византии: их основные колена, побитые Русью, обрушились на Подунавье.

И теперь перед смертью размышлял Ярослав о судьбах дикой степи. Вслед за торками оттуда надвигались, как сообщали арабские и болгарские купцы, новые кочевые орды половцев. Пока они не подходили к русским границам, но торки и остатки печенежских колен в ужасе бежали от них в русские земли.

Но не только силу и власть бояр и княжих мужей, епископов и купцов, не только мир на границах завещал Ярослав сыновьям. Он оставлял им богато устроенные и изукрашенные города, и первый среди них, Киев, с Десятинной церковью и святой Софией, воздвигнутой на месте последней победоносной битвы с печенегами, с Золотыми Воротами и церковью Благовещенья над ними и построенным в 30—40-е годы новым Ярославовым городом, в котором стояли богатый дворец самого великого князя и дворцы его старших сыновей, дворец киевского митрополита, мощные крепостные валы, находились монастыри, несметное количество книг, хранимых в храме Софии, во дворце самого князя, в монастырях; при нем начали трудиться многие летописцы и толмачи, которые переводили книги с греческого языка на русский.

А за Киевом строились и высились новыми храмами, дворцами, крепостными валами Новгород, гордившийся своей пятикупольной Софией, Чернигов с горделивой главой Храма Спаса, Переяславль... Огромный и разнообразный мир оставлял своим детям и внукам Ярослав и хотел он, чтобы они как можно лучше распорядились этим миром и если уж не укрепили и не приумножили, то хотя бы сохранили его.

* * *

Теперь старшие Ярославичи сидели в дворцовой гриднице, возле лежавшего на широкой лавке, укрытой коврами, Ярослава и слушали, что им говорил отец. А он начал с главного: достал обделанную в дорожную кожу

свою «Правду русскую» и повел о ней разговор с сыновьями. «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, принимают как предание отцов», зачитал он им для начала из греческой хроники Георгия Амартола, которую любил и почитал больше всех книг. Его наказ был строг: поддержать и сохранить все то, что было записано в этой «Правде». Там каждому было положено свое: князьям, боярам, мужам, огнищанам — одно, смердам, челяди — другое. Он часть за частью читал свою «Правду», которую когда-то дал новгородцам: «Если убьет муж мужа, то отомстит брат за брата, или сын за отца, или отец за сына или племянников, а если не будет кому мстить, то заплатят 40 гривен за голову, а если будет русин, или гридин, или купец, или ябетник, или мечник, и если будет изгой, или словенин, то положить за него 40 гривен». «Правда» жестоко карала тех, кто угрожал другому мечом, похищал чужих коней, хватал чужое оружие, укрывал безжавшую челядь, занимался членовредительством. Порядок и суд возглашал Ярослав в своей «Правде», и сыновья еще раз выслушали его мудрые речи и утвердили отцовский закон. На том совещании они договорились, что по этой «Правде» отныне будут судить людей и собирать виры¹ и в Новгороде и Киеве, в Чернигове и Переяславле, в Смоленске и Суздале, во всех русских землях.

«А теперь скажу о том, как будете жить после меня, по какому ряду». Позднее летописец так записал речь Ярослава к своим сыновьям: «Вот я покидаю мир этот, сыны мои, живите в любви, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви друг к другу, бог будет с вами, и покорит вам врагов ваших. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в расприх и междоусобиях, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим, но живите в мире, слушаясь брат брата. Вот я поручаю заместить себя на столе моем, в Киеве, старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть он заменит вам меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир-Волынский, а Вячеславу Смоленск». И так разделил он между ними города, — продолжает летописец, — запре-

¹ Судебные пошлины.

тив им переступить предел братний и стогнать один другого со стола, сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай обижаемому». И так завещал он сыновьям своим жить в любви».

Но это был простой раздел городов — всю Русь разделил Ярослав между сыновьями, потому что вместе с Киевом переходил к Изяславу на правах княжеской отчины Новгород, где уже давно сидели наместниками старшие сыновья князей киевских и Туров. Вместе с Черниговом к Святославу отходили все земли на восток от Днепра, включая Муром с одной стороны и Тмутаракань — с другой. Ростов, Суздаль, Белоозеро, все Поволжье тянуло к Переяславлю. И все земли по завещанию Ярослава должны были находиться под высшей властью киевского великого князя. Кажется, что только о любви и братском союзе сказал Ярослав в своем ряде, но со смутным сердцем слушали отца младшие после Изяслава братья. Им наказывал отец ходить под Изяславом. В своей отчине каждый из них — первый, но только в границах отчины, и никто из них не может посягнуть на границы другого брата и на его власть и не может, помимо старшего брата, подойти к киевскому главному столу. Это был не просто ряд сыновей одного отца, но князей, которых Ярослав выстроил строго по старшинству друг за другом и строго по столам. Изяслав оставался первым среди них не только как старейший, но и как владетель киевского стола, имеющий право потребовать от братьев службы Киеву во имя всей Русской земли.

Слишком много котор испытала Русь во времена братоубийственных войн при Владимире и Ярославе, и теперь великий князь хотел, чтобы его дети и внуки строго соблюдали установленный им ряд.

Сыновья обещали больному отцу, что станут исполнять все, что он наказывал им, утешали его. Потом разъехались по своим отчинам. С отцом остался лишь Всеволод, и теперь, смотря на своего третьего сына, вспоминая внука с именем Мономах, Ярослав думал последнюю тяжелую думу. Он мог бы оставить престол Всеволоду мимо простоватого Изяслава, и его дружина поддержала бы третьего Ярославича. Это дало бы тому старшинство по столу сразу и помогло бы в дальнейшем занять престол его сыну мимо стрыв¹ и двоюродных братьев, но

¹ Дядей.

сделать так значило бы поднять против Всеволода Святослава с его Черниговом, Муромом, Тмутараканью; выступит и Всеслав Полоцкий, остался без стола сын умершего Владимира Ростислав. Кто возьмет верх — неизвестно. Нет, пусть Всеволод ждет очереди, пусть восходит к киевскому престолу лестницею и пусть лестницею передаст свой стол своему первенцу Владимиру княжичу с голубыми глазами и золотой прядкой на лбу.

— Обещай мне не преступать ряд, — еще раз повторил Ярослав.

— Обещаю, отец, — сказал Всеволод.

Великий князь умер на следующий день, в первую субботу Федоровского поста.

Всеволод убрал тело отца и возложил покойника, как и говорил Ярослав, на погребальные сани. Длинная вереница людей — бояр, младших дружинников, попов, певших песнопения, — двинулась пешими от Вышгорода к Киеву, и пришли они к святой Софии. Там после отпевания Ярослава положили в мраморную раку, а на стене храма написали об усении русского царя.

Через несколько дней Изяслав занял великокняжеский дворец, а Всеволод вместе с женой и годовалым Владимиром Мономахом двинулся в Переяславль. Вместе с ним в скорбном молчании ехали старые Ярославовы бояре, не захотевшие служить новому киевскому князю.

Затихла Русь в скорби, сомнениях и ожиданиях неведомого.

ДЕТСТВО

Шумно было в этот день в переяславском детинце. Маленькому княжичу Владимиру Всеволодовичу Мономаху исполнилось три года.

С утра к великокняжескому двору из соседних хором, что размещались здесь же в детинце, потянулись бояре и дружинники — все в боевом одеянии, посверкивая металлическими шлемами и бронями, радуя глаз яркими султанами и разноцветными плащами, накинутыми на плечи поверх блистающего металла. За ними тянулись жены с детьми, разряженные в дорогие византийские ткани, отделанные мехом лис и горностаев. Вскоре площадь перед великокняжеским крыльцом была запружена народом: все ждали выхода князя Всеволода с женой и детьми — дочерью Янкой и трехлетним Владимиром.

Первым вышел на крыльцо Всеволод, за ним появилась княгиня, держа за руку Владимира, далее рядом с кормилицей шла Янка, а за ней Владимиров пестун,

дядька, не отходивший ни на шаг от маленького княжича. Тут же над крыльцом подняли княжеский стяг, а к крыльцу два богато наряженных конюха подвели невысокого смиренного конька, покрытого расшитым золотом чепраком под небольшим, отделанным красивым узором седлом.

Сегодня, в день трехлетия, маленького княжича по древнему обычаю должны были посадить на коня, с чего и должно было начаться его обучение ратному делу.

Владимир стоял рядом с матерью, смотрел на колышущуюся яркими цветными пятнами площадь, на всех этих веселых, улыбающихся людей, на живого, а не игрушечного конька, и сердце его замирало от сладкого восторга. Неужели и он, так же как отец, как его дружинники, станет скакать на коне, размахивать блистающим мечом, стрелять из лука. Его щеки порозовели, глаза от волнения стали совершенно синими.

— Ну, — Всеволод подтолкнул сына вперед, и тот сделал шаг вниз по ступеням. Пестун взял его за руку, осторожно свел вниз, а потом поднял под пазухи, показал народу. Площадь одобрительно загудела. Пестун поднес княжича к коньку и посадил в седло. Конек переступил с ноги на ногу, качнул головой, покосился на усевшегося на его спине маленького всадника, успокоился. Конюхи осторожно тронули уздечку, и конек двинулся с места. Пестун шел рядом, поддерживая княжича в седле. А тот вцепился ручонками в седельную луку, смотрел напряженным взглядом между ушами конька, боялся упасть. Но конек все шел и шел по площади, и люди, с улыбками расступаясь, давали ему дорогу, и Владимир успокоился, почувствовал ногами тепло конька, его шевелящиеся бока.

— Выпрямись, княжич, выпрямись, не бойся, — говорил ему пестун, и под мерный шаг конька Владимир потихоньку выпрямился, поднял голову, увидел на крыльце радостных отца и мать...

Так началось первое учение маленького княжича.

Шли месяцы и годы, и теперь часто они вдвоем с пестуном да еще с кем-нибудь из младших отцовских дружинников выезжали до полудня из детинца за княжеские ворота, пересекали окольный град, где жили переяславские торговцы и ремесленники, и оказывались в чистом поле. Перед ними расстилалась ровная ковыльная степь, и не было ей ни конца ни краю, уходила она туда,

Святослав Игоревич, великий князь киевский. Фрагмент памятника «Тысячелетие России».

Костяная пластина из Белой Вежи (Хазарского Саркела) с княжеским знаком Святослава. 960-е годы.

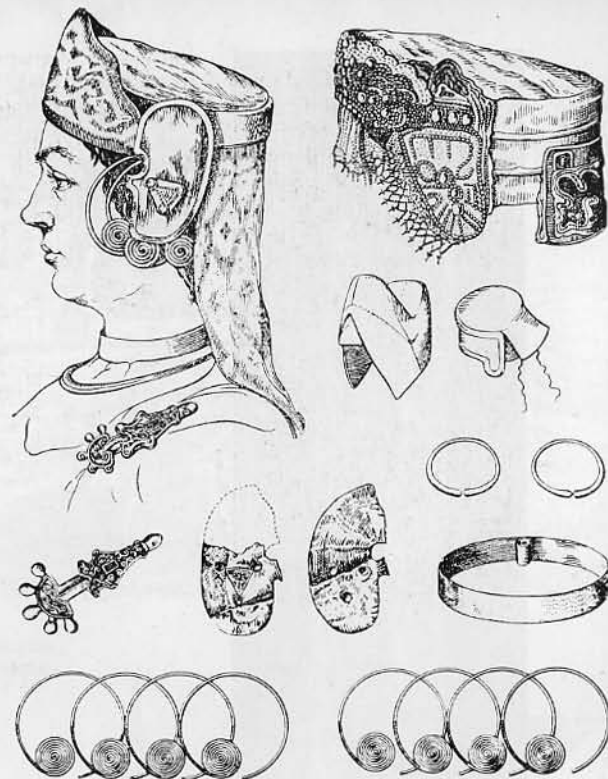

Поход Игоря на Константинополь. Миниатура Радзивилловской летописи.

Прием киевской княгиней Ольгой византийских послов. Миниатура Радзивилловской летописи.

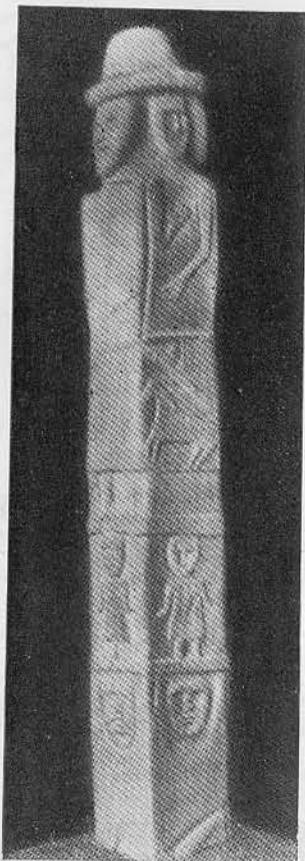

Поляно-русские украшения VI века и реконструкция убора. Наверху — русский кокошник XIX века из Каргополя.

Восточные монеты X века, носившиеся киевлянками как монисто.

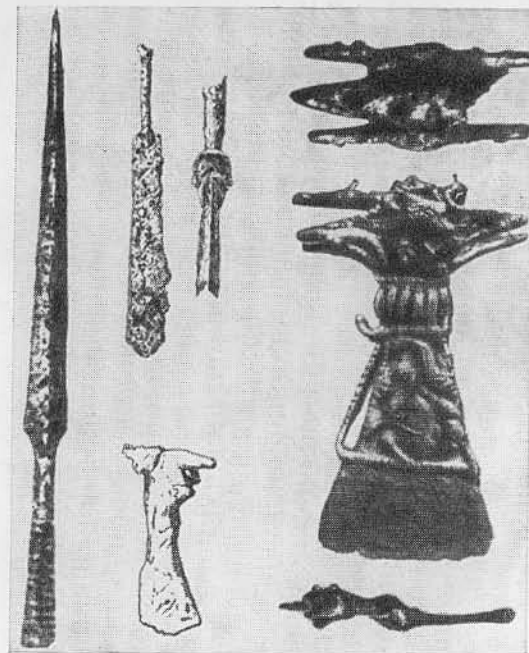
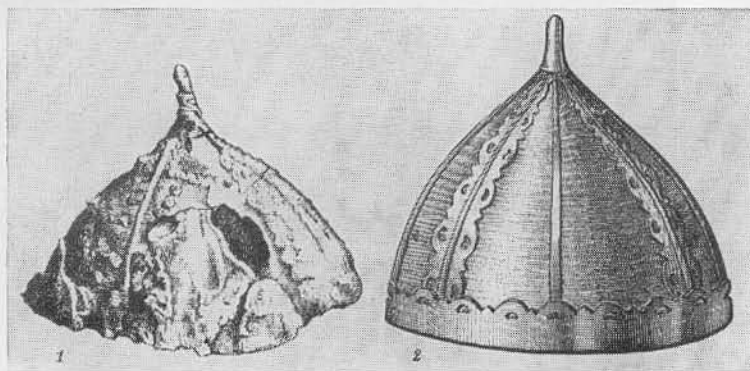

Каменный четырехликий
идол (Святович), найденный
на реке Збруч. IX в.

Каменное языческое
капище.

Шлем из Гнездовского
могильника:
1 — подлинный шлем;
2 — реконструкция.

Древнерусское
оружие.

Всн · ипогылашако страна гдѣ · хоцимазы ити · иди
парико ико имадолгоу · имаде · съватици ирѣ · ватици
комоу · дѣте · дѣль · ии · ирѣ · шако · ро · ро · по · шма · го · бра · да · е ·

Влѣ · ѡ · ѡ · вѣ · и · а · спослава · ма · ко · г · а · ры · · слы · ша · в · сы · м · к ·
ко · г · а · ры · · и · г · н · а · до · ша · про · тив · о · у · со · к · м · б · а · м · в · о · й · м · а · ка · г · а ·
но · м · а · · не · по · у · ти · ша · в · и · ти · · не · в · ш · м · б · у · а · н · и · · ко · до · л · т · в ·
спослава · ко · г · а · ро · в · а · · и · т · а · н · х · в · б · л · о · у · в · и · ж · о · в · а · · и · н ·
сы · по · в · е · д · н · · и · ка · со · г · ы · ·

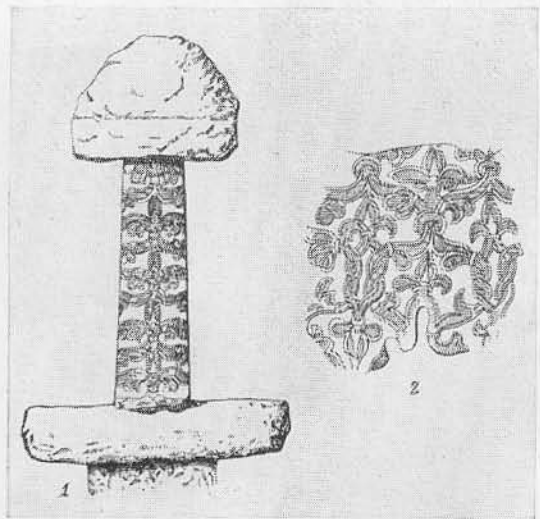
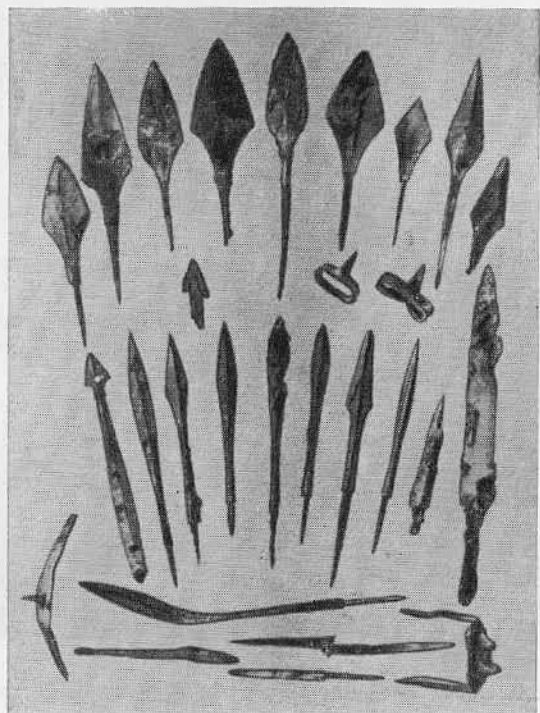

Слѣ · ѡ · ѡ · вѣ · и · а · · по · в · е · д · н · спослава · в · а · т · и · ч · и · · и · д · а · м ·
ч · а · н · х · в · а · в · з · л · о · ж · и · ·

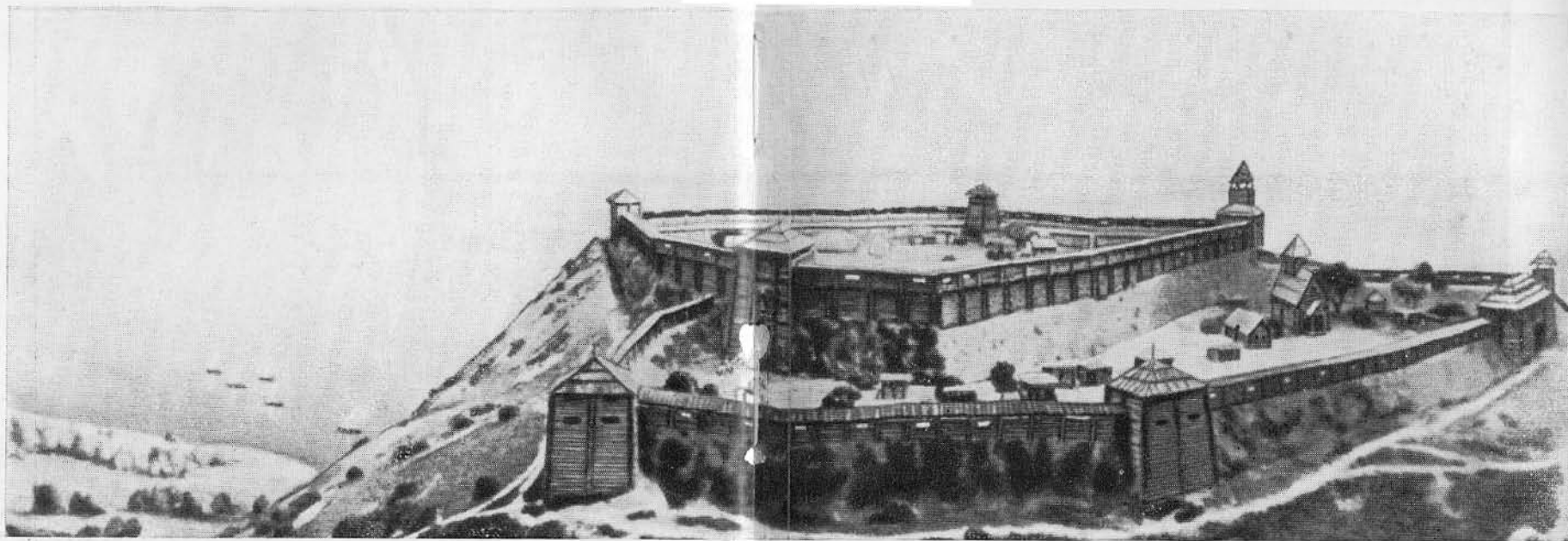
Лѣ

Радзивилловская летопись. Верхняя миниатюра: Святослав принимает побежденных вятичей. 964 г. Нижняя: Святослав побеждает хазар. 965 г.

Древнерусское оружие X — XII вв.

1. Рукоять меча, обложенная серебряной пластиной. 2. Оковка турьего рога из Черной Могилы (деталь).

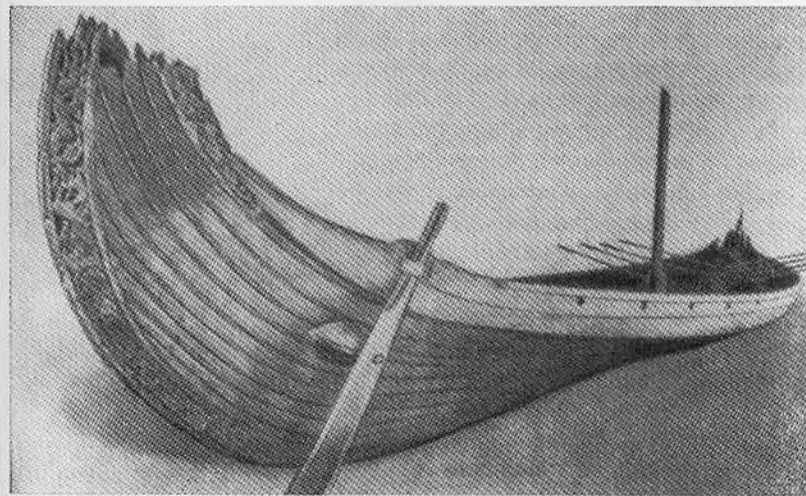

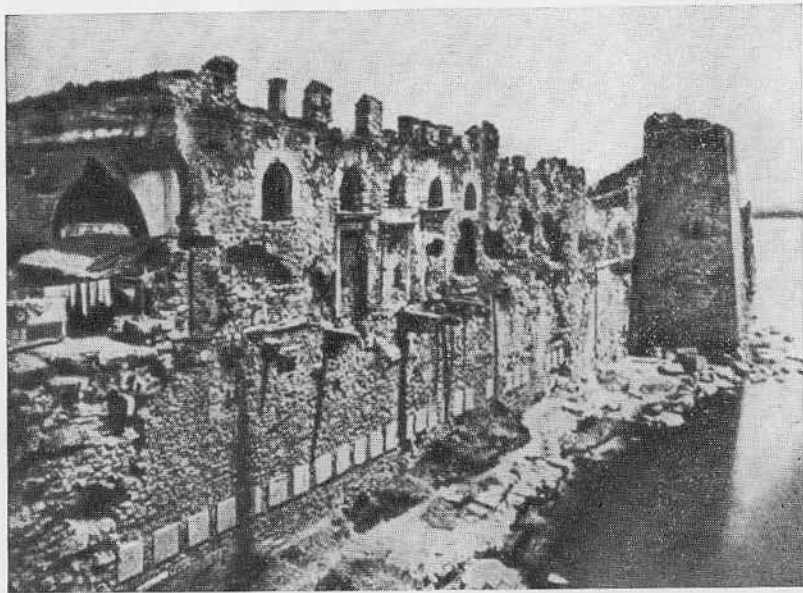
Город-замок на Днепре у села Чучинка. Реконструкция.

Священный рог из Черной Могилы.

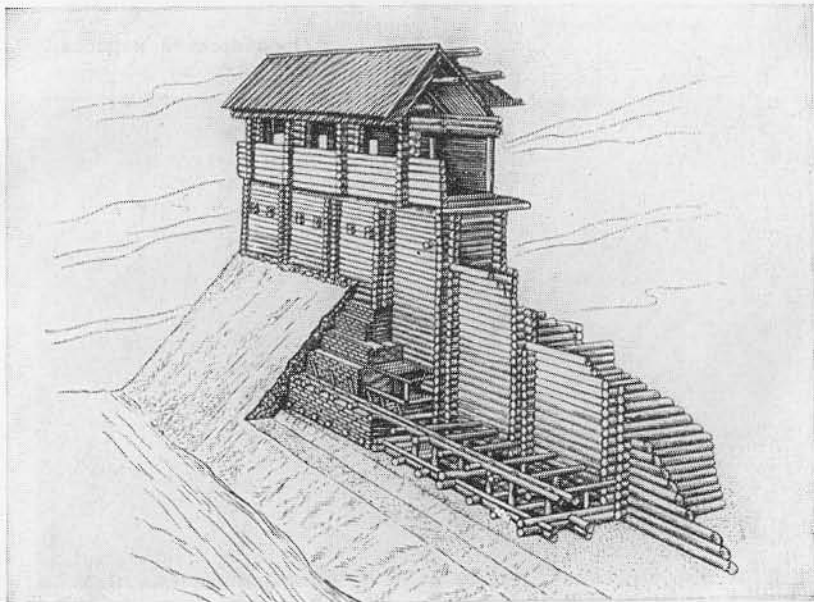
Озербергский корабль.

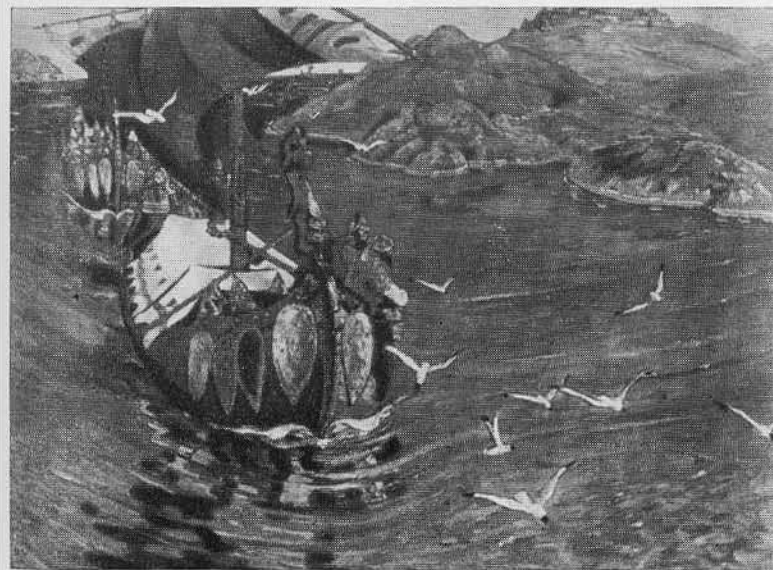
Стены Царьграда-Константинополя (с XV века — Стамбул).

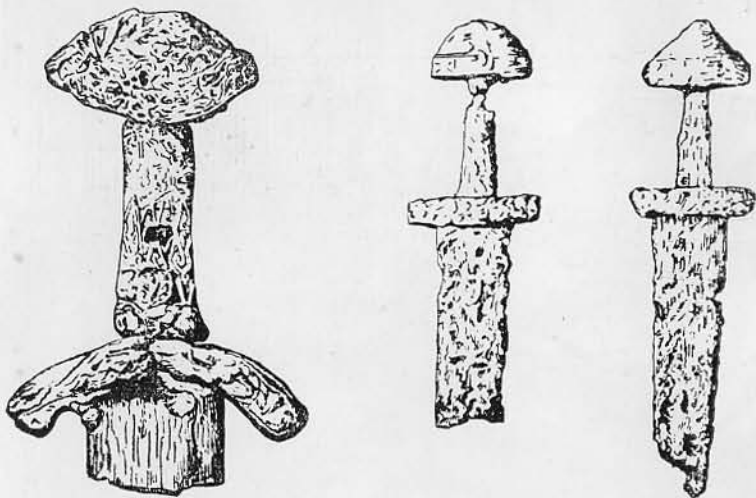
Крепостная стена Белгорода. Конец X в. Реконструкция.

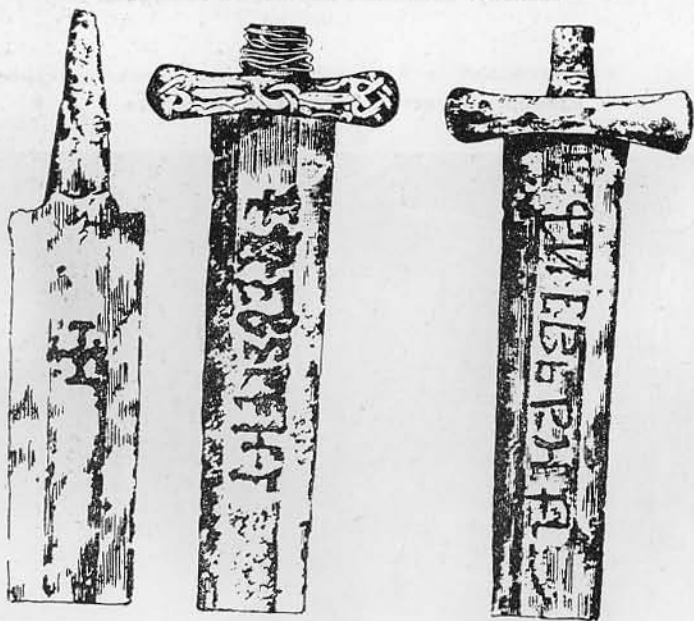
«Волокит волоком». Картина Н. К. Рериха.

«Заморские гости». Картина Н. К. Рериха.

Рукоять меча из Черной Могилы (слева). Мечи из Гнездовского могильника (справа).

Мечи, найденные на Днепре.

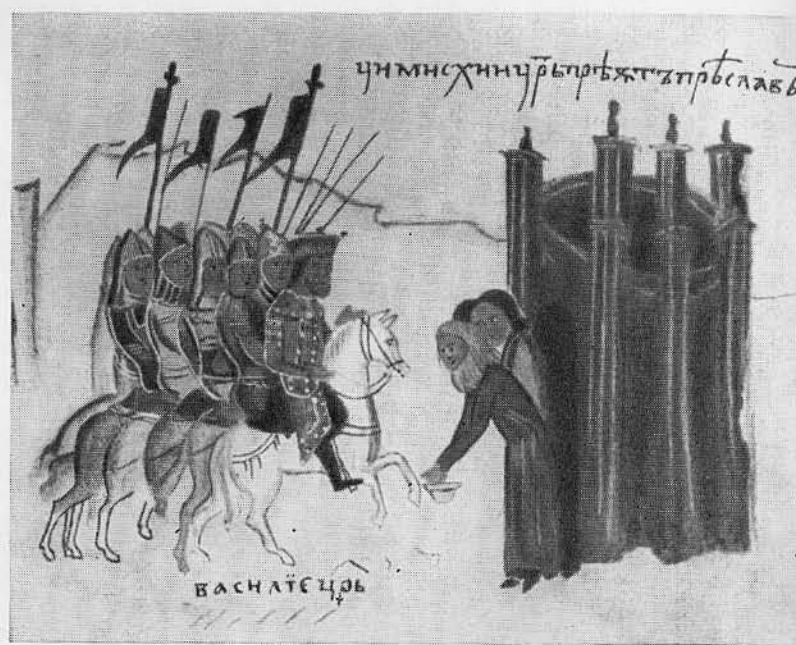
Святослав совещается с дружиной. Миниатюра из рукописи Иоанна Скилицы.

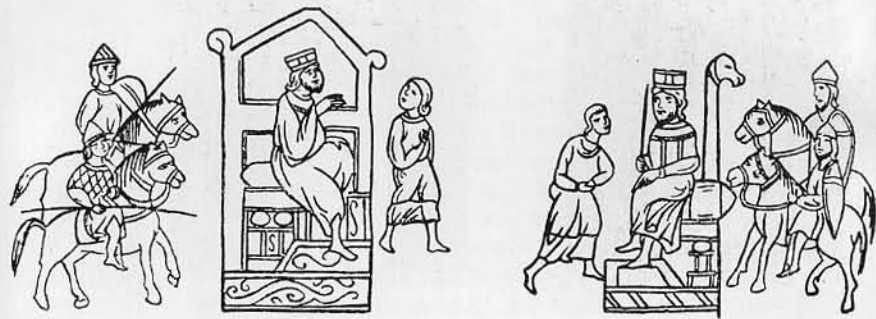
Святослав на пути в Царьград. Скульптура Лансере.

Вход Святослава в Дрестер (Доростол). Миниатюра из Хроники Манасии. XIV в.

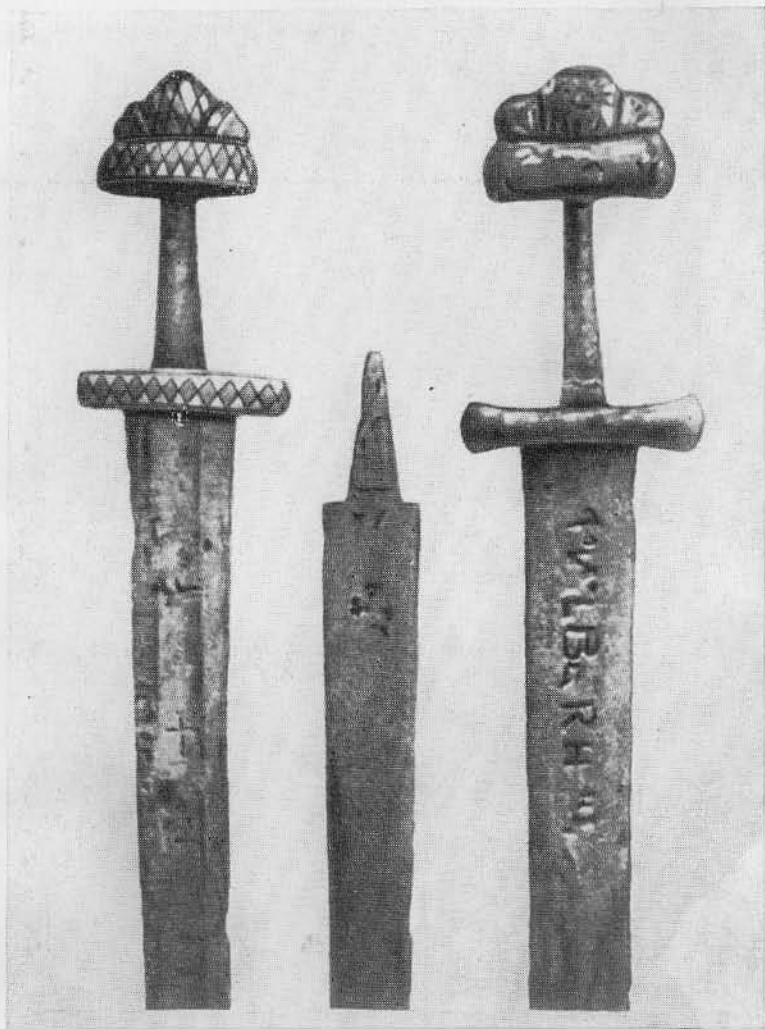

Вход Цимисхия в Преславль. Миниатюра из Хроники Манасии. XIV в.

Переговоры Святослава с Иоанном Цимисхием. Миниатюра из рукописи Иоанна Скилицы.

Мечи середины X века, найденные в днепровских порогах на месте гибели князя Святослава и его дружин.

где небо смыкается с землей. «Вот там торки, — показывал пестун в одну сторону, — а вон там половцы», — и он показывал в другую, но не видел Владимир ни торков, ни половцев, а лишь одно бескрайнее поле...

К семи годам Владимир уже хорошо знал историю этого дикого поля. Перед сном пестун рассказывал ему, как в древние дни его прадед Владимир Святославич сошелся здесь в смертном бою с печенегами.

Застыв, слушал маленький Мономах рассказ старого воина, а тот продолжал: «Вот в этом месте, где победили руссы печенегов, и заложил киевский князь нынешний Переяславль... А было это в 6499¹ году от сотворения мира».

А в другой раз рассказывал пестун, как сразу же по смерти великого князя Ярослава Всеволод, оставив в Киеве жену и годовалого сына, поспешил в свой стольный город, потому что принесли ему гонцы весть о движении на Переяславль торков. В февральскую стужу вышел Всеволод к городу Воиню, к устью реки Сулы и там в жестоком бою и разгромил их, и бежали торки неведь куда.

Но на этом не кончились несчастья того печального года. К лету Всеволоду пришлось еще раз взяться за оружие. К тому времени он вывез семью из Киева. Едва подсохли дороги, как княжеский двор с боярами и дружиной двинулся в Переяславль. В Киеве остались лишь Всеволодовы тиуны, которым надлежало блюсти княжеский дворец и села со смердами, закупам и рядовичами, работавшими на княжеской пашне.

Но, едва разместились князь, княгиня и дети во дворцовых покоях, как новая весть пришла с дикого поля: от Змиевых валов прискакали гонцы и рассказали, что сторожи увидели в поле несметные полчища неведомых людей — не печенегов, не торков, не берендеев, которые вежами двигались в сторону Переяславля. А вскоре, спасаясь от нашествия, сошлись в Переяславль все полевые дозорники, и застыл город в тревожном ожидании.

Всю ночь не смыкали глаз воины на крепостных стенах Окольного города и детинца и наутро увидели кочевников. Те двигались неторопливо, их кибитки и конные отряды покрыли всю степь. Медленно подошли их сторожи к городским воротам. А потом появился гонец от их князя Болуша и вызвал для разговоров Всеволода. Переяслав-

¹ В 991 году.

ский князь, не таясь, с малой дружиной выехал навстречу Болушу, и они встретились на берегу Трубежа. Через толмача Болуш сказал, что зовут его народ половцами, что они не враги руссам, а воюют лишь с торками, которых гонят в сторону заката солнца, что хотят они владеть диким полем, где имеется вдоволь пастбищ для бесчисленных половецких коней. В знак мира и дружбы протянул Болуш переяславскому князю лук, колчан со стрелами и аркан — оружие половецкого всадника, а в обмен получил от Всеволода меч, щит и копьё. Хмуро сидели вокруг Болуша на конях ближние его люди. вглядывались в лица руссов, осматривали переяславские валы, ворота, подходы к городу.

Руссы, в свою очередь, смотрели с тревогой на угрюмых черноволосых всадников, на их невысоких лохматых лошадок, на великое множество этого нового народа, подошедшего к переяславским стенам, и смутно было на душе у руссов. Каждый из них понимал, что нового, неведомого еще врага наслал бог на Русскую землю, и не на год, не на два, а на долгие и тяжелые годы. И был это первый приход половцев на Русь.

Рассказывал пестун, и тревогой сжималось сердце маленького княжича. Он знал, что с тех пор больше не выходили в русские пределы половцы, но сила их множилась год от года.

...Едва малая конная дружина выехала за валы Окольного града, как разговор между всадниками постепенно стих. Впереди ехал боярин Гордята, за ним дружинники в полном вооружении на сильных и быстрых конях, следом рядом с Владимировым пестуном два отрока — Владимир Мономах и сын Гордяты — Ставка Гордятич, друг маленького княжича, а за ними снова вооруженные дружинники. В этот день Владимир захотел посмотреть Змиевы валы, что испокон века охраняли Переяславль от набегов печенегов и берендеев, торков и вот теперь половец.

Весело было утром в диком поле. Кажется, никого нет вокруг, а поле наполнилось самыми разными звуками. Тут и жаворонок поет, и птицы какие-то невидимые подпевают ему, и суслики подсвистывают, кажется, что слышен даже тихий шелест еще не выгоревшей на солнце молодой майской травы. Светло и празднично летним днем в диком поле, как в просторной и теплой горнице. Мирное и безмятежное лежало оно перед всадниками как ровный зеленый ковер. И весело и светло на душе было у малень-

кого княжича. Хотя суровы и молчаливы были сопровождающие его отцовы дружинники, хотя и предупреждал его боярин Гордята, что опасная эта затея — ехать к валам в эти дни, когда половцы в любое время могут выйти к рекам Трубежу и Альте, по Владимир упрямил отца отпустить его. Сколько уже раз слышал княжич рассказы и былины о лихих схватках с кочевниками на южном русском порубежье, о страшных сечах и смертных единоборствах, и неизменно в этих рассказах и былинах упоминались таинственные Змиевы валы, которые стояли на страже Русской земли.

Уже час с лишним двигался отряд по степи, солнце подкадило к вершине неба, когда дружинники заметили скакавших в их сторону во весь опор двух конных. Вот всадники подъехали ближе, остановили коней и долго вглядывались в приближавшийся отряд, потом будто осмелели и снова пустили коней быстрым бегом. Разом насторожились дружинники, схватились за мечи, вздрогнул сердцем и Владимир Мономах: а вдруг это враги, половцы, их передовая сторожа, вот сейчас исчезнут они, растворятся среди этой травы и бледно-голубого неба, и оттуда, где земля вплотную подходит к небу, понесется на них половецкое войско. Но нет, тревога оказалась напрасной — блеснули на солнце русские шишаки, дрогнули за спиной у конных на легком ветру полотняные накидки. То были переяславские дозорщики со Змиевых валов. Они стояли в сторожке на одном из насыпанных между валами курганов и несли свою дозорную службу.

На вопрос Гордяты — далеко ли до валов, они махнули руками куда-то в сторону неба и сказали, что это совсем рядом, что они проводят их. И отряд снова двинулся в путь.

Змиевы валы выросли перед всадниками совершенно внезапно. Еще несколько минут назад перед ними было ровное поле, и вдруг оказалось, что прямо перед ними, и справа и слева от них, уходит в необозримую даль невысокий вал. Кажется, вовсе невелик он, но конному воину невозможно въехать на его крутые бока. Хочешь перейти через него — спешивайся, карабкайся вверх, а коня оставь внизу. Так и останавливались перед Змиевыми валами кочевники или обходили их, но много сил отнимали у них эти обходы. Огромными дугами охватывали валы переяславское порубежье с востока. На юге они упирались в берег Днепра, а на севере в берег Трубежа. И если прорывались степняки через старинные укрепления, постав-

ленные по Суле и Остру, то неизбежно выходили к Змиевым валам и там останавливались.

Этих заминок и хватало переяславским сторбжам, чтобы донести грозную весть о выходе степняков до переяславского князя. Из Переяславля же мчались гонцы в Чернигов и Киев, оповещая Русь о грозной опасности.

Владимир смотрел на иссеченные временем буроватые склоны валов, прикрытые кое-где жиденькой травкой, на уходящее за валы дикое поле, на молчаливых дружинников, на седого боярина Гордята и покрытое шрамами лицо своего пестуна, не раз дравшихся с кочевниками на переяславских просторах, и его маленькое сердце наполнялось спокойствием и гордостью.

— Ну что, княжич, посмотрелся на сырую землю, — усмехнулся старый боярин. — Смотри, смотри, вырастешь, и тебе придется здесь испить свою ратную чашу.

Обратно скакали быстро — нужно было попасть к обеду.

А вечером пестун рассказывал Владимиру новую былинку про великие подвиги русских богатырей, про их неуемную силу. В воображении княжича вставали негнбаемый Илья Муромец, хитроумный Алеша Попович. Затаив дыхание слушал он о смертельной схватке богатыря Ильи с Подсокольником.

Кончал свой рассказ пестун, и княжич долго еще сидел с зарозовевшими щеками, вспоминал про страшную битву сказочных богатырей.

Тихо шли дни в Переяславле, было спокойно в диком поле. Князь Всеволод долгие часы проводил за книгами, любил читать Священное писание, греческие хроники, особенно историю монаха Георгия, наполненную многими событиями и людьми. Прилежно учил Всеволод и различные языки. На склоне лет Владимир Мономах вспоминал, что его отец, не выезжая в иные страны, сидя дома, выучил пять языков. Особенно хорошо освоил он греческий; свободно мог говорить с половецкими ханами на их языке.

Владимир часто прибегал в хоромы отца, смотрел, как тот сидел, склонившись над старыми свитками, внимательно вглядываясь в бегущие перед ним строки, как брал в руки огромные тяжелые книги, застывал над ними на долгое время. Когда сын подходил к нему, он, не отрываясь от чтения, гладил его по льняным волосам. Спокойна и ласкова была отцовская рука. За все время, что Владимир помнил отца, тот ни разу не прикрикнул на него, не

сказал грубого слова. Кротостью и лаской воспитывал Всеволод сына.

В хоромах матери царили изящные восточные ткани и пахло византийскими благовониями, мозаичный пол был устлан пушистыми хорезмийскими коврами, и здесь, как и у отца, были книги, греческие книги. Чуть не каждый год с константинопольскими караванами из Византии доставляли молодой княгине все новые и новые сочинения греческих хронистов, церковные книги. Владимир любил сидеть возле матери прямо на ковре и слушать, как кто-нибудь из ее греческой свиты тихо и спокойно читал страницу за страницей на малознакомом девучьем языке, а мать внимательно слушала и вышивала узор за узором.

А потом он выбегал на площадь перед дворцом, мчался дальше, и пестун едва поспевал за ним. Княжич бежал к переяславским валам, которые в последнее время, после появления под городом половецкой орды Болуша, начал подновлять князь Всеволод.

Владимир стоял и смотрел, как сотни переяславцев — землекопов, древоделов, каменосечцев — делают свое нелегкое дело. Они рубили из бревен огромные клетки и ставили их туда, где валы были мелкими, осыпавшимися. А потом на носилках таскали к этим клетям землю, набивали ее в клетки, натискивали. С наружной стороны, что оборачивалась к врагу, клеть обкладывали кирпичом-сырцом, а сверху опять засыпали землей, задерновывали, на гребне вала ставили частокол. Попробуй разбей такую стену, попробуй перешагни через нее. Но не торопился Всеволод с постройкой новых укреплений, считал, что выстоял Переяславль перед печенегами, торками, берендеями, выстоит и перед половцами. Понемногу заменялись старые, обветшавшие, полуразвалившиеся валы. Да и куда было торопиться — пока было спокойно в диком поле. Оттуда приходили смутные слухи, что где-то у моря дерутся половцы с печенегами, выбивают их в сторону захода солнца, теснят к русским пределам торков. Может быть, беда пройдет мимо. И снова углублялся князь в книжное великомудрие.

Иногда пестун предлагал Владимиру поехать и посмотреть красу неопишемую. Они седлали коней и ехали по окрестным дубравам. Они ступали по мягкой, мягче всякого ковра, траве, смотрели в прозрачные озера, пили воду из родников, что пробивались сквозь земную толщу к свету, лежали на лесной опушке и смотрели в летнее бледно-голубое небо.

Так и шли дни молодого княжича — между ученостью и лаской отца, тихим греческим чтением в хоромах матери, среди дивной красоты родной земли, которую былины населяли прекрасными и чудными людьми, и эти люди побеждали все злое и несправедливое. Сияли светом и радостью глаза маленького княжича, безмятежно и благодушно было у него на душе каждый день от утра до вечера.

Когда Владимиру исполнилось семь лет, его, как и всех княжеских и боярских детей, отдали в учение. В княжеский дворец явился поп одной из первых в Переяславле церквей — святого Михаила. Церковь была деревянная и ветхая; давно уже переяславский приход нуждался в большом каменном соборном храме, но так шла жизнь, что поначалу Переяславль был на опасной печенежской окраине, и все силы Владимир и Ярослав клали здесь на устройство городской крепости и полевых крепостей, и лишь после 1054 года, когда Ярослав установил в Переяславле самостоятельный стол своего третьего из живых сыновей, молодой Всеволод увидел, сколь неказиста и бедна была главная церковь Переяславского княжества.

Князь Всеволод и княгиня Анастасия долго беседовали с попом, поучая его обращению с княжичем. Всеволод передал попу некоторые из своих книг на славянском языке, а княгиня положила перед ним греческие книги, чтобы учил княжича не только славянскому чтению и письму, но и греческому.

Когда князь и княгиня удалились, поп ласково посмотрел в настороженные голубые глаза княжича и сказал: «Ну, чадо, садись на лавку, начнем понемногу». Он развернул чистый пергаментный свиток, достал тонко отточенное гусиное перо и небольшую глиняную чашу с темной краской и вывел первую букву.

С этого дня изо дня в день несколько часов проводил Владимир за чтением и письмом, учил наизусть строки из Священного писания, особенно нажимал поп на псалтырь, но не понимал княжич Давидовых молитв, не ложились они в его детскую голову. Зато прилежно водил пальцами по отцовской книге, сочиненной греческим монахом Георгием. Удивительные события раскрывала перед ним эта книга. Читая ее, Владимир попадал как бы в другой мир; в этом мире люди не обращали внимания на красоту дубрав и гор, облаков и озер, там не было места добрым отцовским словам и материнской ласке, мягким теплыми ладонями кормилицы и грубой нежностью старого пестуна,

веселым играм со Ставкой Гордятичем и радостному умилению в светлое христово воскресенье. Зато там было много жестокости, крови, насилия и для людей, о которых писал монах Георгий, и для него самого эта жестокость и это насилие были столь обычным делом, что они, кажется, не обращали на них особого внимания; они их не ужасали, не приводили в трепет — и это более всего изумляло маленького княжича. Греческий хронист описывал, как во время мирных переговоров болгарского хана Крума с византийским императором императорские воины проткнули хана копьями; как другого императора вместе с его войском болгары заманили в горы и перебили там всех до единого, а голову императора отрезали от тела и сделали из нее чашу для вина, как греки ослепляли сотни и тысячи людей, взятых в плен, как долгими веками воевали друг с другом греки, персы, авары, хазары, арабы, мирились, вероломно нарушали клятвенные договоры о мире и любви и снова воевали за земли, города, торговые пути, золото — и не было этой вечной вражде ни конца, ни края.

Отрывался Владимир от книги монаха Георгия, и снова тихий мир отцовского Переяславля обнимал его со всех сторон, а ужасы и страхи, описанные в этой и других книгах, казались такими далекими и ненастоящими.

Поп гладил княжича по светлым волосам: «Ох, неистовые люди, горе человеческое, да минует тебя чаша сия».

С сестрой Янкой Владимир встречался все реже. Она проводила почти все время в хоромах матери, та сама учила ее греческому языку, а славянскому же чтению и письму обучал Янку другой поп Михайловской церкви. Остальное время Янка либо училась вышиванию, либо гуляла с боярскими дочерьми во дворцовом саду. Янка росла деятельная и пылкая. Ей было тесно в тихих материнских хоромах, она рвалась в мир, полный чудных дел и разных людей, и не раз говорила брату, что ей тоже хочется учиться ездить на коне, стрелять из лука, читать про Александра Македонского, о котором ей столько рассказывал Владимир, но такое обучение не полагалось для дочери князя, и Янка смиряла свою гордость, молчала, тихо завидовала брату и снова склоняла русую голову над Священным писанием и вышиванием.

В большие праздники княжеская семья выезжала в Киев. К этому дню в Переяславле готовились заранее. Сначала Всеволод посылал в столичный город к великому князю Изяславу своих гонцов. Следом выезжали княже-

ский тиун, которому надлежало вместе с киевскими людьми князя Всеволода приготовить Всеволодов дворец к приему княжеской семьи, а после отъезда тиуна в Киев под охраной младших дружинников отправлялись телеги с княжеским добром — Всеволод любил, чтобы под рукой всегда были любимые вещи — и сосуды, и книги, и разная одежда для выходов, охоты и пребывания в своем доме, в путь отправляли даже псов и охогничьих соколов. И лишь тогда к Киеву трогались княжеские возки.

Владимир надолго запомнил свой первый приезд в Киев. Город вскинулся перед ним огромный и неожиданный, вознесенный на высокие горы, обложенный со всех сторон слободами, окруженный могучими валами со сторожевыми башнями, а над всеми этими домами, башнями и валами красовались в голубом небе купола Десятинной церкви и святой Софии. Там около Софии был великокняжеский дворец и хоромы митрополита, там же начиналось великое княжество Киевское. Но все это Владимир увидел лишь на следующий день, а пока же возки проехали поодаль и остановились около небольшого дворца, выстроенного для Всеволода еще великим князем Ярославом.

Владимир осторожно вошел в незнакомые хоромы, пахнувшие заустением, огляделся. Здесь ему предстояло жить несколько недель, семья Всеволода собралась в Киев надолго.

К заутрене в храме Софии был большой сбор — на хорах собралось все Рюриково княжеское древо. Впереди встал великий князь Изяслав Ярославич со своими домочадцами — женой, сыновьями, Мстиславом, Святополком, Ярополком, дочерью Евпраксией. С правой руки от него расположилось семейство второго Ярославича — Святослава — рядом с ним стояла его княгиня и четверо сыновей, почти погодков, — Глеб, Олег, Давыд, Роман. Слева стоял Всеволод с княгиней и детьми — Владимиром и Янкой. За тремя старшими Ярославичами теснились, выглядывая из-за плеч первого ряда, другие сыновья Ярослава, их княгини и дети. Владимир впервые увидел вместе всех Ярославичей.

Изяслав был величав и спокоен, молился не торопясь, с достоинством. На его челе порой появлялась благодатная улыбка. Святослав же не спускал глаз со своих братьев, следил, чтобы не выдвинулся кто из них вперед к перильцам хоров. Его холодный, цепкий взгляд схватывал и людей, теснившихся ввиду и глядевших не столько в сто-

рою алтаря, сколько на княжеский Ярославов корень, и стоявшего во втором ряду племянника — Ростислава Владимировича, пытавшегося из-за спин старших князей хоть на пядь, но продвинуться вперед, и Изяславовых сыновей; и маленького Владимира, который был едва виден за складками пышных парчовых одежд отца и матери. Сам же Святослав будто невзначай, каждым поворотом тела все ближе подвигался к перильцам и был теперь уже хорошо виден всем прихожанам — невысокий, с одутловатым, бесформенным лицом, приплюснутым носом и беспокойными, ненасытными глазами. Вместе с ним подвигались вперед и его дети — Святославичи; они дерзко смотрели на Мономаха, будто он чем-то задел их, обидел. Изяслав покосился на брата, который уже на полсажени вышел из первого ряда, и, ничего не говоря, снова углубился в молитву.

И Изяслав, и Святослав, и Ростислав, и другие старшие князья повторяли слова молитвы: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Крестились, били поклоны.

Сзади всех стоял, опираясь на посох, высокий седой старец, который безучастно смотрел на всю эту суету Ярославовых сыновей и внуков.

В эти часы, что они провели на хорах, Владимир не узнал отца. Всегда спокойный, ровный, ласковый, Всеволод вдруг весь подобрался, напрягся, взгляд его стал беспокойным. Казалось, церковная служба вовсе не занимала его; он краем глаза следил за Изяславом и Святославом, оборачиваясь на напиравшего сзади Ростислава Владимировича. «...Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам отец ваш небесный. А если не будете прощать людям согрешения их, то и отец ваш не простит вам согрешений ваших». Молились, крестились князья...

И после, на пиру во дворце великого князя, где дети поначалу сидели рядом со взрослыми, Владимир чувствовал разлитые в гриднице напряжение и тревогу: что-то происходило между детьми и старшими внуками Ярослава Мудрого. Там, в Переяславле, Владимир не чувствовал этого напряжения: о своих братьях и племянниках князь Всеволод говорил мало и глухо, а при детях вообще не касался их имен. Здесь же вдруг все они предстали перед взором маленького Мономаха, и он почувствовал, что некоторые из родственников вовсе не являются истинными

друзьями его отца и его самого. Тяжелые взгляды бросал на него быстро захмелевший бывший ростовский, а ныне владими́ро-во́лынский князь — белокурый красавец Ростислав Владимирович. Черниговский князь Святослав все время обращался к великому князю Изяславу с какими-то непонятными, неясными словами, от которых Изяславу было явно не по себе. Всеволод настороженно молчал. Упоминались княжеские столы в Новгороде, Ростове, Владимире-Волы́нском, Смоленске.

Лишь на следующее утро боярин Гордята открыл Владимиру немного из того, что волповало князей в хмельном застолье. Он пришел к княжичу, когда тот готовился к конной прогулке, положил руку на плечо: «Пойдем, княжич, погуляем, отец велел рассказать тебе кое-что».

После этой беседы впервые в душе Владимира были нарушены та стройность и спокойствие, которые царили в ней с тех самых пор, как он помнил себя.

Ростислав враг всем, сказал тогда старый боярин. Сын старшего Ярославича — Владимира, Ростислав не получил стола своего отца — Новгород: после смерти Ярослава братья свели его в Ростов, который испокон веков вместе с Сузда́лем тянул к переяславскому столу, а в Новгород Изяслав послал своего посадника Остромира. Великий князь сам приехал в Новгород вместе с новым посадником, сместил там людей своего покойного старшего брата, которые стояли за Ростислава.

Тогда Новгородом прочно овладел киевский князь, а обиженного Ростислава посадили в Ростов и Сузда́ль, на которые мог в любую минуту предъявить права переяславский князь Всеволод. Он только и ждал, чтобы сын поскорее подрос, чтобы можно было послать его на север, закрепить за собой ростово-сузда́льские земли. Потому так мрачно смотрел на Мономаха князь Ростислав.

Потом освободился смоленский стол, умер Вячеслав Ярославич, один из тех, кому завещал великий князь перед смертью все киевское княжество. Ростислав было метнулся в Киев, чтобы выпросить у великого князя более почетный Смоленск, нежели далекий и потерянный в вятичских лесах Ростов. Но нет. В Смоленск свели из Владимира-Волы́нского младшего Ярославича — Игоря. Но совсем недавно умер и Игорь. Несчастливым стал смоленский стол для младших Ярославичей.

И снова смоленский стол прошел мимо Ростислава: Изяслав отправил племянника во Владимир-Волы́нский, на венгеро-польское порубежье.

Теперь смоленский стол свободен, Изяслав послал туда своего наместника. Но такое усиление киевского князя во все не по нутру Святославу черниговскому, князю Всеволоду, да и полоцкий князь Всеслав недоволен тем, что с севера, юга и востока его прочно сдавили владения Изяслава. Освободился и ростово-сузда́льский стол. Сейчас там сидит наместник Всеволода, но вот-вот подрастет он, Мономах, и тогда отец отправит его на север. А пока же на Ростов и Сузда́ль нацелились и старшие сыновья Изяслава, и Святослава, которым уже исполнилось по двенадцать лет, и они вступили в тот возраст, когда отцы берут княжичей в первый поход и дают им первые столы. Потому так дерзко смотрели старшие Святославичи — Глеб и Олег — из-за спины отца на Владимира.

Седой же старец, как сказал боярин, был самым старшим из всей Ярославовой семьи, родной брат покойного великого князя — Судислав. Племянники выпустили его из темницы, куда посадил его Ярослав и где он просидел двадцать четыре года. И взяли с него клятву не вмешиваться в мирские дела и принять схиму. Теперь Судислав готовился к монашеству, для него уже отвели келью в Печерском монастыре; не сегодня завтра он навсегда оставит княжеский дворец и свое место на хорах святой Софии.

Владимир слушал, а боярин продолжал негоропливо говорить, и княжич вдруг понял, что отец решил начать его новое, более серьезное, чем прежде, обучение. На следующий день разговор возобновился, но теперь боярин перешел с дел междукняжеских на дела иных государей.

«Ляхи — наши самые близкие соседи, — говорил боярин. — С ними прадед твой и дед и воевали, и мирились, всего там хватало. Король Казимир был друг Руси, недавно он умер, и как повернется к Киеву его сыновья — сегодня никто сказать еще не может».

Гордята рассказывал, что после смерти отца в 1058 году сыновья польского короля — Болеслав, Владислав и Мешко — разделили по отцовскому завещанию, как и на Руси, землю между собой. Сейчас они живут мирно, но неисповедимы пути господни, — все люди, а власть кружит человеку голову, дозго ли будет мир между братьями...

В уграх продолжается большая распря. Королем стал Бела I. Тетка Владимира Мономаха, бывшая венгерская королева Анастасия Ярославна, которую с таким почетом провожали в угры еще до рождения Владимира, бежала

из тамошних земель вместе со своим сыном Шаламаном и его женой. Беглецы укрылись во владениях германского императора Генриха IV, враждовавшего с Белой I. И тут же в Киев к князю Изяславу явилось посольство из германских земель: Генрих IV просил Русь помочь в борьбе с Венгрией. Немецкие послы откровенно говорили Изяславу, что он должен вступить за честь родной сестры. Однако Изяслав не торопился защищать сестру. Русь и угров издревле связывали узы дружбы и любви, кто бы ни был на венгерском столе. И сегодня в Киеве были уверены, что мир и любовь с королем Белой сохранятся. А сестра... что ж сестра, когда приходится думать о всей Русской земле, о ее силе, мире и покое. Император Генрих далеко, у него свои дела, свои враги, а угры вот они, под боком, рядом с Владимиром-Волынским, Перемышлем, Тербовлем.

Германские послы уехали ни с чем, Русь не выступила против короля Белы.

И еще другие соседи — лукавые и упорные греки стараются втянуть Русь в борьбу с папой римским.

Еще в 1054 году, через шесть месяцев после смерти великого князя Ярослава, в Константинополь явились легаты папы во главе с кардиналом Гумбертом и положили на алтарь константинопольского храма святой Софии отлучительную грамоту. Отныне папа проклинал византийских отступников, которые не только отошли от истинных канонов веры и погрязли во всевозможных ересьях, но и перестали признавать церковное главенство его, папы римского.

В ответ в том же храме Софии была возглашена анафема папским легатам. Раскол западной и восточной церкви, который давно уже подготавливался всеми делами и константинопольского патриархата, поддержанного императорской властью, и римского понтификата, отныне состоялся окончательно.

И теперь на Русь зачастили посланцы из Византии с просьбой поддержать патриархат в битве с папой, а из Рима шли увещевания на Русь, просьбы присоединиться в борьбе с отступниками от истинного лона христианской церкви.

Пока был жив Илларион, русская церковь с прохладой смотрела на эту распрю папы и патриарха, но теперь Илларион мертв, а новый митрополит Ефрем-грек, выходец из Константинополя, с утра до вечера печется об интересах патриархата. Но вправду говорят, что духовные

пастыри лишь пасут христово стадо, а само оно принадлежит не им, а мирской власти. Изяслав с братьями давно решил не вступать в борьбу церковей и, если можно, пользуясь этой распрей, еще более возвысить силу и независимость киевской митрополии. А грек? Ну что ж, грек пускай говорит что хочет. Давний союз с Константинополем эти разговоры лишь укрепляют, а все остальные дела решаются не в киевской Софии, а в великокняжеском дворце.

Мономах слушал боярина и вспоминал, что мать-византийка тоже говорила ему об истинности греческой веры и неправедности веры римской. Обо всем остальном она молчала, видимо, считала сына еще несмышленным. И только теперь, после рассказа Гордыты, Владимир стал понимать, что мать давно и упорно возбуждала в нем ненависть к латинянам.

Прошли праздники, торжественные стояния в Софии, пиры, охоты, и Всеволод с семьей стал собираться обратно в Переяславль.

Перед отъездом князь отправился к святым угодникам Антонию и Феодосию помолиться, очиститься душой, выслушать их мудрые речи. Сыну он сказал: «Поедешь со мной, посмотришь, как живут и мыслят люди, ушедшие от суеты мирской и посвятившие себя богу».

И вот они, отец и сын, стоят словно простолюдины в тесной, пахнущей сырой глиной пещере, а перед ними на лавке, сколоченной из неотесанных досок, сидит игумен Печерского монастыря Феодосий. У него седые волосы, коричневое, прорезанное глубокими морщинами лицо и светлые, ясные как у младенца глаза. Он сидит спокойно, и его худые руки недвижно лежат на коленях. На нем простая одежда из грубой шерсти.

Отец и сын встают перед ним на колени, и Феодосий молча кладет руки на их головы, и так они стоят перед ним некоторое время, потом встают и садятся рядом с игуменом.

Тот говорит, что отца Антония они увидеть не смогут: вот уже вторую неделю он молится в одиночестве в дальней пещере, не показывается ни ему, Феодосию, ни монастырской братии, монахи приносят Антонию лишь кусок хлеба и кружку воды — тем и живет преподобный.

Владимир в свои небольшие годы уже много был слышан о духовных подвигах печерских отшельников и теперь во все глаза смотрел на игумена.

И об Антонии, и о Феодосии рассказывали удивитель-

ные истории, которые поражали маленького княжича, и он нередко вспоминал жизнь того и другого и плакал от жалости к ним и умиления.

Во все глаза смотрел маленький Мономах на чудесного игумена, а тот вел неторопливую беседу с князем Всеволодом и говорил вовсе не о божественных делах. Игумен просил рассказать ему, в мире ли живет Всеволод с братьями-князьями, спокойны ли торки и не пора ли нанести поганым удар; что думает князь о полоцком властелине Всеславе и можно ли его позвать с собой в поход в дикое поле; как ведут себя половцы и где нынче кочуют они. Дивился Владимир такой осведомленности игумена, и казалось, что вовсе не о нем, бежавшем от мирских дел, ходили по Руси рассказы.

В раздумье ехал Всеволод от игумена. Тот ясно ему сказал, что надо собираться в дикое поле, что Изяслав давно уже хочет нанести удар торкам, навеки освободить от их набегов русские земли и надо помочь киевскому князю, что он, Феодосий, очень надеется на его княжескую помощь и даже, если Всеслав полоцкий и Святослав черниговский не пойдут в поход, то пусть киевский и переяславский князья двинутся в поле со своими ратями.

Едва Всеволод вошел в свои хоромы, как за ним прибыл гонец от великого князя.

Изяслав повел с ним речь о том же, о чем еще час назад говорил игумен Феодосий. — о совместном походе против торков. Братья условились действовать заодно, послать гонцов к Всеславу и Святославу.

Все лето 1060 года сносились князья гонцами и лишь к осени наконец договорились о походе. С севера в конном строю и на ладьях по Днепру двинулись рати великого князя Изяслава и Всеслава полоцкого; отдельно по берегу шла дружина Изяслава и отдельно дружина Всеслава. У впадения реки Грубеж в Днепр их ждали дружины Святослава черниговского и Всеволода переяславского. Впервые после смерти Ярослава Владимировича вся Русская земля поднялась в поход против кочевников. В киевском войске шли также дружины из Смоленска, Турова и Владимира-Волынского, в черниговском — воины из Тмутаракани и Мурома, в переяславском — отряды из Ростова, Суздаля и Белозера. Давно уже не собирала Русская земля столь большого войска.

Владимир вместе с матерью, сестрами провожал дружину с княжеского крыльца, а потом смотрел из окна терема, как двурядной лентой выехали воины из город-

ских ворот и двинулись в сторону Днепра, и сразу тревога застыла в городе, стихли по боярским домам всеселье и застоля; в каждом доме молились за успех русского войска. И в княжеском дворце как будто стихла жизнь, мать молилась в своей половине, а около нее, упершись коленями в пушистый ковер, молился маленький Владимир и повторял вслед за матерью: «Боже, спаси нас, дай нам утешенье в тревогах и горестях и ниспосли победу над погаными верным сынам твоим, рабу твоему Всеволоду и всем воинам его».

Прошло три недели, и однажды под вечер с караульной башни ударили в колокол: на горизонте показались конные люди. Медленно приближались они, и вскоре высыпающие на валы жители Переяславля приветствовали победителей. Впереди ехал Всеволод; лицо его потемнело и осунулось, веки покраснели от бессонья и осенних ветров, но радостная улыбка пробивалась сквозь эту черноту и усталость. Сзади надвигалась княжеская дружина, а следом за ней шли связанные веревками плененные торки. В изодранных одеждах, с косматыми волосами, они страшно озирались по сторонам, втягивали головы в плечи под градом насмешек жителей Переяславля. А следом за пленниками везли на телегах захваченное добро: ткани, ковры, конскую сбрую, оружие, золотые и серебряные вещи. А дальше княжеские конюхи гнали табуны отнятых у торков коней, коров, овец. Сразу разбогатеет теперь Переяславль, нальются захваченным добром дворец князя и дома его старшей и младшей дружин.

Владимир бросился к отцу, дотянулся рукой до стремени, да так и бежал рядом с отцом всю дорогу до дворца.

И лишь вечером, когда княжеская семья собралась за столом, Владимир услышал от отца о том, как шла война с торками.

Собственно, и войны-то не было: конные сторожки торков донесли до своих кочевий известие о том, что вошли русские рати в степь, и торки стали спешно свертывать шатры, и когда руссы подходили к тем местам, где должны были бы стоять степные городки кочевников, то заставляли там лишь теплую золу от очагов — торки исчезали бесследно. Днем и ночью гнались руссы за кочевниками, вглядываясь в прибитую конскими копытами землю, и наконец настигли их во время отдыха. Русские дружины с ходу врзались в тележный строй уставших и обессиленных торков, и те почти не сопротивлялись: одни доброй волей отдали себя в полон с женами и детьми, другие —

те, у кого доставало еще сил бежать дальше, — бросали своих близких, все добро, вскакивали на коней и устремлялись в неоглядную ночную степь.

За ними не гнались — пусть пропадают в осенней стуже в голодной, застывающей на зиму степи. Несколько недель носились русские дружины в диком поле, сбивая все новые и новые кочевья торков, утомляя и врагов и самих себя нескончаемым конским бегом. И лишь тогда, когда отяжелели русские рати от захваченного добра, когда доставало уже сил гнать по необозримым степным просторам тысячи голов скота, — русские князья дали приказ своим дружинам повернуть вспять.

— Ну а торки, куда делись торки? — спрашивал Владимир, который живо представил себе все, что происходило в степи, где закованные в брони руссы сметали с лица земли жалкие кочевья степняков и гнали их, гнали в холодное и голодное поле.

— Торки сгнули, — сказал устало Всеволод. — Сгнули, мыслю, навеки. Одних мы попленили, а кто ушел в степь, все равно пропадут от стужи, голода и мора. Бог отныне избавил Русь от поганых.

Он говорил об этом спокойно и равнодушно, а глаза Владимира наполнялись слезами. Ему было жаль этих растерзанных, связанных веревками людей, что тянулись за русской ратью по улицам Переяславля, жаль было и тех, кто, потеряв своих жен и детей, скитается отныне в застывшей степи, мерзнет, гибнет от голода и нет им нигде ни покоя, ни приюта: только гибель, и плен, и продажа на невольничьих рынках Булгара, Херсонеса и Константинополя.

Всеволод заметил сумятицу в сердце сына, положил руку на его золотистые волосы: «Не жалею их, Владимир; если бы был их верх, то сегодня уже тебя гнали бы привязанным веревкой за телегой на челядинный рынок куда-нибудь в Таврику».

Затихла жизнь в Переяславле, не скакали более княжеские гонцы между Киевом, Черниговом, Переяславлем и Полоцком, надвинулась суровая зима. Князья и дружинники сидели по своим дворцам, а их люди бойко торговали по городам рухлядью, захваченной у торков.

В конце же января 1061 года беда обрушилась на Переяславское княжество; из степей в переяславские пределы вышли половцы во главе с ханом Искалом. Записал позднее летописец: «Пришли половцы впервые на Русь

скую землю войною». Давно уже ожидали этой грозы переяславцы.

С каждым годом полнилась степь половцами. Их кочевые вежи, объединенные в огромные орды, заливали южные земли от края и до края. Сначала они перевалили через Волгу и появились на Дону, потом захватили кочевые угодья печенегов и торков и заняли причерноморские степи между Доном и Днепром, а потом, преследуя печенегов, дошли до Дуная и уткнулись в византийские сторожевые крепости. В то время напор половцев на Запад уже ослабел, и они принялись обживать огромные пространства, раскинувшиеся между Доном и Дунаем. Главные их кочевья расположились в степях, примыкавших к Черноморской луке — между Дунаем и Днепром. На Руси их называли лукоморскими половцами. У Днепровской же луки, по обе стороны порогов расселились приднепровские половцы. От Днепра до Нижнего Дона кочевали причерноморские половцы. Были еще половцы заорельские, кочевавшие между реками Орелью и Самарой. Донецкие половцы раскинули свои вежи между Северным Донцом и Тором, а по обоим берегам Дона жили половцы донские. И на всем этом огромном пространстве северные границы половецких кочевий вплотную подходили к русским землям. С тех пор как выбили половцы из степей берендеев и торков и как те, зажатые с двух сторон, заматались в диком поле и растворились — одни — уйдя под защиту русских крепостей и встав там на сторожевую службу, а другие — пропав без вести, — не было больше ничего между русской и половецкой землями. Встали они теперь друг против друга, и самым близким городом к половецкому полю стал Переяславль.

Скрипели в бескрайних южных степях половецкие телеги, взметалась к солнцу пыль от бесчисленных кочевых веж, десятки, сотни тысяч всадников готовы были по первому зову своих ханов двинуться в очередной грабительский поход. От пастбища к пастбищу, от одной земли к другой передвигались половецкие орды, все сокращая на своем пути. Зимой они уходили к югу, поближе к теплым черноморским берегам, а летом постепенно перемещались на север, их стада тучнели в ковыльных степях, и половцы подходили к самой кромке южнорусских лесов. Осенью же, когда кони были сыты, начиналась пора набегов, и горе было тем, кто вставал на пути кочевников. В поход поднимались все взрослые половцы. Их конные лавины внезапно возникали перед изумленным и испуганным вра-

гом. Вооруженные луками и стрелами, саблями, арканами, копьями, половецкие воины с пронзительным криком бросались в бой, стреляя на скаку из луков, засыпая врага тучей стрел. Сокрушив врага, они мгновенно исчезали, а на месте набега оставались развалины и свежий пепел, и тянулись вслед за кочевниками следы многочисленных пленников, которых они гнали на невольничьи рынки юга. Кочевники не любили сражаться с большими и хорошо организованными армиями. Напасть врасплох, смять численно слабого врага, подавить его, разъединить вражеские силы, заманить их в засаду, уничтожить — так они вели свои войны. Но если половцы сталкивались с сильным противником и вынуждены были отступить — они умели и обороняться: быстро составляли свои телеги в несколько кругов, покрывали их бычьими шкурами, чтобы враг не мог поджечь их, и, укрывшись внутри этого кольца, отчаянно отбивались от наседавшего неприятеля. Через проходы между телегами вырывались они порой конными отрядами на вылазки, сея ужас среди осаждавших. И если половцам удавалось огородить телегами свои вежи, сокрушить их оборону было трудно.

Многочисленные половецкие сторожки охватывали всю степь. Это были их земли, и они знали каждый день, каждый час, что совершается в их пределах и близко от них, на расстоянии нескольких перестрелов и в далеком приграничье. И едва появились они вблизи русских княжеств, как те почувствовали — за ними установилось постоянное и настойчивое наблюдение. Половцы знали буквально все: где находятся княжеские дружины, мирны между собой князья или ратны, как укреплены русские города и как поставлена у руссов сторожевая служба. За последние годы все чаще стали пропадать в диком поле русские сторожки: половцы обкладывали Русь, как зверя в берлоге. И, наконец, их выход состоялся.

Вопреки всем своим привычкам половцы двинулись на Русь зимой. И произошло это не случайно. То было время, когда руссы уивались своей победой над торками, торговали захваченным рухлом, пили и бражничали по городам и весям. Разошлись князья по своим столам, заперлись за стенами детинцев, распустили на отдых дружины. В морозные январские дни 1061 года притихла жизнь на Руси. Притихла она и в Переяславском княжестве. Мерзли на высоких холмах княжеские сторожки, сходили раньше времени со своих мест — думали дружинники: кто пойдет на Русь в такие снега и метели. Всеволод сидел в

теремном дворце за своими любимыми книгами, постигал их великие мудрости, княгиня в женской половине занималась вышиванием. И вдруг однажды под вечер с крепостных башен дозорщики увидели, как заметались в сумеречной степи огни, пламя поднималось высоко в небо, окрашивая его в нежно-розовый свет. И не успели переяславцы толком понять, почему же пылает зимняя степь, как оттуда посыпались к крепостным воротам люди. Одни скакали на неоседланных лошадях, другие бежали бегом полуодетые и разутые, иные были со следами пожарами на теле.

Владимир видел, как они вваливались в крепостные ворота, с безумными глазами крестились на церковные купола, плача, рассказывали о своих несчастьях.

Половцы вышли из степи в одну из последних январских ночей, вырезали заснувшие в землянках сторожки, не дали им зажечь сигнальные огни и растеклись облавой по переяславским землям. В Переяславле еще были мир и покой, когда половцы уже захватили окрестные села и деревни, ограбили церкви, повязали пленников, и теперь вся южная часть переяславской земли лежала в руинах. Половцы еще шли по русским селам, а их телеги, груженные добром, церковной утварью, уже тянулись на юг, а следом за телегами брели тысячи русских пленников — мужчин, женщин, детей.

Стон несся над переяславской землей.

Тревожную ночь провели горожане, опасаясь половецкого приступа, но половцы не появились вблизи города, а наутро переяславский полк уже был готов к походу. Всеволод решил выступить против степняков в одиночку: пока доскачут гонцы до Чернигова, Кисва, Полоцка, половцы натворят много беды, да и не доедут гонцы — все дороги под городом переняты половецкими сторожками.

1 февраля княжеская дружина и вой во главе с тысяцким потянулись из крепостных ворот в поле, и снова их провожал весь город. И снова в тревожном ожидании застыли люди в каждом доме, и тревога эта была больше прежней. К войнам с торками и берендеями привыкли, с ними в течение долгих лет уже научились воевать и научились держать их в страхе. Здесь же надвигалась неведомая страшная гроза, враг был велик числом, беспощаден и свиреп в бою; об этом рассказывали бежавшие под ударами половецких те же торки.

Владимир так и запомнил те дни: зарево далеких пожаров, опоясавшее в сумерках Переяславль со всех сто-

рон, быстрые сборы русской рати, тревога, разлитая в воздухе, видевшаяся в глазах людей, слышавшаяся в их тихой, приглушенной речи, а потом тягостные часы ожидания известий об исходе сражения.

3 февраля беспорядочные толпы руссов появились близ городских ворот. Маленький княжич видел с крепостной стены их испачканные кровью и грязью брони, разорванные плащи, помятые от ударов половецких сабель шишаки, пробитые стрелами щиты. Понурые и усталые входили они в город, и тут же по улицам, на соборной площади заголосили, запричитали женщины.

Позднее в окружении конной дружины подъехал к крепостным стенам сам князь Всеволод, и следом за ним наглухо закрылись крепостные ворота. Не расходясь по домам, воины во главе с князем поднялись на крепостные стены, а из степи уже выезжали передовые половецкие отряды. Издали Владимир видел их низеньких, лохматых, словно игрушечных, лошадок, пушистые треухи всадников, колчаны со стрелами, висящие у них за спиной.

Половцы не стали терять время на осаду сильной Переяславской крепости: перед ними лежала беззащитной вся переяславская земля. С крепостных стен было видно, как их вежи обтекали город со всех сторон и уходили к северу, где их еще не ждали.

Вечером за притихшим столом Всеволод рассказал домочадцам, как вчера, 2 февраля, бесчисленная рать половецкого хана Искала обрушилась на малочисленную переяславскую дружину и полк, как отчаянно отбивались руссы от наседавших врагов, но в конце концов не выдержали натиска и стали отходить.

— Если бы побежали мы, — тихо говорил князь, — то уже не сидели бы здесь: на арканах тянули бы нас на юг. Отходили и отбивались на ходу, и понял Искал, что не взять нас живыми, а своих воинов не хотел губить, бросил нас и повел вежи далее по селам и деревням. Нет, нельзя против половцев выходить столь малыми силами.

Несколько дней еще жил Переяславль тревожной неизвестностью, несколько дней страх и беспокойство царили в княжеском дворце. Со всей силой постиг этот страх в те дни и восьмилетний Владимир. Он понял, что есть в этом мире зло, против которого не защитит ни отцовская любовь, ни материнская ласка, ни пестун, ни боярин Гордята. И противостоять этому злу можно только мечом. Сила должна гнуть силу. Твоя рать должна быть сильнее и многочисленнее, меч острее, щит и броня крепче, конь

выносливее, воинский дух, смелость выше, чем у врага. Если нет этого, то тщетно выходить на рать с сильным врагом. Тогда гибель твоя, твоей семьи, твоего народа неизбежны.

Но дни прошли, и сторожи донесли в Переяславль, что, замерзнув в сожженных русских селах, половцы ушли на юг к своим постоянным становищам. И тогда князь Всеволод выехал из стольного города осмотреть округу. Ехали в санях в сопровождении конной дружины. Владимир сидел рядом с отцом, закутавшись в баранью шубу, всматривался в мглистую, стылую дорогу.

Знакомство уже с первыми близлежащими поселениями показало всю губительную силу половецкого набега. Стояли спаленные дотла дома, и лишь торчащие среди пепелищ очаги указывали, что здесь жили люди. Половцы разорили и сожгли подгородную княжескую усадьбу, села, принадлежащие самому князю и княгине. Теперь неизвестно было, с кого брать налоги и виры, сколько людей осталось в живых и где они обретаются. Целый день обжесточил князь подвергшиеся удару врага селения, и не напрасно. То там, то здесь, увидев проезжающего князя и его дружину, выползали из каких-то неведомых углов, лесных чащоб, из высоких сугробов люди — промерзшие, с узелками в руках, со скорбными глазами. А в других местах уже начинали стучать топоры. Оставшиеся в живых валили деревья для постройки новых изб, амбаров, бань. Медленно оживала переяславская земля.

ПЕРВЫЙ ПУТЬ

Половцы ушли, и переяславская земля начала зализывать нанесенные ей раны. Всю зиму везли смерды мимо города лес на постройку изб, бойко стучали в округе топоры и пели пилы. Леса на северных границах княжества было много, а потому крестьяне окрестных сел, деревень, погостов к весне уже сумели поставить незамысловатые рубленые клетки.

Князья и бояре, покряхтывая, доставали из своей казны серебро, отстраивали заново свои подгородные усадьбы, сужали деньгами смердов своих княжеских и боярских сел. Всю весну тиуны сбивались с ног, возрождая нарушенное половцами хозяйство. Многие из того, что взяли переяславцы у торков прошлой зимой, было ныне потрачено на эту спорую и необходимую работу.

Всеволод учил в те дни сына: «Переменчива жизнь. Вчера мы были победителями, сегодня побил нас. И не

раз еще так будет в жизни. Она поворачивается как колесо — то счастливым, то несчастливым боком — все катится и катится вперед. И если плохо тебе придется в жизни — не унывай, знай, что повернется снова ее колесо и засияет для тебя солнце. Вся ведь жизнь состоит из тени и света, потому и не скучно людям жить, все время они между радостью и страхом, между отчаянием и надеждой».

Всеволод ласково смотрел в голубые глаза сына, усмехался. «Ну да пока выкинь все это из головы, молод ты еще для этих мыслей, а сейчас запомни: пока смерд у тебя имеет избу, пока он сыт и при коне, орает землю, до тех пор будут у тебя люди в полку, будет хлеб в твоих княжеских амбарах и мед в твоих медушках, но если обнищает и разорится смерд — тогда и княжескому хозяйству грозят неисчислимые беды».

Половцы затихли, но тревога не ушла из княжеского дворца. Всю весну, лето и осень скакали гонцы из Чернигова в Переяславль, а оттуда в Киев и обратно. Владимир видел, что все чаще тень заботы не сходила с лица князя Всеволода. Сыну было уже девять лет, и нередко беседы с гонцами, которым Всеволод наказывал передать свои речи то Святославу в Чернигов, то Изяславу в Киев, то Всеславу в Полоцк, князь проводил в присутствии княжича.

Беспокойство нарастало на Руси. Великий князь Изяслав все больше подпадал под влияние ляхов, которые окружали теперь не только его жену, но и его самого. А вместе с ляхами все больше проникало на Русь латинство, влияние римского клира. Монахи Печерского монастыря все чаще выражали великому князю свое недовольство. Запершись в уединенной келье, Антоний вещал братии, что великие напасти ждут Русь, если она преклонит колена перед еретиками, а монах Никон, который день и ночь трудился над летописным сводом, записывая на пергамент все, что знал о жизни славянских племен и о деяниях князей Рюрикова корня, — тот открыто обличал в ереси и отступничестве от православной веры самого великого князя. И когда Изяслав пригрозил монаху наказанием, святой отец бежал из Киева в Тмутаракань. По пути он был гостем Святослава черниговского и Всеволода переяславского.

Князь Всеволод хмуро слушал медленную, но твердую речь Никона.

— Надо бороться, князь, — говорил монах, — по

своим гнездам не отсидитесь, когда чужеземцы захватят главное наше гнездо — Киев. Уже сейчас они верховодят за спиной великого князя Изяслава, прикрываются его именем, расставляют повсюду своих людей из киевлян. Уже и тысяцкий и посадник гнут в сторону латинства, а там наступит очередь других городов. Пропадет с таким трудом собранная Русь.

Всеволод думал о другом. К нему что ни месяц шли гонцы из Константинополя. Греческий патриархат очень надеялся, что третий Ярославич, зять византийского императора, надежда и опора истинного православия на Руси, не допустит усиления в Киеве проклятых еретиков.

Всеволод, давно и тесно связанный с византийским двором, просто не мог смириться с тем, что митрополита Ефрема при дворе Изяслава все более оттесняли от дел государственных, и он находил душевное отдохновение здесь, в Переяславле, на далекой русской окраине. А Святослав все слал и слал гонцов к младшему брату, обличая Изяслава не только в ересь, но и в прямой измене. «Великий князь, — наказывал Святослав передать Всеволоду, — рушит отцовский завет. Вот он уже захватил Новгород — прирожденную отчину Владимира Ярославича, подмял под себя Туров, свел Ростислава из Ростова и Суздаля и готовит захват этих столов под свою руку. Нельзя медлить, князь, Ростов и Суздаля — испокон веку принадлежали переяславскому столу, посылай туда Владимира, дай ему с собой добрых бояр. Изяслав вместе с Всеславом полоцким замышляют извести нас, своих братьев, и захватить всю Русскую землю».

Сеял Святослав семена злобы и ненависти в сердце Всеволода, и тот, гневясь, запалился сердцем против князей киевского и полоцкого.

Дурные вести шли и с венгерского порубежья из Владимира-Волынского. Там сидел сведенный из Ростова и Суздаля Ростислав Владимирович. Он женился на Ланке, дочери венгерского короля Белы I, и она родила ему вслед за старшим сыном Рюриком еще двух сыновей — Василько и Володаря. Теперь Ростислав силен не только своей силой, но и силой своего тестя — венгерского властелина. Доходили слухи, что Ростислав будет искать для себя нового, более почетного стола, чем далекий Владимир-Волынский. Он говорил, что после смерти Игоря Ярославича вот уже столько лет свободен смоленский стол, и почему бы не отдать этот стол ему, сыну старшего Ярославича.

Беспокойство усилилось, когда в Переяславль дошли слухи о том, что Волхов пять дней тек вспять. Это было плохое знамение. И вскоре оно оправдалось. Из Полоцка вышел Всеслав и сжег Новгород, и тут же пришли вести из Владимира-Волынского. Белокурый красавец Ростислав поднял оружие против братии и бежал в Тмутаракань.

Было это в 1064 году, когда Владимиру Мономаху исполнилось одиннадцать лет. Он живо вспомнил заносчивые взгляды Ростислава, настороженность при виде его старших князей — братьев. Теперь Ростислав скакал к морю, минуя черниговские и переяславские земли, а вместе с ним гнали коней на восток преданные ему дружинники, сбитые вокруг него еще при отце в Новгороде, а позднее — в Ростове и во Владимире. С ним ушли в Тмутаракань и два его ближних боярина — Вышата, который служил еще его отцу и водил при нем княжескую дружину, и Порей — видный киевский воевода. Оба были недовольны старшими Ярославичами, особенно Изяславом, нарушившим их законные права в Новгороде и Киеве, и теперь князь-изгой и его бояре мечтали укрепиться в Тмутаракани, вдали от Киева.

Тмутаракань манила к себе всех обиженных и обойденных. Здесь, на юго-восточной окраине Руси, вблизи дикого поля, рядом с византийским Херсонесом князья не чувствовали на себе властной руки киевского князя. Приятно тревожили и воспоминания о былом. Разве не здесь, в Тмутаракани, сидел удачливый брат Ярослава Мстислав Владимирович, который захватил у Киева половину его земель и провел границу по Днепру. Разве не отсюда ходил он со своей удалой дружиной на ясов и касогов, рубился в поле с печенегами, прославив Русь своими подвигами?

Ростислав не хотел более ждать и выглядывать из-за плеч старших Ярославичей: мечом решил он добыть себе место среди Ярославова племени.

И разом всколыхнулись Киев, Чернигов и Переяславль. Изяслав боялся, что захочет Ростислав вернуть Тмутаракани прежнюю Мстиславову славу, Святослав черниговский был в ярости оттого, что посягнул Ростислав на его родовую отчину, где сидел его старший сын Глеб. Заволновался и Всеволод, ведь Ростислав, княживший в его владениях — Ростове и Суздаля, мог теперь, опираясь на удалую дружину, отвоевать себе эти столы.

В Переяславль пришли гонцы из Византии. Греки

просили передать русским князьям, что им вовсе не хочется видеть рядом со своими владениями столь скорого на рать князя, и они готовы действовать против него заодно с Ярославичами.

А Ростислав тем временем ворвался в Тмутаракань, выбил оттуда Глеба и захватил тмутараканский стол. И тут же, не дожидаясь помощи других князей, Святослав двинул свою дружину на юг.

Внимательно следили за этой межкняжеской схваткой в Киеве, Переяславле, Полоцке и иных русских городах.

Не стал Ростислав биться со своим стрелем. Добровольно вышел из города, вывел в поле свою дружину, позволил Глебу опять сесть на тмутараканском столе. Но едва Святослав ушел обратно в Чернигов, как Ростислав вновь выбил Глеба из Тмутаракани.

Теперь князь Всеволод говорил Владимиру Мономаху: «Смотри, князь, на своих врагов. Смотри, как мужают они. Ростислав и маленькие Ростиславичи, если не задуть это семя в зародыше, отнимут у тебя не только Ростов и Суздаль, но Переяславль».

И в душе Владимира пробуждалось недоброе чувство к только раз виденному им Ростиславу Владимировичу и неведомым еще для него маленьким его сыновьям Василько и Володарю.

...Изяслав в ярости ходил по палате в своем теремном киевском дворце, кричал, что все князья обманывают его, великого князя, поровят развалить Русь, не слушают его княжеского слова, что от Ростислава — этого глупого кудрявого забияки — только и можно было ждать всяких пакостей. Теперь вместо того, чтобы заниматься делами государскими, нужно собирать рать, помогать Святославу утишить расхордившегося племянника. А тут с юга пришли новые вести. Киевские сторожи донесли, что в обход переяславских границ половецкий хан Искал шел на киевские земли.

По очереди обирал Искал русские земли: с переяславских сел и городов теперь многого не возьмешь, многие из них стоят голые и обгорелые до сих пор, а там, где руссы отстроились, избы все равно стоят пустые. Иное дело земли киевские; давно не были здесь иноземцы, полна киевская земля разным добром.

И пришлось Изяславу, позабыв княжеские распри, спасти Русь от половцев. Попал Искал на Русь в неудобное для себя время. В Киеве наизготове стояла рать, подготовленная к походу на юг, и теперь, едва весть о вы-

ходе половцев достигла Киева, и дружина и полк вышли навстречу им на реку Сновь. Там 1 ноября 1064 года половцы и натолкнулись на киевскую рать. Отяжеленные захваченной добычей, уверенные в том, что руссы еще далеко, так как не успели собрать людей под княжеские стяги, половцы не побеспокоились о сторожах, не успели изготовиться к бою. Тут их и настигли руссы. Половцы не смогли развернуть свою конницу облавой, пошли с руссами в рукопашный бой, и руссы начали теснить их, а потом с громким криком навалились сильнее, и побежали половцы. Двенадцать тысяч пало их на берегу застывающей реки; погибли в битве многие знатные всадники и вместе с ними сам Искал.

Сотни пленных, табуны лошадей, горы всякого добра захватили воины Изяслава. Но не радовался киевский князь, знал, что наступит день и придут половцы отомстить за своих сородичей и надо ждать их скоро.

Гонцы с вестью о победе на Снови поскакали в Чернигов и Переяславль. Они же везли и предупреждение князьям, чтобы ждали большого половецкого выхода, готовились, опасались.

Получив это известие, забеспокоился и Всеволод, приказал воеводам усилить сторожевую службу, сам не раз вместе с Владимиром выезжал по ночам к Змиевым валам.

В непроглядной темноте скакали всадники в диком поле, пока не натыкались на оклики сторожей, потом сидели с воинами в их теплых землянках, расспрашивали, чем живет степь, были ли видны половецкие сторожи, а если да, то где, откуда ждать очередной половецкий выход.

Говорил в те дни отец Владимиру, чтобы никогда не полагался он на воевод и разных служилых людей, а чтобы во всем полагался только на себя: «Сам не проверишь, князь, сторожи, крепости, оружие, — никто за тебя это не сделает. Передоверишься людям — не оберешься беды. Князь должен быть хозяином во всем». Владимир внимал отцу, удивлялся, что тот все чаще называет его князем, учит таким жизненным хитростям, о которых он в свои юные годы и не помышлял. И с каждым днем постигал теперь Владимир всю сложность и жестокость жизни, всю ее страшную беспощадность к ошибкам, слабостям, колебаниям, легкомыслию.

А на Волыни разгорался пожар междоусобицы. Ростислав попытался отпразднить свою жену и сыновей в Вен-

грию к Беле I, но Изяслав упредил его: великокняжеский отряд занял Владимир-Волынский. Ланке Изяслав позволил уехать к отцу, а сыновей Ростислава задержали на Волыни, и они оказались в руках киевского князя. И сразу утих Ростислав — не на Киев, Чернигов и Переяславль направил он свою рать, а на окрестные народы: покориł касогов и возложил на них дань, повоевал иные близлежащие страны. Все чаще и чаще задевала его дружина византийские границы.

В Херсонесе боялись нашествия русского князя. И тогда совершилось великое злодеяние, о котором шепотом рассказывали в переяславском княжеском дворце: херсонесский стратиг отравил князя Ростислава.

Владимир хорошо представлял себе этот шир, в тмутараканском княжеском дворце, куда был приглашен византийский наместник. Столы ломились от яств и дорогих вин, и стратиг поднял чашу за дорогого друга князя Ростислава и отпил из чаши половину, а другую половину отдал князю и при этом дотронулся ногтем до края чаши и выпустил из-под ногтя смертное растворенье.

На восьмой день должен был умереть Ростислав. Так сказал стратиг своим людям, вернувшись в Херсонес. И на восьмой день умер тмутараканский князь. А на его место вновь сел старший Святославич — Глеб.

Сразу одной заботой меньше стало у Ярославичей. Ушел из жизни смелый и опытный противник.

Владимир спросил у отца, не покарал ли бог стратига за такое коварство: ведь он поднимал чашу за здоровье Ростислава, а сам уже готовил его смерть. Всеволод задумчиво посмотрел на сына, сказал уклончиво: «А что хотел бог в это время, может быть, он уже звал князя к себе и срок того на земле уже истек, кто знает. Ведь все predeterminedо свыше».

— Когда сам станешь князем, то поймешь, что ныне власть нельзя сохранить только честью. Избави тебя господь, сын мой, но думаю, что и тебе придется испытать горькую чашу душевных мучений, когда станешь выбирать свой путь в борьбе с врагами. Власть любит людей, которые способны идти без оглядки. Увы, но власть любит также людей скрытных и лживых, коварных и смелых. Зри — простодушие, искренность и власть никогда не идут вместе. А стратиг... его побили камнями херсонесцы. Ведь они боялись, что дружина Ростислава отомстит за него и разорит город».

А знаменья все продолжались, предвещая всякое худо.

В небе показалась звезда, будто истекающая кровью, и говорили люди, что знамение это — к крови, к междоусобицам и к нашествию иноземцев. В то же время переменилось солнце, чернота застила его свет, и казалось, что кто-то снедает его.

Тогда записал летописец под 1065 годом: «Знаменья бо в небеси, или звездах, ли солнца, ли птицам, ли етером чим¹, не на благо бывает, но знаменья сице на зло бывает, ли проявление рати, ли гладу, ли смерть проявляют».

И правду сказал летописец, потому что в этот же год вслед за Ростиславом выступил против старших Ярославичей Всеслав — князь полоцкий. Он напал на Псков, а на следующий год вновь подступил к Новгороду. Яростен был удар Всеслава по Изяславовым владениям. Полоцкая рать ворвалась в город и пошла по дворам, хватая жителей в плен, уводя их в холопство и на продажу, грабя дома и храмы. Всеслав не пощадил и святой Софии Новгородской — приказал снять с нее колокола и увезти к себе в Полоцк, а из самого храма люди Всеслава вынесли паникадила.

И снова гонцы поскакали по Руси с тревожными известиями, передавая речи князей друг другу. Что делать, куда направить рати? На юге беспокойно живет Тмутаракань, на севере Всеслав, совершив дерзкий выход, мрачно сидит в своем Полоцке, ждет, что будут делать Ярославичи. Стоят открытые столы в Ростове и Суздале, Владимире-Волынском и Смоленске.

Наступил 1066 год. В Тмутаракани наконец воцарился мир, Глеб вернул себе престол, но тревога на Руси не утихла. Владимиру Мономаху исполнилось тринадцать лет.

Едва подсохли дороги и пробились пути из Переяславля на север, князь Всеволод призвал к себе сына и приказал ему собираться в дорогу: «Поедешь в Ростов и будешь держать там нашу исконную переяславскую отчину — ростово-суздальский стол. Ты уже не отрок, а взрослый князь, многое уже ты видел, многое знаешь; правда, сердце у тебя мягкое, пылкое, ну да жизнь тебя выправит, закалит, подскажет, где и как показать себя».

Всеволод сказал сыну, что с Всеславом полоцким началась настоящая война; князь не идет на мировую, гонит гонцов прочь, хочет отложиться от Киева, не при-

¹ Или с чем иным.

знает Ярославичей за старших князей, рушит все, что завещал детям Ярослав Владимирович. Его же, Владимира, дело — строго блюсти порядок в ростово-суздальской земле, управлять ею по совести и по разуму, готовить рать против Полоцка: не сегодня завтра Ярославичи не на жизнь, а на смерть схватятся с Всееславом.

Вместе с Владимиром князь Всеволод посылал опытных своих дружинников, часть младшей дружины и Владимира друга Ставку Гордятича.

Через несколько дней в шестом часу утра конный отряд потянулся через крепостные ворота на север. Впереди ехали старшие дружинники, за ними — князь Владимир Всеволодович и Ставка Гордятич, далее шли телеги с княжеским и боярским добром, посудой, одеждой, другим рухлом, замыкала строй младшая дружина.

Выехав за ворота, Владимир оглянулся: пустынно в это время были переяславские валы, закрыты окна домов, лишь в княжеском тереме одно из окон было открыто. В темном его проеме смутно белела чья-то фигура. Владимир не видел лица, но знал твердо, что это мать поднялась на верх терема и теперь провожает сына в его первый взрослый княжеский путь. Ему захотелось снять шапку и помахать ей на прощанье, но он покосился на суровые лица всадников и лишь отпустил узду, ускоряя ход коня. Скоро Переяславль едва виднелся у края неба темной полосой, а вскоре исчезла и она.

Всего одну строку напишет под старость лет в своем «Поучении» Владимир Мономах об этом своем пути: «Первое к Ростову идох, сквозе вятиче, посла мя отец». Но и в молодые годы и позднее, будучи уже видным на Руси князем, он будет помнить этот свой первый путь от ворот переяславских до ворот ростовских.

Отряд миновал поле, и вскоре пошли перелески и дубравы. Все это была еще земля переяславская привольная, открытая и веселая. Но через несколько дней пути все переменилось: гуще и сумрачней становился лес, все меньше было света вокруг, и наконец лес надвинулся со всех сторон сплошной чернотой, застил и землю, и небо, и воздух, обнял всадников прелым сладким запахом, постелил им под ноги мягкие, неслышные мхи.

Вначале путники ночевали в небольших селах, что в этих северных краях уцелели от Искалова разгрома. Здесь стояли рубленые четырехстенные избы; в них было тепло и сухо. Смерды угощали князя и его людей чем бог послал — молоком, яйцами, медом. В одном из сел

Ставка Гордятич, остановившись на постой в избе, отнял у хозяина барана и несколько кур, приказал зажарить их на вертеле для себя и своих людей. Подняли шум люди Ставки Гордятича возле дома, завывала в голос хозяйка избы.

Владимир в это время сидел за трапезой. Он быстро вышел на шум, подозвал к себе дружинников Ставки, велел им оставить живность в покое, а потом вошел в избу к Ставке. Тот был на два года старше Мономаха, повыше его ростом — совсем взрослый воин. Он сидел на лавке, пил мед и ждал, когда люди принесут ему жаренное мясо.

Владимир подошел к своему другу, загораясь от возбуждения, сказал ему, срываясь на крик: «Боярин, прикажи своим людям оставить смердов. Мы не половцы, и они не враги наши. Ограбим их, кто будет платить положенную дань — и бараном, и курицей, и яйцом, и медом, и воском, и скорой?»

Ставка, захмелев, пытался усадить князя за стол, вновь вернуть его к товариществу, но тот упрямо стоял на своем: «Оставь, боярин, прикажи своим людям уйти со двора, не то я велю своей дружине выбить их отсюда».

Ставка смотрел на Владимира. Тот стоял — вскипевший, беспокойный отрок с горящими голубыми глазами, с дрожащими от гнева руками и крепко сжатыми губами. Ставка опустил голову и вышел из избы...

В лесной чаще селения исчезли, и путникам приходилось располагаться на ночлег прямо на земле.

Дружинники клали на мох еловый лапник, сверху стелили попоны, ковры, и ложе для князя было готово. В изголовье клали седло. Так Владимир провел несколько ночей.

Потом пошли земли вятичей.

Среди лесов вдруг открывались тихие реки, а вдоль их берегов стояли рубленые желтые избы, и сизие дымки от их очагов уходили в темноту леса. Из изб выходили молчаливые люди — бородатые, в лаптях мужчины, закутанные в платки до самых бровей женщины. Смотрели светлыми глазами на проезжавших путников. Иногда им встречались небольшие отряды воинов, вооруженных боевыми топорами, вилами, палцами, одетых в кожаные латы. Они так же молчаливо смотрели на Мономахову дружину, шли некоторое время следом, затем растворялись в лесной чаще. Чем ближе переяславцы подвигались к Ростову, тем гуще шли лесные поселения и на до-

рогу выходило больше молчаливых светлоглазых людей.

Отец предупреждал Владимира, что с вятичами зади- раться нельзя. Хотя и покорены они были еще Святосла- вом и признавали власть Киева, но многожды с тех пор воевали против киевских князей, стремясь вернуть свои вольные порядки и освободиться от обременительной ки- евской дани. На вятичей ходили походами, их снова по- коряли, но они отсиживались в своих лесах и вновь бра- лись за топоры и палицы.

Ставка Гордятич был недоволен тем, что вооруженные вятичи шли следом за пугниками. Он хватался за меч, обещал разнести холопов, но Владимир тихо и настойчи- во убеждал Ставку не заводить свары: «Убьешь двух- трех, — говорил он своему другу, — оставшиеся в жи- вых разбегутся, а ночью всех нас вырежут, а ведь нам до Ростова доехать надо», — и улыбался мягкой улыбкой, щуря голубые глаза. Отец учил его, что сидеть в Росто- ве и Суздале надо тихо: вятичи требуют чести и уваже- ния, и тогда с ними легко говорить, и теперь Владимир старался выполнять советы отца.

* * *

Ростов вырос среди лесов неожиданно — высокая, рубленая из тяжелых бревен стена с частоколом на ней, островерхие крыши деревянных домов, теремов, церк- вей — крепкое, ядреное, чистое дерево.

С этого дня началась для тринадцатилетнего Владими- ра самостоятельная и нелегкая княжеская жизнь.

Перед отъездом Владимира на север весь вечер гово- рили они с Всеволодом о том, как жить молодому князю в Ростове, как хозяйничать, с чего начинать.

А начинать отец наказывал с создания полка. Пред- стоит тяжкая борьба с Всеславом. Он князь удалой, жи- вет, говорят, волхвованьем, и взять его трудно. За ним стоят удалые же полочане, минчане и люди иных тяну- щих к Полоцку городов. Выходить против него можно лишь едиными силами всех Ярославичей и с подмогой, какую бог пошлет. А его, Владимира, дело — изготовить против Всеслава ростово-суздальскую дружину и полк вятичских горожан и смердов.

Всеволод сказал сыну, что он вместе с Изяславом и Святославом решил ударить по землям Всеслава к зиме 1067 года, едва соберут свои рати, а потому он, Всеволод, вскоре после отъезда Владимира двинется к Курску,

где они со Святославом условились встретиться перед по- ходом против полоцкого князя.

Теперь, сидя в незнакомых, таких маленьких, тесных, но так приятно пахнувших живым деревом хоромах, Вла- димир вспоминал лесных вятичских воинов, которых ему надлежало вести на Полоцк. Как говорить с ними? Как привлечь к себе? Здесь силой гнуть нельзя, можно само- му сломаться, да и хватит ли силы-то — у него пятьде- сят человек дружинников, да и у Ставки Гордятича два- дцать человек. А ему очень не хотелось появиться среди князей с худшей, чем у других, ратью. Владимир вдруг почувствовал, как в его душе пробуждаются те же трево- ги, которые заботили его отца, князя Всеволода, там, в киевской Софии. Он вдруг почему-то вспомнил, как отец негодовал, когда Святослав выдвигался на хорах впереди своей братии, как зло смотрел на Ярославичей Ростислав. Теперь Владимир стал понимать, что он никогда не со- гласится быть последним среди них. И пусть он сын младшего Ярославича, пусть трудно ему будет среди большого Ярославова рода, но ведь в конце концов до- бивается тот, кто очень хочет чего-то добиться.

Исподволь, осторожно начал молодой князь увеличи- вать число своей дружины, приглашал к себе в хоромы местных боярских детей, смутно обещал предстоящие по- ходы (боялся открыть намерения старших князей), рас- суждал о воинской славе и доблести. Дети боярские хмуро слушали восторженного мальчика, бредившего, как им ка- залось, ратными подвигами, уходили прочь. После Ставка говорил с укором Владимиру: «Не об этом с ними надо толковать, князь. Обещай им добычу — рухло, серебро, дорогие ткани, челядь, красивых полочанок, — тогда пойдут они за тобой». Владимир слушал Ставку, и все поднималось в нем против его советов: разве можно та- кими жестокими и нечестивыми речами привлекать лю- дей, разве можно разжигать в них ненависть и жадность?

Но время шло, подступала зима, а княжеское войско пополнялось плохо. И тогда он позвал к себе воеводу и спросил, что надо сделать для того, чтобы люди сами со- гласились пойти с ним на рать. Воевода сказал коротко: «Обещай им, князь, десятую часть всей добычи и отдание на поток захваченных домов».

После этого разговора Владимир долго размышлял, со- мневаясь, совестился сердцем, но деваться было некуда, и он сказал воеводе: «Пусть будет так».

С людьми незнатными и неродовитыми был другой

разговор. Этим Владимир просто приказывал быть наизготове к зиме, если не хотят опалы.

Особые речи вел он с тысяцким — начальником ростово-суздальского ополчения. Как поднять ремесленников и смердов? Как заставить хотя бы некоторую их часть взяться за оружие, чтобы усилить небольшую княжескую дружину? Владимир с тысяцким решил быть откровенным, после разговоров с воеводой дело у него пошло легче.

— Будем брать зимой на щит полоцкие города, люди в случае победы получают десятую часть всей добычи: куны, рухло, пленников — мужчин, женщин, детей.

К зиме Владимир почти на пустом месте сумел создать небольшую, но крепко сбитую рать из его увеличившейся княжеской дружины, людей Ставки Гордятича и городского полка. Почти каждого воина князь знал в лицо, и каждый из них знал, куда и зачем зовет их Владимир. А звал он, как наказывал отец, отомстить полочанам за разгром Новгорода, за поругание святой Софии. Но уже начинал понимать юный князь, что одними благими призывами нельзя поднять людей в тяжелый поход. Люди не пойдут на смерть ради непонятных и далеких целей. Что для них святая София, когда многие не видели ее и в глаза? Что для них Всеслав, когда никому из них он лично не грозил и не отнимал у них имений, землю, скот и не пленил их?

Поэтому все чаще просил князь своих людей рассказывать ратникам о богатствах и красоте полоцких городов, о полных разной утвари домах тамошних бояр и дружинников, о набитых снедью амбарах. И сам он зачастую говорил своим людям о добыче, которая ждет их в этом походе, и видел, как внимательно слушают его дружинники, как крепнет в них желание подняться в ратный путь.

К зиме 1067 года Ярославичи изготовились к войне с Всеславом, и Всеволод послал к сыну гонцов. Гонцы, пройдя сквозь застылые вятчские леса, по еще неглубокому снегу пришли в Ростов к исходу декабря и передали Владимиру речи Всеволода. Отец приказывал Владимиру привести ростово-суздальскую рать под Минск к концу января. Туда же к этому сроку подойдут рати из Киева, Чернигова, Переяславля и иных, младших городов. Оттуда и начнется война с Всеславом.

В начале января над русскими лесами прошли обильные снегопады, и снег не только плотно укутал землю и

все сущее на ней, но и прикрыл все дороги, ведущие из Ростова в другие княжества. Потом ударили лютые морозы. Птицы падали прямо с небес заледенелыми комками, лес трещал под напором небывалого холода, потрескивали и стены рубленых ростовских хоромов, дым из жарко натопленных печей поднимался ввысь стройными сивыми свечами и так и стоял недвижно в морозном воздухе.

Владимир оглянулся на застывший, зарывшийся в снегу город, снял меховую варьгу, перекрестился на видневшиеся из-за крепостных стен деревянные купола храма и тронул поводья: ростово-суздальская рать двинулась в свой первый с новым князем поход.

Владимир ехал верхом, одетый в теплую меховую шубу, в теплых же небоевых валяных сапогах. Его броню, шлем, щит везли в санном обозе, который следовал за ратью. Так же в теплой одежде без брони ехали верхами и дружинники. Но все были при мечах — таково было распоряжение князя; а впереди основной рати была выслана небольшая сторожка для разведывания пути — жизнь на границе дикого поля приучила Владимира к осторожности, и теперь он свои переяславские привычки перенес на ростово-суздальский север.

Он ехал впереди своих воинов, рядом колыхался свернутый княжеский стяг. Владимир как бы смотрел на себя со стороны: вот он уже не мальчик, не княжеский сын, а самостоятельный взрослый воин, и все эти люди, что едут за ним следом, прислушиваются к его словам, выполняют все его указания и не на потеху, не на прогулку с пестуном к Змиевым валам едет сегодня Владимир, а на настоящий бой со славным и известным по всей Руси воителем — князем Всеславом Брячиславичем. Сердце его замирало от счастья и тревоги, и он понимал, что отныне совсем кончается его детство и начинается какая-то другая для него жизнь, полная чувств, которые ему еще не доводилось изведывать.

Ехали от восхода до захода солнца с частыми, но небольшими привалами; грелись у костров, ночевали по селениям, куда заранее приходила сторожка и готовила почлег для князя и всей рати. В первом же селе, где остановились Владимировы воины, по домам снова начался крик, а потом к избе, где остановился князь, побежали с жалобами на ратников здешние мужчины и женщины. У одних воины забрали кур; у других закололи на пищу бычка; у третьих вытащили из медуши кадку с медом.

Владимир накинул на плечи шубу, вышел на крыльцо, сказал воеводе и тысяцкому: «Уймите воинов. Если будем грабить своих людей, то не то что до Минска — свои леса не пройдем». Не кричал, не срывался, как несколько месяцев назад в вятичских лесах. Сказал тихо, спокойно, но твердо, потому что убежден был в правоте своих слов. И поседелые воевода с тысяцким склонили головы в знак согласия с князем.

О приближении к Минску они узнали по многочисленным кострам, которые воины Ярославичей разложили вокруг города и около которых обогревались. В сумерках огни бросали розовые отблески на ослепительно белый снег, и казалось, что все поле под городом покрыто бледно-розовым ковром, по которому бежали от качающихся огней темные тени.

Рать Владимира в молчании прошла мимо говорливых киевлян, мимо задиристых черниговцев, которые и здесь насмешками, острым словом старались задеть ростовцев и суздальцев. Но вот и переяславская рать. Послышались дружеские голоса, воины Владимира узнавали своих друзей, родственников. Здесь была своя, переяславская отчина, хотя и находилась она в полоцкой земле.

Владимир прошел в шатер к отцу. Тот сидел на походной скамье, закутавшись в огромную меховую шубу. В качающемся пламени свечей блестели глаза близких отцовых дружинников, пар от их дыхания поднимался к вершине шатра, оседал инеем на стенах.

Наутро в шатре князя Изяслава Ярославича состоялся совет. От нагретых на кострах камней в шатре было тепло. Князья сидели без шуб и шапок в походных одеждах. Несколько лет не видел их Владимир, со времени памятной службы в соборе святой Софии. Изяслав был все так же суетлив и многословец, неуверен в движениях, говорил и постоянно обращался к князьям за сочувствием. Святослав черниговский располнел лицом, плосковатый нос его еще более расплылся по лицу, маленькие глазки смотрели строго и со значением, раскинутые на обе стороны лба волосы по-прежнему были густыми, темными, но когда князь поворачивал голову, то сзади на затылке видна была большая прошлешина, которую Святослав тщательно прикрывал волосами. Всеволод спокойно и внимательно слушал говорившего старшего брата, Святослав же все время перебивал его, значительно поджимал губы. Казалось, что у него была лишь одна забота — как бы кто из князей не подумал, что он, второй Ярославич, —

и по рождению, и по чину, и по уму стоит ниже Изяслава, и Святослав пыжился, надувался, не следил за делом, а следил лишь за тем, как он сам воспринимался сидевшими в шатре князьями и воеводами.

Владимир вспомнил, как Святослав старался выступить вперед, встать перед другими князьями в Софийском храме, и теперь Мономах с сожалением смотрел на болезненные усилия Святослава словом, жестом подчеркнуть свое значение среди других князей Ярославова рода. Рядом с Изяславом сидел его сын Ярополк, а из-за спины Святослава выглядывали его старшие сыновья Глеб, Олег, Давид и Роман. Глеб привел с собой тмутараканскую дружину, остальные Святославичи еще не имели столов и поэтому особенно заносчиво поглядывали на Ярополка Изяславича и Владимира Мономаха. Святославичи пошли в отца — завистливые, тщеславные, себялюбивые. Владимир с интересом смотрел на своих двоюродных братьев. Он был младшим среди них. И вдруг у него промелькнула мысль, и он даже вздрогнул, будто укололся об нее — так это сколько же ждать ему, Мономаху, внуку византийского императора, первенства в этом многоликом роде? Ведь он среди них самый молодой и сын самого молодого Ярославича. Но он тут же прогнал эту непрощеную опасную думу и стал слушать, о чем советовались князья.

Минчане затворились, и теперь город можно было взять только приступом. Изяслав еще говорил о переговорах, о том, что надо бы минчан привлечь на свою сторону, оторвать их от Всеслава, наобещать вольности и свободы. Святослав же не хотел слышать ни о каком мирном исходе дела, значительно поджимал губы, делая продуманные перерывы между своими словами, он не торопясь доказывал, что надо разорить Всеславовы города, выбить из-под него опору, избить людей, чтобы не смог он впредь из них набирать свои рати. «На щит, на щит надо брать Минск», — напыщенно закончил Святослав. И вместе с его последними словами согласно затрясли головами его сыновья, и уже умудренный жизнью Глеб, и совсем еще молодой Роман. Олег же, почти одноклассник Владимира, лишь победно поглядывал по сторонам.

Всеволод молчал, и Владимир понимал, что отцу не хочется ссориться с братьями, что он давно уже устал от их бесконечных жалоб друг на друга и препирательств. Миром так миром, на щит — так на щит; Всеволоду, кажется, было все равно. Раз уж переяславско-ростово-

суздальская рать вошла в полоцкие пределы, то теперь надо доводить дело до конца, иначе от Всеслава не будет спасения.

Победил, как всегда, настырный, хорошо все рассчитавший Святослав. Недовольный собой и братьями, уступил ему Изяслав, а Всеволод и на этот раз отмолчался.

Решено было во второй день первой недели февраля брать Минск приступом.

Несколько дней подряд воины Ярославичей валили деревья, делали приступные лестницы, готовили тараны, чтобы бить ими в крепостные ворота, и во вторник поутру пошли на приступ.

Напрасно минчане метали в них стрелы, лили сверху кипяток и смолу, отпихивали лестницы баграми, — слишком неравны были силы. Осаждавшие ворвались на крепостные стены, там среди частокола сбили вниз защитников города и следом за ними ворвались на улицы Минска. И сразу же стон повис над городом. Вошедший в город уже сквозь открытые ворота следом за своей дружиной Владимир с ужасом увидел, как озверелые люди секут по улицам уже не сопротивляющихся минчан, бьют их булавами и мечами, глушат щитами; выламывая двери, врываются в дома, а оттуда вместе с клубами пара, истошными криками вываливают на снег разную рухлядь, тут же хватают и делят ее между собой и отвлекаются от этого дележа, чтобы сразить дерущихся за свое добро жителей. Стоны, крики и рыдания, победные возгласы, проклятия — все это смешалось в едином вздохе взятого на поток города.

Владимир бросился к своему воину, который одной рукой тащил за волосы упирающуюся молодую женщину, а другой нес узел с наспех набитым в него добром. Женщина кричала истошным голосом, рвалась прочь, а воин лишь крепче схватывал ее распущенные волосы и волок туда, где собирали пленных, будущую челядь. Воин заметил движение Владимира, бросил ему на ходу: «Не мешай, князь, теперь наше время». И Мономах вспомнил, как он сам, сидя в своих ростовских хоромах, соблазнял тамошних детей боярских будущей добычей. Вот она, добыча! Русские люди избивают русских людей, не печенегов, не половцев, а своих же единоверцев, которые страдали за чужие вины и вся беда которых была в том, что Всеслав Полоцкий не ужился в мире с князьями Ярославичами.

Потом Минск запылал, и Владимир как заворужен-

ный смотрел на бешеную пляску огня, дыма, искр, которые металась по городу, сжирая все, что не успели взять нападавшие рати. С веселым треском горели деревянные дома, рушились храмы божи. Сеча затихла, и теперь и нападавшие, и оставшиеся в живых минчане отходили подальше от огня.

Так пала одна из крепостей Всеслава.

Несколько дней делили победители захваченное добро; поделили и всех оставшихся в живых минчан — мужчин, женщин и детей.

А потом лазутчики донесли Изяславу, что Всеслав вышел с ратью из Полоцка и собирается идти на речку Немигу, близ Минска, чтобы отбить город обратно. Туда и повернули свои рати Ярославичи.

В непролазном снегу двигались рати Ярославичей к Немиге. Кони выбивались из сил в сугробах; пещцы брели, едва передвигая ноги; в снежном развороченном месиве медленно ползли две черные людские реки, два противоборствующих войска навстречу друг другу и сошлись в бою 3 марта 1067 года.

Объединенная рать Всеволода и Владимира Мономаха развернулась слева от войска Изяслава. Черниговский князь наступал с правой руки. Владимир, сидя на лошади стремя в стремя с отцом, видел, как полоцкие всадники ударили по киевскому полку, прогнули его, но не сумели пробить в нем брешь и рассеять воинов, кони полочан вязли в снегу, двигались медленно, неуклюже.

«Вон, смотри, князь Всеслав», — показал Всеволод сыну в гущу полоцких всадников. Там на черном коне крутился в снегу всадник, он размахивал мечом, понукал своих воинов идти вперед. Чародей, закутанный в синюю мглу, как звали его на Руси, задыхался в глубоком снегу на берегу Немиги. Владимир видел мрачное лицо Всеслава, его яростный раскрытый рот, белую пену отчаяния и бессилия на морде черного как смоль коня, и ему почему-то стало вдруг жаль и этого мрачного князя, и его людей, утопающих в снегу, и его уставшую лошадь, не было к ним зла или яростной ненависти.

И тут он увидел знак с киевской стороны. Изяслав просил помощи, приказывал крыльям союзной рати атаковать Всеслава. И зашевелились переяславская и черниговская дружины, подтянулись к всадникам пещцы. Всеволод и Владимир тронули стремя...

Автор «Слова о полку Игореве» писал через сто с лишним лет об этой несчастной для Русской земли битве:

«На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костями руских сынов».

Переяславцы и черниговцы быстро охватили с боков войско Всеслава, киевляне оправались от первого удара полочан и с криками тоже двинулись вперед. В снежной разворошенной каше закрутилось, сбилось в кучу войско Всеслава. Мерно поднимались и опускались боевые топоры, мечи, дубины рассекали, рвали на части кольчуги, тулупы, тела; белый снег все больше превращался в грязно-красное месиво, в котором зарывались кони и люди, утонали, задыхались в нем под грудами убитых и раненых воинов. И над всем полем боя неслись какие-то пустые хлопотливые звуки: стук, короткие вскрики, приглушенные стоны, лошадиный храп. Люди совершали свое ужасное дело — убивали других людей, и звуки, будничные, обычные, сопровождали эту их страшную работу.

Владимир все так же стремя в стремя двигался рядом с отцом. Всеволод озабоченно поглядывал на свой переяславский полк, который слева уже врубился в войско Всеслава. Теперь было самое время пустить вперед дружину, докончить дело, но князь медлил, хмурил брови. Опытным глазом он видел, что дело сделано и зачем губить дружинников, а пещцы... ну что же, одним больше, одним меньше.

Ярославичи теснили Всеслава. Один за другим падали воины полоцкого князя под боевыми топорами киевлян, черниговцев, переяславцев. Ростово-суздальская рать дралась здесь же, на левом крыле союзного войска. Ставка Гордятич, разгоряченный боем, пробивался все ближе к Всеславу, Владимир видел, как его друг и наперсник упрямо двигается к тому месту, откуда руководил боем полоцкий князь. И вдруг, когда, казалось, что уже прорублены к нему пути, когда ростовцам и суздальцам, этим упрямым вятичским мужикам, оставалось до Всеслава рукой подать, он вдруг исчез.

Еще продолжался бой, еще падали в изнеможении и ранах воины с обеих сторон, а Всеслав словно растворился в снежном мареве, в быстро наступающих сумерках, во внезапно повлажневшем воздухе. Поистине закутался князь в синюю вечернюю мглу.

Разгром полочан был полный. Большая часть их войска полегла на берегах Немиги, остальных тут же

поделили между собой, забрали их в холопы. Поделили и обоз Всеслава, его бояр и дружинников, их утварь и шатры, оружие и всякую пищу.

Радовались киевляне и черниговцы, туровцы и переяславцы, ростовцы и суздальцы и люди из прочих городов, тянувших к землям Ярославичей.

Владимир смотрел на эту радость, и было ему не по себе: за что погибли эти сотни русских людей, за что, как дикие звери, терзали они на мерзлой земле друг друга? Не печенеги и не половцы погубили их, не во славу родной земли легли они здесь навечно... Горе! Горе это для всех. Ничтожны злоба и зависть князей, их алчность и ненависть друг к другу, и что ожидает еще эту землю, если дети ее лежат как наколотые дрова на снежных равнинах, если гибнут они от руки друг друга.

А наутро рати Ярославичей двинулись по полоцкой земле — от села к селу, от города к городу, разоряя все на своем пути. Уже наполнились сани всяким сельским и городским скарбом, уже лошади еле передвигали ноги в глубоком снегу под тяжестью груженных саней, а Ярославичи все не унимались: обогнуть до последнего полоцкие владения, спалить крепости, увести людей — чтобы никогда больше не поднялся к силе и славе князь Всеслав, чтобы не обернулся он вновь сизым соколом во главе своей лихой рати...

Остановились невдалеке от Полоцка, отяжеленные добычей, уставшие от бесконечных грабежей, от сопровождавших войско стонов и плачей.

Люди Владимира то и дело волокли к молодому князю то кусок дорогой ткани, вытащенной из сундука богатого гостя, то серебряную херсонесскую утварь, взятую в сельском доме кого-нибудь из полоцких бояр, то приводили к нему красавиц полочанок. Владимир поначалу пугался. Ему было стыдно, совестно принимать все это. И дружинники видели, что князь смущен, подавлен их приношениями. Бери, князь, говорили они, — все это добыто честно, с бою; если бы вчера победил Всеслав, то завтра уже шли бы полоцкие воины по нашей земле, хватая наше рухло, жен и детей, и не было бы никому от них спасения.

Владимир молчал. А его обоз с каждым днем полнился от захваченной добычи.

Войско отдыхало, готовилось в обратный путь, когда к Всеволоду прискакал гонец из Переяславля. Он привез вести о том, что скончалась княгиня Анастасия.

Владимир смотрел на радостные лица своих дружинников, на то, как ростовские и суздальские смерды и ремесленники по-хозяйски, споро и добротнo, готовясь в обратную дорогу, увязывали на возах разное добро, как без конца совещались в Изяславовом шатре трое князей Ярославичей, и горько ему становилось от этой мирской суеты, от людской жестокости, злобы и зависти, которые не имели никакой цены перед лицом мироздания, жизни и смерти, отзывчивой и нежной человеческой души. Уже нет матери... а человеческая жестокость и алчность все глубже и глубже затягивают его в свои извечные тенета, и нет сил разомкнуть этот стягивающийся круг.

Всеслав заперся в Полоцке и вскоре запросил мира. Полоцкий князь обещал прекратить войну против Ярославичей, не бороться за Смоленск. В ответ в Полоцк ушло посольство князей-братьев. Они клялись помириться с Всеславом, вернуть все его владения. Потом снова был обмен послами, переговоры, заверения, и наконец князья договорились встретиться на Днепре под Оршей и покончить дело миром.

Наступило лето, кончался июнь месяц. Уже больше полугода Владимир провел в дороге и в боях. За это время поубавилось воинов в его ростово-суздальской рати, но те, кто остался в живых, были довольны — их сани, а теперь телеги, что они поотнимали у жителей полоцкого княжества, наполнились всяким добром, но пора бы уже собираться и домой, на отдых, на покой в свои дома, к своим имениям, к своим изначальным доходам. Все чаще и чаще близкие люди говорили Владимиру, что люди устали, хотят вернуться на отдых от ратных браней. Владимир говорил об этом отцу. Всеволод отмалчивался, хотя шел ропот и в переяславском, и в киевском, и в черниговском войсках. А князья-братья все тянули переговоры с Всеславом, продолжали кормиться в Полоцкой земле, боясь упустить свою выгоду.

Особенно неистовствовал Святослав. Ему было все мало. Что ни вечер, он приходил в шатер к Всеволоду, убеждал его еще повременить, возбуждал его речами о том, что Изяслав хочет скорее помириться с Всеславом, чтобы сохранить его силу на будущее против них — младших Ярославичей.

Снова глухая злоба и недовольство поселились в сердцах братьев, и они следили за каждым шагом друг дру-

га, старались узнать, чей посол, куда и с какими вестями поскакал прочь от объединенного стана.

С Всеславом условились заключить мир 10 июля. Изяслав, Святослав и Всеволод в присутствии духовных отцов целовали крест полоцкому послу в том, что во время переговоров на этом берегу Днепра в своем стане не причинят Всеславу зла. И поверил Всеслав Ярославичам.

В канун встречи с полоцким князем весь вечер совещались князья в Изяславовом шатре. Всеволод вернулся уже после полуночи и сказал сыну, что лихое время надвигается на Русь: Изяслав и Святослав договорились нарушить крестное целование и захватить Всеслава.

Всю ночь Владимир не мог сомкнуть глаз, полулежал на мягких коврах, накиданных прямо на теллую землю. Его потрясло признание отца. Как можно было захватить в полон человека после крестного целования, после высшей для христианина клятвы? Если уж нарушать крест, то с чем тогда остается жить.

Наутро на берегу Днепра Ярославичи, нарядившись в праздничные одежды, ждали Всеслава. Лениво шевелились на легком ветру киевские, черниговские, переяславские стяги; немногие воины — больше для почета — стояли рядом с князьями.

Вскоре стало видно, как несколько всадников подскочили к противоположному берегу Днепра, вошли в заранее приготовленную ладью. То были Всеслав, двое его сыновей и телохранители. Сам Всеслав и сыновья были без оружия.

Князья встретили Всеслава протянутыми руками, обнялись с ним братски.

Владимир во все глаза смотрел на Всеслава. Заросшая темными бровями переносица, серые, прозрачные, словно озерная вода, глаза, движения быстрые, вкрадчивые. Владимир видел, как осторожно, будто с опаской, вступил Всеслав на берег, как полоснул взглядом по стоящим на берегу людям, поднялся наверх, потом, когда князья обнялись, немного отмяк; взгляд его успокоился.

Изяслав пригласил Всеслава с сыновьями в свой шатер, и князья молча удалились от берега. Но лишь Всеслав вступил под полог шатра, как на нем повисли сразу же несколько Изяславовых дружинников, тут же скрутили руки и Всеславовым сыновьям. Немногих полоцких людей зарубили на месте.

В тот же день Ярославичи свернули свой стан и отравились к Киеву. Завернутые в ковры, спеленатые по рукам и ногам, тряслись на телеге в Изяславовом обозе Всеслав с молодыми княжичами.

В Киеве всех троих посадили в поруб, что стоял неподалеку от княжеского двора, накрепко заперли дубовую дверь, бросили через маленькое оконце немного хлеба, опустили кувшины с водой. Денно и ночью стояли теперь у поруба верные Изяславу люди, охраняли заклитого врага.

Владимир давно не был в Киеве и теперь, отдыхая от походов и ратных дел, проводил многие часы в пеших и конных прогулках. Старшие князья с утра совещались, спорили, волновались в Изяславовом дворце, потом садились обедать и бражничали чуть не до захода солнца, а затем, отяжелевшие, осоловелые, разъезжались по своим дворцам. Владимиру было еще не по чину обсуждать общерусские дела, и, откушав с утра вместе с отцом, он уже в первый день своей жизни в Киеве отправился осматривать город, который за эти несколько лет, что он не был здесь, отстроился, разросся вширь, оделся ожерельем новых слобод.

Владимир с детства любил Ярославов город: все здесь было строго, чисто, красиво, и теперь он шел от Золотых ворот вдоль мощенной дубовыми досками улицы к Софийским воротам города Владимирова. Слева одна за другой вставали громады храмов святого Георгия и святой Софии, справа, почти напротив них, шли княжеские и боярские дворы — все обнесенные крепкими частоколами с выглядывающими из-за них островерхими теремами, двух- и трехэтажными хоромами, всякими подсобными строениями. Затем Владимир вступил на Софийскую площадь, образованную с одной стороны белокаменными стенами Софийского собора, а с другой — дворами видных Изяславовых бояр — Коснячко, Путята и двором старого Брячислава. А вот и Софийские ворота — вход в старый город Владимира. Здесь не бурлит людской поток, здесь тишина и благолешие. Солнце сияет на золоченых куполах Десятинной церкви, стоят, будто споря друг с другом богатством, каменной резьбой, легкими переходами, мозаичными украшениями, красивыми крыльцами дворцы Владимира и Ярослава. В последнем живет князь Изяслав, здесь сейчас бурлят княжеские страсти, рвутся наружу вспылчивые слова, решаются судьбы России: как всегда, наверное, жалуется на свою

нелегкую судьбу первого князя Изяслав, плетет сеть интриг Святослав, отмалчивается, больше слушает других Всеволод, а вместе с ними их многоопытные бояре — и Коснячко, и Путята, и Гордята, и другие направляют ход мыслей своих князей, подсказывают им, советуют, раздражают этими советами и подсказками души князей, влезают в их сердца.

Изяславу неуютно в старом родовом гнезде. Ему все время кажется, что эти стены давят на него памятью, мощью, умом Ярослава. Последние дни доживает здесь великий князь. Рядом, вне Ярославова города за Михайловскими воротами, отстраивается новый Изяславов город — с дворцом, храмом, крепостными стенами. Владимир идет к Подольским воротам, взбирается по деревянной лесенке на крепостную стену, и прямо перед ним развертывается обширный яркий, красочный Подол. Внизу блистает под утренним солнцем Днепр, у причалов Почайны белеют паруса многочисленных кораблей, пришедших сюда, кажется, со всех концов земли, снуют однодеревки, кипит, бурлит на берегу разноликий, разноязыкий торг. Здесь и греки, и болгары, и евреи, и ляхи, и немцы, и чехи, и армяне, и арабы, и варяги, и гости иных стран. Ломятся от товаров днепровские причалы и амбары, завалены им торги на площадях Красной и Житной, на идущих от воды вверх по Подолу улицах. И чего здесь только нет. Владимир с малых лет помнит, как они с отцом обходили эти торговые ряды, и порой не для того, чтобы что-то купить, а так, для погляденья, для забавы. Купцы из Новгорода, Смоленска, Чернигова раскладывали, развешивали на желтых жердях песцовые, собольи, куньи меха; арабские гости выносили на берег шелковые ткани, пряности, на различных тряпицах раскладывали они драгоценные камни, браслеты и ожерелья из невиданных и неслыханных стран. Греки имели издавна здесь свои лавки, амбары. В дни торга они предлагали бойким киевским боярыням и боярышням златотканые паволоки, золотые и серебряные украшения, аksamиты, боярам и детям боярским дорогие вина, оружие.

И весь торг был заполнен изделиями киевских умельцев. Сияла на солнце посуда из серебра, отделанная чеканным узором, радовали глаз тисненые серебряные колты, золотые ожерелья с перегородчатой эмалью, украшенные тончайшей сканью серьги, изделия из черного серебра. Рядами от мала до велика стояли гончарные поделки — кувшины, черпаки, амфоры, корчаги. Сюда же

приносили труды рук своих кожемяки и кузнецы, косторезы и древоделы, тесляры и прочий ремесленный люд, чьи слободы, состоящие из рубленых деревянных изб, глинобитных домиков, полуземлянок, сплошным муравейником спускались вдоль склонов Старокиевской горы по оврагам, урочищам до самого берега реки Почайны у Днепра. Вон там от Копырева конца к Глубочицкому ручью, пробивающемуся между оврагами, теснятся домики гончаров, а за горой Детинской в урочище стоит слобода кожемяков, и повсюду по склонам крутых холмов раскинулись иные ремесленные слободы. Сегодня они почти пусты; весь тамошний люд заполнил торговые ряды, там стоит неумолчный гомон. Владимир не любил эту неструю шумную толпу. Хотя князю и его людям оказывалось на торгу уважение, но Владимира всегда больно кололи ядреные шутки ремесленников, их смелые взгляды. Здесь, на Подоле, был их мир, они были сильны своим числом.

Владимир спустился со стены, прошел мимо Десятинной церкви, постоял около четверки бронзовых коней, вывезенных сюда еще Владимиром Святославичем из Херсонеса, и, минуя старый Владимиров дворец, вышел вновь к Софийским воротам. Он прошел по южным улицам Ярославова города и оказался перед Лядскими воротами. Владимир поднялся на крепостную стену и вздохнул полной грудью. Здесь все радовало его глаз: не было ни шумных ремесленных слобод, ни дерзких взглядов — тишина и покой охватывали Киев с юга. От самой крепостной стены до виднеющейся вдаль горы Зверинец шли покрытые веселой зеленью холмы. Сквозь эту зелень пробивались редкие здесь строения. Слева за урочищем Перевесище на холме виднелась старая великокняжеская усадьба Берестов, за ней стояли кельи Печерского монастыря. На запад до реки Лыбедь простирались леса. Здесь было все близкое и родное — и теплый уют загородного великокняжеского дворца, где он совсем малышом бегал среди деревьев со своими двоюродными братьями — Святославичами, и приветливые, участливые слова монахов, и захватывающая дух охота на вепря в лесу Зверинца.

После каждой такой охоты отец говорил: «Благословенное место, дышится здесь легко, отпрошу у брата эту гору, срублю хоромы, поставлю храм...»

Владимир возвратился в дом, приказал оседлать коня и в одиночку выехал по лесной дороге в Печеры. В мо-

настыре он не застал обычного спокойствия. Монахи были чем-то возбуждены, тихо шептались по углам.

Антоний встретил его по-доброму, обратился как к взрослому, с резкими, тяжелыми словами: «Князь, воззри на беззаконие, пусть оно потрясет душу и сердце твое. Изяслав совсем выжил из ума — на нем лежит грех клятвopеступления, на его совести заточение Всеслава, бог покарает его за этот грех».

Владимир слушал святого отца, потом сказал, что вместе с Изяславом виноваты, наверное, и другие братья, и в первую очередь, как он знает, черниговский князь, но Антоний стоял на своем: «Во всем виноват Изяслав, и бог воздаст ему за это. Все монахи будут молиться за спасение Всеслава, за то, чтобы правда и мир торжествовали на Руси».

Со смутным сердцем возвращался назад Владимир Мономах. Он понимал, что не тяжкий грех клятвopеступления волнует святого отца, а все усиливающаяся мощь латинства при дворе Изяслава, а это означало утрату монастырем своего влияния на дела Киева, а может быть и сокращение монастырских доходов. Мирские мысли с каждым годом все больше овладевали святыми отцами, и вот они уже готовы поддержать запертого в поруб Всеслава. Чем закончится эта борьба монастыря, Антония с великим князем?

Вечером в гридницу к Всеволоду привели еврейского купца Исаака. Сам раббе Исаак был из Чернигова, но уже давно не жил в родном городе, а вел большую заморскую торговлю. Он только что вернулся из Английской земли, видел всякие заморские страны, прознал про всякие неслыханные на Руси вести, и теперь его приглашали по очереди то к Изяславу, то к Святославу, то к Всеволоду, к иным князьям и боярам, чтобы он доподлинно поведал о том, что видел и слышал.

Исаак говорил не торопясь. Кажется, его вовсе не интересовало то, что хотели услышать от него Всеволод, Владимир Мономах, ближние бояре и дружинники, — о том, кто из властелинов и как правит, кто с кем в мире, и кто с кем воюет, что в окрестных странах думают о Руси и как там обретаются русские жены Рюрика корня, выданные замуж за иноземных королей, князей и герцогов. Исаак начинал издаലെка, рассказывал, как трудно нынче стало торговать мехами в окрестных странах. Все норовят ограбить и обмануть бедного купца; на один удачный караванный путь приходится два неудачных.

Да и в земле англоv, куда он морем привез мех русских соболей, куниц, белок, не все было так просто. Его обвинили, что он не отдал долг одному английскому купцу, и повели к судье. И сколько он ни убеждал в своей невиновности, сколько ни клялся, что выплатил все сполна, его таки заставили внести ложный долг и записали об этой уплате в казначейском свитке.

Исаак замолкал, принимался терзать крепкими длинными зубами мясо оленя, запивал вкусную пищу пьяным медом.

Князья сидели, молча ждали, пока гость насытится, продолжит свою речь.

Раббе рассказал, что пал от вражеского меча в далеких землях славный рыцарь и певец Гаральд Смелый, норвежский конунг, который когда-то водил в Византию русские дружины, пленил сердце красавицы княжны Елизаветы Ярославны. И вот ввязался Гаральд в дела англоv, пришел в их земли морем и погиб в бою с английским властелином Гаральдом. Было это в 1066 году. И в тот же год Елизавета Ярославна, тетка Мономаха, пришла в Датскую землю и вышла замуж за тамошнего короля Свена. «Красивая, умная женщина, — раббе Исаак качал головой, — она в досталь кормила и поила меня на своем королевском дворе, просила передать вам, Рюрикову племени, поклон».

Потом купец рассказал о страшных делах, которые вершились в Английской земле. Недолго радовался победе английский король Гарольд. Дни его были сочтены.

На юге Англии высадились франки во главе со своим предводителем, герцогом Нормандским Вильгельмом Рыжебородым. Гарольд с братьями выступил им навстречу, и в четверг 12 октября 1066 года англоv и франки сошлись в бою при Гастингсе.

В те дни Исаак был в Лондоне при королевской семье, которой он преподнес несколько пар прекрасных горностаев. Королева Эльгита любила русские меха. Она восторженно смотрела на переливающиеся в руках шкурки, на зыбкое мерцание всей этой красоты, а рядом с ней молча и хмуро стояла десятилетняя девочка — старшая дочь короля Гарольда Гита и смотрела на восторженную игру пальцев своей мачехи. Король Гарольд недавно отослал в монастырь свою первую жену Эдит — мать Гиты и еще четверых детей — трех сыновей-погодков: Годвина, Эдмунда, Магнуса, бывших уже юношами, и малень-

кую последнюю Гунхильду. Эдит сильно и бескорыстно любила Гарольда, но в борьбе с наседавшими врагами король нуждался в помощи других английских властелинов, и он решил породниться с графами Нортумбрии Морнером и Эдвином, взял за себя их сестру — вдову влиятельного графа Гриффиды, присоединил его земли к своему королевскому домену. Эдит безропотно уступила мужу и лишь испросила разрешения изредка видаться с детьми, особенно с младшими — дочерьми Гитой и Гунхильдой.

Встречаясь с матерью, Гита после хмурого молчания в присутствии холодной, безразличной мачехи вновь обретала детскую свободу. Сначала она раздвигала в несмелой улыбке тонкие, плотно сомкнутые губы, ее коричневые глаза оживали, в них появлялись какие-то искорки, она потряхивала своими темными волосами, ее острое личико розовело, разглаживались морщинки на чистом лбу.

— О, это очень умная и очень стоящая маленькая принцесса, — покачивал головой раббе Исаак.

Владимир с интересом слушал рассказ купца о делах в далекой Англии, о жизни королевской семьи, о тревогах какой-то незнакомой девочки, и ему, конечно, было невдомек, что пройдет всего шесть лет, и Гита станет его нареченной супругой, проживет с ним счастливо тридцать три года и родит ему семерых сыновей.

Двое суток тревожное ожидание висело над королевским дворцом в Лондоне, а в ночь с субботы на воскресенье гонец, прискакавший из-под Гастингса принес страшную весть: англоv разгромлены, король Гарольд убит вместе со своими братьями, Вильгельм Рыжебородый, не встречая сопротивления, идет на Лондон. А на другой день к городским стенам подкатилась первая волна разбитого войска. Люди досказали остальное.

Гарольд и все англоv сражались как настоящие рыцари, и был момент, когда казалось, что пурпурное королевское знамя с золотым драконом вот-вот разрежет на части рать нормандского герцога, но дальняя стрела поразила Гарольда, он упал с лошади, и франки с криком бросились вперед. Они смяли королевских телохранителей, которые стояли до последнего около своего раненого короля, и добились его мечами, и тут же, подрубленное, упало пурпурное знамя.

Братья королевы Эльгиты так и не пришли к Гастингсу. Через несколько дней Вильгельму сдалась крепость Уинчестер, и в тот же день королевская семья выехала из

Лондона. Бросив ненужных ей, чужих детей, Эльгита бежала к братьям в Нортумбрию. Старая королева Гита с тремя внуками и двумя внучками двинулась на запад в свои собственные владения. А на другой день Лондон открыл ворота победителю. 25 декабря Вильгельм Рыжебородый торжественно короновался как король Англии.

Все эти дни Исаак провел в Лондоне. При нем выехала из города королевская семья, при нем вступили в столицу Англии франки.

— Да, трудные, трудные были дни... Кругом шла война, торговля совсем была плохой, но потом установился покой, и мы снова вынесли свои меха на продажу. Франки также любили русских горностаев и соболей, как и англы.

— Ну вы, конечно, понимаете, новый король тоже ждал подарков. Ах, разорение это для нас, великое разорение, все требуют приношений, и за что? За то, что мы честно везем товар из одной страны в другую.

Всю зиму 1066/67 года купцы из Руси провели в Англии. А потом, едва сошел лед, уплыли в Данию.

Последние вести из Англии они услышали уже в датской столице от королевы Елизаветы Ярославны зимой 1068 года. Вильгельм не успокоился со взятием Лондона и гнал королевскую семью все дальше на запад. Сыновья Гарольда пытались еще собрать рассыпавшиеся дружины англов, но все было тщетно: слишком велик был перевес сил у противника. И, как нередко бывает в таких случаях, вчерашние вассалы отца, вчерашние его друзья униженно клялись в новой верности победителям и сохраняли свои земли, замки, зависимых крестьян. Человеческая честь, честность, человеческие отношения приносились в жертву корысти, тщеславию, властолюбию.

«Разнообразна, прихотлива и противоречива природа человеческая, — качал головой многоопытный купец. — Ведь человек делает просто выбор. Для одного хорошо — это, а для другого — то».

Владимир негодовал, он ненавидел этих жалких трусов и предателей, никогда бы сам он не поступил также. Слезы навертывались ему на глаза при мыслях о страшных делах, творившихся в Англии. А потом он обрадовался к своим русским делам, вспоминая пожарище горевшего Минска, жаркую кровь Немиги, скрученного мрачноглазого Всеслава. Бросить все, уйти от этой мерзости, позора и страха в Печеры, как когда-то сделал это юный Феодосий...

А потом пал последний оплот королевы-матери на западе — город Экзтер.

Вильгельм въезжал на коне через Восточные ворота города, а через западные Береговые семья Гарольда уходила к кораблям. Гита смотрела с борта судна, как на мостки, по которым она только что прошла с бабушкой, сестрой, братьями, вступили, держа в руках боевые топоры, мощные, уверенные франки.

Потом были скитания по Сомерсету, тайное убежище на одном из островов Бристольского канала. А далее семья распалась. Королева Гита с внучками направилась сначала во Фландрию, а оттуда ко двору датского короля Свена, который находился в войне с Вильгельмом; сыновья Гарольда отплыли в Ирландию, чтобы собрать там новые дружины и попытаться отвоевать отцовский престол.

И еще много историй о разных городах и странах рассказывал бывалый купец. И руссы внимательно слушали о делах в Англии и Дании, Швеции и Испании.

А потом приходили в Киев новые купеческие караваны, посольства из разных стран, и каждый купец, каждый посол за столом у князей рассказывал о виденном в чужих краях — о жизни, верованиях, войнах, о далеких властелинах, и весь этот огромный, причудливо переплетающийся, ссорящийся, мирящийся, торгующий мир со всех сторон обступал Киев и русские земли, вторгался в жизнь руссов, и сами руссы, не ведая того, давали пищу для размышлений заезжим гостям и посольствам, и те несли во все концы земли вести о Киеве, Чернигове, Переяславле, их властелинах и их детях, о том, с кем были связаны русские князья, к кому благоволили они и к кому нет, и как жили они со своими соседями — ляхами, половцами, уграми, греками, болгарями, варягами и прочими народами.

Проведя зиму 1067/68 года в Киеве, братья Святослав и Всеволод готовились, как только подсохнут дороги, двинуться в свои пределы. На север в свой Ростов предполагал отправиться и Владимир Мономах. Но все спутал половецкий набег.

Как только степь стала твердой, половецкая конница устремилась на Русь. Это был большой поход: пришли в движение сразу несколько половецких колен, и ханов вовсе не пугало, что в Киеве до сих пор находились княжеские дружины. Они знали, что полки давно распущены по домам, а дружины немногочисленны и вряд ли устоят

против огромных конных половецких масс. К тому же половцы знали, что князья вывели из полоцкой земли немалые богатства, и теперь стремились взять их.

Кажется, ничто не предвещало этого выхода. Осенью 1067 года в половецкую степь ушло из Киева посольство переяславского князя Всеволода. Посылал князь своих людей к хану донецких половцев, чтобы сосватать за себя одну из его дочерей. В зиму 1068 года полочанка уже была в Киеве. Ее крестил сам киевский митрополит, и скоро во Всеволодовом дворце появилась новая хозяйка.

Владимир встретил мачеху равнодушно. Он понимал, что не может мужчина жить один, но не может князь и путаться без конца с наложницами и рабынями, снисходить до их слез, просьб, распрей. Половецкая же степь опасна, и нужно было постоянно чувствовать биение ее сердца. И половецкая княжна в Переяславле обещала долгий мир с донецким коленом половцев. Через нее можно было получать вести из степи, а в случае опасности и просить у ее отца помощи. Все это учитывал Всеволод, засылая сватов в степь.

Она вошла во Всеволодов дом, не зная ни слова по-русски, с черными как смоль волосами, зоркими темными глазами, быстрыми движениями, и служанки ее были такими же черноволосыми и быстротельными. При крещении половецкая нарекла Анной.

Владимир, скорбя о матери, старался понять и то, чего хотел отец. Он был ласков с мачехой, внимателен к ней, несколько раз верхами показывал ей Киев. Янка же с младшей сестрой Марией заперлись в своей половине, не выходя к общему столу.

Особенно неистовствовала Янка. Она бросалась к отцу, к брату, плакала, требовала избавить ее от этого «половецкого чудища», вспоминала, сколько зла сделали половцы переяславской земле. С тех пор раскололась семья Всеволода. И хотя унял князь дочерей, но мира в доме больше не было. Янка объявила, что она никогда не смирится с позором и уйдет в монастырь.

Когда же половцы прорывались сквозь русские заслоны и кинулись к реке Альте, Янка бегала по дому как полоумная и кричала: «Где ваш мир? Где ваши верные поганые? Вот уже топчут они Русскую землю!», Всеволод запер дочь в палате. На Киев наступали совсем иные, не донецкие половцы, мир нарушили донские колена, жившие между донскими степями и днепровским левобе-

режьем. Хан Шарукан Старый вел половецкую конницу на Русь.

И сразу были забыты все мелкие дразги и споры. Смертельная опасность нависла над всеми русскими землями. Сторожки рассказывали, что давно уже не было такого сильного и свиреного нашествия: городки и села сжигались дотла, людей убивали: брали в полон лишь самых сильных мужчин и красивых женщин для продажи на невольничьих рынках юга.

Князья наскоро собрали дружины, не дожидаясь подхода полков из Чернигова и Переяславля. Лишь киевский тысяцкий Коснячко успел привести с собой ремесленников и смердов. Но чем-то недовольны были простые киевские люди, кричали на воеводу, что дал он им старое плохое оружие, разбитые щиты, что новое, наверное, продал на торгах, что люди его Коснячки берут с бедных и убогих большие резы и закабаляют за долги, а сам он боится вооружить многих воинов — уж не опасается ли, что нападут они на него самого или освободят из поруба князя Всеслава? Коснячко приказал тогда отхлестать крикунов батогами, и тут же воеводские люди пошли по дворам, собирая в поход войску на пропитание и хлеб, и мед, и сыры. И хотя враг грозил Русской земле, неохотно расставались люди со своими припасами, а иные и вовсе гнали воеводских гонцов со дворов, кричали: «Ваши амбары ломаются от наших бед и лишений, берите себе еству оттуда». Многих тогда похватывали люди Коснячки и заперли по погребам. Ярость и злоба повисли тогда над городом, но сила ломила силу.

Потом рати двинулись на юг. Владимир вновь ехал стремя в стремя с отцом. Дружины торопились на Альту, куда уже пробивались половцы. Привалы были коротки, а переходы длинны и утомительны.

Через день впереди, у края неба, появилась бурая дымная пелена: горели окрестные деревни и леса, и дым пожара простирался по всему полю, докуда хватал глаз.

К вечеру русские князья подошли к Альте и увидели, что вдалеке, на том берегу, мерцают бесчисленные костры половецкого сгана.

В полночь, не разбивая шатра, прямо под открытым небом князья держали совет, что делать дальше. Изяслав, указывая на великую половецкую силу, предложил отойти назад, собрать людей со всей земли и лишь после этого ударить по врагу. Братья лишь усмехнулись. Вели-

кому князю хорошо говорить, не его владения топчет враг, не его смердов уводит в плен; видно, думает великий князь, что иссякнет сила половецкого удара и не докатится она до киевских стен. Святослав настаивал изготавиться и наутро начать бой. Наиболее решительно был настроен Всеволод. Владимир никогда не видел, чтобы его отец, всегда спокойный и рассудительный, находился в таком волнении. Он весь как бы подтянулся, голос его звенел, глаз с прищуром окидывал сидевших князей.

— Надо ударить тогда, когда поганые ждут нас меньше всего. Ясно, что у нас неостанет сил, чтобы сокрушить их завтра, наверное, неостанет их, чтобы сокрушить их и сегодня. Но ночь и внезапность скрадывают число. Надо развести костры, обмануть врага и тут же начать переправу. Сейчас Альта почти пересохла, и можно спокойно перейти ее вброд.

Владимир слушал отца, и ему казалось, что предлагает он единственно разумное дело. А там как бог подаст.

В ночь же руссы ударили по половецкому стану и вначале добились успеха, потеснили врага, захватили первые его кибитки и даже поволокли в свой лагерь пленных, но все глубже и глубже погружались руссы в пылающую кострами степь, и оказалось, что не было ни конца ни краю ни этим кострам, ни этим шатрам, ни кибиткам, а из степи прямо на них с визгом выплескивались все новые и новые конные половецкие волны, заливая малочисленные дружины руссов. Шла яростная ночная схватка, и враг стал одолевать. Князя видели, что если сейчас, еще до восхода солнца, не повернуть назад, то на заре половцы вырежут всех до конца, и русские дружины повернули обратно. Половцы их не преследовали и дали исчезнуть в непроглядной ночной мгле. Но наутро, едва взошло солнце и окрасило степь в нежно-розовый цвет, воины заметили, как вдали будто кипит край поля, — это половецкая конница шла вослед княжеским дружинам. И руссы рассыпались в стороны. Святослав с сыновьями повел свою дружину на север, намереваясь отсидеться в Чернигове. Изяслав со своим сыном Святполком, воеводами Коснячко и Тукой уходил к Киеву. Вместе с ним скакали Всеволод и Владимир Мономах. Пути в Переяславль были переняты врагом. Владимир впервые испытал это, так пугавшее его впоследствии чувство страха. Дружина разбита, и нет теперь никого между этой грозно клубившейся на горизонте степью и им самим. Еще мгновение — и эти клубы охватят и малое

число оставшихся дружинников, и отца, и его самого, зашвистит над головой половецкий аркан, и прощай, жизнь: плен, рабство, позор, в лучшем случае выкуп и потом на всю жизнь несмываемое пятно половецкого отпущенника... И он прищпоривал и прищпоривал коня, погружаясь в мрачные мысли.

Киев встретил князей настороженно. На горе горожане собирались кучками, горячо обсуждали беды, навалившиеся на Русскую землю. Подол гудел. Там шло нескончаемое вече. Люди кричали, что князя их предали, что Коснячко нарочно не дал им оружия, что лучше бы во главе войска стоял храбрый витязь Всеслав. Все чаще и чаще среди крикунов угадывались выходцы из Полоцка. Изяслав, Всеволод и Владимир все вместе закрылись в старом Ярославовом дворце, дружинники плотно охраняли к нему все подступы. А ярость народная нарастала. Среди толпы появился печерский монах, который указывал перстом на небо: «Наводит ведь бог в гнев своем иноплеменников на землю, и, только пережив это горе, жители ее вспоминают о боге; на междоусобную же войну соблазняет людей дьявол».

Смутясь, слушал люд речи монаха, а он все подымал и подымал перст и рек про распутство, неверие и лживость людскую, про братоубийственную вражду князей, про их клятвенное преступление и заточение полоцкого князя Всеслава. Колыхалась толпа, и уже раздавались в ней голоса, что не дал Коснячко людям оружие, потому что боится их, что надо освободить невинных людей, посаженных воеводой в погреба.

Потом все побежали на вече. Било уже звенело на весь Подол, созывая людей на торговище. Оттуда народ бежал на гору, многие подступали к воеводскому двору, кричали, что половецкие сторожи уже видны со стен Киева, не сегодня завтра поганые приступят к городу, и людям надобно раздать оружие из княжеских и воеводских кладовых.

Воеводские дружинники разгоняли народ, но люди вновь и вновь собирались толпами, гудели, выплескивали накопившиеся обиды.

Владимир вместе с отцом уже несколько дней назад оставили свой двор и вместе с мачехой, Янкой, ближними дружинниками перебрались в старый Ярославов дворец. Его охрану усилили. Денно и ночью караулили воины все подходы к княжеским палатам. Владимир смотрел через узкие оконца верхних сеней, как бурлили толпы на ки-

евских улицах, слушал, о чем кричали все эти смерды и ремесленники, закупы и уноты¹, и поднималась в нем ненависть к этим людям, хотевшим изменить раз установленный богом порядок, и в душу его входил страх при виде их слепой ярости. Все, что накапливалось в народе годами, выплеснулось наружу в эти сентябрьские дни 1068 года.

— За все плати, все отдавай! — вопил народ. — Плати дани и виры, плати вено за невесту, плати десятину церкви. И даже после смерти нет нам покоя, отбирают наши пожитки сильные люди, если нет у нас прямых наследников. Наши земли, принадлежащие верви², давно уже стали лакомыми кусками для князей и бояр! Им не нужны пустые, дикие земли, а подавай вервные угодья, пастьбища, ухоженные земли с деревнями и селами! И приходят с мечами и отбирают земли, называют их своими, и примучивают нас, и закабаляют нас долгами! Там, где не берет сила, отнимают наши пашни за долги, гнут нас большими резами! И бредем мы, убогие, от села к селу, кормясь работой, попадаем в закупы, рядовичи, становимся холопами. И уже не свободные мы люди, а рабы, и господа наши что хотят, то и делают с нами! Карают нас побоями и штрафами, обращают в полное холопство за бегство от хозяина, княжеские и боярские тиуны и ратные старосты для нас подлинные бичи господни!

Потом прибежали княжеские люди с Подола, рассказали, что только что там, внизу, холопы растерзали новгородского епископа Стефана, который пытался унять их, и теперь весь Подол двинулся на Гору, к святой Софии.

А гул, идущий снизу, все нарастал, и вот уже новые людские толпы прорываются через Подольские ворота и бегут мимо Ярославова дворца, через Софийские ворота во Владимиров город, ко двору ненавистного Коснячко, а с другой стороны, от слобод кожемяков и гончаров, такие же толпы растекаются по улицам старого города.

Никогда позднее Владимир не забывал этого страшного вида разбушевавшейся теперь толпы, ее грозную, всеподавляющую силу. Он видел, как Киев становился игрушкой черни, и в эти мгновения ни власть, ни деньги, ни сила не были в состоянии одолеть этих людей.

Двор тысяцкого был окружен. Мрачно смотрели на людей безлюдные дубовые стены, накрепко запертые ворота.

«На вече воеводу!» — завопила толпа, и люди пошли

¹ Подмастерья.

² Общине.

на приступ. Враз были разбиты в щепы топорами тяжелые ворота, и толпа ворвалась в Коснячков двор. В палатах, на переходах, в сенях стояли испуганные воеводские люди, но самого тысяцкого в хоромаш не было. При первых вестях о возмущении Подола он с сыном о двух конях ускакал из Киева в Чернигов.

Люди пошли по палатам. В несколько мгновений Коснячков двор был разграблен. Тащили посуду, ковры, всякое рухло, еству из погребов и медуш, разъяренные Коснячковы холопы разбили даже изразцы, которыми были выложены стены гридницы.

Оттуда толпа двинулась ко двору Брячислава, где сидели в погребках люди, брошенные туда тысяцким еще перед уходом на Альту. Другие побежали к Ярославову дворцу, где укрылись князья, Владимир видел, как возбужденные люди окружили Ярославов дворец и потребовали, чтобы к ним вышел великий князь Изяслав.

Великий князь заперся в сенях с дружиной и находился в мучительных колебаниях. Боярин Тука советовал ему: «Видишь, князь, взвыли люди, пошли-ка дружинников постеречь Всеслава, как бы не было худа». И тут же на великокняжеский двор ворвалась другая толпа, ведомая освобожденными из погребов узниками.

Княжеский двор превратился в кипящий котел. Люди кричали все враз, размахивали руками, и поначалу казалось, что криком дело и кончится, но среди этого шума и неразберихи все ошутимее звучала какая-то нервная струна, стягивающая людей воедино, превращающая их в грозную силу.

Изяслав продолжал колебаться. Всеволод стоял рядом с ним и с беспокойством смотрел на гудящую толпу. Владимир и его двоюродные братья — Изяславичи — Мстислав и Святополк стояли у другого оконца.

Владимир всматривался в эти горящие гневом глаза, всклокоченные волосы, жилистые, темные от работы руки людей, в их холщовые рубахи и порты, и, виденные сотни, а может быть, и тысячи раз, сегодня они вставали перед ним в новом свете — не робкими просителями, не униженными торговцами своих изделий, не покорными холопами, а подлинными хозяевами этого мира, этого города, этой площади и всего сущего. И сегодня, в свои неполные пятнадцать лет, он раз и навсегда понял: там, на площади, — враги, враги лютые и беспощадные, готовые в дни мятежа извести весь Рюриков корень с боярами и дружинниками, с церковниками и богатыми купцами.

Дружинники подступали к великому князю: «Видишь, князь, се зло есть, пошли нас к Всеславу, еще есть время, мы подзовем его лестью к оконцу, пронзим мечами. Не будет тогда у людей за кого стоять, покричат и разойдутся». И снова колебался князь. Нет. Убить брата — это было выше его сил. Святослав, наверное, не моргнув глазом, переступил бы эту грань.

А толпа уже отхлынула от княжеского дворца и бросилась к порубу, где томился Всеслав. И вот уже взломаны двери, и Всеслав, чародей, такой же мрачный, как всегда, плывет на людских руках к великокняжескому дворцу, а рядом с ним (откуда они взяли здесь?) полочане, его близкие дружинники, мстители.

Изяслав метнулся от оконца, на ходу крикнул Всеволоду: «На коней, брат!», бросился вниз. За ним бежали его сыновья, следом Всеволод и Владимир Мономах.

Когда толпа ворвалась в великокняжеский дворец, там оставались лишь женщины. Князья скакали к Михайловским воротам, потом, минуя Софию, по окраинным улицам Ярославова города к Лядским воротам, а оттуда в Берестов.

В Берестове беглецы немного успокоились: здесь их ждали свои люди, здесь они запаслись едой, питьем. Изяслав с сыновьями уходил отсюда на запад, во владения своего родственника, польского короля Болеслава II, а Всеволод и Владимир, оглябая Киев, поскакали на северо-восток. Всеволод хотел найти убежище в землях Святослава, куда еще не дошли половцы, а Владимир уходил в свои северные леса, к Ростову.

На лесной дороге отец с сыном обнялись. «Свидимся ли?» — только и сказал Всеволод и прищипорил коня.

МЯТЕЖИ

И снова северные леса со всех сторон обступили небольшую дружину Мономаха, сомкнули над ним свои зеленые своды. И снова хмурые вятичи выходили из этих лесов к размытой октябрьскими дождями дороге и молча смотрели на всадников. Порой они не были такими уж молчаливыми — стояли под высокими мрачными елями и выкрикивали свои языческие богохульные слова, грозили князю высоко поднятыми палицами, и тогда в чистой дождевой воде луж отражались их искаженные злобой лица, их грозящие дубины.

Ставка Гордятич хватался за меч, но Мономах успокаивал его: что-то неладное творилось на Руси в эти дни — и в Киеве, и в далеких вятичских лесах. И молодой князь это чувствовал. Для себя он решил еще там, в Киеве, когда увидел эти разъяренные лица холопов, ремесленников, что лучше не доводить людей до крайности, не вызывать их на яростный взрыв и жестокость.

И теперь он спокойно поднимал руку вверх, приветствуя вятичей, словно не замечая их возбуждения и ненависти.

И еще раз он смирил себя, когда в лесу близ вятичской деревни увидел, как волхв совершал над усопшим свою бесовскую тризну, а потом сородичи умершего на глазах князя и его дружины предали по древнему языческому обычаю тело огню. Надо было наказать богохульников, противников Христовой веры, надо было высечь волхва за бесовство, но князь сдержался и здесь: до Ростова еще далеко, а здесь, в этих лесах, молва разносится быстро, и неизвестно, как ему и его людям могло бы обернуться это нарушение здешних обычаев.

К исходу октября Мономах был уже в Ростове. Закрылись за всадниками тяжелые дубовые ворота крепостной стены, и лишь с этого мгновения и сам князь и его дружина почувствовали себя в безопасности.

Потекло обыденное время.

Молодой князь, как и подобало владетелю пусть небольшого, но собственного стола, занимался хозяйством — расширял княжескую пашню, затевал постройку новых амбаров, медуш, следил за исправным поступлением от смердов, разных зависимых людей хлеба и мяса, яиц и ягод, прочих съестных припасов, посылал своих вирников за данью в окрестные села и деревни, но наказывал им не задирать народ, не вызывать его на свару. А прочее время судил провинившихся, отстаивал молебны в местном деревянном храме, охотился. И все же мысли все чаще и чаще возвращались к Киеву и большим общерусским делам. Мономах уже вкусил от плода междукняжеской игры. Тогда многое ему казалось в этой игре противным разуму и сердцу человека, а теперь, по прошествии времени, он вдруг почувствовал, что месяцы, проведенные им в походах по полоцкой земле, в сражениях и переговорах с Всеславом, среди сумасшедших интриг Святослава и хитросплетений киевского общения, оставили глубокий след в его душе, и ему словно не хватало чего-то. В зимние дни он порой задумчиво бродил по своим деревянным хоромам. От отделанных изразцами печей шел теплый дух, сквозь затянутые ледком оконца бил ослепительный солнечный свет, он смотрел в них и видел все ту же картину: бурую крепостную стену, за ней — снежное поле, и дальше черную кромку непроходимого леса. А дальше, дальше... шли дороги на Смоленск, Полоцк, Киев, Чернигов, на его милый Переяславль...

И неизвестно, что происходит сейчас в русских землях, за кем стоят княжеские столы, где обретается отец.

В ноябре в Ростов пришел гонец из Чернигова. Всеволод посылал весть. Весь вечер просидел Владимир с гонцом, выпытывая у него все новые и новые вести о делах в русских землях, и мало утешительного узнал он.

В Киеве народ объявил князем Всеслава и на руках отнес его к княжескому крыльцу. Киевская голь со смехом и радостью тащила с княжеского двора золотые и серебряные сосуды, дорогие ткани, куньи и бельи меха, бесчисленное множество денежной казны, опустошила княжеские амбары и медуши. Всю ночь пил и гулял на радостях простой киевский люд. Теперь в старых Ярославовых палатах хозяйничают полоцкие люди, враги Киева.

Изяслав вместе с сыновьями Мстиславом и Святополком ушел к польскому королю Болеславу. Всеволод Ярославич укрылся у своего брата Святослава в Чернигове.

Чуть было не погибла в те дни Русь от половцев. Шарукан Старый, узнав о смятении в Киеве и бесчестье князей, совсем осмелел, и его сторожи появились около самого Чернигова. Новая битва с половцами произошла на реке Снови. Навстречу 12-тысячному войску Шарукана Святослав вывел в поле черниговскую рать, которая насчитывала всего 3 тысячи человек, но руссы дрались отчаянно, их копеносцы отразили натиск половецкой конницы, а княжеская дружина довершила разгром остатного половецкого войска. Передал гонец и слово, с которым обратился Святослав к своим воинам перед боем: «Потягнем, уже нам не лзе камо ся дети». Видимо, тяжело стало Чернигову, если этот хитрец и безразличный ко всему, кроме собственной славы, человек вышел на смертный бой. Половцы бежали в свои пределы через реку Сновь, многие из них потонули в ее осенних водах, иных черниговцы побили и попленили.

Как завороченный слушал Владимир речь гонца. Нет, недаром, видимо, прошел он походами и боями эти два года. В нем загоралось желание вновь взять в руки меч, сесть на коня под воинским стягом. Он уже не помнил ни крови, ни стонов, но остался в его душе восторг при виде бегущего противника, восторг победы.

Шла зима, и не было больше вестей из Чернигова. Лишь заезжие купцы рассказывали, что уже несколько месяцев княжит в Киеве Всеслав, рядит и судит справедливо, и считают люди, что освобождение Всеслава и его вокняжение — это дело честного креста: те, кто пре-

ступил крестное целование, понесли тяжкое наказание от бога, лишились земель своих и потерпели многое от поганых. Всеслав же верил в крест, а потому бог и освободил его из поруба и сделал киевским князем.

В середине мая 1069 года в Ростов прискакал гонец из Киева от великого князя Изяслава. Он снова княжил в своем стольном городе и приглашал ростово-суздальского князя на совет. От гонца Мономаха узнал о том, что произошло в Киеве весной этого же года.

Изяслав, пробыв несколько месяцев в Польше, вывел оттуда против киевлян войско во главе с польским королем Болеславом. Всеслав с киевской ратью вышел ему навстречу к Белгороду, но ночью, не дожидаясь битвы, бросил киевлян и бежал в свой Полоцк. Говорили, что почувял вещей князь неладное, заподозрил киевлян в неверности, побоялся, что в решающий час отложится от него киевская рать и перейдет на сторону Изяслава.

Оставшись без предводителя, киевляне повернули обратно и учинили совет. В тот же день в Чернигов к Святославу и Всеволоду поспешили киевские гонцы. Они просили князей послать своих людей к Изяславу, известить его, что Киев добром откроет ворота великому князю и повинится перед ним, уговорить Изяслава не водить большого войска, а паче всего ляхов, на город и прийти с малой дружиной и не разорять Киева, помнить, что то город отца его. Если же Изяслав не внемлет просьбе, то горожане грозили сжечь Киев и уйти в Греческую землю.

Князья-братья обещали киевлянам послать гонцов к Изяславу, заступиться за них. А если придет он к Киеву с большим войском, то обещали же двинуться на него войной и отстоять отцов город.

С тех пор расположил к себе сердца киевлян Святослав.

Черниговские послы передали Изяславу речи братьев, великий князь обещал внять просьбе. Он и впрямь отпустил большую часть ляхов домой и пошел на Киев вместе с Болеславом и малой дружиной. А впереди войска выслал своего сына Мстислава. Но пока подошел отец с ляхами, Мстислав учинил в городе жесточайший суди расправу. Всех киевлян из числа бедноты, чади, которые высекли Всеслава из поруба, Мстислав предал смерти без всякого дознанья. Вместе с этой чадью погибли и невинные. Люди Мстислава учинили сыск и пошли по домам, собирая расхищенное великокняжеское добро. И взвыли

киевляне, и пошли на поклон к въезжающему в свой стольный город Изяславу.

Он сел на своем исконном столе, распустил ляхов по округе на покорм, перевел торг с Подола на гору, под свое княжеское око и послал войско против Всеслава. Полоцк был взят, и Мстислав Изяславич сел там князем, а Всеслав сбежал к корелам, которые издавна тянули к Полоцку, и стал там собирать новое войско.

Но прежде чем поутихла Русь, много еще бед пришлось вынести ей. Ляхи начали насильничать над жителями киевской земли, и люди стали их тайно избивать, а вскоре Болеслав с остатками своего отряда ушел на родину.

И вновь князья принялись за дележ Ярославова наследия. Полоцк был отнят у Брячиславича и перешел к старшему сыну киевского князя. Тем самым опустел новгородский стол; пустым издавна стоял и Смоленск, и Ярославичи, прискакав в Киев, требовали от Изяслава этих почетных русских городов. Вот тогда-то и направился гонец в далекий Ростов за Владимиром Мономахом. Он передал великокняжеский наказ ростовскому князю явиться в Киев для совета. Для какого? Этого гонец не знал. Но, кроме этого, он отдал Владимиру тайную грамоту от отца. Всеволод извещал, чтобы готовился Владимир к смоленскому столу и расставался с Ростовом уже надолго, если не навсегда.

Смоленск! Семнадцатилетний Мономах не мог об этом и мечтать. Он, младший среди всех двоюродных братьев, получит Смоленск, эту сильную крепость на Днепре, в обход Святославичей. Видно, не сошлись в выборе Изяслав и Святослав, и Всеволод сумел предложить им имя Владимира. Тот был далеко, не встревал в княжеские дрязги, был молчалив на людях, вежлив, наблюдателен, никому не успел сделать зла, не подавал и особых надежд... Так, не то князь, не то отрок. На нем и сошлись запалившиеся в споре старшие Ярославичи. Но Святослав выторговал себе Новгород, и туда отправился княжить его старший сын Глеб.

Близкие люди Мономаха с удивлением смотрели, как поспешно, но основательно собирался князь в дорогу. На вопросы он отвечал, что поездка может быть долгой, а цели вызова в Киев вовсе не ясны. Близкие бояре и дружинники больше вопросов не задавали, но собирались в дорогу так же, как князь, — быстро и обстоятельно.

Перед отъездом Владимир обошел небольшой тихий

деревянный Ростов. Здесь началось его первое княжение, отсюда он ушел в свой первый поход, сюда же вернулся после битв и народного смятения. Здесь отсиделся в тиши, вдали два спокойных года. И пока он сидел в Ростове, имя его продолжало звучать на Руси. И пусть негромок был этот звук, но он уже пробивался среди прочих княжеских имен, и Мономах понял, что вовсе не обязательно совершать подвиги и выигрывать битвы, шуметь на всю Русь. Уже ушел в небытие громкоголосый князь Ростислав, на грани гибели стоит лихой Всеслав, а из ростовских лесов к смоленскому столу выносит его — юного князя с негромким голосом, спокойным взглядом си-
щих глаз.

Он еще не двинулся в путь, еще трогал руками на прощание бурые замшелые стены Ростовского кремля, а одна мысль не давала ему покоя: за кем останутся Ростов и Суздаль — весь этот край лесов, бортовых ухоже-ев, тихих прозрачных рек, глубоких озер, хмурых, но надежных в бою вятичей?

Он выехал налегке, наскоро, с небольшой дружиной. Возы с добром, разной утварью потянулись следом. За время, что провел Владимир в Ростове, он оброс собственным хозяйством, и теперь слуги везли в Киев приобретенное им и взятое с бою во время походов.

Под Киевом Владимира встретили люди Всеволода и передали ему последние вести: вновь появился Всеслав и обрушился на Новгород, но только что появившийся там Глеб Святославич разбил полоцкого князя. Мстислав внезапно умер в Полоцке, и севший на его место Святополк Изяславич не смог отстоять город от упорного Всеслава, и лишь новая рать третьего Изяславича — Ярополка вновь выбила Всеслава из Полоцка.

...Трое князей сидели в гриднице — еще не старые, но прожившие жизнь люди, поседелые, с усталыми глазами, а рядом с ними сидел юный, тонкий, с пушком на подбородке семнадцатилетний Мономах. Изяслав был, как всегда в торжественные минуты, возбужден, даже радостен. Святослав внимательно смотрел на племянника; его заботило сейчас лишь одно — с подобающим ли почтением относится к нему Мономах; Всеволод, как всегда, был тих и спокоен.

— Князь, — возвысил голос Изяслав, — настала тебе пора расстаться с ростовским столом, пора идти княжить в Смоленск. Долгие годы город стоит без князя. Решено отдать его тебе в стол, блюди его, управляй и суди

по разуму. Ты хоть и молод, но показал себя спокойным и твердым властелином.

Владимир слушал слова Изяслава и понимал, что все они пустые: что великий князь просто не говорит о том, что давно шла драка за Смоленск между Ярославичами, что никто из них не смог перетянуть город на свою сторону, без конца покушался на Смоленск и князь Все-слав. И теперь отдают его Владимиру, потому что тяжкие времена наступили для Изяслава — против него стоят братья Святослав и Всеволод, и Изяслав, уступая им, попытался вбить между братьями клин, отдав Смоленск Владимиру.

Но все эти мысли лишь промелькнули в голове Мономаха. Он с достоинством поблагодарил старших князей за их выбор, за доверие, но спросил: а за кем же останется ростово-суздальский стол? И Изяслав, прикрыв глаза, без заминки, видно, все уже было между братьями оговорено заранее, сказал, что, как было испокон века, ростово-суздальская отчина будет тянуть к Переяславлю. Это означало, что в ходе всех распрей, смятений и ссор в наибольшей прибыли остался третий Ярославич — спокойный и рассудительный Всеволод.

Несколько дней оставался в Киеве Мономах и увидел, что по-прежнему беспокойно в городе. Люди собирались кучками, о чем-то горячо спорили.

Изяслав бежал по гриднице, кричал на братьев, что они подстрекают против него народ и хотят его изгнания и гибели. Святослав зло отвечал ему, перечисляя все прегрешения и благоглупости, совершенные Изяславом, Всеволод по обычаю молчаливо слушал перепалку братьев. А вечером он сообщил Владимиру, что выпросил у Изяслава Выдубечский холм в том месте, что приглянулось ему прежде, и решил построить там загородный дворец, а пока же заложить храм святого угодника Михаила и монастырь вокруг храма: тихо и спокойно внедрялся переяславский князь в жизнь Киева, создавая в трех верстах от Печерского монастыря свою собственную обитель. Через несколько дней произошла закладка храма.

На следующее утро, не раскрыв прибывших из Ростова возов, Владимир направился в Смоленск.

1070 год приближался к концу. Но не все беды, отпущенные на его долю, прошли по Русской земле. Уже на пути в Смоленск Владимир и его дружинники вновь столкнулись с небывалым возбуждением лесных и приречных людей. Как и в Киеве на улицах и площадях,

так и здесь, в своих селах и деревнях, на берегу рек, на лесных полянах, они собирались толпами, слушали громкие слова волхвов, грозили проезжавшему князю.

В Смоленск прибыли под вечер. Крепость и княжеский дворец были в запустении, но дома стояли исправные, свежего дерева, и город был многолюден и приволен, и большой деревянный храм Успения сиял своими недавно позолоченными крестами.

«Буду жив — отстрою каменный храм», — подумал Мономах, и тут же над городом поплыл колокольный звон, возвещающий горожанам о прибытии в Смоленск нового властелина.

А уже на следующий день Владимир столкнулся с первыми заботами. Неспроста шумели смерды по прибрежным селам и лесным деревням, неспроста внимали они лохматым, одетым в звериные шкуры волхвам. Порядок, сломавшийся в Русской земле еще в 1068 году, так и не налаживался. Напротив, по всем весям и градам волновался народ. Озвучки этого смятения потрясали и Смоленскую землю. С разных погостов¹ шли вести об отказах смердов платить дани и виры, об избиении богатых людей, имевших много жита и другой ествы. Владимир негодовал. Кто позволил холопам менять столетиями сложившийся и освященный богом и церковью порядок? Кто дал им право захватывать имения, им не принадлежавшие? Так сложилось, что наиболее даровитые, достойные, трудолюбивые оказались у власти, стали владельцами земель и угодий, дворцов и богатых домов. И теперь князьям и боярам — княжеское и боярское, а смердам — смердые, а противникам установленных порядков, ленивцам, посягающим на чужое добро, — всемерное наказание. Но своим еще юным сердцем, пытливым умом Владимир понимал, что порядок, данный богом людям, нуждался в добром и разумном поддержании — где силой, а где и лаской и нельзя доводить людей до неистовства, как это сделали своими вздорными делами Изяслав и его воеводы в 1068 году. Поэтому с первых дней княжения в Смоленской земле он постарался сохранить этот порядок всеми силами, как он понимал это. В одни волости он направил дружинников со строгим наказом взыскать с непослушных холопов, в других волостях наказывал судить людей по справедливости, и если насильничали богатые люди над бедными и убогими, то уняли бы их; в третьи послал

¹ Погост — место сбора княжеской дани.

хлеб, чтобы спасти людей, обобранных богатеями, от голодной смерти.

А вокруг Смоленска бушевал пожар народного смятения. Возмутились смерды во владениях Святослава, на далеком Белоозере, оттуда смятение перекинулось в Ростово-Суздальскую землю, в те леса, которые не раз проезжал Владимир. До Смоленска дошли вести, что появились в Ростовской земле два волхва из Ярославля, и шли они от селения к селению, обличая тех, кто держал обилье, — указывали они на лучших, богатых жен. Одна жито держала, другая — мед, третья — рыбу, четвертая — скору¹. И голод стоял в те дни во всем северном крае. Волхвы же вели за собой людей, и люди тащили к ним богатых женщин, и волхвы взрезали им кожу за плечами и вынимали оттуда и жито, и мед, и рыбу, и ужасались люди и бежали к житницам, амбарам и медушам этих женщин и вскрывали их, и насыщались сами и насыщали своих близких. По всей Волге и Шексне, до самого Белоозера прошли волхвы и вели за собой триста человек.

Владимир, слушая рассказ о страшных делах, творимых в ростовско-суздальской земле и на Белоозере, вспоминал мрачных лесных жителей и бесноватых волхвов. Нет, что-то не так без него сделал там, в ростовских лесах, его наместник, если допустил до такого кровопролития, братоубийств, свар, зависти, клеветы...

Еще один волхв, прельщающий народ, объявился в Киеве. Он вещал, что на пятое лето Днепр потечет вспять и земли переступят с места на место: Греческая земля встанет на место Русской, а Русская на место Греческой. Многие смеялись, но многие и слушали его и смущались душою. И лишь когда княжеские люди бросились на поиски кудесника, он исчез ночью и сгинул без вести.

Но тревоги не исчезли. Некие разбойники вышли из лесов и напали на Печерскую обитель. Они хотели снести монастырь прочь, разогнать святое стадо, захватить все монастырское имение. Были разбойники из смердов, чьи земли прибрал к рукам монастырь. С большим трудом монахам удалось спасти свое достояние.

Тревожные вести шли из-за рубежа. Ляхи напали на владимирово-волянские земли. Турки теснили со всех сторон войска византийского императора, подбираясь к великому городу Константинополю, откуда уже было рукой подать до русских земель. 19 августа 1071 года Роман IV Дио-

¹ Меха.

ген проиграл туркам битву при Манцикерте, был захвачен в плен и как раб с кольцами в ушах брошен в прах перед султаном; тот хлестанул его плетью поперек спины и пнул носком сафьянового, отделанного жемчугами сапога. Руссы дрались рядом с греками, бежали с поля боя вместе с ними и донесли грозную и тревожную весть до Киева, Чернигова, Переяславля, Смоленска и иных земель. В Переяславле горько рыдал митрополит Георгий, урожденный грек, живший целыми месяцами не в Киеве, где косо смотрели на него, с одной стороны, сторонники латинской веры, окружавшие Изяслава, с другой — ревнители русского православия, приверженцы Антония и Феодосия, а под крылом любившего греков Всеволода. Лишь он, тесно связанный через бывшую жену с византийским двором, поддерживал тесный союз с Константинополем. Турецкий удар по Византии больно отозвался в сердце Мономаха, привыкшего чтить родину своей милой матери и гордиться своим византийским родством. В эти же месяцы норманны апулейского герцога Роберта Гюискара — пожирателя чужих земель, как его называли на Западе, захватили византийские владения в Южной Италии.

Пользуясь ослаблением великой империи, возмущился против греков болгары. Восстала Северо-Западная Болгария, затем мятеж перекинулся в Подунавье.

* * *

Прав был отец, когда он перетянул Смоленск под свою руку и посадил там Владимира. Вольно и независимо раскинулся город на берегу Днепра. Отсюда, с высокой деревянной стены, казалось, видно и слышно было все, что совершалось на Руси и в окрестных странах. Вдоль днепровского пути шли торговые караваны с севера в Киев и из Киева в Новгород и далее к варягам, мимо Смоленска скакали гонцы от Святослава к Глебу в Новгород и обратно. И каждый купец, каждый гонец становился желанным гостем в хоробах Мономаха. Его щедро поили и кормили, предоставляли ему дома для отдыха, давали ладью или коня, если он в них нуждался. И за время, проведенное гостем в Смоленске, князь узнавал многое из того, что совершалось в тогдашнем мире. Там же он получил вести о том, что в Переяславле родился в 1070 году его сводный брат Ростислав, а затем с промежутком в год сестры Евпраксия и Екатерина. Новая

семья Всеволода разрасталась. Княгиня Анна пускала в Русской земле глубокие корни. Постоянными нитями был связан Смоленск с Новгородом, Полоцком, Ростовом, Киевом, Черниговом, Переяславлем и другими русскими городами.

И когда на исходе 1071 года великий князь снова позвал Владимира в Киев, тот знал, что речь пойдет либо об утишении мятежей на Руси, либо отправят его с ратью на юг, на Волынь, против ляхов, либо ввяжется киевский князь в балканские дела — слишком уж близко от русских земель пришли в смятение греческие владения.

А в Киеве готовилось большое общерусское торжество. Хитроумные монахи Печерского монастыря подсказали Ярославичам мысль о провозглашении Бориса и Глеба, убиенных Святополком Окаянным, первыми русскими святыми. И действительно, у всех народов, исповедовавших православную веру, были свои святые, которым люди истово молились и которые совершали великие чудеса во славу церкви Христовой. Лишь Русь стояла и молилась без своих святых, и это принижало русскую православную веру и киевскую митрополию перед другими церквами. Напрасно противился митрополит-грек этому, как он говорил, святотатству, напрасно он твердил, что ничем мощи Бориса и Глеба не показали своей чудодейственной силы, и указывал, что в православном мире есть много истинных святых — и Николай-чудотворец, и Дмитрий Солунский, и праведные Кирилл и Мефодий, не говоря уже о первосвятителях, апостолах. Феодосий же стоял на своем: Борис и Глеб — великие страстотерпцы, погибшие во имя правого дела, единства Руси, и они давно уже признаны святыми самим богом и людям надо просто выполнить волю божию.

Феодосий надеялся, что торжества по освящению мощей Бориса и Глеба всколыхнут всю Русь, примирят бедных с богатыми, объединят князей, укрепят православную веру и возвысят Печерский монастырь.

Напуганные народным смятением Ярославичи согласились с Феодосием. У каждого из них была надежда использовать устанавливающиеся мир и согласие в своих тайных делах борьбы против братьев. Изяслав хотел торжествами укрепить свой стол, Святослав вновь в эти дни надеялся встретиться со своими сторонниками в Киеве, в Печерском монастыре, выказать себя ревнителем православия — не то что продавшийся латинянам Изяслав. Всеволод, используя недовольство киевского митро-

полита, старался заручиться поддержкой митрополии для продвижения своих дел и дел своего первенца Владимира. Русь стояла на краю новых потрясений, новых междукняжеских распрей, и торжества в Киеве призваны были прикрыть их, обмануть людей видимым миром. Всеволод успел сказать Владимиру, что истинный смысл княжеского съезда — утвердить новую «Правду русскую», над составлением которой сидят сейчас бояре и воеводы трех Ярославичей.

Ранним утром 2 мая 1072 года от старенькой деревянной церкви в Киеве, где лежали мощи Бориса и Глеба, в сторону Вышгорода с его новым каменным храмом направилось торжественное шествие. Сюда собрался весь княжеский, боярский, дружинный и духовный мир Руси. Здесь были все трое Ярославичей, их сыновья — Изяславичи — Святополк и Ярополк; Святославичи — Глеб, Давид, Олег, Роман, Ярослав; Всеволодовичи — Владимир Мономах и двухлетний Ростислав, которого вынес к народу на руках его пестун. Здесь же был и Всеслав, недавно примирившийся с Изяславом и снова занявший свой Полоцк, прочие князья помельче, их бояре и дружинники. С недовольным лицом шествовал киевский митрополит Георгий, так и не признавший святости Бориса и Глеба, другие святители — переяславский епископ Петр, Феодосий Печерский, Софроний — игумен Всеволодова Михайловского на Выдубечах монастыря, прочие игумены и монахи. Впереди шли черноризцы с зажженными свечами, за ними дьяконы с кадилами и пресвитеры, епископы и митрополит в новых богатых ризах, в митрах, сияющих драгоценными камнями; следом за ними трое Ярославичей вместе с младшей дружиной тянули на санях раку Бориса, а за ними шли несметные толпы людей. Вся дорога была расцвечена дорогами парчовыми одеждами, яркими убрусами, плыли в воздухе княжеские стяги с ликами Христа и Георгия Победоносца. Пахло ладаном, свечным теплом.

Князья внесли раку с мощами в храм и открыли ее.

Владимир видел, как колебался митрополит Георгий, как неуверен был его взгляд и как потом, видно, решился он не противиться всеобщему воодушевлению, не вызывать к себе народную неприязнь; напротив, решил разом создать себе доброе имя ревнителя русского православия, рухнул ниц, распростер руки по каменным плитам.

Затем шествие вернулось в Киев; князья вынесли каменную раку Глеба, уложили ее в погребальные сани и

проволили их вместе с дружинниками за веревки до Вышгорода. Отпев литургию, братья с другими князьями и боярами, весь высший клир собрались на обед в старом Ярославовом дворце. Теперь все это, не как прежде, было для Владимира не в диковину: вот сидят — каждый род враждебный другому роду, ненавидят друг друга, завидуют, готовятся к борьбе за главный стол — киевский, составляют по другим столам своих родственников и сторонников, ищут союзников в иноземных странах. А за оконцами дворца на площади за большими столами, установленными в изобилии едой и питьем, шумит киевский люд, радуется единству Руси, миру и братству князей.

Через несколько дней, когда затих Киев после радостей и гульбы, князья вместе со своими боярами собрались в Вышгородском загородном великокняжеском дворце. Кроме трех братьев Ярославичей, здесь были их старшие сыновья, видные бояре. Составляли новую «Правду» бояре и воеводы Изяслава Коснячко, вернувшийся после мятежа 1068 года с князем в Киев Перегег, Микифор, Чюдин — наместник Изяслава в Вышгороде и вышгородский старейшина Микула.

Статью за статьей обсуждали Ярославичи новый устав Русской земли, и Владимир узнавал, сколько выгоды для сильных мира сего вложили в новый свод законов его дядья, отец и их советники. Он сам вспоминал тот страх и ненависть, которые вызвала у него разъяренная толпа перед окнами Ярославова дворца, растерянность князей и бояр, их заячий бег в Берестов, а оттуда врассыпную, в разные стороны, он вспомнил грозные чащобы ростовской земли с неистовыми волхвами. Да, только силой и страхом можно было держать в повиновении всех этих смердов, ремесленников, рядовичей, закупов, холопов, хотя он и полагал, что в тяжкие дни смятения князья могли бы проявить больше хитрости и сметки и не доводить простой люд до иступления.

Вот они, статьи новой «Правды»: «Если убьют огнищанина в обиду, то платить за него 80 гривен...», «Если убьют огнищанина в разбое...», «Если убьют огнищанина у клеи, или у коня, или у говяда, или у коровьей татьбы...», «За княжеского тиуна — 80 гривен...», «А за княжеского сельского старосту и за ратайного — 12 гривен...» Все было расписано в «Правде» Ярославичей — сколько братья с людьми за покражи княжеского имения, скота и птицы, за нарушение бортей, за перетес лесных угодий и переорание полевой межи.

Гривны, гривны, гривны вир в пользу князей: разорения и долги для тех, кто покусится на чужое имение, на чужие леса, поля, бортовые уголья, сенокосы. Особенно же «Правда» карала за насилие над княжескими людьми — сколько их погибло по Руси в 1068—1071 годах, и теперь князья и бояре всей силой своей власти защищали не только свое добро, земли, но и тех, кто был их верными помощниками, охранял их доходы и покой.

Со всеми статьями быстро согласились собравшиеся, лишь первые слова «Правды русской» вызвали недовольство у Святослава и его людей: «Правда уставлена Русской земле, когда совокупилась Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микифор, Кыянин, Чюдин, Микула». Написали на втором месте Изяславовы бояре вслед за великим князем Всеволодом Ярославичем, тем самым отдав ему первенство перед вторым по старшинству братом: мстил Изяслав черниговскому князю за всю его клевету и наветы. Да, кроме того, разве не вместе с Всеволодом стоял Изяслав в те страшные минуты у оконца сеней в 1068 году, разве не с ним вместе скакал стремглав из Киева. Такое не забывается. К тому же младших князей-братьев следовало натравить одного на другого, чтобы побольше следили друг за другом и поменьше поглядывали в сторону великокняжеского стола. Святослав сидел встревоженный, разъяренный, путая нервной рукой свои редкие волосы, обнажая тщательно прикрытую плешь, краснея плоским лицом с низким хрящеватым носом. Но он молчал, не решаясь нанести удар Всеволоду — как-никак не раз они выступали против Изяслава и что будет впереди — еще неизвестно.

Владимир следил за этой прихотливой игрой, постигал ее суть, понимал, что происходят в княжеской семье небывалые вещи — третий Ярославич медленно, но верно оттесняет от высшей власти малоспособного, ленивого, завистливого второго Ярославича, а вместе с ним и его сыновей, давая широкую дорогу ему, своему первенцу, Владимиру, внуку Ярослава и византийского императора Константина Мономаха.

Еще несколько лет назад Владимир с удивлением и отвращением смотрел, как старательно блюли князья свое место на хорах Софийского храма, как боролись за каждую пядь храмовой площадки, теперь же ему не показалось неправильным упоминание имени его отца вторым после великого князя. А почему бы нет? Ведь Всеволод был женат на дочери императора Византии, и одно это

возвышало его перед остальным племенем Ярослава. К тому же Владимир видел, как добивался Святослав первенства и почестей для себя и для своих сыновей — вероломством, клятвопреступлением, клеветой, наветом. В этом случае блюсти честь и достоинство, действовать согласно древним порядкам, подыматься вверх лестницею значило бы всю жизнь оставаться в тени, на задворках, уступать место впереди наглым и хитроумным обманщикам, неспособным наветчикам, ленивым и жадным клеветникам. Нет, раз ты вступил на лестницу власти, двигайся смело и твердо и не упускай своего. И, конечно, Смоленск стбит Ростова, а Смоленск можно было бы сменить на другой, более важный стол, и это было бы справедливо для прямого потомка великих византийских властителей. Конечно, ему далеко до Новгорода, но ведь сидит же там Глеб, который не чем иным, кроме как жестокостью, не отличался среди Ярославова рода.

Едва отзвучали торжества в Киеве и Русская земля получила из рук князей и воевод новый устав, Изяслав принялся собирать рать на Волынь. Уже несколько месяцев как польский король Болеслав II Смелый воевал русские пределы. Ляхи не могли смириться с бесславным уходом из Киева на исходе 1069 года и с тем, что верхам постоянно брали Святослав и Всеволод: первый — связанный тесно через вторую жену Оду с немецкими землями, а второй — благоволящий Византии. С каждым днем слабело польское влияние в Киеве, польские телохранители Изяслава и Святополка отъезжали на родину, киевляне косо смотрели на польское окружение великой княгини. Больше с Изяслава взять было нечего. Сам он едва-едва сидел на киевском столе, уже патавшемся под натиском младших братьев, и Болеслав ударил по Волыни. Он захватил Берестье и начал воевать владимирово-волынскую землю. Собрав войско со всех русских земель, Изяслав летом двинулся на Волынь. В составе его рати шла и смоленская дружина Владимира Мономаха во главе со Ставкой Гордятичем.

Самому же Владимиру великий князь наказал возвратиться в Смоленск, блюсти город от Всеслава как зеницу ока, охранять днепровский путь.

С неохотой воспринял Владимир этот приказ. Ему не хотелось расставаться с дружиной. Это были преданные ему люди, прошедшие с ним его первый военный путь, дравшиеся за Минск и на Немиге. С ними он бежал от восставших киевлян в ростовские леса и с ними же при-

шел в Смоленск. Там в его дружину влились смоленские удалыцы, и когда они были рядом — молодые, как и сам князь, ладные, вооруженные длинными мечами, копьями, небольшими треугольными щитами, предназначенными для конного боя, в бронях и сверкающих шишаках, — Владимир чувствовал себя уверенно и в дороге и в гридницах при разговорах с князьями. Теперь же Ставка, его старый товарищ, уводил дружину на юг.

Прощаясь, Владимир сказал молодому боярину: «Боя не страшись, Ставка, но и людей зря за Изяслава не губи». Впервые вопреки всем заветам старины и громким нынешним речам о единстве Руси князь здраво взглянул на дело и дал наказ, вытекавший из всего строя отношений среди русских князей: сколько удержится в Киеве Изяслав — неизвестно, а без дружины, без прочной военной опоры князь на Руси не в счет — вон как из пещла возрождался каждый раз Всеслав, и все потому, что стояли за ним полоцкие удалыцы.

Владимир направился в Смоленск на княжение, а дружина его с Изяславом ушла против ляхов. Лишь осенью дошли до Смоленска вести, что шли на Волыни упорные сражения, что хотел Болеслав взять у Киева не только Владимир, но и вернуть себе червенские города.

Вскоре в Смоленск пришел гонец от великого князя. Изяслав был уже в Киеве и наказывал Владимиру оставить Смоленск и принять княжеский стол на далекой Волыни. Там нужен был князь смелый и рассудительный, спокойный и решительный, и Изяслав льстил Владимиру, заставляя его переместиться во Владимир-Волынский. К тому же киевский князь извещал племянника, что его ростово-смоленская дружина смело дралась в дальних землях, и теперь великий князь надеялся, что Мономах со своими войсками сумеет отстоять русские города от ляхов.

В те дни Владимиру едва исполнилось девятнадцать лет.

НА ЗАПАДНОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Нов и труден был для молодого князя путь на юг в неведомые для него владими́ро-во́лыньские земли. В степь ушло с ним едва ли тридцать дружинников. С собой Владимир взял лишь самое необходимое — в Ростов и Смоленск собирался княжить надолго, во Владимир отправился как на рать — лишь туда и обратно.

И рать действительно началась чуть ли не с первых шагов. Через два дня пути там, где дубравы выходили в чистое поле, на юге, показались половецкие сторо́жи. Приднепровские половцы внимательно следили за всеми передвижениями в русских землях, и теперь они сопровождали поодаль русских всадников, готовые при первой опасности умчаться в степь.

Владимир знал: сторо́жи уже дали знать своим главным силам, что выехал русский князь из Киева и скачет на запад, и теперь можно было ожидать, что половцы попытаются перенять всадников. Поэтому на ночь Влади-

мир приказывал углубиться в лес и почевать в какой-нибудь лесной деревне.

Через несколько дней, когда руссы были уже на подступах к Берестью, половцы отстали.

В Берестье въехали внезапно. Только что перед всадниками было чистое поле, и вот уже вокруг лежат обугленные бревна домов, одиноко торчат из земли печные трубы, зияют обгорелыми провалами окна каменных строений, слышен вялый, редкий стук топоров — кое-кто из жителей начал восстанавливать свои жилища.

Владимир остановился возле одного из древоделов, спросил, куда делись остальные люди. Человек махнул рукой в сторону чернеющего вдали леса — «Да там попрыгались и от руссов, и от ляхов: кто берет город, тот и жжет его, грабит».

Повернули на юг, в сторону Владимира-Волынского и через несколько дней пути въехали в западнорусский столичный город. Здесь все радовало глаз — веселые холмы, поросшие негустым светлым лесом, сочные зеленые травы, неширокие прозрачные речки, бегущие по камням куда-то вниз, прочные невысокие каменные дома, отделанные белым галицким и зеленым холмским камнем, обнесенные каменными же оградами; небольшой, сложенный из кирпича, приземистый однокупольный храм, расписанный по гладким белым отштукатуренным стенам картинками из священного писания. Владимир поселился в одноэтажных княжеских хоробах, где жили еще Игорь Ярославич, а позднее удалой Ростислав, где останавливался не раз и великий князь Изяслав Ярославич еще во время войны с Ростиславом и позднее. Князя здесь не оседали прочно, не отстраивались; никого из них не прельщало провести жизнь на далекой западной окраине киевских земель; к тому же здесь нередко гремела рать, рядом воевали и чехи, и ляхи, и угры; нередко волны этих ратей заливали и владими́ро-во́лы́нские земли, и тогда князья брались за оружие, обороняли русские пределы, а то и сами наносили удары противникам. Жили без семей — жен и детей оставляли на своих дворах в Киеве.

На Волыни Мономах встретил Ставка Гордятич со всей Владимировой дружиной. Людей в ней поредело, но смотрелись удалыцы хорошо — сытые, коричневые от солища, отдохнувшие. Ставка рассказал, что рать с ляхами шла всю весну. Берестье переходило из рук в руки,

но когда город окончательно сторел, ляхи сдали его руссам, сами же укрепились в червенских городах, заявили, что Изяслав обещал отдать их за то, что польский король помог сесть ему на киевский стол. С начала лета войны не было, и теперь ему, Владимиру, решать, что делать дальше. Изяслав наказывал отбить червенские города, утишить край, прочно овладеть пограничным Берестьем.

И теперь Владимир начал с главного. За лето его люди отдохнули, набрались сил. Надо добрать дружину, привлечь туда боярских детей, а когда смерды уберут урожай — позвать в полк и их. Весь конец лета Владимир провел в хлопотах по устройству своей дружины. Он побывал в Галиче, Холме, Дорогощине, Львове, других городках Воынской земли, набрал там в дружину молодых людей, прельщал их богатой добычей, подвигами, намекал, что не засидятся они с ним на окраине, что он как-никак внук византийского императора, князь смоленский и ростово-суздальский.

А Владимир продолжал свои заботы — вернул разбежавшихся было людей на рудокопни железные по берегам рек Гнилопяти и Тетерева и свинцовые под городком Родно, на самой границе с Трансильванией, на соляные копи под Галичем. Повсюду поставил вооруженную охрану от набегов и ляхов и угров. Расставил сторожи на всем торговом пути по Висле, Западному Бугу, Днестру. Послал людей в Половецкие степи, чтобы договорились с приднепровскими и черноморскими коленами о пропуске торговых караванов в воыльнские города из Болгар, Византии.

К исходу сентября во Владимир пришли вести из польских земель о том, что началась рать между ляхами и чехами, что польский король увел войско на запад и восточные земли оказались открытыми.

Мономах богато одарил вестников деньгами и разными подарками и приказал держать их в городе, не спуская с них глаз, потому что неизвестно было, что могут донести они ляхам, если вернуться обратно в польские земли.

В осенние стылые дни 1072 года, когда обычно войско здесь не выходило в поле, боясь распутицы и дождей, он неожиданно ударил по Червенскому краю, почти без боя овладел Перемышлем и другими городками, поставил там свои отряды, приказал накрепко запереть ворота и установить дневные и ночные сторожи.

...Наступил 1073 год, и вновь началась междоусобица в Киевской земле. В начале апреля во Владимир приехал гонец из Киева от Святослава и Всеволода. Братья совместно держали киевский стол на Берестове, а Изяслав хотя и сидел еще в Киеве, но был лишен великого княжения. Братья разрешили ему выехать из пределов Киевской земли куда пожелает, с княгиней, сыновьями — Святополком, Ярополком и прочими детьми, со всем имением.

Лишь позднее Владимир узнал, что распря между старшими князьями началась сразу же, как они разъехались по своим вотчинам, после перенесения мощей Бориса и Глеба.

Боясь братьев, Изяслав послал своих людей в Полоцк для установления союза с Всеславом в случае, если кто-либо покусится на киевский стол. Святослав же без конца уговаривал Всеволода не медлить и выступить против старшего брата, прогнать его прочь к любимым ляхам. Всеволод колебался. Ему было так хорошо сидеть в Переяславле, читать свои любимые книги, а тут снова рать, хлопоты, и неизвестно еще, чем все это кончится. С другой стороны — Изяслав коварен. Напуганный первым изгнанием, он постарается предупредить своих возможных противников и если договорится с Всеславом, тот медлить не станет, отнимет и Смоленск и Ростов, доберется и до Новгорода, где сидит Глеб Святославич. Тогда поделят киевский и полоцкий князья Русь между собой — какой уж тут покой. Коварен и Святослав — если не поддерживать его, может сговориться со своими теперешними врагами, прогнать его, Всеволода, с переяславского стола, посадить во Всеволодовых отчинах своих взрослых сыновей, которые хотя и выросли, но до сих пор сидят без столов. Встанут тогда неодолимой стеной племянники на пути Владимира Мономаха, и превратится его сын в бездомного изгоя и сгинет где-нибудь в Тмутараканских степях. В случае же успеха затеянного дела он становится вторым князем на Руси, а там... что бог пошлет.

Всеволод дал согласие на выступление. Рати обоих Ярославичей тайно соединились неподалеку от Чернигова и направились на Киев. Оттуда к Святославу постоянно слали тайных гонцов его люди, сообщали, что киевляне ненавидят Изяслава и его сыновей, ждут прихода Святослава Ярославича.

Черниговско-переяславская рать внезапно появилась под Киевом. Изяслав затворился, и братья сначала обступили Киев, а потом стали приступать к его стенам, и тут же внутри города поднялись с оружием сторонники Святослава, побежали по улицам, завопили, что нет у киевлян князя, что Изяслав давно уже предал их, ссылаясь то с ляхами, то с Всеславом.

Видя в Киеве мятеж и силу войска, окружившего город, Изяслав решил не противиться и отдать братьям стол. Он выпросил себе несколько дней на сборы, и братья вошли в Киев, а потом на время сели в Берестове, и лишь когда Изяслав ушел из города, приняли опустевший стол. Великим князем киевским объявил себя Святослав Ярославич, оставив за собой и Чернигов. Всеволод возвращался назад, в Переяславль, но перед его отъездом братья направили гонца к Владимиру, чтобы немедленно оставил Владимир и шел бы княжить на Берестье, потому что через этот город пойдет к ляхам Изяслав и туда же, надо ждать, наведет снова Болеславову рать.

И вот теперь Владимир слушал гонца, размышлял над случившимся. Надо ехать в Берестье, ждать там Изяслава из Киева, а потом, возможно, встречать его с войском из Польши.

К Берестью Владимир и Изяслав подъехали почти одновременно. Владимир утром, а Изяслав пополудни. Волынский князь увидел, как со стороны Киева по еще сырой, слякотной дороге идет вереница возов и возков, по краям которой скачут вооруженные всадники. Он выехал навстречу Изяславу, встретил его при входе в город, сошел с коня. Хотя и не был Изяслав более великим князем, но оставался старшим в роде, и Владимир оказал ему подобающие почести. Изяслав был отведен на недавно отстроенный княжеский двор, Владимир потчевал его обедом, и сразу постаревший князь, осыпая крошками седеющую бороду, слезливо жаловался племяннику на его дядю и отца. Владимир слушал его, хитрого, но простоватого, неумного, стареющего человека, и у него не было к нему жалости. Конечно, Святослав опасен своей неумной жадной властью, но и Изяслав должен понимать, что власть не дается богом человеку просто так. Она требует разума и расчета, смелости и хитрости, спокойствия и стойкости. И если нет у тебя этих свойств, то нечего напрасно и искушать ее. Все равно более сильный человек столкнет тебя прочь.

На следующий день Изяслав отбыл в Польшу, и через

некоторое время оттуда пришли печальные вести. Болеслав, увязший в войне с чехами и германским императором и опасавшийся ссориться с Ярославичами, отказал в помощи Изяславу. Он принял от него дорогие подарки. Великие дары получили от киевского князя и польские вельможи, но после этого Болеслав побоялся даже оставить киевского князя в польских землях и отослал его прочь, разрешив лишь остаться в Польше Изяславовой княгине — польке с детьми. С малой дружиной, но с большим количеством золота, серебра и прочих драгоценностей Изяслав вместе с сыном Ярополком двинулся в земли германского императора Генриха IV.

Кончался апрель. Изяслав сгинул в неизвестности, и Владимир собрался на пасху к отцу в Переяславль. Пасха была лишь предлогом. Ему предстояло встретиться с отцом, чтобы договориться об общих действиях, выяснить, что происходит на Руси, как будут впредь распределяться столы, к кому отойдет стол черниговский, за кем останется переяславский.

Владимир двинулся в дорогу налегке, верхом, с малой дружиной, рядом бежали сменные кони. Кончался сорокадневный пост, поэтому и ествы с собой всадники везли немного — лишь самое необходимое. Владимир свято соблюдал постные дни — не столько ради страха перед церковью, сколько ради пользы духовной и телесной. Он давно уже заметил, что постное время очищает ум человека, помогает ему освободить тело от всего лишнего. И теперь веселый, ловкий, сухой волынский князь быстро покрывал дальнейшее расстояние. Он прибыл в Переяславль как раз в канун светлого Христова Воскресенья.

С волнением въезжал двадцатилетний Мономах в город своего детства. Он не был здесь семь лет и теперь с радостью узнавал знакомые черты родного Переяславля. Городские ворота за эти годы обветшали, побурели, но были еще крепки, могли выдержать и удар тарана, и натиск катапульти. А стены стоят как новенькие, лишь некогда свежие кольца частокола потемнели. Он проезжал все той же улицей, что вела от Епископских ворот к княжескому дворцу. В городе почти не прибавилось новых строений. Да и откуда им быть? Князья здесь почти не жили. Всеволод эти годы был либо на рати, либо в бегах, Владимир и вовсе сюда не показывался, семья Всеволода обитала в Киеве.

Но княжеские хоромы жили полной жизнью. Здесь было много домочадцев, слуг. Всеволод любил, чтобы в

любое время, когда бы он ни появился в Переяславле, все было так, как и до его отъезда. И этот порядок свято соблюдался во дворце обитавшими здесь людьми. Многие из них заметно постарели, но Владимир легко узнавал их, и люди приветствовали князя.

Отстояв пасхальную полупочницу, а затем заутреню, князья отправились на покой, наутро встретили пасху и лишь после этого удалились для дел.

И вот они сидели друг против друга во Всеволодовых покоях. Отец и сын. Постаревший, с заметной сединой в волосах Всеволод и молодой, голубоглазый, с легкой русской бородкой и едва заметными мягкими светлыми усами Владимир. Как и семь лет назад, Всеволод говорил, Владимир молча слушал, не перебивая отца и не переспрашивая, но Всеволод видел, что перед ним сидит уже не прежний, бездумно послушный отрок. Каждое слово отца он взвешивает, обдумывает, примеривает к своему ответу, заглядывает вперед.

Размышляя о киевских делах, Всеволод старался показать сыну, что каждое дело, каждое событие несет в себе не только то, что видят люди, но и то, что имеет еще и скрытый смысл, который порой бывает неведом людям. Вот, кажется, добился Святослав киевского стола, удовлетворил свою огромную жажду власти, насытил слепую яростную силу, которая терзала его, сжигала ему сердце, иссушала душу, привела к тому, что князя перестало интересовать в жизни что-либо живое. Любой свой шаг, любое слово, даже улыбку он расценивал как средство добиться пусть хоть небольшого, но продвижения вперед, к заветной цели. Мертвый, никчемный стал человек. «Таков скрытый смысл его восхождения, — говорил Всеволод, — и, восходя вверх, не теряй себя, сохраняй, береги живую душу, но это трудно, почти невозможно».

Говорил Всеволод и о другом, скрытом смысле восхождения Святослава. Чем больше добывается в жизни человек злом, хитростью, коварством, завистью, ненавистью, тем больше возбуждает против себя людей. Кажется, поддержали киевляне Святослава, но дорогой ценой досталась ему эта поддержка, и сохранить Киев будет намного труднее, чем завоевать его. Против Святослава открыто выступил преподобный Феодосий. Когда братья после захвата Киева послали за игуменом, пригласив его на обед и прося присоединиться к их союзу, он ответил отказом и сказал, что не пойдет на пир Вельзевулов и не прикаснется к яствам, исполненным крови

и убийства. Больше того — Феодосий впал в настоящее неистовство, видя распадение братского союза и предугадывая гибель Русской земли; он стал открыто обличать Святослава, по-прежнему поминал в церкви Изяслава великим князем и написал Святославу письмо, в котором грозил ему такими словами: «Голос крови брата твоего взывает к богу, как крови Авелевой на Каина».

Владимир осторожно спросил отца, каково же его место во всех этих делах. «Так что же, сын мой, — ответил князь, — ты же видишь, что не изверг и не злодей я, но есть законы выше человеческих чувств и разума. Если бог дал тебе в руки княжеский стол, то ты должен либо исполнять божью волю и поступать как князь, либо отказаться от власти, от мирской суеты. Я поступил как князь: Изяслав слаб и ненавистен киевлянам. Не сегодня, так завтра прогнал бы его Святослав. Я просто смотрел, куда пойдут дела, и шел вместе с ними. Гнев преподобного меня не коснулся, не стал я просить у брата и черниговский стол — как видишь, сижу в Переяславле. А отдай мне брат Чернигов — возмю, ты же, сын мой, сразу обойдешь в княжеской лестнице и Мстислава Изяславича, и Ярополка, а бог даст, отдам тебе Переяславль, и встанешь ты вровень с Святославичами. Не торопи время, и благо само придет к тебе в руки».

Владимир слушал отца, понимал, что не все спокойно в его душе, что хотя и многое прошел и увидел он, но не позабыл за суетой мирских дел забот о духовной своей сущности — так шел он за Святославом, потому что вели его туда княжеские хлопоты, стремление продвинуться вперед, продвинуть и своего сына, но вместе с тем осуждал он и Святослава, и себя самого за беспокойство, за жажду власти, за нарушение отцовского завета. Христовы заповеди, отцовские поучения, высокие слова о благе Русской земли, о едином отечестве разбивались о жестокую мирскую борьбу за личную славу, столы, доходы, и эта двойственность тревожила Владимира, и он чувствовал, что она проникает в его душу, разъедая ржой зависти и безразличия, вытравляя из нее многое из того, чему поклонялся он ребенком, а потом отроком. Трудно было терять себя, но трудно было и сохранить в этом страшном и яростном мире, где не христовы заповеди, не благие поучения, а человеческие страсти управляли людьми...

После пасхи Владимир снова вернулся на Волынь. Там ему надлежало выполнять приказ великого князя

Святослава и охранять русско-польскую границу от возможного выхода на Русь Изяслава.

Но тихо было в приграничье. Из Польши купцы доносили, что уже долгое время скитается Изяслав с сыном по западным землям, предлагая в обмен за помощь германскому императору и римскому папе русские земли и княжеские доходы, перемену веры на латинскую.

Новая угроза нависла над Русью: Изяслав преподнес в Майнце богатые дары Генриху IV. В те дни записал немецкий монах Ламперт в своей хронике: «Явился русский князь по имени Дмитрий¹, принеся ему (Генриху IV. — А. Н.) неисчислимы богатства, состоящие из золотых и серебряных сосудов и драгоценных тканей, и просил у него помощи против своего брата, который силой изгнал его из княжения». Генрих взялся быть посредником в борьбе братьев и направил Святославу послание, в котором грозил Руси войной в случае, если трон не будет возвращен Изяславу.

Послание повез в Киев трирский пробст Бурхардт — сводный брат Оды, второй жены Святослава Ярославича. Но в те же дни шли на Русь вести из польских и немецких земель через Волынь и Новгород, Полоцк и Византию о том, что в германских землях идет полный разлад, что папа римский грозит Генриху IV отлучением от церкви, что ляхи идут войной на Вратислава чешского — союзника германского императора. С каждым днем эти вести становились все более явными, и на Руси уже знали, что против Генриха IV восстали саксы, возглавляемые своими вельможами.

В 1073 году римским папой Григорием VII стал судьей римской церкви Гильдебранд и сразу же заявил о неслыханных до этого времени притязаниях папского престола на господство не только в духовных, но и в светских делах. И сразу же римская церковь столкнулась с германским императором. Кто будет назначать епископов и архиепископов, кто станет посвящать клириков в духовный сан, кто имеет преимущественное право управлять аббатствами и епископствами? Григорий VII направил европейским властелинам свое знаменитое послание *Dictatus papae*, в котором утверждал божественное происхождение римской церкви, право папы на полное владычество над ней, примат папства по отношению к светской власти. Папа — высшая власть на земле для вся-

¹ Христианское имя Изяслава.

кого христианина, мирянина или клирика. Он может отменить распоряжение любого лица. Никем он не может быть судим, а сам может осудить любого. Каждый властелин при встрече с папой обязан лобызать его стопы. Он даже может назначать императоров. А к императору Генриху IV Григорий VII направил письмо, которое начиналось словами: «Григорий королю Генриху шлет привет и апостольское благословение, если он будет оказывать престолу послушание, как то и подобает христианскому государю». Генрих же направил папе послание, в котором назвал его просто «братом Гильдебрандом». Борьба между папой и императором началась.

Вскоре Генрих IV объявил папу низложенным, а Григорий VII в ответ отлучил Генриха IV от церкви и освободил всех его подданных от присяги в верности императору. В Германской империи вельможи вновь подняли головы, против Генриха выступили герцоги и епископы Южной Германии.

Зная о трудных днях германского императора и понимая, что ни о каком военном вмешательстве Германии в дела Руси говорить невозможно, Святослав тем не менее постарался укрепить свою власть в Киеве. Во-первых, он пошел на поклон к Феодосию, просил разрешения у преподобного прийти к нему для беседы, и тот наконец принял князя.

Феодосий встретил его у входа в Печерскую церковь, поклонился ему, а князь поцеловал игумена. Но и позднее Феодосий поминал ему о братолюбии, а Святослав возлагал вину за разлад на Изяслава. По-прежнему в Печерской церкви в ектинье поминали Изяслава как киевского князя, но вторым, как киевского же князя, стали поминать и Святослава. Во-вторых, Святослав постарался ублажить германского императора. Он ласково принял Бурхарда, одарил его, показал ему свои сокровища, которые потрясли императорского посланца, и, желая расстроить союз Генриха IV и Изяслава, послал императору богатейшие дары. Немецкий хронист позднее писал, что никогда ранее не присылали столь великие сокровища, какие направил Генриху IV Святослав. Судьба Изяслава в германских землях была решена: Генрих отказал ему в помощи, и киевский князь, оставив сына Ярополка в Тюрингии, где он женился на дочери мейсенского графа Кунигунде, направился к врагу Генриха IV римскому папе Григорию VII.

Владимир Мономах, все еще сидевший на Волыни, получил от Святослава наказ начать мирные переговоры с поляками. Святослав старался сделать все, чтобы отрезать старшему брату все пути возвращения на киевский стол.

Теперь Мономаху надлежало выступить в качестве великокняжеского посла и замирить русско-польскую границу. Вскоре из Владимира в Краков направилось волыньское посольство: Владимир звал поляков на переговоры на берег Буга в Сутейск, обещая прочный мир на русско-польской границе и обнадеживая Болеслава киевской помощью в войне с чехами. Стоящий лицом к лицу с враждебными ему Генрихом IV и Вратиславом, польский король быстро откликнулся на приглашение и направил в Сутейск послов.

И вот уже Мономах и польский посол ведут неторопливый разговор в шатре на берегу пограничной реки. Ляхи требуют червенские города, грозят поддержать Изяслава; Мономах, собравший к этому времени вести о делах в соседних странах, спокойно и рассудительно говорит совсем о другом: «Червенские города принадлежали Руси еще во времена прадеда нашего Владимира Святославича, а еще раньше владели ими племена волян, уличей и тиверцев, которые платили дань Киеву при Святославе Игоревиче».

Владимир походя упомянул о войне ляхов с Вратиславом, о том, что за ним стоит немецкая сила и Болеславу вряд ли удастся добиться успехов в борьбе со своими врагами на западе и востоке и не лучше ли сделать границу с Русью мирной. Все это было верно, и ляхи сидели, думали, качали седыми головами, смотря в спокойные деловитые глаза молодого русского князя, для которого, казалось, не было больших тайн в хитроумных сплетениях интересов окрестных властелинов.

Потом ляхи уехали в Краков и через полтора месяца вернулись обратно: Болеслав предлагал мир и союз при условии нынешних границ, отказа от поддержки Изяслава. Владимир дал согласие. Послы поклялись в верности договору на привезенном с собой честном кресте с распятием. Владимир клялся на своем кресте и целовал его от имени великого князя киевского. В те же дни гонец ускакал в Киев с хорошими вестями.

Лишь после этого Святослав заново переделал столы, выдвинув вперед в обход Изяславовых детей своих сыновей. От Всеволода он откупился Чернигом. Тот теперь

вставал на второе место в русской княжеской лестнице, но Святослав не опасался его — третий Ярославич шел, казалось, все время на поводу у Святослава, сам не предпринимал решительных действий, больше смотрел на дела со стороны. Однако взамен Чернигова Святослав взял у Всеволода Ростов и Суздаль и послал туда не имевшего до той поры стола своего сына Олега. В Новгород он направил другого сына — Давыда, племянника Бориса Вячеславича, посадил под самым боком в Вышгороде, сместив там людей Изяслава. Переяславский же стол, ставший после смерти Ярослава Мудрого третьим русским столом, Святослав отдал выведенному из Новгорода Глебу.

Владимир же Мономах вновь получил приказ возвратиться на Волынь и управлять этой западной русской окраиной. В Смоленск Святослав послал своего наместника. Теперь казалось, что Святослав и Святославичи надолго захватили все главные столы на Руси, выгнали Изяславичей, отдали почетный стол Всеволоду, но полностью оттеснили Владимира Мономаха.

Когда Владимир получил новый приказ из Киева, а с ним и последние вести о распределении столов, он поначалу вскинулся, разгорячился. Как же так! Отец помогал во всем Святославу, пошел на клятвopеступление, выгнал старшего брата, а взамен оказался обобраным со всех сторон, лишен своей родовой вотчины — Переяславля и других земель, а Чернигов... Что ж, он так и останется за Святославовым родом, там повсюду сидят его люди. Он, Владимир, надолго выбит из княжеской лестницы, отодвинут в тень.

Мономах сидел во Владимире в своей маленькой гриднице и думал над превратностями жизни. Жизнь как детские качели — то вознесет вверх, то опустит вниз, то опять поднимет выше. И не является ли его нынешнее отступление закономерной расплатой за быстрое возвышение при Изяславе, за то, что обогнал Святославичей в годы смут и мятежей. Недолго, видимо, будет радоваться Святослав своим победам, потому что возросли они на лжи, злобе.

Наступала зима. В печи потрескивали березовые поленья. Источник бесшумно проходил по мягкому ковру, подбрасывая в огонь все новую и новую пищу. А Владимир все сидел и сидел, размышляя над жизнью, успокаивал сердце, придавливал в нем ненависть и раздражение, овладевал своими чувствами.

Уже шел второй год княжения Мономаха во Владимире-Волынском, когда гонец привез ему грамотку от отца. Тот писал из Чернигова и просил сына вновь приехать на пасху в Переяславль. Глеб в это время уедет в Новгород, и они славно побудут в своем родном городе. Там же Всеволод сообщал, что он получил письмо от сестры Елизаветы из Дании. Та предлагала в жены Владимиру английскую принцессу Гиту, дочь убитого при Гастингсе короля Гарольда. Всеволод не возволил сына, но просил его хорошенько подумать над этим предложением.

В начале мая отец и сын встретились в Переяславле и подробно обсудили все, что касалось возможной женитьбы. Конечно, Англия невесть какая держава, к тому же принцесса была безземельна, но ведь и Владимир, если смотреть правде в глаза, стоит в ряду внуков Ярослава пока лишь на восьмом месте после детей Изяслава и Святослава. С другой стороны, родственные узы с англосакской принцессой расширяют связи Мономаха с дворами европейских властелинов. Детей Гарольда поддерживает датский король, к тому же надо думать и об имени невесты. Лучше изгнанная дочь короля (кого сегодня могут не прогнать со стола!), чем дочь какого-нибудь из многочисленных немецких графов или герцогов. За Мономахом же будут уже два громких имени — византийского императора и английского короля. Владимир до этого не размышлял о женитьбе, он думал, что ему еще рано обзаводиться семьей, не имея прочного стола, крепких доходов. Беспокойное междоусобное время также не располагало к семейным узам, но он понимал, что отец смотрит уже в будущее, что нужен наследник Мономахова имени, и Владимир дал согласие; тут же гонец ушел в датскую землю через Новгород.

Через несколько месяцев из Новгорода пришла весть о том, что английская принцесса прибудет туда для дальнейшего следования в Переяславль, где Всеволод и Владимир предполагали провести венчание. А вскоре бояре и дружинники Всеволода и Владимира выехали на север встречать Гиту.

Она прибыла в Новгород в начале лета 1075 года. Не зная ни слова по-русски, смутно представляя страну своего будущего мужа, Гита все же сразу почувствовала настороженность в отношении к ней бывших в ту пору в Новгороде Глеба и Олега Святославичей. Князья радушно встретили гостью из дальних стран, от-

обедали с ней в княжеской гриднице, подняли в ее честь кубок с медом, но Гита видела, что и грубоватый, неразговорчивый Глеб, и быстрый в движениях, пылкий в словах Олег смотрят на нее с какой-то смутной тревогой, напряжением, и чем шире улыбались они, чем больше добрых слов говорили, тем напряженной и тревожной становился их взгляд. А она стояла перед ними, совсем девочка, тоненькая, с неулыбчивым остреньким личиком, тонкими сомкнутыми губами, с внимательным и каким-то вопросительным взглядом ярких коричневых глаз, которые она то опускала вниз, поднимая при этом тонкие брови, то внезапно вскидывала вверх и вопросительно вглядывалась в лицо говорившего. Отвечала тихо, односложно. Убирала с чистого светлого лба тонкими пальцами прядь темных волос.

Толмач переводил пространно, расцветчивал ее речь своими, лишними словами. Глеб и Олег немного поуспокоились, взгляд их потеплел: будущая родственница выказывала почтение и уважительно внимала словам братьев, заинтересованно смотрела на них. А князья уже старались вызвать улыбку на тонких губах принцессы, ловили ее вопросительный взгляд, воодушевлялись. Им было невдомек, что перед ними сидит женщина с уже сложившимся, твердым характером, которая прошла великое испытание несчастьями, смертью близких людей, потерей родины. Они даже не догадывались, что она дала Елизавете Ярославне согласие на брак с внуком Константина Мономаха лишь тогда, когда флот датского короля Свена был разбит мореходами Вильгельма Рыжебородого и надежда на возвращение в Англию у королевской семьи полностью угасла.

Князья уснокаивались напрасно, потому что в этом хрупком теле витал могучий и сильный дух и Гита согласилась выйти замуж за неизвестного сына переяславского князя лишь потому, что он был в прямом родстве со шведской королевской семьей и византийским императорским домом. В этом она видела хотя бы частичное восстановление своих погранных королевских прав и иступленно верила, еще не видя своего будущего мужа, что она поможет ему одолеть все высоты на пути к самому высшему на Руси восхождению.

Владимир встретил невесту в поле на подходе к Переяславию. Он слез с коня и подошел к возку, в котором ехала принцесса. Дверцы открылись, и на Владимира в упор глянули темные внимательные глаза, которые тот-

час опустились под поднявшимися вверх бровями. Он смотрел на вышедшую к нему тоненькую темноволосую девочку в русском женском уборе, сшитом из дорогих греческих тканей, с золотой цепью и ожерельем из зеленого бисера на груди. Девочка почти не поднимала глаз, лишь иногда как бы украдкой, невзначай вскидывала их на Владимира, и от этого темного взгляда ему становилось весело и тепло...

И сразу изменилась жизнь в Переяславском княжеском дворце. Вместе с Гитой в город приехали англосаксы, сторонники короля Гарольда, их жены, дети, а также датчане. Иноземцы ходили по дворцу в своих нездешних одеяниях, вежливо беседовали с руссами на их еле-эле выученном языке, рассказывали о жизни в иных странах.

Уже в первые дни их совместной жизни Владимир узнал, что его жена отличается во многом от русских женщин — не только умеет хорошо вышивать, но прекрасно читает по-гречески и латыни, знает содержание древних и нынешних философских трактатов, искушена в литературе. Она также умеет скакать на коне, стрелять из лука. Мономах все с большим любопытством приглядывался к этой хмурой, молчаливой тоненькой женщине. А она все больше привязывалась к мужу, своему единственному теперь защитнику и оберегателю, прирастая к нему всей своей стремительной, замкнутой, страстной и честолюбивой душой.

Всю зиму 1075 года князья готовили поход на запад. Святослав отдавал часть своей черниговской дружины и посылал киевских пещев во главе с тысяцким; Всеволод выделял переяславскую дружину. Олегу приказано было прибыть к началу весны к Киеву с ростово-суздальской ратью, а Мономаху надлежало встречать русское войско во Владимире вместе с волынской дружиной и полком. Святослав намерен был ударить по чехам, союзникам Генриха IV и врагам польского короля, и тем самым отблагодарить Болеслава за отказ в помощи Изяславу, а заодно и наказать Вратислава чешского, во владениях которого обретался долгое время бывший киевский князь. Кроме того, Святослав был снедаем жаждой известности. Победа над половцами при Снови не снискала ему больших почестей. Как воителя и сильного властелина его не знали в окрестных странах. Единственно, чем пока прославился он, так это огромными накопленными богатствами. Теперь же русское войско должно бы-

ло добыть в далеких землях славу и честь Святославу, прославить его мудрость и силу правителя.

После долгих колебаний во главе войска он послал двух двоюродных братьев — Владимира Мономаха и своего сына Олега Святославича. Старшим князем, несмотря на молодость, был назначен Мономах. Отец хорошо знал Олега. Он пылок, безумно храбр, благороден, подлинный рыцарь, но им движут лишь сердечные порывы, которые зачастую оборачиваются недопустимыми в серьезных делах власти просчетами, неразберихой, а то и прямыми несчастьями. Он может выиграть поединок, даже битву, но далее Олег уже не смотрит; он как ребенок довольствуется малым успехом. Тот приносит ему большую радость. Владимир — другой. Кажется, что его вовсе не интересуют нынешние приобретения и потери; он собран, устремлен в будущее; давно уже перестал быть отроком, приобрел большую не по годам зоркость и зрелость. Этот может проиграть битву, но выиграет поход. Опасный молодой соперник его сыновей. Но делать нечего, надо посылать старшим Владимира. Поход в сердце западных стран должен закончиться успешно. Он должен принести мировую славу киевскому князю, но обеспечить это из нынешних князей могут только три человека — Всеслав Полоцкий, Всеволод и Владимир Мономах. Но Всеслав — постоянный враг Киеву, и хорошо, что сидит смиренно в Полоцке, не сеет смуту. Владислав — второй князь на Руси, и не с руки Святославу посылать в поход своего единственного брата. Остается Владимир.

В начале лета 1076 года русская рать собралась на Волыни. Перед тем Владимир перевез чреватую¹ жену в Чернигов к отцу, подалее от незащищенного дикого поля, и теперь все его помыслы были устремлены на предстоящий поход.

От Владимира-Волынского к польской границе каждое войско двигалось особо. Впереди шли киевляне и черниговцы, возглавляемые киевским тысяцким, следом шла рать Олега, а замыкал войско Владимир с переяславской и волынской дружинами. Вели войска опытные проводники из ляхов, которые встретили русских на выходе из города и теперь провожали их по польским землям.

Прошли Сандомир, потом, оставляя Краков на юге, двинулись к Калишу. Сюда же подошла и рать Болеслава

во главе с одним из его воевод. Руссы вышли на правый берег реки, ляхи стояли на левом берегу, молча смотрели друг на друга недавние противники, а нынешние союзники, потом руссы начали переправу, и далее обе рати двигались уже вместе. Польская рать заходила в города, своему же войску Владимир приказал в поселениях не задерживаться. Устраивали привалы либо в чистом поле, либо в лесу: князь не хотел, чтобы войско разбрелось по улицам — в этом случае неизбежны стычки с ляхами, дело может дойти и до серьезных схваток, потому что русским дружинам ничего не стоило взять на шит любой город Болеслава. После Калиша пошли на Глоггов — последний крупный город ляхов на границе с чехами. Здесь русское войско переправилось через Одру. Это была третья большая река, которую пересекли руссы. Позади остались Висла и Варта.

Одру переплывали на многих ладьях, предоставленных ляхами. Коней ставили на большие, сколоченные плоты. На плотах же переправляли камнестрелы, телеги, повозки, камни для метания. Шум стоял над Одрей: немолчный человеческий гомон, лошадиное ржание. Владимир, Олег, воеводы смотрели с берега на переправу, руководили порядком. Враг был далеко, поэтому переправлялись неспешно, дружина за дружиной, полк за полком. Владимир вступил в ладью вместе с последними переправлявшимися дружинниками. Олег был давно уже на том берегу реки. Ему было невтерпещ сидеть здесь в седле, смотреть на воду, на бесконечные толпы воинов. Владимир не удерживал его — пусть резвится князь. Он не вошел в ладью, пока лично не убедился, что все воины покинули берег реки.

За Глоговом начинался Чешский лес. Там простиралась земля моравов, чехов, богемов, там лежала страна Братислава, и оттуда каждый час можно было ожидать выхода королевской рати. Но все было тихо.

Пока шли по лесной дороге, Владимир не опасался нападения. Опыт войн с ляхами на волыно-польской границе подсказывал, что тяжело вооруженные западные рыцари и пешцы с большими прямоугольными щитами и длинными копьями не смогут развернуться в лесных чащобах. Удара надо ждать по выходе в поля, ближе к чешским городам.

А лес становился все гуще и мрачнее, и хотя руссы, особенно те, что были с севера, привыкли к глухим местам, но здесь, на чужбине, эта темнота наводила страх

¹ Беременную.

и тоску; воины, особенно смерды, ремесленники, вздыхали, крестились, некоторые доставали с груди разные заговоренные ведунями и ведуньями вещицы — корешок дерева, причудливый камешек, клочок пряжи, костяное изделие — и бормотали над ними заклинания, ограждающие от этого страха и тоски.

Владимир видел, что с наступлением сумерек войско стихает, настораживается. Он объезжал и свои — волынские и переяславские десятки и сотни, потом обгонял их, доезжал до других дружин и полков, заговаривал с воинами, бросал острое, смешное слово, просил смотреть веселее, говорил, что негоже унывать в походе предкам славных воителей — Святослава и Владимира, сокрушавших великую Византийскую империю. Люди видели перед собой молодого спокойного князя, слышали его негромкий, уверенный, уважительный к ним, простым воинам, голос и веселели, на душе становилось спокойнее. Потом проводники выводили к поляне, и она тут же покрывалась десятками небольших костров. Воины, и польские, и русские, согревались от ночной сырости, доставали котлы, варили мясо, раскрывали корчаги с цежью — кисельной жижей, доставали с телег хлеба, сыры. Отужинав, расстилали на земле лапник, прикрывались лошадиными попонами, пепцы — чем бог послал. Спали при оружии, снимали лишь брони и шипаки и то клали их рядом, чтобы можно было схватить и надеть в любой час. Поляна затихала, а Владимир и Олег выезжали вперед по ночной дороге, проверяли свои сторожи, засады и лишь после этого отходили на покой.

Едва занимался рассвет, войско поднималось. Воины наскоро доедали вечернюю еству, грузили подводы.

Владимир к этому времени был уже на ногах, объезжал поляну, чтобы все видели, что князь бодр и готов к новому боевому дню.

Как и думал Владимир, чехи и богемы не осмелились тревожить русское войско в лесу, но едва лес расступился и впереди зазмеялась дорога, уходящая к ближнему городу, сторожи донесли, что впереди стоит рать Вратислава.

Владимир быстро развернул свое войско, как это обычно делали руссы. В челе встали полки из городов, там были пепцы-копьеносцы; княжеские конные дружины встали на крыльях, польскую конницу Владимир поставил сзади на случай преследования неприятеля, решив дать первый бой своими, русскими силами, опасаясь, что

союзники могут не выдержать конной атаки закованных в брони чешских и немецких всадников.

Блистали на июньском ветру брони воинов, трепетали в синем небе княжеские стяги, разноцветные ленты на копыях чешских всадников радугой расцветывали ряды чешского войска. Вот он, первый бой на чужбине! Владимир объехал строй своего войска. Стоят кряжистые, суровые ростовцы, суздальцы, а рядом, повеселее, киевляне, переяславцы; взгляды их спокойны. Они хорошо делают любую работу, сделают и эту — выстоят под натиском рыцарей. Воины одобрительно кивали князю, некоторые, наиболее возбужденные, кричали, что выстоят. Мономах улыбался, махал им рукой. Радуга на той стороне поля пришла в движение: рыцарская конница, убустря бег, двинулась вперед. И вот уже земля содрогнулась под тяжестью сотен воинов. Лица руссов посуровели. Они закрылись щитами, теснее сомкнули ряды, выставили вперед копыя.

Рыцари на полном скаку врубались в первый ряд русских пешцев. Копья руссов ударили в брони, прикрывавшие лошадиные груди, в щиты рыцарей, раздался оглушительный лязг, кони хрипели и рвались вперед, понукаемые шпорами. И в тот же миг русские стрельцы из лука осыпали нападавших тучей стрел. Первый ряд рыцарей лишь погнул линию пешцев, но следом подкатил новая волна закованных в латы всадников. Пока пепцы смыкали свою расстроенную первым ударом линию, рыцари врзались в нее, раскидали руссов мечами; их копыя уже были ни к чему в ближнем бою. Но тут же рыцарей встретил второй русский ряд и новый рой стрел, и все повторилось: снова длинные копыя руссов как чашкокол остановили тяжелый конский бег рыцарей, и снова следующая волна рыцарей смела вторую линию русских пешцев. Владимир и Олег стояли на высоком холме позади своего войска, и битва развертывалась перед ними. Они видели, как атаки рыцарей все больше прогибали русский центр. Олег волновался, хватался за рукоятку меча, говорил, что уже сейчас надо ударить крыльями по краям рыцарской конницы, но Владимир хранил терпение. «Пусть увязнут поглубже», — отвечал он.

Мономах видел, как падают под ударами рыцарских мечей смерды и ремесленники из Ростовской, Суздальской, Киевской земель. Но что делать — на то сражение; воистину говорит древняя мудрость: «Война без павших

не бывает». Не о них сейчас надо думать, а об успехе дела, в далеком краю пужна только победа.

Вот совсем уже изнемогли пешцы, но и рыцарей побавилось, совсем увязли они среди русских стрельцов и копейщиков. И тут Мономах сказал Олегу: «Веди, князь, левое крыло, я пойду с правыми», и братья пришпорили коней. А вскоре русские дружины пришли в движение: двумя дугами рванулись они вперед, охватывая крылья рыцарского войска, а рыцари все врубались и врубались вперед, пытаясь рассечь русское войско надвое. Позади всадников охраняли немецкие пешие копейщики, которых прислал Вратиславу в помощь германский император. Дружинники ударили по копейщикам, врезались в их строй там, где они соединялись с рыцарями: так Владимир задумал с самого начала. Рыцарям трудно развернуться и оборотиться вспять. В этом месте между пешцами и всадниками есть зазор, нет плотного ряда. Сюда с двух сторон и направили дружины Мономаха и Олега. Оба князя рубились впереди. Телохранители прикрывали обоих сзади и с боков, а спереди каждый надеялся только на себя. Владимир отражал удары копий щитом и обрушивал вниз разящий удар своего меча. Стрел можно было не опасаться, в войске Вратислава не оказалось лучников.

Все ближе сходились крылья русского войска и вот наконец встретились; руссы разъединили пеший строй и конницу противника. Теперь чехи лишились возможности единых действий, а руссы, напротив, одновременно наступали и с центров, и с боков, теснили назад вражьи пешцев. Поняв, что разъединить русское войско и уничтожить его по частям не удалось, рыцари повернули назад и стали выходить из сражения; дружинники бросились за ними следом, оставив немцев своим копейщикам и стрельцам; русские пешцы приободрились и, наклонив копья, двинулись вперед.

В этот час противник дрогнул. Видя бегущих рыцарей, смешались немецкие копейщики.

А русские пешцы упрямо и медленно все шли и шли вперед, и вот уже их первые ряды приблизились к немцам вплотную, и те побежали прочь вслед за рыцарями, бросая по пути копья и щиты. Стрельцы выскочили вперед, и стрелы вновь засвистели в воздухе, поражая бегущих врагов, и тут же в бой вступила польская конница. Заколыхалось над полем боя королевское знамя, раздался боевой клич ляхов. Их свежая лавина смела остатки

немецких копейщиков и достала рыцарей. Разгром противника был полный. Союзники захватили рыцарский обоз, вражеские стяги. Остатки разбитой Вратиславовой рати укрылись за крепостной стеной ближнего города.

Олег рвался в бой, хотел с ходу овладеть городком, но Владимир воспрепятствовал этому: неизвестно было, где находятся основные силы Вратислава, сколько их, каково число защитников крепости. Надо дать отдохнуть и своим войнам, накормить их, помочь раненым, похоронить убитых, выставить сторожи. Так и закончился этот первый военный день руссов на выходе из Чешского леса.

А на следующее утро стало известно, что ляхи снялись со своего места и ушли домой.

Только позднее, уже во время переговоров с послами Вратислава, Владимир узнал, что еще задолго до первого сражения в Краков был направлен чешский посол — воевода Лопата с наказом просить у ляхов мира. Взамен Вратислав обещал выплатить Болеславу тысячу гривен серебра за ущерб, причиненный чешским войском польским землям. Оба властелина решили сохранить нынешнюю границу. К тому же против Болеслава возмутились поморяне и пруссы, и польский король послал войско в Поморье. Гонца из Кракова привез наказ польскому воеводе к вечеру в день битвы. И ляхи, не известив русских князей, ушли в сторону Глогова.

Не получая никаких вестей от Болеслава, руссы решили продолжать войну лишь своими силами, тем более что и первое пограничное сражение они выиграли почти без помощи польского отряда.

Дав войску небольшой отдых, Владимир приказал взять приступом близлежащую крепость, куда укрылись остатки чешско-немецкой рати. Руссы поставили на колеса огромные, окованные железными листами бревна — тараны, подвезли к крепостной стене камнестрелы. Теперь хода назад не было — только вперед либо до сокрушения противника, либо до почетного мира — только так могли вернуться молодые князья на родину.

Перед ними лежал городок, окруженный высокой каменной стеной. За этими стенами текла обычная мирная жизнь. И теперь ему, Владимиру, силой судьбы надлежало брать приступом этот городок, как когда-то впервые в жизни он брал Минск, и, как в Минске, по взятии городка надлежало разграбить его дочиста, поделить добычу между воинами и сжечь городок, если проявит он большое упорство и не откроет добром крепостные ворота.

Но жители не стали искушать судьбу. Едва руссы из-готовились к приступу, как городские ворота открылись и лучшие жители городка во главе с местным воеводой запросили мира: войны складывали оружие, горожане давали руссам выкуп, какой пожелают, но просили не жечь город и не волоочь людей в полон. Владимир и Олег согласились.

В те же дни они послали гонца в Краков и писали Болеславу, что ляхи сами призвали Русь на Вратислава, а ныне, когда руссы обретаются в Богемии, объявили, что примирились с чехами. Это остается на воле Болеслава, но руссы не могут возвратиться без почетного мира и положить стыд на Русь и на отцов своих. Князья объявляли, что они идут искать своей чести, а никакой вражды к ляхам у них нет.

Между тем руссы шли в глубь владений Вратислава и достигли города Глаца. Глац затворился наглухо, и Владимир приказал взять его приступом.

Несколько дней простояли руссы под городом, били таранами в крепостные ворота, засыпали защитников города градом стрел и тяжелых, дробящих череп камней, потом с приступными лестницами наперевес бросились к степе. На них лили горячую смолу, скатывали большие камни, толкали в грудь копытами, поражали из луков, а руссы упорно и быстро ставили новые лестницы и взбирались по ним наверх. Владимир видел, как переяславская дружина, дравшаяся с его отцом еще под Минском, первой взойшла на крепостную стену, а потом уже следом за ней в город скатились киевляне, ростовцы, черниговцы. Вопль взмыл над городом. Клубы дыма вырвались в синее небо, начался разгром Глаца. Потом рать отдыхала, а через день двинулась к следующему городу.

Вратислав, помогавший Генриху IV сокрушить восставших князей и епископов, не мог поддерживать свои города. Он еще надеялся на силу их крепостных стен, но руссы брали город за городом, шли огнем и мечом по округе, и король запросил мира.

Мономах принял королевского брата, властелина Богемии, епископа Владимира в своем шатре; рядом сидел Олег, поодаль разместились бояре и воеводы. Лицо Мономаха застыло, глаза строго, с прищуром, смотрели на вошедших королевских посланцев, в эти минуты решалась честь Руси, честь его самого и его двоюродного брата.

Посол предлагал мир, откуп в пятьсот гривен серебра, запас ествы на обратную дорогу до самой русской

границы. Мономах молча выслушал посла, взвесил все: ясно, что Вратислав не может оборонять свои города, руссы научились брать их быстро и без больших потерь, добыча сама идет им в руки, войско еще в состоянии воевать несколько недель, несмотря на потери и раны, воодушевлено победами. И он сказал тихо и жестко: «Нет, епископ, вы дали ляхам откупа в тысячу гривен, хотя они не одержали ни одной победы. Мы пойдем на мир, если дадите дары на все войско, чтобы раздать войнам, да еще дать семьям павших, выплатите нам, как и ляхам, откуп в тысячу гривен и снабдите ествой, как предлагаете».

Епископ попросил на размышления день, а через день снова предстал перед русскими князьями и дал согласие на ряд, который предлагал Мономах.

Руссы возвращались в свои дома с честью, отяжеленные великой добычей и дарами. В Польше они узнали, что войско Болеслава завязло в Поморье и польские вельможи недовольны своим королем, возводят на него многие клеветы и поношения.

Перед Киевом войско остановилось; войны чистили оружие и брони, мыли лошадей, и в город вступила рать хоть и поредевшая, но в полном порядке, с несметным обозом, который долго еще тянулся вслед за войсками по киевским улицам.

Владимир ехал стремя в стремя с Олегом. Оба на вычищенных конях, в пурпурных плащах, под своими стягами — веселый, улыбающийся Олег и строгий, с усталыми глазами Мономах. За эти четыре месяца, что они провели вместе в походе, Владимир сдружился со своим двоюродным братом. Тот был легок во всем — не жаловался на трудности похода, самозабвенно дрался в сражениях, не мешал Мономаху распорядиться войском, был искренен и пылок в чувствах, но в ответ Олег требовал той же легкости и приятства от Мономаха, а тот, отягощенный высшей ответственностью перед Русью, перед старшими князьями, не мог ответить тем же. В каждом его слове, движении Олег угадывал какой-то высший смысл, и это его тревожило, выводило из себя. И все же они приехали к Киеву друзьями.

Колокольным звоном, толпами ликующих людей, богатым пиром в княжеской гриднице встретил Киев победителей.

Кончалось лето. Полных четыре месяца провел Владимир в чужих краях. И теперь ему надо было бы потер-

петь еще немного — принять участие в княжеских спорах о новом переделе столов, узнать, куда ему двигаться — снова ли на Волынь или в Смоленск, который братья до сих пор так и не поделили между собой. Но Владимир уже знал, что в июне месяце в Чернигове у него родился сын, что до сих пор он еще не наречен. И вот уже молодые князья скачут в Чернигов на крестины.

Гита, все такая же тонкая, неулыбчивая, встретила Владимира на княжеском крыльце, не таясь людей, повисла у него на шее, и он вдруг почувствовал, как ему не хватало этой молчаливой, тихой и твердой женщины. Сладко ему стало, и впервые при встрече с ней у него закружилась голова.

Олег Святославич был посажен крестным отцом. Княжича нарекли двойным именем, как и Мономаха, — русским в честь славного предка Мстислава Владимировича и Гарольдом в память погибшего отца Гиты, короля Англии. Гита хотела, чтобы ее и Мономаха сын сразу был приметен среди Рюрикова племени.

Святослав не торопился отблагодарить Владимира. Тот переехал с женой и сыном в Переяславль, жил во дворце отца, не спешил на Волынь. И великий князь не торопил его. Всю осень Святослав был занят еще одним великим трудом, который должен был увековечить его имя. К этому времени Феодосий умер, и теперь в монастыре сидел игумен Стефан, близкий к Святославу человек. По указанию же Святослава грамотей Печерского монастыря составили Изборник, куда поместили многие известные труды тех дней о суде, власти и о прочем. Они рассказали о праведном и нелицеприятном судье, о добром князе, писали, что «князь бо есть божий слуга человеком милостью и казнию злым». Таким хотел видеть себя Святослав перед нынешними и последующими поколениями.

Наконец Изборник был закончен, и Святослав вспомнил про Мономаха. Победитель чехов и немцев, князь, утишавший Волынь, был послан на княжение в Туров. Это был невесть какой стол, когда-то почетный, третий после Киева и Новгорода, но потом оттесненный Черниговом и Переяславлем. Но все же это ближе к Киеву, чем Владимир-Волынский. На Волынь же был направлен великокняжеский наместник.

В начале осени Владимир выехал в Туров. Гита и маленький Мстислав ехали с ним.

Но недолго довелось пробыть князю в Турове. Новый гонец из Киева позвал его в столичный город...

Владимир ехал в недоумении: войны утихли, столы поделены. Кажется, всем уже может быть доволен великий князь. Но нет, нашлась у него еще одна забота.

Прежде чем идти на великокняжеский двор, Владимир, как всегда, пришел на совет к отцу, и тот в нескольких словах рассказал сыну о новых затеях Святослава. Теперь его сжигала мысль о том, чтобы встать вровень с византийскими императорами. Долгими столетиями боролась мужающая Русь за это равенство и кое в чем преуспела при Олеге, Владимире, Ярославе. Но после смерти Ярослава, который уже именовал себя кесарем, и начавшихся распрей в его доме Русь потеряла многое из накопленного, и вновь византийские императоры свысока смотрели на киевских владык. Лишь Всеволод пользовался благосклонностью византийского двора, но благосклонность эта распространялась лишь на него самого и его детей — Мономаховичей, на Переяславское княжество.

Теперь приспел удобный случай: в Византии распри, Михаил VII захватил трон, лишив царства своего отчима — Романа IV Диогена, против нового императора поднялись мятежи, восстали болгары, отложились курсуняне. В отчаянии направил Михаил послов со многими дарами в Киев к Святославу и Всеволоду; просил помощи, просил спасения. В свое время Владимир Святославич вот так же вмешался в дела Византии, помог Василию II усмирить болгар, взял себе в жены византийскую принцессу, получил крещение Руси из рук константинопольского патриарха, возвысился тем самым над многими окрестными государствами.

Теперь Святослав вознамерился повторить дела своего прадеда. Киевский князь наказал воеводам готовить войско в поход на Балканы, куда собирался отправиться вместе с братом, а Владимиру и своему сыну Глебу приказал немедля, пока не стужилась осень, спуститься на ладьях в устье Днепра, а потом ударить вдоль морского берега по курсунским владениям и по самому Херсонесу.

Не время это было для новых сражений. Дружинники и вои едва отдохнули от изнурительного похода к Чешскому лесу, многие погибли в боях, войско поредело, но Святослав был неумолим. И вновь он верховенство в походе отдавал уже многоопытному, хоть и молодому Мономаху, а Глеба давал ему не столько в помощь, сколько для надзора.

Двоюродные братья стали собираться в дорогу. К Ки-

еву потянулись ладьи со всех приречных городов, потянулись и воины из Турова и Новгорода, Смоленска и Чернигова. В эти дни у Владимира впервые появилась мысль двинуться на Херсонес не водой, а по землям. Пока минуешь пороги, пока преодолеешь корсунские заставы и городки в устье Днепра, корсуняне успеют подготовиться к обороне, запрут ворота, снарядят к бою стены, стянут в город все военные силы, запасут еству и питье. Удар с поля был бы неожиданным, тем более половцы сейчас мирны, и можно было бы вынырнуть из глубины к самому морскому берегу.

Потом Святослав неожиданно занемог. Византийские послы без дела толклись в Киеве, просиживали в палатах у бояр и воевод, бродили по торговищу. Ладьи, собранные в поход, качались у днепровского берега, привязанные к многочисленным кольям, вбитым в прибрежный песок...

А 27 декабря от великого мучения преставился великий князь Святослав Ярославич. По всему телу у него пошли желваки, и в несколько дней князя не стало. В тот же день Всеволод распустил войско по домам. Люди качали головами в недоумении: всего достиг Святослав Ярославич в свои неполные пятьдесят лет — утвердился на киевском столе, рассадил вокруг себя сыновей, накопил несметные богатства — золотом, серебром, тканями, сосудами, камнями, подчинил себе Печерский монастырь, прослыл книголюбом и любомудром. И стал Святослав надменен, власть текла у него из глаз, веяла от напыщенного тела, слышалась в звуках его взвешенных, произносимых со значением слов. И вот он лежит, поверженный, несуществующий, жалкий, бездарный, завистливый и злой человек. И нет людям тепла от его памяти и его слов.

Тело князя повезли в Чернигов, в родовую Святославлеву отчину, для того чтобы отпеть в храме Спаса. Туда же собралось Рюриково племя, оплакать своего родича.

Снова, как и у гроба Ярослава, как позднее на великие церковные праздники, как при перенесении мощей Бориса и Глеба, они стояли в молчании сомкнутым рядом: чуть впереди Всеволод — старейший в княжеской лестнице из тех, кто обретался в русских землях, а чуть позади — Святославичи: Глеб, Олег, Давыд, Роман; стоят рядом с мачехой Одой, а возле нее малолетний единственный сын ее от Святослава Ярослав. На него уже никто не обращает внимания. Он наверняка затеряется

среди взрослых мощных Святославичей. Да и у Оды нет корней в Киеве. Владимир Мономах стоит рядом с шестилетним братом Ростиславом, здесь же Всеслав Полоцкий; рядом с матерью, Ростиславовой княгиней, отроки Ростиславичи (Василько, Володарь и Рюрик) — дети князя-изгоя; княгиня Анна — с маленькой Евпраксией, недавно родившейся сестрой Мономаха, другие Рюриковичи помельче, их жены, дети.

Всеволод стоял в тяжелом раздумье. Ему надлежало согласно старшинству занять великокняжеский стол; власть сама упала ему в руки, но жив скитающийся в дальних странах Изяслав; Киев полон сторонниками покойного Святослава, ненадежен Чернигов, а Святославичи — вот они, рядом, уже не дети, — взрослые князья, деятельные, долгие годы обделенные столами, землями.

Владимир пытался вслушиваться в молитву, хотел забыть о земном, смерть разом перечеркнула в его мыслях нелюбовь к Святославу, но суетные мысли одолевали. Если отец займет великокняжеский стол, то где будет сидеть он, Мономах? Вряд ли Всеволод позволит племянникам владеть почти всеми главнейшими русскими городами. Он чуть поднимал голову и смотрел искоса на Святославичей — они стояли скорбные, но видно было, что и их мысли далеки от небесных, неземных забот. Разом все может измениться в их жизни. Если Всеволод станет первым, то кто станет вторым?

А над Черниговом уныло и тяжело вздыхал колокол храма Спаса, и галки, вспугнутые его густыми звуками, темной сетью висели над куполами, и их встревоженный гомон витал над застывшим в молении городом.

«...И РАЗДРАСЯ ВСЯ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ»

Написал о наступившем вслед за этим временем автор «Слова о полку Игореве»:

«Тогда, при Олеге Гориславиче, заседалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука; в княжих крамолах жизни людские сокращались. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу».

После девятого дня со времени кончины Святослава Ярославича Всеволод выехал в Киев. Теперь ему надлежало управлять всей Русской землей. И уже до отъезда он отдал свои первые приказы. Прежде всего освободил от Святославича свой родной Переяславль, послав туда наместника, а Глебу наказал немедленно выехать вновь на княжение в Новгород. Сына Владимира он свел из Турова, послал туда своих людей за невесткой и внуком. В Туров также выехал великокняжеский наместник.

Владимир ехал в Киев в возке вместе с отцом, и Всеволод втолковывал сыну:

— Сядешь в Чернигове, надо выбить это родовое гнездо из рук Святославичей, а как бывший смоленский князь будешь держать за собой и Смоленск.

Обычно спокойный Всеволод был возбужден, его глаза блестели, жесты стали резкими и нервными. Владимир угрюмо слушал отца. Судьба снова круто возносила его, двадцатитрехлетнего князя, вверх. Черниговский князь! И это при живом еще Изяславе, его сыновьях Ярополке и Святополке, при Святославичах, считавших Чернигов своей родовой отчиной. Занять черниговский стол — значило нарушить всю лестницу, вызвать споры и междоусобицы, а ждать... ждать можно до окончания века. И прав, наверное, был отец, когда сразу же потеснил Святославичей.

Первым из них не выдержал молодой Роман, бежал из Чернигова в Тмутаракань вместе с дружиной, близкими Святославу людьми. Там, на южной русской окраине, мечтал он собрать войско таких же, как он, удалцов и отнять обратно стол отца своего. С пути он послал гонцов на Волынь к Олегу и в Новгород к Глебу, прося их о помощи, молил не верить Всеволоду и Мономаху. Но настоящая беда для киевского князя пришла не с юга, а с севера.

Едва Всеслав Полоцкий вернулся домой с похорон великого князя, как тут же нанес удар по новгородским землям; и теперь слезно просил великого князя Всеволода Глеб Святославич о помощи. Записал в своем «Поучении» позднее Владимир Мономах об этих днях: «И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь».

На этот раз Владимир двинулся на север не как подручный других князей, а во главе войска. Ему впервые предстояло воевать против такого опасного соперника, каким был князь Всеслав — быстрый, решительный, беспощадный. С Мономахом шла смоленская дружина, полк и Всеволодова дружина из Киева. Всеслав в эти дни разорял новгородские пограничные с полоцкой землей пределы, а Мономах шел напрямую в Новгород. Для него важнее было сразу же обезопасить от полочан этот старинный и богатый город. Глеб встретил его приветливо. Сейчас ему было не до родовых споров с Мономахом: то-го и гляди его могли выбить с новгородского стола. Отца

нет, братья обретаются неизвестно где — без столов и доходов, приходится идти на поклон к младшему, двоюродному брату. Сегодня в его руках сила, власть, за ним поддержка отца, за ним смоленская дружина, вся Переяславская земля.

В марте, пока не сошел снег, по последнему санному пути братья, оставив Новгород за спиной, двинулись на поимки Всеславовой рати. Но не так-то просто было настигнуть полоцкого князя. Он скрытно, по-волчьи обегал новгородские городки, села и погосты, грабил их, сек и уводил в полон людей, шел по новгородской земле, точь-в-точь как шли когда-то половцы по земле переяславской. И не было у новгородцев, смолян и киевлян ни шноровки, ни умения, чтобы упредить Всеслава, выйти на него неожиданно.

Всю вторую половину марта и начало апреля гонялись двоюродные братья по лесам и полям за полоцкой ратью, но так и не встретили ее в открытом большом бою. Правда, отвоевывали назад новгородские городки, трепали отдельные полоцкие отряды, застревавшие в еще глубоких снегах. Мономах все более и более убеждался, что занимались они с Глебом бесцельным делом: не в этой вечной погоне за Всеславом таился ключ к успеху в борьбе с полоцким князем. Взять князя можно было бы лишь ударом в самую сердцевину его земель — нападением на Полоцк и обескровить полоцкую землю вот такими же изнурительными быстрыми нападениями. Сначала Владимир ужаснулся своей мысли, ведь как-никак, а речь шла о войне с русскими же людьми, с теми же дружинниками, смердами, ремесленниками. А потом в холодном раздумье спокойно устранил все сомнения. В который раз Всеслав наносит удар Руси в спину, в который раз сеет междоусобицу, открывая Русскую землю степнякам, иным недругам. С таким врагом нужна борьба беспощадная, борьба насмерть. И жаль, что вновь погибнут русские люди ради корыстных и честолюбивых замыслов полоцкого князя.

В апреле дороги не стало, и князья вернулись в свои земли: Глеб — в Новгород, Владимир — в Смоленск. Потом Владимир уже в Киеве рассказывал Всеволоду о тяжелых и бесцельных походах по снегам в Новгородских пятинах и как бы невзначай упомянул, что приостановить бегство Всеслава можно лишь ударом на Полоцк. Всеволод промолчал. Мономах понимал, о чем думал осторожный отец: распря идет вдалеке от Киева. Ну, разорвет

Всеволод новгородские земли — не переяславские же, не ростовские и не смоленские. А поход на Полоцк — это уже большая война, большие заботы. И чем они еще кончатся, неизвестно, а на юге — половцы, а в западных землях бредет Изяслав с сыновьями, стол киевский еще не прочен. Святославичи лишь ждут своего часа. Что предпринять, какой выбор сделать? Молчал Всеволод, молчал Владимир, а время шло, приближалось лето, из Смоленска пошли вести о новых военных приготовлениях полоцкого князя. В мае — июне он мог нанести удар и по Новгороду и по Смоленску, и если успех будет сопутствовать ему, то станет честолюбивый князь господином всего севера, разделится тогда Русская земля, и допустить этого было нельзя.

Едва теплые майские ветры просушили дороги, объединенное киевское и смоленское войско двинулось на Полоцк. Вел его великий князь Всеволод Ярославич, а Владимир был у него в помощниках. Расчет князей был правильным: Всеслав тут же перестал бегать по соседним новгородским землям и поспешил на выручку к своему стольному городу; он собрал туда воев, наготовил припасов и приготовился к сидению. Но на этот раз князь не дошел до Полоцка, а лишь поугали Всеслава. В дороге Всеволодо догнал гонец из Киева и известил его, что Изяслав двинулся с войском из Польши на Волынь и собирается в скором времени быть в Киеве. Вновь нависла над Русской землей страшная туча большой усобицы.

На Волынь Изяслав с сыновьями и княгиней вышел после долгих скитаний по чужеземным городам. Ни польский король Болеслав II, ни германский император Генрих IV не оказали ему значительной помощи. А Изяславу, чтобы сокрушить братьев, нужно было одно: войско. Но войска не было — были лишь смутные обещания, проволочки. Наконец киевскими князьями заинтересовался римский папа Григорий VII Гильдебранд. В борьбе за первенствующую роль римской церкви в тогдашнем мире так заманчиво было превратить огромное и сильное Киевское государство в лен папской курии. Изяслав послал к папе Ярополка. И вот он, сын великого северного владыки, лежит ниц на ковре перед могучим первосвященником, целует его туфлю, а суровый, непроницаемый Григорий VII диктует Ярополку Изяславичу условия, на которых папская курия окажет помощь изгнанникам.

После переговоров в Риме в 1075 году папа составил на имя Изяслава буллу, которая гласила: «Сын ваш, по-

сетив город апостольский, пришел к нам и, желая из рук наших получить королевство (киевское княжество. — А. С.) в дар от св. Петра, выразил должную верность тому же св. Петру... Мы (Григорий VII. — А. С.) дали свое соизволение и от лица св. Петра вручили ему власть над вашим королевством». Для русских князей это означало признание вассальной зависимости от папского престола. Взамен они получали мощную поддержку римской церкви, оказывающей все более заметное влияние на весь тогдашний католический мир.

Григорий VII направил буллу и в Польшу с приказом вернуть Изяславу его сокровища, оказать ему помощь войском.

И теперь киевский князь вел на Русь отряды Болеслава II, наемников из немецких земель. Он выбил из Волыни оказавшегося там Олега Святославича, и тот в страхе бежал в Киев. Над Святославичами нависла страшная опасность мести со стороны Изяслава и его сыновей.

В июне 1077 года Всеволод, наказав Владимиру блюсти Чернигов и Переяславль, двинулся во главе русского войска на юго-запад. В эти дни откуда ни возьмись вынырнул князь Борис Вячеславич, овладел с небольшой дружиной Чернигом. Но не стал дожидаться, пока Мономах выбьет его из города: пробыл там восемь дней и бежал в Тмутаракань.

Изяслав не торопился уходить с Волыни. Он прочно овладел Владимиро-Волынской землей, набрал там дополнительно воев и лишь после этого двинулся навстречу Всеволоду.

Братья встретились у Горыни.

Исполчившись, стояли в поле друг против друга с одной стороны польские отряды и владимирово-волынский полк, с другой — дружина и полки из Киева и Смоленска. Братья сидели на конях в боевом облачении, всматривались в противоположную сторону. Потом от Изяслава войска отделился всадник и помчался в стан Всеволода, и уже через несколько мгновений Всеволод выслушал предложение Изяслава посла — людей не губить, жизнью своей не играть, а встретиться на ряд один на один в чистом поле, без послухов¹ поговорить как брат с братом.

Всеволод задумался. Все равно, даже если он сейчас

одолеет Изяслава, не будет ему покоя от Изяславовых сыновей, от ляхов. Святослав уже сгиб в суровой борьбе за киевский стол, и ему придется остаток жизни воевать за неправедно, в обход лестницы, доставшийся ему отцов стол. А с другой стороны — на него самого, на сына Владимира будут напирать беспокойные и обделенные Святославичи.

Он никому не сказал ни слова и шпорами тронул коня. С той стороны поля выехал Изяслав и поскакал ему навстречу. Потом братья спешили и пошли друг другу навстречу. Они сошлись посреди поля, нерешительно подали друг другу руки, потом более чувствительный Изяслав всхлипнул и обнял Всеволода, уткнулся совсем седой бородой в его закованное в броню плечо.

Всеволод всматривался в постаревшее, усталое лицо Изяслава, в его глубоко запавшие глаза, тяжелые морщины, отвисшую, морщинистую кожу на шее, и ему было жаль этого измаявшегося, ставшего уже таким далеким для него человека.

Разговор у братьев был некороткий. Солнце уже клонилось к закату, а они все еще неторопливо ходили в поле возле своих коней, мирно щипавших свежую траву, беседовали, мыслили о будущем порядке в Киевской Руси, делили столы, стремились отстоять не только свои права, но и права своих сыновей, внуков, старались прозреть будущее, определить его ход. Всеволод вдруг подумал, что говорили они так, будто собирались жить вечно.

Великокняжеская власть вместе с Киевом вновь переходит в руки Изяслава, Всеволод занимал Чернигов, Святославичей братья брали под строгий надзор, Глеба пока оставляют в Новгороде, он нужен для войны с полоцким князем, а там как бог пошлет. Самого гордого и буйного из них — Олега сводят из Владимира-Волынского, помещают под надзор стрыя в Чернигов. Настанет время, и Святополк сядет в Новгороде, а пока же ему отдают Туров. Ярополку Изяславичу отходит Вышгород, а Мономах до времени остается в Смоленске, потому что идет еще война с Всеславом и Владимиру надлежало в этой войне принять деятельное участие.

Долго говорили братья о Тмутаракани. Там сейчас сидят Роман и Борис Вячеславич, их племянники — буйные, смелые, безземельные; эти ради столов, ради славы пойдут на смерть, не смиряются с жизнью изгоев. За Тмутараканью нужен постоянный глаз. Всеволод пред-

¹ Свидетелей.

ложил посадить Владимира в Переяславле, поближе к южной границе, чтобы стеречь Святославичей, но Изяслав отговорился тем, что Мономах молод — боялся возвышения Всеволодова сына третьим русским столом в ущерб своим сыновьям.

К Киеву братья подъехали стремя в стремя. Войско их шло сзади стройно и мирно, и толпы людей вышли встречать братьев. Казалось, что наступало на Руси тихое время.

Шел июль 1077 года.

Всеволод отбыл в Чернигов, разослал своих наместников в Переяславль, Ростов и Суздаль; Изяслав взял в руки Туров, Владимир-Волынский. Надвое поделили братья Русскую землю, и едва ли не большая ее часть досталась Всеволоду Ярославичу. За ним был и Смоленск, где сидел Владимир Мономах.

Вскоре Изяслав известил смоленского князя, чтобы к зиме готовился вместе с новгородцами к новому походу против Полоцка. Велел он прислать войско и черниговскому князю, но Всеволод вместо этого послал гонцов к тестю в половецкую орду с просьбой прислать всадников для похода на Полоцк; своих людей послала к половцам и княгиня Анна, сообщала, что силы на Полоцк двинутся большие, добыча и полон будут богатыми, просила согласиться.

Тихое время на Руси так и не наступило. На исходе лета внезапно Изяслав объявил, что он сводит Глеба с новгородского стола и направляет в Новгород на княжение своего сына Святополка. В тот же день Святополк во главе дружины двинулся на север и в несколько переходов был уже под Новгородом. В городе было неспокойно. Новгород всегда со времен Ярослава имел много вольностей, княжеские сыновья сидели здесь не как столичные князья, а как великокняжеские наместники. Глеб решил превратить Новгород в свою отчину. Не случайно в городе зрело против него недовольство, не случайно новгородцы начали тайно сноситься с Изяславом, обещали ему поддержку в борьбе против властолюбивого Святославича, и лишь тогда великий князь решился.

Глеб не стал искушать судьбу. Святославичи всегда нутром чуяли беду, и, не дожидаясь, пока его схватят сами новгородцы, князь бежал в Заволочье к дружественной чюди. Святополк вступил в Новгород.

А как только вновь встала зимняя дорога, Владимир стал собираться в поход на Полоцк. Он из Смоленска,

Святополк из Новгорода должны были с двух сторон ударить по полоцким владениям. Владимир ждал подхода небольшой черниговской рати с половецкими всадниками, и к декабрю половцы появились в Смоленске.

Смоляне высыпали на крепостную стену, молча смотрели на приближавшуюся половецкую конницу. Потом расступились, освободили место для князя, тоже вышедшего на стену. Мономах глядел на угрюмых, узкоглазых, молчаливых всадников, сидящих на низких мохнатых лошадях, на их пушистые шапки-треухи, на трепещущие в морозном воздухе конские хвосты, привязанные к длинным пикам. И он вспомнил, как вот так же много лет назад, еще дитем, смотрел на половцев с крепостной переяславской стены, какой испытал тогда ужас перед этой угрюмой, молчаливой степной силой. И сейчас, наблюдая, как половцы подъезжали к огромным дубовым кованным железом воротам Смоленска, он не мог заглушить в себе голоса тревоги и недовольства. До чего же надо было дойти в ссорах и междоусобицах, если против своего же русского князя, против своих же русских земель, русских людей потребовалось звать иноземцев. То Изяслав вел на Киев ляхов, то Ярополк наводнил Вышгород латинянами, теперь его собственный отец позвал на помощь половцев. Медленно открылись дубовые ворота, и степняки тягучей лентой въехали в город.

Чюди стояли и все так же молча смотрели на угрюмых всадников, которые бросали по сторонам быстрые взгляды, ловко, по-кошачьи управлялись с лошадьми, спешивались. Владимир вышел навстречу половецкому хану, протянул ему руку.

Через несколько дней объединенное русско-половецкое войско выступило на Полоцк.

Владимир шел быстро, не задерживаясь в селениях. Любое промедление грозило бедой с половцами. Степняки действовали молниеносно, как сокол, бьющий добычу. Еще вопль православных от их натиска не исчезал в воздухе, а они уже уносились в сторону, волоча незамысловатую сельскую добычу — всякую живность, разное крестьянское имение и тут же, отбежав, останавливались, оцетинивались. Владимир поначалу пытался уговаривать половецкого хана, звал его к себе в хоромы, тот приходил, слушал упреки, сокрушенно тряс головой, но потом войско проходило новое селение, и все повторялось сначала. Так на пути уже по смоленским землям союзники нанесли немалый урон христианам. В одном из богатых сел

на самой границе с полоцким княжеством степняки учинили подлинный разгром. Они не только ограбили смердов, выгнали в свой обоз скотину, но и попытались сжечь дома, когда поселяне схватились за вилы, дубины, косы. В это время смоленская дружина Мономаха и сам князь подъехали к селу. Владимир еще не успел понять, что за суета происходит вокруг, а его люди уже бросились в гущу этой суеты, замелькали в воздухе мечи, слышались резкие, гортанные выкрики половцев, начался бой.

Мономах сидел на коне и смотрел, как русская дружина выбивает из домов степняков, рубит их, а те, прячась за плетеными заборами, засыпают руссов тучей стрел. С той стороны села к Мономаху помчались половецкие всадники во главе с ханом. Они подскакали, лошади взмылены, глаза всадников блистают, речь отрывочна, переходит на крик. «Князь, останови своих воинов, зачем бьешь друзей, зачем вступаешься за холопов?» А мечи все мелькали в воздухе, и стрелы летели из-за углов домов и заборов, и уже убитые и раненые имелись с обеих сторон. А Мономах недвижно сидел на коне, скрестив на груди руки в боевых рукавицах, и смотрел как бы сквозь кричавших ему в лицо половецких вождей.

А потом руссы выбили половцев из села, и те, вскочив на коней, умчались в сторону леса, где располагался их обоз. Дымились остатки сгоревших домов, вопили от горя жены погорельцев, дружинники оттаскивали в сторону своих убитых людей.

— Уйдут степняки, князь, — сказал ему тогда старый друг Ставка Гордятич.

— Не уйдут, — ответил тихо Мономах, — пока свое не возьмут в наших землях, не уйдут. Это мы еще видим, где свои, смоленские земли, а где вражьи — полоцкие. Для них же все одно — они пришли сюда за добычей, за полоном. Не уйдут.

С того дня половцы поутихли, но по всему было видно, что они лишь ждут удобного времени, чтобы оторваться от русского войска и пойти по селам и городкам в свое удовольствие.

В урочище, на выходах из полоцкого леса, Мономах ждал Святополк с новгородцами. Владимир не видал двоюродного брата много лет и теперь, подъехав к Святополку, ужаснулся: перед ним стоял незнакомый, сухой, седоватый человек, с усталым настороженным взглядом.

Братья поздоровались, потом Владимир прошел в ша-

тер к Святополку, и тут же, не тратя лишних слов, братья начали разговор о том, как лучше сокрушить Всеслава. Решили не гоняться за ним по снегам и лесам, а ударить, как в прежние времена, при Ярославичах, по самому Полоцку. К тому же нельзя было и половецкой коннице позволять без устали грабить русские земли, тогда степняки совсем забудут, зачем их звали в Русь.

К Полоцку новгородско-смоленско-половецкое войско подошло в один из дней в середине января, до полудня. Город после войн прошлых лет отстроился, оброс новой дубовой крепостной стеной с башнями и воротами, и теперь полочане вместе со своим князем стояли на высокой стене и молча смотрели на подходящее многочисленное войско.

Новгородско-смоленская рать расположилась на отдых неподалеку от опушки леса. Скоро запылали их костры, сторожи подошли почти вплотную к крепостным воротам, следя за каждым шагом Всеславовой рати. Половцы огородились телегами в чистом поле, тоже зажгли огни, чтобы согреться, приготовить еству.

После полудня Святополк и Владимир приказали начать приступ. По утопанному уже сторожами снегу с приступными лестницами и крючьями пешцы двинулись бегом к крепостным стенам, прикрываясь от летящих оттуда стрел щитами.

Лестницы поставили быстро, сразу несколько десятков, в разных местах стены так, что их концы не доставали до крепостных стен, а потому полочанам приходилось высовываться из укрытий, нагибаться, чтобы отпихнуть их от стены. Подошедшие следом за пешцами лучники повели обстрел крепостной стены, мешая защитникам города сбросить с его стен облепившие их лестницы.

Владимир послал своих людей к половцам, прося помочь в приступе, но гонцы вернулись ни с чем: половцы отказывались идти на приступ. Тих и недвижим был их стан, огороженный санями, лишь иногда между ними замечалось какое-то шевеление — то половцы подползали к саням, смотрели из-за них за боем.

Святополк и Мономах бросали в сечу все новые и новые силы; дружину берегли для решающего дела, пока же клали на крепостной стене смердов и ремесленников. Наконец те поднялись на гребень стены, зацепились там, повели бой на самом верху; тут же князя бросили дружинников довершать дело. И одновременно вдруг разо-

мкнулся круг саней в половецком стане, и степняки с диким криком бросились верхами к полоцкой стене, быстро спешили, кинули коней без привязи, рванулись темной лавиной на крепостную стену, перевалили через нее и скатились в город вслед за русскими пешцами. А в городе уже кипела схватка. Остатки Всеславовой дружины, схоронившиеся в Полоцке смерды, здешние ремесленники бились за каждую улицу, за каждый дом.

Мономах лишь въехал через ворота на городскую площадь и так и остался здесь в ожидании конца сечи. А руссы вместе с половцами шли по домам, волочили добычу, зажигали дворы. И Владимир с грустью смотрел, как повторяется перед ним картина минского пожара. Тот же поток и грабеж, то же неистовство, ярость и кровь, жуткое чувство злобы на людей, себе подобных, и к этому еще коварство и изощренная жестокость степняков, их полное безразличие к судьбам Русской земли, русского города. В горящем городе, натешившись вволю, воины Святополка и Владимира теперь искали полоцкого князя, но он сгинул без следа, а с ним сгинула и его дружина, все оставшиеся в живых воины. Одни говорили, что видели Всеслава молящимся в полоцком храме, другие рассказывали, что мчался он с дружиной сквозь пламя неведомо куда. Третьи и вовсе плели небылицы, будто летел князь над крепостной стеной в сторону полоцкого леса.

Святополк говорил Владимиру: теперь Полоцк выжженный затихнет надолго, спокойно будет жить в Новгороде и Смоленске, спокойней в других городах.

Владимир смотрел на идущих к своим коням отяжеленных добычей половцев, и ему эта победа была не в радость. Если уж в междоусобную русскую брань вмешались иноплеменники, то что может быть хуже. Он подумал, улыбнулся, ответил:

— Ты правильно говоришь, князь. Теперь тишь будет на Руси.

К лету пришла весть, что Глеб убит в заволочских лесах. Кем, когда — этого никто не знал. Говорили, что были посланы к чюди люди от Святополка из Новгорода, что подкупили они чюдь и те настигли князя где-то в лесных чащобах. Гроб с телом Глеба везли водой в Киев, а оттуда к Сласу в Чернигов. Владимир вышел к смоленской пристани проститься с останками двоюродного брата. Вот и нет одного из Святославичей, погиб соперник, кажется, надо радоваться, а Владимир был смутен ду-

хом: он понимал, что чем старше он становится, тем неотвратимее и страшнее приближается к нему жизнь со всеми ее невзгодами и жестокостями и самой страшной и беспощадной из них — борьбой за власть, борьбой за первенство. Потом пришла весть, что обретается Всеслав в Одреске, и Святополк приказал Владимиру, как старший князь, идти с половцами на Одреск, искать Всеслава, и если даст бог, то пленить его.

В начавшуюся стужу, по лесному бездорожью, отогреваясь в небольших селениях, а то и прямо около костров, смоленская дружина совместно со степняками двинулась на Одреск.

Пожалуй, до сих пор не было у Владимира такого трудного похода. И он уже понимал, что все связанное с полоцким князем будет трудным, опасным и даже страшным делом.

Половцы были полезны на хорошей дороге, в чистом поле, они быстро рыскали по окрестным местам, принесли верные вести о том, где проходила полоцкая дружина, добывали еству не только для себя, но и для русской дружины. Мономах уже не спрашивал, какой ценой. В лесу же, в глубоких снегах, степняки переставали подчиняться Владимиру, забивались по избам, и даже когда Мономаховой дружине приходилось братья за оружие, половцы отсиживались вдалеке, не желая изматывать ни себя, ни коней.

В Одреск союзники ворвались одновременно, и снова там было пусто — Всеслав будто сквозь землю провалился.

Городок по обычаю сожгли и разграбили. Половцы усердствовали при этом особенно: война с полоцким княжеством кончалась, союзники прошли его вдоль и поперек, и Одреск был последним селением, где еще можно было поживиться. Тащили в обоз все, что попадалось под руку, и снова вопли горожан раздирали воинам уши.

Кончался январь. Смоленская дружина шла к своему стольному городу, половцы спешили на юг. На развилке дорог Владимир и половецкий хан махнули друг другу руками. Сначала в путь двинулся огромный половецкий обоз, полный всякого добра, русских пленников, предназначенных для продажи на невольничьих рынках юга, следом двинулась конница, и вскоре в той стороне, куда ушли половцы, лишь оставалось быстро тающее метельное пятно.

Позднее, на исходе лет, вспоминая свою жизнь, Владимир вызвал из памяти этот страшный поход в союзе с извечными врагами Руси, эти страшные мгновения, когда руссы смотрели, как степняки угоняли в полон, в неволю их соплеменников, и записал в своем «Поучении»: «...а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк, он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною, и в Чернигов».

...В Чернигов, к отцу, к жене, которую Всеволод перевез в свой теперь город, к сыну Мстиславу, к двоюродному брату, милому другу Олегу Святославичу, с которым они хватили столько лиха в дальних землях Польши и Чехии.

Владимир едва взглянул на Смоленск и в тот же день уже в санном возке мчался на юг. Перед глазами за оконцами мелькали утонувшие в снегах смоленские деревни с торчащими над ними синими столбами печных дымов, черные стены леса, плотно окружавшие белое полотно накатанной полозьями дороги, а между лесами, в открытых полях — воткнутые в бледное небо острые головки деревянных церквушек далеких городков. Возок плавно покачивался на быстром лошадином ходу, сзади и спереди глухо били копытами в снег кони сторожевой дружины. Все было ладно и прочно и в этих мелькающих мимо картинах, и в ровном лошадином беге, и в надежном гуле скачущих всадников.

Все прочно, все ладно, думалось Мономаху. Позади была победа, сломленный Всеслав, обожженный Полоцк, но беспокойные мысли, возникшие в час ухода половцев, не исчезали. Слишком дорогой ценой достаются эти победы — кровь, нашествия, насилия, поток и грабеж, пожара, пожара... Жизнь прочно ставит его на этот путь — синеглазого дитя, золотоволосого отрока, спокойного, ясномыслящего, несуетного молодого князя. Ох, тяжелый это груз, тяжелый, не привыкает к нему ни ум, ни сердце.

И в этой борьбе все более и более отдалялось главное, о чем он мечтал дитем и отроком, — о могучей, обильной Русской земле, прочно отстаивающей свои границы. О грозных крепостях в степном порубежье, о новых валах, останавливающих бег половецкой конницы. Но путь ко всему этому, видимо, шел через личные распри, войны, кровь. И все это надо было терпеть, все это надо было превозмогать. Доколе? Уже гниют кости Святослава и Глеба Святославича, Ростислава и Мстислава

Изяславича — покорителя Киева в 1068 году, а борьба за власть, за отчины, доходы, за смердов бросает в этот ужасный костер все новые и новые жертвы и кто будет следующий и что ему, Владимиру, уготовано в этой борьбе?

* * *

Много славных людей собралось в ту пору в Чернигове — и князь Всеволод со своими известными на всю Русь боярами Тукой, братом Чюдина, Пореем, Иваном Мирославичем; Олег Святославич с верной ему старшей дружиной, которая служила еще его отцу, люди Глеба, принесшие сюда тело своего господина, да так и оставшиеся в родном городе, Владимир Мономах со смолянами и ростово-суздальцами, переяславские дружинники.

Шли дни, зима быстро сходила на нет под щедрыми лучами молодого мартовского солнца.

На следующий день он пришел в гости к отцу. Следом за ним дружинники несли в кожаных мешках триста гривен серебра. Смоленский князь приносил их в дар своему отцу, князю черниговскому, после удачного похода, после победы.

Всеволод сидел в залитой солнечным светом горнице и сам весь светился тихой устойчивой радостью. Радовала его твердая, спокойная поступь по жизни Владимира. Отец и сын долго в тот день сидели за беседой. Давно уже притомились на сених Мономаховы дружинники, в горницу надвинулись сумерки, а их беседа все текла и текла спокойно и неторопливо. О чем говорили они? О делах мирских и духовных, об иноземных и своих, русских, о жизни и брэнном ее пределе. Мономах всегда удивлялся отцу — как тот, будучи князем властолюбивым и непреклонным в борьбе за власть, вдруг как будто забывал о беспощадных ее законах, отступал в сторону, будто бы смиряясь с происходящим и не желая повернуть его в выгодное для себя русло. И Мономах все явственней понимал, особенно после таких вот душевных бесед, что наряду с земным отец все время помнил о чем-то более высоком, нежели вся эта здешняя суета, не давал ей полностью завладеть своим умом и сердцем. Этим Всеволод постоянно привлекал двадцатипятилетнего Владимира, перед которым жизнь, междукняжеская борьба ставила все новые и новые жестокие загадки.

В великий пост друг у друга не собирались, каждый

сидел на своем дворе, но едва свершилась пасха, как Чернигов будто подменили — что ни день, то пиры — на дворе у Всеволода, у Туки, у Мономаха. И чем ярче расцветала весна, чем шумней становились пиры в княжеских и боярских хоромах, тем мрачнее выглядел на них Олег Святославич.

Вот уже несколько месяцев Олег, выгнанный Изяславом из Владимира-Волынского, жил в Чернигове при дяде, князе Всеволоде. Позади было пусть и не столь важное, как Чернигов, Переяславль или Новгород, но самостоятельное княжество, где он был полным хозяином. К тому же волынская земля была боевым приграничьем с ляхами и уграми, здесь порой завязывались тугие узлы распрей с иноземными владыками, и князь владимироволынский испокон века был заметным человеком на Руси.

В Чернигове же он был никем. Кажется, что все здесь его, родное. Это его прирожденная отчина. Здесь он увидел свет, крестился в соборе Спаса, здесь в этом же соборе лежат сейчас останки его отца и старшего брата. Он вырос в этих хоромах, где ныне обретаются его стрый Всеволод и двоюродный брат Владимир, он воевал на этих крепостных стенах; отроком, как и другие молодые князья, взял впервые в руки меч и щит; он знал каждую дорогу в лесах, что окружали Чернигов, все звериные ловы, все выходы в чистое поле, откуда шли черниговские дружины против степняков. Он стал здесь взрослым князем, отсюда ушел княжить на свой первый стол. Весь Чернигов знал княжеских сыновей, и они знали здесь всех и каждого, и вот теперь нет отца, и круто изменилась вся жизнь. Глеб погиб, Роман обретается в далекой застенной Тмутаракани, а он, Олег, стал князем-изгоем, как те князья, чьи отцы никогда не выходили в первый ряд княжеской лестницы и умирали на малых столах. Его же отец был великим князем, он добыл престол в союзе с братом Всеволодом, и теперь Всеволод, забыв прежнюю дружбу с отцом, ради своей корысти и корысти своего сына помогает Изяславу изменить лестничный порядок на Руси, рушит древние законы, заветы старого Ярослава.

Олег по-прежнему был дружен с Мономахом. Всю весну они провели вместе, ходили охотиться на вепря и на всякую весеннюю перелетную птицу, били ее соколами, стреляли из лука. После охоты Олег звал Владимира в свои хоромы — в ту часть бывшего Святославова дворца,

которую отвел для него Всеволод. Там они пили малиновый мед, говорили о многом, но оба по какому-то молчаливому согласию не трогали межкняжескую лестницу. Олег понимал, что Владимир уже обошел его и что вряд ли ему теперь удастся догнать Мономаха. Владимир же видел, что неустроенность и изгойство мучают Олега, встают между ними непреодолимой стеной, и это заставляло его все время быть настороже, стараться не задеть, не обидеть Олега, а того злила эта уступчивость Мономаха. Все чаще и чаще во время пиров Олег вдруг мрачно замолкал, смотрел невидящим взглядом перед собой, забывал о людях, его окружающих, и тогда в горнице наступала неловкая тишина, пока кто-нибудь вдруг не нарушал ее громким словом, хорошей шуткой.

В один из дней послепасхальной недели Мономах потчевал в своих хоромах Олега. Тот пришел задумчивый, тихий, ласково поздоровался с княгиней Гитой, вспомнил, как встречал ее вместе с покойным Глебом в Новгороде, а потом, как после похода в западные страны, крестил здесь же, в Чернигове, новорожденного Владимировича сына Мстислава-Гарольда.

Двоюродные братья сидели во главе стола, и Мономах провозглашал здравицу в честь дорогого гостя и милого друга Олега.

Шумел стол, плавно текла беседа, но не было в ней свободы и истинной радости, угадывалось что-то натужное, будто давило ее тяжелым камнем, и оттого тускнела она, лишалась соков.

В конце застолья Олег поднял чашу за двоюродного брата, за княгиню, за дорогих ему людей. Он уже много выпил, язык его шевелился плохо, но Олег крепился, старался не смутить покой гостей. Уходя к себе, он обнял Мономаха: «Прощай, брат. Если что — не держи на меня сердца». Владимир обнял Олега, и снова перед ним был прежний лихой мальчишка — вспыльчивый, заносчивый, добрый.

Через несколько дней по Чернигову молнией пронесся слух: Олег Святославич с верными ему людьми, небольшой дружиной ушел на юг, бежал в Тмутаракань к Роману Святославичу. Всеволодовы люди бросились в Олегову половину — она была пуста. Олег увез с собой казну, дорогие заморские золотые и серебряные сосуды, исчезли и все детские его безделицы, которые годами здесь бережно хранили Святославовы слуги. Передавали,

что Олег поклялся вернуться в Чернигов с боем и возратить себе отцовский стол.

И разом рухнул мир на Руси. Раскололся народ в Чернигове. Завопили приспешники Святослава дома, побежали по улицам, заволновались люди в Киеве, забеспокоился великий князь Изяслав. Это по им установленному порядку грозил ударить прежде всего Олег Святославич.

Едва весть о бегстве Олега дошла до Мономахова двора, как князь быстро стал собираться в дорогу — с женой и сыном. Теперь нарушен мирный строй русской жизни, вновь зашатаются столы, поднимут голову все враги Руси, возродится извечный ненавистник Ярославичей — полоцкий князь Всеслав.

* * *

Затаились князья каждый в своем городе: Изяслав — в Киеве, его сыновья Святополк — в Новгороде, Ярополк — в Вышгороде, Всеволод Ярославич — в Чернигове, Мономах — в Смоленске. Но недолго они были в неведении. Не тот человек был князь Олег, чтобы оставаться в тени. Уже на исходе лета он вышел из Тмутаракани на Чернигов вместе с Борисом Вячеславичем. Двоюродные братья вели на север свои конные дружины и половецкое войско. Писал позднее летописец: «Приведе Олег и Борис поганья на Русьскую землю, и пойдоста на Всеволода с половци». С этих дней и считает летописец начало великих междоусобий на Руси, открытых Олегом Святославичем, или Гориславичем, как назван он в «Слове о полку Игореве».

Натиск Олега был стремителен. Казалось, что он вложил в него все свои обиды и унижения, всю горечь потерянных месяцев. Гонцы лишь помчались из Чернигова в Киев и Смоленск оповестить князей о мятеже тмутараканских беглецов, а Олег с Борисом уже подходили к реке Сожице, притоку Сулы, были рядом с Черниговом.

Всеволод не стал ждать помощи от князей, не стал даже собирать полк и повел на Сожицу лишь княжескую дружину. Здесь 26 августа половецкая конница, шедшая впереди тмутараканской дружины облавой, с ходу ударила по немногочисленному русскому войску.

Когда подошли Олег и Борис, дело было уже кончено. Черниговская рать была разбита наголову. На берегу

Сожицы полегла почти вся Всеволодова дружина. Были убиты и Тука, и Порей, и Иван Мирославич, и многие иные бояре и старшие дружинники. Всеволод с немногими людьми бежал с поля боя и, минуя Чернигов, бросился в Киев. Олег же с Борисом и половцами пошли грабежом и боем по черниговской земле. Напрасно пытался Олег уговорить двоюродного брата не разорять черниговских земель — как-никак, а это была его родовая отчина, его земли, его люди. Борис об этом не хотел и слышать. Князь-изгой, изголодавшийся по добыче, не связанный кровно ни с одним городом, ни с одной землей, он шел теперь по Черниговскому княжеству войной. На все увещевания Олега он отвечал: «Чем платить, князь, будешь воинам, не твоей ли честью и совестливостью? А половцам чем будешь платить? Теперь назад хода нет».

Половецкое войско из враждебного Всеволоду колена и тмутараканская дружина шли по черниговским селам и городкам, забирая все подчистую, сжигая те селения, где люди пытались оказать им сопротивление, защитить свои семьи и имение. Половцы сотнями вязали мужчин, женщин, детей, угоняли их на юг, на продажу.

Чернигов не сопротивлялся. Верные Всеволоду люди, княгиня с восьмилетним Мономаховым братом Ростиславом вслед за Всеволодом также ушли в Киев. В городе взяли верх сторонники Святославичей; они-то и открыли братьям городские ворота, встретили Олега как прирожденного и законного их владыку. Олег и вел себя как владыка Чернигова. На глазах у всего города, не снимая доспехов, прошел поклониться отцовскому гробу и помолиться в храме Спаса. Тут же принял знатных бояр, купцов и других горожан и обещал им править по чести и справедливости, как было при отце, князе Святославе Ярославиче. И только после этого Олег занял покинутый Всеволодом княжеский дворец. Вновь детские безделицы вернулись в его палаты.

А половцы и Борисова дружина еще шли по черниговской земле, грабя города, села и погосты, и стон стоял по всему Черниговскому княжеству. Отовсюду люди бежали в Чернигов под его крепостные стены, просили милостей и помощи у князя Олега, а он лишь мрачнел лицом, отворачивался. Тяжелую плату уплачивала черниговская земля за восстановление на отцовском столе Олега Святославича. Писал летописец: «Олег же и Борис пришли в Чернигов, мня, что одолели уже, а земле Русской много зла сотворили, против кровь христианскую,

за которую взыщет с них бог, и ответ дадут они за погубленные души христианские».

Весть о выходе братьев из Тмутаракани не застала врасплох Владимира Мономаха. Ожидая близкой войны, он послал гонцов за войми в Ростов и Суздаль, начал собирать смоленский полк и устраивать свою дружину. В кузнечной слободе до поздней ночи не прекращалась работа, горели горны, ковались новые мечи и брони, калились наконечники стрел, копий, дротиков, изготавлились щиты, кольчуги. Тележники подновляли старые телеги и делали новые, готовили про запас колесные оси и колеса, тиуны собирали в дорогу еству и питье. И когда в начале сентября из Киева от великого князя Изяслава пришел приказ немедленно идти на помощь против мятежных братьев и половцев, смоленское войско было уже изготовлено.

Итак, война с Олегом, с братом и другом, с крестным отцом его первенца, война, которая может стоить жизни им обоим. И избежать этой войны уже не может ни он, Мономах, привязанный к Изяславу и Всеволоду, ни Олег, за которым стоят Борис, Роман, половцы. А между двумя союзами лежат спорные города — Чернигов, Владимир-Волынский, другие столы, и отойти в сторону, отступить — значит отдать их противнику, лишит себя и своих детей столов, земель, доходов.

Через несколько дней смоленская рать водою и сушией выступила к Киеву. Туда же стекались вой из Турова, Пинска и других городов. Не останавливаясь в Киеве, смоляне двинулись к Переяславу. В «Поучении» писал позднее Мономах: «...из Смоленска же придя, пробился я сквозь половецкое войско с боем до Переяслава».

Пока собиралась русская рать из разных городов, Владимир прошел через союзных Олегу половцев и вышел к Переяславу. Этот город терять было нельзя, тогда бы Олег и Борис овладели всеми русскими городами к северо- и юго-востоку от Киева, переняли все пути в степь и оттуда уже грозили бы Киеву. Половцы же нацеливались вместе с тмутараканской ратью на черниговские земли, и выход Мономаха в обход их на Переяславль был для них неожиданным. Своим левым крылом они пытались заступить путь смоленскому войску, но Мономах, не останавливаясь для боя, не развертывая своих сил, пронзил редкую в этом месте половецкую конницу.

С тех пор как Ярославичи решили совместно высту-

пить против Олега, в Киеве шла спорная подготовка к походу.

Братья во всем действовали заодно. В тот августовский день между ними произошел тяжелый разговор. Изяслав лишь всплеснул руками, когда увидел перед собой валившегося с ног от усталости, посеревшего, в изорванных одеждах Всеволода. А тот, плача, обнял его со словами: «Ох, брат, брат!» Изяслав тоже обнял брата, усадил его на скамью, успокоил, сказал: «Не тужи, брат, чего только со мной не случилось, сначала не выгнали ли меня и не разграбили мое имение? Не был ли я изгнан вами, своими братьями? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный всего? И ныне, брат, не тужи. Если будет нам место в Русской земле, то обним; если лишимся его, то оба же. Я же сложу за тебя голову свою».

Слезы текли по впалым, покрытым сединой щекам Изяслава. Долго говорили братья, поминали былые свои грехи и чужие, клялись в верности друг другу до конца своих дней. Изяслав, как всегда, и постарев, продолжал верить в братские чувства. Всеволод холодным умом понимал — или они действительно объединятся с Изяславом до конца дней, либо изведут их Святославичи, и Все-слав, и подрастающие Ростиславичи, которые будут мстить за изгойство своего отца Ростислава Владимировича.

Наутро Изяслав приказал поднимать против Олега всю Русскую землю. Гонцы поскакали во все крупные города, к дружественным Всеволоду половцам. Как всегда, в стороне остались лишь Полоцк, где Всеслав зализывал свои раны, и Новгород.

В поход выступило объединенное русское войско, которое вели Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод. Мономах должен был идти на Чернигов от Переяслава.

Гоня перед собой откатывающихся половцев, русские дружины подошли к Чернигову.

Олег и Борис в это время стремглав скакали в Тмутаракань за помощью, их гонцы направились в степь к половцам, приглашая их новые колена к войне с Ярославичами. А Чернигову двоюродные братья наказали держаться до последнего, ждать их прихода.

Черниговцы затворились наглухо. Они не шли ни на какие уговоры, не желали открывать ворота соперникам Олега, и тогда Ярославичи начали осаду города. Смоленская рать была послана братьями к восточным воротам города. Владимир смотрел, как его смоляне с приступ-

ными лестницами бегут к городским стенам, как на стене приготовились к смертному бою жители Чернигова, многих из которых за долгие дни пребывания в городе он знал в лицо, и ему снова становилось худо от этой необъяснимой и немислимой людской ненависти, от того, что люди так быстро и просто переходят от мира к войне, от жизни к смерти...

А смоляне первыми из осаждавших взобрались на стены, смели оттуда черниговцев, сбили их на улицы внешнего, окольного города, бросились к восточным воротам, открыли их, и через них русская рать стала вливаться в Чернигов. Но черниговские вои и жители держались за каждый дом, каждый амбар, и трудно стало брать приступом эти многочисленные крепости.

Из сечи выскочил Ставка Гордятич, потный, разгоряченный, в запачканных кровью латах, он крикнул Мономаху: «Князь! Дозволь зажечь город. Так мы не возьмем его и за неделю». Мономах, вошедший уже на предворотную площадь и увидевший, как его дружинники валятся с ног, сбитые стрелами, летящими из-за домов, с крыш домов, гибнут в рукопашных схватках по подворьям, сказал: «Зажигай». И уже через несколько минут окольный город занялся большим пламенем, подожженный сразу с нескольких концов.

Смоленская дружина выбиралась из этого огня, смотрела, как черниговцы бросают свои пылающие дома, бегут от них вдоль улиц к детинцу. Там, во внутреннем городе, собралось вскоре множество народа. Задыхаясь от тесноты, обдуваемые палящим зноем пожарища, они готовились к новой схватке с ратью Ярославичей.

Пожар стих через несколько дней. Весь внешний город выгорел дотла, и теперь Изяслав приказал взять приступом детинец. Уставшая и потерявшая многих воинов дружина Мономаха шла теперь сзади, а вперед были выдвинуты воины Изяслава, Всеволода и Ярополка. Но не суждено было на этот раз пасть Чернигову: сторожки донесли, что от Тмутаракани идет на помощь городу новое войско, что из степи двинулись к черниговским границам новые половцы, что хотят те и другие объединиться где-то неподалеку от Чернигова.

В тот же час Изяслав и Всеволод отвели рать от крепостной стены, перестроили ее и двинулись к югу навстречу Олегу. Встретить его надо было ранее, чем тмутараканцы встретятся с половцами.

Ярославичи с сыновьями перерезали путь Олегову

войску около села Нежатино Нива. Обе рати остановились неподалеку от села на невысоких холмах, и было видно, как в центре своего войска Олег и Борис Вячеславич о чем-то бурно переговариваются.

Владимир всматривался и видел перед собой прежнего Олега, с каким ходил в минувшие походы. Вон и плащ на нем тот же, и плащ червленый. Владимир чувствовал, что и Олег во всем противном ему войске ищет Владимира, и ему показалось, что вот он нашел его глазами, впился взглядом, неотрывно смотрит ему в лицо, потом что-то опять говорит Борису.

Владимир не мог знать, что в этот час Олег просил Бориса повременить, не наступать на стрывев, поостеречься.

— Видишь, князь, — говорил Олег, чью речь позднее передали русские летописцы, — чую — не одолеем мы войско стрывев наших, а с ними еще смоляне, туровцы, вышгородцы. Не лучше ли нам просить уделы миром. Договоримся с ними.

Борис же стал насмехаться над Олегом, сказал ему: «Я один не боюсь против них встать». Владимир видел, как Борис в порыве тронул шпорами бока своего коня. И тут же тмутараканская дружина двинулась с холма вниз навстречу врагу, и в то же время Изяслав бросил в бой киевскую дружину.

Конные рати сшиблись, закрутились на месте, и уже через мгновение издали нельзя было разобрать, где свои, а где чужие.

Борис Вячеславич как скакал впереди своих дружинников, так и сгиб одним из первых. Его сокрушил мечом киевский дружинник. Пал Борис, и никто не вынес его на плаще с поля боя, потому что никому он был мертвый уже не нужен — без отчины, без братьев, без детей, изгой, обретавшийся в чужой стороне. А может быть, уже невыносимой стала жизнь для Бориса на чужом подворье?

Тмутараканцы еще держались, когда в бой пошли воины Ярополка и Владимира Мономаха.

Владимир поначалу еще следил за золотым плащом Олега, а потом потерял его из вида, вошел со своими смолянами в гущу боя, крушил мечом головы врагов, успевал закрываться щитом, увертывался от нацеленных на него копий. Рядом дрались его ближние люди, прикрывали своими мечами, копьями, телами князя.

В середине боя, когда еще неясно было, чей будет

верх, там, где находился великий князь Изяслав, произошло какое-то замешательство. Владимир лишь уловил некое движение и почувствовал неладное, но оглядываться и выяснять, что же случилось в той стороне, было некогда — бой кипел вовсю, тмутараканская дружина уже прогибалась под натиском превосходившего его войска Ярославичей, и надо было сделать еще усилие, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Владимир прошел уже многие сечи, но лишь недавно вдруг стал понимать вот это внутреннее состояние битвы, когда кажется, дерутся друг с другом похожие люди, одинаково вооруженные, на одинаковых конях, и вдруг оказывается, что одни падают духом и сразу пропадает у них сила в руках, слабеет удар, их кони начинают метаться без толку в разные стороны; другие вдруг будто загораются, все у них складывается, все удаётся, каждый удар обретает двойную силу.

Он с усиленной яростью бросился вперед. Упоение сечихватило его, и Олегова рать все прогибалась и прогибалась, распадаясь под натиском смолян, а с другой стороны ее теснили Всеволодовы воины, где-то сбоку слышался победный клич вышгородцев.

И вот он, долгожданный миг: тмутараканцы дрогнули и побежали! Бегущий всегда скачет быстрее победителя, и войско Ярославичей не преследовало своих врагов, да и осталось их в живых не так уж много, — вся долина близ Нежатиной Нивы была уложена людьми — и своими и чужими.

И только тут Владимир узнал о том, что случилось в стане Изяслава. В разгар боя великий князь сошел с коня и подошел к своим пешцам, встал вместе с ними, полагая ввести их в бой, и в это время откуда-то сбоку выехали на них люди Бориса, и не успели пешцы поднять оружие, как один из врагов нанес князю смертельный удар в спину.

Теперь сеча закончилась. Вот они лежат рядом — дядя и племянник — великий князь Изяслав и Борис Вячеславич, а дальше — рядами убитые киевляне, туровцы, смоляне, тмутараканцы, среди них близкие люди Олега.

Сам же Олег исчез.

Над затихшим полем боя уже слышался властный голос князя Всеволода. Он приказывал везти тело брата в Киев в сопровождении небольшой дружины, а основной рати немедля идти назад к Чернигову.

Это было 3 октября 1078 года. Едва весть о разгроме тмутараканской рати, гибели Бориса и бегстве Олега достигла Чернигова, город сдался на милость победителей. Теперь оставалось обезопасить Русь от шедших на помощь к Олегу половцев. Навстречу кочевникам Всеволод послал Владимира и Ярополка, наказав братьям не искать боя, а постараться договориться с половцами миром.

Несколько дней прождали половецкую конницу на подступах к Чернигову братья, но тщетно. Кочевники так и не появились. Их сторожи промелькнули несколько раз вдалеке, да обозначили себя половцы несколькими большими заревами в местах, где находились приграничные поселения. Потом все стихло. Узнав об исходе битвы под Нежатиной Нивой, половцы ушли в степь.

Не задерживаясь в сгоревшем Чернигове, князья спешили в Киев вслед за телом великого князя Изяслава.

К середине октября, захоронив брата в мраморной раке церкви Богородицы, Всеволод установил на Руси новый порядок владения столами. Сам он согласно княжеской лестнице сел, как старший в роде, на столе своего отца в Киеве, сохранив за собой переяславский стол. Чернигов, второй стол на Руси, был отдан Владимиру Мономаху. За ним же сохранились смоленский и ростово-суздальский столы.

Изяславовы сыновья сразу же были оттеснены в сторону: Святополк так и остался в далеком от больших княжеских хитростей Новгороде, Ярополка Всеволод вывел из Вышгорода и отправил в дальний Владимир-Волынский, придав ему, чтобы притушить обиду, некогда славный в княжеской лестнице, но ныне захиревший Туров. Всех заметных князей-изгоев Всеволод собрал здесь же, во Владимире-Волынском, Ростиславичей — Володаря и Василько, а также Давыда Игоревича, поместил их под надзор Ярополка.

Святославичам Всеволод тоже дал столы — за Романом оставил Тмутаракань, а Олегу велел сказать, чтобы шел княжить в лесной Муром.

После этого раздела дом Всеволода взял в свои руки все знаменитые русские города — Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск и иные. Больше половины русских земель стали достоянием этого дома. Двадцатипятилетний Мономах волею судьбы снова обошел всех своих двоюродных братьев, став вторым на Руси князем. Его земли простирались от полоцких лесов до границы с половецкой степью. Но Владимир понимал, что теперь его злей-

шими врагами становились не только Святославичи, но и сыновья Изяслава. А там подрастают Ростиславичи — Володарь и Василько, мужает князь-изгой молодой Давыд Игоревич, сын Игоря Ярославича.

Владимиру становилось страшно от этого неожиданного и тяжкого бремени силы и власти, и он попытался поделиться своими сомнениями с отцом.

Но отец весь преобразился. Теперь, казалось, в нем не осталось ничего от того спокойного, мудрого, понимающего суету всего мирского человека. Перед Владимиром был решительный, жесткий, порою коварный владыка, который вовсе не собирался упускать возможности, предоставленные ему судьбой.

Владимир понимал, что победа означала новые междоусобия, войны, кровь, клятвопреступления, и отец вставал на этот путь и приказывал следовать за ним и помогать ему.

Именно в эти дни Мономах с ужасающей силой почувствовал всю губительность княжеского властолюбия, всю гибельность безудержной жажды власти, стремления вверх через несчастья, трупы ближних, гибельность для людей, гибельность для Русской земли. Он, прошедший уже с боями от Полоцка до половецкой степи, от Чешского леса до Оки, все больше осознавал иссушающую душу, обескровливающую народ бессмысленную по сути своей борьбу. И сколько раз он, ставший уже опытным воином, бесстрашным руководителем русских дружин, в глубине сердца своего давал клятву поднимать меч лишь против иноземных врагов, но всякий раз жизнь пока опрокидывала его намерения.

Первым ответил на новый раздел Руси Роман Святославич, князь тмутараканский. Он вышел в конце июля 1079 года к Воиню-днепровской пристани, откуда тянулись пути в Киев, Чернигов, Переяславль. Вместе с ним снова шли половцы. Теперь без их вмешательства не обходилась уже ни одна междукняжеская русская усобица. Пока Роман собирался решить свой старый спор с Всеволодом и Владимиром Мономахом, кочевники, как и прежде, разоряли русские земли, но делали это теперь на законных началах.

Роман еще только подходил к Воиню, а гонцы Всеволода — половцы из окружения жены Анны — уже скакали навстречу половецким союзникам Романа. Сам великий князь встал с войском у Переяславля, прикрывая город от захвата.

«Великий князь даст вам без боя что захотите, — передали гонцы хану Всеволодовы речи, — золотые и серебряные сосуды, паволоки, узорочье и чернь, ковры и прочее, что пожелаете, покиньте Романа, не то принесет он неисчислимые бедствия Русской земле, да и вам в степи не будет от него покоя».

Половцы согласились. И когда Роман двинулся со своей небольшой дружиной на Всеволодово войско, то половцы даже не шелохнулись. Тихим и сонным выглядел их стан в жаркий августовский полдень.

Киевское войско спокойно ждало подхода неприятелей, не предпринимая никаких военных действий, и Роман дрогнул. Остановив тмутараканцев, он бросился с несколькими дружинниками в половецкий стан, ворвался в ханский шатер. Хан возлежал на коврах и неторопливо прихлебывал из золотой чаши охлажденный в земле кумыс. Округлым движением руки он показал Роману на место возле себя, но Святославич не принял приглашения хана. Он остановился у входа и закричал:

— Твои люди спят, а ты пьешь кумыс, когда киевское войско уже выстроилось для боя!

Хан еще раз пригласил Романа сесть и тихо сказал:

— Отныне наше колено учинило с великим князем киевским мир и любовь.

Роман снова закричал на хана, обвиняя половцев в измене, напомнил, сколько золота он передавал им, сколько имения они награбили в русских землях. Хан сделал знак неподвижно стоящим у входа телохранителям. Сверкнули в полутьме шатра кривые половецкие сабли, и Роман, обливаясь кровью, рухнул на пушистый ковер.

— Уберите эту бешеную собаку, — сказал хан, — бросьте его в поле, пусть кости его рассыплются там прахом.

Это было 2 августа 1079 года, а уже в сентябре месяце в Тмутаракань прибыл Всеволодов наместник Ратибор. Тмутаракань стала частью Всеволодова удела.

* * *

Вот уже несколько месяцев жил Владимир Мономах в Чернигове.

Когда он впервые приехал туда после войны с Олегом, то ужаснулся. Его встретил мертвый, обугленный город. В воздухе стоял мрачный запах гари, лишь печные трубы с сидящими на них воронами неколебимо высились в этом царстве уныния и запустелости. С чего начинать? За что

хвататься? Владимир начал с главного — с устройства пострадавшего от пожара храма Спаса. Но не успели каменщики закончить свою работу, как пришло известие, что Всеслав снова вышел из Полоцка и идет на Смоленск.

Мономах бросил Чернигов и с конной дружиной, держа в запасе поводных свежих коней для перемены, поехал на север.

Когда он подошел к Смоленску, то увидел издали огромное пожарище: Смоленск, подожженный полочанами, горел со всех четырех концов. Черниговская дружина бросилась по следу отходившего Всеслава и на плечах у него вошла в полоцкую землю. Мономах прошел вслед за полоцким князем Логожск, Друцк, сжигая встречные города в отместку за Смоленск, грабя и разоряя полоцкие земли. Теперь Владимир больше не опасался Всеслава, он давно уже постиг его волчью повадку — нападать стаями на беззащитного, слабого противника и бежать, замечая следы, при первой большой опасности, не колебался он больше при мысли, жечь ли, разорять ли земли соперника. На удар он научился отвечать ударом.

Горели полоцкие селения, полнились телеги имуществом местных поселян, а позади лежал сожженный Смоленск, а еще позади сожженный им же самим в жестокой войне Чернигов.

КНЯЗЬ ЧЕРНИГОВСКИЙ

На первых порах мирно текла жизнь в Чернигове. Борис и Роман убиты, Олег сгинул в неизвестности — после гибели Романа хазары захватили его неподалеку от Тмутаракани и отправили в Византию. Одни говорили, что сделано это было по наущению византийского императора, который опасался иметь рядом со своими крымскими владениями столь предприимчивого князя. Поговаривали, что к заговору хазар был причастен и Всеволод, заплативший им за поимку Олега немало золота. Тихо сидели под надзором Ярополка и Ростиславичи с Давыдом во Владимире-Волынском.

После возвращения из Смоленска Мономах принялся отстраивать свой город. Из подгородных сел и слобод потянулись в Чернигов, Смоленск, Ростов, Суздаль тележные обозы с кирпичом, известью, деревянным и железным припасом. Надорванные изнурительными междоусобными войнами, пожарами, грабежами, бесконечными правдами,

хозяйства смердов и ремесленников уже не выдерживали новых, строительных повинностей. Они отказывались давать лошадей и телеги, прятались от княжеских тиунов, которые гнали их на каменную и деревянную работу. Свои нивы стояли необработанными, сгоревшие дома неотстроенными. Но Мономах бы неумолим. Вначале надо достроить храм божий, где можно было бы преклонить колени, затем надлежало обновить, отстроить заново крепостные стены, башни, ворота: затишье в усобицах — дело временное, к тому же с каждым годом половец, чувствуя слабость Руси, усиливают свой натиск на русские земли. Следовало возобновить и княжеские хоромы, отстроить дворцы бояр и дружинников, потом можно и отпустить вожжи, пусть смерды и ремесленники пекутся и о своем жилье, о своем бытии, без них, без оратаев, работников нет ни воинов, ни кормильцев на Руси.

После окончания строительства храма Спаса, починки крепостных стен, возведения всяких новых строений в Чернигове Мономах самолично повез лучших каменосечцев, древоделов и других работников в Смоленск и Суздаль. По всем землям Мономаха тюкали топоры, пели пилы, разливался в воздухе терпкий запах извести. Отстраивались города и городки, высились новые крепостные стены, стояли подновленные неприступные детинцы. На исходе 70-х годов во время большого строительства в Чернигове у Владимира появилась мысль о возведении неприступного города-замка, где князю можно было бы отсидеться в тяжкую годину от врагов внутренних и внешних, откуда можно было бы грозить своим недругам.

Такие замки он видел на береговых кручах у чехов и моравов. И взять их врагу было очень трудно.

Во время своих частых походов по Руси Мономах давно уже заметил старинный город Любеч, что стоял на берегу Днепра, на полпути между Смоленском и Киевом и неподалеку от Чернигова. Теперь Любеч тянул к черниговским землям и попадал под прямое управление Мономаха.

Всем был богат этот город. Здесь приткнулась к берегу удобная корабельная пристань, неподалеку высилась сосновая роща; из этих могучих сосен рубились русские однодеревки, вокруг города простирались поля, лесные уголья со звериными ловами, бортными ухажеями. Над городом круто поднималась Замковая гора со стареньким на ней детинцем, который брал боем еще князь Олег Ста-

рый. Вот здесь-то Мономах и замыслил построить новый неприступный замок.

Лучших каменосечцев, древоделов, кузнецов и прочих ремесленников отобрали его тиуны из княжеских сел и стольных городов. Тяжкой повинностью легло строительство замка и на любечан. От них требовались телеги с лошадьми, землекопы и люди на всякую другую работу.

Старые, обветшалые стены любечской крепости и детинца были разобраны, и началось строительство новых стен. Огромные дубовые бревна укладывали в могучие срубы и забивали их глиной, притискивали ее тяжелыми колодами, которые едва поднимали четверо человек. Между срубами вкапывали в землю сторожевые башни из камня и дубовых же бревен.

Надзор за этой привычной на Руси работой Мономах поручил своему огнищанину, наместнику в Любече. Когда же начали выкладывать новый детинец на Замковой горе, Владимир сам стал наезжать туда то из Чернигова, то из Киева, то из Смоленска, следя за идущими работами.

Месяц за месяцем шло строительство любечского замка. И вот уже начал вырисовываться общий его облик, невиданный доселе на Руси. Все строительство размещалось на площади в тридцать пять на сто сажен с небольшим. Въехать или войти на гору можно было лишь по крутому подъему, обращенному в сторону города. Здесь-то и были построены въездные ворота, перед которыми через ров строители перекинули подъемный деревянный мост. За воротами въездной башни шел узкий проезд вверх, огороженный с обеих сторон поднимающейся уступами крепостной стеной. А дальше шли главные ворота крепости и начиналась основная крепостная стена. Если бы враги паче чаяния взяли первые ворота и ворвались внутрь прохода, им пришлось бы продвигаться к основным воротам крепости под ударами оборонявшихся, расположившихся на уступах стены по обеим сторонам прохода, а дальше они утыкались в могучие бревна основной стены.

Следующие ворота с двумя башнями, стоящими по бокам от них, пройти тоже было непросто. Выход в город шел через глубокий и длинный крытый проход с тремя заслонами, каждый из которых, опускаясь, мог преградить путь врагам. Проход кончался небольшим двориком, где размещалась замковая стража. Отсюда был ход на стены. На этом дворике располагались каморки с очагами для обогрева стражи в студеное время. В стенах, огораживаю-

щих дворик, было прорезано множество клетей, в которых хранилась разная готовизна — вяленая и сушеная рыба, мед, вина, зерно, другая ества.

В глубине дворика стражи стояла самая высокая, массивная, четырехъярусная башня замка — вежа. Если бы враг все-таки прорвался через замковую стражу, ему пришлось бы еще миновать на пути к княжескому дворцу это последнее прибежище осажденных. В глубоких подвалах вежи располагались ямы — хранилища для зерна и воды. Только миновав вежу, можно было попасть к клетям с готовизной, заделанным в стены, только через нее шел путь внутрь детинца. Тот, в чьих руках была вежа, держал все нити жизни и управление замком. Именно сюда поместил Мономах впоследствии своего огнищанина — управителя замка. И уже за вежей шел парадный двор, ведущий к княжеским хоромам. На этом дворе поставили шатер для дворцовой стражи, отсюда же был проложен тайный спуск к стене.

Дворец Мономах строил по своему вкусу: в нем все должно было быть надежно, красиво, долговечно, и сам дворец должен был представлять в этом замке настоящую крепость, взять которую было бы непросто. Он был трехъярусный, с тремя высокими теремами. В нижнем его ярусе находились печи, жилые для челяди, клетки для всяческих запасов — съестных, питьевых и железных. Во втором ярусе располагались княжеские хоромы. Здесь были выстроены широкие сени для летних сборов и пиров, а рядом большая княжеская палата, где могли поместиться за столами до ста человек. Около дворца древоделы срубили небольшую церковь с кровлей, крытой свинцовыми листами. С плоских крыш дворца можно было по бревенчатым скатам спуститься прямо на подходящие сюда вплотную городские стены.

Замок был приспособлен для мощной и долговременной обороны. Вдоль его стен, кроме клетей с готовизной, стояли вкопанные в землю медные котлы для горячей смолы, кипятка, которые опрокидывали на врагов, приступающих к стенам крепости. Из дворца, из церкви, от одной из клетей, медуши, шли подземные ходы, уводившие в стороны от замка. В тяжкий час по этим глубоким, скрытым от неприятеля ходам можно было тайно покинуть детинец и уйти восвояси.

Во всех помещениях замка в глинистом грунте, хорошо держащем влагу, было вырыто много ям для питьевой воды и хранения жита.

В замке Мономах мог просидеть только на своих припасах более года с числом в 200—250 защитников. А за стенами замка шумел многолюдный город, где жили торговцы и ремесленники, холопы и разная челядь, стояли церкви, кипел торг. Здесь было все, что нужно для прожитка княжеской семьи, которая могла укрыться в Любече в тяжкую годину. Именно в пору строительства любечского замка, в пору собрания под властью Чернигова чуть не половины Руси, Мономах по образцу византийских императоров завел у себя свинцовую печать, где по-гречески было вырезано: «Печать Василия, благороднейшего архонта Руси Мономаха». Архонта... Еще не великого князя, не всей Руси, но урожденного от Мономаха — императора. И это должен знать каждый. Позднее эту печать он написал по-другому: «князя русского».

В строительных лесах стояли Чернигов, Смоленск, Суздаль. Взрытой землей и щепой кипела Замковая гора в Любече. Вслед за княжеским строительством, немного отдышавшись от подневольных повинностей, начали отстраиваться вокруг Мономаховых городов пригородные слободы, разграбленные и сожженные во время войн смерды села, деревни, погосты. Теперь, когда Мономах гнал лошадей из Чернигова то к отцу в Киев, то в Смоленск, то в Суздаль, ему уже не приходилось порой ночевать у костра, потому что вокруг лишь темнели пожарища, а люди жили в землянках и питались как дикие звери. Устраивалась жизнь в Черниговском крае, устраивалась жизнь и по всей Руси. Много ли времени человеку надо, чтобы возродить себя на земле? Ровно столько, чтобы поставить сруб, накрыть его тесом, сложить печь, вспахать полоску земли, благо дерева, печной глины, свободной земли на Руси было с избытком, и день за днем, как трудолюбивые муравьи, работали не покладая рук русские христиане, поднимая на высоких речных берегах, светлых лесных полянах, близ глубоких прозрачных озер свои пахнущие смоляным духом, печным дымом, свежей хлебной выпечкой избы, раскидывая вокруг них амбары, стойла для скота, бани.

* * *

В летние месяцы он частенько выезжал пожить то в одно селение, то в другое, где имелись загородные княжеские хоромы. Любил нагрянуть внезапно, звал тиуна на доклад, а потом сам садился верхом — ехал по полям, за-

глядывал в клетки и амбары. Порой обходил смердьи дворы, заходил и к ним в дома, спрашивал, не неволят ли его люди христиан сверх положенного, потому что давно понял он, что смердьим и холопским трудом держится земля; разори смерда — и сам разорен будешь.

Именно в Чернигове стал складываться облик Владимира Мономаха как рачительного хозяина, заботливого домочадца. До всего он старался доходить сам. Писал он позднее в «Поучении» сыновьям: «В дому своем не ленишься, но за всем сами смотрите, не зрети на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим... На посадников не зря, ни на биричей, сам творил, что было надо: весь наряд и в дому своем все сам держал. И у ловчих ловчий наряд сам держал, и у конюхов, и о соколах, и о ястребах. Также и худого смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным, и за церковным порядком и за службой сам наблюдал...»

Начал складываться и распорядок дня самого Мономаха. Стал привыкать он вставать с ложа ранним утром, а потом, после молитвы и утренней ествы, приступал он к своим делам: писал грамотки тиунам и огнищанам в города и села, обходил конюшни, клетки, амбары, смотрел, исправно ли стража несла свой дозор; потом читал божественные и мирские книги, ездил верхом в свои близлежащие села, совершал много других необходимых дел. Потом был послеполуночный, предобеденный сон, от которого он вставал освеженный и отдохнувший. Остаток дня Владимир проводил с женой и детьми. К этому времени у него родился еще один сын, которого нарекли в честь погибшего дяди Изяславом. Мстиславу шел пятый год, и его давно уже посадили на коня.

Гита — все такая же неулыбчивая, сумрачная, с сожмнутыми тонкими губами и пристальным взглядом ярко-коричневых глаз, все такая же тоненькая, почти девочка — была все время рядом с Мономахом. Он брал ее с собой в Киев и Смоленск, она стояла рядом с ним во время закладки нового Любечского замка. Ее присутствия он, казалось, не замечал вовсе, молча слушал, что она говорила, все так же поднимая тонкие брови и опуская глаза, порой не отвечал, иногда, не отвечая же, ласково усмехался, но она видела, что все ее слова словно проникают в него, где-то оседают, задерживаются, что он их слышит, думает над ними. И ему самому подчас мнилось, то ли есть она рядом, то ли нет — не так уж и важно это было

в его наполненной большими и малыми делами жизни, но вот когда ее действительно не было и он долгими днями должен был оставаться один, не видя ее хмурого лица, не слыша тихого голоса, не чувствуя на своей шее, на груди ее вскинутых в стремительном порыве рук, он вдруг понимал, что в его жизни недостает чего-то важного, может быть, даже основного. Он терял подлинную увлеченность делами, хозяйством, быстро уставал, его охватывало необъяснимое беспокойство, ум рассеивался, он скучнел, и лишь ее появление все ставило на свои места, и жизнь вдруг снова приобретала для князя определенный смысл. Никогда никому он в этом не признался бы, но это было так, и это знали два человека — он, Владимир, и Гита. В своем «Поучении», уже потеряв Гиту, он записал: «Жену свою любите, но не давайте ей власти над собою». Что это было? Сожаление о горьком опыте? Воспоминание о радостных днях, которые вовсе не обязательны в делах государственных?

Еще через два года здесь же, в Чернигове, Гита родила ему третьего сына — Святослава, а потом еще Романа, Ярополка, Вячеслава, Юрия и Андрея. Всего же было у Владимира Мономаха и Гиты семь сыновей и две дочери. Последних княгиня рожала, когда ей было уже за сорок.

С малолетства привыкший охотиться, Мономах и здесь, в Чернигове, часто выезжал на охоту, брал с собой подрастающего Мстислава. Сыну он говорил: «Закалишь себя охотой, не страшна и брань будет. Не испугаешься вепря — и половец окажется не страшен». Ходил он на тура и лося, медведя и вепря. Любил охоту на разную птицу с соколами и ястребами. Но особенно гордился князь тем, что самолично ловил в степи диких коней и вязал их. Он писал об этом: «А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками вязал я в пущах десять и двадцать, живых коней, а кроме того, разъезжал по равнине, ловил своими руками тех же диких коней. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник укусил, лютей зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною поверг, и бог соблюл меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей».

От Чернигова до Киева при хорошей верховой езде с поводными конями можно было доехать от заутрени до

вечерни за один день. Впоследствии Мономах подсчитал, что вот так одним махом он приезжал к отцу в Киев до ста раз. Едва грозили половцы, оживали князья-изгои, поднимался Всеслав, качались владычные троны в западных и полуночных соседних странах, приходили новые вести из Византии, Всеволод посылал немедля за сыном, и вдвоем они в долгих беседах решали судьбы рати и мира, определяли, с кем жить в любви, а кого следует наказать, готовили совместно оборону русских границ против половецких нашествий.

Шли годы, менялась жизнь в доме Всеволода. Ростислав, сын от половецкини Анны, подрос и стал молодым витязем, сильным, ловким, горячим. Он пошел в мать — со смоляными волосами, темным горящим взглядом. Когда они стояли рядом — Мономах, невысокий, крепко сбитый, со светлыми, слегка редющими со лба волосами, со спокойным взглядом уже не детских, голубых, а потемневших, серых глаз, и тонкий, стройный, темноволосый Ростислав, трудно было поверить, что это братья от одного отца. Но едва дело касалось кого-нибудь из них, то другой разом поднимался за брата. Владимир любил Ростислава какой-то отцовской любовью, прощал брату его вспыльчивость, горячность, с радостью охотился с ним или просто ехал стремя в стремя, беседуя, сквозь густую листву. Кони мягко ступали по мшистой земле, солнце било своими нитяными лучами через сплошное листовое кружево, где-то вдалеке потрескивал сухой валежник — то либо лось его задел, либо вепрь прошел. Братья вспоминали былые годы, помышляли о делах русских и иноземных.

Всеволод совсем недавно, видя, что Ростислав вырос, отдал ему переяславский стол, свел из Переяславля своего наместника. Теперь Ростиславу при поддержке отца и старшего брата надлежало блюсти южнорусское приграничье. Но Всеволод рассчитывал не столько на его воинскую доблесть, сколько на родственную связь с дружественным коленом половцев. В союзе с ними можно было сдерживать других степняков.

Часто встречался Владимир и с сестрами — Янкой и Евпраксией.

Янка так и не смирилась с новой семьей Всеволода. С княгиней Анной она не разговаривала месяцами.

Янка все чаще входила в церковные дела Руси, не раз ездила с купеческими караванами в Византию и знала хорошо весь константинопольский клир. Она была частой

гостьей у митрополита Георгия, просила у него и у отца открыть на Руси женский монастырь. Те колебались — дело было новое, неизведанное. А Янка снова и снова наступала с этой просьбой, просила Владимира замолвить за нее слово перед отцом. Мономах улыбался, шутил, хотя в глубине души поддерживал Янку: появление на Руси женских монастырей не только укрепило бы значение русской церкви, но и помогло бы обучению девиц при монастырях. Сама Янка много времени проводила за чтением божественных книг, собрала вокруг себя отроковиц из простых домов и стала учить их грамоте и всякому книжному делу.

Евпраксия расцвела рано и превратилась в истинную красавицу. Статная, тонкая, с прекрасным, задумчивым и в то же время твердым взглядом темных материнских глаз, с отцовской мягкостью и плавностью движений, она приковывала к себе взор каждого, кто взглядывал на нее. И это, казалось, не смущало ее. Она спокойно и просто позволяла любоваться собой, лишь изредка отворачиваясь от слишком пристальных мужских взглядов.

Владимир нежно любил сестру и говорил, что во всех западных, полуночных и восточных странах не найти такой красоты. Евпраксия с усмешкой слушала брата, улыбалась.

А в Киев уже зачастили посланцы из иноземных государств, многим хотелось породниться с могущественным киевским князем. Из Германии прислала весть Ода, вдова Святослава. Она вспоминала свою племянницу, прочила ее за кого-либо из немецких князей, но Всеволод всерьез еще не думал о замужестве Евпраксии. Она была молода, и ее время было впереди.

* * *

Зимой, в небывалое время, половцы, обогнув Переяславль и Чернигов, напали на Стародуб. Это был исконный черниговский город, и Мономах, еще не дав дружине как следует отдохнуть от погони за полоцким князем, отлетней войны с Всеславом, поднимает черниговскую рать в новый поход. А его гонцы уже скачут к своим половцам, как стали на Руси называть колено, откуда вышла на киевский престол княгиня Анна.

Уже в ту пору Мономах, воюя с кочевниками, не медлил ни часа, если рать была готова, если выступать можно было, не откладывая поход на завтра. Кочевники

быстры, а надо было быть еще быстрее, они хитры и коварны, а надо быть хитрее... Таков век, иначе побед не видать. Этому учил его отец, кроткий и скромный Всеволод, который превращался в ратное время в решительного, беспощадного воина.

Не дожидаясь подхода союзных половцев, Владимир выступил не к Стародубу, который был уже дочиста ограблен степняками, а наперехват их к Десне, куда они двинулись от города. Туда же спешили и союзники.

Расчет Мономаха оказался верным. Кочевники, выйдя на Десну и предполагая двигаться по замерзшей реке сквозь леса дальше, были застигнуты врасплох. Черниговская дружина и союзные половцы ударили на врагов с берега, оттеснили их на чистый лед и здесь, на ровном месте, довершили разгром. Напрасно половецкие ханы Асадука и Саука пытались сбить своих рассыпающихся в разные стороны всадников в стройное войско — руссы раскидывали их толпы вдоль по реке, а союзники уже довершали дело, вырезая врагов своего колена. Оба хана были взяты в плен и предстали перед Мономахом. Они-то, желая заслужить милости и прощения у русского князя, и сообщили, что другое половецкое войско, во главе с ханом Белкатгином, грабит русские земли неподалеку, что не все половцы вышли на Десну.

Не давая врагу опомниться, не дожидаясь, пока бежавшие с поля боя половцы известят своих сородичей о сече на Десне, Мономах проделал ночной переход, дал своей дружине немного отдохнуть перед боем в лесу и неожиданно появился перед конницей Белкатгина. Здесь же находился и половецкий обоз, виднелись ряды саней, а около них — связанные веревками русские пленники, набранные и в Стародубе, и в других селениях. И снова сеча была яростной и короткой. Белкатгин бежал, бросив свое войско. Половцы рассыпались в разные стороны. Одних руссы перебили, других побили. Всех русских пленников Мономах приказал развязать, накормить, обогреть, отправить в Стародуб и оттуда по их городам и селам.

Закоченевшие, в изодранной одежде, они тянули свои руки в сторону князя, благодарили его, благословляли. А он спокойно объезжал их толпы, приободрявал, иногда даже бросал шутливое слово.

— А пленных половцев обменом на других русичей, отдадим их за выкуп, за ткани, за оружие, за коней, — сказал он.

Здесь же после победы Мономах заплатил положенное своим половцам — и деньгами, и добычей, и дорогой одеждой.

Прошло всего полгода мирной жизни, и летом 1080 года снова в русских землях встала брань. Восстали переяславские торки. Долгими годами жили они в мире и любви с Киевом, стерегли русские границы, помогали в войнах с половцами. Всеволод оказывал торкам почет и не раз принимал у себя в Переяславле их вождей. Ростислав же повел себя с торками грубо и надменно. Теперь вожди долгими часами ждали, пока их примет молодой переяславский князь. Руссы перестали платить торкам уложенную за охрану границы дань. Когда же они потребовали от князя денежной выплаты, Ростислав назвал торкских послов холопами и прогнал вон. Напрасно опытные Всеволодовы бояре старались образумить Ростислава, втолковать ему, что торки — старинные друзья, князь был неумолим, и торки заратились. Их огромные толпы подступили со всех сторон к Переяславлю, где затворился перепуганный Ростислав. Пришли в движение все торкские станы, все их оседлые городки.

От Переяславля торки двинулись на Русь, на Киев. Давно не было от них такого мощного выхода.

Всеволод послал гонцов в Чернигов и приказал Владимиру Мономаху вновь собираться в поход. К черниговской рати Всеволод придавал свою младшую дружину.

Владимир Мономах не медлил. Он воспользовался тем, что силы торков были разъединены — одни стояли перед Переяславлем, другие бушевали по русским землям, и двинул против них свою конную дружину. Собирать полк и потом плестись по степи на телегах он не захотел. Главное, думал он, — нанести торкам удар сильный и неожиданный, разгромить одну, ближайшую их часть, устрашить остальных этим разгромом, подавить, смять остальных, загнать восставших опять в свои городки, запереть их там, поставить на колени вождей.

Дружина шла быстро в сторону Переяславля. Всадники готовы были каждую минуту вступить в бой, на всех были надеты брони, шипаки надвинуты на самый лоб, щиты качались на левой руке, а не лежали на телегах, как обычно во время дальнего похода. Вперед в нескольких верстах шли две сторожки, которые должны были сразу оповестить Мономахову рать о появлении торков.

Князь ехал крупной рысью впереди дружины, поглядывал спокойными, внимательными глазами по сторо-

нам. За время долгих войн и походов он уже привык к действиям быстрым, твердым и взвешенным, но не к суете и торопливости и давно понял, что поспешный шаг, торопливое решение, душевный порыв во время такого злого и жестокого дела, как брань, могут только помешать успеху. В минуты решающие Мономах приучил себя выходить всегда перед своими воинами и вступать в бой самому, а там как бог пошлет. Он знал, что если он не побойтся положить свою голову за дружину, то и дружина ляжет за него костями. Теперь же сеча могла начаться в любую минуту, причем сеча быстротечная, и для него лучше было видеть ее ход сразу же, с самого начала.

Сторожки еще только мчались обратно с вестью о появлении торков, а Мономах уже увидел их несметные толпы, которые беспорядочно в отличие от половцев выезжали из степи прямо на руссов.

Князь притормозил бег коня, сбил дружинников в единый кулак, оцетинившийся пиками и блистающий мечами, и снова тронул поводья.

Руссы, разогнавшись, врезались на полном скаку в едущих вразброд торков, прошли их насквозь, круша пиками, мечами, сшибая тяжелыми конями. Потом русская рать развернулась и прошла сквозь торков еще раз, разметывая их нестройные толпы по степи. Торкские вожди попытались собрать своих воинов, но те, уже объятые страхом, повернули коней вспять, поставили под русские пики свои обтянутые кожаными панцирями спины. Сеча была быстрой, короткой и легкой для руссов. Только несколько человек их пало от торкских пик и сабель. Многие торки бросили оружие и просили милости и пощады у русского князя. Мономах простил их и отпустил безоружных по своим городкам. Тех же, кто был схвачен с оружием в руках, Владимир приказал вести на веревках к Переяславлю, а впереди тащить, привязав к конским седлам, плененных торкских вождей. Так они и появились перед Переяславлем, осажденным другой торкской ордой: впереди ехал Мономах — спокойный, грозный, с взглядом, устремленным вверх голов, куда-то в край степи, за ним — несколько старших дружинников, а следом младшие воины, ведущие на веревках плененных торков, и опять конные ряды дружины.

И снова небольшой отдых — и зимой новый поход в землю вятичей.

Вятичи, хмурые, непокорные и гордые, и прежде не раз начинали мятежи против Киева. Поднялись они и в

эту зиму 1080 года, узнав, что начались междоусобия в Русской земле, что вышел из Полоцка Всеслав, что началась война с половцами. И снова Всеволод призывает на помощь Владимира Мономаха, наказав ему с ростово-суздальской ратью расправиться с вятичами, захватить зачинщиков мятежа — некоего Ходоту с сыном.

С небольшой дружиной Владимир спешит в Ростов и там собирает дружинников, с кем ходил еще на полочан и в западные страны. Воеводы донесли Мономаху, что смердов и ремесленников на Ходоту лучше не поднимать. Ходота у вятичей свой человек, он грабит сильных и богатых людей, стоит за древние вятичские обычаи и обряды, смеется над православными святынями, молится своим лесным богам.

Наступили лютые морозы. Владимир сидел в своем старом ростовском дворце. Печи топились не переставая, над городом стоял сизый дымный туман. После полудня уже начинало смеркаться. Сильные снегопады занесли дороги, и Владимир ждал, когда санные обозы пробьют пути в окрестные селения.

Первые два выхода из Ростова окончились ничем. Суздальский воевода-наместник по приказу Мономаха обошел с войском окрестные леса и тоже не нашел мятежных вятичей.

Лишь во время третьего выхода Владимир достиг в одном из лесных сел воев Ходоты. Они храбро дрались с дружинниками, шли с рогатинами и дубинами против копий и мечей, гибли молча, а пленники лишь смотрели на князя мрачным взглядом, было видно, что они уже готовы к переходу в иной мир и никакими увещаниями, угрозами и даже пытками не вырвать у них речей о том, где обретается Ходота, где скрывается его основное войско.

Такую войну Мономах не принимал. Здесь нет сеч, нет возможности показать военную сноровку, удаль, здесь нет добычи, нет славы, которая ждет победителей, а есть лишь непроходимые лесные чащобы, одетые в звериные шкуры, хмурые люди, вятичские смерды, которые ненавидели его и которых ненавидел и презирал он.

В эту зиму Мономах так и не сумел поймать Ходоту. Летом же, когда вятичи могут укрыться в любом лесном логове, когда им открыты все водные и сухие пути, знакомы каждая протока, каждая гать на болоте, каждая тропинка, достать их совсем трудно.

Во второй зиме Мономах готовился по-иному. Прежде

всего заслал своих лазутчиков в вятичские поселения, занял основные из них и завез туда всякого припаса. И когда уже ударили морозы и Ходота со своими людьми не мог долго сидеть в открытом лесу и должен был отогреваться по избам и землянкам, Мономах настиг к вечеру его в одной из зимовок. В крошечной темноте дружинники вырубали всех, кто попался им под руки в этом селении.

Но долго еще бунтовали и ратились вятичи, пока ростовские и суздальские воеводы не перехватили и не перевязали всех их зачинщиков и не казнили их на глазах у поселян лютой казнью.

В это время на южных рубежах Руси затевались дела, распутывать которые вскоре также надлежало Владимиру Мономаху.

Недолго жили князя-изгой Давыд Игоревич, средний сын Ростислава Володарь при Ярополке Изяславиче во Владимире-Волынском. Весной 1081 года они кинулись в Тмутаракань. В то время Тмутаракань осталась без князя. После убийства половцами Романа и пленения хазарами Олега там сидел Всеволодов посадник Ратибор. Но мятежные мысли постоянно бродили в головах тмутараканцев. Здесь жили люди Романа, здесь обреталась Олегова дружина, бояре и дети боярские, служившие еще Святославу; никогда Всеволодов дом не имел крепких и глубоких корней в Тмутаракани, да и сами местные жители не жаловали Киева, тяготились властной рукой киевского наместника.

Давыд и Володарь быстро овладели Тмутараканью, захватили там Ратибора, и казалось, что теперь Тмутараканское княжество прочно будет захвачено Ростиславичами и Давыдом. Но они продержались там только год.

В 1083 году по Руси от города к городу понесся слух, что вновь появился в Тмутаракани исчезнувший некогда Олег Святославич. Прошло лишь небольшое время, и вслед за этим слухом выкатились из Тмутаракани князя-изгой и снова появились с повинной при Ярополковом дворе во Владимире-Волынском.

Олег действительно вышел из Византии, и не один, а с красавицей женой, знатной гречанкой Феофанией Музалон.

Женитьба молодого князя на знатной гречанке круто изменила судьбу пленника. Он приобрел свободу, богатство. Но жизнь в изгнании тяготила Олега Святославича. Он рвался на родину, кипел от ненависти к преда-

телям-хазарам, которые захватили его и выдали грекам. Все помыслы его были там, в Тмутаракани, и далее, в родном Чернигове. Олег не смог смириться с вечным изгойством, потерей всего, что имел он по княжескому рождению и княжескому закону.

В Тмутаракани его уже ждали друзья и приспешники, и едва Олег появился в городе, как Давыд и Володарь были схвачены и заточены в темницу. Город перешел в руки Олега. Тут же немедленно он послал своих дружинников к пленившим его хазарам, и вскоре повинные хазарские жители были казнены на главной площади города. Тмутаракань отпала от Всеволодова дома и перешла в руки Святославичей. Уже через некоторое время наряду с указами Олега, запечатанными его именной печатью, в Тмутаракани появились и грамоты за подписью его жены Феофании с греческой печатью, на которой греческими же буквами, многим знакомыми в Тмутаракани, было написано: «Господи, помози рабе твоей Феофании Музалон, архонтессе Руси».

И Давыд, и Володарь, отпущенные Олегом на свободу, придя во Владимир, не смирились со своим изгойством и стали готовиться к захвату города, который Ростиславичи считали своей законной отчиной. Из Перемышля, где жил Давыд, к Ростиславичам, обретавшимся в Теребовле, зачастили гонцы. Люди Ярополка советовали князю остерегаться выхода Ростиславичей и их измены.

Беспокойно было в те дни во владими́ро-во́лынской земле.

* * *

Всеволод и Мономах сидели на сенях в загородном великокняжеском дворце, пили легкий, охлажденный в погребе мед, говорили про русские дела. Всеволод постарел, ссутулился, стал будто бы меньше ростом, теперь стройный, сухой Владимир казался рядом с ним выше, значительней. За плечами у Мономаха были уже многие военные походы и одни победы, о которых на Руси стали уже слагать песни. Всеволод же давно не садился на боевого коня, передоверил военные дела полностью сыну, киевская дружина великого князя стала в последние годы частью дружины черниговской; обленился великий князь, не хотел больше ничего. Киевский престол за ним. Никто не грозит его благополучию, дети

также сидят на крупных русских столах, враги частью погибли, частью — в ссоре друг с другом. Правда, есть еще несгибаемый и неговорчивый Олег, да бог с ним, пусть сидит в своей Тмутаракани. Ростиславичи — те передерутся с Ярополком, и будет снова выгода великокняжескому дому. Правда, худо, что умер хан, отец Анны. В половецкой орде пришли к власти чужие люди, но все равно с половцами союз давний и прочный; надо послать новому хану золота и ткани, вина и русское узорчье.

Мономах не прекословил отцу. Он, не слезавший в последние годы с боевого коня, видел, что Русь стоит на пороге новых невзгод. Слишком частыми стали выходы половцев. Приводимые на Русь враждующими князьями, они давно уже превратили русские земли в постоянное место для получения добычи. До тех пор пока Русь будет расколота на враждующие столы, покой не придет в русские земли.

Он понимал, что жизнь на Руси запутывается все больше, но ему казалось, что вот пройдет еще один поход, придет еще одна победа, исчезнет еще один изгой-соперник, сгинет еще один половецкий хан — ненавистник Руси, и наступит желанный покой, к которому он тянулся всей душой. Но покой не приходил, нужно было вновь садиться на коня. Что-то надо было делать, война шла нескончаемая. Но отец молчал. Он старел, но сидел в Киеве непоколебимо, и ему было покойно. Пусть дерутся Ростиславичи с Изяславичами, усмеялся он, когда ему доносили о распрях во владими́ро-во́лынской земле. А если наступит большая брань, то у него есть Мономах — лучший ныне на Руси меч. Он был доволен, что при нем Русь жила в дружбе и любви с окрестными странами и каждой из них, кажется, была нужна.

В Византии престол захватил Алексей I Комнин, который пытался спасти италийские владения империи от натиска норманнов Гюискара, но дважды был разбит ими. В подвластной Болгарии постоянно зрели бунты, на Балканском полуострове против власти Византии поднимались другие славянские народы, мятежи потрясали критские и кипрские владения империи. Печенеги, теснимые половцами, проникли во Фракию и даже заняли Филиппополь. С востока продолжали насаждать турки-сельджуки, а половцы все теснее смыкали кольцо вокруг северо-черноморских и крымских владений Византии. Постоянная угроза исходила и из русской Тмутаракани,

где один за другим появлялись беспокойные и смелые князья. Комнин в согласии со Всеволодом — давнишним другом Византии — на время обезопасил Тмутаракань, а половцы подходили все ближе и ближе к границам империи, и с севера над Византией нависла новая страшная опасность, в борьбе с которой Русь была желанным союзником. Митрополит Иоанн чуть не каждодневно говорил великому князю о пользе дружбы с великой империей. Митрополичий двор кишел греками. В Печерском монастыре это давление Византии вызывало все большее недовольство.

Занятая междоусобной борьбой Польша на время забыла о русской границе, и новый польский властелин Владислав старался заручиться поддержкой если не Киева, то хотя бы Волыни, где всегда сидели князья, дружественные Польше. Его сынонец Мешко женился на сестре Ярополка Евдокии, и это еще более укрепило мир и любовь между Волынью и Польшей.

Искал дружбы Всеволода и германский император Генрих IV. Он не прекратил борьбы против папы Григория VII, но готовился к ней более основательно, и вскоре в Равенне был провозглашен новый папа, или, как его называли в западных странах, антипапа, — Климент III. Генриху IV и Клименту III нужен был союз с сильными окрестными странами, и вот уже легат нового папы появляется в Киеве при митрополичьем дворе. Но Иоанн II, преданный Византии и подозрительно относящийся к русско-немецкому сближению, холодно встретил папского посланника.

Всеволод думал по-иному. Со времен Оды киевский двор был тесно связан с немецкими землями. При Изяславе эта связь не утратилась, а после женитьбы Ярополка на Кунигунде еще более укрепилась. Ода давно уже прочила Евпраксию Всеволодовну замуж в немецкие земли. Генрих IV слал к Всеволоду грамоты, в которых жаловался на римскую курию, на не поддерживавший его византийский двор, на венгерских королей Гезу, а потом Ласло I, которые стремятся захватить исконные имперские земли.

Из Киева к германскому императору шли ответные любезные грамоты. Но Всеволод не спешил вмешаться в дела окрестных стран, пусть увязнут, пусть подерутся между собой. У Руси свои трудности, и нечего ей влезать в чужие беды. А Генрих все беспокоил и беспокоил Киев.

В 1084 году здесь появился епископ Адальберт из

Олмуца, который привез Всеволоду многие дары, изъявил киевскому князю любовь и дружбу императора и просил направить войско против угорского короля. В речах, переданных через Адальберта, Генрих извещал Всеволода, что угры давно посягают на имперские земли, мешают императору в борьбе с папской курией, только и ждут удобного случая, чтобы захватить земли русской Волыни.

Поначалу Всеволод вострепенулся — так заманчиво было вмешаться в иноземные дела. Он было уже решил послать к Карпатам войско во главе с Мономахом, придав ему волынскую рать Ярополка и Давыда Игоревича. И Владимир даже начал собираться в новый поход. Но потом Всеволод заколебался: поход предполагался дальний, исход длительной борьбы империи и Венгрии был вовсе не ясный. К тому же Русь и Венгрия испокон века, со времени прихода угров под Киев, еще при Олеге Старом, жили в мире и любви, и было неведомо, что Русь получит взамен от Генриха IV. Для начала в Венгрию отправился боярин Всеволода Чудин. Он должен был уговорить венгерского короля жить в мире с Генрихом.

Обратно Чудин вернулся с венгерским послом, баном короля, который привез великому князю многие дары от Ласло I. После большого приема во дворце в присутствии киевского митрополита, князей Ярославов корня, бояр и выслушивания посольских речей бана Всеволод и Владимир приняли посла во внутренних хоромах, без людей, лишь с одним толмачом.

Посол подробно рассказал, какие обиды чинил и чинит Генрих IV Руси, напомнил, как он поддерживал Изяслава против него, Всеволода, как теперь хочет втянуть Русь в далекие от нее дела, использовать ее войско для укрепления своей власти, захвата новых земель. Угры же, вечные соседи и друзья Руси, и ссориться им из-за имперских интересов Генриха IV вовсе незачем, а что до счетов угров к немцам, так они разберутся сами.

Всеволод и Владимир слушали бана, молча переглядывались, а потом, когда посол ушел, долго еще сидели, говорили, взвешивали его слова, судили о том, с кем Руси более выгодно быть в мире. Владимир говорил отцу: у Руси свои заботы: половцы, Олег в Тмутаракани, торки; не наше это дело лазать по чужим горам. Рассоримся с уграми, а они ведь рядом с нами.

Всеволод соглашался: нет сейчас у Руси кровных дел

на Западе, все русские заботы поворачивались в степь.

Через несколько дней бану был дан ответ: русские князья не станут помогать Генриху против угров, пусть мир и любовь между Венгрией и Русью будут вечны и недвижимы.

Время показало, что ответ был верным. На велик день, на пасху этого же года, в Киев прибежал Ярополк Изяславич, изгнанный из Владимира-Волынского Володарем и подростим Василько Ростиславичами и Давыдом Игоревичем, которые вот уже который год действовали заодно против Ярополка. Он рассказал, что вначале Ростиславичи и Давыд куда-то бежали из волынской земли, вернулись обратно уже с дружинами, учинили в волынской земле смуту, нашли себе приспешников и в самом Владимире, презрели княжескую лествицу и покусились на Ярополков стол.

И вновь Всеволод посылает восстанавливать порядок первого воина Руси Владимира Мономаха, дав ему свою киевскую дружину.

Со временем для Мономаха стало привычным делом идти на брань то с одной дружиной, то с другой. Он ходил в походы с дружинами ростовской и суздальской, переяславской, смоленской, черниговской, киевской. Князь знал в лицо почти всех дружинников и даже простых воев в городских полках, и они знали его не издалека, а близко. Когда он шел с ними во главе рати — всегда спокойный, с негромким голосом, умным взглядом светлых глаз, — его войску было надежно и уверенно. И еще они знали, что Мономах к своим тридцати с лишним летам не проиграл ни одной битвы. И на этот раз одно его появление на Волыни повергло тамошних мятежных князей в страх и уныние. Он без боя занял Владимир и погнался за ними к Теробовлю и Перемышлю, и они бежали от него за дальний город Микулин, и он ходил за ними к Микулину и не настиг их.

Ярополк пришел вместе с Мономахом и снова сел на владимирском столе, а Мономах вернулся назад в Киев — его ждали на Руси новые заботы: половцы взяли городок Горошин, и Мономаховы дружинники, не расседывая коней, погнались за ними к городку и дальше, за реку Хорол, и прогнали половцев прочь.

Но лишь месяц провел дома в Чернигове Мономах. В Киев пришли вести, что Всеслав Полоцкий замышляет новый выход, и Всеволод решил предупредить его. Союзные половцы опять подходят к Чернигову, и Мономах от-

правляется с ними и своей черниговской дружиной знакомой дорогой в Полоцкое княжество.

На этот раз Мономах не оборонялся, как прежде, не мстил врагу за разорение своих земель, а наносил удар первым. И сразу он понял выгоду этого первого удара.

Позднее он напишет в «Почуении» об этом походе: «На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город, не оставили в нем ни челядина, ни скотины».

Минск был снова разграблен и сожжен дотла. Всеслав в те дни сидел недвижно за стенами Полоцкой крепости, ожидал выхода Мономаха к своему стольному городу, но Мономах не пошел на Полоцк: враг был предупрежден и наказан, теперь полоцкий князь не посмеет двинуться на Всеволодовы и Мономаховы города.

На развалинах Минска Владимир вспомнил свой первый поход на этот город. Теперь все было иное. Если раньше он много думал о смысле войны, о гибели людей, о тщете жестокости и насилия, то теперь сердце его билось спокойно при виде горящего города, ничто не шевельнулось в его душе: он уже стал привыкать к тому, что соперник должен быть наказан, может быть, даже уничтожен, иначе теряется смысл войны, смысл потерь, лишений, гибели своих, близких ему людей. Что такое был для него сегодня Минск? Один из многих взятых на щит городов.

А на юге продолжали бушевать князья-изгои. Едва Владимир ушел с Волыни, как вновь забегал Давыд Игоревич. С небольшой дружиной он появился в днепровском устье, у городка Олешье, где отдыхали перед дальней дорогой, чинились иноземные и русские купеческие караваны, и ограбил греческих торговых людей.

Получив об этом известие, Всеволод послал гонцов к Давыду и приказал им догнать его, где бы он ни был, и сказать, чтобы прекратил разбой на торговых путях, а шел бы в Киев с повинной к великому князю, который обещает ему стол.

И вот через несколько недель Давыд Игоревич сидит перед Всеволодом и Мономахом — короткошей, с большой тяжелой головой, быстрым взглядом небольших темных глаз — слушает, как князья выговаривают ему за ссоры и беспокойное бытие.

Потом Всеволод отдал Давыду там же, на Волыни, Дорогобуж и велел сидеть тихо. В тот же день Давыд Игоревич отбыл на юг, а вскоре оттуда в Киев и Черни-

гов пришли новые плохие вести. Теперь побегал Ярополк Изяславич, князь владимиرو-волынский, недовольный тем, что один из его городов киевский князь отдал врагу — Давыду.

Ярополка давно уже поднимали против Киева волынские бояре, стремившиеся отделиться от киевской земли, а также ляхи, которых много было при волынском князе. Здесь сидели и те, кто еще с Изяславом ходил на Киев, и те, кто приходил сюда из Кракова, от Ярополковой сестры Евдокии, и люди Ярополковой матери, польки Гертруды. Жена-немка Кунигунда также подогревала честолюбие Ярополка, шептала мужу о прелестях собственного Волынского королевства. Польский король мечтал восстановить старый волынско-польский союз, направленный как против Киева, так и против германского императора.

Но и у Всеволода и Мономаха были на Волыни свои люди, особенно у княжившего здесь прежде Владимира. После того как Мономах оставил Владимир-Волынский, бывшая его дружина не вся ушла с ним на север, многие из тех, с кем он делил военные невзгоды в западных странах, помнили его и по-прежнему смотрели на себя как на Мономаховых слуг. И Владимир не забывал их, одаривал богатыми дарами, призывал их детей в свою черниговскую дружину. И теперь они послали весть в Киев и Чернигов, что Ярополк собирает большую рать, чтобы повторить вместе с ляхами путь своего отца и взять Киев.

Всеволод не стал ждать выхода Ярополка. Мономаху было наказано быстро идти во Владимир и привести в повиновение волынскую землю.

И снова поход — налегке, без тяжелого обоза, с подводными конями, с дружиной, без полка, в расчете на помощь своих приспешников во Владимире и воинов Давыда и Ростиславичей, если дело дойдет до брани.

Давыд всячески выражал свою преданность Всеволоду, послал своих людей навстречу Мономаху, просил передать, что со всех городов Ярополк вызвал людей во Владимир, готовит город к осаде, сейчас же находится вместе с матерью-полькой Гертрудой и женой в Луцке, где также собирает воев.

Приход Мономаха был настолько быстр и неожидан, что Ярополк так и не успел приготовиться к брани. Когда сторожи ему донесли, что Мономах идет на Луцк, то

черниговский князь был уже на подходе к городу. Вместе с ним скакал и присоединившийся к черниговской дружине приземистый быстроглазый Давыд Игоревич.

Ярополк не стал искушать судьбу, бросил мать и жену в Луцке со всем имением, взял с собой лишь самые большие ценности и бежал к ляхам. А Луцк уже открыл ворота Мономаху, сдавался на милость победителя.

Давыд тут же все рассказал и показал Мономаху — кто из лучан был в сговоре с Ярополком, где хранился военный припас мятежников, куда укрыла свое имение Ярополкова семья.

Мономах смотрел в бегающие ложно-преданные глаза Давыда, на его суетливо двигающееся, приземистое тело, и чувство омерзения пробуждалось в нем к этому человеку. Мономах спокойно думал: «Этот продаст ради стола кого угодно. Завтра он также выдаст врагу и отца, и меня». И все же сегодня Давыд был нужен. Отец наказывал: «Ссорь их между собой, пусть дерутся, грызут, обескровливают друг друга» — и Владимир слушал Давыда, благодаря его за преданность Киеву, благожелательно, мягко улыбался в русую бороду.

В Луцке Мономах захватил Гертруду и Кунигунду и немедленно отправил их в Киев, чтобы не затевали на Волыни свои хитрости. В наказание Ярополку он забрал все его имение и на телегах также отправил к отцу, а Ярополковой дружине, которую тот имел с собой в Луцке, приказал своим ходом идти с повинной к Всеволоду и служить Киеву на новых рубежах.

Но на этом свой путь на Волынь Мономах не закончил. Он двинулся к Владимиру-Волынскому, и город сразу же отворил ему ворота. Владимирцы вышли к Мономаху с поклоном и дарами и просили у него милости и пощады.

Он не торопился покидать город, хотя и посадил здесь княжить Давыда Игоревича и наказал Ростиславичам служить новому Волынскому князю. Они сидели напротив Мономаха — светловолосые, светлоглазые, похожие на своего златокудрого отца, Ростиславичи. Постарше — Володарь, помоложе, совсем еще юный, с легким прозрачным пушком на верхней губе, — Василько.

Молодые Ростиславичи хмуρο слушали Мономаха. Они считали Владимир своей отчиной и не хотели здесь иных князей, кроме Ростиславова корня. И Давыд — их прежний союзник и друг — сразу же становился для них новым опасным соперником. Давыд жесток, хваток, это не

то что суматошный, по-женски обидчивый Ярополк, — если вцепится во что-либо — прочно и надолго.

Володарь и Василько поблагодарили Мономаха за нового князя, обещали верно служить ему, всячески противиться мятежному Ярополку.

Ярополк же дал о себе знать очень скоро, прислал к Мономаху своих людей для переговоров. Ничем не помогли ему ляхи, лишь обещали послать воев, но где они были, эти вое, когда Польша сама вела нескончаемые войны с соседями и только-только покончила с собственными междоусобицами. Ярополку рассказали, что все его города сдались Владимиру, что враг его Давыд сидит на волыньском столе, а мать, жена со всем имением вывезены в Киев. И еще ему рассказали, что подлинным хозяином Волынской земли остается Владимир Мономах, что все тамошние города, и бояре, и купцы, и люди в них крепко стоят за Мономаха и надеются на его силу, его защиту и милости.

Ярополковы послы передали Мономаху, что Ярополк винится в мятеже, обещает впредь служить верно своему стрюю, просит вернуть на Волынь мать с женой и со всем имением.

Мономах выслушал послов. Их речи были испуганными и льстивыми. Трудно было за глаза судить о том, как поведет себя Ярополк, — оставался только один путь проверить его искренность — вызвать его для встречи в пограничные Броды одного, с небольшой дружиной без ляхов и лукавых своих советников, которые подвигли его на мятеж. Так Владимир и сказал послам. Те уехали и наскоро вернулись обратно с ответом, что Ярополк уже едет в Броды на свидание с Мономахом.

Как все меняется! Еще вчера Ярополк был брат и друг и вместе они гоняли Давыда и Ростиславичей, пили меды в теремном дворце во Владимире, сидели рядом, мирно беседовали. Теперь Ярополк — враг, предвестник большой войны с ляхами, и разговор с ним будет не простой. Начнутся торгвли, жалобы, попреки, брат поднимет всю лествицу до седьмого колена...

Так и получилось. Ярополк сидел и ждал его в горнице, напряженный, злой, встал лишь со скамьи, подошел к дверям, когда Мономах вошел в горницу. Потом и калялся и угрожал, ругал всячески Давыда, требовал, чтобы Мономах вернул ему все захваченное имение, возвратил на Волынь мать и жену, увел из Волынской земли Давыда, не отдавая ему ни Дорогобуж, ни Пере-

мышль, ни Теребовль, ни Луцк, ни какой другой город, унял бы Ростиславичей, тогда он, Ярополк, будет верным и послушным сыновцем Всеволоду, а ему, Мономаху, вновь другом и братом.

Мономах слушал его горячие речи, качал головой в стороны, не соглашался. Отдать Волынь Ярополку полностью значило нарушить завет отца, который наказывал постоянно держать друг против друга Ярополка и его двоюродных братьев.

Ярополк распалился, уехал из Брод, а Мономах снова вернулся во Владимир, но не прошло и месяца, как Ярополк снова позвал его в Броды. И был снова долгий разговор, и Ярополк согласился отдать Дорогобуж Давыду. На том братья и порешили.

И снова он мчался в Переяславль, куда послал его отец, потому что со всех сторон половцы наступали на переяславские земли. Но они, по тем вестям, которые поступали от выехавших в степь сторож, были еще далеко, и Мономах на подступах к городу Прилуку отослал вперед основное войско и возы с оружием — щитами, пиками, а сам с небольшой дружиной, вооруженной лишь мечами, ехал по чистому полю. В поле снова была весна и бездонная небесная синь со всех сторон обступала всадников. Земля исходила легким теплым паром, и запах оживающей земли в который уже раз радостно удивлял и волновал Мономаха. Но не сумели руссы насладиться в тот час всей прелестью весеннего дня: половцы выросли перед ними внезапно, тысяч восемь, а может быть, и более. Что могла сделать с ними небольшая дружина? Руссы прищипорили коней, и потянулись по степи облачка молодой, только-только запекшейся на солнце пыли.

У руссов был лишь один путь: спрятаться за стенами города. И вот они неслись во весь опор в сторону темнеющей на горизонте узкой полоски Прилуцкой крепости, а половцы полукружьем растеклись вслед за ними, стремясь перенять руссов на подступах к городу. Мономах въехал в город под самым носом половцев и тут же, вооружив своих людей, повел их обратно в поле. Половцы не ожидали столь быстрого выхода руссов и дрогнули. Мономах позднее вспоминал об этой скоротечной битве под Прилуками: «Только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и те, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь».

Не раз вспоминал впоследствии уже умудренный ог-

ромным военным опытом Мономах об этой своей едва ли не единственной ошибке, которая могла стоить ему жизни.

Верный себе, он решил не давать врагу передышки. На следующий же день русское войско вышло к Белой Веже, где состоялась новая сеча и руссы перебили в ней до девятисот половцев и пленили двух половецких ханов — Осеня и Сакзю и многих других знатных мужей, лишь двое из них ушли в степь.

Все лето воевал Мономах на южном русском порубежье. Сначала гнался за половцами к городку Святославлю, потом шел на Торческ, потом на Юрьев и Краснов. Ростислав был в этой нескончаемой погоне подручным у Мономаха, а всю власть над Переяславским краем Всеволод вручил Владимиру.

Уже к осени Владимир и Ростислав настигли у Варина еще одно половецкое войско и захватили половецкие вежи.

Кончалось лето, желтела и жухла трава на придубравных опушках, а Мономах все еще гонялся за половцами. Их небольшие отряды беспокоили то один городок, то другой, то выходили к самому Переяславлю, то мелькали на Суле. И каждый раз он бросался за ними следом и убеждался, что ни одна из таких вот многочисленных побед не спасала от нового выхода, от новых половецких грабежей и насилий. Русь оборонялась как могла, и не было этой борьбе ни конца ни края.

В осеннюю распутицу половцы поутихли, и Мономах вновь ушел во Владимир-Волынский.

На Волыни наступили мир и покой. Во Владимир пришли Гертруда и Кунигунда. Давыд получил Дорогобуж и вновь озлобился, что Волынь досталась Ярополку. Ростиславичи беспокойно жили в своих городках. И не успел Мономах доехать до Чернигова, как вдогонку ему пришла весть: Ярополк убит своим слугой во время пути в Звенигород-Волынский. Он ехал на телеге, лежал и смотрел в небо, и слуга подскочил к телеге и саблей проколол его насквозь. Ярополк только успел выторгнуть из себя саблю и воскликнуть: «Ох, уловил ты меня, враже!» — и испустил дух. Слуга бежал к Ростиславичам. Тело Ярополка везли в Киев, а молва шла впереди скорбного шествия: люди обвиняли в убийстве князей Ростиславичей, князей-заговорщиков — Рюрика, Володаря и Давыда, и никто точно не знал, кто направлял руку убийцы. Говорили и о том, что Ярополка киевляне прочили на великокняжеский престол, в обход Святополка, по-

тому что всегда он был добр к киевлянам. Слухи эти распускали некоторые киевские бояре, ненавидевшие Всеволодов дом, боявшиеся Мономаха и желавшие сделать вздорного и слабого Ярополка послушным орудием в руках своих.

Молва догнала Мономаха на пути домой и помчалась дальше, и он повернул в Киев и встречал вместе с отцом тело Ярополка.

С плачем и стонами вышел киевский люд ко второму Изяславу сыну. Впереди ждали великий князь с детьми, митрополит со всем церковным причтом. Быстро забывались народом корыстолюбие и своеволие волынского князя, его завистливость и жестокость в борьбе за власть, и люди уже видели лишь рано умершего, молодого, еще мало сделавшего на земле мужа, которому еще было жить и жить. Такая смерть всегда потрясает, заставляет людей задумываться о бренности земного, доходит до глубин души.

Смутившись духом, стоял в церкви апостола Петра и Мономах над телом двоюродного брата. Вот сейчас его спрячут в мраморную раку, и он навсегда уйдет из этой жизни, его вчерашний враг, а позавчерашний друг и брат. А ведь он сам начинал строить в Киеве эту церковь, хотел сделать ее своей, домовою, здесь и успокоился.

* * *

Старел Всеволод. Он давно уже перестал выезжать на охоту, забросил свой загородный дворец, все чаще закрывался в своих киевских хоробах. Шаг его стал шаркающим, неуверенным, глаза начали без причины слезиться. Дряхлело тело, дряхлели чувства: он все с большим безразличием слушал вести, которые по-прежнему приносили со всех концов света купцы и лазутчики, глаза его не загорались прежним неуемным блеском, оставались тусклыми и нелюбопытными. И лишь одно чувство овладевало им все сильнее и сильнее — желание надолго, может быть, навеки, сохранить за своим домом, за сыновьями, внуками, правнуками первенство в Русской земле, власть в Киеве, в этом старом Ярославовом дворце. Угасая, он видел, как поднимали голову, видя его немощь, старые киевские бояре, столпы Русской земли при Святославе и Изяславе, и он как мог отодвигал их в сторону, приближал к себе уных¹ дружинников, доверял им уп-

¹ Молодых.

равление волостями и сбор вир и продаж, делал их тысячками и наместниками, огнищанами и воеводами, и уные, видя, что слабеет их властелин и их время может кончиться не сегодня завтра, старались урвать себе побольше, грабили народ нещадно, тянули на правеж, вымогали куны, обогащались. Роптали киевские люди, подогреваемые старой киевской дружиной, знатными киевскими боярами.

С грустью смотрел Владимир, как бился отец в тенегах наступающей старости, как старался убрать с пути сыновей их и своих недругов, подорвать силы приспешников прежних великих князей и их домов.

В те дни Всеволод уговорил сына отпустить на княжение в Новгород одиннадцатилетнего Мстислава Владимировича. Мал и несмышлен был Мстислав, но Новгород нужен был Всеволодову дому, и был у него лишь один князь, которого можно было посадить на новгородский стол, — малолетний Мстислав.

В Новгород пришел грозный приказ великого князя — Святополку Изяславичу немедля ехать в Туров, освободить новгородский стол. И вскоре Владимир и Гита уже снаряжали в дорогу маленького Мстислава. Серьезный, с дрожащими губами, в боевом облачении и червленом плаще, он, напрягшись как струна, сидел на коне и смотрел на родителей, а они, как когда-то молодой еще Всеволод и Анастасия, провожали в первый путь своего первенца — Владимира, с грустью и тоской благословляли Мстислава в первый путь, отпускали в чужой город, к чужим враждебным людям ради удержания власти над всеми русскими землями, и что в этой большой междукняжеской игре стоили эти дрожащие губы отрока, эта напряженная спина...

И снова жизнь пошла по-прежнему.

Владимир в этот год много занимался хозяйством, постоянно наезжал в Любеч, где полным ходом шло строительство задуманной им крепости. Гита, проводив старшего сына, будто немного потускнела, но была все такой же стройной, молчаливой, внутренне собранной, деятельной. Много было в ней еще жизненной силы, и раздумья о жизни лишь слегка коснулись ее своим крылом, не нарушив привычной сосредоточенности, деловитости.

С юга опять шли беспокойные вести: то Давид Игоревич, то подружившийся с ним Святополк Изяславич тревожили великого князя рассказами о своеволии Ростиславичей. Володарь и Василько совсем подросли, обзаве-

лись сильными дружинами и теперь смотрели на Теребовль и Перемышль как на свои исконные родовые отчины, не признавая власти Давыда над всей Волынью. Давыд же вползал в доверие к Святополку, льстил ему, рассчитывал, что в будущем, когда опустеет великокняжеский престол, пригодится ему эта дружба. И Святополк слушал его льстивые речи, распался на Ростиславичей, побуждал Всеволода унять расходившихся молодых князей. Но Всеволод до поры до времени молчал, молчал и Мономах. Отец и сын давно уже решили, что чем больше распрей будет на Волыни, тем спокойнее станет в Киеве, Чернигове и Переяславле.

И все-таки, когда и от Давыда, и от своих соглядатаев на Волыни Всеволод узнал, что Ростиславичи вступили в сговор с ляхами, великий князь забеспокоился. Он послал к влиятельным племянникам нарочных и просил их унять, грозил военным походом на Волынь, но Володарь и Василько упорствовали. Их люди вместе с ляхами начали грабить земли Давыда и находившиеся здесь села Святополка, ляхи тащили в полон местных поселян, Ростиславичи подбирались к самому Владимиру-Волыньскому.

Только тогда Всеволод послал за Мономахом и направил гонцов к младшему сыну Ростиславу, князю переяславскому, и в Тмутаракань к Олегу. Олег в последнее время тихо сидел в Тмутаракани, на большие праздники приезжал с женой-гречанкой в Киев; Чернигов он обходил стороной, с Владимиром был спокоен и сух, и словно незримая стена встала в последнее время между двоюродными братьями. Но Олег не отделял себя от власти Киева, делал, хотя и с неохотой, что приказывал ему великий князь. И вот теперь обещал прибыть с дружиной для общего с князьями похода на взбудораженную Волынь.

К осени к Киеву пришла черниговская рать во главе с Мономахом, переяславцы с Ростиславом, появился и Олег с небольшой тмутараканской дружиной.

Великий князь на этот раз сам поднялся в поход.

Тяжело переступая уставшими, согнутыми в коленях ногами, он подошел к лошади; ему помогли сесть в седло, и войско тронулось в путь.

Вскоре за городом великий князь сошел с коня, сел в возок и дальше уже подремывал всю дорогу, взглядывая иногда через оконце на притихшую осеннюю землю, на скачущих вокруг возка всадников. Лишь изредка он

открывал дверцу, подзывал к себе сына, советовался с ним.

Войско дошло до Звенигорода-Волынского, и оттуда Всеволод еще раз послал своих людей к Ростиславичам, чтобы те объявили им: великий князь со своим сыном Мономахом и сыновцами Олегом и Давыдом идет на них походом, и если не хотят они кроворазлития и гибели, то шли бы немедленно к нему с повинной, вернули бы все убытки Давыду и Святополку, возвратили весь полон и послали бы своих гонцов к ляхам с той же просьбой.

Недолго ждали князь ответа с Волыни. Володарь и Василько прибыли сами. Они стояли перед князем Всеволодом одинаково рослые, белокурые, со светлыми веселыми глазами, переминались с ноги на ногу, похрустывали их сапожки красного сафьяна. Всеволод и Мономах, сидя на лавке, слушали сбивчивые, неясные речи Ростиславичей, полные обид, упреков, просьб.

Полон они возвратили, привезли назад и все награбленное в селениях Давыда Игоревича. На вопрос великого князя, почему же не едут в Звенигород их союзники-ляхи, братья отговорились, что они за ляхов не ответчики.

Ростиславичей отослали назад в свои города, наказав слушаться волынского князя Давыда и не вступать в сговор с иноземцами.

Всеволод вскоре отбыл обратно в Киев, а четверо двоюродных братьев — Владимир Мономах, Святополк Изяславич, Олег и Давыд — двинулись в земли ляхов.

Во главе войска, как это уже повелось в последнее время, вновь стоял князь черниговский Мономах. В тридцать шесть лет он впервые возглавил войско, по сути, всей Русской земли. Под его началом шли рати киевская, черниговская, переяславская, волынская и тмутараканская. Теперь, после громких летних побед над половцами, после того, как половецких колодников провели по многим городам Руси, все видные русские князья признали военное первенство Мономаха.

К большой войне с Польшей Русь в это время была не готова, да и не было для этого повода. А отомстить за грабеж южнорусских земель, увод людей в полон было необходимо.

Русское войско грозно прошло по пограничным польским землям. Несколько городков было взято на шит и на поток, жители других городков с воплями побежали было к Кракову. Король забеспокоился, собрал воевод.

Но руссы не стали идти в глубь польских земель и послали к королю гонцов с речами, в которых подтверждали мир и любовь, но предупреждали, что если ляхи вновь придут на помощь Ростиславичам и вмешаются в русскую междоусобицу, то Русь начнет большую войну.

Теснимый немцами и поморянами, король велел ответить гонцам, что Польша также будет хранить мир и любовь с Русью.

На обратном пути князья разминулись. Владимир с киевской дружиной направился к великому князю. Святополк уполз в свой Туров, Олег же поскакал в Тмутаракань.

Мономах застал отца после похода еще более ослабевшим. Всеволод, похивая и покрхтывая при каждом вставании с лавки, сказал сыну, что это, наверное, его, Всеволода, последний выход с войском, что он целиком передает сыну начальство над своей дружиной и пусть сын почаще живет в Киеве, нежели в Чернигове.

А в Киеве нарастало напряжение; старые бояре и дружинники все более оттеснялись новыми людьми, недовольные совещались по своим хоромам, тихо копили злобу против Всеволодова дома, тайно носились со Святополком, следили за каждым шагом, каждым словом Всеволода и Мономаха.

Мономах после прихода из Польши почти не покидал Киева, постоянно оставаясь около слабеющего отца. Он, по сути дела, взял управление киевской землей в свои руки, занимался устройством отцовою дружины, следил за строительством крепостей, управлялся с хозяйством, объезжал отцовские села и погосты, взыскивал службу с тиунов. Он постоянно встречался то вместе с Всеволодом, то один с приспешниками Всеволодова дома, выслушивал гонцов и лазутчиков из разных мест ближних и дальних от Новгорода до Тмутаракани, от Муром до Волыни, все более и более стягивая нити управления Русской землей в своих руках.

Янка Всеволодовна тем временем внедрялась в дела митрополичьего дома. Она уже не довольствовалась игуменством в своем монастыре, ей уже было мало учить отроковиц грамоте и писанию, пению и разному рукоделью. Она встречалась с митрополитом и епископами, беседовала с ними о духовном и мирском, вникала во все хитросплетения мыслей греческого клира при русском митрополичьем дворе. И когда умер престарелый митрополит-грек Иоанн, Всеволод и Мономах послали Янку в Кон-

стантинополь просить у патриарха нового владыку русской церкви. Отец и сын понимали, что Янка, хорошо знающая не только русский, но весь константинопольский клир, выберет для Руси нужного человека.

Несколько недель Янка была в отъезде, а потом появилась в Киеве в сопровождении нового, благословленного патриархом на киевскую митрополию митрополитом.

Это был высокий, сухой, слабый телом человек, и киевляне, едва увидевши его, окрестили «мертвецом». Он был прост умом и просторек, и летописец отметил, что был он «не книжен». Но таким и нужен был митрополит от греков киевскому великокняжескому дому. Он не интересовался русскими делами, не вникал в отношения князей между собой, не мешал Киеву строить свои отношения с иноземными владыками, а главное — был он по простодушию своему закрыт для многих греческих соглядатаев при киевском дворе, которые через митрополита старались проникнуть в сокровенные мысли князя и бояр, передавали киевские новости в Константинополь, а оттуда черпали наказы и опять же через митрополита внедряли их в киевские умы.

Шли обнадеживающие вести и о судьбе Евпраксии Всеволодовны. Владимир внимательно следил за жизнью сестры, которая несколько лет назад была-таки высватана Одой в Германию за маркграфа Нордмарки Германской империи Генриха. Жениху в то время было семнадцать лет, а Евпраксии Всеволодовне четырнадцать. Было уговорено, что будущая маркграфиня вскоре прибудет в Германию и станет воспитываться в Кведлинбургском монастыре под началом аббатисы Адельгейды, родной сестры германского императора Генриха IV, продолжавшего в то время отчаянную борьбу, с одной стороны, с папским престолом, со сменившим Григория VII Гильдебрандта Урбаном II, с другой — с мятежными немецкими князьями, с Венгрией. Император метался в поисках союзников, денег, наемников, и Кведлинбургский монастырь, тихая обитель сестры, был для него едва ли не единственным местом, где он мог позволить себе хоть ненадолго отрешиться от мирских дел, дать отдых душе, собраться с мыслями.

Вокруг четырнадцатилетней Евпраксии в Киеве разгорелись страсти. Киевские вельможи, люди Изяслава и Святослава, были недовольны тем, что дом Всеволода возвышается еще более. Теперь великий князь вступал

в родство с германскими землями, и это еще больше возвышало его и над другими русскими князьями, и над иными восточноевропейскими владыками. Старые киевские бояре пытались расстроить свадьбу, слали к Оде гонцов, но она была непреклонна. Евпраксия занимала какое-то место в расчетах германского правящего дома, и Ода настаивала на ее скором приезде.

И вот уже из Киева в немецкие земли двинулся огромный караван. Евпраксию сопровождали дружинники и слуги, с ней везли бесчисленный скарб и драгоценности. Немецкие хронисты записали позднее, что русская княжна прибыла в Германию с несметными богатствами, которых здесь и не видавали. Щедрой рукой снарядил Всеволод Ярославич свою дочь в западные земли. А сама Евпраксия заливалась в углу возка горькими слезами, уезжая из родного Киева, от матери, отца, братьев, сестер, как ей казалось, навсегда.

Теперь из германских земель о Евпраксии доходили новые вести. Стало известно, что после четырех лет затворничества в монастыре русская княжна вышла замуж за маркграфа Генриха. Ему был двадцать один год, ей — восемнадцать. К тому времени она приняла римскую веру, взяла себе имя Адельгейды в честь кведлинбургской аббатисы. Она и прежде отличалась красотой, но теперь просто поражала окружающих.

В бытность ее в монастыре с ней встретился Генрих IV и был очарован русской княжной. И ее поразило сухое измученное лицо императора, его огромные горящие глаза, исходящая от него сила и какое-то особое, неизвестное ей притяжение.

Ей было невдомек, что Генрих IV являлся членом тайной секты монахов-николаитов, чьи мессы сопровождалась развратными оргиями; она принимала его бледность и изможденность, бывших следами этих оргий, за утонченность и возвышенность души. А он, вперившись мрачным взглядом в эту стройную, юную, темноглазую русскую красавицу, рисовал в своем воспаленном уме сцены, возбуждающие его утомленное сластолюбие.

Евпраксия прожила замужем лишь год. Молодой маркграф неожиданно и загадочно умер, и в девятнадцать лет Евпраксия осталась вдовой. Снова монастырь, снова затворничество. Но теперь император бывает здесь все чаще и чаще. По странной случайности в год смерти маркграфа скончалась и Берта — жена Генриха IV, и он также оказался свободным от брачных уз.

В Киев доходили слухи о том, что Генрих IV всерьез увлечен Евпраксией, а вскоре к Всеволоду из Германии пришли гонцы, сообщившие, что Генрих просил руки Евпраксии-Адельгейды и она дала свое согласие. Но гонцы не просто сообщили киевскому князю эту весть; они одновременно принесли ему жалобу на венгерского короля, рассказали о борьбе германского императора с саксонскими князьями и Урбаном II, которого поддерживала могущественная герцогиня Тосканская Матильда. Всеволод понимал, что любовь любовью, но Генриху IV нужны деньги Евпраксии, русские вои, помощь Киева в борьбе с имперскими врагами. Генрих откровенно делал ставку на Киев.

Теперь Всеволод и Мономах нередко вели разговор о Евпраксии. Было ясно, что германский император хотел союза с Русью. Для Киева же этот союз был обременителен, но родственная связь с германским императорским домом была желательна: Всеволод, сын шведской принцессы, брат французской, венгерской и датской королев, свекор английской принцессы, зять византийского императора, теперь становился тестем германского императора, и все эти родственные связи с домами западных стран переходили и на Владимира Мономаха — внука византийского императора и шведского короля, мужа дочери английского короля, племянника французской, венгерской, датской королев и теперь — деверя германского императора.

И снова вокруг имени Евпраксии начались споры. Киевские греки негодовали. Новый брак Всеволодовой дочери мог означать, что Русь поддержит Генриха IV против папы римского, а именно его сторону взяла константинопольская патриархия в споре с Генрихом IV. Печерские монахи всегда были против того, чтобы русские княжны уходили замуж за рубеж: там они меняли веру, попадали под чужое влияние. Старое киевское боярство же и здесь боялось усиления мощи Всеволода и Мономаха.

После недолгих раздумий Всеволод послал дочери свое благословение, но от союзнических отношений с императором уклонился.

В 1088 году Евпраксия была уже невестой императора, а через год в Кёльне архиепископ Магдебургский Гартвиг торжественно короновал ее императорской короной уже как жену Генриха IV, императрицу Германии.

* * *

Правы были киевские миряне, когда предрекали близкую смерть новому митрополиту. Вскоре он умер, а нового из-за моря уже не просили и поставили на митрополию кафедру своего человека Ефрема, епископа переяславского.

Возглавив киевскую митрополию, он по-прежнему много заботился о родном Переяславле. Всеволод и Владимир с радостью видели, как митрополит отстраивает Переяславль каменным строением. Была достроена каменная церковь святого Михаила, над городскими воротами началось строительство церкви святого Феодора, а рядом — храма святого Андрея — в честь ангела князя Всеволода Ярославича. Всеволод и Владимир в эти годы и сами предпринимали в своем родовом гнезде большие каменные работы. Наконец-то Переяславль дождался строительства новых каменных стен; их заложили в 1089 году, и одновременно для народа в городе началось сооружение каменных же бань. Это было так удивительно, что даже летописец отметил, что в Переяславле «град бе заложен камень» и «строенье баньное камено». Князья сидели в Киеве, а отстраивали Переяславль. Всеволод и Мономах при помощи митрополита Ефрема на всякий случай превращали свою отчину в неприступную крепость, в красивейший город Русской земли. Теперь у Мономаха была прочная военная опора: Любеч на севере, Чернигов в центре, Переяславль на юге.

А заботы эти были вовсе не лишними: хотя и крепка была власть Всеволода, хотя и держал в своих руках Мономах, по сути, все военные силы Руси, но мощными были и противники Всеволодова дома. И когда великий князь по совету митрополита решил перенести мощи святого Феодосия, первого игумена Печерского монастыря, из пещерки, где он был захоронен, в домовую печерскую церковь и придать этому смысл всерусского единения, то из этой затеи ничего не получилось.

Еще не пришли ответы из городов, а монахи начали поиски Феодосьевой пещерки.

К тому времени съехались в Киев епископы, игумены, черноризцы, многие благоверные люди из других русских городов, но князья не откликнулись: ни Святополк, ни Олег, ни Давыд, ни Ростиславичи. Из великого действия, которое замышлял Всеволод и которое должно было, как когда-то перенесение мощей Бориса и Глеба, показать все-

му миру единение Русской земли под властью великого князя киевского, не получилось ничего. Всеволод угасал, и князья сидели по своим городам, готовились к новому переделу русских земель.

* * *

С 1091 года появились на Руси несчастливые знамения. Сначала 21 мая пополудни солнце заволкло темнотой так, что ужаснулись люди. Затем во время пребывания Всеволода в Вышгороде в тамошнем лесу с неба упал огненный змий. В Ростове явился некий волхв, но вскоре сгиб. Рассказывали, что в 1092 году в полоцкой земле по ночам появлялись бесы, уязвляющие людей, а потом говорили, что видели их и днем. Писал летописец о том времени: «Было знамение в небе — точно круг посреди неба превелик. В се же лето было так ведро, что земля выгорела и многие боры возгорались сами собой, горели и болота».

В те летние дни 1092 года половцы учинили против Руси великую войну.

Уже несколько последних лет чувствовалось: в диком поле происходит что-то для Руси страшное. Купцы и лазутчики рассказывали, что пришли в движение все половецкие колена, кочевавшие как в низовьях днепровского левобережья — «Черной Кумании»¹, так и «Белой Кумании», чьи орды владели полем на правом берегу Днепра. За долгие годы кочевий в этих местах половецкие стада вытоптали землю, опустошили богатые пастбища, половецкие рати давно обобрали близлежащие русские городки и села, и теперь «Белая Кумания» и «Черная Кумания» задыхались от бескормицы и недостатка пищи для людей, от тесной хватки Мономаховых войск, которые железным заслоном заступили половцам путь в глубину русских земель.

Ощупью, преодолевая былые распри и обиды, сближались теперь хан Шарукац, глава «черных» куманов, и Боняк, правивший в «Белой Кумании». Половцы понимали, что только объединение всех их колен, живших поблизости от русских земель, могло помочь в борьбе с Русью, где единство было непрочным и все более и более подтачивалось борьбой княжеств между собой. 1092 год был первым, когда на Русь вышли объединенные силы «бе-

¹ Половцы называли себя куманами.

лых» и «черных» куманов; ханы Шаруканиды и Бонякиды совместно вели половецкое войско на север.

Обходя горящие леса и дымящиеся болота, двигаясь в основном вдоль рек и речек, половцы с разных сторон вторглись в русские земли. Десятки тысяч половецких всадников лавиной прошли города Песочен, Переволоку, Прилук и другие; пожары, зажженные половцами, смешались с теми, что давно уже пустошили Русскую землю, селения лежали в руинах по обеим сторонам Днепра, и князья не знали, где теперь ждуть половцев, куда за ними бросаться, потому что были они всюду. И затворились города — и Переяславль, и Чернигов, и другие. Теперь князья ждали осени, надеясь, что дожди и распутица замедлят бег половецкой конницы.

Мономах отправил жену и детей в Киев, подальше от беды, ходил по опустевшему черниговскому дворцу, тревожно всматривался в далекое зарево — то ли дубравы горят, то ли половцы жгут ограбленные села, устрашают православных. Перед лицом объединения половецких колен Русь, как думал Мономах, сама должна была объединиться, прекратить междоусобицы, кроворазлития, княжеские смуты, зависть, коварные наветы, клевветы, преступления. Но как добиться всего этого, когда князья со дня на день ждуть смерти Всеволода, чтобы вцепиться в горло друг другу, урвать в сумятице что можно.

Тревога, тревога — и на земле, и в небесах, и повсюду, — и нет покоя, нет надежности и уверенности. С таким трудом устроенная Русская земля снова стоит на грани развала и тяжких невзгод.

Потом наступила осень. Сами собой погасли пожары, оставив после себя едкую, удушливую гарь и сотни верст искалеченной, обугленной земли. Ушли на юг половцы. Теперь Мономах вышел из Чернигова, вновь отправился на совет к отцу в Киев.

Всеволода он застал совсем больным. Тот почти уже не выходил из дворца, дышал воздухом на сених, не спускался вниз. Заботы со всех сторон обступали слабого князя, и не было уже ни сил, ни желания противиться им. Тлеет еще страх за дом, за семью — детей, внуков. Все остальное отступило вдаль, переставало жить в его замирающем мозгу.

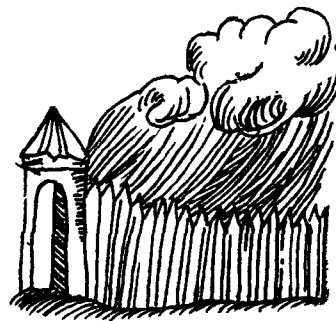
Тревожили нехорошие вести из Германии. Приехавший к Всеволоду от папы Урбана II легат — митрополит Феодор с предложением об объединении церквей и принесший в подарок немало святых мощей, рассказал о со-

бытиях в Германии и Северной Италии. Имя Всеволодовой дочери теперь стало известно всей Европе. В борьбе с Урбаном II и герцогиней Матильдой Генрих IV собрал большие силы и отправился через Альпы в Италию. Евпраксию он взял с собой, но в Лангбардии она бежала от мужа, разослав епископам Германии письма с объяснениями причин своего разрыва с императором. Она писала о тех ужасных унижениях и оскорблениях, которые позволял по отношению к ней Генрих, о его развращенности, о том, что он понуждал ее участвовать в оргиях, издевался над ее целомудрием.

Но Генриху удалось настичь жену и заточить ее в крепости Вероны, этом прибежище николаитов.

«И вот теперь, — говорил легат Всеволоду, — мы стараемся вызвать вашу дочь из рук этого чудовища, но все пути в Верону перекрыты, крепость же хорошо защищена, и взять ее трудно».

Всеволод и Мономах слушали легата. Потом, когда гость ушел на свое подворье, долго еще обсуждали новости: с Генрихом IV все дела теперь будут кончены, да и ему русская княжна больше не нужна — Киев остался в стороне от его борьбы. А Евпраксию было жаль — одна в чуждом ей мире, среди иноплеменников и иноверцев она может совсем ступить. Но в словах легата угадывалось, что сестра Мономаха еще не сдалась, что могучий дух Ярославова корня крепок в ней и нелегко будет Генриху сломить свою пленницу. Оставалось ждать новых вестей. Всеволод просил Мономаха: «Если случится что со мной, не оставляй Евпраксию в беде». Владимир обещал сделать все как просил отец.

БРАНИ

Всеволод умер 13 апреля 1093 года. Еще за несколько дней до кончины, ощутив великую слабость и боли, великий князь послал в Чернигов за Владимиром и в Переяславль за Ростиславом. Сыновья тотчас приехали в Киев. Они сидели около одрины, на котором тихо угасал Всеволод Ярославич, и слушали его последние слова. Всеволод не поучал, не указывал, как жить, вспоминал лишь своего отца, жаловался на сыновцов, которые своими ссорами мучили его, понуждали старого и больного человека мирить их, ходить на них с ратями. Потом, вперившись напряженным взглядом в потолок, великий князь уже не думал о земном, а лишь прислушивался к своей уходящей из тела душе, к ее ужасу и стону перед неизбежным и молился, чтобы бог дал ему силу перенести последнее в этой жизни тяжкое испытание. Владимир, плача, просил у отца благословения, спрашивал, как ему жить дальше, ждал мудрого отцовского совета, но великий князь молчал.

А за стенами дворца уже грозно зашевелился, заволовался сначала боярский и дружинный Киев, потом торговый и ремесленный. Слух о приближающейся смерти великого князя быстро шел по русскому столыному городу, а из него во все концы Руси. И уже скакали гонцы в Туров к Святополку, на юг к Олегу, на Волынь к Давыду и Ростиславичам.

На исходе дня великий князь негромко вздохнул, прикрыл глаза и затих навсегда.

Ростислав, рыдая, ушел в свои хоромы, а Владимир долго еще сидел около холодеющего тела отца и смотрел, как серая тень медленно, но неотвратимо накрывала его лицо.

Ушел Всеволод Ярославич, ушел великий князь — его прочная и грозная опора, тонкий, умный, спокойный владыка; ушел бесстрашный воин, не раз смотревший смерти в лицо, за которым дружина шла без колебания и страха; ушел понимающий, любящий отец, к которому в любой час можно было прискакать из Чернигова и просить совета. И что бы ни случилось прежде, Мономах знал: где-то там сидят сначала Изяслав, потом Святослав, потом отец — Всеволод, а он стоит за их широкими, мощными спинами и его жизнь светит лишь их отраженным светом. Теперь никого нет. Распахнуты до конца все двери в мир, впереди еще долгий путь, и нет за этими дверями прежней защиты и опоры. Теперь он стоит первым, а за ним уже идут и брат Ростислав, и сын Мстислав, малолетний новгородский князь, и другие сыновья.

Он сидел, и мысли, странные и необычные, теснились в голове, волновали сердце.

Заманчиво было сесть на киевском столе, и будут за ним и Чернигов, и Переяславль, и Новгород, и Смоленск, и Ростов. Вся Русская земля станет его отчиной. Но смысленные¹ киевские люди ненавидят Всеволодов дом, ненавидят и боятся его, Владимира. При нем, как и при Всеволоде, они будут выпрашивать милости у молодых Мономаховых дружинников. Для них ближе и желанней туровский Святополк. У него в дружине всего восемьсот отроков. Он будет в полной власти киевского боярства — Яна Вышатича и других.

Конечно, люди Всеволода и Мономаха будут просить Владимира принять великокняжескую власть, им не захо-

¹ Богатые, влиятельные.

чается расставаться со своими доходами, своим первенствующим местом на Руси. Но принять их предложение будет означать новую междукняжескую войну между ним, Мономахом, и Святополком, за которого встанут смысленные киевляне, — ведь согласно княжеской лестнице Святополк ныне остался старшим князем на Руси, хотя он и был всего на три года старше Мономаха. Он сын старшего Ярославича. Его отец был великим князем киевским прежде Всеволода. За ним — все права Ярославова дома. К тому же с востока будет постоянно грозить Олег, который, конечно же, не смирится с потерей Чернигова. Нет, лучше сейчас уступить Святополку, не ссориться с киевскими боярами. Жизнь еще велика. Пусть они узнают, что собой представляет Святополк — слабый, себялюбивый, своевольный, бездарный, корыстолюбивый, пусть они вместе с ним попробуют управиться с киевским простым людом, отбить все усиливающийся натиск половцев.

Так, в мучительных раздумьях, он взвешивал все возможные свои решения, старался заглянуть на годы вперед, рассчитывал, тут же ловил себя на мысли, что жизнь брэнна и никто не знает, сколько ему осталось самому жить на земле, потом снова уходил в размышления о междукняжеских делах.

Тяжело вздохнув, он встал, вышел в сени, где теснились люди, прошел в свои хоромы, где его уже ждали ближние бояре, приспешники его отца. Они окружили его, приступили с просьбой принять стол, но он, покачав головой, отвечал, что не может стать великим князем в обход старшего брата Святополка — пусть же киевляне посылают за ним в Туров, а он будет ему братом и верным помощником. Владимир видел смятение и недовольство на лицах сподвижников, их нетерпеливое желание сокрушить своих киевских противников, утвердить навеки свою власть в Киеве, в Русской земле, но он понимал, что без него они мало стоят и сильны лишь его княжеским прирожденным именем, славой, победами, и потому он был спокоен — многие из них уйдут отсюда вместе с ним и будут, как и он, ждать своего часа.

На следующий день, 14 апреля, он в присутствии епископов, игуменов, черноризцев, попов, бояр, тысяч простых людей положил отца в храм святой Софии, а еще через несколько дней, не дожидаясь приезда Святополка и не желая с ним встречаться, выехал вместе с братом из Киева. А уже 24 апреля киевляне встречали Святополка на площади перед той же Софией.

* * *

Из Киева уехали все, кто поддержал Всеволодов дом, кто издавна враждовал с Изяславичами и Святославичами, все, кто был близок к Владимиру Мономаху.

Впереди и сзади возка Мономаха двигались конные дружины его самого и отца Всеволода. Вслед за дружинами на несколько верст растянулся обоз с княжеским, боярским и дружинным скарбом. Слабо колыхались на апрельском ветру, плыли под жарким весенним солнцем княжеский стяг Владимира Мономаха, стяги видных бояр, покидавших Киев с Мономахом.

Вместе с Владимиром со своей дружиной уходил из Киева и Ростислав. Его путь лежал в Переяславль.

Сыновья Всеволода едва успели доехать до своих городов, как Святополк отнял у Мономаха Смоленск. Туда был посажен сын бывшего великого князя Святослава, брат Олега — Давыд Святославич, обретавшийся некоторое время в Новгороде, Смоленск, давно бывший в руках Всеволодова дома, отошел теперь к Святославичам.

Мономах не противился. Он лишь сказал своим людям, что великий князь волеи делить столы, сводить с них и ставить князей-изгоев. Сам же про себя думал, что вновь на Руси начинается борьба за власть и какова будет судьба его самого в этой борьбе, сказать наперед невозможно. Теперь нужно лишь крепко держаться за свои отчины — Чернигов, Переяславль, Ростов, Суздаль, помогать сыну в Новгороде.

При мыслях о Чернигове в душу закрадывались страх и неуверенность: ведь город-то это прирожденный Святославичей. Сейчас он, Мономах, в силе, но случись что — вновь появится около Чернигова Олег, предъявит свои права. А тогда — новая война, новое братоубийство. Чернигов Владимир без боя не отдаст.

Из Киева шли вести о том, что не все смысленные киевляне приняли Святополка. Старая дружина, служившая еще прежним великим князьям, встретила его настоженно. Да и кто он был ей — ничем себя не проявил Святополк в воинском деле. Затаились против него и пещерские монахи, ставшие в последнее время, особенно после перенесения мощей Феодосия и постоянного внимания Всеволода к монастырям, гораздо ближе к Всеволодову дому. Святополк же старался заручиться поддержкой живших в Киеве греков. Завязывался новый узел вражды и

ненависти вокруг великокняжеского стола. А пока же все князья закрылись в своих городах, и никто из них в эти дни уже не зависел от другого. В Киеве сидел Святополк, который хотя и числился великим князем, но осуществлял власть, по сути, лишь над Киевом и Туровом. В Чернигове закрылся могучий Мономах, располагавший сильной ратью и уже всерусской военной славой. Тщетно было бы слать ему из Киева приказы. Напротив, в те весенние дни 1093 года именно Чернигов стал центром всерусского притяжения. Здесь стягивались все нити влияния на дела внутренние и внешние, сюда скакали гонцы из разных городов с вестями, тянулись кушцы с товарами и новостями.

Олег сидел в Тмутаракани и не подавал голоса. Ростиславичи прочно овладели Теремном и Перемышлем и, кажется, вовсе перестали признавать Давыда Игоревича. Никто до времени не вмешивался в чужие дела, каждый блюл свою отчину. Старый Ярослав завет о единстве всей Русской земли в эти дни рухнул сам собой, и не было силы, которая могла бы после смерти последнего Ярославича вернуть это единство.

И вновь ожило дикое поле.

Едва жаркое солнце подсушило землю, в Киеве появилось посольство от левобережных половцев.

В половецких вежах внимательно следили за жизнью на Руси. Знали, как мучилась Русь от жары и бескормицы в 1092 году, а теперь как распадалась она, откладывалась от Киева, как запирались князья по своим городам, подозрительно приглядываясь друг к другу, ненавидя и завидуя. Весть о смерти Всеволода вызвала в диком поле ликование: упала сильная десница война и правителя, ослабли узы, стягивающие русские рати. Мономах же отодвинут в сторону и уже не имеет прежней власти.

Половцы потребовали от Святополка возобновления мира, а это означало передачу им золота и тканей, скота и одежды. Так покупался мир и прежде, так платили им Изяслав и Святослав, Всеволод и Мономах. И теперь они требовали новых платежей и грозили, что в противном случае двинут свою конницу в Русь.

Они стояли перед Святополком в его княжеской гривнице, гордо молчали, передав великому князю свои требования, а он растерянно смотрел на своих приспешников, пришедших с ним из Турова, людей неопытных, неискушенных, и не знал, что ответить половцам. Отказ означал

бы нашествие. Принять условия степняков значило бы нанести большие убытки. При одной мысли о том, что надо будет расставаться с золотом, драгоценными сосудами, наволоками и прочим, великий князь испытывал большое раздражение. С детства он мучился, если ему приходилось отдавать что-либо; с годами эта привязанность ко всякому рухлу, к любому богатству укрепились в нем необычайно.

Он выслал послов в сени и обратился к своим советчикам. Те подступили к Святополку: «Не позволяй, князь, грабить нас, отобьем поганых, в поруб послов». Святополк и сам в глубине души решил, что лучше всего запугать половцев — ведь били их прежде и Всеволод, и Владимир Мономах, и пленяли многих.

Послов схватили и бросили в темницу. Это означало войну.

* * *

Мономах яростно метался в своем Черниговском дворце. Близкие люди никогда не видали его в таком волнении. На щеках его горели красные пятна, он сжимал кулаки, потом бил кулаком одной руки в ладонь другой, снова сжимал пальцы. Он клял Святополка, этого тщеславного, жалкого скупца. Как можно было сейчас бросать вызов половцам! Когда Русь неустроенна, раздробленна, только что пережила бедствие и нашествие иных половецких колен; когда в Киеве едва ли наберется до тысячи дружинников и князья отсиживаются по своим городам, не мысля о помощи. Прежде всего Святополк, не посоветовавшись с ним, ставит под удар переяславские земли.

Мономах срочно послал гонцов в Киев, чтобы передать великому князю: пусть купит мир у половцев любой ценой, пусть не жалеет золота и поволоку, иначе быть беде. А с юга в Киев другие гонцы несли уже вести: половецкие вежи пришли в движение и устремились на Переяславль и на Торческ.

Напрасно Святополк теперь пытался задобрить послов, непременно старался угостить их в своих хоромах. Те угрюмо молчали, просили отпустить их восвояси.

Послов отпустили. В княжеском дворце продолжались споры. Старые киевские вельможи уговаривали Святополка опомниться, говорили, что нет сейчас у Руси сил, чтобы отбить половецкий выход, что, по сведениям сторож, лишь Торчешский городок обступили не менее восьми

тысяч половцев, в Киеве же есть всего тысяча дружинников. Другие же, молодые люди, спорили, говорили, что и тысяча хороших воинов могут одолеть поганых.

Старые мужи просили Святополка не слушать несмысленных, повременить с ратью, но великий князь заупрямился, заявил: «Могу против них встать». Тогда его стали упрашивать: «Если бы ты выставил и восемь тысяч, и то не слишком много: земля наша оскудела от рати и от продаж. А ты обратись к брату своему Владимиру, чтобы он тебе помог». На этот раз Святополк послушал совета и послал гонцов в Чернигов, прося брата собирать воев и вызвать к Киеву переяславскую дружину Ростислава.

Мономах встретился со Святополком в своем родовом Михайловском монастыре на Выдубечах.

Они сидели друг против друга в старой Всеволодовой гриднице — великий князь, суетный, улыбающийся, напряженный, и Мономах, спокойный, бледный от ярости и негодования. Котора между князьями началась сразу. Мономах выговорил брату за то, что тот заточил послов, навлек половцев на Русь, пожалел для них даров, не послушал смысленных киевлян, не сослался с братьями, как это обычно делали великие князья прежде, готовясь к войне. Святополк отвечал Мономаху гордостью и дерзостью.

Киевские бояре стали увещевать князей, просить их примириться, не губить землю своей ссорой, объединить рати, а уже потом, после того как отобьют половцев, разбираться в своих обидах. Первым внял просьбам смысленных людей Владимир. Он замолчал, а потом, подумав немного, сказал Святополку, чтобы мирился с половцами, слал к Торческому городку посольство, что сил мало и воевать нынче опасно. Святополк не соглашался, отвечал, что половцев сейчас уже не замирить, что для покупки мира надо отдать много золота и драгоценной утвари и проще будет собрать силы и отбить половецкий выход. Владимир не соглашался. Святополк упорствовал, стыдил Владимира, что тот испугался поганых, ленится подняться в поход. Святополк пообещал Мономаху, что после того, как войско соберется и отгонит половцев, он готов купить у них мир на последующие годы. Задетый речами брата, Владимир в конце концов согласился. Братья дали друг другу клятву выступать едино и подкрепили ее тут же при боярах крестным целованием.

Прямо из Выдубеч Святополк, Владимир и присоеди-

нившийся к ним Ростислав отправились в Печеры к гробу преподобного Феодосия, помолиться и попросить благословения у игумена. Святополк и Владимир пошли к церкви, а Ростислав со своими людьми не захотел идти к преподобному, остановился на берегу Днепра. В это время к воде проходил печерский старец Григорий вымыть сосуд в Днепре и набрать свежей воды, и люди Ростислава стали потешаться над ним и срамить его. Григорий остановился в печали, посмотрел на них и изрек: «О чада мои, вам бы нужно иметь умиление и многих молитв искать, а вы зло делаете. Не угодно это богу. Плачьте о своей гибели и кайтесь в согрешениях своих, чтобы хоть в страшный день принять отраду. Суд уже наступил вас: все вы и с князем вашим умрете в воде».

Смутились люди Ростислава, а князь, видя это, выступил вперед: «Врешь, старик, сам ты умрешь от воды, а ну вяжите его!» Тут связали иноку руки и ноги, повесили на шею камень и швырнули в Днепр. После этого Ростислав, рассердившись, уже не пошел к игумену за благословением и дождался старших князей у ограды. Святополк же и Владимир тем временем вошли в церковь, встали на колени, молча постояли около раки, подумали о своем, потом благословились у игумена, просили у него победы над неверными.

В тот же день Мономах послал гонцов в Чернигов и Переяславль с наказом к воеводам немедля вести дружины к Киеву.

Через несколько дней рати были изготовлены и двинулись в сторону Киева.

Половцы бушевали на правом берегу Днепра, а Ростислав с переяславцами и черниговская рать вышли к Киеву по левобережью.

К середине мая дружины были уже в Киеве. В это время половцы, продолжая осаду отчаянно сопротивлявшегося Торческого городка, двинулись по правому берегу Днепра в сторону города Треполя, стоявшего при впадении речки Стучны в Днепр. Сюда же поспешали и русские князья. Они вывели из Киева лишь свои конные дружины. Шли без пещцев, без иных иногородних ратей; ни Олег, ни Ростиславичи, ни Давыд Святославич Смоленский, ни Давыд Игоревич Владимиро-Волынский не откликнулись на несчастья киевской и переяславской земель, не выслали своих ратей в помощь.

Мономах с сомнением смотрел на недлинную узкую ленту конных воинов, растянувшуюся по степной дорожке.

Сил было действительно мало, воевать ими в чистом поле против тысяч половцев было гибельным делом, но если встретить их на трепольском валу, там, где он подходит близко к Стугне, то можно было бы рассчитывать на успех. Половцы уткнулись бы в вал, потеряли быстроту и неожиданность своего натиска. Тут можно было бы с ними и побороться. В случае чего позади стоял укрепленный Треполь, взять который также непросто. Но для этого надо перейти Стугну и оставить ее позади себя. Это опасно, потому что полая вода еще не сошла.

С такими мыслями ехал Мономах, рассчитывая, прикидывая, как лучше одержать верх над врагом. Руссы первыми вышли к Стугне. Лишь к вечеру замаячили у края неба темные полосы выходящих из степи половцев; потом за рекой замерцали костры — половцы остановились перед рекой на ночлег.

Вечером в шатре Святополка руссы собрались на совет. Писал позднее об этом летописец: «И сказал Владимир, что пока стоим здесь под прикрытием реки, перед лицом этой грозы, заключим мир с ними. И примкнули к этому совету смысленные мужи Ян и прочие. Киевляне же не восхотели этого совета, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки».

Напрасно убеждал Владимир Святополка поостеречься, не переходить Стугну, не оставлять позади себя реку, великий князь и его уные люди стояли на своем. Ростислав тоже рвался в бой. То были половцы не из колена его матери, княгини Анны, напротив, они когда-то враждовали с левобережными куманами, и теперь молодой князь стремился свести с ним счеты за старое. Переяславские бояре старались образумить Ростислава, говорили, что нет сейчас нужных сил, нет пещцев, о твердый строй которых часто разбивалась половецкая конница. Они даже пугали князя недавним мрачным пророчеством печерского старца Григория. Но все было тщетно. Ростислав не слушал уговоров.

После долгих споров Святополк объявил, что наутро он перейдет Стугну и ударит на врага.

Ночью пошел дождь. К утру Стугна вздулась, и киевская рать с большим трудом переволоклась на противоположный берег. Резкие порывы ветра пронизывали воинов насквозь. Следом за Святополком двинулся Владимир и за ним уже Ростислав. Дождь прекратился, но вода в реке все прибывала. И Владимир с беспокойством смотрел, как в том месте, где руссы только что перешли реку

вброд, бушует желтый поток. Русская рать миновала город Треполь и подошла к валу, который издавна был насыпан здесь со времен чуть ли не Владимира Святославича.

Руссы встали своим обычным строем: два крыла и чело. Святополк поместился с правой руки, Владимир с левой, в челе же братья поставили переяславскую дружину Ростислава. Утвердили на валу стяги и стали ждать половцев. Те появились вскоре. Их стяги заколыхались в сером дождевом воздухе, подплывая вплотную к валу. Половцы наступали густыми плотными толпами, послав впереди конницы своих лучников, и те, подойдя близко к валу, засыпали руссов тучей длинных тяжелых стрел. Русские стрельцы вышли из-за вала и ответили ударом на удар. Но перевес в лучниках был на стороне врага. С первого же часа битвы половцы нанесли руссам серьезный урон.

Основной свой удар они направили на малочисленную дружину Святополка, пробившись к самому валу, налегли на киевскую рать и взломили Святополкову дружину. Киевляне стояли крепко, но натиск половцев не ослабевал; все новые и новые их толпы подкатывали к валу, и вот уже половецкие стяги затрепетали на самом валу. Русские лучники были перебиты, и теперь киевская дружина отбивалась лишь мечами. Скоро киевляне дрогнули и побежали. Святополк звал своих воинов вернуться, собирал вокруг себя людей, дрался еще на самом валу, но редели его люди, смятые половцами, и великий князь бросился вспять.

Ростислав и Мономах стойко держались в челе и на левом крыле и даже стали теснить половцев, сбив их с вала и погнав в степь. Но едва киевляне оголили правое крыло, как половцы с новой силой обрушились на черниговскую и переяславскую рати. Те еще держались, но было видно, что сила одолевает силу. Медленно, но верно половцы начали теснить русское войско.

Мономах приказал отступать к реке, и конные дружины, прикрываемые лучниками, стали отходить к Стугне.

Святополк, потеряв свою рать, рассеявшуюся по степи, мчался уже к Треполю, надеясь спастись за его стенами. Черниговская и переяславская рати вышли к берегу Стугны и начали переправу.

За те несколько часов, что шел бой, река взбухла еще больше, брод теперь пропал вовсе, и надо было миновать

ее вплавь. Под прикрытием лучников князя начали переправу.

Владимир бросился в волны Стугны вслед за Ростиславом. Он видел, как сильный поток завертел лошадь брата, тот опрокинулся навзничь и был свержен с седла. Владимир хотел подхватить Ростислава, но вода уже отнесла того в сторону, накрыла с головой. Тяжелые доспехи тянули Ростислава на дно. На мгновение показались его голова с безумными от страха глазами. Мономах рванулся к брату, выскользнул из седла и почувствовал, как под тяжестью брони уходит под воду. Уже захлебывающегося, его подхватили ближние дружинники, подняли под руки, потащили с собой. Он ступил на скользкий берег, выплевывая воду и приходя в себя, оглядел реку, ища Ростислава, но в наступающих сумерках, в сплошном месиве воды и людей, в свисте летящих стрел трудно было понять и различить что-либо. На том берегу мужественно еще стояли лучники, отражая рвущихся к реке половецких всадников, число которых заметно поредело.

Не оглядываясь больше назад, тяжело ступая в намоченной одежде, с плащом, бьющим по ногам как тяжелая парусина, Мономах двинулся прочь от берега. Ему подвели коня. Он сам взобрался в седло; с его волос, бороды, усов струйками стекала вода. Взгляд его был мертвым, остановившимся. Никогда дружинники не видели своего князя таким потрясенным.

Разгром руссов был полный. Погибли и попали в плен многие дружинники и воеводы. Лишь с несколькими десятками воинов перешел Мономах на левый берег Днепра, отослав своих близких людей искать в реке тело Ростислава. Святополк отсиделился до вечера за стеной Треполя, а когда стемнело, побежал с оставшимися воинами назад в Киев. Случилось это 26 мая 1093 года.

Половцы не переходили разбушевавшуюся Стугну и растеклись по правобережью Днепра, грабя и пленяя людей. Часть их пошла назад к Торческому городку.

Владимир же затворился в Чернигове, готовя город к обороне и собирая новые воинские силы. Людей осталось мало, и восстановить рать за короткое время было невозможно. Но Мономах не унывал. Когда приходили трудности, то они словно закаляли его. Он был спокоен, ровен и словно бы даже весел. И если ему говорили печальные слова, то он отвечал, что было время и Владимир Святославич отсиживался после поражения от печенегов в оди-

ночестве под мостом, а потом настроил крепостей по Суле и Трубежу, Стугне и Десне и не раз одолевал печенегов.

Одно лишь не давало Мономаху покоя — гибель юного Ростислава. Ушел из жизни не просто любимый брат — с этим трудно было смириться, но все в руках божьих, сегодня жив человек, а утром мертвый, сегодня он в славе и почете, а наутро лежит в гробу и уже без памяти. Вместе с Ростиславом ушел из жизни князь переяславский, а это означало новые заботы и тяготы. Кому теперь отойдет переяславский стол, как удастся ему, Мономаху, сохранить за собой и Чернигов и Переяславль при живых еще Святославичах? Когда в руках есть военная мощь — сделать это нетрудно. Но теперь, без дружины, без оружия, в окружении заратившихся половцев удержать оба стола будет, наверное, невозможно.

Ростислава нашли в реке лишь на третий день и тут же повезли в Киев к матери, княгине Анне. С великим плачем встретили его киевляне, отпели и проводили в церковь Софии, уложили там рядом с отцом Всеволодом и дедом Ярославом Мудрым. И долго еще жил Киев, смутившись духом, потому что погибшему князю было всего лишь двадцать лет с небольшим.

Война продолжалась. Половцы по-прежнему осаждали Торческ, рыскали вдоль и поперек по киевским и переяславским землям, и не было силы, которая могла бы помешать им.

Торки держались стойко, сидели в своем городе крепко, часто выходили за стены в поле и бились с половцами, не давая им покоя ни днем ни ночью. Тогда половцы решили взять Торческ жаждой. Они перекопали в поле речку, текущую через город, и отвели ее воду на луга. Уже через несколько дней торки стали изнемогать от жажды, начали копать колодцы, но воды все равно всем не хватало. Город превратился в ад крошечный — ревела, обезумев без воды, скотина, горели подожженные половцами при помощи огненных стрел дома, и потушить начавшиеся пожары было нечем, люди маялись от жажды и голода.

Решено было послать гонцов в Киев, чтобы слал великий князь немедля брашно, иначе Торческ предается врагу. Вскоре из Киева пятьсот воинов подвезли воду и еству, но пройти в город было невозможно — половцы переняли все пути. Обоз ушел назад в Киев.

Девять недель осаждали половцы Торческ, а потом разделились вновь. Одни остались около города ждать, пока измученные жители не откроют им ворота, другие же двинулись по правому берегу Днепра на Киев и встали между Киевом и Вышгородом. Давно Русь не знала такого страшного выхода.

23 июля Святополк вывел против них новое свое войско, и руссы смело пошли в бой. Но половцы применили хитрость. Они сделали вид, что прогнулись под натиском киевлян, и побежали в разные стороны. Когда же руссы разделились, преследуя их и мня победу, половцы повернули вспять и ударили по разьединенному киевскому войску. Записал летописец: «И побежали наши под натиском иноплеменников, и падали раненые перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя».

Сам-третей бежал Святополк в Киев и заперся там накрепко. 24 июля¹, в день Бориса и Глеба, вместо великого праздника и умиротворения стоял в Киеве стон и плач по убитым и пленным, по несчастьям, которые обрушились на Русскую землю.

Через несколько дней после разгрома Святополка под Киевом Торческ сдался половцам. Торки изнемогали от голода и жажды; из Киева не поступало помощи, и жители решили открыть ворота. Войдя в город, половцы вывели жителей в поле, поделили их между собой, вынесли из города все рухло и тоже разделили его, потом заперли Торческ со всех сторон.

Только теперь Святополк согласился просить у половцев мира. Но, чтобы не расставаться со своими богатствами, Святополк решил высватать за себя дочь Тугоркана — владыки правобережных половцев. Великий князь надеялся, что этот брак в будущем обезопасит его от половецких набегов, даст ему сильных союзников, как когда-то Всеволоду.

Киевское посольство прибыло к хану с дарами и предложением мира, одновременно послы выступали и как сваты. Вскоре половецкая княжна в сопровождении большой свиты, с богатыми дарами прибыла в Киев, была крещена и обвенчана с великим князем Святополком Изяславичем.

¹ День памяти Бориса и Глеба праздновался на Руси дважды — 2 мая и 24 июля.

* * *

Олег Тмутараканский появился под Черниговом неожиданно в августе 1094 года. Он привел с собой тмутараканскую дружину и союзных донских половцев. Это был первый со времени 60-х годов совместный выход русского князя и половцев против своего же брата из Ярославова племени. И если прежний Мономахов выход с половцами против полоцкого князя забылся современниками, то русско-половецкое нашествие Олега на Чернигов потрясло Русь. Полоцкий князь был врагом всех Ярославичей, и было понятно, что Мономах ведет с собой на Полоцк родню своей мачехи.

Теперь же Олег направил половцев в самое сердце Руси, привел их под Чернигов, обратил против своего двоюродного брата.

Владимир уже несколько недель ждал этого выхода, но Олег застал Мономаха врасплох. Его войско появилось под Черниговом скрытно, в обход Мономаховых переяславских владений.

К этому времени черниговский князь еще не успел восстановить свою дружину, не получил помощи из Ростова и Суздаля. К тому же ростовскую дружину увести на юг было нельзя. В Ростове с 1093 года обретался молодой Мстислав Владимирович. После поражения князей на Стугне и их бегства по своим городам Давыд Святославич вышел из Смоленска и ударил на Новгород. Он выгнал оттуда Мономахова сына, и тот скрылся в отцовской отчине в Ростове, в вятичских лесах.

Сегодня Мономах не мог помочь сыну, не мог отомстить Давыду, единственное, чем он мог помочь Мстиславу, — это оставить за ним ростовскую дружину.

Олег обступил город. Он стоял под своим родовым стягом перед городскими воротами и молча смотрел мрачным взглядом на черниговские стены. А на крепостном валу стоял Мономах и так же молча смотрел издали на Олега. Вот и встретился он с двоюродным братом: конец теперь всем недосказанностям, молчаниям, мимолетным приветствиям сквозь зубы, совместным походам по гневливому приказу великого князя. Теперь они враги, враги до конца дней, враги смертельные, и нет в этой вражде пощады и снисходительности.

Сомнений не должно было быть никаких, и Олег приказал жечь пригороды и монастыри, где сидели поставленные Всеволодовым домом игумены. Черниговцы виде-

ли, как дымы поползли вокруг города, как саранчой помчались среди этих дымов половцы. Стало ясно, что Олег будет стоять до тех пор, пока не возьмет города отца своего. Мономах понимал, что надеяться было не на что. Кто нынче его друг? Где его дружины? Полоцкий князь лишь рад этой кóторе Ярославовых внуков. Владимировольнская земля сейчас уже живет сама по себе. Святополк разбит, да он и не поможет. Для него лучше видеть в Чернигове далекого от внутрикняжеских дел, пострадавшего по власти Олега, чем Мономаха, который уже держал в своих руках всю Русь. Ростов и Суздаль — это не опора, а в Смоленске сидит его недруг, брат Олега.

Над Черниговом опустилась тихая августовская ночь. Вокруг города светлели горящие слободы и монастыри. Было слышно, как где-то далеко рушились стропила и ухала об землю упавшая кровля.

Мономах все ходил по валу, смотрел на тихое зарево, думал о своих делах, пытался найти выход. Но выхода не было. Это означало одно — сделать еще один шаг назад, отдать Олегу Чернигов, вернуть на Руси Ярославов порядок: старший князь сидит в Киеве, второй — в Чернигове, третий — в Переяславле. Все в душе Мономаха поднималось против этой мысли, вся его слава, вся огромная власть. Он прислушивался к себе и больше не слышал голоса, хорошо знакомого с детства и с юности, — голоса, который прежде говорил ему о тщете и суетности вражды и ненависти, властолюбия и коварства. Годы, проведенные им в Чернигове, силы, отданные укреплению своей рати, строительству крепостей, сохранению единства Руси, как понимал это единство великий князь Всеволод и он сам, Мономах, не прошли даром. И теперь на валу стоял уже не сомневающийся отрок, а честолюбивый и твердый в решениях, с холодной головой, расчетливым, проницательным умом князь.

Одно лишь теплилось в его душе, что отделяло его в эти дни от другой княжеской братии. Если для них, кажется, не было ничего святого, то он и в свои сорок лет сохранил представления о чести и долге, о совести и возмездии. Вот и сейчас он не бился в отчаянии головой о стену, не обвинял во всех смертных грехах своих недругов и собственных воевод, а разумно и спокойно взвешивал все, что с ним случилось. Главное — сохранить себя самого, самой строй мыслей, свою душу, совладать с самим собой. Поистине говорят, что иже хочешь над иным княжить, учись прежде всего собой владеть. Уйти из

Чернигова в первый же день осады — нет, этого Олег от него не дожидается. Пусть раскроет себя в братоубийственной войне, пусть начнет приступ города, и если изнеможет его, Мономахова, дружина, то можно будет отдать город и ждать своего часа в Переяславле.

Наутро Олег повел свою дружину на приступ: верные себе половцы наблюдали за боем русских со стороны.

Несколько часов длился бой, но Мономах отбил все попытки тмутараканской рати взять город. Много Олеговых людей было постреляно из луков, выжжено смолой и кипятком, многие разбились, упав с приступных лестниц. Поредела и дружина Мономаха, но держаться еще было можно. Однако Владимир по опыту прошлых войн знал, что как только силы его ослабнут и как станет ясно, что дружина Олега вот-вот ворвется в город, — половцы двинутся первыми, и тогда будет разгром и пожар города, половцы уничтожат все на своем пути, полонят жителей, разграбят их пожитки.

Восемь дней держался в осаде Мономах, но на девятый день решил оставить Чернигов, чтобы зря не проливать кровь людей, не подвергать город опасности. К тому же и выхода у него так и не нашлось. Враги прочно обосновались около Чернигова. Было видно, что Олег не уйдет от города, пока не вернет себе отцовский стол. Утром в стане Олега появился гонец от Владимира, который предлагал осаждавшим мир с условием, что Олег и половцы свободно пропустят Владимира Мономаха, его семью, близких его бояр и дружинников с семьями в Переяславль. Мономах давал обещание принять переяславский стол и оставаться мирным Чернигову. Олег согласился.

Вот как описал в «Поучении» Владимир Мономах свой выход из Чернигова: «Сжалился я над христианскими душами и селами горящими и над монастырями и сказал: «Пусть не похваляются язычники!» — и отдал брату отца его стол, а сам перешел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля».

На самом выходе из города Мономах увидел Олега. Тмутараканский князь сидел на высоком темном коне,

червлёный плащ покрывал его плечи. На голове играл в солнечных лучах знакомый золочёный шлем. Олег внимательно смотрел вниз на землю между ушами лошади и, пока Мономах с дружиной проезжал мимо него, так и не поднял глаз. Вплотную к Мономаху ехали, готовые прикрыть его своими телами, старшие дружинники — Ставка Гордятич, ушедший с Владимиром из Киева и теперь покидавший Чернигов, Ольбег и Фома Ратиборовичи, сыновья старейшего Всеволодова боярина Ратибора, другие близкие люди. Рядом с Мономахом ехала Гита, жалась к нему поближе, но сидела в седле все такая же прямая, стройная, сжав тонкие губы до ниточек, внимательно вглядывалась в тмутараканскую рать, в окруживших их половцев, рядом в седлах же ехали дети — Изяслав, Святослав, Ярополк, Вячеслав, дядька-пестун держался возле маленького Юрия¹. Дети пугливо озирались по сторонам, тревожно переглядывались.

Молча, не поднимая глаз, проехал мимо Олега и Мономах.

* * *

Началась новая жизнь в Переяславле.

Прежде Мономах заезжал сюда ненадолго как правящий черниговский князь, как могучий властелин всей Руси, посмотреть на город своего детства, повидаться с Ростиславом, отдохнуть после очередного лихого удара по половцам. Город в те годы жил полной жизнью, кипел строительством; митрополит Ефрем месяцами не выезжал из Переяславля, откуда он ушел на киевскую митрополию. Молодая Ростиславова дружина вливалась в город дерзкую яростную силу. И весь он был под стать своему юному князю — молодой, растущий, дерзкий, грозный.

Сейчас же Мономах не узнал Переяславля. Город словно одряб, постарел, ссутулился. Уже несколько лет не подновлялись его строения, и многие из них пришли в упадок, жителей стало мало. Липь несколько человек вышли навстречу князю на улицы города. Монастыри и слободы в округе стояли сожженные и ограбленные, люди из них разошлись по городам и весям. Вся Ростиславова дружина полегла на берегу Стугны, потонула в ее желтых водах, попала в плен, и теперь в городе едва ли находилось несколько десятков воинов. В недавние половец-

кие приступы Переяславль обороняли в основном смерды и ремесленники. В скорбной наготе лежали и окрестные поля, посевы на которых были уничтожены тучами саранчи, обрушившимися на Русь. В киевской и черниговской землях смерды с трудом, но взрастили хлеб после ее набегов, здесь же таких сил не нашлось. Жители вынимали из амбаров последнее зерно, город из-за постоянных половецких нашествий оставался долгое время без соли — все пути на Волынь, откуда везли соль по русским городам, оказались перенатыми степняками.

Но жить в городе было можно. В целости стояли новые мощные каменные стены детинца, крепкими выглядели земляные и дубовые валы, окружавшие город. Взять Переяславль по-прежнему было непросто. За это время город не выгорел, стояли в исправности колодцы. На исходе недели задымила трубой каменная баня — гордость переяславцев.

Как и прежде, Мономах начал с главного — с войска.

С собой Владимир привел из Чернигова около ста всадников. Это были воины, закаленные в сечах, прошедшие с ним по Волыни и польским землям, гонявшиеся за половцами по берегам Сулы и Трубежа, бившиеся под Стародубом, Юрьевом и Красным и вынесшие его из воли Стугны.

Немедля гонцы поскакали в Ростов к Мстиславу. Много Мономах не просил, но требовал от сына, чтобы прислал пять десятков конных от Ростова и Суздаля, вместе взятых.

Послал Владимир людей к Святополку объявить ему, что он, Мономах, перешел на княжение в Переяславль и готов теперь вновь принять на себя первый удар со стороны дикого поля. Поэтому он просил у великого князя помощи оружием, железным припасом, людьми из тех, что служили еще Всеволоду Ярославичу и ему, Владимиру, и готовы прийти к нему в Переяславль. Им же он обещал и золото, и ткани, и скот — все, что собирался отнять у половцев.

Через несколько недель еще до осенней распутицы первые обозы пришли из Ростова и Киева, и жизнь в Переяславле сразу ожила. Зашевелились кузнецы и оружейники. Денег на оружие ни князь, ни его дружинники не жалели. Пришли в Переяславль и первые купеческие караваны из Киева и Чернигова — теперь переяславские сторожки вновь были выдвинуты в поле, и купцы могли спокойно передвигаться между городами, потому что сто-

¹ Будущего князя Юрия Долгорукого.

рѳжи берегли их от мелких половецких выходов, о крупных же предупреждали заранее, и дороги сразу же пустили, жители запирались за городскими стенами.

Зима 1094/95 года прошла спокойно, если не считать новых известий о Евпраксии. Первые же санные караваны привезли из Киева вести о том, что сестра Мономаха обретается в Италии, вдалеке от мужа.

Враги Генриха IV наконец организовали похищение Евпраксии Всеволодовны из Веронского замка, где она охранялась слугами императора.

И потом на соборах в Констанце и особенно в Виченце в присутствии четырех тысяч церковников и тридцати тысяч мирян, собравшихся под открытым небом, она, не щадя себя, рассказала о всех мерзостях мужа. Люди, пораженные, слушали самоистязания молодой женщины, молились. Евпраксия, несмотря на видимые свои грехи, была даже освобождена от епитимьи, потому что собор признал, что к греху ее принуждали тяжелейшим насильем.

В ту пору Евпраксии едва исполнилось двадцать пять лет.

* * *

Прошло несколько месяцев жизни Мономаха в Переяславе, и город быстро возродил свою военную мощь. Там была создана пусть еще небольшая, но хорошо сбитая дружина. День за днем шли сюда обозы с едой и питьем, с припасами, оружием и людьми из Ростова, Суздаля, Любеча.

Любеч Мономах сохранил за собой, и теперь эта крепость грозно стояла посреди русских земель, неся верную службу своему хозяину. Здесь Мономах нередко останавливался, объезжая свои огромные владения. Более двух тысяч верст надо было проскакать ему, чтобы побывать во всех своих крупных городах, и он неустанно, день за днем сбивал в единый мощный хозяйственный и военный кулак свои обширные владения.

Весной 1095 года в подкрепление к Любечу он затеял строительство на Десне Остерского городка — небольшой, но хорошо укрепленной крепостцы как раз на полдороге между Киевом и Черниговом. Что мог сказать ему Святополк, чем мог помешать ему Олег, если Владимир провозгласил на всю Русь, что, сооружая Остерский городок, он продолжает дело своего деда и прадеда, воз-

водивших крепостцы и валы против печенегов и половцев. Но сам он хорошо понимал, что здесь, на развилке важных торговых и военных путей, его новая крепость будет грозной сторожей не только против степняков, но и против врагов внутренних.

К лету этого же года он выбил Давыда Святославича из Новгорода и вновь посадил там своего сына Мстислава. Сделать это было непросто. Он раскинул сеть своих людей в Новгороде, снабдил их золотом и пожитками. А они уже замутили и торг, и Софийскую сторону, нащептали в уши новгородскому владыке и боярам.

Вскоре новгородцы заявили Давыду, что он им не любит и пусть идет прочь из города, и тут же послали в Ростов за Мстиславом, сказав на вече, что он их прирожденный князь, что они с малолетства его вспоили и вскормили.

Мстислав отправился в Новгород, а ему на смену в Ростов из Переяславля выехал второй сын Мономаха — Изяслав Владимирович, который только-только вышел из отроческого возраста.

И снова Гита и Владимир провожали очередного робющего молодого князя в его первый путь, в далекие северные леса, вновь, как и в молодые годы Мономаха, рядом с новым ростовским князем ехал зрелый муж Ставка Гордятич, которого Владимир отпускал на время от себя, чтобы тот устроил сына в Ростове.

Ставка постарел и потучнел, седина посеребрила его все еще пышные темные волосы, лицо было покрыто рубцами, следами ранений, полученных в многочисленных сражениях. Но глаза глядели все так же дерзко, он так же легко вскакивал в седло.

Мономах всегда грустил, когда этот близкий ему боярин, своевольный и упрямый, но безраздельно ему преданный, на время покидал его. Не каждый осмеливался сказать князю правду в глаза, и Мономах ценил это. Нередко, поразмыслив над запальчивыми, порой обидными словами боярина, он менял свое, казалось, выношенное решение и говорил старому товарищу: «Ну что ж, Ставка, правильно рекут: «Муж обличающий лучше лгящего. Спасибо тебе за правду».

Уехал Изяслав, и словно опустел княжеский дворец, хотя детей в нем было еще достаточно. Но в те дни Мономах и Гита вдруг поняли, что с уходом каждого сына уходит частица жизни; и человек чувствует себя молодым до тех пор, пока есть в доме маленькие дети, и вот уже они вырастают, и ты видишь, как сам подвигаешься к

роковой черте, и она уже где-то неотвратимо проглядывается — еще далеко, но с каждым бегущим годом будет подвигаться все ближе и ближе, пока не захватит весь горизонт...

С каждым месяцем укреплялись связи Переяславля с Константинополем. Греки, зная о давнишней приверженности Всеволодова дома к Византии, постепенно обживали город, ставили здесь дома и лавки, внедрялись в церковный причт, старались ввести свои порядки в богослужении.

Вскоре тесные дружеские связи с Византией пригодились. Из Константинополя прискакали гонцы с известием, что огромные полчища половцев во главе с Тугорканом, тестем великого киевского князя Святополка, оставили приднепровские степи и ушли на Византию. Потом пришли гонцы из Киева от Святополка и подтвердили вести византийцев: Тугоркан продвинулся к Константинополю и остановился близ Адрианополя, в одном переходе от византийской столицы.

И в это время в середине февраля 1095 года новая половецкая орда — чадь ханов Итларя и Китана — вышла к Переяславлю.

Половцы хорошо знали, что Мономах еще не имел сильного войска, что он еще только начал создавать дружину, готовить оружие для полка смердов и ремесленников. Знали они и то, что ни Чернигов, ни Смоленск, ни Тмутаракань Переяславлю не помощники. Не верили Итларь и Китан, что Святополк киевский после последнего сокрушительного поражения под Киевом сможет собрать войско в помощь Мономаху.

Половцы шли на Переяславль в полной уверенности, что Мономах будет вынужден либо откупиться от них богатыми дарами, либо не выдержит осады и сдаст город на поток и грабеж. Кое-кто из половецких ханов, бывших год назад с Олегом под Черниговом, хорошо помнил понурого, окруженного врагами Мономаха, лишь чудом спасшегося тогда от половецких сабель. И теперь казалось, что с надломленным врагом управиться будет легко.

Этим выходом половцы нарушили недавний мир с Русской землей, который заключил с ними Святополк, отдавший им много золота, серебра, сосудов, тканей.

Половцы подошли к самому городу и стали между валами — городским и окольным, разбили шатры и зажгли костры.

Оттуда они послали послов к Мономаху с требованием

уплатить за мир и покой великие дары. В противном случае ханы грозили выжечь переяславскую землю, взять город на щит, пленить его жителей, грозили они смертью и самому Мономаху, и его семье. Послы говорили нагло и весело. Вот он — перед ними, старинный враг — Переяславль, одинокий и почти беззащитный, с малой дружиной, и Мономах в нем как ослабевший, больной гепард, который уже не может совершить свой сокрушительный ужасный прыжок.

Мономах слушал послов и думал о том, что сил в городе мало и противостоять такой большой чади будет трудно. Откупиться — это значило отдать последнее, поддержать создание нового войска, подновление крепостных стен, закупку и изготовление оружия. Сражаться же с ханами значило бы обречь на гибель только-только поднявшиеся к жизни переяславские села и городки. И снова пожараща, голод, страдания... и удастся ли удержать город — этого никто не знал. И что тогда делать — идти на аркане в половецкую неволю вместе с женой и детьми и ждать, что кто-то из князей выкупит тебя. А кто захочет вновь вернуть Всеволодова сына в Русь? Сегодня каждый князь его противник.

Мономах мягко улыбался, старался успокоить послов, говорил, что необходимо время, надо сослаться со Святополком, учинить мир совместный с киевским князем, да к тому же в Переяславле нет столько золота, сколько просят за мир Итларь и Китан.

Мономах видел, что половцы тоже не прочь были разойтись с миром, лишь получив большой откуп. Основная часть их сил ушла из степей на Балканы, и под Переяславлем стояли остатки огромной половецкой рати; помощи Итларю и Китану ждать было неоткуда. Но ханы полагали, что руссы не знали об этом разделении половецкого войска и вели себя так, будто за их спинами стояла вся половецкая степь, готовая в любой час прийти на выручку своим соплеменникам.

Мономах сразу уловил этот просчет ханов, но сделал вид, что его весьма заботит мощь половцев, как здешних, так и тех, кто остался в степи. Переговоры шли неторопливо, половцы настаивали, грозили, Мономах уговаривал их, спокойной улыбался, хотя и понимал, что послы могут прервать разговор в любую минуту.

Потом договорились, что руссы пойдут с ханами на мир, как только получат ответ из Киева, а пока же, чтобы у половцев не было никаких сомнений, решили обме-

няться заложниками. В половецкий стан поедет четвертый сын Мономаха Святослав, а в Переяславль войдет с небольшой дружиной, со своими лучшими людьми и встанет на постой сам хан Итларь; Китан же останется со всей ратью между валами и будет ждать окончания дела.

Послы и Мономах дали роту¹ и разошлись.

Наутро Святослав Владимирович собрался в половецкий стан.

Никогда еще Мономах и Гита не провожали сыновей в такую недалекую, но страшную дорогу. Святославу едва исполнилось десять лет; он еще никогда не расставался с родительским домом и теперь впервые сажился на боевого княжеского коня. Конь был изукрашен дорогой сбруей, покрыт красивым, шитым золотом чепраком. Сам Святослав в червленом плаще, в отделанном золотом шишаке, хоть и был мал, но выглядел строго и внушительно: заложником к врагам ехал не кто-нибудь, а сын славного Мономаха, и выглядеть он должен был соответственно своему рождению и сану.

Отрок крепился, держался прямо и старался смотреть перед собой, но не мог скрыть страха и волнения. Глаза его время от времени поворачивались к матери, а та лишь глядела на него и крестила мелкими быстрыми движениями руки. Мономах подошел к сыну, грубовато хлопал его по плечу, сказал, чтобы Святослав не боялся половцев, что княжеские заложники — дело обычное, что не пройдет и нескольких дней и Итларь со своими людьми вернется в половецкий стан, а Святослав будет дома. «Видишь, — шутливо бросил он сыну, — меняем тебя на хана со всей его славной чадью».

Со Святославом к половцам уехали несколько вооруженных Мономаховых дружинников помогать княжичу в чужом стане, беречь его.

В тот же день в Переяславль въехал Итларь с дружиной. Половцы прошествовали через городские ворота, миновали соборную площадь и остановились на приготовленном им дворе у воеводы Ратибора неподалеку от княжеского дворца.

Вечером из Киева от Святополка прискакал гонец, княжеский дружинник Славята, и передал речи Святополка, чтобы Мономах держался из последних сил, что войска у половцев мало и долго в февральскую стужу они под Переяславлем не выдержат. Те же, кто ушел под

Константинополь, разбиты греческими войсками и частью пленены и ослеплены, частью разбежались кто куда. Но помощи Святополк не обещал, отговариваясь нехваткой людей и своей скудостью.

Славята был устал и возбужден. Он узнал, что в городе находятся половцы во главе с Итларем, и вскинулся: «Что ждать, перебить Итлареву чадь немедля!» Мономах молчал, улыбался: только после дороги и сытного обеда с вином можно было говорить такие пустые слова. Ратибор увещевал Славяту, говорил, что в половецком стане заложником находится княжич Святослав, но Славята слушать не хотел Ратибора, подступал к Мономаху.

Поздно вечером, когда люди Итларя и сам хан расположились по хоромам на покой, в княжеском дворце собрались на совет бояре и воеводы. Славята снова обратился к князю и уже всерьез настаивал на истреблении половцев. На этот раз его поддержал и Ратибор, с которым Славята успел перемолвиться до совета. «Половцев мало, нападем на них вдруг, перебьем сразу всех. Из степи им поддержки не ждать, все тугорканово войско полегло за Дунаем. Княжича мы выкрадем и Китанову дружину перебьем».

Поначалу Мономах не хотел об этом и говорить: где это слыхано, чтобы русский князь нарушал посольскую роту? Итларь и его люди доверили ему по этой роте свои жизни, и было бы невероятным вероломством нарушить посольский договор. К тому же в половецком стане сидел юный Святослав, сын, родная кровь, и, случись что, половцы primero перережут ему горло.

Но воеводы приступали к нему все с новыми и новыми уговорами.

Давно уже разошлись участники этого позднего совещания, а Мономах все ходил по палате, думал. Такой случай может впредь не повториться: нынче в руках у него сам Итларь с лучшими людьми. Половцы пришли сюда войной, силой заставили его пойти на переговоры, и сына он отправил им не на мир, а на тяжкое испытание, может быть, на смерть, — так чего же совеститься, перед кем хранить верность клятве? Сколько раз половцы нарушали миры, скрепленные ротой; вот и сейчас они вышли к Переяславлю, грубо разорвав договор с киевским князем о мире со всеми русскими землями.

Он все мерил ногами пушистый хорезмский ковер; за окном тускло белела луна, ее мертвенный свет пробивался в палату, высвечивая серые тени на полу, на стенах.

¹ Клятву.

Свечи догорали, наполняя палату сладким восковым духом.

Но избиение половцев стало бы страшным нарушением всех посольских обычаев, и кто впредь станет вести с ним, Мономахом, переговоры, кто пойдет с ним на роту и поймут ли его православные соплеменники, не осудят ли во веки веков имя и род его, не проклянут ли?

Как всегда в тяжкие свои минуты, он взял со столика псалтырь, медленно стал перелистывать ее тяжелые пергаментные страницы, прикрыв глаза, ткнул пальцем наугад, прочитал: «Ты вознес меня над восстающими против меня и от человека жестокого избавил меня». Он вздохнул, встал, расправил плечи и уже спокойно, с твердой душой отправился на покой: на завтра надлежало избавить Русскую землю от ее врагов, уничтожить и Итларя, и Китана со всей их чадью, грозно предупредить степь.

Он призвал к себе вновь Ратибора, Славяту и иных воевод и вельмож. Было решено, что ночью Славята с дружиной выкрадет Святослава и тут же, когда княжич будет в русских руках, ударит на половцев. Следующим утром договорились покончить с сидевшим в Переяславле Итларем.

Выход надо было сделать осторожно и быстро. Большая будет беда, если проснутся половцы раньше времени, тогда погибнет Святослав, начнется резня в Переяславле — Итларевы люди станут отбиваться, а Китан ночью же пойдет на приступ.

Весь день бродили по крепостной стене люди Мономаха, наблюдали за половецким станом. Потом двое дружинников повезли к Святославу теплую шубу на собольем меху, потому что наступили лютые холода. Конечно, не по возрасту было иметь княжичу такое одеяние, но Мономах посылал сыну свое рухло для того, чтобы узнать, в каком шатре содержится Святослав и как лучше можно было бы ночью пройти к нему.

Дружинники вернулись с подробным рассказом и тут же вместе со Славятой начали готовиться к ночному выходу.

В ночь на 24 февраля тихо приоткрылись крепостные ворота, и несколько пеших дружинников, переодетых в половецкое платье, и торки, хорошо говорившие по-половецки, скользнули в темноту. Они незаметно приблизились к половецкому стану, вошли в него и затем уже открыто прошли между кострами со спящими возле них

сторожевыми воинами к шатру, где содержался княжич. Схватка около шатра была яростной, бесшумной и короткой, и вот уже Святослав, также обряженный в половецкую одежду, выходит вместе с княжескими дружинниками.

В степи раздался заунывный волчий взвой — знак атаки, и тут же настужь распахнулись крепостные ворота, и переяславская дружина вылетела из них и направилась к половецкому стану.

Половцы не успели еще толком понять, что случилось, а шатер хана Китана был уже окружен русскими дружинниками. Его телохранители пытались прикрыть хана, но были изрублены на месте, а потом настала и очередь самого Китана: Славята выволок его из шатра, бросил в снег и ткнул в него мечом, и тут же пал ханов шатер, подрубленный кем-то из русских воинов.

Вопль пронесся по половецкому стану. Половецкие воины просыпались, метались во тьме между своими шатрами, звали коней, гибли под русскими мечами. Лишь немногие из них ушли в холодную степь. Китанова чадь была истреблена почти полностью.

В эти же часы Итларь со своими воинами спокойно спал на Ратиборовом дворе. Сюда, в эти наглухо закрытые, хорошо протопленные хоромы, не долетал ни единый звук.

С вечера Ратибор одарил половцев бочонком малинового меда, а Итларю дал несколько бутылей немецкого вина. Весь вечер половцы пили и веселились, а потом постепенно сморились, уснули кто где сидел.

Тих и спокоен был Переяславль в эту февральскую ночь.

Наутро воины Ратибора здесь же, на воеводском дворе, снарядили для половцев большую истобку¹. Натопили ее, расставили на столах еству и питье, а сами спрятались неподалеку.

В этот же час к Итларю явился от имени Владимира Мономаха отрок Бяндюк и позвал половцев на переговоры, но сказал, чтобы они сначала позавтракали на дворе у Ратибора.

Невыспавшиеся, с гудящими головами половцы вошли в истобку, расселись по лавкам вдоль стен и приступили к естве. В тот же миг воины Ратибора подскочили к дверям и замкнули их. Итларь и его чадь еще не поняли

¹ Избу.

толком, что произошло, а потолок истобки внезапно открылся — то руссы подняли вверх заранее подрезанные потолочные доски, и Ольбег Ратиборич, сын воеводы, послал в половцев первую стрелу. Он метил в Итларя, и стрела ударила хана в самое сердце. И тут же зазвенела тетива, стрелы одна за другой полетели вниз, поражая врагов.

Половцы метались по истобке, бросались к окнам, но там их встречали стоящие с мечами руссы. Через несколько минут все было кончено: на полу, на лавках, на столах в лужах крови лежала вся Итларева чадь.

В Переяславле понимали, что это было началом большой войны. Пусть многие половцы и сгибли за Дунаем, но их вежи еще стоят на Днепре, и их соплеменники никогда не смирятся с гибелью своих ханов и будут мстить до последнего всадника — так уж повелось в степи.

Готовясь к большой войне, Мономах послал гонцов за помощью к своим братьям — Святополку и Олегу, говоря в речах, что не сегодня завтра оставшиеся половцы придут в Русь, а у него сил мало и надо вместе защищать и Переяславль, и Киев, и Чернигов.

Святополк, которому Славята подробно рассказал об избиении половцев в Переяславле, откликнулся сразу и сам, в свою очередь, послал людей в Чернигов к Олегу просить помощи против поганых.

Олег несколько дней молчал, но потом ответил, чтобы братья выступали в поход, а он придет им на помощь сам и приведет с собой дружину.

Киевское войско двинулось к Переяславлю.

И там братья впервые встретились после битвы на Стугне. Встретились по-доброму — общие несчастья сближают людей, а тут несчастье надвинулось такое, что только в единстве действий можно было миновать его.

Весь день братья просидели в хоромах Мономаха, вспоминали бывшее — юные годы, своих отцов, несчастную битву под Треполем, говорили о необходимости объединить свои усилия в борьбе со степью. Конечно, и Святополк и Владимир понимали, что только тяжкая нужда побуждает их выступить заодно. Владимир в глубине души презирал Святополка и считал, что тот недостойн великого своего чина — владыки Русской земли. Святополк же боялся и ненавидел Владимира и в любой момент ждал его наступления на Киев, тем более что в русской столице все более крепились приспешники Всеволодова

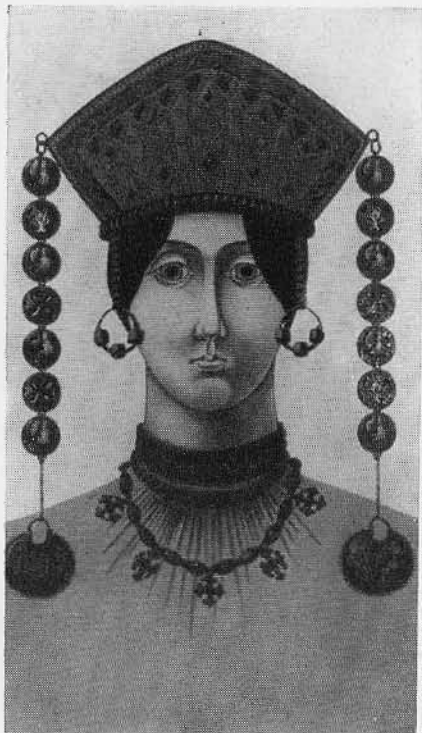

Древнерусское знамя с изображением Владимира Мономаха.

Золотой змеевик Владимира Мономаха.

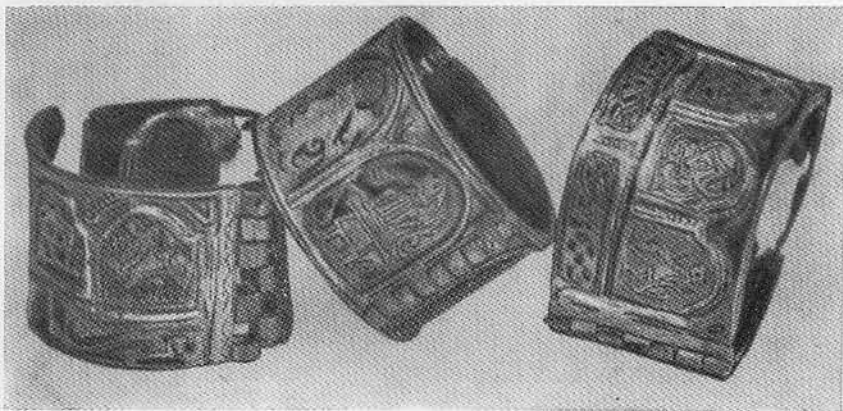

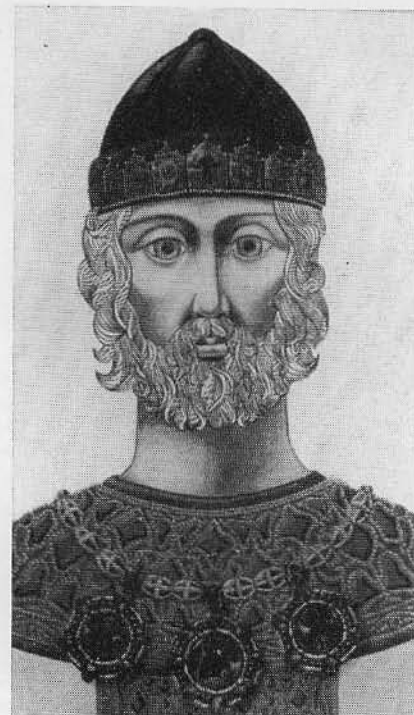

Праздничный наряд женщины княжеского круга. Реконструкция.

Киевские браслеты XII—XIII вв.

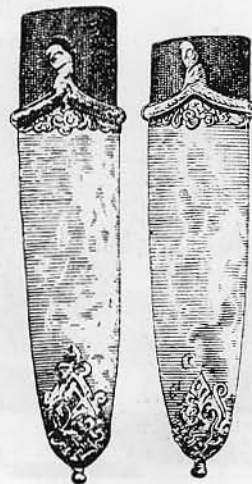

Парадный (церемониальный) княжеский убор XI—XIII вв. Реконструкция.

Княжеский шлем, найденный на Липецком поле, где проходили битвы 1176 и 1216 гг.

Наконечник ножен из княжеского погребения в Десятинной церкви.

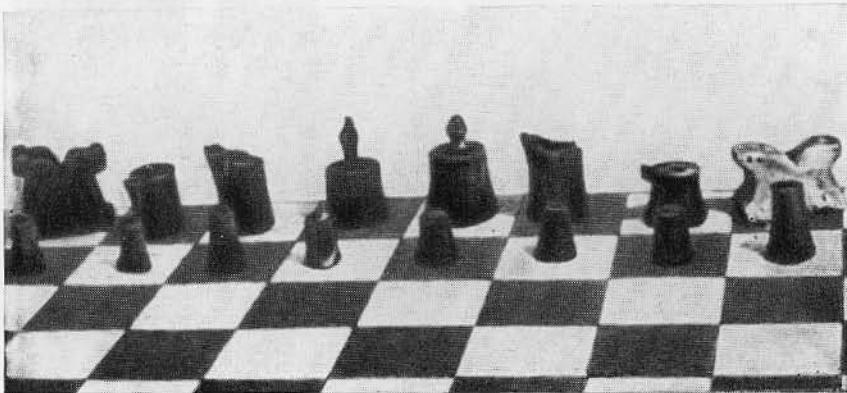

Серебряный сосуд XII в.
Работа мастера Константина.
Заказчик — новгородский
боярин Петрила.

Крестьянин и горожанин
Киевского княжества времен
Владимира Мономаха.
Реконструкция.

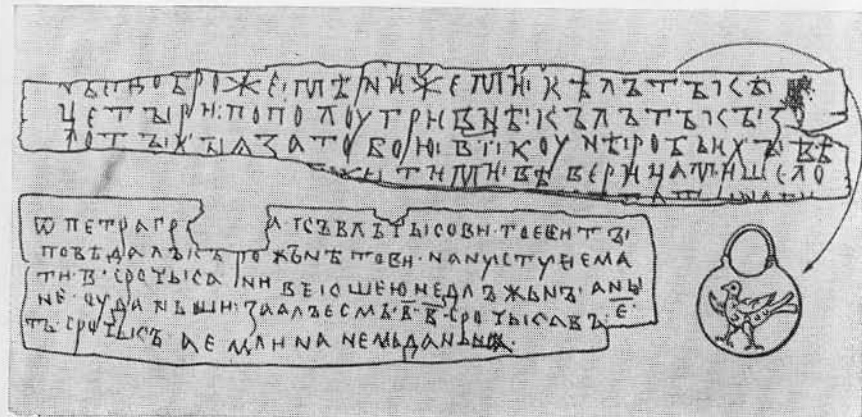
Древнерусские шахматы (Новгород).

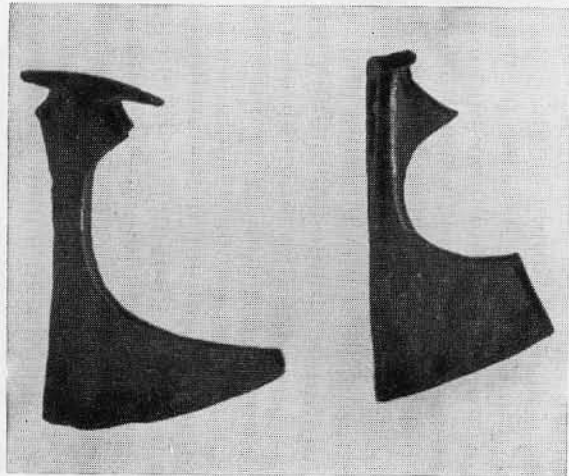
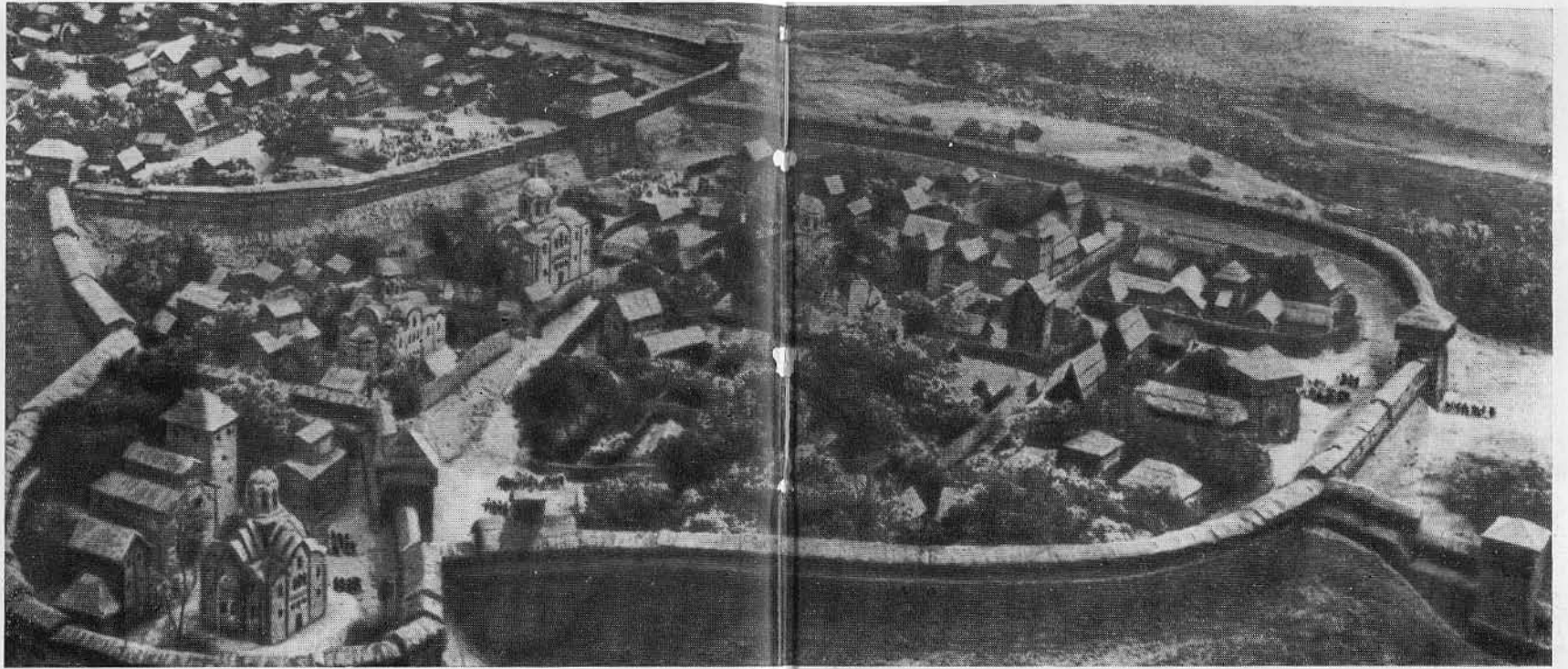

Софийский
собор
в Новгороде.

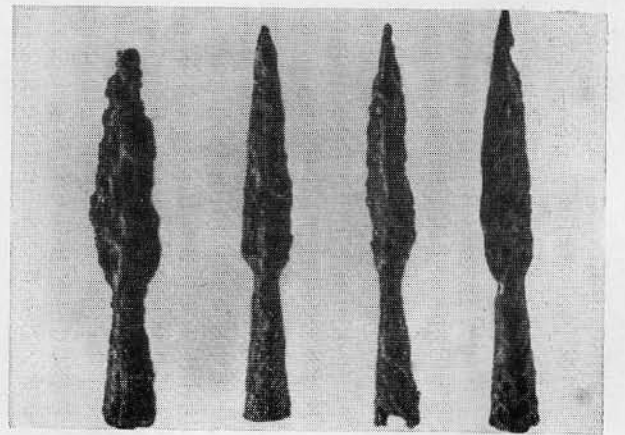
Берестяные грамоты XII в.

Русское
оружие
X—XII вв.

Диорама древнего Киева.

Русское
оружие
X—XII вв.

Любечский замок. Реконструкция.

Владимир Мономах на совете князей.
Рисунок художника А. В. Жука.

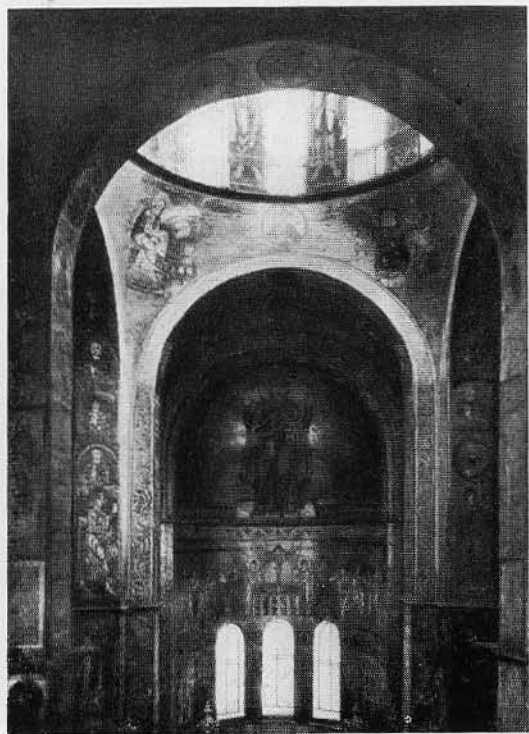
Князь Мстислав Изяславич возвращается с полонем из похода на половцев. 1152 г. Миниатюра Кенигсбергской летописи.

Половецкие каменные статуи.

«Охота на медведя». Фреска северной башни Софийского собора в Киеве.

Интерьер Софийского собора в Киеве.

Кирилловская церковь в Киеве, где похоронен Святослав Всеволодович.

Борисоглебский собор в Чернигове. XII в.

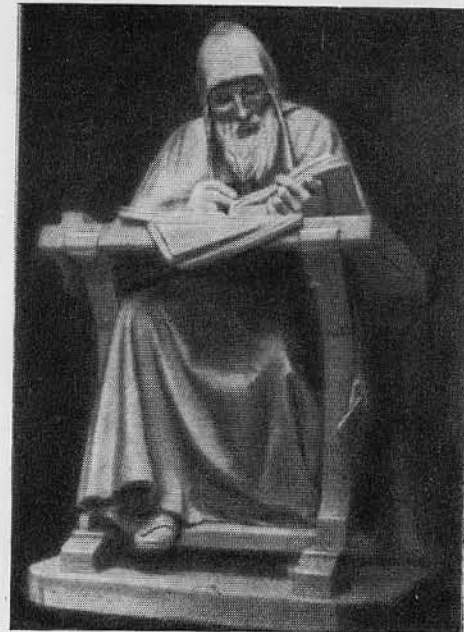

Избрание Владимира Мономаха великим князем
в 1113 г.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

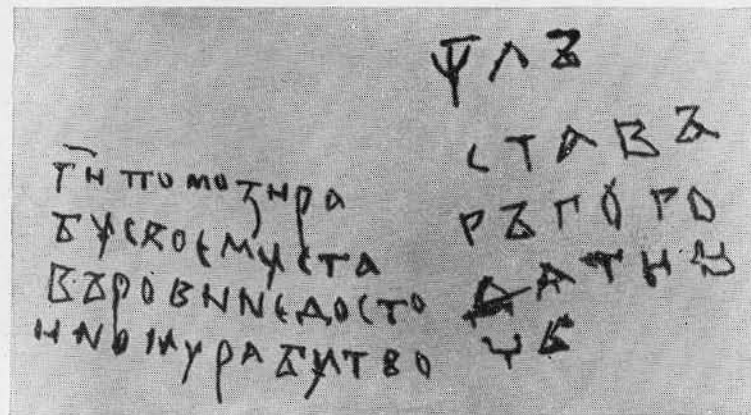
Серебряная монета князя Владимира с надписью:
«Владимир на столе».

Нестор-
летописец.
Скульптура
М. Антокольского.

«Автограф» боярина Ставра Гордятича (1118 г.)
в Софийском соборе в Киеве.

Ярослав Мудрый и Владимир Мономах. Фрагмент памятника «Тысячелетие России».

дома, а корыстолюбие и ограниченность Святополка, его военные неудачи лишь укрепляли их силы.

Но сегодня враг стоял у границ Русской земли, и старые счёты приходилось отложить в сторону. Степь велика и обильна людьми, и половцы никогда не простят убийства своих ханов, к каким бы коленам они ни принадлежали. Да и приднепровские половцы не все пришли к Переяславлю, и в их вежах ещё осталось достаточно людей для нового выхода.

— Надо самим идти в дикое поле, брат, искать их вежи и ударить по ним, — сказал Мономах.

Святополк удивленно посмотрел на брата: где это было видано, чтобы руссы сами ходили в дикое поле и искали половцев? Дело руссов было сидеть по хорошо укрепленным городам, встречать половцев на валах, сражаться с ними на речных переправах, не пуская в глубь русских земель.

Но Мономах настаивал. Он говорил о том, что сейчас самое время самим выступить первыми, не дать врагам собрать новые силы, предотвратить их очередной выход.

— Промедлим, князь, — приднепровские половцы опомнятся, вступят в союз с другими коленами.

В конце концов Святополк согласился. Это было неожиданное решение, новое, неслыханное для Руси дело, но Мономах был уверен в успехе похода, и Святополк понимал, что старший брат имеет больший военный опыт, чем он сам, и громкую военную славу, и ему можно доверить свою дружину. Ну а если руссы потерпят поражение, то это будет прежде всего поражением Мономаха, и Русь не простит ему второго после Стугны разгрома. Так думал Святополк, соглашаясь с задумчивой улыбкой на предложение Мономаха.

Несколько дней прождали князь черниговскую рать. Но пустыня была снежная дорога на Чернигов — ни гонцов, ни дружинников, ни самого черниговского князя.

Лишь позднее князь узнали, что Олег и не собирался идти им на помощь. В те дни он насмеялся над Святополком и Мономахом, грозил им, опасался, что Святополк помнит, как Олегов отец — Святослав изгнал из Киева отца Святополка, боялся Мономаха, которого совсем недавно сам выгнал из Чернигова, ненавидел обоих, считал, что князь зовут его в поход, чтобы сгубить в диком поле. К тому же, вступив уже давно в тесный союз с половцами, Олег и в этот год помог им, принял у себя бежавшего из-под Переяслава с немногими людьми

ми Итларева сына. Но все это стало известно лишь позднее, а пока же молчал Чернигов, предоставляя князьям самим искать в февральских степях свое воинское счастье.

Сборы были короткими. И вот уже впервые русская рать ушла на юго-запад не для обороны своих границ, не для того, чтобы отбросить назад идущую на русские города половецкую грозу, а для нанесения неожиданного удара, уничтожения приднепровских половецких веж — этого рассадника набегов и разбоя, несчастий и клятвопреступлений, насилий и обманов.

Впереди двигались конные сторожи, разведывая дорогу, оберегая войско от половецких разъездов. На ночь остановились в лощине и там же разожгли костры, опасаясь, как бы половцы по огням не поняли о надвигающейся опасности.

На исходе второго дня пути сторожи донесли, что русская рать подходит к половецким вежам.

Мономах остановил войско с тем, чтобы дать воинам передохнуть после долгого и тяжелого зимнего перехода.

К вежам подошли ранним утром, когда темная мгла плотно окутывала степь. В этой мгле руссы приблизились к стану почти на расстояние перестрела. Там догорали ночные костры, около которых дремали караульщики, высились темно-фиолетовые громады шатров и кибиток. В загонах возился скот, вяло лаяли непрспавшиеся собаки.

Половцам было невдомек, что рядом с ними находится русская рать. Они жили здесь, не таясь и не оберегаясь, и никому из оставшихся в вежах половцев не могло прийти в голову, что руссы осмелятся выйти из своих городов, из-за своих валов, тем более в февральскую стужу, и появятся здесь, в половецком поле.

Половецкий стан так и не успел очнуться ото сна, когда руссы с криками и гиканьем помчались между шатрами, рубя выбегавших оттуда воинов. Половцы бежали к коням, но и там их встречали русские дружинники, перебившие все выходы из стана.

Метались среди шатров бешеные тени, расступалась темная мгла, догорали костры с лежащими вокруг них убитыми половецкими воинами. Лишь часть половцев ушла в соседний стан, бросив на произвол судьбы своих жен, детей, свое имущество.

Теперь дело предстояло более трудное — половцы

пришли в себя, вооружились, взобрались на коней, и сбить их со следующего стана будет несравненно труднее, но Мономах не слушал уговоров Святополка, который просил его ограничиться малым, забрать полон и уйти назад в Переяславль. Военный перевес в силе, внезапности выхода был на стороне руссов, половцы растеряны; страх и отчаяние гонят их сейчас по степи, слух бежит впереди поверженных, и сейчас надо во что бы то ни стало закрепить первые успехи.

Ломая слабое сопротивление разрозненных и малочисленных половецких отрядов, руссы шли от стана к стану, пока хватило сил. И лишь когда притомились кони и люди, когда уже не хватало телег, чтобы погрузить на них все отнятое у половцев, Мономах остановился.

Он сидел на коне — хмурый, с горделиво вскинутой головой; с холодной и жесткой складкой в углах губ, его обычно мягкий взгляд серых глаз стал строг и пронзителен. А мимо него воины гнали сотни пленных — мужчин, женщин, детей, провозили десятки телег с забраным скарбом — коврами, сосудами, тканями, войлоком, взбивали снежную пыль тысячи коней, коров, верблюдов, мелкого скота, и вся эта огромная, стонущая, плачущая, мычащая масса теперь тянулась на север, в сторону Переяславля.

Со страхом и восхищением смотрел на все это сидящий рядом с Мономахом Святополк; ему еще никогда не приходилось переживать такой победы. Два его выхода против половцев закончились страшными поражениями, и вот первый большой успех.

А мысли Мономаха были уже далеко от половецких веж. Он повернулся к Святополку: «Мы должны, брат (он избегал обращения к Святополку со словами «великий князь», и Святополк давно и с неудовольствием заметил это), послать гонцов к Олегу, заставить его выдать нам Итларева сына и его чадь. Мы должны вырвать с корнем проклятое семя».

Святополк вяло согласился: ему вовсе не хотелось начинать борьбу с Олегом: черниговский князь являлся мощным противовесом Мономаху, и Святополк своим небольшим умом, но великой врожденной хитростью слабого и завистливого человека понимал, что сохранить это противоборство было весьма желательным для Киева. Но сейчас Мономах был снова силен, он давил его своей волей, его холодный цепкий взгляд проникал Святополку в самое сердце; киевский князь чувствовал всю огром-

ную мощь и неукротимость желаний брата и сгибался перед ними, негодуя в глубине души и завидуя ему.

Из Переяславля братья послали гонцов с речами в Чернигов. Вот как писал об этом впоследствии в русской летописи черноризец Нестор: «И послали Святополк с Владимиром к Олегу, говоря: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые разорили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей его, либо отдай нам. Он враг наш и Русской земли». Олег же того не послушал, и стала между ними вражда».

Олег не ответил на послание братьев, но Святополк и Владимир не успели наказать его за отказ от помощи — вновь вышли из степи половцы. На этот раз это были не приднепровские, а дальние причерноморские куманы, которые решили взять с русских земель свою долю добычи. Они прорвались через русские укрепленные городки и валы, вышли к реке Роси, осадили город Юрьев, и уже здесь их нашли гонцы Святополка, предложив мир и откуп. Половцы поначалу согласились, но, взяв откуп, нарушили мир и вновь осадили Юрьев. Ночью юрьевцы, боясь плена и гибели, оставили город и ушли в Киев, а наутро половцы вошли в Юрьев и сожгли его, забрав оставшееся имущество. Снова началась изнурительная борьба, снова князь собирал рать и гонялся за врагом, и становилось ясно, что без объединения всех русских сил, без начала большого наступления на половецкое поле невозможно было остановить эти бесконечные выходы, эти постоянные грабежи, пожоги, откупы, которые обескровливали Русь, отнимали у нее многие силы.

Возвратившись в Переяславль после ухода причерноморских половцев, Мономах все чаще и чаще стал задумываться о том, как Русь должна дальше строить свою борьбу с извечным врагом — половцами, вспоминал свой неожиданный победоносный поход к половецким вежам и все больше и больше склонялся к мысли, что не оборона, не отсиживание за крепостными стенами и валами, не гонка за половецкой конницей по необозримым просторам принесет желанный успех, а лишь постоянное, мощное, хорошо подготовленное движение в степь всех наличных общерусских сил.

Все чаще он говорил об этом Святополку и в Переяславле и в степи, когда они гонялись за половцами.

Святополк слушал Мономаха, думал о своем, но не спорил: он давно, уже после Стугны, признал полное во-

енное превосходство Владимира и теперь лишь делал вид, что он обдумывает какие-то решения, и целиком полагался на опыт Мономаха.

А Владимир уже пришел к твердой мысли, что нужен общерусский съезд князей, который заставил бы и Олега с братьями Давыдом и Ярославом, и Ростиславичей, и Давыда Игоревича взять на свои общие плечи дело обороны Русской земли, и, конечно, Владимир думал, что именно он вместе со Святополком поведет эту общую русскую рать в глубину половецкой степи, чтобы воевать с половцами на их земле, среди их кибиток, шатров, городков.

Наступала осень 1095 года. По-прежнему беспокойно было на Руси. В Чернигове, окруженный верными ему половцами, сидел Олег. Давыд Святославич попытался вернуть себе Новгород, но новгородские мужи встали за Мстислава, Мономахова сына, и послали навстречу Давыду гонцов, и те сказали ему: «Не ходи к нам». И Давыд возвратился в Смоленск.

Вышел из ростовских лесов второй сын Мономаха — Изяслав Владимирович. Упоенный победами отца над половцами, окончательным утверждением брата в Новгороде и отступлением Давыда, юный Изяслав прошел с дружиной по волостям Святославичей.

Не сумев вернуть Смоленск, он обрушился на северскую землю, захватил сначала Курск, а оттуда прошел в лесной Муром, который всегда тянул к Ростову и Суздалью и недавно в обход лестницы был захвачен Олегом Святославичем. Изяслав выбил из Мурома Олега посадника и вновь воссоединил муромский стол с ростово-суздальской землей.

Мономах, узнав об этом, не очень удивился. Он увидел в действиях Изяслава опытную и решительную руку Ставки Гордятича. Как бы там ни было, но сыновья ведут себя как настоящие князья, как воины и олить стягивают в прочный кулак обширные Всеволодовы волости. Теперь весь Северо-Восток был снова в руках Мономаха и его сыновей.

Это укрепление своей собственной власти, умножение своих богатств и земель Мономах решил использовать для большого наступления на степь.

Каждый князь чувствовал себя временным жильцом в любом городе, пока половцы свободно гуляют по Русской земле. Он уже несколько раз говорил об этом Святополку, и наконец братья согласились начать большой

разговор об устройении Русской земли, о прекращении зависти и междоусобиц.

Вначале решили обратиться к Олегу. Братья послали к нему новых гонцов с предложением прийти в Киев и положить поряд о Русской земле перед епископами, игуменами, боярами, горожанами о том, как сообща оборонить Русскую землю от половцев.

Олег ответил дерзко и высокомерно: «Не вместно меня судить епископам, игуменам или смердам». Гонцы братьев привезли Олегу новые речи Святополка и Владимира: «Это ты потому ни на поганых не ходишь, ни на совет к нам, что злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — пусть бог рассудит нас».

Всю осень и зиму шли переговоры Святополка и Владимира с Олегом, и лишь тогда, когда стало ясно, что Олег лишь ждет случая для расправы с двоюродными братьями, объединенное киевско-перемышльское войско двинулось на Чернигов.

В пути к братьям присоединился Давыд Игоревич, пришедший по их зову с Волыни.

Теперь, кажется, все хотели свести с Олегом счеты. Святополк стремился сломить соперника, который, как он знал, в любой час может выгнать его из Киева, как когда-то сделал это отец Олега с его отцом; Давыд мстил за изгон его из Тмутаракани. Мономах не мог забыть своего унижения под Черниговом, когда он покидал город, сломленный и обезлюдевший, после страшного поражения на Стугне, а половцы усмехались, глядя на него и его детей. И все это сделал Олег, продавший Русскую землю половцам за власть над Черниговом.

Глухое раздражение поднималось в душе Мономаха, вспоминая свой позорный отъезд из Чернигова. Олег становился для него главным врагом, врагом беспощадным, на всю жизнь. Никогда ранее Владимир не испытывал в душе таких чувств, но никогда ранее никто не повергал его в такое смятение. Что бы там ни было, но Олег должен быть сокрушен.

Олег, не уверенный в черниговцах, многие из которых не могли ему простить дружбы с половцами, помощь Итлареву сыну, разорения с согласия князя степняками черниговских земель, выбежал с дружиной в Стародуб — сильную крепость, которая не раз выдерживала длительные осады. В Чернигове же оставил воеводу с небольшим войском.

В Стародубе обступили братья Олега. Было это в начале мая 1096 года.

Первые приступы стародубцы отбили, и началась долгая осада крепости. Святополк и Владимир переняли все пути в Стародуб, оставили город без ествы, отрезали от сел и деревень. Горожане пока питались старыми запасами, приканчивали домашний скот, кур, но и эта ества быстро таяла.

Вскоре братья устроили еще один приступ, и снова стародубцы отбились.

На исходе второй недели осады Святополк предложил спалить город при помощи деревянных башен, подвезенных к городу и зажженных около самых крепостных стен, а также путем забрасывания в город стрел со смоляными горящими наконечниками. Братья долго спорили по этому поводу. Мономах противился предложению Святополка. Он говорил, что спалить город, конечно, можно, но при этом погибнет много невинных людей, мирных христиан, женщин и детей. Святополк же, стремясь во что бы то ни стало одолеть Олега и желая сбегать своих дружинников, которых у него было не так уж много, настаивал на своем.

В конце концов решили лишь поугадать осажденных огнем, продолжать плотную осаду и постараться сокрушить город голодом.

Тридцать три дня стояли Святополк, Владимир, Давыд Игоревич и сыновец Святополка Ярослав Ярополчич около Стародуба, а на тридцать четвертый день горожане запросили пощады. Они пришли к Олегу, попросили у него прощения и сказали, чтобы он мирился с братьями, потому что они, горожане, более такого утеснения и голода не перенесут.

Молча выслушал Олег горожан и не ответил им. Приступ означал бы гибель для города, который победители разнесут на куски, возьмут людей в полон, вынесут все из домов. Как может он после этого вновь появиться в Стародубе, а жизнь была еще долгой, и кто знает, не нужен ли будет ему этот город впредь в борьбе с братьями. Приступ мог бы означать гибель или плен и самого Олега, а следом за Стародубом откроет неприятелям ворота и Чернигов, и иные, тянущие к нему города, и тогда снова изгойство, метания по дальним весям и градам.

Смирив гордость, Олег послал к братьям своих бояр говорить о мире. Святополк потребовал, чтобы Олег вышел из города вместе со своими ближними людьми; при

этом великий князь обнадежил Олега, что вреда ему не будет никакого.

И вот они сидят друг против друга в Святополковом шатре — Олег и Владимир Мономах. Олег тих и мрачен, он не поднимает глаз, на все соглашается, а братья вершат над ним приговор. При каждом резком движении в дверях Олег вздрагивает, растерянно оглядывается. Вот так же не раз прежде на переговорах русские князья поднимали на мечи своих братьев и племянников.

Но переговоры идут спокойно, и напряжение в шатре спадает. Святополк и Мономах лишают Олега Чернигова, но оставляют город за Святославичами — кто там будет сидеть, определит съезд князей. Младшим Святославичам отдают Северу и Тмутаракань.

Еще прежде братья договорились, что Олегу ради его беспокойного нрава, союза с половцами и многих несчастий, которые он принес Русской земле, братья определили лесной Муром. Пока же они указали ехать к брату Давыду в Смоленск.

Теперь, кажется, вновь стала подниматься звезда Мономаха. Снова в его руках были и Новгород, и Ростов, и Суздаль. Чернигов же без князя неопасен. Его возвращение в руки Мономаха было вопросом времени.

Братья потребовали от Олега, чтобы он после этой войны в будущем году ехал бы вместе с остальными князьями в Киев для разбора всех распрей и объединения сил против половцев. Олег здесь же, в шатре, целовал на том крест.

Мономах смотрел, как Олег соглашался на все, что говорили ему князья, как быстро, будто нехотя, целовал тяжелый серебряный крест, поданный ему переяславским попом, и понимал, что война с черниговским князем только начиналась, что много еще несчастий принесет их котора с Олегом, несчастий и всему Ярославову роду, и Русской земле.

Олег, по-прежнему не поднимая глаз, встал, небрежно попрощался с братьями и быстро вышел из шатра. Снаружи долетели резкие вскрики всадников, всхрап коней и топот копыт. Олег уходил в сторону Смоленска, и где он появится в ближайшие недели и что от него можно было ожидать, этого не знал никто.

Радостный, ходил по шатру Святополк: он впервые одержал верх над сильным соперником, в его городе будет большой съезд князей, Мономах честно, по-братски принимает его за великого князя, а иметь такого союзни-

ка, как Мономах, — это большая удача. Вот и сейчас Владимир не потребовал себе Чернигова, а уступил его Святославичам.

А Мономах задумчиво смотрел на горящие свечи, следил за качанием слабых желтых огоньков, думал о будущем. О своих переяславских делах, о сыновьях, о ничейном пока Чернигове и о том, что не сможет он пока в обход Святославичей взять Чернигов и выдержать новый позор и изгон, если Святославичи одержат верх, а это во все нельзя исключать, потому что в Чернигове еще слишком много противников и Всеволода, и его самого. Ждать и только ждать, копить силы, убирать этих волков с дороги одного за другим, не выступать против всей стаи. Он повернулся в сторону Святополка, мягко улыбнулся ему, взглядываясь в лицо великого князя спокойными светлыми глазами, неторопливо пригладил волосы, чувствуя уже в который раз под руками их редющий строй.

* * *

От Стародуба Мономах, минуя Чернигов, направился в Переяславль.

Он благополучно добрался до своего стольного города и весь ушел в хозяйство. Всю весну князь пробыл в походе и теперь ежедневно объезжал свои сельские владения. Он соскучился по запаху вспаханной земли, по звонкой зелени первых робких всходов, по липкой юной листве. Конь носил его из села в село, от одного княжеского двора до другого; тиуны с поклоном встречали хозяина, докладывали о полевых работах, о том, как работают на земле смерды, закупы, рядовичи, как исправляет свое дело челядь. Князь слушал тиунов, проверял их слова, смотрел, считал, промерял. Одновременно он судил людей, разбирая споры и тяжбы, накладывал наказания. И все это доставляло ему большое удовлетворение. Позднее он напишет в своем «Поучении», как любил он этот повседневный хозяйский труд.

По вечерам он шел в прежнюю палату отца, склонялся над его книгами. Раньше он бывал здесь наездами, а когда оставался на более долгие сроки, то либо сидел в осаде от половцев, либо сам гонялся за ними от городка к городку.

Теперь Владимир не торопясь перелистывал тяжелые желтые страницы огромной книги, что лежала на столе в палате Всеволода. «Девгениево деяние». Раньше он ви-

дел ее лишь издали, а вот теперь в эти дни жизни в Переяславле впервые прикоснулся к ней. Он читал строку за строкой и безмерно удивлялся: сколь много общего было у этого греческого отрока Девгения — воина-акрита, богатыря, охранявшего византийские границы, и у него, русского князя, сидящего здесь, на дальнем русском рубеже. Только ведь Девгений был истинный богатырь, не то что он, смертный, — на двенадцатом году тот мечом играл, а на тринадцатом году — копьем; в четырнадцать же всех зверей одолел — и медведя, и лося, и льва.

Мономах читал, вспоминал русские сказания про Илью Муромца и других богатырей и удивлялся тому, как похожи витязи у разных народов, как близки они по духу своему и силе богатырской, которую употребляют для человеческой пользы...

Чтение отвлекало от повседневной суеты, заставляло задумываться над былым, настоящим и будущим, помогало взглянуть на мир широким взглядом. Он закрывал книгу, вновь медленно возвращался к своим прежним мыслям.

Но особенно любил Мономах читать недавно привезенную ему из Киева только что переведенную с греческого и записанную по-славянски «Александрию» — жизнеописание в ста трех главах великого воина и владыки Александра Македонского, сына царя Филиппа. Целый древний неведомый мир вдруг возникал перед ним — Македония и Фессалия, Вавилон и Египет, Сирия и Парсия, и в этом мире жили, воевали, мирились люди больших страстей — Филипп и его жена Олимпиада, сам Александр и персидский царь Дарий. Читая «Александрию», он каждый раз удивлялся смелости Александра Македонского, пришедшего под видом посла к своему злейшему врагу Дарию и возлежавшего рядом с ним на пиру. И сердце Владимира сжималось от какого-то смутного горького чувства, когда строки книги поведывали о заговоре против Александра Антипатра и о смерти македонского царя.

Это было так давно, а страсти людские были сегодняшними. Так же люди завидовали друг другу и ненавидели один другого, боялись и порицали героя и с такой же звериной злобой брали друг друга за горло, едва заходила речь о власти, этой страшной притягательной силе, неотвратимо убивающей людей из поколения в поколение. Разве не так же вот сгорел Святослав, сгиб от рук убийцы Ярополк Изяславич, и что еще ждет и его самого, и

его сыновей в этой ужасной борьбе, в этом нескончаемом стремительном беге.

Спокойствие длилось недолго. Вскоре стало известно, что смоляне не приняли Олега и он ушел в Рязань, откуда теперь грозил Мурому и другим городам, тянущим к Мономаховым владениям. И тут же, нарушив мир, к Киеву вышел половецкий хан Боняк. Половцы повоевали села и городки около Киева и овладели селом Берестовом, где издавна был загородный двор великих князей киевских. Двор они ограбили и сожгли и в тот же день ушли к своим вежам. Одновременно к Переяславлю вышел хан Курия и ограбил и пожег села вокруг города.

Наконец к Переяславлю вышел тесть Святополка Тугоркан. То ли снова призывал половцев Олег против своих двоюродных братьев, то ли узнали половцы о котóre между русскими князьями, то ли мстили за недавний выход Святополка и Мономаха к Тугоркановым станам, только Переяславль снова уже в который раз за последние годы был в осаде.

Теперь тревога снова шла по русским землям. Смерды бежали в города, а города наглухо закрывались, запаса ли еству и питье, приготавливались к новым сидениям.

В день выхода Тугоркана Мономах был в Киеве, где жила Всеволодова вдова Анна, которую Владимир нередко навещал, привозил ей подарки из Переяславля. Стоял в Киеве и его двор, а вокруг лежали Всеволодовы села и монастырь, заботу о которых взял теперь на себя Владимир. Особенно он любил бывать на Выдубечях. Здешний монастырь он считал своим родовым. Здесь его принимали как хозяина, долгими годами записывали предания Всеволодова дома, положили начало летописи жизни Владимира Мономаха и всего его корня. И вот теперь гонец из Переяславля нашел его в келье игумена Выдубицкого монастыря и известил о нападении половцев на Переяславль.

А уже через несколько дней Мономах вместе со Святополком, который не раздумывая выступил против тестя, полагая, что завтра половцы могут прийти и под Киев, скакали по правому берегу Днепра навстречу врагам.

После весенней войны с Олегом и отражения Боняка дружины обоих князей были наизготове, и теперь собрать их и посадить на коней не составляло большого труда.

На подходе к городу князья замедлили бег своих дру-

жин и ночь переждали напротив Переяславля, прячась в оврагах, а едва занялся рассвет, вышли из своих укрытий, тихо переправились через Днепр у старой засеки, у Зарубинского брода, у самого городка Заруба и, исполчась, бросились к городу. Половцы, стоявшие на берегу Трубежа под самым Переяславлем, не ведали о подходе русского войска с той стороны Днепра и лишь собирались идти на очередной приступ городских стен. Руссы не стали выстраиваться полком, а тут же с ходу верхами подскакали к реке и перешли ее. С той же стороны открылись городские ворота, и на врага направилось переяславское войско. Половцы, увидев, что и сзади и спереди им грозят русские рати, бросились бежать. В этой сече руссы не брали пленных, кроме самых знатных половецких воинов. Часть половцев задержалась вокруг своего хана, прикрывая его отступление. Какое-то время Святополк еще видел стяг Тугоркана, который колыхался в куче воинов, но потом руссы смяли половцев, стяг рухнул, и началось истребление иноплеменников. Их рубили, и кололи, и волочили крюками с коней. Весь день руссы преследовали врагов — и под городом, по берегам Трубежа, и дальше, вплоть до Днепра, и половцев полегло в этой сече невиданное множество.

Только на следующее утро люди Святополка отыскивали Тугоркана и его сына, родного брата Святополковой жены. Оба бездыханные лежали они под грудой тел своих воинов. Святополк велел взять тело тестя, привезти под Киев и похоронить в Берестове, только что разоренном другой половецкой ордой, между дорог, идущих в Берестов и Печерский монастырь.

В этой битве руссы взяли огромный полон, немало знатных половцев, ханских сыновей. После нее Мономах еще более укрепился в мысли, что воевать с половцами нужно не по-старому — отсиживаться по крепостям или гоняться за ними, если есть силы, от города к городу, а доставать их скрытно и неожиданно, все время применяя против врага разные хитрости, которыми прежде сами половцы не раз одерживали победы над руссами.

Так вот внезапно, скрытно были опрокинуты половцы Китана, а потом взяты половецкие вежи, так же неожиданно был и этот выход руссов с той стороны Днепра.

Год за годом, месяц за месяцем накапливал Мономах военный опыт в начавшейся уже давно нескончаемой войне с половцами, и только теперь к нему пришли пер-

вые громкие победы, хотя и прежде гонял он их от города к городу.

Но оставался еще другой страшный враг — Боняк, который сумел подчинить себе многие половецкие колена, рос и новый опасный противник — молодой хан Шарукан, за которым также шли несметные вежи.

Половецкая степь объединялась в борьбе против Руси, которая по-прежнему раздиралась междоусобиями и несогласием князей, а самый опытный из них в военном деле — Владимир Мономах все еще не имел власти, чтобы заставить их объединиться в борьбе со страшным врагом всей Русской земли.

* * *

Вторично Боняк с ордой вышел к Киеву так же внезапно, как и в первый раз. Вся русская рать была в этот день под Зарубой. Святополк и Мономах лишь собирали свои дружины, рассыпавшиеся в степи в погоне за разбитым противником.

Теперь становилось ясным, что Тугоркан и Боняк вступили в тесный союз в борьбе против Руси и разделили Русь между собой. Тугоркан взял на себя Переяславль, поскольку в Киеве сидел его зять — Святополк, а Боняк должен был ударить на Киев.

Так двойным, одновременным выходом половцы, видимо, собирались поставить Русь на колени, отомстить Мономаху, запереть, а может быть, и пленить его в Переяславле, съечь ненавистный им город, запугать вконец слабого Святополка, оторвать его от союза с переяславским князем.

Боняк появился под Киевом внезапно ранним утром 20 июля 1096 года, когда город еще не пробудился ото сна. В утреннем сумраке сторожевые люди заметили какое-то движение в поле напротив городских ворот, но не особенно обеспокоились, думая, что это идет какой-нибудь обоз либо из Переяславля, либо с Волыни. И лишь когда стали различимы половецкие стяги и бег коней начал сливаться в сплошной ровный, нарастающий гул, в Киеве тревожно ударили колокола. Тяжелые, дубовые, кованые железом ворота закрылись перед самыми половцами.

Те не решились идти на приступ: слишком силен и многолюден был Киев, слишком изобилует едой и питьем, и животной, и колотцами, и сил у Боняка на такой приступ не было — для того чтобы взять русский столь-

ный город, надо было бы привести под его стены всю степь и не на одну неделю.

Не мешкая Боняк пошел по киевским пригородам, как и в прошлый выход, грабя и сжигая все дома, которые попадались на его пути. И уже в первый день русские пленники, связанные крепкими волосяными арканами и сопровождаемые надсмотрщиками, потянулись по жарким июльским дорогам в глубь половецкого поля. Горела вся низина вокруг Киева, полыхали слободы, сизый дым поднимался к горам, заслоняя заднепровские дали. Разгромив по пути несколько деревень, половцы направились к Печерскому монастырю.

В этот час монастырь отдыхал. Монахи спали после заутрени по своим кельям. Их разбудил громкий половецкий клич, и когда они выбежали из келий, то половецкие стяги уже стояли около монастырских ворот.

Хватая оружие, монахи бросались на стены монастыря, другие, спасаясь, бежали к задам, к огородам. Но было уже поздно: половцы высекли монастырские ворота, ворвались внутрь двора и пошли по кельям и церквам. Монахи обороняли каждую келью, и половцы брали их приступом, высаживали двери, рубили защитников монастыря.

В кельях они брали все, что можно было унести, — иконные оклады, серебряные кресты, одежду, разный скарб. Потом они окружили церковь Богородицы, которую несколько черноризцев закрыли наглухо изнутри, и зажгли южные и северные ее ворота.

Когда ворота достаточно прогорели, половцы также высекли их и ворвались внутрь церкви; черноризцев зарубили на месте и пошли по притвору, хватая со стен иконы, выдирая подсвечники, вырубая золотые и серебряные церковные ценности, отдирая камень из окладов. Они дошли до гроба Феодосия, здесь встали и начали насмехаться и над мощами преподобного, и над христианским богом. «Где ваш бог, — кричали они, — пусть же он поможет и спасет вас». Они изрыгали хулу на иконы, еще и еще бранили бога, осквернили гроб Феодосия.

Из Печер половцы направились в Выдубицкий Всеволож монастырь и овладели им, пожгли его постройки и церкви, разгромили и подожгли княжеский двор.

И не было сил отразить половецкий выход, потому что Святополк и Владимир Мономах были под Зарубой, в Киеве не оказалось войска, а иные князья лишь радовались, видя несчастья Киева и Переяславля.

Получив тревожную весть из Киева, братья собрали дружины и помчались на север. Уже на подходе к городу встреченные гонцы сообщили им, что отяжеленный половецким Боняк ушел за Рось. Писал позднее Владимир Мономах: «И опять со Святополком гнались за Боняком, и не настигли их. И потом за Боняком гнались за Рось, и снова не настигли его».

Руссы видели лишь страшные следы половецкого набега — стояли на дорогах испепеленные городки и села, лежали в придорожном бурьяне тела умерших в пути от невзгод пленников, и вся степь была изрыта копытами половецких коней, пропахана колесами телег, груженных награбленной кладью.

Дальше идти в степь с малыми силами было опасно, да и кто знал, что предпримут в это время иные половецкие колена, узнав, что киевский и переяславский князья бросили свои города и увели дружины в степь.

Половцы еще не дошли с огромным обозом награбленного под Киевом добра до своих станов, а на Руси уже было известно о их выходе и о том, что Святополк и Мономах вновь понесли урон от иноплеменников. И вновь ожили мятежные князья, и первый среди них неукротимый Олег Святославич.

Уходя от Смоленска, который не принял его, на восток, Олег увел с собой часть смолян. В Рязани он еще более увеличил свою дружину; к тому же были с ним и верные ему черниговцы, стародубцы, тмутараканцы. Из Рязани Олег направился, прибирая к себе новых людей, к Мурому, где сидел сын Владимира Мономаха — Изяслав.

Когда Изяслав узнал о том, что Олег идет на Муром, то срочно послал гонцов в Ростов, Суздаль, на Белоозеро, прося помощи. Направил он также людей к отцу в Переяславль и к старшему брату Мстиславу в Новгород, оповещая их о выходе Олега.

Но пока еще было неясно, что собирается делать бывший черниговский князь, что он хочет потребовать от юного Изяслава.

Через несколько дней намерения Олега прояснились. Он прислал в Муром грамоту, в которой требовал от Изяслава покинуть город, уйти на свой прежний стол в Ростов, потому что Муром, как и Стародуб и иные города, — прирожденные черниговские отчины и принадлежат ему от рождения. «Иди в волость отца своего Ростова, — писал Олег племяннику, — а это волость отца

моего. Хочу же я, сев в Муроме, договор заключить с отцом твоим. Это ведь он меня выгнал из города отца моего. Или и ты мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?» Поначалу Изяслав заколебался. Он с уважением относился к Олегу Святославичу, чтил его как старшего, как крестного отца своего брата. В семье никогда не говорили плохо об Олеге, какие бы злоключения с ним ни происходили. Даже после ухода Мономаха из Чернигова отец не винил своего двоюродного брата и говорил детям, что ему не следовало занимать Чернигов.

Но уже подходили рати из многих Мономаховых земель; все они выслали воинов на помощь Изяславу. Ставка Гордятич и другие близкие к Изяславу люди, распавшись и желая поживиться за счет Олеговой рати, уговаривали Изяслава проявить твердость, не бояться Олега, и Изяслав ответил тому отказом.

В сентябре 1096 года войско Олега Святославича вышло из лесов и появилось в поле вблизи города. Муромцы открыли ворота и вышли навстречу неприятелю. Для Изяслава это был первый самостоятельный бой. Он и робел — ему все казалось, что делает он дело не так, как это нужно, — и выказывал одновременно слишком большую смелость. Смущало его и то, что ему приходится биться с родным дядей, который более чем вдвое был старше и опытнее его и который крестил в свое время еще его старшего брата. Изяслав, напряженный, с пылающими щеками, не понимая толком, что происходит вокруг, и отвечая невпопад, сидел на коне, сжав в руке тяжелую изогнутую саблю, готовый дать шпоры коню и ринуться в сечу.

Первым начал бой Олег. Опытный воин, он оставался до времени сзади. Прошли для него те времена, когда он первым кидался в гущу сражавшихся. Теперь Олег вместе со своими посевшими в боях и странствиях соратниками издали направлял свое войско, посылая подкрепления туда, где его рать прогибалась под натиском полков Изяслава.

Муромский же князь сразу ввязался в бой самолично. Окруженный немногими телохранителями, он двинулся вперед во главе своей муромской дружины и потеснил Олегово войско. Олег видел, как муромцы прогнули чело его войска, и послал туда своих отборных дружинников. Они прорубились к самому княжескому стягу; Изяслав в это время, не помня себя от упоения боя, дрался под самым стягом. Он наносил удары по шишкам противни-

ков, и сабля издавала при этом звон, а оглушенные враги падали с коней. В ответ он получал тоже немало ударов. Его броня была уже промята от копейного удара, щит разрублен, а шишак поврежден, но наибольшее число ударов принимали на себя княжеские телохранители, прикрывая Изяслава своими щитами, оттесняя тех, кто стремился пробиться к нему.

Олеговы люди разметали немногих телохранителей Изяслава — к этому времени молодой князь значительно оторвался от своего войска — и бросились к муромскому князю. Первый удар опрокинул его навзничь, оглушил, а второй пришелся в то место, где броня кончается около шеи. Изяслав, заливаясь кровью, упал под ноги коня и был тут же затоптан и чужими и своими всадниками. Его стяг еще мгновение колыхался в воздухе, но тут же рухнул. Муромцы побежали в город, а иные пришлые люди бросились через реку Лесную в окружающие пуши.

Сражение закончилось. Олег медленно ехал по полю, усеянному убитыми и ранеными воинами, к тому месту, где, как он видел, упал Изяслав.

Олег нашел племянника под грудой тел. Он лежал уже бездыханный, с белым лицом, обрамленным светлыми волнистыми волосами, взгляд его мертвых глаз был недвижно устремлен в синь сентябрьского неба, а черты лица были спокойны и сосредоточены, как будто князь прислушивался к какому-то идущему к нему из глубины сознания голосу.

Муром тут же открыл ворота Олегу, потому что в городе было немало его приспешников. Ростовцев, суздальцев, белозерцев Олег заковал; тело же племянника приказал погребсти в монастыре святого Спаса. Затем не мешкая направился к Суздалию.

Мономах и Мстислав новгородский еще ничего не знали об исходе битвы под Муромом, а Олег уже подступил к Суздалию. Суздаль был взят приступом и разграблен. Лучших жителей, тех, что испокон века стояли за Всеволодов дом, он вывез в Муром, а иных даже отослал в Тмутаракань. Следом за Суздалем пал Ростов. Горожане, узнав о гибели Изяслава и участии Суздаля, не сопротивлялись Олегу и открыли ворота.

Олег шел по росто-во-суздальским землям, беря город за городом, и скоро весь край до самого Белоозера был уже подвластен Олегу. Повсюду он изгнал Мономаховых наместников и волостелей, поставил своих людей. Искал он Ставку Гордятича, давнего друга Мономаха и своего

заклятого врага, но тот ушел лесами в Новгород к Мстиславу.

Олеговы наместники, вирники, волостели, тиуны с первых же дней обложили Мономаховы земли тяжелой данью, потянули в Ростов, где обосновался Олег, деньги, хлеб, пушной товар, ремесленные изделия. Не было в крае смердьега или ремесленного дома, который бы не отдал в пользу князя и его людей самого необходимого. Снова война Ярославовых внуков вылилась в страдания простых селян и горожан, которые на своих плечах выносили все тяжести военной страды, надолго отрываясь от домов, чтобы с оружием в руках защищать своего князя, а теперь кормить и поить победителя и его людей. Олег же, долгие годы лишенный отчин — городов и сел, был, кажется, ненасытен, отягощая христиан все новыми и новыми поборами.

Вскоре в Ростов пришел посол из Новгорода от Мстислава. Он передал Олегу речи его крестника: «Иди из Суздаля и Ростова к Мурому, а в чужой волости не сиди. И я пошлю с дружиной своей просить к отцу своему и помирю тебя с моим отцом. Хотя и убил ты брата моего, то это не удивительно, в бою ведь цари и мужи погибают».

Олег выслушал Мстислава посла и в тот же день отправил его назад в Новгород с отказом. Он не хотел мира ни с Мономахом, ни с Мстиславом. Теперь весь север Русской земли был в его руках. За ним стояла и Тмутаракань, родной брат его Давыд Святославич сидел в Чернигове. Осталось взять Новгород, выгнать оттуда Мономахова сына, чтобы окончательно лишить ненавистного двоюродного брата и весь его многочисленный и ненавистный род силы, запереть их всех в Переяславле, повести на них со всех сторон половецкие колена — объединенные силы Боняка и Шарукана, и тогда можно будет сказать, что до возвращения отцовской власти останется подать рукой, так как Святополк для Олега большой опасности не представляет.

Из Ростова он выслал сторожу во главе со своим младшим братом Ярославом в сторону Новгорода и начал готовить войско для вторжения в новгородские пятинь.

В эти дни Олег получил из Переяславля грамоту от Владимира Мономаха.

Весть о гибели Изяслава прислал Мономаху старший сын. Мстислав писал отцу о битве под Муромом, о похоронах Изяслава, о захвате Олегом северных городов и о

своем к нему посольстве. В конце же грамоты Мстислав просил отца уладить с Олегом дело миром, напоминал, что они братья, что сам он, Мстислав, чтит и любит своего крестного отца и у него нет сил поднять на него руку. Пусть Изяслав будет последней жертвой в этой страшной борьбе за волости.

Получив грамоту от Мстислава, Владимир Мономах не вскинулся тут же отомстить Олегу и наказать обидчика, захватившего его и его отца исконные земли. Постаревшая, увянувшая Гита с опустившимися плечами и расплывшимся телом, но все такая же неукротимая и мечтающая о великих победах своего мужа и своих сыновей, потрясенная смертью Изяслава и теперь жаждущая мести, побуждала Владимира немедленно подняться в поход, послать людей к торкам и союзным половцам хана Кунюя, которого стремился подчинить себе Шарукан, выбить Олега из Ростова и Суздаля, погнать его по лесам и болотам, вновь запереть его самого и его братьев Давыда и Ярослава в далекой, отгороженной степью Тмутаракань.

Но Владимир был безучастен к ее словам.

Он сидел в своей палате в переяславском дворце, слушал, как воеет за окном сентябрьский ветер, и думал совсем о другом. Вот и еще одна смерть в отчаянной борьбе за власть. Идут годы, вырастают сыновья и один за другим идут на заклятие в этой чудовищной, жестокой жизни.

Он опять отрешился от повседневных, суетных дел, как когда-то умел это делать отец, как еще прежде умел делать очень часто и он сам, с каждым годом терявший эту способность. И вот теперь смерть Изяслава вновь заставила его взглянуть на себя, на свою жизнь, на жизнь окружающих его людей с высоты мироздания, с высоты жизни всей Русской земли и с высоты только что постигнувшей его потери. Он понимал, что нет никакого земного оправдания этой бессмысленной смерти, что есть в жизни лишь одно дело, за которое можно было бы расстаться с ней, положить свою голову и головы своих детей. Для воина, для мужчины существует лишь одна жертва, ради которой он может и должен пойти на смерть, — это Родина, это своя земля, это живущие на ней люди, это весь окружающий мир, уходящий корнями в седую старину и протягивающий руки в далекое будущее. Богатство, власть, сила, доходы, золото, ткани, дворцы... Обволакивающий дурман, отвлекающий людей от вечной

сути бытия, от забот о духовном своем совершенствовании, опасные игрища, подобные скоморошью, — и кто-то неведомый смеется над глупыми, недалекими людьми, теряющими в этих игрищах свои жизни, ожесточающими свои души. Сколько раз он задумывался над этим, пытался страхнуть с себя этот дурман, и столько же раз неумолимая жизнь вновь возвращала его в это жестокое лоно, и он тщился взять верх над своими ближними, удерживать и приумножить свою власть, силу, богатство и мощь идущих с ним людей. И все чаще и чаще он задумывался над главным в этой жизни, над своим истинным предназначением князя, воина. И все основательнее приходил он к мысли, что, лишь уняв княжескую вольницу, можно остановить натиск на Русь степняков, обезопасить землю от их набегов. Бедная Гита! Для нее эти колебания были неведомы. Она так и уйдет в иной мир, полная ярости, ненависти, полная ничего не стоящей суеты, которая и заставляет людей, забыв все на свете, бессмысленно крутиться от рождения до смерти, как крутится в колесе белка, с которой любит играть маленький Юрий.

За окном гудел ветер, предвещая наступление мрачных осенних дней. Тих и безлюден был скорбящий об Изяславе переяславский дворец. Снаружи доносились заунывные звуки колокола церкви святого Михаила.

Владимир взял тонко отточенное гусиное перо, подошел к себе глиняный сосуд, наполненный краснилами, положил перед собой чистый пергаментный лист и написал: «Олег, брат мой...»

Он снова задумался, перед ним в какие-то мгновения прошли долгие годы. Вот они отроками скачут наперегонки под Киевом в июньском лесу, а кругом солнце, зелень, теплынь; вот они на хорах церкви Софии, смотрят друг на друга, перемигиваются, вот Олег стоит над купелью — крестит его первенца...

«О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьбою, не покаяться и не примирившись между собою... Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего и грамоту, со словами: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут они перед богом; а Русскую землю не погубим...»

Он еще раз прочитал эти последние написанные слова. Ради единства Руси, ради великой цели переступал он сейчас через смерть любимого сына и протягивал руку врагу. Он вздохнул еще раз и снова взялся за перо.

«Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоего письма. Этими ведь словами предупреждал я тебя, объяснил, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов... А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в слове и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей...

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростов бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы так все и уладили. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Соплился с отцом», десять раз я бы послал.

Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирать так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать худого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла». Он был убежден, что здесь не обошлось без горячей, запальчивой подсказки боярина Ставки Гордягича. И подумалось ему еще, что немало, видно, несчастий принесет ему гордый боярин, что надо бы отослать его под присмотр Мстислава в Новгород, отодвинуть его подальше от княжеских междоусобиц.

«И если начнешь каяться богу, — писал он далее, — и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и власть получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: не враг я тебе, не мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за поганых, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, ибо я человек... Ибо не хочу я зла, но добра хо-

чу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою... Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от пужды я это, ни от беды какой-нибудь посланной богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего».

Долго еще сидел Мономах в раздумье, прислушиваясь к свисту ветра и смотря на трепетное пламя свечей.

Наутро гонец повез письмо в Муром к Олегу, и Мономах стал ждать ответа от двоюродного брата. И ответ не замедлил явиться, но вовсе не такой, каким ожидал его Мономах.

Укрепившись в ростово-суздальской земле, Олег стремился внедриться в земли Новгорода, поднять новгородские пятины против Мстислава и в конце концов, подтянув все свои силы, изгнать Мономахова сына из Новгорода и овладеть всеми северными русскими землями. Со всех сторон стягивались рати к далекому лесному Мурому. Пришла дружина Давыда из Чернигова, подошли еще воины из Смоленска, Тмутаракани, Ростова, Суздаля.

Сокрушаясь и негодуя, обратился Мстислав к новгородскому боярству и владыке, спросив их: хотят ли они к себе Олега, и тогда он тут же отъедет к отцу в Переяславль, или встанут они за него и помогут выбить Олега из Мономаховых волостей. Совет был долгим и бурным, потом новгородцы объявили свою волю Мстиславу всенародно, обещав стоять за него и начать войну с Олегом.

Мстислав немедленно стал собирать войско для войны со своим крестным отцом, послал гонцов к Владимиру Мономаху, прося помощи, а пока же выслал навстречу Олеговой стороже свой передовой полк во главе с боярином Добрыней Рогуиловичем.

Добрыня быстро вошел в Ростовскую землю, побрал там Олеговых сборщиков дани; некоторые из них, узнав о приближении новгородского войска, побежали к Ярославу, который стоял со своим полком на реке Медведице, притоке Волги, около Кимр. Добрыня занял без боя Кимры, а Ярослав бежал к Олегу, который к этому времени подтянулся к Ростову. Там братья встретились и вновь отступили, не входя в Ростов и не защищая его, потому что было известно о том, что ростовцы с нетерпением ждали Мстислава, который у них княжил долгие годы и которого они любили.

Олег отошел к Суздалю, а Мстислав, соединившись с Добрыней, шел теперь с дружиной и с новгородскими воями-пешцами через леса также к Суздалю, но не застал там соперника. Тот недолго оставался в городе. Сторожки доносили ему, что Мстислав уже обошел Переяславское озеро и вышел к реке Нерли, что он находится лишь в одном переходе от Суздаля.

Олег зажег город и ушел в сторону Мурома.

Когда Мстислав вошел в город, то его встретили лишь едкие дымы да скорбно стоящие печные трубы: Суздаль сгорел дотла; в городе остались не тронутые огнем лишь каменная церковь святого Дмитрия Солунского и двор здешнего Печерского монастыря.

Не задерживаясь в Суздале, Мстислав пошел вслед за Олегом, а тот, увязая в сырых мартовских снегах, бежал в Муром, собирая со всех окрестных городов силы в единый кулак.

На Клязьме Мстислав остановился. Дело шло к пасхе, наступило тепло. Мстислав стоял и ждал здесь переяславское войско.

* * *

Владимир Мономах, получив известие о начавшейся войне между Муромом и Новгородом, долго не мог овладеть собой. Он был поражен нетерпимостью Олега, его неумной жаждой борьбы, его ослеплением и непониманием того, что любая жестокость порождает ответную жестокость, что нет конца и края этой чудовищной и бессмысленной борьбе, в которой гибнут люди, рушится Русская земля. Сам он, оказавшись впряженным в эту колесницу, на мгновение остановился, сбросил с себя путы, отбросил шоры, прикрывающие глаза, прислушался к голосу спокойного разума, к голосу тоскующего сердца: он написал письмо своему злейшему врагу, уничтожившему его сына, он презрел слезы и мольбы жены, ненависть к Олегу переяславских бояр, он прислушался к плачу и смиренному призыву своего старшего сына. И вот ответ — новая война, несчастье, пожараща.

Шел великий пост. Нужно было молиться и думать не о земном, а о вечном, а он метался по своему дворцу, и близкие к нему люди не узнавали его: куда девался мягкий взгляд прищуренных глаз, стеснительная улыбка округлого лица, неторопливые благожелательные движения рук? Перед ними явился жестокий, твердый в своих реше-

ниях властелин, человек с острым, непроницаемым взглядом серых глаз, с жесткими складками в углах губ, с окаменевшим волевым подбородком, воин с быстрыми четкими движениями.

Сын Вячеслав стоял перед Мономахом, слушал его короткие, будто рубленые, речи. Вячеславу завтра же отправляться в Ростовскую землю, половцы хана Кунуя догонят его в пути. На Клязьме он найдет Мстислава и вместе с ним ударит на Олега. «Не давайте ни пощады, ни спуска этому псу, — наставлял отец, — гоните его до издыхания, плените, если сможете, поставьте на суд перед князьями». Даю тебе в помощь свой стяг и свое благословение.

Вячеслав юный, нетерпеливый, гордый от возложенного на него отцом поручения, переминался с ноги на ногу, удивлялся на отца — всегда тихий в разговорах, он теперь лишь слегка возвысил голос, но столько гнева и страсти было в чуть более громче, чем обычно, звучащих словах, что казалось, будто Мономах сорвался на неистовый крик. Все во дворце затихло, чувствуя бурю.

В тот же день гонцы помчались к дружественным левобережным половцам, прося хана Кунуя пойти вслед за Вячеславом на север. Послы поскакали и в Киев к Святополку с объявлением ему вестей о начавшейся новой которе. Мономах предлагал киевскому князю после победы над Олегом привезти того на княжеский съезд и судить его всей землей.

К концу марта, загоня коней в рыхлом снегу, продираясь сквозь запоздавшие метели, Вячеслав и половцы вышли через Курск и вдоль окского берега к маленькому селению вятичей Москве в Ростовской земле, а оттуда на реку Клязьму, где переяславского князя ждали новгородцы.

Мстислав сидел в своем шатре, ждал брата, думал над речами, которые передали гонцы от отца, в которых была видна вся его неукротимая ненависть к Олегу, все его огромное желание убрать постоянного противника со своего пути и пути своих сыновей, но Мстислав не ощущал в себе этой ненависти и неукротимости. Теперь, когда был очевидным его перевес над войском Олега, ему стало снова жаль своего крестного отца. «Нет, — думал он, — кровавые битвы мы всегда уснеем совершить, не лучше ли договориться миром со стрием».

На следующий день к Мурому отправился очередной Мстислав гонец. Он вез предложение мира: «Я младше

тебя, обращай к отцу моему, а дружину, которую захватил, верни; а я тебе во всем послушен».

На этот раз Олег согласился начать переговоры. Он ответил, что готов сослаться послами. Олег лукавил, он хотел выиграть время, собрать побольше сил, опираться на города Муром и Рязань, подольше задерживать Мстислава в дремучих клязьменских лесах с тем, чтобы его войско исголодало и оголодало, а потом нанести ему внезапный удар. Писал об этом летописец: «Мстислав же, поверив обману, распустил дружину по селам... и, когда Мстислав обедал, пришла весть ему, что Олег на Клязьме, подошел тайком. Мстислав же, доверившись ему, не расставил сторожей».

Олег грозно встал напротив Мстислава стана, полагая, что новгородский князь устрашится его внезапного выхода из лесов и побежит прочь и можно будет без сечи, без потерь занять вновь всю ростовскую землю до самых верховьев Волги, но сын Мономаха проявил решительность и быстроту.

Едва весть о выходе Олега дошла до него, как обед был тут же прекращен, конные дружинники бросились по селам собирать новгородцев, ростовцев, белозерцев. В день войско Мстислава вновь было в сборе. И тут же пришла весть, что переяславцы с половцами вот-вот выйдут из леса в поле.

Теперь заколебался Олег. Четыре дня стояли друг против друга два войска, не решаясь начать сечу. В ночь на пятый день незаметно подошло к Мстиславу подкрепление из Переяславля. Братья встретились, расцеловались и решили завтра же ударить на врага. На рассвете Олег тайно и неожиданно сам двинул свое войско вперед, но Мстислав уже ждал его и послал в бой первыми своих новгородцев.

На правом крыле наступали половцы вместе с новгородскими пешцами. Кунуй развернул здесь стяг Владимира Мономаха и начал обходить Олегово войско с тыла. Половцы заняли близлежащий холм и засыпали противника тучей стрел, приводя Олеговых дружинников в смятение, а пешцы, прорубая себе дорогу боевыми топорами, неумолимо предвигались вперед.

В челе пеший строй Мстислава, где бились ростовцы и суздальцы, также теснил врага. Дружинники сошлись с коней, потому что верхами в такой толчее было трудно развернуться, и бились мечами рядом с новгородскими,

ростовскими, белозерскими смердами и ремесленниками, у которых в руках были боевые топоры и сулицы.

Вскоре Мстислав прогнул войско Олега и разорвал его надвое, отбросив в разные стороны. Сзади же все направили и направили половцы с другими новгородцами, а слева теснил своего стрыя юный Вячеслав. Олег еще хотел спасти битву, бросив против половцев свою конную дружину, и сам оборотился против них, но вдруг увидел стяг Мономаха. Грозный Спас трепетал на мартовском ветру, приводя в трепет муромскую дружину. Среди вопнов слышались возгласы: «Мономах! Мономах!» Олег и его воины не знали, что ночью переяславская рать присоединилась к Мстиславу, и теперь с ужасом смотрели на невесту откуда взявшийся Мономахов стяг. Смутился и Олег. Неужели Владимир сам пришел рассчитаться с ним за все обиды, за смерть Изяслава, за бесконечную его войну с Всеволодовым домом?

Теснимые со всех сторон противником, смятые, отколотые друг от друга, смущенные неожиданно для них подошедшей к Мстиславу подмогой, воины Олега дрогнули и побежали.

Мстислав приказал бегущих не преследовать, чтобы не дробить свое войско по тяжелым весенним лесам, и брать в плен лишь старших Олеговых дружинников и бояр, отбирая у них оружие.

Олег бежал в Муром, но не усидел там, оставил в городе брата Ярослава и ушел в Рязань. Войско Мстислава обступило Муром. Ярослав не сопротивлялся, он отдал Мстиславу всех плененных ростовцев и суздальцев, дал роту, что не поднимет больше оружия в братоубийственной войне.

Затем Мстислав приказал вынуть из раки тело Изяслава и отправил его похоронить к себе в Новгород.

Переждав несколько дней в Муроме и дав отдохнуть своему войску, Мстислав не торопясь пошел за Олегом вдоль берега Оки на Рязань, но и там он не застал Олега, потому что тот бежал в поле и скрывается невесть где. Только сведущие рязанские люди знали, где обретается Олег; с ними и со своим гонцом послал Мстислав новую грамоту крестному отцу: «Не бегай никуда, но пошли к брате своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя».

Мстислав все еще надеялся, что его любимый стрый опомнится, одумается, примирится с Мономахом, включится в общую русскую княжескую жизнь.

Посланные нашли Олега в далекой лесной займке на краю дикого поля. Он сидел в лесной истобке с несколькими верными дружинниками. В истобке топилась простая смердящая печь. Олег зябко кутался в овчинную шубу, слушал, что говорили ему посланные. Мстислав не пограбил ни Мурома, ни Рязани, Олегову княгиню и его детей содержал в Рязани в чести и довольстве, людей не пленил, городков и сел вокруг Мурома и Рязани не пожег и не пограбил. Это было для Олега ново и удивительно. Неужели Мстислав простил ему и смерть брата, и пожар Суздаля, и разгром ростовской земли, и недавнюю яростную битву. Было видно, что простил.

Олег поднялся, сбросил с плеч овчину, взял крест и поцеловал его в знак примирения и согласия на все условия Мстислава. Отказаться от мира означало бы, что ему надо было опять скитаться, бороться, собирать людей, воевать, жечь и убивать, а ему шел уже пятый десяток, и дети его становились взрослыми, и голова седела все больше после каждого взятого города и каждого сражения.

ЛЮБЕЦКИЙ СЪЕЗД

Владимир Мономах ждал гостей на парадном дворе Любечского замка. Ему только что сказали, что в город въехал великий князь Святополк Изяславич и теперь неторопливо подвигается к Замковой горе.

Мономах в окружении своих старых бояр, в сопровождении дружинников неторопливо же сошел с сени и встал около крыльца, улыбаясь, слушая неторопливый говор людей, наблюдая обычную в этих случаях взволнованную суету.

Еще совсем недавно казалось, что эта встреча всех видных князей Русской земли, договоренная еще после сокрушения Олега под Стародубом и еще раз подтвержденная после его бегства из Рязани, не состоится. Тогда Святополк и Мономах предложили князьям Киев, и кажется, это не вызывало разногласий, но теперь, к осени 1097 года, выяснилось, что в Киев не хочет ехать никто. Первым отказался Олег, сказав, что опасается оказаться полностью в руках своих бывших противников и

что количество дружинников, приведенных с собой князьями, должно быть равным. Выразил нежелание ехать в Киев и Василько Ростиславич, который не раз был там унижен старшими князьями. Заодно с Олегом отказались и его братья Давыд и Ярослав.

Тогда Мономах предложил Любеч — свой замок, в котором он не жил уже долгие годы, но который исправно, как и было наказано князем, содержал его огнищанин. Владимировы гонцы сказали князьям, что Любеч место укрепленное и безопасное в случае, если бы половцы захотели захватить князей, что в замке, в княжеском дворце могут все хорошо разместиться вместе со своими боярами, там хватит на многих людей и ествы, и питья, и он примет их как добрый и радушный хозяин, а порукой в их безопасности будет его княжеское слово и его честь.

Князья согласились. И стало ясно, что не страх перед киевлянами, никакие другие причины, а единственно нежелание признавать киевского князя, как прежде, над собой старшим, великим князем, руководило их отказом. Ни Ростиславичи, ни Святославичи не хотели более зависеть от Киева, но отказаться от княжеского съезда они боялись — за спиной Святополка стоял Мономах, а союз Киева и Переяславля был неодолим.

На съезд в Любеч съезжались, кроме киевского князя, Олег Святославич, его брат Давыд, Василько Ростиславич и Давыд Игоревич с Волыни.

Каждый из них ехал в Любеч со своими надеждами, жалобами, упреками, каждый мечтал сокрушить своих соперников в борьбе за столы, поживиться за счет соседа, отомстить обидчикам.

Волынские князья ехали порознь.

Давыд Игоревич постоянно ждал, что Василько и Володарь Ростиславичи, пользуясь тем, что ослабла державная рука Киева, а Святополка и Мономаха постоянно теснят половцы, прогонят его из Владимира-Волынского, заставят вновь скитаться меж волостями без стола.

Василько же едва терпел присутствие во Владимире-Волынском Давыда Игоревича.

В последние годы Василько Ростиславич, сидя в своем Терехове, сумел создать там сильное войско; он привлек к себе торков и берендеев, ходил с ними на Польщу, отнял у ляхов многие их города. Говорили, что вместе с Тугорканом, когда тот был еще жив, он несколько

раз ходил за Дунай и разорял византийские земли и вместе с половцами же совершил набег на венгерские земли.

Незадолго до Любечского съезда Василько витийствовал в своем теребовльском дворце. Захмелев во время обеда, он говорил о том, что скоро вместе с половцами, печенегами, торками и берендеями завоюет Польшу, отомстит за все выходы на Русь Болеславов I и II, за все разорения, которые учинили ляхи в русских землях. «Потом, — рек Василько, — пойду на Дунай, на землю греков, переселю болгар в свои земли и уже потом, объединив земли Польши, Болгарии и Волыни, нанесу окончательный удар по половецкой степи».

Люди слушали запальчивые речи Василька, потом несли их во Владимир-Волынский к Давыду Игоревичу. Тот бледнел от ярости и страха, потому что Василько действительно был князь смелый и предприимчивый. Его уже боялись и ляхи и греки и много дали бы золота за его светло-русую голову.

Доходили речи Василька и до Константинополя, до двора Комнинов. Они вызывали там беспокойство. Василько своими непредвиденными военными походами, постоянной готовностью к противоборству с соседями, громкими угрозами, поисками степных союзников вторгался в хитроумные расчеты византийских политиков, путал их расчеты. И из Константинополя ехали во Владимир-Волынский к Давыду Игоревичу, отяжеленные золотом, дорогими подарками льстивые послы, уговаривали волынского князя унять Ростиславичей, особенно теребовльского князя.

Олег хотел восстановить в Любече свою попорченную честь, вернуть себе Чернигов, а брату Давыду Смоленск.

Святополк видел, что его власть над всей Русской землей тает, как утренний туман над темной днепровской гладью. Он и боялся князей, и хотел их по-прежнему заставить служить Киеву, и оглядывался беспрепятственно на Мономаха. Именно в надежде вновь укрепить свою власть над Русской землей торопился Святополк в Любеч; и пусть князья соберутся не в Киеве, он стерпит и это, главное, чтобы было все как при отце — князе Изяславе.

Лишь об одном никто из них не думал всерьез — о том, ради чего собирал всех их Мономах в своем замке, — о единении усилий в борьбе со степью, которая с каждым годом укрепляла свою военную мощь, свое единство в нескончаемой войне с Русью.

Судьба уготовила Мономаху с молодых лет быть князем в русских приграничьях — половцы и ляхи, торки и угры, печенеги и берендеи — сколько битв с ними было проведено, сколько походов предпринято, сколько проведено в седле бессонных ночей и получено ран в нескончаемых сечах, а покоя Русской земле не наступало ни на один месяц. Половцы теснили Переяславль и Киев со всех сторон, и Мономах понимал: чтобы отстоять свои столы, сохранить завещанный Ярославом порядок на Руси, при котором есть князья, бояре, дружинники, духовные пастыри, владеющие землями, стадами, лесами, водами и есть смерды, ремесленники, челядь, зависимые люди, удел которых работать на своих господ, — для всего этого сегодня и завтра и во веки веков необходимо единство этих подозрительных, жестоких, алчных властелинов, единение их дружин, их крепостей.

Окруженный со всех сторон степными врагами, переяславский князь в эти дни смотрел дальше своих братьев и племянников и понимал то, что они, отсиживаясь по своим дальним, внутренним стольным городам, не могли понять.

Но как совладать с этой вольницей, чем припугнуть их, заставить взглянуть на степь его, Мономаха, глазами, увидеть, что только общерусские походы в глубь половецкого поля способны оградить Русскую землю от тяжкого ярма ежегодных изнурительных нашествий, нескончаемых даней, поборов, унижительных, вырываемых силой миров!

Озабоченный, неуверенный в исходе всего дела, Мономах со спокойной улыбкой сделал шаг навстречу брату Святополку, когда тот, проехав через въездные ворота и миновав вежу, вступал на парадный двор Любечского замка.

Братья поздоровались за руки, обнялись, поднялись на сени, следом двинулись бояре и дружинники.

В тот же день к вечеру в Любеч прибыли Святославичи. Они встретились в Чернигове у Давыда и потом уже дорогу продолжали вместе.

Олег, хмуро озираясь, проехал по подъемному мосту, сквозь въездные ворота замка, через долгий проход во внутренний двор. Его цепкий взгляд бывалого воина, оборонявшего и бравшего приступом не одну крепость, отмечал все те хитрости, которые были придуманы здесь для долгой и упорной обороны. «Да», — сказал он бра-

ту, когда они, миновав вежу, въехали на парадный двор. И Давыд понял его: взять такой замок будет не просто.

Мономах не видел Олега с тех самых пор, как они расстались под Стародубом. За это время сколько произошло между ними браней, и сколько было сожжено в уголь городов, и сколько случилось смертей и среди них убийство Изяслава Владимировича. Ненависть и месть, самолюбие и гордость шли с ними рука об руку все эти годы, и вот теперь двоюродные братья стояли друг против друга, сойдясь для мирного разговора и мирного устроения.

Олег поседел, ссутулился, пропала его молодцеватая осанка, легкие, быстрые, горделивые движения; поступь стала неуверенной, тяжелой. Лицо Мономаха за эти же годы расплылось, округлилось, исчезла юношеская впасть щек, верхние веки слегка обвисли, и от этого глаза стали казаться меньше, волосы со лба совсем поредели, и легкий ветер шевелил этот рыжеватый редкий пушок, а Владимир, как в молодости, приглаживал их всей ладонью. Зато подбородок его отвердел, стал массивным, упрямым, а линия губ — жесткой, презрительной. При одном взгляде на его лицо было видно, что человек этот привык к власти, к тому, чтобы ему повиновались другие, привык отдавать приказы.

Олег, замедлив шаг, подошел к Владимиру; неуверенно остановился и Мономах, не чувствуя к своему двоюродному брату ни ненависти, ни прежней любви, а просто сознавая, что он должен на этом княжеском съезде добиться своего и объединить князей в борьбе со степью, сделал шаг ему навстречу и протянул руку. Олег с облегчением протянул свою. Мир между братьями был восстановлен.

Василько приехал веселый, светловолосый, в пурпурном плаще, сопровождаемый шумной молодой дружиной.

Незаметно появился коренастый, большоголовый Давыд Игоревич.

Свещание начал в княжеской парадной палате Владимир Мономах. Он обвел глазам палату, наполненную людьми. Князья сидели на лавках за длинными дубовыми столами, укрытыми тяжелыми византийскими скатертями, рядом теснились их видные смысленные люди, мужи, поседелые в боях и междукняжеских спорах, знавшие лучше самих князей всю Ярославову лествицу и то, когда, где, за кем были те или иные столы и кто кому

нанес какие обиды и совершил клятвопреступления по меньшей мере за последние 150 лет.

— Братья и сыновья любезные, — сказал Владимир, — вы видите и ведаете, какое настроение в Русской земле, какие междоусобия идут между нами, внуками и правнуками Ярослава, как сами мы губим Русскую землю, делая сами на себя бесконечную котору. Поссорясь о малом владении, не прося суда и расправ у старейших, мы чиним сами на себя управу силой оружия, разоряем и грабим свои дома, побиваем смердов и ремесленников, жжем и грабим села и города. А половцы землю нашу несут розно и радуются, когда между нами встанет рать. И вот они уже нападают на наши пределы, уводят людей в плен, разоряют все, что мы и копим и наживаем, и многие места русские стоят пусты. Ведь известно вам, что половецкие ханы говорят: «Пойдем и силой завладеем их городами. Кто избавит их от нас?» Кто же, братья и сыновья? Настало время собраться нам и посмотреть, кто чем обижен и кто у кого отнял неправдой земли или что иное, и пусть возвратим по правде что кому принадлежит и восстановим единение в мыслях и в сердце своем, чтобы совместно блюсти Русскую землю.

Мономах продолжал говорить еще о важности единства всех русских воинских сил против объединяющихся половцев, о необходимости самим двинуться на половецкие вежи, а в палате уже нарастал шум, слышались выкрики князей и бояр. Люди Святополка обвиняли Олега в том, что он первым воткнул между ними нож и привел половцев на своих братьев.

Киевский князь поддержал Мономаха. Он жаловался на то, что князья перестали слушать его как князя старейшего и не чтут более Киев за мать русских городов.

Олег отвечал людям Святополка, долго говорил о том, что все началось с нарушения сыновьями Ярослава установленного им самим порядка. Почему Всеволод захватил земли Святослава и всех Святославичей, почему его, Олега, лишили после смерти отца Чернигова и загнали в Тмутаракань? И кто теперь вправе упрекать его за начало междоусобиц. Давыд и Василько жаловались друг на друга, обвиняли в вероломстве и сговоре с врагами.

Потом князья разошлись и весь вечер совещались со своими боярами, а те наставляли их, вспоминали все новые и новые обиды, заставляли просить для себя прибавления к своим княжеским владениям, потому что бы-

ло ясно, что съезд установит порядок, который князья будут поддерживать силой оружия.

Следующий день вновь прошел в просьбах, перечислениях обид, сведении старых счетов. Бояре же следили, кто на кого и как посмотрел, какие князья встречались между собой после совещания в Мономаховой гриднице.

Святополк и Владимир сходились вместе вечером и думали, как лучше разделить Русскую землю и как лучше объединить князей для войны с половцами, но как они ни раскидывали, одно постоянно мешало другому. Все чаще и чаще во время совещания князья и бояре говорили: пусть каждый держит свою отчину, — тогда не будет новых котор, а порядок, который мы установим, сами же и будем хранить по крестному целованию.

Святополк противился этому. Принять такое устройство — значило бы свести на нет главное в завещании Ярослава — хранить первенство за старшим в Ярославовом роде, почитать его за верховного князя, которому повинуются все остальные. Святополк видел, что не только иные князья, но и сам Мономах не очень-то настаивает на возвращении к прежнему порядку старшинства. Да это и понятно — Переяславль за последние годы при Мономахе выдвинулся на второе после Киева место, оттеснив Чернигов, на Мономаха смотрят все мелкие князья, его боится половецкая степь и зачем ему ходить под рукой его, Святополка.

Братья вспоминали, как еще под Стародубом они спорились никогда более не сажать Олега в Чернигове, не давать ему большого стола, и вот теперь надо было решить и это дело.

Митрополит Николай, что встал на киевскую митрополию в 1096 году после недавно умершего Ефрема, совещал князей, призывал их заботиться о христианах, страждущих под постоянным страхом половецкого нашествия. Обращаясь к сидящим на лавках хмурым чадам, он призывал их прислушаться к голосу переяславского князя, радетеля за всю Русскую землю, договориться о совместных походах против поганых.

Снова говорил Владимир Мономах, рассказывая о делах в западных странах, владыки которых в борьбе против неверных, овладевших гробом господним, объединились и в прошлом двинулись на Иерусалим. А они начинали вот так же, собравшись в 1095 году на Клермонский собор во Франции, и там выступил папа римский Урбан II и призвал владык к единению, как и здесь их при-

зывает митрополит Николай. Бояре ерзали на лавках, удивлялись на Мономаха, и откуда он все знает и про западных владык, и про папу римского, и про Иерусалим.

Наконец наступил час, когда можно было объявить князьям утвержденный всем съездом новый порядок.

Объявлял его по старшинству Святополк Изяславич. К его роду, как это было и при его отце Изяславе, относились города Туров, Пинск, Слуцк и другие до Буга по этой стороне реки Припяти, за ним оставался и Киев со всей землей до реки Горыни.

Владимир Мономах, которого провозгласил великий князь вторым после себя, получил земли отца своего Всеволода — Переяславль, Ростов, Суздаль, Смоленск. Святославичам оставили их прежние земли — Чернигов, Муром и Тмутаракань, а также северские земли. Чернигов отдал старшему в роду — Давыду, а следующему брату — Олегу, за все его козни, насилия, дружбу с половцами определили на житие Северу¹, а Муром отдали третьему брату — Ярославу.

Определили столы в волынской земле: Давыду Игоревичу оставили Владимир-Волынский, а за Ростиславичами — все червенские города, за Василько Ростиславичем закрепили Теребовль, за Володарем — Перемышль.

Потом в той же палате, где шло свещание, князья целовали крест. Митрополит Николай стоял в углу палаты под образами, держа в руках большой серебряный крест, а князья один за другим подходили к митрополиту, преклоняли колена, притрагивались губами к кресту. И каждому митрополит говорил: «Если теперь кто на кого покусится, против того будут все и крест честной». И каждый отвечал: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская».

Свещание закончилось большим пиром на сених.

А наутро князья покидали Любеч.

Святополк и Давыд Игоревич уехали в Киев, следом за ними двинулся Василько Ростиславич, решивший побывать в Михайловском Выдубицком монастыре и поклониться святому Михаилу. Святославичи же отправились вместе в Чернигов, откуда Олег должен был уйти в Северу, где ему по наказу княжеского съезда и надлежало жить. Владимир на несколько дней остался в Любече с тем, чтобы позднее, объехав свои села и устроив все хозяйственные дела, двинуться отсюда назад в Переяславль.

¹ Позднее Новгород-Северский.

Но не успел он отправиться в свой столичный город, как гонец принес из Киева страшную весть: только что Святополк и Давыд захватили Василька Ростиславича, ослепили его, и теперь люди Давыда везут теребовльско-го князя во Владимир.

В тот день Владимир Мономах сидел на сених своего Любечского дворца и смотрел сверху, как на дворцовой площади на празднике в честь окончания княжеского съезда забавляли людей скоморохи. Они потешали простую чадь тем, что изображали только что закончившееся свещание князей. Потом заиграли гуслиры, и чадь стала петь песни. Все это было противно церкви, но Мономах не давал попом гонять скоморохов и гуслиров: люди, думал он, должны веселиться без страха, да он и сам любил посмотреть на забавные скоморошья проделки и кое над чем подумать после их представлений.

Эта осень выдалась в поднепровье теплой, и люди на площади веселились долго. По приказу Мономаха здесь же, около дворца, были расставлены столы, на них стояли меды, разная ества — князь угощал свою чадь.

Все было хорошо. После последних трех голодных лет в это лето уродились и жито, и пшеница, и рожь, и репа, и другое. Все клети, амбары и корчаги в его хозяйских владениях были набиты всяким припасом. Отстроились села после губительных разорений междукняжеских войн и пожаров. И, наконец, прекратились и сами княжеские междоусобия. Правда, за счет того, что теперь каждый князь был независим от другого, порядок старшинства, подчинения всех остальных княжеств Киеву рухнул. Но для Мономаха это не было большой бедой — что ему была за охота быть подручным у Святополка! И зачем слепо держаться за порядки, которые уже изжили себя.

Но теперь установлен новый прочный, как казалось, строй, который поможет всему Ярославову дому совместно блюсти Русскую землю, объединять силы в борьбе с половцами, а для него, переяславского князя, это было главным. Князь же, поднявший меч на своих сородичей, будет наказан всеми остальными, а это кое-чего стоило. По сути дела, Переяславль стал вторым городом на Руси, Святославичи в этом новом порядке оттеснены, загнаны в дальние города — Северу, Муром. И это тоже стоило кое-чего.

Он сидел на темных сених, не разрешая зажигать свечей, смотрел на темную громаду любечских стен и умиротворялся сердцем и разумом.

В это мгновение послышался конский топот, и, огибая вежу, на дворцовую площадь въехал всадник. То были вести из Киева.

И сразу же рухнул с таким трудом созданный порядок.

Гонец рассказал, как Давыд Игоревич наущал великого князя захватить Василька и как того схватили во дворце Святополка, а потом люди Давыда увезли его в Белгород и там в простой избе совершили над ним ужасное насилие, повалили на пол, придавили грудь доской и сели на нее так, что захрустели кости, и торчин острым концом ножа вынул глаза Василька. Затем Василька завернули в ковер и повезли на Волынь, где заключили в темницу.

Теперь кругом война: Святополк и Давыд против Василька и Володаря; вновь поднимутся обиженные Святославичи; новые распри, войны, разорения и неминуемые набеги половцев.

Этого Мономах допустить не мог. Есть же рота, есть крестное целование. Весь русский мир был этому в послухах.

Наутро он приказал собирать в Любеч войско и послал гонцов к Давыду и Олегу Святославичам. Их надо сегодня же сделать своими союзниками, иначе завтра они станут врагами.

Гонцы везли к Святославичам речи Мономаха: «Приходите в Городец, чтобы поправить зло, створившееся в Русской земле и среди нас, братьев, — нож ввержен в нас. И если этого не поправим, то большое зло явится среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, завладеют землей Русской».

На этот раз Олег, наученный горьким опытом прошлого, не стал перечить Мономаху и откликнулся сразу. И он и Давыд сообщили, что вскоре будут вместе с дружками у Остерецкого городка, и действительно, через несколько дней выступили на Десну. Мономах, прождав братьев на Десне, двинулся к Киеву и велел им искать его в бору напротив города.

Один день простоял Мономах в бору, когда сторожки донесли, что по лесной дороге движется большое войско.

Вскоре братья уже сидели в шатре у Мономаха и договаривались о дальнейших действиях.

Олег домогался сразу идти на Киев и взять его при-

ступом. Мономах понимал, что Олегу никогда не быть киевским князем, что он ненавидит Святополка за Стародуб, за Любеч, за то, что киевский князь слаб и корыстолюбив, и отомстить ненавистным киевским боярам, взять добычу, которая поправила бы его личное состояние и состояние его смысленных людей, потерявших многое во время межкняжеской войны в 1096 году, представлялось Олегу весьма заманчивым. Но это не входило в расчеты Мономаха. Киев был для него особым городом: здесь княжил его отец, здесь, он надеялся, как самый сейчас сильный князь на Руси, как прямой наследник византийских императоров, будет княжить и он, а взять город на щит означало бы навеки потерять поддержку киевлян. Они проклянут его и его род во веки веков. Нет, брать Киев приступом было нельзя.

Шло время, а братья все спорили в шатре, и ближние их бояре поддерживали этот спор, вступая в него все с новыми и новыми речами.

Помог спокойный, уравновешенный Давыд Святославич. Он не вмешивался в княжеские браки, принимал те города, которые ему давали, и теперь, не желая участвовать в новой войне, стоял на том, чтобы послать для начала послов к Святополку и решить все дело миром.

Сказали послы Святополку: «Зачем ты зло учинил Русской земле и сверг нож между нами? Почему ослепил брата своего? Если бы у тебя была какая вина на него, то обличил бы его перед нами и, доказав вину его, и створил бы с ним так; а ныне объяви вину его, за которую ты учинил с ним это».

Святополк прислал ответные речи: «Поведал мне Давыд Игоревич, что Василько брата моего убил Ярополка, и меня хочет убить и занять власть мою, Туров и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире. А надо мне свою голову блюсти. И не я его ослепил, но Давыд, который и привез его к себе».

И новые речи пошли в Киев: «Не ссылайся на то, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе был он схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят он и ослеплен». Святополк полностью отрицал свою вину за новую княжескую распрю, все яснее и яснее намекая на желание Мономаха овладеть Киевом. И чем откровеннее говорил об этом Святополк, тем в большее негодование приходил Мономах. Конечно, все это злостный навет, зачем ему шальной мальчишка Василько, чем он может помочь

ему; но речи Святополка затронули, взбудоражили его истинные мечты о киевском столе, подняли из глубин души постоянно тлеющие надежды. И за это Владимир еще более негодовал на Святополка.

После последнего ответа киевского князя стало ясно, что он не намерен просить у князей прощения, не хочет наказания Давыда, слагает с себя вину за начавшуюся распрю и готов к рати. Теперь князья решили перейти Днепр и обступить Киев. Вскоре первые их дружинники переправились через Днепр.

С киевских гор люди смотрели, как дружины союзных князей вышли из бора на днепровский берег, и тут же в городе началось великое волнение. Поднялись бывшие там приспешники Святославичей и Всеволодова дома, княжеская дружина заколебалась, и близкие к Святополку люди советовали ему бежать из Киева, а это означало бы отдать город в руки Мономаха. Тогда выступили другие, и их было больше, которые уговаривали Святополка покончить с князьями дело миром, не пускать Мономаха в город. Киев бурлил, начали волноваться слободы, по улицам побежала челядь. В этот час Святополк, не надеясь на киевлян и боясь народного восстания, решил бежать из города.

Весь день шло свещание смысленных киевлян; было ясно, что город находится накануне больших потрясений, и каков будет их исход, никто сказать не мог. Но ясно было и другое: надо было спасти свои дома, богатства, земли от волнующихся смердов, ремесленников, городской голи.

Именно смысленные люди настояли на том, чтобы князь выслал к Мономаху митрополита Николая, к которому с уважением относился переяславский князь, и Всеволодову вдову, его мачеху — Анну, которую он чтил и слушал.

Едва Мономах в ладье переправился на правый берег Днепра, как от города к нему двинулось посольство. Впереди шел митрополит с епископами и игуменами, следом — княгиня Анна со своими людьми, за ними видные киевские бояре.

И митрополит и княгиня просили Владимира и князей не начинать войны, не губить Русской земли, не радовать половцев, которые не преминут воспользоваться новой княжеской войной и придут в Русь. И еще митрополит и Анна рассказали Владимиру про то, как бегают по городу взбудораженные холопы, и все большие люди

находятся в большом страхе и смятении. Сегодня надо думать не только о своих обидах и счетах, но и о всей Русской земле, которую завещали им деды и прадеды.

Мономах слушал митрополита и мачеху, и в памяти у него вновь всплывали страшные дни 1068 года, когда разнуданная голь на несколько дней захватила Киев и громила дома богатых людей. Рушился богом установленный порядок, каждый холоп стремился стать господином, а прирожденные властелины спасались бегством по пригородным дорогам. Нет, до этого он не допустит никогда, пусть даже ему придется примириться со Святополком. Перед ним вставала страшная картина народного неустойства, которая пугала его больше, чем любой самый неистовый половецкий набег.

Потом они остались вдвоем с княгиней, и она снова и снова уговаривала его не идти на Киев, не ввергаться в начавшуюся в городе смуту, а у них своих сил хватит, чтобы вновь загнать челядь во дворы и утихомирить голь, Святополк же выполнит все, что ему скажут князья-союзники.

Кажется, Киев был для него совсем рядом. Вот он лежит перед ним, почти беззащитный, тревожа душу куполами своих храмов, торжественный и прекрасный, мать городов русских, одно прикосновение к которому вливает в душу крепость и силу, власть и гордость, а обладание им возвышает бесконечно в сонме властелинов земли. И кто может соперничать с владыкой Киева? Может быть, только византийский император! И ныне никто не смог бы ему помешать занять киевский стол — Святославичи с ним в союзе, Давыд залег на Волыни, ничтожный Святополк никому не нужен. Но в эти расчеты вторгались новые неведомые силы — киевские низы, и пренебрегать этим было нельзя. К тому же Святополк уйдет в изгнание, и кто знает, с чем и когда он вернется.

И Владимир согласился со словами Анны. Теперь вновь начались ссылки послами, и Святополку был дан наказ: «Это Давыдова сколота¹, так ты иди, Святополк, ча Давыда и либо захвати, либо прогони его».

На этом двоюродные братья целовали крест.

К этому времени стало известно, что Давыд захватил Теревовль и иные владения Василька Ростиславича, а самого его держит у себя во Владимире под стражей в том же доме, куда посадил его вначале. Теперь становилось

ясно, что захват Василька и его ослепление — это дело рук Давыда Игоревича, за которым едва ли не стояли греки или ляхи, которым весьма досаждал неуемный Василько.

Киевская дружина во главе со Святополком двинулась на Волынь. Вслед за Святополком туда же направился и Владимир Мономах, не доверявший киевскому князю. Олег и Давыд Святославичи возвратились в свои города.

Братья послали к Давыду Игоревичу послов и потребовали, чтобы он немедленно вернул Васильку захваченный Теревовль и оставался сидеть во Владимире, как это было договорено на Любечском съезде.

Ответ с Волыни был неожиданным: к князьям пришел посол от самого Василька — его дружинник Кульмей и сказал, что Василько с Давыдом помирились, что вначале Давыд никак не хотел возвращать Теревовль Васильку и предлагал ему другие города — и Всеволож, и Шеполь, и Перемышль, но в конце концов уступил, и теперь уже сам Василько просит князей возвратиться домой и не проливать зря кровь, а они с Давыдом сами разберутся в своих владениях.

Шел декабрь 1097 года. Тепло давно кончилось, и пронизывающие ледяные ветры дули с востока, из придонских степей. Путь до Волыни был далек и труден в эту зимнюю пору, и Святополк с Владимиром решили повернуть назад.

Сколько раз потом Мономах клял себя за это решение. Ведь еще при Всеволоде Давыд без конца хитрил, обманывал, коварством стремился захватить земли соседей, жаловался на них, и вот Мономах оставил его один на один с Ростиславичами. Надо было дойти до Волыни, разместить там часть своей дружины, утвердить порядок владения столами...

Зиму 1097/98 года Мономах провел в Переяславле, и именно в это время на юго-западной русской границе началась новая страшная междоусобица, которая, казалось, перечеркнула все обнадеживающие результаты Любечского съезда. В нее оказались втянутыми все волынские князья, Святополк киевский, венгры, ляхи, половцы.

До Переяславля, Чернигова, Северы, Муромы, Новгорода лишь доходили раскаты этого отдаленного грома, этой грозы, в которой гибли люди, лишались жизни князья, рушились столы, и вмешаться в эту котлору, остановить ее не было сил даже у Мономаха.

¹ Ссора.

Святополк двинулся на Волынь лишь в 1099 году. К этому времени там разразилась большая война. Давыд Игоревич, хотя и освободил Василька, но отказался вопреки договору с князьями возвратить ему захваченный Теребовль и другие города и говорил, что Василько сам добровольно отдал ему свою волость.

Весной Давыд отправился занимать города теребовльского князя, но на самую пасху 1098 года ему навстречу к Бужску вышел брат Василька — Володарь Ростиславич. Давыд затворился в Бужске, и Володарь потребовал у него выдачи брата.

Долго шли переговоры. «Отпусти брата моего, и я с тобой помирюсь», — сказал Володарь, и Давыд согласился.

Володарь ужаснулся, увидав брата: высохший, с заметной сединой в светлых волосах, с огромными черными впадинами вместо глаз, он неуверенно шел к нему навстречу, пробуя дорогу робкими шагами. Перед ним, казалось, был сломленный, выкинутый из жизни человек, но голову Василько держал, как и прежде, высоко, будто всматривался куда-то вдаль пустыми глазницами. И угадывались в этой гордо поднятой голове мятежный дух и неизбывная гордость.

Братья обнялись. Володарь заплакал, запричитал, а Василько молча прильнул к нему, уткнулся головой в плечо. Давыд стоял неподалеку, смущенно переминался с ноги на ногу.

Василько вновь сел в Теребовле, а Володарь отправился к себе в Перемышль. Но едва Давыд вернулся во Владимир, как до него дошла весть, что братья, собравшись, пошли против него войной и уже обступили Давыдов город Всеволож.

Давыд еще не успел собрать войско, как ему стало известно, что братья взяли Всеволож приступом, зажгли его и избili всех людей, бежавших от огня.

Особенно свирепствовал Василько. Он приказал пленных не брать, сечь всех поголовно.

Давыд затворился во Владимире, а братья вскоре обступили главный город Волыни. Не приступая к осаде, они послали своих людей к горожанам и объявили, что воюют не с ними, а с Давыдом и требуют, чтобы им выдали тех, кто учинил расправу над Васильком, — Туряка, Лазаря и Василя. В этом случае обещали город пощадить. Городское вече согласилось с требованием Ростиславичей

и предложило Давыду выдать своих людей братьям. «В противном случае, — сказали горожане, — отворим городские ворота, а ты сам промышляй о себе».

Давыд поначалу согласился, но дал возможность своим приспешникам бежать: Туряку — в Киев, а Лазарю и Василю — в Турийск. И тогда снова подступили горожане к Давыдову дворцу и потребовали — от князя выдачи своих дружинников. «Выдай, кого от тебя хотят! А если нет, то сдадимся», — кричали ему.

За Василем и Лазарем была послана стража, и вскоре Давыд выдал братьям их обоих.

А на другой день на рассвете Ростиславичи повесили Василя и Лазаря за ноги на специально сколоченных для этого виселицах и приказали расстрелять их тела из луков.

Так Василько рассчитался со своими обидчиками.

После этого братья ушли в свои волости.

И лишь в это время двинулся Святополк на Волынь, как обещал Мономаху и Давыду и Олегу Святославичам. Но было ясно, что не для расправы с клятвопреступником Давыдом, не для восстановления погрязших прав идет Святополк на Волынь, а для того, чтобы вернуть волость, как это было в стародавние времена, Киеву. Это стало видно уже из того, что киевский князь направился сначала к Берестью, где встретился с польскими князьями, противниками Давыда. Тот бежал в Польшу к королю Владиславу, прося помощи и против князей, и против Святополка.

И началась новая большая игра, и ляхи включились в нее, приведя к Бугу свою рать. В конце концов Святополк выбил Давыда с Волыни.

Теперь, нарушив все обещания, данные братьям под Киевом, Святополк вторгся в волости Ростиславичей. На Рожном поле, что находилось в верховьях Буга неподалеку от Звенигорода, Святополка ждало объединенное войско подошедших сюда Ростиславичей.

Отчаянно дралась в этой сече дружина Василька, и Святополк первым не выдержал ее натиска и, бросив своих людей, побежал во Владимир-Волынский.

Ростиславичи его не преследовали и решили стоять на своей меже — не захватывать чужих волостей, вернулись в свои города Теребовль и Перемышль.

Святополк же, изгнав Давыда, посадил во Владимире своего сына Мстислава, а другого сына Ярослава послал

к венгерскому королю Коломану уговаривать к выступлению против Володаря, обещая отдать венграм часть перемышльских земель.

Венгры во главе с Коломаном и двумя епископами двинулись на Волынь и осадили Перемышль, где накрепко затворился Володарь Ростиславич, а вместе с ним его семья и семья Давыда Игоревича, который вдруг появился из Польши, помирился с Ростиславичами против Святополка и венгров. Самого же Давыда в городе не было: он с несколькими людьми поскакал в степь на поиски своих старых друзей — половцев.

Давыд нашел давнего недруга русских земель — Боняка, который осквернил Печерский монастырь, не раз выжигал русские города, встревал во все междукняжеские усобицы, поддерживая князей — братоубийц и клятвoprеступников. Вот и на этот раз Боняк быстро появился на Волыни. В междуречье рек Вагра и Саны, под самым Перемышлем, Давыд и Боняк разбили войско венгров, убили в сече одного из епископов, пленили многих венгерских знатных воинов. Король спасся бегством. Ярослав Святополчич бежал в Польшу, а Мстислав затворился во Владимире.

Давыд же, захватив Сутейск, Червен и другие города, осадил Владимир. Во время одного из приступов погиб Мстислав Святополчич, пораженный стрелой, пролетевшей в скважину между досками деревянного крепостного забрала. Стрела попала ему под пазуху, и ночью молодой князь скончался.

Теперь взмолились владимирцы и послали за помощью в Киев, сказав Святополку: «Вот сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят предаться, не могут терпеть голода».

Киевская рать вновь двинулась на Волынь.

Два лета было потрачено на эту котору. Издали следил Мономах за междоусобицами князей. Да и что он мог сделать один, когда все они, за исключением Олега, затаившегося в Севере, оказались в страшном смертоубийственном водовороте. Горели города, и падали в сечах воины, вытапывались цоля смердов и грабились подчистую лавки купцов и мастерские ремесленников. Венгры, ляхи, половцы приходили на Русь, включаясь в княжескую котору, и уходили вспять, увозя с собой возы награбленного добра, сотни гривен золота. Князья захватывали друг друга и мирились, обступали города и морили

их голодом и снова мирились, чтобы наутро преступить крестное целование.

И когда через два года закончилась котора, то все оказались на своих местах, на своих столах, будто и не было этих двух страшных, последовавших за Любечским съездом лет.

Их отзвук доходил в Переяславль в виде посольств, которых засылали к Мономаху враждующие князья. То Святополк слал к нему людей и жаловался на Давыда и Ростиславичей, то Давыд просил его учинить суд над Святополком, гнавшим его из Владимира, то Ростиславичи просили переяславского князя унять Давыда, приведшего на Русь орду Боняка.

А Мономах сидел, не двигаясь, в своем стольном городе. Он продолжал укреплять Переяславль, отстроил заново сожженный в бытность половцами Остерецкий городок. Война в эти два года обходила его стороной. Затихли на время и половцы после отчаянных схваток с объединенными силами киевского и переяславского князей.

Мономах в эти годы побывал в Ростове и Суздале, которые быстро отстраивались после пожаров и разорений все того же несчастливого 1096 года, заезжал он в Смоленск и в Любеч. И всюду вместе с ним ехала Гита. Ей было уже за сорок. Она стала чаще болеть, потеряла прежнюю легкость и стремительность в походе, теперь уже не выезжала на охоту вместе с князем и перестала садиться на коня, но упорно интересовалась всеми делами княжества, следила за жизнью своих сыновей: ведь они сидели и в Новгороде, и в Ростове, и в Смоленске, становился юношей Святослав, подрастал и маленький Юрий, которому тоже нужен был стол. Она тряслась в летнем возке под жарким молодым июньским солнцем, укачивалась и засыпала под медвежьей полстью в зимнюю стужу, слыша сквозь сон завывание метельного ветра, а потом, сидя рядом с Мономахом, слушала молодые запальчивые речи сыновей, постигала цепким, практичным женским умом тайные нити междукняжеских хитростей.

Он привык к ней, к ее частому молчанию и отрывистым словам — Гита хотя и освоила в совершенстве славянскую речь, но стеснялась много и долго говорить по-славянски, — к ее сосредоточенности и деловым немногословным советам, к ее постоянной готовности поддержать его, ободрить, успокоить.

Когда междоусобица затихла, сошла на нет, исчерпав все свои явные и тайные возможности, стало ясно, что больше всех в выигрыше от нее остался не участвовавший в ней Мономах. Он не потерял ни одной волости, города его не горели и не разорялись, но лишь отстраивались и укреплялись, войны не гибли в ожесточенных сечах и иступленных приступах. По мере того как и Святополк, и Давыд, и Ростиславичи вели на Русь по очереди венгров, ляхов, половцев, Мономах оставался в стороне от сговоров с иноземными владыками.

Он не раз говорил своим ближним людям в Переяславле и Ростове, Суздале и Смоленске, что вести на Русь иноплеменников ради своих княжеских выгод — это большой грех и преступление перед Русской землей, и эти слова Мономаха шли по земле, разносимые его приспешниками и всеми, кто был недоволен княжеской кторой, кто старался сохранить единство Руси. А такие люди были и в Киеве, и в Чернигове, и на Волыни и в иных местах, — видные воеводы и бояре, митрополит Николдай и печерские монахи, которые искони стояли за сильную, независимую ни от каких иноземных влияний Русь.

Чем шире и ожесточенней катилась по Русской земле котора, тем больше возвышался в отдалении облик Владимира Мономаха — устроителя Любечского съезда, противника половцев, князя, охранявшего русское приграничье; тем больше суетных послов прибывало к нему в Переяславль, выговаривая обиды князей друг на друга, сея пустые, никчемные словеса.

Летом 1100 года старшие князья наконец уговорились вновь собраться на совет, чтобы окончательно прекратить междоусобицу, спросить строго с ее зачинщика — Давыда Игоревича. Святополк звал князей в Киев, но, как и в прошлый раз, князья отказались ехать к нему. Кроме того, было видно, что Святополк хочет закрепить за собой Владимиро-Волынский стол, и Мономах со Святославичами не хотели столь большого усиления Святополка. А тот как паук ткал, не торопясь, свою паутину: обвинял во всем Давыда, подговаривал против него Ростиславичей, упрекал среди своих людей Мономаха, что его сын Мстислав сидит в Новгороде не по чину, что испокон века там сидели дети старшего, киевского князя — и Владимир Ярославич еще при Ярославе Мудром, и он,

Святополк, при Изяславе. Теперь же там — место его, Святополкова сына. Мономах слушал доходившие до него вести из Киева и понимал, что Святополк в обмен на Новгород будет требовать Владимир-Волынский. Обставлено же все будет по-иному — как наказание Давыда за своеволие и клятвопреступление.

Но противиться Святополку — значило бы начинать новую распрю, между тем как в степи на правом берегу Днепра все более и более усиливался Боянк, а Шарукан создал между Доном и Днпром огромное объединенное половецкое царство и грозил Русским землям новой нескончаемой войной.

Во второй половине августа князья съехались в небольшой городок Витичев, что стоял на речке Вете неподалеку от Киева.

Они разбили свои шатры под городом, сели там в окружении своих бояр и дружинников: Святополк, Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи, Давыд Игоревич. Володарь прислал с жалобой на Давыда Игоревича своего посла.

Князья решили пригласить Давыда и объявить ему все его неправды.

И вот все они сидят на ковре в шатре Святополка, а напротив них сидит на ковре же Давыд Игоревич. Князья молчат. Давыд смотрит на них трусливыми, бегающими глазами, наконец набирается духу, спрашивает: «Зачем звали меня? Вот я. У кого на меня жалоба?»

От имени князей ему ответил Мономах: «Ты сам прислал к нам: «Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на причиненную мне обиду». Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — так чего же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?»

Давыд молчал. Молчали и князья. И что он мог сказать им, на кого мог пожаловаться — на Мономаха, который увещевал его вернуть волости Ростиславичам, на Святополка, которого братья послали унять его, на Ростиславичей, кого он изгонял из Теробовля и Перемышля?

Сломленный, погрубевший, ссутулившийся, сидел Давыд на ковре, чувствуя, что на этот раз князья объединились против него, что они уже сталкивались между собой, поделили его волость. Потом братья сели на коней и отъехали к своим станам; переговоры между ними продолжались, но уже без Давыда. Он одиноко сидел в приготовленном ему шатре и ждал приговора старших князей.

Через некоторое время в шатер, где ждал своей участи Давыд, пришли княжеские бояре — Путята от Святополка, Ратибор и Орогостя от Владимира Мономаха и Торчин от Святославичей. Они и объявили Давыду волю княжеского съезда: Давыд сводится с владимирского стола, и ему отдается Бужск, Червен, Чарторыйск и Дубен, Владимир Мономах ради убытков Давыда дает ему 200 гривен золота. Ростиславичам князь отдает один город — Перемышль и предлагают Володарю взять Василька к себе. Иные же Волыньские города с Владимиром отходят Святополку, и он посылает туда на наместничество своего сына Ярослава.

Давыд молча выслушал посланных, поцеловал крест, который подал ему поп, и пошел к коню.

Вторично после Любеча князья поделили столы, и теперь, как они надеялись, прочно. Зыбкое единство Руси Мономаху пришлось оплатить согласием на усиление Киева. Но во время свещания в Витичеве он не дал Святополку занять важные червенские города.

Не сразу, однако, утишилась Русская земля. Василько не отдал Тербовль киевскому князю, и Мономах этому не препятствовал. Жаловался и просил о прибавке к своим доходам Давыд, и Мономах уговорил Святополка отдать ему Дорогобуж, пугая киевского князя новой распрей. Теперь, не опасаясь за тыл, можно было направить все силы на борьбу с половцами, которые хозяйничали снова в опасной близости от русских городов.

В ГЛУБЬ ПОЛОВЕЦКОГО ПОЛЯ

С радостным чувством уезжал сорокасемилетний князь Переяславский Владимир Мономах из Витичева в Переяславль. Теперь, после витичевского съезда князей, казалось, отпали все преграды для объединения русских сил в борьбе с половцами. Кончилась большая княжеская котора, которая десятки лет раздирала русские земли, кончились кровавые битвы, в которых гибли князья одного, Ярославова корня, прекратились изнурительные приступы, пожары стольных городов и малых городков, уводы людей в полон, продажа соплеменников работоторговцам, гнавшим их на невольничьи рынки Судака и Херсонеса. Кончилось время, когда половцы были желанными гостями в княжеских боевых станах, помогая одному русскому войску сокрушать другое. Хитрый и коварный враг хан Боняк хозяйничал в те дни на Волыни, прикрывая раскольника Давыда Игоревича от гнева киевского князя Святополка. Да и тот хорош был, стараясь под видом

борьбы за единство прибрать к рукам Волынь, сокрушить Давыда, убрать опасных Ростиславичей.

Возок катил по выжженной солнцем августовской дороге. За маленьким оконцем мелькали неподвижные белые облака, негустая зелень редких дубрав. Скоро и Переяславль, а Владимир все размышлял о превратностях русской жизни.

Многое знал в свои годы Мономах, многое изведal и прочел в греческих хрониках и записанных деяниях великих людей прошлого, но нигде и никогда он не встречал, чтобы вот так яростно, опираясь на иноземную силу, ненавидели друг друга владыки-соплеменники, как ненавидели русские князья друг друга. Поистине в жуткой борьбе за столы, доходы, земли, смердов не было для русского владыки ничего святого, и половцы, словно зная эту неистребимую, ничем не останавливаемую жажду власти и богатства, тихо и настойчиво вклинивались в княжеские распри, становились необходимыми в этой постоянной котлорее, старались превратить князей в свое послушное орудие. Теперь, надеялся Мономах, этому придет конец. Правда, и на самом Витичевском съезде, и позже, уже разъезжаясь по своим волостям, князья неохотно подтвердили свою готовность к общерусскому походу в степь, и Мономах понимал, что братья считают это дело личным его, переяславского князя. В его пределы приходят половцы чаще всего, его города и села грабят, его смердов волокут в полон. Нет, не просто будет запрячь князей в общую упряжку. Святополк — великий князь киевский не сводит глаз с Владимира-Волынского. Он посадил там своего сына, прогнав Давыда, но надолго ли? Недоволен Святополк и тем, что в Новгороде вот уже который год сидит сын Мономаха Мстислав Владимирович. Теперь, женатый на Христине, дочери шведского короля Инга Стейнкельса, имея за собой поддержку переяславского князя, всю мощь стоящих за ним Смоленской, Ростовской, Суздальской, Белозерской земель, он превращается в самостоятельную и грозную силу.

В противовес Мономаху Святополк все теснее сближается с уграми и ляхами. В Киеве уже сидят послы от Болеслава III, сватают дочь Святополка Сбыславу за польского короля. Угры — те давние друзья Киева. Дочь венгерского короля Ласло I замужем за сыном Святополка Ярославом. Угры пытались помочь киевскому князю сокрушить его противников на Волыни — Ярослав сам ходил в посольстве к новому венгерскому королю Коломану

и привел тогда сорокатысячную венгерскую рать. И теперь союз Святополка с уграми прочен, и с этим нельзя не считаться: венгеро-польский кулак постоянно поднят над Волынью и готов опуститься на непокорных по первому знаку Святополка. Киевская земля, правда, страдает от приднепровских и донских половцев не менее переяславской, но сам Святополк все более и более увязает в западных делах, степь трогает его все меньше.

Святославичи хоть и смяты и расколоты, но они сами давние друзья половцев. Олег и прежде уклонялся от походов в степь, а теперь старался больше отмолчаться, а за ним отводили глаза в сторону и братья — Давыд и Ярослав. Трудно, ох, трудно будет поднять их в степь.

На Ростиславичей вовсе нет надежды. Эти заняты своими волынскими делами. Они враги и Киева, и угров, и ляхов. Их люди постоянно толкуются в шатрах Боняка и Шарукана. Хорошо, если не будут мешать, о помощи не может быть и речи.

Полоцк тоже плохой помощник. Князь Всеслав исполон веков только и ждал, когда князья уведут дружины на юг, чтобы совершить свой очередной дерзкий налет либо на Смоленск, либо на Новгород. Но время берет свое: чародей — неуловимый воин Всеслав стал дряхл телом, еле двигается, теперь надо обезопасить себя от его пятерых драчливых сыновей во главе со старшими Давыдом и Глебом. Ну да они прежде сами между собой переделаются за отцовское наследство.

Возок катил по ровной дороге, а Мономах все думал свою думу, и суровая складка обозначалась между бровями на таком всегда гладком и безмятежном при людях лице.

Теперь самое время нанести половцам удар, выйти наконец самому на их станы: Святополка надо заставить, Святославичей запугать, а главное — собрать свои дружины из Смоленска, Ростова, Суздаля и, конечно, Переяславля. И хватит лишь отсиживаться на крепостными стенами, ждать, пока половцы появятся на Суле и Удое, возьмут с налета Лубен или Прилук, Ромен или Песочен. Надо делать так, как сделал в 1060 году отец, отправившись в степь на поиски торков. Тот поход нанес торкам смертельный удар, и они уже никогда не поднялись с тех пор к настоящей силе, не выходили больше в Русь... Или так, как они со Святополком сделали совсем недавно, войдя в половецкую степь, когда половцы после возвращения

с летовищ отсиживались по своим зимним станам, а их отощавшие за зиму кони не поспевали за сытыми скакунами руссов. Да, надо выходить в степь в самое неудобное для половцев время — либо поздней зимой, либо ранней весной. Упустишь время, и они сами осенью придут в Русь.

Дорога убаякивала, ехать в возке было не то, что держаться сотни верст в седле. В последнее время, с возрастом, Мономах стал ценить эту спокойную, раздумчивую езду. Мысли шли чередой, приходили неожиданные решения. Теперь он вдруг вспомнил, о чем ему мимоходом говорил Святополк в Витичеве. Еврейские купцы написали из Барселоны, из далекой Испании, своим соплеменникам в Киев о войне испанцев с маврами. Настало время, и объединившиеся испанцы начали теснить мавров, возвращая свои старинные земли. И тут же он сверил эти вести с теми, что передавали греческие купцы ему лично в Переяславле, а потом повторили монахи с Афона, которые постоянно толклись на митрополичьем дворе — о великом походе западных владык против могущественного Арабского халифата, о крестовом походе на Восток для освобождения гроба господня от неверных. Передавали друг другу и безысходное послание византийского императора Алексея Комнина, которое он, отчаявшись самостоятельно отбить натиск турок-сельджуков на империю, разослал по всем христианским странам. «Именем бога и всех христианских провозвестников, — писал император, — умоляем вас, воины Христовы, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам».

Западные рыцари предприняли один поход на восток, потом второй. На Руси было доподлинно известно, что среди крестоносцев во втором крестовом походе был граф Гуго Вермандуа, брат французского короля Филиппа I, сын Анны Ярославны, а значит, его, Мономаха, двоюродный брат; из Лотарингии рыцарей вели Готфрид Бульонский и два его брата Евстафий и Болдуин, норманнских крестоносцев возглавил брат Роберт — брат Вильгельма Рыжебородого, воины которого под Гастингсом убили английского короля Гарольда, отца Гиты, его, Мономаховой жены. Как все-таки тесен этот огромный мир...

Теперь Болдуин — король Иерусалимский, рыцари потеснили арабов, разьедаемых, как и Русь, внутренними

распрями, у Византии крестоносцы отняли Сирию, но натиск неверных на запад приостановлен. И началось такое наступление на восток от Великого моря, что омывает земли Испании до сирийских границ, значит, пришло время и Руси, которая в этой многовековой войне занимает как бы левое крыло сражения. Что-то не складывается у восточных владык, если повсюду уступают они свои земли. И силы их разобщены, не могут прийти на помощь друг другу.

Возок остановился. Старший дружинник из княжеской охраны подъехал к дверце, спросил князя, не хочет ли тот отдохнуть и пообедать — путь еще далек. Мономах вышел из возка, и пока дружинники расстилали под деревьями ковер, несли еству и питье, начал разминать тело, уставшее от долгого недвижения. Вдруг до слуха его донеслось равномерное побрякивание, словно кто-то бил слегка одним куском железа по другому. Князь прошел дубраву и вышел на опушку, где бродила одинокая корова, на шею которой действительно болталось привязанное веревкой маленькое било — два железных обрубка, и тут же Мономах увидел человека. Он стоял под деревом и во все глаза смотрел на незнакомого путника. Человек был одет в холщовую домотканую рубаху, подпоясанную такой же веревкой, что была завязана на коровьей шее; за плечами его был лук, а на поясе висел колчан со стрелами, здесь же около дерева стоял боевой топор — оружие русского воя-пещца.

— Ты чей? — спросил Мономах, прищурившись и тем самым еще лучше разглядывая человека.

— Переяславский, из пригородной слободы смерд князя Владимира Всеволодовича, — сказал человек.

— И что же ты здесь делаешь с луком и боевым топором, — мягко усмехнулся князь, — говядя пасешь?

— Нет, господин хороший, — отвечал человек, — я не пасу говяда, а гзюю его к себе в слободу из дальнего села, купил по случаю, а лук и топор всегда со мной — кому же охота быть полоненным половцем.

— Так и ходишь в поле?

— Так и хожу, и за сохой, и за бороной...

— Добро же тебе жить так-то.

— Не жалуюсь, господин хороший, но уж больно полонец насел, что ни лето, то выход за выходом — сколько домов уже спалено, сколько лошадей и скота угнано!

— Прощай же, — сказал Мономах, — может, свидимся скоро, как звать-то тебя?

— Звать меня Синко, а в крещении Василий.

— Ну что ж, хорошее имя, меня-то тоже в крещении Василием звать.

Мономах повернулся и пошел прочь.

Потом, уже приехав в Переяславль, он не раз еще вспоминал эту встречу в дубраве и своего вооруженного смерда, который перегонял говяда по его княжеским владениям, ожидая сечи с половцами и плена в любой час своей жизни.

* * *

Осень и зиму Мономах провел в Переяславле, тщетно ожидая согласия князей на договоренный поход в степь. Он посылал гонцов в Киев и Чернигов; Святополк и Святославичи отмалчивались, но не отказывались от похода. В середине зимы Мономах двинулся в Смоленск. Он несколько лет не был в этом городе, где совсем еще недавно сидел Олег Святославич, отрезанный им от родного Чернигова, от связей с половцами, и теперь Мономах хотел еще и еще раз утвердить князей во мнении, что Смоленск — это прирожденный город Всеволодовой отчины. Была у него и еще скрытая цель. Он вызвал в Смоленск сына Мстислава, князя новгородского. Тот подтвердил, что люди Святополка бегают по Новгороду, требуют, чтобы город вновь отошел к киевскому столу, приспешники Мономаха бьют их, но покоя в Новгороде нет. Все нити смут и беспокойств идут в Киев, а это значит, что упрямый Святополк не отступится, пока вновь не посадит в Новгороде киевского наместника.

Мстислав сидел в горнице напротив отца — невысокий, широкоплечий, с темными, глубоко посаженными глазами, которые смотрели из-под густых черных бровей хватисто и быстро; темные жесткие волосы его, несмотря на молодость, уже кое-где тронула седина. Новгородский князь слушал, что говорил ему отец, иногда переспрашивал, бросал быстрые короткие вопросы. Мстислав никогда ни в чем не сомневался, был тверд и жесток в решениях, ретив и исполнителен во всем, что ему наказывал отец.

А Мономах неторопливо, с мягкой усмешкой плел свою нить: «Святополк за участие в походе против половцев будет торговаться, просить в обмен новгородский стол, предлагать Владимир-Вблынский, возможно, придется ему уступить, иначе будет новая распря». Мстислав

внимательно слушал. «...Но и отдавать Новгород из пащего дома нельзя, уже долгие годы, начиная от отца Всеволода, владели мы новгородским столом. Новгород прикрывает с северо-запада наши ростово-суздальские земли, а вместе с ними, со Смоленском и Переяславлем составляет половину Руси. Надо осторожно поговорить с боярами, с владыкой, с гостями, хотят ли они отдать город в руки Киева».

Мстислав понимал, что отец затевает хитрое дело, хочет руками самих новгородцев, не споря со Святополком, оставить за собой Новгород и вовлечь Святополка в общерусский поход в степь. Мстислав понимал также, что все это опасная, острая игра, которая неизвестно чем кончится, но он привык доверяться отцу и обещал ему сделать все, как он советует.

Начало 1101 года Владимир снова провел в Переяславле, ссылаясь гонцами с двоюродными братьями, а поздней весной, оставив Гиту чреватой десятым по счету ребенком после семи сыновей и двух дочерей — Марии и Евфимии, отправился по своим северным владениям — сначала снова в Смоленск, а потом в Ростов, чтобы самостоятельно подготовить войско к будущему походу. Смоленская и ростово-суздальская дружины были ему хорошо известны, и его заботой в этом краю были прежде всего пещцы, вооруженные ремесленники и смерды. Уже во время прежних боев со степняками он заметил, что половцы, лихо сражавшиеся с конными русскими дружинами, не выдерживали спокойных, неторопливых действий простых пеших воев, яростные конные наскоки разбивались об их сомкнутый щитами строй, о выставленные прямо в конские груди копыя. Свою железную хватку пещцы показали даже во время злосчастной битвы у Треполя, задержав на берегу Стугны половецкую конницу. И теперь Владимир хотел перебрать все свои волости, вычислив вместе с посадниками, тысяцкими и сотскими количество воев, которых можно было здесь собрать, а также распорядиться о том, чтобы пещцев хорошо вооружили, чтобы были у них с собой и топор, и копые, и щит, и лук со стрелами.

Во время пребывания в Смоленске туда пришла весть из Полоцка, что преставился долго болевший Всеслав, князь полоцкий. Мономах выслушал весть со смешанным чувством облегчения и скорби: из жизни ушел его постоянный враг и враг всех Ярославичей, князь, который никому не давал покоя в течение нескольких десятков

лет; и в то же время ушел из жизни живой человек, живая душа, подобная всем остальным обитающим на земле людям и напоминающая, что каждый в сем мире тленен.

Но лишь ненадолго задержались мысли Мономаха на Полоцке — там долго еще будут разбираться между собой сыновья Всеслава, ему же предстояло через две недели заложить в Смоленске каменный соборный храм святой Богородицы.

Владимир мыслил сделать это 2 мая, когда константинопольская церковь ежегодно праздновала заложение храма Богородицы во Влахернах, великой охранительницы Византии от внешних врагов. Здесь, в Смоленске, Мономах накануне похода в степь хотел иметь свою святую, помощницу в борьбе с неверными с тем, чтобы всякий русский человек возгорался высоким воинским помыслом при одном взгляде на соборный храм, заложенный во спасение Русской земли.

Действо в этот день было заранее продумано. Мономах сам спустился в яму, заготовленную для основания храма, и под одобрительный гуд великого множества смолян взял ловко на мастерок известковый раствор, бросил его на прокладку из битого камня и аккуратно положил на раствор кирпич. Тут же пропели молебен, а епископ смоленский освятил заложение храма.

В тот день на смоленском дворе Мономаха для всякого люда было выставлено великое множество провар меду и ествы. До поздней ночи праздновал Смоленск великое событие, а уже наутро тиуны Мономаха пошли по дворам, набирая людей в пеший полк. И будто в награду за это святое дело бог послал ему неожиданную радость — поднял мятеж против Святополка его племянник Ярослав Ярополчич, княживший в Бресте, и снова замутилась киевская земля. Теперь Святополку уже будет не до Новгорода.

Но с которой киевский князь справился на удивление быстро и уже к лету позвал Владимира и Святославичей — Давыда, Олега и Ярослава на реку Золотчу для переговоров с половцами. И стало ясно: пока Владимир не покладая рук трудился над тем, чтобы уже в 1101 году поднять князей в поход против степняков, — Святополк и Святославичи так же упорно ратовали за мирный исход всего дела. И вот теперь на Золотчу в назначенный срок должны были прибыть послы от всех крупных ханов донских и приднепровских половецких колен — Шарукана, Боняка, Аепы, другого Аепы, Алтунопы и про-

чих, чтобы на этом свещании выслушать русских князей и потом уже передать их речи своим ханам.

Речь держал один Святополк. Он выговорил послам все русские обиды, вспомнил все нарушения половцами роты и теперь предлагал ханам съехаться той же осенью у Сакова, чтобы утвердить вечный мир, сняв с Руси ежегодный денежный откуп.

Послы слушали, молчали. Судя по тому, с какой поспешностью направили их ханы на Золотчу, Владимиру было видно, что половцы узнали через своих людей о подготовке руссами похода в степь и теперь хотели во что бы то ни стало предотвратить его. Мир им был не нужен. Кочевникам, живущим ежегодным переходом с летовища на зимовку, постоянными облавами южнорусских земель, нужна была эта веками заведенная война — внезапный выход из степи, проход через русские крепостицы на высоких берегах приднепровских рек и речек, удар по слабозащищенным городам и совсем открытым селам, захват полона, а потом столь же быстрый уход от быстрокопных русских дружин. Изменить этот порядок жизни означало бы для половецких колен, и для ханов, и для всех воинов лишиться веками уготованного для них источника доходов и всех тех богатств, которые ожидали их при продаже русских невольников на причерноморских рынках. И в борьбе за этот порядок хороши были все средства, в том числе и бесчисленные ложные миры, которые заключали ханы с русскими князьями, чтобы уже ближайшей осенью нарушить их и направить своих сытых коней на север. И один хан не отвечал за другого, и два хана не отвечали за третьего, и кто из них двинется в очередной поход на Русь — предсказать было невозможно.

Святополк говорил речь от имени всех князей, а Владимир смотрел на него и думал о том, что и сам Святополк, и Святославичи хорошо понимают никчемность и этой встречи, и последующей, потому что долгими годами было проверено: с половцами не может быть вечного мира. Просто и киевский князь, и Святославичи до последнего откладывают такой нужный для всей Руси поход в степь, стараясь перевалить все тяготы борьбы с кочевниками на переславского пограничного князя. И он не прочь взвалить на себя эти тяготы и возглавить движение в степь, и он недаром заложил на виду всей Руси храм в Смоленске во славу новых побед над ее врагами. Но сегодня надо быть терпеливым: пусть Святополк хитрит, пусть Святославичи отговариваются хворью, без-

людьем, безденежьем, уже в который раз. Все равно придет наконец и его день.

Мономах умел ждать, умел терпеть, наверное, как никто другой из князей. Правильно определив движение русской жизни и жизни окрестных стран и народов, он ждал, что время рано или поздно возьмет свое. А сейчас он мягко улыбался и кивал головой — да, вечный мир желателен. Он думал, какими же глупцами в это время считают и его и других князей эти бессловесные ханские посланцы.

В начале сентября в Саков прибыли половецкие ханы.

Впервые в таком количестве они собрались все вместе с русскими князьями. Поле у Сакова на левом берегу Днепра было заставлено многочисленными шатрами — и русскими и половецкими. Ханья приехали с небольшим числом телохранителей: с малыми дружинами были и русские князья.

Первое свещание произошло в шатре Святополка. Сидели тесно на лавках, укрытых дорогими коврами. Как и следовало ожидать, все началось с взаимных попреков: Святополк выговаривал ханам все их клятвопреступления и неправды, ханы крутили головами, отговаривались тем, что русские князья не держали слова и не присылали вовремя ежегодных даней. Старый враг Боняк сидел напротив Мономаха. Владимир видел его настороженный взгляд, быстрые рысьи движения. Хан бросал в его сторону резкие слова: это переяславский князь не держит роты, это он задерживает денежные выплаты за мир, это он, нарушив посольский обычай, избил ханов Итлара и Китана, а потом перерезал всю их чадь.

Мономах молча слушал гневные слова Боняка и вспоминал, как они со Святополком уже не раз гнались за этим увертливым степным хищником, стараясь отбить у него полон, а тот все ускользал от них, заматал следы, обманывал их на бродах. Как было бы пригоже сейчас, как в Переяславле с Итларем, покончить со всеми ханам вместе. Но ведь не это решает успех дела. Появятся новые ханы. Половцы сильны своим множеством, своими табунами, только походы в степь и удары по их станам могут впредь обезопасить русские земли.

Он спокойно отвечал Боняку, и лишь тихий голос и бледность, разлившаяся по щекам, выдавали его волнение и негодование.

Потом был пир около Святополкова шатра, а наутро снова многие разговоры. На этот раз свещание проходило

в шатре старого Аепы; князья и ханы сидели на устланной кошмами и коврами земле. Около входа в шатер стояли недвижимыми истуканами телохранители Аепы, и Мономах поймал себя на мысли: а что, если они вот так вот возьмут и без лишних хлопот прикончат всех князей разом, и снова на ум пришло, что появятся новые князья и нескончаемая война продолжится. Нет, только походы в степь могут приостановить этот вековой натиск кочевников. Он не предполагал, что в ходе этого натиска можно уничтожить половцев как народ; народ вообще нельзя уничтожить, и те, кто мечтает об этом, — слепцы или безумцы, но подавить военную силу этого народа — так, чтобы она не могла подняться долгие годы, — можно.

Ханы снова ловчили, жаловались на русские неправды, а князья ловили их на словах и радовались этому как малые дети, и было видно, что все это игра, которая должна была прикрыть простое нежелание Святополка и Святославичей постоять за Русскую землю, взять на себя заботы и тяготы предстоящих походов, и была еще скрытая мысль, что если начнется новый выход половцев на Русь, то Мономах как переяславский князь сам будет отбиваться от них.

После недельных пустых переговоров свещание наконец завершилось. 15 сентября 1101 года князья и ханы дали роту в том, что во веки веков они будут хранить мир друг к другу, не поруют чужих рубежей, что русские земли отныне перестанут платить ежегодные денежные уклады половецким коленам и путь на обе стороны для послов и гостей будет чист.

На следующий день шатры были свернуты и поле под Саковым очистилось: ханы ускакали в степи, а князья разъехались по своим городам.

Конец 1101 и первая половина 1102 года прошли спокойно. Степь будто вымерла. Исчезли далекие половецкие сторожки, которые постоянно толклись на краю поля, прекратились нападения половцев на купеческие караваны и на приграничные села и городки. Неужели ханы и впрямь решили соблюдать мирное устройство? В Киеве и Чернигове ликовали. В Переяславле сомневался и недоумевал Владимир Мономах. Теперь уже нелепой казалась его мысль о походе в глубь степи всеми русскими воинскими силами. И все-таки Мономах не расстался с ней. Он не верил ханам — да и как можно было им верить, когда целых сорок лет, почти ежегодно, вся жизнь доказывала обратное.

Переяславский князь исподволь готовил к походу большое войско, перебирал народ в Переяславле и волости, снова выехал в Смоленск, а оттуда в Ростов, к сыну Святославу, встречался опять в Смоленске с Мстиславом. К этому времени Гита родила своего восьмого сына, которого нарекли Андреем в честь греческого святого Андрея Стратилата. После этого она занемогла и на долгие недели оставалась в Переяславле, не сопровождая, как обычно, мужа в его поездках по городам и волостям.

Осенью 1102 года во время пребывания Владимира в Смоленске туда пришла весть из Киева, поданная Святополком через срочного гонца. Тот, как всегда бывало в таких случаях, вошел в горницу, мотаясь из стороны в сторону от усталости, весь облепленный октябрьской грязью, и лишь вымолвил несколько слов: «Князь, иди в Переяславль, Боняк вошел в твою землю, ограбил волость, идет к городкам на Суле».

Мономах не удивился. Ему казалось, что он постоянно ожидал эти вести, и теперь он действовал скоро и четко. Послал одного гонца в Ростов к Святославу, чтобы высылал дружину и воев к Чернигову. Другого направил в Киев сказать Святополку, что идет в Киев сам, третьего погнал в Переяславль к Ярополку сказать, чтобы блюл город от поганых, а его, Мономахову, дружину отпустил бы к Киеву.

Когда, загнав на пути, как в юности, коней, он появился в Киеве, Святополк был уже готов к походу. Братья не сказали друг другу ни слова ни о свещании в Сакове, ни о несбывшихся надеждах на вечный мир. Да и чего было говорить: все было ясно — половцы получили год хорошей передышки, раскололи намечавшийся единый строй русских князей и ныне, по осени, как обычно, на сытых конях после летовища ринулись в Русь. Боняк — старый и коварный враг — оказался первым. Теперь иные ханы отрекутся от него, скажут, что они за него не в ответе, но что замыслил он завтра?

Решили не ждать подхода дружины из Переяславля. Налицо была конная рать Святополка, дружинники из Смоленска. С пешцами здесь не поспеешь — надо быстро заградить Боняку путь в глубь русских земель, немедленно выйти на Сулу и, опираясь на города сторожевой линии — Ромен, Лубен, Лукомль, Горошин, — сбить половцев.

Но когда в конце концов объединенная киевско-переяславско-смоленская рать подошла к Суле, то оказалось,

что Боняк, разграбив и спалив попавшие ему на пути городки и села, ушел через Днепр к Роси. Теперь возникла прямая опасность Киеву и его пригородным слободам. Видимо, Боняк решил повторить свой дерзкий выход 1096 года, когда за малым он не въехал в город.

Впоследствии Мономах в нескольких строках своего «Поучения» вспомнил эту отчаянную и бесплодную погоню: «И опять со Святополком гнались за Боняком и не достигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не достигли его».

Не слезая по несколько дней с коня, Мономах во время этой яростной гонки не раз с горечью думал о том, что все начинается сначала. Снова они идут за половцами по русским пепелищам, а те, как и прежде, не вступая в решающее сражение, стараются уйти загодя, до прихода русских дружин, не позволяя руссам обойти их сзади, перерезать обратный путь, отобрать полон. Они петляли среди поселений и дубрав, неожиданно переходили вброд реки, и никто не мог знать, где они появятся через несколько часов — лишь пожарища и трупы убитых людей указывали путь, по которому они шли по русским землям, и князя послушно погоняли коней вослед степнякам.

Боняк ушел в приднепровскую степь, и Святополк с Владимиром Мономахом, так и не догнав врага, не сумев перенять на обратной дороге, возвращались в Киев.

Князья ехали рядом; Мономах говорил: «Ну что, брат, снова будем посылать за ханами, просить у них мира, меняться талями¹. Не пора ли заняться делом и идти в степь». Святополк сумрачно молчал, но было ясно, что теперь его не придется уговаривать, как прежде. «Вспомни, брат, — продолжал Мономах, — как мы с тобой брали их вежи после избияния Итларевой чади, как гнали в наши города скот, и коней, и верблюдов, и челядь, как освободили пленных русичей». Святополк продолжал молчать. Замолчал и Мономах. Лишь на самом подходе к Владимиру сказал: «Посылай гонцов к Святославичам. Пусть едут ко мне, к Долобскому озеру, там соберемся все вместе и уговоримся о выходе в степь». Святополк согласно кивнул головой.

В Киеве Мономах задержался лишь на несколько дней. Он пришел к своей мачехе, к Всеволодовой княгине Анне, у которой жила теперь его сводная сестра

¹ Заложниками.

Евпраксия. Она вернулась в Киев еще в 1099 году вместе с посольством Ярополка Святополчича.

И вот теперь она сидела перед братом, молодая еще женщина, ей исполнилось всего лишь тридцать один год, но в глазах ее уже не было жизни. Она коротко отвечала на вопросы Мономаха, говорила, что будет жить в Андреевском монастыре у Янки, молиться за все грехи, что совершила она в жизни. Владимир смотрел на ее еще красивое лицо, в котором угадывалась горделивая и чистая русская краса и резкость и страстность половчанки, и думал о том, что не удалась жизнь у детей Всеволода и Анны: Ростислав погиб в сече, горячий был витязь; Евпраксия на долю выпало слишком много страстей, в которые она окунулась полностью, и все-таки он, спокойный и уравновешенный, так любил их обоих — молодых, пылких... Он звал сестру в Переяславль, обещал найти ей мужа, шутил, но Евпраксия серьезно и даже удивленно отвечала ему, что она ведь замужем, а она христианка и не может выходить вновь при живом муже. Теперь про себя удивился Мономах: Генриха IV, этого негодяя и развратника, она называет своим мужем...

На следующий день Святополк позвал Мономаха к себе. Они сидели в бывшей Изяславовой палате, где еще молодым князем-отроком не раз сидел Мономах, выслушивая старших князей Ярославичей. И теперь он вынужден был выслушивать, что говорил ему, отводя глаза в сторону, великий князь киевский — вечно неустойчивый, неуловимый, когда заходила речь о его помощи другим, и жесткий, неуступчивый по любой мелочи, задевавшей его личные интересы...

Святополк требовал в обмен на помощь против головцев Новгород, предлагал вывести Мстислава во Владимир-Волынский. Мономах не спорил. Это возможное требование Святополка он уже обсудил с Мстиславом и теперь быстро согласился с двоюродным братом, взяв с него обещание ранней весной прибыть к Долобскому озеру.

Мономах отбыл из Киева. Перед тем он в присутствии Святополка послал гонцов в Новгород с наказом Мстиславу тотчас же прибыть в Киев и согласиться с просьбой великого князя киевского оставить Новгород для Владимира-Волынского.

Перед приходом в Киев Мстислав побывал в Переяславле и появился в Киеве в сопровождении Мономахова гонца, который передал Святополку слова Мономаха о том, что вот он посылает сына к нему, что сын покинул

Новгород и готов ехать на Волынь, а он, Мономах, согласен, чтобы сын Святополка владел Новгородом. В ответном слове киевский князь благодарил Мономаха и сказал, что он пошлет свой наказ в Новгород.

В Киев Мстислав прибыл с видными новгородскими мужами — посадником, тысяцким, боярами, богатыми гостями, был среди новгородцев и посол от владыки. Этим людям надлежало отпустить Мстислава из Новгорода и принять в город Святополкова сына.

В гриднице, где начались переговоры, Мстислав сложил с себя чин новгородского князя и просил Святополка, как договорились старшие князья, отправить его во Владимир. Тогда встали новгородские мужи и сказали Святополку от всех новгородцев: «Не хотим ни тебя, Святополк, ни сына твоего. Если же две головы у сына твоего, то посылай его; а Мстислава дал нам еще Всеволод Ярославич, и вскормили мы сами себе князя, а ты ушел от нас».

Пораженный Святополк слушал новгородцев и смотрел на Мстислава, а тот тихо сидел, положив руки на стол, и лишь пальцы его словно струились в ответ на речи своих приспешников. Святополк и уговаривал, и грозил им, но все было безуспешно. Пря¹ закончилась тем, что новгородцы взяли Мстислава и увели на свое подворье. Перед уходом новгородский князь просил у Святополка прощения, и тот с досадой лишь развел руками.

* * *

1103 год мыслился благодатным для Руси. В конце января три дня стояла над Русью пожарная зоря, начавшаяся от востока; 5 февраля было знамение на Луне, а 7 февраля знамение на Солнце. И все люди, радуясь, мнили, что эти знамения не на зло, а на добро, потому что дуги, появившиеся на Луне и Солнце, обращены были хребтами внутрь.

А в начале марта 1103 года князья Святополк и Владимир Мономах со своими смысленными людьми собрались на Долобском озере на новое свещание.

Святополк приехал веселый и дружелюбный. Он, как жется, забыл про из-за Новгорода. Лишь незадолго перед этим умер в Киеве в оковах его враг — племянник Ярослав Ярополчич, поздней осенью киевский князь накопел

¹ Спор.

вдал замуж дочь Сбыславу в ляхи за короля Болеслава и теперь крепко надеялся на союз с Киевом не только угров, но и ляхов, которых в случае чего можно было бы направить на Волынь против Ростиславичей.

Но когда сошлись в одном шатре Святополк и Мономах со своими боярами и воеводами, чтобы договориться обо всем двум старшим князьям, и когда Мономах предложил тут же, по весне, пока половцы еще не ушли на летошища и не накормили вволю своих коней, нанести удар по их станам, Святополкова дружина воспротивилась. Один за другим вставали люди Святополка и говорили одно и то же: «Не годится, князь, теперь, весною, идти в поход, погубим смердов, и коней, и пашню их».

Мономах слушал их и понимал, что это был ответ Святополка на окончательную потерю Новгорода. Нет, не забыл киевский князь ничего, что произошло между ним и новгородцами в его княжеской грядище в Киеве. Теперь он по сути своей снова мешал подготовке похода, сводил его на нет. Ведь что такое идти на половцев осенью — это значило бы выступить против них по-старому, в самое неудачное для Руси время, и кто знает, сколько выходов до этой осени предпримут ханы, накормив своих коней сочной весенней травой, сколько погубят они и самих русских смердов, и их пашни, о чем так пекутся сегодня Святополковы дружинники, и городов, и слобод, и многое другое.

«Дивлюсь я, дружина, — заговорил Владимир, — что лошадей жалеете, на которых пашут! А почему не помыслите о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его из лука. А лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и все его именье? Так лошади вам жаль, а самого смерда разве не жаль?» И долго еще говорил Мономах, рассказывал о встрече со своим переяславским смердом, который гнал говядя, держа в руках оружие и ожидая ежечасно нападения половцев. И разве в прошедшем году не показал Боняк, чего стоят все половецкие роты и обмен таями? Что ему тали, когда у него в таких же таях сидят русские дружинники?

Мономах не сказал прямо, что Святополк, как всегда, проявляет корыстолюбие — отвлеч смердов в весеннее время действительно означало бы нанести урон всей княжеской роли¹. Но ведь и князь больше потеряет,

¹ Пашне.

если половцы разорят, перебьют и уведут в полон его смердов. Кто будет тогда орать землю на этой ролие?

Молчали Святополковы люди, молчал и сам Святополк. Что могли они ответить Мономаху? Наконец киевский князь сказал: «Вот я готов уже». И тогда Владимир встал, подошел к нему, обнял: «То ты, брат, великое добро створишь земле Русской».

Тут же братья послали гонцов ко всем князьям со строгим наказом вести к концу марта рати к Переяславлю, чтобы оттуда уже идти в степь. Братья распрощались и разъехались по своим городам ждать вестей от князей. Первым откликнулся Давыд черниговский, сказав, что явится сам со всею дружиной; впервые с 1060 года откликнулся Полоцк — сын Всеслава Давыд прислал гонца с вестью, что полоцкая дружина уже двинулась к Переяславлю. Сообщили о согласии принять участие в походе Мстислав, племянник Давыда Игоревича, Вячеслав Ярополчич, племянник Святополка. Подходили к Переяславлю дружины и пещцы из Смоленска, Ростова, над которыми должен был взять начало пятый по счету сын Мономаха — Ярополк Владимирович. Самый последний ответ пришел от Олега Святославича из Новгорода-Северского. Он передал с гонцом лишь одно слово — «нездоров». Так старинный друг половцев еще раз уклонился от похода в степь.

К концу марта все рати были уже в Переяславле. Особое внимание, как никогда прежде, Мономах уделил пещцам. Их было собрано великое множество, и шли они в поход не как ранее — кто с чем мог; все были снаряжены и луками, и топорами, и копьями, и щитами. На берегу Днепра для пещцев готовили многие ладьи. В Переяславле запасали хлеб, полти мяса, крупы, сусло, мед, другую еству. Поход ожидался далеким и долгим, в самую глубь владений донских половцев, откуда в последние годы начиналось большинство походов на Русь.

Двинулись в путь, едва течение Днепра очистилось ото льда. Впервые чуть ли не со времени походов на Византию Олега и Игоря Старого русское войско шло на юг на конях и в ладьях. Берегом Днепра двигались княжеские конные дружины, а водой во главе с тысяцкими и сотскими плыли пещцы. На многие версты впереди войска шли многие русские сторожки. Оружие не везли в возах или в ладьях: каждый воин готов был вступить в бой в любую минуту — Мономах вовсе не исключал, что по-

ловцы не попытаются остановить руссов еще в пути, где-нибудь на берегу Днепра.

Несколько выше острова Хортицы, у самых порогов войско остановилось. Ладьи здесь пристали к берегу, и пешцы сошли на берег. Здесь же были выгружены ества и питье, прочие тяжести. День стояло войско в Протолчех, в приднепровском урочище, убиралось; воеводы ставили около ладей сторожки, а уже на другой день рати двинулись на Сутень, к реке Молочной, что впадала в Азовское море.

Наконец-то осуществилась мечта Мономаха — чуть не десяток князей, в том числе самые старшие из них на Руси — киевский, переяславский, черниговский, вои из многих городов — кроме стольных — Полоцка и Смоленска, Ростова и Суздаля, Турова и Минска двинулись на устрашение степи.

А в это время половецкие ханы, узнав о выходе русского войска через свои сторожки, сошлись на совет и начали думать.

Среди ханов не было единства. Старейший и опытнейший из них, Уруссоба, уговаривал остальных немедля, как и в 1101 году, заключить с руссами мир, отдать им выкуп и тем спасти свои вежи. «Кони наши не кормлены, как будем биться?» — спрашивал Уруссоба ханов. Другие же, и среди них Алтунопа, стыдили Уруссобу: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем их городами, и кто избавит их от нас?» Хань решили принять бой и в сторожке послали Алтунопу, который славился своим мужеством, воинским умением и хитростью.

Четыре дня шло русское войско по степи и на четвертый день вышло к Сутени. Половцы должны были быть где-то неподалеку.

После небольшого отдыха руссы изготовились к сече. Но вначале по обычаю воздали молитвы всевышнему и богоматери и обещали принести на алтарь и в монастыри разное воздаяние — и кутью, и милостыню убогим, и вклады. А потом Владимир Мономах выслал вперед большую сторожку во главе со своим сыном Ярополком со многими пешцами из Смоленска и Ростова. Мономах предупредил Ярополка, чтобы тот постарался устеречь половцев, не поддавался на их уловки, и если будут они бежать после первой стычки, то не преследовал бы их сломя голову, а поостерегся и не нарвался бы на засаду. Лучшее же всего, если завидят руссы половецкую сторо-

жку, то сразу же обошли бы ее сзади, отрезали от остальной рати и потом уже вступили с ней в бой.

Осторожно, оглядывая далеко степь впереди себя, двигался сторожевой полк Ярополка Владимировича. Воины прятались за небольшими холмами, укрывались в логах и лишь когда убеждались, что путь был чист, переходили к другому укрытию.

На рассвете следующего дня, в еще синей дали руссы увидели всадников Алтунопы. Их было несколько десятков человек. Половцы двигались неторопливо, часто останавливались и озирали степь. Руссы в это время залегли по логам, спрятались за холмами. Ярополк приказал пропустить половцев, а потом со всех сторон обступил их. И когда степняки поравнялись с руссами, те выскочили из-за своих укрытий и стали стягивать пешее кольцо вокруг всадников. Пешцы действовали спокойно: выставляли вперед копыя, прикрывались щитами и ждали натиска половецких всадников. А те по своему обычаю прямо на скаку засыпали руссов стрелами, теснили конями, пытаясь разорвать их строй. Руссы прогибались, но не размыкали свои ряды. Конные дружинники из-за их спин вели обстрел половцев из луков, нанося им изрядный урон, а пешцы медленно, шаг за шагом, подвигались вперед, смыкаясь все теснее вокруг редущей половецкой сторожки. Алтунопа, уже поняв, что он проиграл сечу, попытался вырваться в степь из этого железного кольца, но всюду его встречали пики русских пешцев и когда, наконец, горстке половецких всадников удалось прорваться в степь, их притомленные, отвыкшие за зиму от быстрого бега кони недалеко унесли своих всадников. Руссы догнали их и зарубили всех до единого, в живых не осталось теперь ни одного половца, который мог бы подать своим весть о подходе со стороны Сутени русского войска.

Не прошло еще полдня, а Ярополк Владимирович уже вернулся с победой к старшим князьям, и было большое ликование в стане руссов, особенно когда узнали они о гибели Алтунопы — хана, который отличался большой храбростью и удачливостью в войне и который не знал до этого поражений. Мономах предложил князьям идти навстречу главному войску половцев немедленно, а если уйдут они от сечи, то взять их вежи, разорить их гнезда и идти дальше по их станам до самого Дона, пока не выйдет их войско на брань. Теперь ликующие князья согласились на предложение Мономаха.

Мономах рассчитывал, что, не зная о гибели сторожи Алтунопы, половецкая рать идет следом за ним и руссы смогут внезапно напасть на врага, как и Ярополк. И вправду, опять же на рассвете, 4 апреля, когда руссы после краткого ночного отдыха, который они провели, не зажигая огней и не варя себе пищи, двинулись снова вперед, сторожи донесли, что несметные полчища половцев идут им навстречу. Писал позднее летописец о начале этого сражения: «И двинулись полки половецкие, как лес, конца им не было видно; и Русь пошла им навстречу». Многие половецкие ханы вели сейчас против руссов свои конные рати, и впервые воевали они не в русских пределах, а в глубине степи, в своей родной земле, в переходе от своих веж. Но и руссы давали половцам первый настоящий бой на их собственной земле. Ярость, гнев и страх вели в бой степняков. В русском же стане царило веселье и радостное удивление, и не испугала руссов темная волна всадников, которая заливала степь от края и до края. И видно было уже издалека, что нет в беге этой конницы белой быстроты, свежести; оголодавшие за зиму кони тяжело несли своих всадников по вязкой, непросохшей еще земле, теряя в этом беге последние силы. Медленно колыхались над головами всадников в сыром воздухе стяги половецких ханов.

Мономах хорошо знал, что половцы страшны своим первым ударом, что они долго не могут держаться единым сомкнутым строем и рассыпаются в стороны при упорном сопротивлении, теряют свою страшную силу; потом они отходят назад и либо заманивают врага в ловушку, наводя его на мощную засаду, либо поворачивают своих коней и вновь наносят противнику тяжелый удар всей конной лавиной. Алтунопа победил угров после того, как завлек их на засаду, но теперь было очевидно, что половцы решили смять руссов всей своей силой. Знал Мономах и о том, что степняки, как это бывало уже не раз в прежних сечах, как это было и на берегу Стугны, вначале бросают в бой конных лучников и те засыпают дружины руссов тучами тяжелых каленых стрел, которые при прямом попадании пробивают русские кольчуги, разносят в щепы легкие щиты всадников, сметают с пути первые ряды руссов; а вслед за лучниками скачет основная половецкая облава с копьями и саблями в руках, со свистящими арканами над головой.

Все это Мономах знал, как понимал и то, что не часто идут половцы вот в такую прямую атаку, не виляя, не

заметая следы, не уходя от погони. Отчаяние и страх погнали их в бой против руссов, которые навязали им эту сечу вблизи родных веж. И надо было использовать эту редкую возможность.

При первом известии сторожи о приближении половцев руссы остановились и построились в боевой порядок. В челе войска Мономах поставил не дружины киевскую, черниговскую или переяславскую, а пешцев-смердов и ремесленников, собранных с разных городов Руси. Плечом к плечу стояли киевляне и черниговцы, смоляне и ростовцы, переяславцы и полочане. Конные же дружины поставил он на крыльях.

Пешцы приняли на себя удар тяжелой половецкой конницы. И снова, как и день назад, выстояли под градом стрел и конного натиска. Укрывшись за большими, окованными железом щитами, они оберегались от стрел и лишь слышали, как те тяжело били в листы железа, дробили дерево. Когда же половцы подскочили почти вплотную, то пешцы приняли их коней и их самих на копы, задержали передние ряды степняков, нарушили их страшный бег, а когда новые волны всадников все накатывали и накатывали на руссов, прогибая их строй, дробя его, смешивая в большую кучу сражавшихся и своих и чужих, — руссы взялись за топоры. И тут уже половцы смешались окончательно. Они не смогли рассеять пешцев и теперь сами беспечно крутились по полю. А в это время с крыльев ударили русские конные дружины. Половцы окончательно смешались и повернули вспять, но пешцы их не преследовали, а лишь вновь устроили свои ряды и стали ждать нового натиска половцев, зато конные русские дружины понеслись вдогонку уходящим половцам и быстро стали настигать их. Половецкие кони, вконец уставшие во время сечи, окончательно потеряли свою быстроту. Летописец писал: «И бог вселил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет от лицезрения русских воинов, и сами они впали в оцепенение, и у коней точно сковало ноги».

А дальше руссы уже добивали сломленного врага, рубили половцев и брали их в плен. В сече было убито двадцать половецких ханов и среди них Уруссоба, Кчия, Арсланопа, Китанопа, Куман, Асупа, Куртх, Ченегрепа, Сурьбан и прочие, а хана Белдюзя дружинники Святополка взяли в плен.

Они привели его к киевскому князю и поставили перед ним. Белдюзь, хотя и был изранен и грязен, без коня

и оружия, держался, как и подобает хану, гордо. Глаза его сверкали на смуглом лице, он не боялся за свою участь, так как мог предложить русскому князю много золота, серебра, коней и скота. Откупали ханы и прежде свою жизнь, откупит он ее и сейчас, а там, если будет угодно богам, вернет с помощью сабли, лука и аркана все потерянное. Он так и сказал Святополку через толмача: «Скажи, князь, сколько тебе надобно за меня имения, — все тебе будет дано». Однако Святополк покачал головой: не тот это был поход, чтобы покупать золотом головы врагов. Он только сказал «Отправьте хана к брату Владимиру, пусть он репит его участь», потому что Мономах был во главе русских в этом походе и руководил в этой битве всем русским войском. При имени Мономаха Белдюзь опустил голову. То было страшное имя для половцев, и он понимал — в сече, где сложили головы многие ханы и многие русские воеводы и дружинники, трудно ждать от противника пощады. И все-таки, когда люди Святополка привели его к Мономаху, Белдюзь повторил свои слова, предложил переяславскому князю много имения. И Мономах, как пишется в летописи, ответил ему: «Это ведь не мы одолели вас, это клятва одолела вас. Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему ты не наставлял сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали вы кровь христианскую? Да будет теперь кровь твоя на голове твоей!»

Мономах дал знак своим дружинникам, и те с обнаженными саблями бросились к половецкому хану и изрубили его. И слышали это и видели все русское войско и согнанные к холму, на котором стоял князь, плененные половцы. И ни один мускул при этом не дрогнул на лице Владимира. Он строго, прищурившись смотрел как бы вдаль, голова его была поднята, и апрельский ветер шевелил поредевшие рыжеватые волосы на голове, свободной от боевого шлема. Потом он сказал войску о том, что нынешний день — это великий день и потому надо возрадоваться, потому что избавилась Русь от многих своих врагов и сокрушила их змеиные головы и захватила все их достояние.

Дав воинам немного отдохнуть, Мономах повел войско дальше в степь, туда, где стояли половецкие вежи, где хранилось имение ханов и были их стада и кони. Он с самого начала решил: если победа в битве будет на стороне Руси — идти дальше в самую глубь степи: ведь

не ради одного сражения два года он собирал князей, готовил дружины и пешцев, снарядил для них многие лады и выбрал для русского войска ради этого новый путь — не через раскисшие после снегов весенние степи, а по днепровской воде до порогов, до переправы на левый берег Днепра у Хортицы. Теперь все, что он задумал, сбывалось, надо было немедленно двигаться дальше.

Через один дневной переход, разметая по пути небольшие половецкие сторожки, стоявшие на охране вежей, русское войско пошло по станам, забирая все, что там имелось ценного: брали и шатры с добытком, и челядь; сгоняли в огромные стада овец, верблюдов, скот, коней. Здесь же похода захватили и дружественных половцам печенегов и торков со всем их имением.

И здесь, как и несколько лет назад, руссы освободили от плена своих соплеменников — мужчин, женщин и детей, побранных в разные годы, но особенно после последних выходов половцев в Русь. Их уже приготовили для перегона на юг, на невольничьи рынки Судака и Херсонеса, и теперь воины помогали им сбивать колодки, разрубали арканы, которыми их вязали в длинные цепи, и они плакали от счастья, вздымая вверх руки и благословляя судьбу.

С огромным полоном, со многими возами всякого рухла, ковров, золотых и серебряных сосудов, шли руссы назад к Днепру. Следом за войском радостной толпой спешили освобожденные русские пленники, а следом за ними тянулись захваченные половцы.

Потом был обратный путь по Днепру и вдоль его берега, и вскоре русские города встречали победителей.

Около Переяславля Владимир Мономах попрощался со Святополком, с Давыдом черниговским, с другими князьями. Перед тем как отъехать от них, он сказал немного — о том, что это лишь начало. Свои силы сохранили Шарукан и Боняк, но где они — никто не знает. И требуется, возможно, не один такой поход, а несколько, чтобы окончательно обезопасить русские земли от набегов степняков. Князья соглашались на все. Успех похода был полный, и молва о славной победе на Сутене шла впереди русского войска. Особое место в этой победе та же молва отводила Мономаху.

А потом был в Переяславле пир на сених. Разодетые и изукрашенные, собрались в княжеском дворце за большим столом воеводы, бояре, старшие дружинники, во дворе, ближе к княжескому крыльцу были поставлены

столы для младшей дружины, а дальше толклись простые вои и весь народ, кто пожелал вместе с Владимиром Мономахом и его сыном Ярополком отпраздновать великую победу. Десятки провар меду, домашняя и дикая птица, всякие овощи, хлеба, сыры, чежи¹ сыто волоклись челядью на столы в корчагах, ведрах, котлах, на сковородах.

На сечах князь угощал приспешников заморскими винами. Сначала слово ко всему народу сказал сам Мономах. Он говорил так, чтобы все люди — и бояре, и дружина, и простые ремесленники, и смерды — понимали, что это их общая победа, что все они отстаивали дело всей Русской земли. Сегодня общей победой, будущей общей борьбой князь старался объединить всех. Потому и шел пир из сеней на княжеский двор, а оттуда на прилегающие улицы.

Время от времени вдоль столов шли княжеские отроки, оделяли простой люд мелкой серебряной монетой, разными княжескими дарами. И много в тот день было роздано добра переяславцам. Пусть помпят великий день, думал Мономах, пусть для каждого из людей его княжества поход в степь будет их собственным кровным делом.

На следующий день праздник продолжался. Мономах затеял большую соколиную охоту и тоже с большим числом людей, с ествой и питьем. А молва уже шла по Руси, как переяславский князь одаривал и благодарил свое войско, весь честной христианский люд за победу над степняками, и слепцы-гуслеры уже слагали во славу Мономаха свои песни.

* * *

И наступили мирные дни. Донские половцы затихли на долгие годы, и не было с той стороны выходов ни в 1103-м, ни в 1104-м, ни в 1105 году. За это время отстроились разрушенные и сожженные половцами города и села; теперь смерды выходили в поле уже без оружия и не опасались неожиданного появления половчина. Но и в эти мирные годы Мономах не забывал, что живы еще и имеют немало войска ханы Шарукац, Боняк, Старый Аепа и другие, что можно ждать новых выходов на Русь и от донских, и от заднепровских половцев. В своих ссылках гонцами, речами и письмами с братьями Святополком, Давыдом и Олегом Святославичами, со своими сы-

¹ Кисельные растворы.

новьями и сыновцами он постоянно напоминал о том, что настоящая борьба со степью лишь началась, что русская рать лишь прощупала к половецким станам свой первый путь и в будущем необходимо этот путь утверждать и осваивать, и он звал князей готовить дружины, вооружать пещев, строить ладьи для предстоящих походов и не жалеть на это ни сил, ни денег.

В эти мирные годы старшие князья, будто соперничая друг перед другом, крепили свои кровные узы с западными владыками. В прошлом овдовевший Святополк, сразу же вернувшись из похода в степь, женился на сестре византийского императора Варваре Комниной и тем самым нанес удар Мономаху, издавна гордившемуся родственными узами с константинопольским двором. Закрепил свою дружбу киевский князь и с Венгрией, отправив замуж в угры за королевского сына свою дочь Предславу.

В это же время Мономах сосватал дочь Марию за Льва Диогена, сына бывшего византийского императора Романа Диогена, которого отстранил от власти новый император Алексей Комнин. И теперь снова двоюродные братья находились в портивоборствующих станах. Святополк вынужден был поддерживать Комнинов, а Мономах, помогая своему зятю взойти на императорский престол, должен был содействовать молодому Диогену, который уже начинал объединять вокруг себя всех недовольных Комнинами. Подрос уже Юрий Владимирович, и нужно было думать о жене для него; скоро станут невестами и внучки, дочери Мстислава — Малфрида и Ингеборг, для которых тоже надобно уже сейчас искать мужей среди сыновей западных владык, укрепляя родственные связи Всеволодова дома, готовя будущих союзников для еще неизвестно каких войн.

Настойчиво стремился в эти годы Мономах укрепить ставшие прохладными отношения с Киево-Печерским монастырем. Он хорошо понимал, что любой князь, который не получит поддержку обители, не имеет прочной надежды на всерусское почитание и — кто его знает, как сложится жизнь, — на титул великого князя киевского. А Киев по-прежнему манил Мономаха. Теперь, когда он взял в свои руки борьбу с половцами, повел за собой всех князей, добился впечатляющей победы, которую доброхоты уже связывают с его именем, когда в его твердости и силе убедились люди всех русских городов, в том числе, конечно, и киевляне, ему легче стало теснить

Святополк, набирать себе все больше и больше сторонников в Киеве среди и бояр, и дружинников, и клира, и простого люда, для которого он являлся спасителем Русской земли от половцев, хранителем ее единства. И поддержка киево-печерской братии в это время была ох как нужна.

Но не дремал и Святополк: задаривал монастырь, следил за тем, как монах Нестор пишет «Повесть временных лет»: в этой летописи ему, Святополку, было отведено немало страниц и сказано немало добрых слов. А ведь летопись — это слава на будущие времена, и Святополк заботился об этой вечной славе, покупая расположение игумена и видных монахов.

Еще несколько лет назад, накануне похода в степь, уже заложив храм Богородицы в Смоленске, Мономах попытался вернуть утраченные за долгие годы пребывания в Переяславле связи с Печерским монастырем. В 1097 году он поддержал игумена Иоакима против Святополка в то время, когда игумен обличал киевского князя за ослепление Василька Ростиславича. За год до похода в степь, стараясь еще более укрепить свою славу радетеля за всю Русскую землю, почитателя великих русских святых, Мономах тайно, ночью, чтобы не выставить напоказ своей набожности, приказал оковать золотом и серебром раку великих русских страстотерпцев Бориса и Глеба в Вышгородской церкви, где лежали их мощи. Когда наутро молящиеся вошли в храм, они увидели великое чудо: еще вчера деревянная, рака блистала золотом и серебром, сияла драгоценным камнем, в самой середине раки были по серебру вычеканены лица святых мучеников и позолочены. По краям раки стояли золотые же светильники с горевшими в них свечами, отражавшимися тысячами солнц в золоте, серебре, камне, хрустале.

В тот же день Киев узнал, что всю ночь трудились в Вышгородской церкви люди переяславского князя, и сам Мономах, и все говорили, что, видимо, бог вложил князю в голову такую благоверную мысль, а приспешники Мономаха уже несли весть о деянии князя по другим городам и весям. Тем самым Владимир Всеволодович сделал еще шаг навстречу Печерскому монастырю, высоко чтившему святых Бориса и Глеба.

Так в большой мирской суете провел эти годы Владимир Мономах. Порой у него уже не было времени остановиться и оглянуться, подумать о жизни и о ее тщете,

как он делал когда-то, находя в этих мыслях радость и успокоение. Теперь все в этой жизни бурно перемешивалось — и спасение Руси от страшного врага, и погоня за такой недостижимой для него общерусской властью, и борьба за влияние в окрестных державах, и противоборство с двоюродными братьями.

А поздней осенью 1105 года, как обычно, после возвращения с летовища, дал знать о себе хан Боняк. Он вышел к Зарубинскому броду, неподалеку от Переяславля, прошел по днепровскому правобережью сквозь земли дружественных Руси торков и берендеев, ограбив и пожег их городки и станы. Снова выбрал Боняк удобное время — вот уже несколько месяцев киевская рать во главе со Святополковым воеводой, переяславская рать во главе с Ярополком, а также дружины Олега Святославича и полоцкого князя Давыда воевали Минск, где заратился и отказался признавать старших князей Глеб Всеславич Минский.

Боняк лишь краем задел переяславские земли и скорее пришел сюда для того, чтобы посмотреть, как поведут себя русские князья, вступятся ли за своих союзников и успеют ли собрать силы для погони за ним.

Успеть за Боняком на этот раз не удалось. Теперь надо было ждать его на следующий год. Раз Боняк ожил, значит, он будет чинить зло уже постоянно и повсеместно.

В 1106 году половцы вновь прошли по Приднепровью и на этот раз вышли к городку Заречску. Силами они пришли небольшими, и киевский князь послал против них своих воевод, которые, действуя, как это делал Мономах, обошли половцев сзади, отрезали от степи и тем самым заставили их бросить полон и спастись бегством.

Два этих выхода, новое появление вблизи русских земель Боняка указывало, что половцы оправились от разгрома на Сутени, сохранили свои силы в других местах. И прав был Мономах, когда после битвы на Сутени предупреждал князей, что смертельное противоборство со степью лишь начинается.

К зиме 1107 года Мономах вновь направился на север в Смоленск, а потом в Ростов в ежегодный объезд своих земель. Во время таких наездов он встречался с княжившими там сыновьями, а также с воеводами, дружинниками, предупреждал их, чтобы были готовы к новому походу, осматривал свои княжеские села и погосты, проверял тиунов и ключников, блюл свое княжеское хозяй-

ство. На этот раз с ним вновь, как и прежде, ехала Гита. Она давно не была в северных городах, не видала старших сыновей, в последнее время сильно болела и теперь, превозмогая себя, решила двинуться с Мономахом в Смоленск.

Владимир отговаривал жену, просил, но она молчаливо и покорно, как в молодости; смотрела на него, и он понимал, что у него и на тридцать третьем году их совместной жизни не было сил противиться этому взгляду. И еще он понимал, что на исходе своей жизни она хочет быть рядом с ним, как в молодые годы.

В Смоленске с приходом зимы Гита стала бледнеть, худеть и таять, и к весне она уже была почти такой же тоненькой и легкой, как и тридцать лет назад, только взгляд ее темных глаз стал тяжелым и исполненным муки. Она не жаловалась и терпеливо переносила боль и по-прежнему внимательно слушала, что ей рассказывал Мономах о мирских делах, держа ее тоненькую в кисти желтую руку, подбадривала и наставляла его. А он смотрел на нее и думал о том, что многое в его жизни принадлежало только ей и детям. Правда, что в жизни его вела княжеская гордость и честь, желание приумножить деяния деда и отца, всепоглощающая жажда власти, которая медленно, но верно с годами пробивала дорогу в его сердце, вытесняя оттуда не без труда все иные помыслы и чувства и холодя ум; правда, что в борьбе с половцами князь стал выразителем надежд не только князей Ярославова корня, но и простых людей Русской земли, которых жгли, грабили, гнали в полон степняки. Но где-то незримо, постоянно он чувствовал, знал, видел, что рядом стояла Гита, стояли сыновья, стояли дочери, для которых он был лучшим на земле князем, лучшим мужем, лучшим отцом, и каждый его успех был и их успехом и радостью для них. Теперь он смотрел в ее замерзающее лицо, на котором жили лишь одни глаза, и понимал, что вместе с Гитой многое дорогое, горячее, близкое уйдет из его жизни. Но так уж устроен мир: надо жить дальше и нести свою ношу, которую ему уготовила судьба.

Гита умерла за несколько дней перед пасхой, 7 мая 1107 года. Она лежала перед ним успокоенная, и тонкие брови ее немного удивленно, как в молодости, были приподняты вверх.

Здесь же он получил грустную весть о том, что сестра Евпраксия постриглась в монахини. В августе умер ее

муж Генрих IV, император Священной Римской империи, и как только Евпраксия узнала об этом, она пришла к Янке в Андреевский монастырь. Никакие уговоры сестры не могли изменить ее решения. Если муж мертв, твердила Евпраксия, она должна принять постриг.

Впоследствии Владимир записал в своем «Поучении»: «И на зиму в Смоленск пошел: из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла».

Эти известия он поместил между двумя другими о страшных набегах половцев Боняка на Русь.

И неизвестно, сколько бы еще времени пробыл Мономах в Смоленске, страшась оторваться от неживой уже Гиты, если бы с юга не пришла грозная весть: на Переяславль снова вышел Боняк. Нужно было возвращаться к мирским делам. Тяжкие потери и прежде не освобождали его от этих дел. На него смотрят его приспешники — бояре и дружинники. Их, своих людей, он должен защитить прежде всего. Должен он спасать и разоряемых смердов и ремесленников, иначе рухнет установленный богом порядок, который ему вручено блюсти на Русской земле. Что станут делать смысленые люди, если половцы изведут всех простых людей...

Из Смоленска он выезжал уже верхом, как в молодости, имея рядом поводных коней. Время не ждало. Одновременно он послал гонцов к братьям и не звал, а уже приказывал им явиться к лету в Переяславль. Он просил передать братьям свои слова, что не о переяславских добытках заботится он, а о благе всей земли и чтобы шли немедленно вместе с дружинниками и пешцами, как на Сутень.

Пока Владимир скакал к Переяславлю, Боняк сумел захватить княжеские табуны и отогнал их к своим вежам, а по пути смел с лица земли села, деревни, погосты, которые попались ему на пути, и угнал в плен людей. Но дальше не стал испытывать судьбу и ушел прочь, не дожидаясь погони за ним переяславского князя.

К середине лета 1107 года в Переяславль подтянулись княжеские дружины со всей Руси. Послушно пришли Святополк киевский, Олег Святославич, который вел с собой дружины черниговскую и новгород-северскую. Снова среди князей был Мстислав, внук Игоря Ярославича. Пришли и два Мономаховых сына с дружинами — Ярополк и Вячеслав. Переяславль наполнился людьми, званием оружия, весельем.

Мономах ждал очередного выхода половцев: раз Бо-

няк в мае не откочевал на юг — значит, теперь все лето и осень он будет тревожить русские земли, а откуда он поживится — никто не знал. Далеко в степь были посланы сторожи, им попадались отдельные мирные кочевья, но самого Боняка и его рать обнаружить не удалось.

Хан объявился со всеми своими силами через некоторое время на Суле у Кснятина, начал разорять и жечь там русские городки. Княжеские дружины бросились от Переяславля за Сулу, сумели догнать часть половцев, когда те уже уходили в степь, и навязали им бой. Половцы отчаянно отбивались, несколько раз переходили в яростные атаки, но в конце концов не выдержали и побежали прочь, потеряв многих своих ханов, обоз и полон.

В начале августа 1107 года они вновь явились на Русь. То было большое объединенное войско ханов Боняка и Шарукана. Шарукан вел с собой уцелевших от разгрома в 1103 году донских половцев, а Боняк — приднепровских, до веж которых еще не доходили русские рати. Вместе с этими главными ханами шли многие иные ханы. Половцы обступили Лубен со всех сторон и пытались взять город приступом, но когда горожане отбились, то пошли по округе, разоряя села и слободы, наполняя свой обоз новыми пленниками. К вечеру одного из дней за Сулой показались русские дружины, которые с ходу, сметая половецкие сторожи, перешли реку вброд и с кликом бросились на половецкое войско.

Удар Мономаха был столь неожиданным и дерзким, а кликнули руссы столь яростно и дружно, что половцы, не вступая в бой и не успев поставить свои стяги, бросились к коням и устремились прочь; другие же, не сумев взять коней, бежали в степь пешие, бросив полон и имущество, захваченное в Русской земле. Мономах приказал догонять бежавших и рубить их, уничтожая живую силу половецкой конницы, подсекая тем самым корень будущих набегов, и руссы, кого смогли, — догнали и посекли, а пеших хватили руками и вязали путами.

Руссы гнали половцев до реки Хорола и лишь там перевели дух.

Уже в начале сечи Мономах приказал во что бы то ни стало взять Боняка и Шарукана, послал к их шатрам своих лучших дружинников. Однако оба хана успели ускользнуть. У самого Хорола руссы догнали и засекли саблями Бонякова брата Таза, захватили в полон хана Сугру и его брата и чуть было не взяли Шарукана, но старый хан и на этот раз сумел отбиться от руссов на самом берегу Хо-

рола, уложив там, на броду, многих своих воинов, прикрывавших его бегство. Весь половецкий обоз снова достался русским князьям, но что это был за обоз: опять награбленное русское добро, пленники, которые тут же, освобожденные, разбрелись по своим волостям. Досталось руссам и великое множество коней, которых бросили степняки в открытом поле.

* * *

Эта победа состоялась 12 августа, и в этом году и в следующем снова было тихо: уже не хватало у половцев сил для ежегодного выхода в Русь.

Этой же осенью Мономах и Олег Святославич послали посольства в придонскую степь к ханам Аепе и другому Аепе, которые вот уже несколько лет после саковского свещания были мирны с русскими князьями. И этим летом они не пошли на Русь с Шаруканом.

Для половецких ханов это был трудный выбор. В степи долгими десятилетиями наверху удерживались лишь те ханы, которые могли поднять и возглавить воинов в очередной набег на русские, болгарские, византийские земли или на владения торков, берендеев, печенегов, наполнить половецкие вежи добытком, табунами коней, скотом, пленниками. И не беда, что время от времени они терпели жестокие поражения от соседей, из года в год, с неизменным упорством шли на Русь Тугоркан и Уруссоба, Алтунопа и Сугра, Боняк и Шарукан и еще так недавно оба хана Аепы. Теперь уже отправились на жительство к богам Тугоркан и другие. Боняк и Шарукан с прежним упорством ведут половецкую конницу на Русь, поднимая в поход всех донских и приднепровских половцев. Но ханы Аепа и другой Аепа решили блюсти мир. Уже в Сакове для них было ясно, что в ответ на объединение степи с большими трудностями, тяготами и спорами стала объединяться и Русь. И возглавил это объединение Мономах, который, как это уже показала жизнь, неизменно одерживал верх над половцами во многих сражениях и начал даже тревожить их вежи. Борьба с Мономахом означало бы для них, живших зимами в нескольких переходах от Переяславля, гибель. Уклонение от этой борьбы могло бы подорвать их власть среди других ханов, среди простых половецких воинов, которые требовали новой добычи, новых набегов на сопредельные страны. К 1107 году хану Аепе и другому хану Аепе стало уже совсем

трудно сохранять мирное устроение с Русью, и тогда они направили своих послов в Переяславль, прося Мономаха встретиться с ними еще раз и закрепить мир браками дочерей обоих ханов с сыновьями старших русских князей. Это дало бы обеим сторонам не только желанный мир, но и помогло бы ханам, ставшим своими русскими князей и, может быть, самого Мономаха, сохранять власть над своими коленами.

Посольство встретили в Переяславле с большой радостью, тем более что только что русские князья завершили хотя и победоносный, но такой изнурительный поход против половцев. И кто знал в это время, как поведут себя хан Аепа и другой хан Аепа, располагавшие тысячами свежих конных воинов и откормленными к осени конями.

Послов потчевали на княжеских сенях в присутствии видных бояр и воевод, держали их у себя несколько дней, пока гонцы не известили о посольстве Олега Святославича, княжившего по соседству в Новгород-Северском. Олег пригласил послов к себе, и те долгие дни цировали и вели разговоры и с Олегом Святославичем. Потом послы были в Чернигове у Давыда Святославича.

Русские князья согласились взять за своих сыновей дочерей обоих ханов.

В январе 1108 года трое видных русских князей — Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи двинулись в степь на встречу с ханом Аепой и другим ханом Аепой. Ханы подвинули свои вежи поближе к Русской земле и встретили князей неподалеку от своих станов, на реке Хорол, где совсем недавно руссы добывали половцев Боняка и Шарукана.

...Владимир, Олег и Давыд ехали в сопровождении многочисленных и богато одетых дружин, с развернутыми стягами и сами в червленых плащах, в золоченых шишаках. На многих санных возах князья везли с собой дары обоим ханам — золото, серебро, вина, русское узорочье.

И вот они впервые за долгие годы своей жизни едут среди кибиток и шатров многих тысяч половцев, и те, выйдя на дорогу, смотрят на русских людей, на Мономаха; женщины поднимают на руки своих детей, указывают им на золотой шишак переяславского князя, на личный Мономахов стяг со строгим ликом Спаса, что трепещет на ветру над головой князя, называют, шелестя губами, его имя, и этот шелест стелется за ним на всем пути к ханским шатрам.

Мономах едет с застывшим, строгим лицом, смотря

прямо перед собой и вверх, куда-то в вечеряющую даль. Конь его выступает мощно и стройно, и дружина сзади держится, как и наказано, строго и гордо: пусть знают степняки, что едет их неустанный воитель, князь, который не остановится ни перед чем, чтобы сокрушить врагов Руси.

В шатрах тепло, горят светильники, сладко пахнет настоем нездешних диковинных трав, тонкие гибкие половчанки обносят сидящих по половецкому обычаю на мягких коврах князей чашами с кумысом. Так начинается пир. Здесь же идут и переговоры о том, чтобы княжеским сыновьям Юрию Владимировичу и Святославу Ольговичу взять за себя одну дочь Аепы, внуку хана Осеня, с которым немало битв было у русских князей, а другому руссы воевали не меньше же. Потом, прикрываясь широкими рукавами накидок, в шатер входят дочери обоих ханов, открывают лица, розовея щеками, смотрят на светловолосых, светлоглазых русских князей своими черными как угли глазами, тихо звенят украшающим их византийским серебром. Ханы, довольные своими красавицами дочерьми, ласково посмеиваются, что-то лопочут на своем языке. А за пологом шатра наступает январский вечер, подывает ветер, и плотными рядами стоят около шатра рядом с половецкими воинами дружинники русских князей, готовые в мгновение ока схватиться за мечи и сабли. Здесь же за шатром стоят под седлами наизготове кони князей и дружинников, которых блюдут конюхи.

Через несколько дней, заключив с ханами вечный мир и любовь, Мономах с двоюродными братьями возвращался в Переяславль. Вместе с князьями ехали ханские дочери, а следом за ними тянулись возы с половецкими дарами князьям, выступали табуны коней, ехала половецкая свита, слуги, которые отныне должны были жить около дочерей хана Аепы и другого хана Аепы в Переяславле и в Новгород-Северском, и в тех стольных городах, куда пошлют своих сыновей старшие князья в будущем.

Теперь ближние половцы были замирены, но лазутчики-торки сообщали из степи, что близ половецкой донской столицы городка Шарукана вновь собирается несметное число половецких всадников, отсюда они идут к Донцу, ставят там свои вежи, а хан Шарукан и другие ханы, уцелевшие от разгрома 1103 года, похваляются вновь идти в Русь и отомстить за кровь Уруссобы, Алтунопы и других своих соплеменников.

Зимой 1109 года Мономах решил вновь потревожить донских половцев, не давая им подняться к прежней силе.

Перед ним стоял воевода Дмитр Иворович, которому он давал свою дружину и санных пещцев.

— Пойдешь до Донца санным путем, — говорил Мономах, — выяви, где стоят половцы, сколь полны людьми их станы, могут ли выйти против нас в предстоящие годы. А где найдешь их, если будет сила, сразись, пусть теперь знают, что ни зимой, ни летом им не будет покоя от русских ратей, пока не забудут они путь в Русь. Узнай, где кочует Шарукан и есть ли у них с Боянком ссылка.

Дмитр Иворович шел от Переяславля прямо в глубь степи. На санных возах везли зимние шатры, еству и питье, здесь же сидели пещцы, одетые в теплую одежду. Дружина двигалась верхами. Воины тоже были одеты под бронями и шипаками в теплое. Ночевали в лощинах, спасаясь от ветра, жгли костры, двигались не торопясь, щупая дорогу сторбжами. Торопиться было некуда: чем глубже ляжет зима, тем неожиданнее и тяжелее будет их удар по половцам. Сейчас они лишь недавно откочевали с юга, кони еще сыты, а придет время, и зима начнет брать свое. Прав Мономах — к половцам надо идти только зимой. Руссы лучше приготовлены для такого похода, да и кони их зимой так же кормлены и быстры, как и летом. Половцы же бедствуют среди метельной степи, именно с января месяца их настигают голодные дни и бескормица для коней.

К началу января Дмитр Иворович был уже на подходе к Донцу. Немногочисленные половецкие сторбжи, не оказывая сопротивления, откатывались в глубь степи. Дальние вежи при его приближении снимались с мест и исчезали в белой степи. Лишь у самого Донца черная волна половцев вырвалась из белой мглы и понеслась навстречу руссам. Сеча была недолгой. Вновь, как уже поучал русских воевод Мономах, половецкую конницу встретили пещцы, вновь разбилась об их щиты, копья и упорство конная атака лучников, вновь конная русская дружина довершила разгром половецкого войска. Степняки бежали розно, бросив свои вежи, имение, жен и детей. Тысяча кибиток со всем, что было в них, досталось Дмитру Иворовичу и полон бесчисленный.

Пленные половцы рассказывали, что Шарукан откочевал в этом году подальше от русских границ, что его вежи стоят на Дону и он собирает силы для нового похода в

Русь, а гонцы от Бояка сидят у него каждодневно и от него гонцы ездят к Бояку, за Днепр.

1 февраля, в самый разгар зимы, переяславский воевода вернулся к Мономаху, таща за собой кибитки, табуны коней, стада, множество пленных.

Так закончился этот поход, которому Мономах придавал важное значение. Это была и первая попытка достигнуть донских рубежей в тяжелое зимнее время, и возможность узнать, где стоят основные вежи половцев в это время, и стремление запугать врага, уничтожить его боевую силу — воинов и отнять у него как можно больше коней — этот главный и единственный способ быстрого передвижения степняков.

Мономах был доволен. Это было видно из того, как он сдержанно, не улыбаясь, шутил в ответ на рассказ Дмитра Иворовича, как, обращаясь к сидящим рядом сыновьям Ярополку и Вячеславу, призывал их учиться у удачливого воеводы, как молодо блестяли его глаза и как он легко ходил потом по хоромам, останавливаясь и слегка покачиваясь перед Дмитром Иворовичем на каблуках.

В конце он сказал: «На следующий год зимой снова пойдем в степь, пусть теперь Шарукан привыкает к нашим походам, дойдем и до его вежи».

За этими заботами Мономах уже давно не был в Киеве. А оттуда шли грустные вести: одна за другой умерли две его сестры — в июле Екатерина, а 10 июля 1109 года Евпраксия. Евпраксия лишь на три года пережила своего супруга Генриха IV и умерла на тридцать восьмом году жизни.

Но вместе с этими вестями верные Мономаху люди доносили, что все больше и больше киевлян недовольны Святополком. Он погряз в сребролюбии, отдаст через других людей деньги в рост, и резы¹ берут сейчас в Киеве такие, каких никогда на Руси не слыхивали, людей за невыплаченные резы кабелят; Подол снова бурлит, как в 1068 году, а люди Святополка хватают недовольных и сажают в поруб. Недовольны и монахи Печерского монастыря. Сегодня Святополк постоянно льстил монастырю: идя в поход, молился у гроба Феодосия; по просьбе игумена указал митрополиту Никифору по всем церквам вписать имя преподобного в синодик святых. Но монастырь все равно не благоволил Святополку. Недовольны и бояре, которые не видят в Святополке владыку, способного от-

¹ Проценты.

стоять против простого люда их села и дворы, доходы и резы. В Киеве все чаще называют имя Владимира Мономаха как единственного защитника Русской земли от степняков, как князя бояр, дружинников и церкви. Верят ему и ремесленники, и смерды, и закупы, и прочие, кто надеется, что уж он-то, судья праведный в своей волости, не даст и их в обиду, придя в Киев.

Мономах с радостью и скрытым волнением слушал эти вести, но лицо его было непроницаемо, иногда он движением руки останавливал говорившего, и было ясно, что князь боится ранней огласки этих вестей, не надеется даже на своих людей, не верит им, опасается, что раньше времени столкнут его со Святополком, с киевским боярством и тем самым погубят все дело.

Живя в те годы в Переяславле и направляя все силы на объединение князей в борьбе со степью, на подготовку все новых и новых походов против половцев, Мономах дорожил любой возможностью узнать, как живет свет, с кем мирны и с кем ратны западные и восточные властелины. Но особенно он дорожил вестями из Византии, во владения которой вошли крестоносцы, двигаясь на Восток. Его, русского князя, мало занимали церковные дела. Понимал, что за всем этим стоят мирские, чисто земные дела, кипят мирские страсти. Зато у всех гонцов, заезжих купцов, паломников, он настойчиво расспрашивал о том, как западные рыцари сумели объединить свои усилия, как смогли собрать не единожды такие огромные рати и повести их на Восток, какую помощь в этом деле оказала им церковь. Ведь он тоже затевал походы на Восток, на его собственный Восток, и хотел знать все о крестоносном воинстве. И когда Мономах узнал, что на Русь из святых мест вернулся черниговский игумен Даниил, он послал за ним гонцов.

Даниил не торопился в Переяславль. Только что придя на родину, он уже начал писать свое «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», которому вскоре предстояло стать любимым чтивом русского человека. Лишь закончив первые части своего труда, Даниил выехал в Переяславль.

И вот они сидят друг против друга в небольшой палате Мономаха среди книг и свитков — немолодой уже, повидавший мир паломник с испещренным морщинами лицом, с пронизательным взглядом светлых глаз, человек, которому суждено было стать одним из виднейших писа-

телей Руси своего времени, и князь-хозяин, князь-воин, большой любитель чтения и грамотей.

Беседа их течет неторопливо и дружелюбно. Даниил рассказывает о своем долгом путешествии в святую землю, о шестнадцатимесячном пребывании в тамошних местах.

Он добрался до Константинополя, потом морем доплыл до Яффы в Палестине, побывав во время пути на островах Эгейского моря, на Крите и на Кипре. Из Яффы с другими паломниками Даниил прошел сухим путем до Иерусалима, попал в королевство крестоносцев, созданное во главе с королем Болдуином I в 1100 году. В Иерусалиме он поселился на подворье палестинского монастыря святого Саввы и уже оттуда ходил к Иордану и Тивериадскому озеру, в Вифлеем, Хеврон и Галилею, во многие другие места. Долго он стоял в церкви Воскресения у гроба господня.

— Ну а какой он сам, гроб-то господень? — нетерпеливо спросил Мономах.

— Да его и нет, гроба-то, — ответил задумчиво Даниил. — Это как бы маленькая пещерка, высеченная в камне, с небольшими дверцами, через которые может, став на колени, войти человек. В высоту она мала, а в длину и в ширину одинаково четыре локтя. И когдаходишь в эту пещерку через маленькие дверцы, по правую руку — как бы скамья, высеченная в том же пещерном камне: на той скамье лежало тело господа нашего Иисуса Христа. Сейчас та святая скамья покрыта мраморными плитами. Сбоку проделаны три круглых оконца, и благодаря этим оконцам виден этот святой камень, и туда целуют все христиане.

— Значит, гроба нет? — с сомнением сказал Мономах.

— Нет, — простодушно повторил Даниил.

— А как же ключи от гроба господня...

— Так это ключи от пещерки, и держит их тамошний ключарь церкви Воскресения.

Мономах замолчал. Все более и более становилась ему ясной затея рыцарей-крестоносцев. Святыни святынями, ключи ключами, но, видно, главное для них не это, а земли Сирии, богатство Византии и Арабского халифата. Даниил рассказал, как его несколько раз принимал иерусалимский король Болдуин, как взял его с собой в поход на Дамаск.

А Мономах все спрашивал — как устроено крестоносное войско, много ли попов берут крестоносцы с собой в поход и как попы несут в походе свою службу, на что Да-

нил отвечал, что главное дело епископов, и попов, и всего клира в походе укреплять мужеством души воинов.

Надвигалась зима 1110 года. Теперь, после похода Дмитра Иворовича, Мономах окончательно утвердился в мысли, что на половцев следует идти именно в зимнее время или ранней весной. В конце 1109 года он сносился гонцами с братьями, и в начале 1110 года Святополк, Владимир и Давыд Святославич согласились идти в степь искать войско Шарукана тем же путем, что шел к Донцу и Дмитр Иворович. Опытный воевода должен был идти в передовом сторожевом полку и пролагать дорогу всему русскому войску. Олег Святославич снова отказался помочь братьям, прислав гонца все с тем же коротким словом «нездоров». На этот раз братья не настаивали, не стыдили Олега. Из Новгород-Северского доходили вести о том, что Олег действительно ослаб телом и душой, почти не выходит из княжеского дворца. Но своих воинов он прислал к брату Давыду.

Киевская, переяславская и черниговская дружины сошлись неподалеку от города Воина и двинулись в степь.

Январь в этом году выдался лютым. Стояли жестокие морозы с ветром, дующим с востока. Он колот снежной степной пылью лица воинов, сбивал дыхание у лошадей. Брони настудились настолько, что пальцы тут же примерзали к ним, пещцы пообморозили руки и ноги; не спасали и костры, которые войско запаливало, останавливаясь на отдых. Кони вдруг начали падать.

Князья съехались на совет и решили вернуть свои рати обратно по городам. Надо было сохранить людей, спасти оставшихся коней. К тому же в такую студеную зиму и половцы не посмеют высунуть носа из своих кибиток. Так, не дойдя даже до Донца, не говоря уже о стане Шарукана, где томились в неволе многие русские пленники, князья окончили поход.

Здесь же, в степи, под колючим ветром условились осенью встретиться вновь и подготовить новый поход против Шарукана уже в 1111 году.

ПОХОД 1111 ГОДА

Всю весну приходили в себя дружины и пещцы после неудачного похода 1110 года, и к лету еще не готовы были русские рати к новой войне с половцами. И случилось так, будто кто дал весть в степь о трудностях и болезнях среди русских, о нехватке у них боевых коней. Летом этого же года из донских степей вышло нечаянно множество половцев и ударили по Переяславию. Владимир был в это время в Киеве у Святополка, и город оставался без князя.

Давно уже стало очевидным, что половцы хорошо знали все, что творится на Руси, где обретается их самый большой враг Мономах — в Переяславле ли, в Киеве, Смоленске, сколько сил у русских князей и где они стоят, как живут между собою князья — мирно или ратно. Вот и теперь стоило Мономаху уехать в Киев — и через некоторое время степняки уже оказались около Переяславля. Город затворился в который раз, гонцы с дурными вестями поскакали в Киев и Чернигов.

В Переяславле оставались сыновья Вячеслав, Юрий и восьмилетний Андрей, новая княгиня, которую Мономах взял за себя из боярского рода, чтобы не творить блуда с рабынями и наложницами.

Половцев пришло великое множество, а в городе осталась лишь небольшая дружина; пешцы в это время разошлись все по своим дворам, смерды трудились в поле.

По вечерам, как и в давние времена, со стен Переяславля люди в скорбном молчании смотрели, как полыхают пожары в округе. И никто в те дни не выбежал из сел и слобод к городу — люди были либо убиты, либо сгорели в своих домах, либо попали в плен. Потом были вести, что забрали половцы большой полон около Семи и у Тучина, гнали людей, стянутых арканами, по дорогам, и на многие версты клубилась пыль в сторону Дона.

Мономах к этому времени заручился согласием Святополка на большой поход зимой или ранней весной 1111 года. Потом братья снова съехались на Долобское озеро и там продолжали свещание вместе со своими боярами и воеводами. Они сидели в тех же местах, как и в счастливом для них 1103 году, и снова в одном шатре. Горячо спорили. Одни стояли за то, чтобы снова двинуться на Донец в ладьях и на конях. Мономах же и Дмитрий Иворович, который только что побывал в тех краях, ратовали за зимний санный поход. Донец теперь Мономаха уже не привлекал. Он понимал, что все основные силы половцев стоят на Дону, туда и надо двигаться и, конечно, прямо через степь. Водой же можно потерять время, не дойти до Дона, наступит лето, и половцы в эту пору могут уже откочевать на юг, кроме того, в подсохшей степи на сытых конях они будут уже неуловимы.

Договорились идти в конце зимы, когда уже нет тех морозов, которые погубили прошлый поход, но когда снег еще лежит в поле и можно использовать санный путь.

Отсюда же, с Долобского озера, послали они гонцов к Давыду Святославичу в Чернигов с наказом готовить дружину и пешцев к близкому зимнему походу и поднимать с собой своих сыновей и сыновцов, детей Олега Святославича, если сам Олег не отойдет от болезни.

Мономах рассказал Святополку о хождении игумена Даниила, о крестоносном рыцарстве, о том, как папа римский, все архиепископы и епископы помогали крестоносцам в борьбе с неверными, как благословляли их и шли

в Иерусалим вместе с войском, помогали деньгами. И в предстоящем походе Мономах предложил брату взять в подмогу святой крест и идти в степь с крестом и попами и тем самым подвигать воинство на мужество и бесстрашие. Когда Святополк стал смеяться, улыбнулся и Мономах, но от своей мысли не отказался. Он пояснил брату, что их крестовый поход в степь придает всему делу особый смысл и слава о нем пойдет по всем русским землям и дальше, до западных стран и до Византии, Рима, дойдет она до Иерусалимского королевства, до короля Болдуина. «Ведь нам, брат, тоже важно, чтобы западные владыки знали и о наших победах над погаными. Будут остерегаться тогда идти к нашим границам и немцы, и ляхи, и твои любезные угры».

Мономах говорил о том, что легче будет поднять в поход и простых людей — смердов и ремесленников, которые чтут церковь и молятся на крест.

— А кроме того, придет случай, крестим половцев, оставим у них своих попов, сделаем их не врагами, а друзьями, как ханов Аепу и другого Аепу. Ведь и Византия через крест находила себе союзников и друзей.

Здесь же, в шатре, перед отъездом в свои города братья на виду у всех своих бояр и воевод обнялись, поцеловались и громко поклялись стоять в походе друг за друга. Оба хорошо понимали, что весть об этом тут же пойдет по Руси, укрепляя в воинстве веру в успех похода и крепость духа.

К концу февраля в Переяславль подошли все рати. Шли в поход Святополк с сыном Ярославом, с киевской дружиной и пешцами, Владимир Мономах с сыновьями Вячеславом, Ярополком, Юрием и девятилетним Андреем, с ними шли переяславская и смоленская дружины и пешцы из всех Мономаховых земель; Давыд Святославич пришел с сыновьями Святославом, Всеволодом, Ростиславом и с сыновьями Олега — Всеволодом, Игорем, Святославом. Шли с ними дружины и пешцы из Чернигова, Новгород-Северского и других подвластных Святославичам родов.

Митрополит Никифор, как и просил Мономах, прислал епископов и попов с крестами, со всей церковной утварью, со всеми ризами, приказал и другим попам храмов Чернигова и Переяславля всячески помогать князьям в этом самом большом для Русской земли походе в степь. Ехал с Мономахом и игумен Даниил, которому переяславский

князь наказал составить позднее запись о первом походе в глубь половецкого поля.

Из Переяславля вышли во второе воскресенье великого поста, 26 февраля 1111 года. Уже здесь Мономах постарался и воинству, и всему люду выказать священный смысл похода. Из Епископских ворот попы вынесли крест, а потом мимо креста с пением двинулся весь клир во главе с епископами. Все воины, в том числе и князья, проезжая и проходя мимо креста, получали благословение переяславского владыки и долго еще, целых одиннадцать верст, до реки Альты впереди ратей шли церковные люди.

На Альте войско остановилось, отдыхало. Здесь князья дождались дружины из других мест и затем уже двинулись в сторону Сулы. Перейдя реку Супой, миновав городок Воин, 3 марта рати вышли на Сулу, за пять дней пройдя 138 верст. Дружинники двигались по тридцать верст в день, пещцы при этом заметно поотстали. С войском шел большой санный обоз. В санях везли брони, копья и щиты, котлы для пищи, еству и питье. Сидели на санях и попы.

Уже на подходе к Суле воины стали снимать теплую одежду. С юго-запада подули теплые ветры, небо очистилось от серых низких туч, и на высоком синем небе засияло жаркое весеннее солнце. За день-два снега осели, наполнились водой, потом повсеместно стали проглядывать черные прогалины. Лошади выбивались из сил, таща по черной грязи груженные сани. По этой тяжелой дороге от Сулы до Хорола войско прошло двадцать восемь верст за один день.

На Хороле Мономах приказал пометать сани, распрячь лошадей и перегрузить на них всю поклажу. Сделано это было быстро, и рати задержались ради этого разве что на час или два.

После перехода Хорола князья вышли уже в дикое поле — там не было ни русских крепостей, ни поселений, здесь шли ничьи владения — кончалась Русская земля, по земля половецкая еще не начиналась. Тридцать восемь верст от Хорола до реки Псел прошли облегченно, без саний, за один переход и 5 марта подошли к Пселу.

Дальше войско двинулось на речку Голтву, находящуюся в двадцати верстах, и там передовые дружины остановились, так как нужно было подождать всех воинов: пещцы не поспевали за конными дружинами и вновь значительно поотстали, а Мономах, как и во время преж-

него победоносного похода 1103 года, во многом уповал на пещцев и полагал, что только они способны выдержать удар тяжелой половецкой конницы.

Наконец все собрались на Голтве и уже вместе двинулись по направлению к Ворскле.

Мономах на этот раз выбрал этот путь, зная, что на Ворскле есть удобные броды, но самое главное — оттуда войско уходило бы в половецкую степь, не имея около себя густых лесов и дубрав, где бы половцы могли спрятать большую засаду и неожиданно ударить на руссов в то время, когда их брони и щиты были еще в обозе.

Несколько раз Мономах в сопровождении малой дружины выезжал в степь проверить русские сторожи. Те двигались впереди на полперехода, держались скрытно, небольшие сторожи были выдвинуты еще дальше вперед, чтобы загодя обнаружить половецкое войско; вся степь теперь была под неусыпным вниманием руссов вплоть до самого Донца.

7 марта войско вышло на берег Ворсклы, пройдя за один переход от Голтвы тридцать шесть верст. Позади осталось уже десять дней пути и 254 версты по весенней расплывающейся дороге.

Здесь, на Ворскле, перед выходом в глубь половецкого поля Мономах опять обратился к кресту. Попы воздвигли на холме большой деревянный крест, украшенный золотом и серебром, и князья целовали его на глазах всего воинства, а потом рати прошли мимо него, благословляемые попами. Многие воины прослезились, видя, как Святополк, непобедимый Мономах и иные князья стоят коленопреклоненно перед крестом и молятся о победе русского воинства над неверными.

После Ворсклы поплы многие малые речки, которые войско переходило с ходу, не останавливаясь. Сто пятьдесят верст от Ворсклы до Донца русские рати покрыли за шесть дней и к 14 марта вышли к Донцу. Это был край тех мест, куда, идя южным путем, в 1103 году доходил сам Мономах и где разбил половецкую рать Дмитр Иворович. Но ныне в этих краях было пусто. После появления на Донце руссов здешние половцы откочевали к Дону, лишь кое-где стояли их небольшие станы, которые при приближении руссов тут же снимались с места и уходили еще дальше, в глубь поля, где стояла половецкая столица, называемая Шарукань, по имени хана Шарукана. Он уже многие годы правил в Донском краю, и с годами свой главный город половцы стали называть его именем, как

другой городок донских половцев назывался Сугров, в честь хана Сугры, которого вместе с братом русские князья пленили в 1107 году на берегу реки Хорол. Хана уже не было, а городок по-прежнему еще носил его имя.

Теперь сторожи все чаще доносили Мономаху о том, что поблизости постоянно появляются половецкие наездники, следят за русскими сторожами, выявляют путь всего русского войска.

Мономах последние дни не сходил с коня. Половецкая рать могла появиться в любое время, и степняки не должны были застать руссов врасплох. Шарукан враг хитрый, опасный и бесстрашный, и кто знает, на что может решиться он вблизи своих станов и городков, откуда нанесет удар.

Долгий и тяжелый путь не прошел для Мономаха бесследно. В свои 58 лет он быстро стал уставать, порой держался в седле через силу, но воины, не только переяславские, но и киевские, и черниговские, и иных городов, постоянно видели его перед собой — по-прежнему стройного, ладно сидящего в седле, с ободряющей веселой усмешкой на губах, обращенной к дружинникам и пещцам. Воины видели его и в сторожевом полку, и у оставших пещцев, ночами он выходил из патра и шел к кострам, вокруг которых, дремля, согревались воины. Он по-прежнему говорил, не возвышая голоса, мягко улыбался, и этот негромкий голос, спокойную, мягкую улыбку воины за долгие годы совместных походов с князем считали своей, относящейся только к ним, боевым товарищам. И только немногие, близкие к нему люди знали, какой ценой, каким огромным внутренним напряжением сил достигается это спокойствие и эта увелчивость князя, несмотря на видимые и невидимые трудности.

Вот и сейчас. Войско остановилось на Донце для небольшого отдыха. Воины запалили костры, достали хлеб, и мясо, и питье. Вслед за дружинниками подтягивались пещцы. Мономах слез с коня, разогнул затекшие от долгой тридцативерстной дороги руки, ноги и спину. Подумал, что действительно другие наступили времена, теперь, как прежде, он уже не сможет за один день от утрени до вечерни доехать от Чернигова до Киева. Пока дружинники ставили княжеский шатер, он пошел от костра к костру, заговаривая с людьми, отвечая им, улыбаясь.

Около одного из костров, где сидели его, переяславские, пещцы, князь остановился. Воины встали, радостно

приветствуя князя. Мономах посадил их, присмотрелся к крайнему пещцу, заросшему светло-русой бородой.

— А уж не ты ли гнал говяда под Переяславлем, когда я тебя встретил близ дубравы?

— Я, князь, — отвечал Синко.

— Ну как, до сих пор в поле носишь с собой и лук, и стрелы, и топор?

— Нет, князь, со времени твоего последнего похода в степь в 1103 году живем мы мирно, но вот в прошлом году снова Шарукановы люди все забрали, и дом спалили, и говяда того увели, хотя и был он уже стар.

— Терпи, — сказал Мономах, — может быть, завтра навеки покончим мы с половцами, возьмем Шарукана, как уже взяли многих ханов. А говяда тебе добудем нового.

В этот день полки облачились в брони, закрыли головы боевыми шишаками, поразобрали из обоза щиты и копья. Здесь же Мономах изрядил войско к бою, определил чело, крылья — полки правой и левой руки, дал наказ воеводам, а также тысяцким, которые поведут в бой пещцев.

Теперь войско подвигалось медленно, уже боевым строем. Впереди шел сторожевой полк, потом тремя потоками конные дружины, сзади же шли пещцы, которым надлежало при появлении половцев выдвигаться вперед и стоять в челе войска, принимая на себя первый их удар.

Но проходил час за часом, далеко сзади остался Денец; к вечеру сторожи донесли, что впереди виднеется город Шарукань — половецкая столица. Войско изготвилось к бою, но половцы так и не появились, а вскоре русские воины впервые в своей жизни увидели город, откуда начинались многие половецкие выходы в Русь, куда гнали русских пленников, сгоняли захваченный скот, свозили имение. Руссы смотрели во все глаза, но так и не увидели настоящего города: стояли сотни кибиток, глинобитных домов, шатров, и все это нестройное степное селение было опоясано невысоким земляным валом, который, видимо, и был предназначен для того, чтобы охранить Шарукань от единого конного набега соплеменников. Здесь, в далекой степи, за десятками рек и речек, Шарукан опасался лишь своих братьев — половецких ханов, русские же рати никогда не являлись в здешние места, и их половцы не принимали в расчет. Теперь же город лежал, по сути, беззащитным перед русскими воинами — большими умельцами брать и не такие валы, а настоя-

щие, рубленные из дерева и даже сложенные из камня детинцы.

Русское войско подошло почти вплотную к стенам города. Было очевидно, что Шарукана и всего его конного войска в городе нет, а будут ли защищать этот вал горожане и если будут, то как они это станут делать, — было совершенно неясно.

После короткого свещения с князьями Мономах, которому после Переяславля братья отдали руководство всем русским войском, приказал полкам готовиться к приступу, а поначалу вперед выдвинул попов. Полки приближались к городскому валу, а впереди воинов, одетые в ризы, с крестами над головами, шли священнослужители и несли тропари и кондаки честного креста и канун богородицы.

Перед этим на свещании Мономах сказал братьям, что в Шарукане, как рассказывали сами половцы, жившие в Переяславле, и торки, и заезжие торговые люди, живет много русских людей, не пленных, а либо пришедших сюда в давние времена добровольно, либо челяди, бывшей в услужении ханов, много здесь и христиан, и пусть священное пение напомнит им о родине, о родных святынях, возбудит их дух, пусть возьмутся русские люди, все тамошние христиане за оружие.

С городского вала замахали руками, подали знак, и Мономах приказал войску остановиться и пропустить к нему послов из Шаруканя.

...Они сидели на боевых конях, в боевом же облачении — бронях, сияющих шлемах, каждый под своим стягом — русские князья Святополк, Владимир Мономах, Давыд Святославич; сзади обретались их дети и сыновцы, справа и слева теснились дружины, а дальше выглядывали пешцы. А перед князьями в глубоком земном поклоне склонились видные жители Шаруканя, держа в руках чаши с вином и рыбу на огромных серебряных блюдах. Это означало, что половцы сдают город на милость русским и просят пощады, умоляют не разорять город и не жечь его в отместку за все те жестокости, которые совершили они, половцы, в русских землях; откуп же дадут, какой русские князья им укажут.

Все ликовало в душе переяславского князя. Наконец-то после долгих лет нескончаемых погонь за уводящими полон половцами, бесконечных страхов перед их выходами, нескончаемых зажженных ими пожаров, истребления городов и сел, стонов смердов и ремесленников,

бессильной ярости боярства и дружинников, терявших с приходами степняков своих зависимых людей, свои годами скопленные богатства, — он и его братья, сыновья и сыновцы стоят в середине половецкой земли между Донцом и Доном, и жители Шарукановой столицы сгибаются перед ними, отдавая город в руки руссов. И за этим поклоном виделись ему десятки прошлых битв, многие миры, вечные на словах, назавтра уже нарушаемые, схватки между самими русскими князьями, становившимися игрушкой в руках половецких ханов, и уговоры, уговоры без конца — и Святополка, и Давыда, и Олега, и иных князей, и предательские удары в спину Ростиславичей, Давыда Игоревича, Всеслава Полоцкого и снова пожарища и погони...

Он не чувствовал за своими плечами 58 лет, сегодня его душа ликовала с такой же силой, как в юности, в пору первых одержанных побед, первых ободряющих слов отца.

Мономах выпрямился в седле, нахмурился, приподняв голову, взгляд его прищуренных глаз был устремлен куда-то вдаль, поверх шатров и крыш Шаруканя, его округлое лицо словно окаменело, подбородок потяжелел, а голос стал жестким и державным. Мономах приказывал жителям сдать все оружие, отогнать в русский стан коней, отпустить немедленно всех русских пленников, а также пленных торков, берендеев и людей иных земель, кто захочет быть свободным и уйти с Русью. А для войска он просил все золото и паволоки, что есть в домах, все ценное имущество, взамен же обещал жизнь и жилища...

Половецкие послы толкли сапогами грязь перед Мономаховым конем, снова и снова кланялись русскому князю.

Это было 19 марта 1111 года.

Войско оставалось в Шарукане одну ночь, а уже на следующий день двинулось еще дальше к Дону, к другому половецкому городу Сугрову, находившемуся в 88 верстах от Шаруканя. Перед подходом к городу русские князья выслали к горожанам своих послов с предложением о сдаче, но половцы отказали и решили биться. Они велели передать Мономаху, что отомстить ему и братьям за смерть своего хана и здесь, на Дону, он испытает свою смертную чашу.

Сугров был укреплен сильнее Шаруканя: земляной вал здесь был выше, а поверху вала стояло воткнутое остриями вверх колье.

Со всех сторон русское войско обступило Сугров, но на приступ не пошло, начали метать в город со своих подвижных веж всякий огненный припас и стрелы с горящими смоляными наконечниками. Деревянный Сугров зажегся быстро, запылало и колье на земляном валу, высушенное и прокаленное жарким весенним солнцем. Половцы не умели так, как русские, отбивать приступы и тушить пожары, да и воды в городе было мало — всего несколько колодцев для питья. Половецкие воины метались среди горящих домов и кибиток, сбивались с вала, который стоял, окутанный клубами дыма. Но руссы не спешили, и лишь когда весь Сугров занялся огнем, они таранами высадили городские ворота и, разметав около них кучу половцев, ворвались в город.

Сеча продолжалась уже среди огня и дыма, русские князья приказали пленных не брать и уничтожить всех половецких воинов, кого увидят с оружием в руках: Мономах хотел надолго выбить колено хана Сугра из общеполовецких воинских сил, чтобы никогда более это хищное степное гнездо не выплескивало на Русь свои конные рати.

Все имущество, что сохранилось после пожара, руссы забрали в свой обоз и, отойдя, оставили город в пожарищах и развалинах. Остаток дня и весь следующий день русское войско устраивалось, хоронило убитых, отправляло сильно пораненных воинов назад в Русь; остальные отдыхали, залечивали свои раны, исправляли брони и щиты, брали себе взамен сломанных новые щиты и копья, топоры, мечи, сабли.

Затем, обходя сгоревший Сугров, русские полки двинулись к Дону и через полперехода были уже на его берегу.

Тих и пустынен был берег Дона, вода в низких травянистых берегах текла светлая и чистая. Сначала вдалеке блеснул он небольшой серебряной полоской, потом уже ближе, поразил своей красивой плавной излучиной. Красив был Днепр своим быстрым потоком, своими береговыми кручами, шумными порогами, красив был и Дон своим покоем и мирным привольным течением. Не верилось, что здесь, на этих спокойных берегах, десятилетиями зарождались страшные половецкие походы, опустошавшие Русь, иссушавшие душу русского народа.

С негромким гулом русское войско подошло к самому берегу Дона и встало на его берегу. Теперь все смотрели на князей.

Мономах сошел с коня, подошел к берегу реки, снял

с головы свой золоченый шлем, нагнулся, зачерпнул им воды из Дона, показал шлем всему русскому воинству и отпил из шлема несколько глотков холодной мартовской воды. И тут же крики ликования покатались по русскому войску, воины поднимали вверх копья и мечи, потрясали щитами. Следом за Мономахом под радостный гул из Дона испили Святополк, Давыд, другие князья, а потом и воде подошли воеводы, дружинники, пешцы; каждый воин считал для себя честью вслед за князьями взять из Дона воды в знак великой победы над половцами. Ведь каждый знал, что со времен старого Святослава Игоревича, громившего здесь хазар и сжегшего их крепость Белую Вежу, русские рати не доходили до такой степной глубины.

Плескалась вода в русских шлемах, раскололась донская тишина криками и громким, возбужденным говором.

Войско отдыхало на берегу Дона остаток дня и ночь. И весь этот день и всю ночь в степь уходили сторожки и из степи приходили сторожки: русские воины обзревали донские земли на десятки верст кругом, чтобы половцы нечаянно не пришли к Дону и не застали войско врасплох. На рассвете сторожки донесли князьям, что на речке Сольнице¹, что впадает в Дон, они видели множество половцев, которые собираются туда со всех мест, а куда пойдут далее, то им было неизвестно.

И сразу встряхнулось русское войско, потушены были костры, разобраны шатры, увезен обоз; воины вновь надевали брони, кольчуги и шлемы, взяли в руки щиты, копья, боевые топоры, луки со стрелами. Войско, как и прежде, расположилось полками. Шли не торопясь, осторожно, прикрывая войско сзади особым сторожевым полком.

Во время того похода Мономах как никогда ранее немудимо проводил в жизнь свои выверенные долгими военными годами взгляды на устройство войска, на его распорядок в походе: осторожность, постоянные и повсеместные сторожки, полная готовность к бою во время пути, высокий боевой настрой каждого дружинника, каждого воина, неустанное упреждение врага. Вот и сегодня, 24 марта 1111 года, сторожки лишь донесли ему о появлении больших конных толп половцев на Сольнице, а Мономах уже выступил туда всеми силами: главное теперь — не дать собраться там половцам со всей степи, напасть на них в неудобное для врага время, когда он не ждет появления

¹ Ныне река Тор.

русского войска, лишить подвижных степняков, любящих нечаянные нападения, их основной силы — быстроты и внезапности.

При подходе к притоку Сольницы — речушке Дегей¹ на краю поля появились большие скопища степняков. Но это уже не было неожиданным для Мономаха: он ждал их весь нынешний день и теперь ощутил то волнение, тот непонятный молодой восторг, который приходил к нему тогда, когда все им было сделано правильно и четко, когда он много и хорошо поработал и в вознаграждение за это к нему вот-вот должен был прийти успех.

Он понимал всю опасность этого часа — там, на краю поля, собирались тысячи вооруженных людей, и ни один из них не хотел умирать, но и с ним шли люди, которые думали не о смерти, а о жизни, о своих домах, селах, городах, женах и детях. На той стороне поля собирались люди, которых вела слепая ярость татей, пойманных с награбленным добром, здесь спокойно всматривались в даль, качали головами, обменивались немногими словами войны, которые пришли сюда, чтобы навеки покончить со страхом и унижениями, которые приносили им ежегодные вражеские набеги, утвердить себя на родной земле. И Момах, и другие князья, и дружинники, и простые вой — смерды и ремесленники, еще вчера с ненавистью взиравшие на княжеских тиунов и дружинников, вирников и огнищан, сегодня шли вместе не для того, чтобы умирать, а для того, чтобы победить заклятого врага.

Половцы мельтешили вдаль — то собирались огромной толпой, то вдруг растекались по самой кромке поля, то опять роились в центре.

Русское войско остановилось, и князья по ранней еще договоренности съехались перед ратями, обнялись каждый с каждым и поцеловались, поклявшись не посрамить Русской земли и добыть победу. Потом Момах обратился к войску. Он сидел на коне спокойный, твердый, в простых боевых доспехах, со щитом на левой руке и с саблей в правой, и всем было ясно, что князь готов самолично рубиться с половцами. Он, как всегда в торжественные минуты, слегка приподнял голову и будто бы вглядывался куда-то в даль, его становящиеся уже бесцветными глаза сузились, смотрели строго, а подбородок каменел.

Момах помнил древнюю легенду, внесенную монахом Нестором в «Повесть временных лет», о том, как Свя-

тослав Старый в решающей битве с византийским императором Иоанном Цимисхием близ Константинополя обратился со словом воодушевления к своим воинам и сказал: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые сраму не имут. Если же победим, то срам примем. Так не победим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами промыслите». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои головы сложим». Тогда руссы дружно ударили на греков и победили их. Из поколения в поколение на Руси передавалось это боевое слово Святослава Игоревича, и вот сегодня Момах, обратясь к воинам, снова напомнил им о старых победах, о том, как бил Святослав хазар и ясов, греков и волжских болгар, как трепетал перед Владимиром Святославичем Константинополь и как от них, воинов Киева, Чернигова, Переяславля, столько раз бегали половецкие ханы. Но больше всего Момах говорил о разоренных половцами селах, о спаленных городах, о том, что нет, наверное, в южнорусских княжествах домов, где бы не было родственников, уведенных в плен половцами. Русскими полоняниками сегодня торгуют во всех причерноморских городах, их видели в Сирии и Палестине, в Багдаде и Тире. «Здесь смерть нам: станем же крепко», — закончил князь, и все русские воины повторили за ним эти слова, подняв над головой копья, сабли, мечи, боевые топоры. И вослед за князьями все стали обнимать и целовать друг друга, как перед дальней дорогой, ибо дорога могла для многих из них быть уже последней. И делали это люди и близко, давно знавшие и любившие друг друга, и совсем незнакомые.

Тихо было в русском стане, каждый воин думал последнюю перед сечей думу. В челе русского войска стояли киевляне во главе со Святополком; Владимир Момах с четырьмя сыновьями встал на правом крыле вместе с переяславцами, ростовцами, суздальцами, смолянами, белозерцами; черниговские князья встали на левом крыле.

Вот они сидят на конях рядом с Момахом, четыре его сына — Вячеслав, Ярополк, Юрий и Андрей; Ярополк и Вячеслав уже взрослые воины, князья, владеющие столами в огромной Всеволодовой отчине; они прошли уже не одну сечу и сейчас спокойно смотрят на собирающихся в степи половцев. Юрий — молодой, нетерпеливый; всю жизнь ему кажется, что другие обходят его; он подо-

¹ Ныне река Кривой Торец.

зрителен, завистлив, скрытен, но храбр и решителен. Раньше Юрий показывал себя лишь на охоте — выходил на вепря и на лося; сейчас же сидел на коне в нетерпении, волновался, сумеет ли доказать всем — и отцу с братьями, и всему воинству — свою удаль и силу. Деятилетний Андрей был напряжен и бледен. Он тоже сидел в доспехах и на боевом коне, но рядом с ним были его дядька, несколько дружинников-телохранителей. Андрею надлежало лишь вместе с отцом следить за боем. Но все равно, если половцы начнут одолевать — судьба всем будет одна в этой степной глубине — либо смерть, либо плен. Андрей как замороженный смотрел на темную кучу половцев, на своего первого врага, который вот-вот будет совсем рядом. А Мономах, видя и чувствуя каждого из них, кажется, вовсе и не замечал их; смотрел вдаль, на край поля и лишь однажды положил руку на плечо сидящего рядом Андрея, и тот сразу обмяк, поуспокоился.

Наконец половцы кончили метаться по степи, сбились в огромную темную быструю тучу и помчались на руссов. Наступали сумерки 24 марта 1111 года.

Половцы, которых было столько, сколько руссы никогда и не видели, на этот раз устремились и на чело, и на крылья русского войска. Князьям некогда было осмотреться, помочь друг другу, каждый против себя имел множество врагов. Удар конных лучников вновь приняли на себя пешцы, их поддержали дружины; половцы остановились, но не откатились назад, как они это делали обычно для того, чтобы скоро же, собравшись вновь, напасть на русское войско, а ввязались в тяжкий рукопашный бой, стараясь прорвать ряды руссов, разметать их, а потом уже истребить. К этому же стремились и русские князья. По всему берегу Дегей стояли лязг и треск; войска стояли друг против друга насмерть, временами то продвигаясь на несколько шагов то там, то здесь вперед, то отступая, чтобы потом снова перейти в наступление. «Брань крепкая» — так назвал позже летописец эту сечу. Долгое время и руссы и половцы дрались не дрогнув, но наконец руссы стали одолевать, теснить половцев, слишком много их уже упало с коней, слишком узко было им здесь, привыкшим к широкому полю, к раздольному бегу своих коней, да и кони их, непривычные к этой страшной толчее, не знали, что хотят от них всадники, они толклись на месте, скалили зубы, оседали на задние ноги. Медленно, но неодолимо двигались теперь вперед

пешцы, прорубая дорогу в центр половецкого войска; конные дружинники дрались рядом, поддерживая и остерегая их. Много уже пало руссов, много и половцев.

Кончился день, и в это время половцы повернули коней вспять. И сразу же стих лязг, скрежет, треск — половцы большими толпами, сохранив многие свои силы, уходили в степь и скоро растворились в сиреновой дали.

Битва закончилась, враги бежали, но война не кончилась; когда она начнется снова — этого сегодня не мог сказать никто, может быть, через несколько дней, а может быть, этой же ночью.

Мономах приказал прежде всего этим же вечером воздать хвалу богу за дарованную победу, и попы отслужили благодарственный молебен, а обозные люди начали хоронить мертвых и класть на телеги, отнятые у половцев, раненых воинов.

Тут же Мономах выслал вслед за половцами сторожевой полк, направил сторожи и в другие стороны; остальным воинам разрешил присесть у костров, не снимая брони и кольчуг и не выпуская оружия из рук.

Когда князья, возбужденные, радостные, сошлись в его шатре, Мономах задумчиво сказал, что настоящей сечи еще и не было, так как, видно, не все половцы подошли из глубины степей, что самая тяжелая сеча еще впереди, но просил всех разойтись по своим полкам и, напротив, говорить воинам, что поганые бежали, что основные их силы разбиты и теперь они пойдут на новый приступ лишь с отчаяния.

Ночь и весь следующий день прошли в покое. Была вербная суббота, и воины нарезали себе веток, принесли их с берега реки и украсили ими весь русский стан.

Воскресенье тоже прошло мирно, но сторожи, донесли, что тьмы половцев появились на реке Сольнице при впадении ее в Дон. При этих вестях Мономах, верный себе, не стал ждать противника, а приказал свертывать стан и подвигаться навстречу половцам.

Весь вечер и часть ночи руссы, охраняемые сторожами, шли в ту сторону, где скапливались половцы, и уже через несколько часов увидели их костры.

Не зажигая огней, войско устроилось на короткий отдых, и, когда наступил рассвет, половцы вдруг увидели все русское войско, уже выстраивающееся в поле для битвы. Наступал понедельник, 27 марта 1111 года.

Писал летописец: «Наставшу же понедельнику стра-

стныя недели, паки иноплеменницы собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове¹ велиции и тмами тмы. И отступиша полки рускыи».

На этот раз половцы, используя огромный перевес в силах, решили не тратить их на бесполезные удары по челу, где стояли русские пешцы, а полностью окружить русское войско. Но Мономах не стал ждать, пока половцы со всех сторон обступят русские полки, и сам повел их вперед. И снова половцы были безмерно удивлены: руссы, которые испокон века в полевых битвах стояли на месте и ждали удара половецкой конницы, теперь сами пришли в движение: неторопливо, чтобы не загнать в скачке коней, продвигались дружинники, за ними плотным быстрым шагом шли пешцы, выставив вперед копыя.

Владимир, как и три дня назад, шел с правой руки, и отсюда же, с запада, наплывала из-за края поля огромная грозная туча. К тому времени, когда руссы сблизались с половцами, первые капли дождя ударили в землю, прогремел гром, взметнулся ветер и начал сечь русскую рать. В это время переславская дружина первая достигла половцев и на руссов обрушился град стрел. Дождь и ветер усиливались, и вскоре настоящая буря уже охватила сражающихся со всех сторон. Тогда Мономах крикнул своим воеводам, чтобы они увели рать еще правее и уже отсюда повертели бы в бок половцам. Руссы быстро развернулись и подставили под бурю свои спины. Теперь дождь и ветер хлестал половцам в лицо, слепил всадников, мешал им двигаться. И все же они неудержимо рвались вперед.

Мономах объезжал свой полк, ободрял воинов словами, а потом приказал вынести вперед свой стяг и сам с отборными дружинниками бросился в сечу. Полк правой руки с кликом устремился вслед за князем, тесня половцев.

В челе войска держался киевский полк, но руссы стали ослабевать, потому что именно сюда направили половцы всю тьму своих войск. На смену поверженным тут же шли все новые и новые воины, и казалось, что не будет конца их потоку, выливавшемуся из степи. Святополково войско изнемогало. Тогда Мономах отдал полк правой руки сыну Ярополку и вместе со своим стягом и переславской дружиной поспешил на помощь киевлянам.

¹ Лес, бор.

Он въехал в самую гущу сражавшихся и громко кликнул, зовя руссов к мужеству.

Появление переславского князя уняло сумятицу в киевском войске, укрепило воинов духом. Руссы дружно налегли на врага и стали одолевать половцев. Слева стойко держались черниговцы.

Теперь смятение началось в половецком стане. Из степи еще выезжали новые толпы всадников и выходили пешие половцы, но уже не было в их натиске прежней ярости, они то и дело оглядывались назад, словно звали кого-то на помощь или с тоской оборачивались к далекой спасительной кромке поля, где были жизнь и свобода. Справа продолжал налегать Ярополк с братьями. И наконец свершилось то, к чему с самого начала сечи стремился Мономах, — руссы разомкнули половецкие ряды, отделили их пешцев от всадников, разметали их полки в разные стороны, и теперь степняки отбивались нестройно, потеряв нить битвы.

Шарукана не было видно, но Мономах знал, что он где-то там, за гущей сражавшихся. Его надо было непременно либо взять, либо зарубить, но половцы, погибая под ударами русских мечей и сабель, все еще не рассыпались прочь, не открывали путь к шатрам своих ханов. А руссы заворачивали и заворачивали вправо, подставляя спины под ветер и дождь, и заставляя половцев сражаться не только с собой, но и с непогодой. Потом вдруг половцы словно надломились и бросились стремглав к донскому броду. На той стороне реки еще выходили из степи их уже негустые толпы, а все поле на этой стороне Дона будто бы катилось в сторону реки: бросая свое имущество, оружие, половцы — и конные и пешие — неслись к спасительному броду. Их догоняли, рубили; пленных князья приказали не брать, потому что Мономах хотел истребить всех тех, кто мог носить оружие, всех, кто либо уже совершал набеги на русские земли, либо, оставшись в живых, рано или поздно вновь пойдет войной в Русь. Более десяти тысяч половецких воинов погибло в этой сече; бой закончился, и уже нельзя было убивать несражавшихся людей; теперь, побросав оружие, половцы сами брели в русский обоз, прося жизнь и плена. Тысячи голов скота, коней досталось руссам.

Кончался день, замерла буря и стихла сеча, лишь стонали раненые воины, хрипели побитые кони, и крупный, редкий дождь глухо дробил щиты павших.

Мокрый, в изломанной броне, уставший и радостный,

объезжал Мономах берега Сольницы и Дона, а рядом с ним ехал маленький княжич Андрей, побледневший, со сжатыми губами, с враз повзрослевшим лицом. И рядом же был игумен Даниил, ставший летописцем похода.

Около толпы пленных половцев Мономах остановился, тихо спросил ближнего из них на его родном языке: «Как же так, такая вас сила была, много множество, и не могли вы противиться нам, и быстро побежали?» Половчин потупился: «Как мы можем биться с вами, когда некие ездил вверху вас в оружии светлом и страшном и помогали вам?» Мономах усмехнулся, заулыбались и подъехавшие к нему князья, тихо засмеялись бывшие поблизости ратники, закурили головами. Лишь маленький княжич все так же напряженно и серьезно смотрел на говорившего половчина.

— Полно тебе, — ответил Мономах, — это от страха вам привиделось, просто наша сила одолела вашу силу. Иди прочь отсюда и расскажи о всем, что ты видел здесь, своим людям. А Шарукана мы достанем и за Доном. — И тут же эти слова пошли по всему русскому стану, стали передаваться от воина к воину...

Князья сидели на конях, усталые, гордые от одержанной победы, громко смеялся княжич Андрей, а дружинники бросали к копытам княжеских коней все взятое добро, подгоняли к русскому обозу захваченные табуны. Скоро уже великое множество угвари, оружия, ковров, золота и серебра лежало посреди русского стана, а воины все подносили и подносили новые ценности. Сейчас по обычаю должен был начаться дележ захваченной добычи, и лучшее должно было быть отдано князьям, воеводам, старым дружинникам, остальное уже могли разделить между собой младшие дружинники, вои-пешцы, обозники. Воины теснились, выглядывали из-за плеч друг друга. Негромкий гуд стоял над полем.

Мономах выехал вперед, поднял правую руку, и сразу наступила тишина, лишь слышно было, как пофыркивали кони да в очистившемся от дождя воздухе щебетали откуда-то взявшиеся птицы.

«Настал час, которого долго ждала Русская земля. Наше войско стоит на Дону, а поганые либо побиты, либо пленены, либо бегут невесть куда. Теперь настал конец половецким набегам отсюда, с донских берегов. И Шарукан теперь гибнет в степи без своих воинов. И всего этого добились вы, воины Русской земли, и весь полон и весь добыток — ваш. Вы клали головы свои за

землю и за нас, князей, и ни один из нас сегодня не возьмет себе ни одной тамги, ни одного ковра, ни одного коня, все это ваше!»

Сегодня даже корыстолюбивый Святополк, казалось, не жалел об отданной воям добыче. Все думали лишь о том, что наступает время освобождения Руси от опустошительных половецких набегов, по крайней мере отсюда, с берегов Дона, от ежегодных откупов, лежащих тяжким бременем на княжеской казне.

Удивленные и радостные воины громким криком встретили слова Мономаха. Вверх поднялись мечи, копья, сабли, полетели в воздух боевые рукавицы, и долго еще радостно гудело поле между Сольницей и Доном.

Наутро князья решили немедля послать гонцов во все страны света с вестями о великой победе на Дону — пусть знают ляхи и угры, чехи и немцы о победе христиан над неверными, пусть задумаются, встретив весть о небывалом успехе русского войска. Послали гонцов в папский Рим и Константинополь, и пока русские рати, не торопясь, отяжеленные добычей, шли сквозь степь в родные земли, при дворах иноземных владык уже обсуждали удивительное известие из Руси, которое в те времена встало вровень с вестями о походах крестоносцев.

Поспешили гонцы и в русские города.

Удивительное и небывалое это было возвращение: толпами по всем городам, городкам, слободам и селам стояли люди, а войско неторопливо и достойно проезжало и проходило мимо, таща добычу, перегоняя захваченные табуны коней и скот, и это шествие поднимало в душах людей высокие помыслы и вызывало гордость за свою землю, и пропадали страх и безысходность, и приходили вера и мужество.

ВО ГЛАВЕ ВСЕЙ РУСИ

Теперь, после стольких лет военного напряжения, долгих походов в степь, сеч, которые продолжались по целым дням, погоня за врагом, наступила, казалось, долгожданная тишина. Куда-то стигнул и не подавал о себе вестей хан Боняк. Донские половцы бегут за железные ворота¹. А те, кто остался в донских пределах, замирены и живут с Русью в любви и дружбе.

В это лето 1111 года Мономах отдыхал. Все было спокойно в его волостях. Дети сидели на столах, наместничали. Затихли и Святославичи: Давыд жил незаметно в Чернигове, Олег болел, слабел телом и духом в Новгород-Северском.

Прежние развлечения — охота, рыбные ловы — прельщали Мономаха все меньше. Многие дни он проводил в своем переяславском дворце за отцовскими книгами

¹ В Прикаспий, за город Дербент.

или читал те сочинения, которые остались от Гиты и которые она хранила долгими годами. Здесь было «Отцовское поучение» и «Слово некоего отца к сыну своему» — книги, широко известные в западных странах. Мономах листал страницы, задумывался. У него тоже растут сыновья. Многие уже выросли, и у них растут уже их сыновья, и появлялось желание рассказать и своим детям, и детям своих детей о том, что он пережил, что видел, к каким раздумьям пришел. Но это требует времени, кажется, что теперь его будет достаточно.

Он читал и новые греческие книги, которые пересылал ему из Киева друг — митрополит Никифор, — «Шестиднев», «Беседы Василия Великого», «Слово Григория Богослова» и другие, вновь открывал свои любимые чтения — «Изборник» Святослава Ярославича, книгу, полную премудрых писаний и размышлений. Он читал помещенные там строки, полные ума и достоинства, и вспоминал суетного, жадного, завистливого Святослава, его беспокойный взгляд, его постоянное стремление выделиться, обойти ближнего. Как в одном человеке могли уживаться такая тяга к мудрости и такая мирская пустота!

Потом он, покряхтывая, садился в седло и не торопясь ехал по своим пригородным селам. Все здесь радовало его глаз: вновь отстроенные деревянные дома смердов, деловая суета полей и покосов, хозяйская хватка его тнунов, полные ествы и питья княжеские клетки и амбары.

Он возвращался к вечеру вновь в свой княжеский дворец, звал к себе сына Андрея, рассказывал ему о битвах с иноземцами, о славных войнах прошлого; потом уходил к себе. Отроки зажигали свечи, и он продолжал листать тяжелые книги в дорогах, из телячьей кожи переплетенных, разворачивал старинные свитки, снова и снова удивлялся прозорливости и мудрости создавших их людей. Но иногда чтение вызывало у него неудовольствие. Это было тогда, когда он внимательно и придирчиво обращался к только что законченной монахом Нестором «Повести временных лет». Он помнил этого монаха, когда он, еще будучи дитем, приезжал с отцом к преподобному Феодосию. Нестор был молчалив, скромн. Таким он и остался на всю жизнь, став при Святополке первым русским летописцем. Мономах видел его умный, пронзительный взгляд, слышал неторопливую, вдумчивую речь. Слов нет, его летопись — это выдающееся писание, плод зрелого, опытного, многознающего ума и горячего, бес-

покойного, гордого сердца, сочинение человека, влюбленного в Русскую землю, в свой народ. Но угадывались в этом писании и следы влияния Святополка и его людей. Все, что относилось к его имени и его делам, летописец показал во многом не так, как представлял это себе он, Мономах. О многом Нестор умолчал: скажем, о мздоимстве киевского князя, его жадности, стремлении во что бы то ни стало посадить на русские столы своих сыновей...

Наступила осень, а жизнь текла все так же неторопливо и спокойно. И все-таки он своим долгим опытом, чутьем понимал, чувствовал, что Русь, Киев, сам он, переяславский князь, стоят на пороге перемен. Откуда к нему приходило это понимание и ожидание, он не мог объяснить и сам, но с каждым месяцем эта уверенность в нем крепла. Даже для постороннего глаза было видно, что слишком уж долго, почти двадцать лет, держится на Руси установленный после смерти Всеволода порядок. В Киеве у власти сидят одни и те же люди, а долгое пребывание в силе порождает у людей ложную уверенность в вечности ими установленной жизни, вселяет чувство безнаказанности за зло, причиненное другим людям, делает их близорукими, притупляет у них чувство опасности. Так было со Всеволодом на исходе его жизни. Так нынче стало со Святополком.

...В осеннюю стужу этого же года в Киеве сгорел Подол. Незадолго до этого киевские ремесленники и всякие черные люди снова возмутились, грозили боярским людям, ростовщикам, поминали недобрым словом и князя Святополка. Недовольство людей, задавленных большими резами, выплеснулось и в Чернигове, Смоленске, Новгороде.

Подол загорелся ночью, и к утру многие сотни людей уже скорбно стояли около дымящихся черных развалин своих бывших жилищ. И уже не было у них ни сил, ни желания вновь бежать по улицам и вопить против жестоких мздоимцев. И был слух, что Подол спалили богатые люди, чтобы запугать бедноту, окончательно задавить недовольных. В то же время погорели ремесленные концы в Новгороде, Чернигове и Смоленске. Едкая гарь пожарищ долго еще витала над этими русскими городами, напоминая о несчастье, сея в людях тревогу...

Весной 1112 года сын Святополка Ярослав сосватал за себя дочь Мстислава, внуку Мономаха, и много и долго веселились люди Мстислава и Святополка и в Новгороде, и в Киеве, празднуя союз двух княжеских домов.

В мае умер злосчастный князь Давыд Игоревич, принесший столько несчастий и раздоров Русской земле, и другие князья, и в первую очередь Святополк, облегченно вздохнули — ушел из жизни старый враг Киева, который до конца своих дней мечтал о полной власти на Волыни.

Летом этого же года Владимир Мономах отдал в угры, за короля Коломана свою дочь Евфимию. Евфимия уехала в Венгрию, обливаясь слезами: Коломан был немолод, болен и выглядел страшно, был космат, крив, горбат, хром и не выговаривал слов, шепелявил. К этому времени он ослепил своих возможных соперников — младшего брата Альму и его сына — пятилетнего Белу. Евфимия должна была стать его второй женой. Первая же умерла восемь лет назад неведомо от чего, наследников у Коломана не было, так как после ее смерти скончался сын Коломана Ладислав, и король боялся остаться без потомства.

Мономах утешал дочь, уговаривал: угры нужны, необходимо оторвать их от союза со Святополком, а Евфимия молча плакала и не отвечала отцу.

Слезы дочери Мономаха особенно не заботили: суровая жизнь, неустанная борьба за власть требовали жертв. В этой борьбе гибли дети, уходили в малолетстве на столы в чужие города; дочери уезжали в неизвестность. Заботило другое. Угры — латиняне. И против родственных уз с ними всегда выступали и митрополиты-греки, ненавистники папского Рима, и Печерский монастырь. И теперь митрополит Никифор неустанно противится связям с латинскими владыками. Поэтому еще до сговора с Коломаном Мономах направил Никифору послание, где просил рассказать ему, «како отвержены были латиняне от святой соборной и правоверной церкви». Никифор откликнулся и подробно описал Мономаху историю раскола двух церквей, выписал ему все неправды римских пап. Произошел обмен грамотами, в ходе которого Мономах постарался убедить владыку в полезности связей с венгерским королевским домом.

Мономах читал письмо Никифора и понимал, что тому льстило внимание к нему знаменитого переяславского князя. После этого Мономах действовал уже спокойно, хотя и видел, что русская церковь всегда будет с недовольством воспринимать обращение русских князей в противную веру. Внуки Мономаха, дочери Мстислава новгородского, Малфрид и Ингеборг, незадолго перед отъездом Евфимии в Буду, вышли замуж за западных

принцев. Малфрид, будучи в гостях у ярла Шлезвига Эйлафа, вышла замуж за Сигу, сына норвежского короля Магнуса III; будущий жених Мономаховой внуки, возвращаясь в те дни из крестового похода к себе на родину, увидел ее при дворе и был пленен красотой русской княжны. Ингеборг стала женой датского принца Кнута Лаварда, ставшего впоследствии бодричским королем.

Проводив Евфимию, Мономах продолжал неделя за неделей неторопливую, размеренную жизнь.

После похода на Дон в 1111 году степь затихла. Ни в 1112-м, ни в начале 1113 года оттуда не было ни одного выхода. Теперь очистились пути для русских гостей в южные и восточные страны, и их караваны, что ни месяц, проезжали через Переяславль на юг. Дружественные Русси торки и берендеи укрепились в русском степном приграничье и несли там исправно свою полевую службу, а русские селения все дальше и дальше уходили в глубь степи: смерды тихо и упорно осваивали новые плодородные пахотные земли в тех краях, где еще недавно лишь свистели стрелы и взлетал аркан.

19 марта 1113 года смутились русские люди. В этот день полудни солнце затмилось, и его осталось совсем мало; оно напоминало месяц рогами вниз. И поползли слухи, что это знамение не на добро, и вновь заволновался Подол, вновь побежали ремесленники по улицам, а потом наступила пасха, и кажется, что все успокоилось. Но едва миновало светлое Христово воскресенье, как внезапно умер великий киевский князь Святополк.

Еще два дня назад великий князь отстоял пасхальную полуношницу и раннюю заутреню, потом после отдыха сидел за праздничным столом. Был он светел и весел. Вскоре после трапезы князь внезапно занемог и 16 апреля умер в своем загородном вышгородском дворце.

Смерть его была настолько поразительной и неожиданной, что близкие к нему бояре и дружинники растерялись. Не имелось, как это бывает в таких случаях, предварительного согласия между ними о великокняжеском преемнике. Да и неясно было, кто же мог наследовать великокняжеский стол. Согласно Ярославовой лестнице великим князем должен был бы стать кто-то из внуков Ярослава — Олег или Давыд Святославичи, но Давыд давно отошел от большой княжеской игры, послушно ходил в походы, когда его звали Владимир Мономах и Святополк и не высказывал никакого желания к выдвигению

среди иных русских князей. Олег к этому времени хотя и не утратил честолюбия, настойчивости и чувства зависти, столь необходимого в борьбе за власть, но в последние годы все чаще болел, и недуги не давали ему возможности стать активным соперником. Третьим по старшинству был Владимир Мономах, сидевший тихо последние два года в своем Переяславле.

Пока приспешники Святополка размышляли, как быть, посылали гонцов к Святополкову сыну Ярославу во Владимир-Волынский, везли тело умершего князя на ладье в Киев, а потом от берега на саях в церковь святого Михаила, которую Святополк построил в честь своего покровителя, тысяцкий Путята, близкий человек Святославичей, со своими людьми уже послал гонцов в Чернигов и Новгород-Северский звать Святославичей на киевский стол. Сплотились и приспешники Владимира Мономаха, сторонники Всеволодова дома и противники Святославичей. Их гонцы поскакали с вестями в Переяславль.

С утра 17 апреля шло свещание во дворе Путяты, бурлил старый Всеволодов дворец, полный сторонниками Мономаха. А в это время с утра же 17 апреля грозно загудел Подол. Там прошел слух, что Путята тайно сносится со Святославичами, что он крепко держит сторону ростовщиков и богатых евреев, что именно по его указу спалили Подол два года назад. И все народные беды последних лет — бесконечные и глубокие кабалы, и пожар, и разорение, и все страхи и знамения — предвестники новых грядущих бед вдруг сплелись воедино и выплеснулись в это апрельское утро. Сотни людей с топорами, косами, вилами, палками, камнями в руках двинулись на гору. Слышались крики: «Идем на Путятин двор!», «Сжечь дворы мздоимцев!», «Долой все кабалы!», «В Печеры, Печеры идем!» Разъяренные толпы заполнили улицы на Старокиевской горе, ворвались в старый Ярославов город, начали громить дворы богатых, смысленных людей. Двор Путяты был взят с бою одним из первых. Богатые купцы и ростовщики бежали розно, евреи спрятались в синагоге и огородились там, приготовившись к осаде, молились, причитая, своему богу; их дворы были пограблены и все имение разделено. Писал летописец: «Киевляне разграбили двор Путяты, тысяцкого, пошли на евреев, разграбили их».

Со времени большой смуты 1068 года киевские богатые люди не ведали таких потрясений. К вечеру мя-

теж утих, и люди ушли на Подол, грозя вернуться и отлить своим врагам все свои слезы, отомстить все беды.

В Софийском соборе по зову митрополита Никифора сошлись оставшиеся в Киеве бояре и старшие дружинники Святополка, сторонники Владимира Мономаха, епископы и игумены. Тут же было решено срочно слать гонцов в Переяславль к Мономаху и звать его на киевский стол.

Эти дни Мономах провел в смятении. Еще до приезда гонцов в Переяславль он уже знал о мятеже в Киеве, о великом нарастающем страхе богатых людей киевской земли перед чернью, перед голю, о желании киевской верхушки пригласить его на великокняжеский стол и сильной рукой, опираясь на дружину, подавить мятеж. Он с отвращением и ненавистью вспоминал крикливый, вечно волнуемый Подол, эти дерзкие взгляды и дерзкие слова, буйные дни 1068 года, когда, казалось, были оставлены под вопрос все завоевания, все надежды киевской земли... А потом мрачные языческие мятежи вятичей, новгородская вольница, яростно выплескивающие временами свою ненависть к боярам, купцам, ростовщикам. Он задыхался от негодования, от того, что ему снова приходилось вместе с другими князьями, смысленными людьми переживать это вечно тлеющее унижение страхом. Но откликнуться немедленно на призыв киевлян означало бы противопоставить себя киевским низам и одновременно вызвать ярость еще имеющих силу Святославичей, которым по праву старшинства, по Ярославовой лестнице надлежало занять киевский стол. А это сулило новые распри, новую войну, новые нашествия иноплеменников, приостановление, а может быть, и полное прекращение наступления на половецкую степь, которое с такими трудами и тяготами он начал осуществлять в последние годы, сплотив в борьбе с половцами всю Русь.

И когда гонцы рассказали ему о мятеже простых людей и о соборном решении звать его на великокняжеский стол, Мономах спокойно отказался. Нет, он не мог нарушить лестницу, не мог обойти Святославичей, ведь он уже доказал свою верность завещанию Ярослава в 1093 году, когда умер его отец и киевляне первые позвали его на отцовский стол.

Гонцы уехали ни с чем, а мятеж в Киеве все разрастался.

Уже на следующий день после отъезда гонцов в Переяславль вновь толпы людей высыпали на улицы города, обступили боярские и купеческие дома, окружили синаго-

гу. Некоторые подбегали даже к крыльцу великокняжеского дворца и выкрикивали угрозы в закрытые, заштопанные тяжелыми занавесями окна. Младшие дружинники, охранявшие дворец, молча смотрели на буйствующую чернь, не решаясь прибегнуть к оружию.

Большая толпа бросилась в сторону Печерского и Выдубицкого монастырей, грозясь расправиться с монахами — плутами и мздоимцами. Мятеж нарастал, вовлекая в свой водоворот все новые и новые сотни людей, пробудились окрестные слободы, поднялись против своих господ смерды, закупы, рядовичи. Холопы вышли из повиновения своим господам на княжеских и боярских дворах, должники отказывались платить резы и сам долг, расправляясь с особо ненавистными займодавцами.

Грозный призрак народной расправы со всеми богатыми людьми вставал над Русской землей.

К вечеру этого дня в Софийском соборе митрополит Никифор вновь собрал киевскую верхушку. И вновь было решено просить Мономаха срочно прийти в Киев, спасти княжескую власть, спасти имение, святую церковь, монастыри, бояр, купцов от потока и грабежа, унять мятеж. На этот раз споров не было: и сторонники Изяславова корня — приспешники Святополковых сыновей, и люди Святославичей, и иные дружно согласились звать Мономаха — слишком дорого для всех могла обойтись расправа в это трудное для знати время.

Вельможи вместе с митрополитом вышли на соборную паперть и обратились ко многим собравшимся там людям, уговаривая от имени всей Русской земли послать гонцов за Мономахом. Но народ продолжал вопить, припоминая все новые и новые обиды и угнетения. И лишь когда Никифор пообещал, что переяславский князь рассудит всех судом праведным и воздаст за обиды по заслугам, из толпы послышались крики: «Посылайте в Переяславль! Хотим Мономаха!» Это приспешники Всеволодова дома, рассеявшиеся в толпе, делали свое дело.

Гонцы везли Владимиру короткое и грозное письмо от больших людей Киева, сохраненное позднее в летописи: «Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор или сотских, или евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою¹, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят монастыри».

¹ На вдову Святополка, на великокняжеский дворец.

Теперь, после этого второго приглашения, сделанного не только от киевской верхушки, но и от всего народа, Мономах решил. И все же, уже быстро собираясь в Киев, снаряжая дружину, он послал гонцов в Чернигов к Давыду и в Новгород-Северский к Олегу, сообщая новые подробности о событиях в Киеве, о двукратном его приглашении и своем решении взойти для утишения Русской земли на великокняжеский стол.

В тот же день переяславская дружина двинулась в путь.

20 апреля 1113 года переяславский князь подъехал к Киеву. Ему навстречу вышли митрополит, епископы, бояре, которые вывели за собой своих людей, вовлекли в это шествие много народа. Сделать это было нетрудно. Мономаха в Киеве знали давно. Здесь он жил долгими месяцами и в юности, и в зрелые годы при отце, князе Всеволоде. Отсюда он не раз уходил в поход против половцев. Здесь стоял его дворец, находился его домовый Выдубицкий монастырь, вокруг города лежали его дворцовые села, полные смердов, закупов, рядовичей; отсюда уходили в Византию ладьи с его, княжескими, товарами.

Приспешники Мономаха понесли по городу слух, что князь проведет правый суд и накажет мздоимцев. Волнения городских низов стали утихать. А когда по киевским улицам при полном вооружении проехала княжеская дружина, мятеж окончательно стих. Стало ясно, что князь неспроста привел с собой сотни вооруженных всадников.

Мономах после встречи с горожанами близ киевских стен в город не въехал, а направился в княжеское село Берестов, потому что в Киеве было еще неспокойно. Кроме того, он хотел здесь, в отдалении от города, встретиться с верными ему людьми, допросить соглядатаев, выявить смысл народного недовольства и истинные причины мятежа. В город он должен был въехать утишителем и благодетелем, ибо не на один день, не на один год собирался он водвориться на Старокиевской горе и начинать ему, нарушившему Ярославову лествицу, следовало не с распрей, не с войны, а с мира и согласия.

Наступил следующий день, а князь все еще сидел в Берестове. Стало известно, что в загородном княжеском дворце вместе с ним сидят новый киевский тысяцкий, его старинный друг Ратибор, белгородский тысяцкий Прокопий, переяславский тысяцкий Станислав, видный боярин

Олега Святославича Ивацка Чюдинович, другие киевские и переяславские бояре и старшие дружинники. Здесь же вместе с ними сидят грамотей-писцы и знатоки русских и греческих законов.

И лишь по прошествии нескольких дней, после того, как в Берестове был написан новый закон Русской земли — «Устав Владимира Всеволодовича», Мономах опять же в сопровождении телохранителей въехал в Киев. И уже на следующее утро с княжеского крыльца, на площади близ Софийского собора, на Подоле и на торге, в селах и слободах, глашатаи прокричали собравшимся горожанам — кушам, ремесленникам, рабочим людям, селянам-смердам, закупам, рядовичам и прочим новый «Устав» Владимира Мономаха.

Отныне резы были ограничены. «И уставили, — кричали глашатаи, — до третьего реза, оже емлет в треть куны¹; аже кто возмет два реза, то ему исто², паки ли возмет три реза, то иста ему не взяти». А это означало, что если человек, взявший долг, заплатил дважды свои резы, то он обязан был возратить и всю сумму долга, но если он уплатил три реза, то есть уже вернул в полтора раза больше, чем взял, то долг ему по новому княжескому закону прощался. «Устав» говорил и о том, как брать резы с должников впредь: «Аже кто емлет по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати»³. А это означало, что теперь мздоимцам не разрешалось кабалить людей, как прежде, разорять их и волочить на правж. Великие резы, лихоимание несправедное, мзды тяжкие были тем самым прекращены.

В тот же день в Киеве мятеж окончательно утихнул, нашлись люди, которые побежали тут же славить праведный суд нового великого князя, но были и такие, которые лишь усмехались, говорили, что послабление вышло небольшое и должников, хоть и за меньшие резы, но по-прежнему будут кабалить богатые люди. Но для киевских бояр и воевод, для всех больших людей Русской земли эти разговоры были уже не страшны. Новым «Уставом» Мономах расколол чернь, привлек на свою сторону тех, кто шел в кабалу, не сумев уплатить великие ре-

¹ Получение 50 процентов роста годовых с отданной в долг суммы.

² Выданная взаймы сумма.

³ 1 гривна содержала 50 кун. Это значило, что речь идет о 20 процентах годовых.

зы. Долг с них был снят, и они благословили своего извистителя.

Но Мономах на этом не остановился. «Устав» был дополнен, и вскоре появились новые законы о закупах и рядовичах, смердах и холопах. Великий князь продолжал, пусть и в небольших размерах, облегчать тяжкую долю сельских зависимых людей. Теперь и закуп, если он заплатил дважды резы господину за взятый долг, уже не должен был третий раз отрабатывать на господской земле. Установил Мономах и другие законы, ограничившие закабаление смердов, закупов и других сельских жителей. Смердолобием называли приспешники Мономаха эти законы.

Но сам великий князь хорошо понимал, что, вводя новый «Устав», он не только успокаивал селян, но и помогал укрепить хозяйство сельских жителей, чьим трудом кормилась и князья, и бояре, и дружина, и монастыри.

Облегчено было и положение холопов, кто больше всего бунтовал и вошел в апрельские дни 1113 года.

* * *

И вновь утихла Русская земля.

Незадолго перед этим Владимиру Мономаху исполнилось шестьдесят лет.

Теперь он снова жил в великокняжеском дворце, но уже не как сын великого князя, а как хозяин Русской земли. В первые дни Мономах обходил давно знакомые палаты дворца, переходы, сени и словно вживался в эту новую жизнь, впитывал ее в себя, укреплялся этими новыми чувствами. Он стоял у окна, смотрел на залитые весенним солнцем улицы Киева, на веселую громаду Софийского собора, где ему отныне на всех торжественных службах надлежало занимать первое место там, на правых хорах, где обычно стояли Ярослав Мудрый, Изяслав, Святослав, его отец Всеволод, а еще совсем недавно Святосполк и где он долгими годами, жавшись в углу, к стене, наблюдал сильных мира сего, метался душой, царапал на стене слова-стоны своего сердца.

В прежние годы настойчивой борьбы за власть, тяжелых испытаний, отступлений, когда Киев отдалялся от него бесконечно, ему казалось, что этот миг утверждения на великокняжеском столе будет счастливейшим в его жизни, что он потрясет его. Сейчас же он испытывал лишь

спокойное удовлетворение и усталость и еще — невероятную озабоченность от тех дел, той ответственности, которая обрушилась на него сразу же. И ему подумалось, что этот слепящий миг счастья, представлявшийся ему прежде, был лишь порождением его молодой, еще не уставшей души, иступленного, яркого, лишь разгорающегося с годами желания. Он вздохнул, приказал позвать бояр и старших дружинников в гридницу на первое большое свещание: нужно было делать знакомое дело — заново делить землю, отодвигать в тень сыновей Святополка, обезопасить себя и своих сыновей от Святославичей, укреплять с таким трудом завоеванную, взятую в обход лестницы Ярослава власть.

Но сделать это Мономаху сразу не удалось. Еще кричали глашатаи о новом Мономаховом «Уставе» по городам и селам, еще возвращались в свои дома выбитые оттуда мятежным людом бояре, кушцы, еврейские ростовщики, а уже грозные вести неслись с половецкого поля — степняки, почуввав очередную междоусобицу на Руси, ожили, вышли на реку Выру близ Переяславля и вновь нависли с юга над Русской землей. И в те же дни, наскоро собрав войско, Мономах, уже будучи великим киевским князем, выступил навстречу старому врагу.

Торки донесли, что на этот раз объединились половцы приднепровские и донские. Приднепровских привел в Русь старый враг Боняк, а донских вел за собой сват и, казалось, надежный друг первый Аена. Он долго крепился, сохранял мир, но теперь, когда закачалась власть на Руси, решил, что наступило и его время.

Половцы захватили городок Выру, пограбили его и пожгли, и встали около Переяславля, а уже объединенная киевско-переяславская рать выступила им навстречу.

Как и в прошлые годы, Мономах в эти тяжкие дни, когда враг уже хозяйничал на Русской земле и нес народу неисчислимые бедствия, не стал ждать помощи из других мест, а отправился в поход, взяв с собой переяславскую дружину и уведя из Киева конных воинов Святополка. Во-первых, это были испытанные, старые бойцы, которые уже не раз и не два сражались под его водительством против степняков; а во-вторых, в тревожное время, когда еще неизвестно, как поведут себя дети Святополка и наиболее деятельный из них Ярослав, важно было удалить из Киева дружину покойного великого князя.

Одновременно он послал гонцов в Чернигов и потребовал выступления Святославичей.

Половцы еще не продвинулись далее Переяславля, а русская рать уже подходила к Ромнам. Мономах вел с собой своих сыновей, сыновцов — детей Святополка, Давыда, Олега; на этот раз и сам Олег Святославич явился в седле вместе со своей дружиной, хотя был он уже весьма стар и немощен. Однако держался на коне прямо и стройно, и лишь Мономах, который и сам уже отяжелел и потерял былую выносливость, понимал, каких усилий стоило Олегу вновь сесть на коня.

Половцы бежали, едва узнав о выходе Мономаха. Писал позднее великий князь в своем «Поучении»: «И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали».

Здесь же, в Переяславле, Мономах собрал своих сыновей и пересадил их по стольным городам. Второго своего по старшинству сына Святослава, который сидел до этого в Смоленске, Мономах посадил на переяславское княжение, к тому же Святослав лучше всех других знал повадки половцев, не раз ходил в походы против них, и Мономах думал, что он лучше всего сможет охранить южные границы Руси от степняков. В Смоленск же он отправил Вячеслава, а в Ростов — Юрия. Мстислава оставил по-прежнему княжить в Новгороде, а Ярополка, Романа и Андрея держал при себе. Жизнь его в Киеве только начиналась, и кто знал, на какие еще столы надо будет посылать сыновей. Теперь же он их рассадил лишь по своим родовым землям. И они как бы кольцом окружили со всех сторон Киев. Лишь особно держалась черниговская земля, да в далеком Владимире сидел, затаившись, его сынонец Ярослав Святополчич, женатый на Мономаховой внучке.

Вернувшись в Киев, Мономах сразу же приступил еще к одному важному и безотлагательному, по его мысли, делу. Ему следовало немедленно перенести великокняжеское летописание из Печерского в свой домовый Выдубицкий монастырь.

Долгими годами создавались летописные своды в Печерах. Там в 70-е годы трудился Никон, потом его сменил Нестор. С тех пор Нестор успел состариться в своей келье за созданием великого труда — написания «Повести временных лет», в которой он год за годом, век за веком рассказывал — «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть» и далее вплоть до княжения великого

князя Святополка. Именно при Святополке была написана основная часть его труда, и не случайно такое внимание в эти годы уделял киевский князь Печерскому монастырю. Монастырь отвечал князю взаимностью. Не случайно все великие свершения на Руси в последнее время были связаны летописцем с деяниями Святополка. Он и великий воитель, и многократный победитель половцев, он и утишитель Русской земли, и праведный судья, и князь, щедроты которого благословляла вся Русская земля. Мономаху же, переяславской окраине, казалось, во все не находилось места на страницах печерской летописи.

Мономах, находясь в Переяславле, постоянно интересовался созданием летописи. Ведь летопись — это и памятник прошлому, и свидетельство о настоящем, и предвидение будущего. Мирские страсти — любовь, ненависть, зависть, преданность, негодование, восторг ведут руку летописца, и чем одаренней он, тем ярче проявляются его чувства на страницах летописей. Слов нет: то, что читал Мономах, то, что ему рассказывали о «Повести временных лет», особенно о ее страницах, посвященных последнему великому княжению, выказывает немалую преданность Печерского монастыря Святополку. И это несмотря на их многие разногласия, свары. Видимо, Святополку все-таки удалось добиться своего: в тексте, созданном в начале XII века, нет ни слова о его участии в ослеплении Василька, не говорится о его корыстолюбии, о его блуде с одной из своих наложниц, которой он слушался во всем в последние годы. Святополку были приписаны все победы над половцами. Конечно, он был великим князем, но всей Русской земле были ведомы его колебания и трусость, неумение и лживость в этом большом и важном деле. Подробно описаны все деяния ветви Изяславовой, а Всеволодов дом и сам он, Мономах, отодвинуты в тень.

Пока Мономах был князем переяславским, все это не сильно заботило его, хотя он все время заглядывал вперед и думал над тем, какое место его отец, он сам, его сыновья займут на страницах летописи.

Теперь все изменилось. Оставлять летопись в прежнем виде значило бы постоянно иметь перед собой живой укор в виде деяний его скрытого врага — Святополка.

Мономах медленно листал тяжелые пергаментные страницы, вчитываясь особенно внимательно в описание

последних лет, и неудовольствие и неудовлетворенность все более и более охватывали его.

А уже на следующий день он призвал к себе игумена Выдубицкого Михайловского монастыря Сильвестра и попросил его взяться за новый летописный труд.

Мягко улыбаясь, тихим голосом он наставлял Сильвестра, говорил, что «Повесть временных лет» — это великий труд, каких еще не знал мир, но многое Нестору не было известно. Он, например, не знал, что и в Киеве, и на Волыни существует писанный рассказ об ослеплении Василька и последующей которе, созданный неким попом Василием, которому сам Василько рассказал все из первых рук. Там много говорится об участии Святополка в этом деле. Не знал Нестор и того, что в походе русских князей в половецкую степь в 1111 году принимал участие игумен Даниил, тот самый, который описал свое хождение в святые места. Там, в Палестине, он ходил с королем Болдуином в Сирию; здесь же прошел весь путь с русской ратью до Дона и обратно и видел все сам. Вернувшись, он написал рассказ об этом походе, и его тоже можно было бы использовать во вновь создаваемой летописи.

И Василий и Даниил были людьми, близкими к Мономаху, князь читал их повествования, ни о каких подвигах Святополка там, естественно, не было ни слова, зато дом Всеволода и сам он, Мономах, были представлены весьма достойно.

И многое другое говорил Мономах выдубицкому игумену, прежде чем отпустить его восвояси.

Конечно, Печерский монастырь будет недоволен тем, что княжеское летописание окажется на Выдубиче, но что делать, нужно создавать новый свод, в котором Мономах и его сыновья, их деяния должны занять подобающее место и прославлены в веках. К тому же и дел славных и полезных было свершено немало. А потом можно будет опять вернуть летопись в Печеры. Так думал Мономах, прохаживаясь по палате после ухода Сильвестра.

И еще более сильно заботили нового великого князя дела на Волыни. Известно было, что Ярослав Святополчич в большой дружбе с Коломаном, венгерским королем. В этом проявлялась давняя связь Киева, Изяслава дома, Святополка с уграми. И надо как-то рвать эту связь, постепенно овладевать Волынью.

Первым шагом Мономаха здесь было укрепление

дружбы с Ростиславичами, которые извечно враждовали и с ляхами, и с уграми, и с Киевом. Мономах послал сватов в Перемышль к Володарю Ростиславичу, и уже к середине года в Киеве справляли свадьбу Романа Владимировича и дочери Володаря. Но не дремал и Ярослав Святополчич. Вскоре из Венгрии поползли слухи о том, что Коломан недоволен своей женой, дочерью Мономаха Евфимией. Между королем и королевой начался разлад. И вот уже Евфимия объявляет о своем желании покинуть Венгрию и отправиться к отцу в Киев, и в то же время Коломан открыто обвиняет жену в неверности и объявляет о нежелании продолжать с ней супружескую жизнь.

В конце 1113 года Евфимия Владимировна появляется при киевском дворе в ожидании ребенка, который, если это будет сын, станет единственным наследником венгерской короны, потому что иных наследников у Коломана нет. Отношения с Венгрией ухудшаются. Но Мономах проявляет и на этот раз выдержку и терпение. Он не вступает за дочь. Известно, что Коломан сильно болен. Вот-вот в Венгрии начнутся перемены, возможно возгорится междоусобица. Надо ждать, крепить союз с Володарем, следить за Ярославом Святополчичем.

Вскоре у Евфимии рождается сын Борис, сын Коломана, который сразу же становится претендентом на венгерский королевский престол.

И новые заботы одолевают Мономаха. Тяжело заболевает его сын Святослав, переяславский князь. Старания лекарей не помогают — лучший из них, печерский монах Агапит, который лечил и Всеволода, и Святополка, и его, Мономаха, откровенно говорит великому князю, что дни Святослава сочтены. И не истекает еще этот, наполненный событиями 1113 год, как Мономах на замену больному Святославу посылает в Переяславль Ярополка, который тоже уже сидел в этом городе и который тоже ходил в степь и показал себя смелым и искусным воином.

16 марта 1114 года умер Святослав. Мономах выехал в Переяславль на похороны сына. Он был грустен и молчалив, тяжелые мысли о неотвратимости судьбы, как всегда в таких случаях, одолевали его, но прежнего отчаяния, глубокой безысходности и чувства невосполнимости от перенесенной потери, которые он пережил после гибели в сечах брата Ростислава и сына Изяслава, у него не было. Те потери потрясли его. Но с тех пор вокруг было столько смертей, столько жестокости, столько новых

потерь... Ушли из жизни Гита, сестры, двоюродные братья.

И сколько за время нескончаемых битв с половцами он потерял близких людей, бояр, дружинников, пещев, которые прошли с ним многие боевые дороги, сколько видел страданий и несчастий. Теперь, в свои шестьдесят лет, он, казалось, хранил их в себе. Они прошли через его сердце, они, наверное, изменили, закалили и ожесточили его, сделали спокойнее, черствее; а может быть, он просто постарел и его чувства замирали.

Он ехал в возке, смотрел вдоль знакомой до мелочей дороги, вспоминал, как сажал Святослава на коня, как провожал его, десятилетнего, трепещущего, заложником в половецкий стан Итларя и Китана, а после избиения Итларевой чады обнимал его, выкраденного воинами из половецкого шатра, испуганного ночной резней... Все это было. Спокойная грусть охватывала его снова и снова, а мысли уже рассеивались, возвращались в Киев, который, кажется, только недавно затих после прошлогодней апрельской бури; думы уходили на юг к Владимиру-Волыньскому, где плел против него нити заговора Ярослав Святополчич, обегали стольные города, которыми правили его сыновья, — Новгород, Смоленск, Ростов, Переяславль. Теперь смерть Святослава все перемешала. Прежние расчеты и надежды требовали исправлений. И чем больше он думал, тем дальше отходила от него мысль о смерти сына.

С того часа, как он взял власть в Киеве, Мономах уже не мог, как прежде, дать себе ни малейшего послабления духа. Это прежде еще он был способен написать идущее из глубин души письмо Олегу, или, как некогда отец, дать волю чувствам и отворотиться от междоусобий. Теперь жизнь, власть, воля сотен людей, всей боярско-дружинной купеческой, церковной верхушки, призвавшей его в Киев, вела его, и он, великий князь киевский, самовластный владыка одного из крупнейших европейских государств, молча подчинялся этой новой необходимости, оставляя все меньше и меньше места личным желаниям, бездумным вольностям и превратностям прошлого.

Власть требовала порядка, и порядок этот отныне держал его все более и более крепкой хваткой. Так было уже и прежде, когда он владел Черниговом и Переяславлем, и все же высоты власти одного из князей и первого князя были несоизмеримы.

Раньше он бы остался в Переяславле надолго, объез-

дил бы все дорогие сердцу места, отдохнул в небольшом, уютном княжеском дворце. Теперь дела накатывались со всех сторон — самые разнообразные и нелегкие.

Он похоронил сына в церкви святого Михаила и в тот же день выехал в Киев. А сюда уже стекались вести — и добрые и злые — со всех концов Руси, их приносили лазутчики, дружинники, купцы, паломники, послы, верные торки и берендеи. В Новгороде Мстислав строит новую каменную крепость. Против кого? Новгородское боярство во главе с его бывшим другом Ставкой Гордятичем все выше поднимает голову. С тех пор как они отняли себе у Святополка его, Мономахова, сына Мстислава, их гордыня уже не знает предела. Тогда ради сына он их поддержал; но такова жизнь, и нынче эта былая поддержка уже оборачивается не против Святополка, а против него самого — владыки Киева. Около Мстислава увиваются латиняне, а это значит, что начнут рушиться древние устои и новые западные ветры задуют в новгородские паруса.

На берегах Варяжского моря забеспокоилась чужд, не желающая более платить даней. Волжские булгары, пользуясь молодостью и неопытностью сына Юрия, начинают тревожить границы Ростово-Суздальского княжества. Дерзко ведет себя Глеб Всеславич Минский. По городам на епископских кафедрах сидят еще люди Святополка, от них расходятся по приходам ядовитые словеса, их надо заменять своими людьми, ну, скажем, игуменом Данилом, большим грамотеем, который прошел с ним весь поход 1111 года и составил о нем складное повествование.

С юга доносили о том, что вновь ожила половецкая степь, вновь роятся донские половцы и сносятся с приднепровскими людьми Боняка. А это означало, что нельзя ждать их новых выходов и нужно самому осуществлять поход в степь, идти на поиск половецких станов.

В Придунавье его зять Леон Диоген продолжает собирать людей для борьбы с императором Алексеем Комнином, и надо думать: помогать ли ему в этой борьбе, настало ли время идти по следам Святослава Старого и внедряться на западном побережье Русского моря? Ляхи и угры постоянно сносятся с Ярославом Святополчичем, и перемышльский князь Володарь, сват Мономаха, чуть не ежедневно шлет гонцов с тревожными вестями. Если Ярослав захватит Перемышль и Терембовль, подчинит себе червенские города, его сила возрастет чрезвычай-

но, и тогда Волынская земля отложится от Киева вместе с торговыми путями в западные страны, с ценной галичской солью. Над Русской землей вновь вставала грозная тень междоусобий и нашествий.

И скакали гонцы с наказаниями сыновьям, отправлялись на юг и на север тайные лазутчики, назначалось купеческим караванам доподлинно узнать половецкие замыслы, посылались казна Леону Диогеновичу в Придунавье на наем войска.

Но прежде всего нужно было вновь и вновь ковать единство Русской земли, сплачивать основные силы — Всеволодов дом, Святославичей, Новгород, Печерский монастырь, митрополичью кафедру, а там уже к этому мощному ядру присовокуплять других бояр, дружинников, купцов и всяких уных людей. Мятеж 1113 года еще раз показал Мономаху, что опора только на верхушку, полное забвение нужд уных грозит тяжкими бедами для всех смысленных людей.

И как всегда бывало в таких случаях, прежде всего Мономах обратился к именам страстотерпцев Бориса и Глеба. Сколько уже раз действие, связанное с их мощами, способствовало решению больших мирских дел, и кто из князей не пытался использовать имена убитых братьев в своих интересах.

Теперь, посоветовавшись с митрополитом Никифором, Святославичами, другими князьями, Мономах решил торжественно и всенародно перенести мощи Бориса и Глеба из уже ветхой деревянной вышгородской церкви в новый каменный храм их имени в том же Вышгороде.

В конце апреля в Киев съехались владыки со всей Руси. Были здесь стольные князья, Давыд и Олег Святославичи, их сыновья, владеющие черниговскими городами; сыновья Мономаха, епископы Феоктист Черниговский, Лазарь Переяславский, Даниил Юрьевский, которого недавно Мономах посадил в этом городе; игумены Прохор Печерский и Сильвестр Выдубицкий, прочие отцы церкви.

1 мая 1115 года при великом скоплении народа было освящение храма, а 2 мая в день Бориса и Глеба — перенесение их мощей.

Мономах шел первым за ракой сначала Бориса, потом Глеба, а кругом давился народ, напирал, и было столь страшное утеснение, что Мономах распорядился тут же метать в толпу мелкую монету и куски парчи; этим немало расчистили дорогу, и шествие продолжалось.

Все шло хорошо до того часа, когда нужно было класть мощи на вечное захоронение.

Мономах предложил поставить их раки посреди церкви под серебряным теремом, Давыд и Олег желали похоронить святых в коморе, в боковом приделе, где когда-то намерчал это сделать их отец — великий князь Святослав.

Острая распря началась здесь же, в церкви, в присутствии всего причта. Святославичи готовились к этому часу давно. В апреле 1113 года они не двинули свои дружины на Киев, лишь испугавшись широкого народного мятежа, охватившего многие города Руси. Потом было уже поздно: пришли половцы, и нужно было спасать и свои и чужие земли. Но их ненависть к Мономаху крепла: за долгие годы Владимир, отступив в прошлом не раз от киевского престола, все же нарушил лестницу Ярослава, сделал их изгоями, замкнул в пределах лишь своих черниговских земель. Теперь их сыновья, внуки и правнуки никогда законно не сядут на киевский стол.

Святославичи спорили так, будто от того, где положат мощи, зависят дальнейшие судьбы Русской земли.

Распалился и Мономах. Он долгими годами, десятилетиями давил в себе гнев и возмущение, ненависть и страх ради единства Русской земли, ради отца, ради детей, ради сестер, брата, ради самого ценного в его жизни — борьбы с половецкими набегами. И теперь, когда многое осталось позади, принесены такие жертвы и проделаны десятки боевых походов, когда Киев уже в его руках, нужно было снова улыбаться, хитрить, ждать... ждать чего? Ему было уже шестьдесят! Его щеки пошли красными пятнами, и он гневно понизил голос, и тот, сошедший почти до шепота, задрожал от ярости. Стало ясно, что на этот раз Мономах не уступит.

Напряженно стояли рядом Мономаховы дружинники, схватившись за рукояти мечей, внимательно следя за своими противниками.

Дело решил митрополит Никифор, предложивший кинуть жребий: церковь была против новой междоусобицы, которая могла обернуться неисчислимыми бедствиями для верхушки Русской земли.

Затихли спорящие стороны, поняв тайный призыв митрополита.

Выпал жребий Святославичей.

Эта последняя вспышка окончательно подорвала силы

Олега. После пышных торжеств и пиров он вернулся в Чернигов к брату усталый и опустошенный и занемог.

1 августа он умер, а 2-го был погребен в Спасском соборе рядом с отцом — великим князем Святославом Ярославичем.

Весть о смерти Олега Мономах воспринял спокойно. Уже в Киеве было видно, что Олег не жилец — худой, сгорбленный, с серым лицом, он держался лишь своей неяссякаемой гордыней. Олег знал, и это знали все, что он оставался по старшинству первым русским князем, сыном великого князя, который правил в Киеве ранее Мономахова отца. Было видно, что в распри около рака Бориса и Глеба он вложил последние душевные силы.

Теперь Олега нет, и с ним ушла в прошлое длинная пора привязанности и надежд, зависти и вражды, междоусобий и убийств, кажущегося смирения и неутоленной гордости.

Отныне, казалось, Черниговская земля была неопасна, а горячее заполошное племя Ольговичей он сумеет держать в узде; старший из них, Всеволод Ольгович, уже при жизни отца послушно ходил в походы по указке переславского князя.

И словно первой проверкой для Ольговичей стало приказание Мономаха собираться к ранней весне 1116 года в новый большой поход в донские степи. Верный себе, Владимир решил вновь нанести упреждающий удар по старому врагу, добить окончательно донских половцев, потому что основные силы в недавнем половецком выходе в Русь были снова с Дона. Что касается приднепровских половцев, то они все больше увязали в войнах с Византией, откочевали к югу, вмешивались в распри балканских государей и меньше беспокоили киевского князя.

Готовились рати киевская, черниговская, переславская, смоленская. Но все расчеты перечеркнул заратившийся минский князь. С севера пришли вести, что Глеб Всеславич вторгся в смоленские земли, разорил дреговичей, сжег Луческ.

Владимир с досадой слушал сбивчивый голос запыхавшегося гонца, которого пригнал к нему сын Вячеслав. Снова Полоцк, снова племя Всеслава. Сколько можно Руси терпеть невзгод и напастей от заносчивых полоцких князей! Или мало жгли их города — Полоцк, Минск и другие, или мало людей угоняли в полон, отнимали княжеские и боярские пожитки? Нет. Теперь нейметса Глебу.

Мономах ходил по палате, закинув руки за спину, круто повертываясь на каблуках, с нарастающим раздражением думал о том, что рушится начатое большое дело на юге — новый поход в степь. Приходила мысль — немедля отомстить Глебу, стереть с лица земли его города, спалить их, а самого в оковах привести в Киевский поруб.

Решив сделать это, Мономах тут же успокоился и уже не торопясь обдумал все заново.

Через некоторое время в Минск к Глебу выехало посольство с предложением о мире. Владимир просил Глеба уняться, покаяться, уйти из смоленских земель, жить в согласии. Мономах и прежде решил, что следует договориться со своим соплеменником, не затевать войны, не губить людей и городов, не разорять смердых земель.

Однако Глеб ответил заносчиво и дерзко. Послам он заявил, что не только не уйдет из смоленской земли, но доберется еще и до земель самого Владимира, до киевских городов. Это означало новую междоусобную войну.

Мономах, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, действовал решительно и быстро. Уже через несколько дней он сам с киевской ратью выступил к Смоленску и вошел в город, где его ждал с дружиной Вячеслав. Вскоре к городу подошли дружины Мономаховых сыновей Ярополка и Юрия, а также черниговская рать с Давыдом, Давыдовичами и Ольговичами.

Узнав о начале войны, Глеб отбежал из смоленской земли и затворился в Минске. В это время Вячеслав с ходу захватил Оршу, а Давыд и Ярополк с переславской ратью взяли на щит Друцк. Город был разграблен и сожжен. Но Глеб еще сидел за стенами Минска, и Мономах приказал двоюродному брату, сыновьям и сыновцам идти и брать город приступом.

Вскоре Мономахова рать обступила Минск. Город был укреплен хорошо: с Глебом в Минске засела его дружина; вооружил он и вывел на крепостные стены и горожан. Здесь, в Полоцкой земле, которая испокон века воевала с Киевом, сделать это было нетрудно. Теперь Глеб приготовился к бою, но каково же было его удивление, когда он увидел, как прямо напротив городских ворот, посреди Мономахова стана, воины ставят для великого князя избу. Это означало долгую осаду, голод и жажду и, наконец, сдачу, разграбление и поток и пожар, а для самого Глеба — позорный плен. С городских стен видели, как Мономахова рать облегал город, как уходили по

всем дорогам крепкие сторожки, как дружинники разъезжались по окрестным селам и городкам в поисках ествы для войска и корма для лошадей. Глебу стало ясно, что киевский князь будет стоять под городом до тех пор, пока не возьмет его. Ужасаясь, смотрели с городских стен на приготовления осаждавших и горожане.

А вскоре из Минска в стан Мономаха пришли бояре Глеба с мольбой о мире. Но заключить мир с минским князем, дерзко нарушившим единство Русской земли, было немислимо. Требовалось наказание. Если не наказание, то, по крайней мере, большая острастка.

Мономах сурово принял послов. Они долго топтали снег близ его шатра, пока он принял их, а приняв, сначала потребовал, чтобы Глеба со всеми его приспешниками, подвигнувшими его на братоубийственную войну, привели к нему в оковах, и лишь потом, смягчившись, велел выйти ему из города, просить у него вселюдно прощения и торжественно обещать жить впредь в мире и покое и всячески помогать Руси против общих врагов.

И вот он снова стоит в снегах перед Минском, как десятки лет назад, когда появился здесь тринадцатилетним отроком с отцом и дядьями. И снова город, давно уже отстроенный и расширившийся после тех злопамятных дней, страшного пожара и разорения, лежит перед ним, ожидая своей участи.

Мономах на всю жизнь запомнил ту минскую резню, кровь на снегу и горький запах сгоревшего города, русских людей, павших жертвой княжеской усобицы. С тех пор он избегал брать без нужды на щит русские города, как бы дерзко ни вели себя их князья. И сегодня он помнил страшные картины детских лет. Лучше мир, покой, чем бесцельное наказание и грабеж. Он видел, что воины хотят добычи, что многие из них именно ради нее пришли сюда в снега и холод. Но для него единство Руси перед лицом непрекращающейся половецкой угрозы было дорожее жалкого скарба горожан.

На утро следующего дня из городских ворот Минска вышло печальное шествие. Впереди пешим шел князь Глеб Всеславич с женой и детьми, за ним крамольные бояре, другие близкие ему люди.

Мономах стоял около шатра, смотря поверх приближающегося к нему Глеба на купола минских церквей, слушал, как Глеб просил у него прощения, обещаясь всегда быть с Киевом заодно. И ни один мускул не дрогнул в неподвижном лице Владимира Всеволодовича с за-

каменевшим вдруг подбородком. Минск был отдан Глебу обратно, а чтобы впредь ему дерзить было неповадно, дручан, полоненных Ярополком, вывели из города и расселили во вновь срубленном городке Желде, присоединенном к смоленской земле.

И новые военные заботы уже накатывались с юга. Там, в причерноморских степях, в междуречье Дуная и Днестра, в союзе с приднепровскими половцами организовал свои силы Леон Диогенович, муж Мономаховой дочери Марии, претендент на византийский престол.

Владимир давно уже тайно помогал зятю. К нему шли люди из русских княжеств, посылались припасы, переправлялась казна. К детям Тугоркана, которые после смерти главного хана под Переяславлем хранили мир с Русской землей, но зато постоянно тревожили византийские земли, к ним регулярно посылались подарки. Сам Леон был желанным гостем в половецких приднепровских станах. И вот теперь настало время. Алексей Комнин был болен, турки наседали на империю с востока.

Мономах в глубине души вовсе не надеялся, что Леон достигнет верховной власти в Константинополе: слишком велика была толща, которую ему предстояло бы в этом случае пробить: сломить военную мощь империи, вековые связи Комнинов, сокрушить весь их клан, склонить на свою сторону своевольную провинциальную знать. Но отнять у империи старинные русские земли уличей и тиверцев, доходившие до Дуная, окружить ими волынскую землю, давно норовившую отложиться от Киева, — это полностью входило в его расчеты. И вот теперь пришли вести, что Леон вместе с половцами вторгся в Подунавье, овладел многими тамошними городами, захватил Доростол, где полтора века назад его, Мономаха, пращур — Святослав Старый вел последний бой с византийцами.

Мономах посылал гонцов на юг, обещал Леону помощь, делал это тайно от сидевших в Киеве греков, скрывал свои связи с зятем даже от митрополита Никифора, просил Леона держаться в дунайских городах. Все шло так хорошо, и то, что не удавалось русским князьям вот уже несколько столетий, теперь можно было достигнуть общим натиском молодого претендента и дружественных половцев Тугоркановичей. И вдруг с юга пришла громовая весть. Леон убит в Дерестре двумя сарацинами, посланными Алексеем Комнином. И покатила на Русь ответная волна: вмиг разбежались люди Леона, боясь ослепления — этой страшной византийской кары за мя-

теж; покинули Подунавье и половцы. Теперь можно было спасти дело лишь с помощью русского войска. Оно еще не успело отдохнуть от минского похода, а воинам во главе с воеводой Иваном Войтишичем надлежало двинуться на юг, закрепить за собой столь дорогое дунайское устье.

Руссы появились там раньше греков, и в городах сели наместники Владимира Мономаха. Но это означало уже открытое столкновение с Византией. Если бы это было прежде, одна эта мысль поразила бы Мономаха, бывшего, как и отец, давним преданным другом греков, но теперь жизнь менялась: за ним стояла вся Русская земля — ее необъятные границы, многочисленные города, миллионы людей, интересы бояр, купцов, русской церкви. Подунавье — это ключ к решению многих задач, и здесь, как и полтора столетия назад, империя вставала грозной силой на пути Руси. Пусть война. Снять дружины из Чернигова, Переяславля, вызвать воев из Смоленска, Ростова, Суздаля, забыть на время о половецкой донской опасности, отстоять Подунавье. Вячеслав получил наказ готовиться в дальний поход вместе с Фомой Ратиборовичем. К середине лета они выступили в поход.

Однако до прихода Вячеслава на Дунай византийские войска выбили оттуда Мономаховых наместников, и те встретили Вячеслава на Днестре.

Русское войско продолжало двигаться на юг, но в это время из придонских степей на Русь вышли торки и печенеги. Их кочевья, бывшие вблизи половецких границ, были сбиты половцами. Два дня бились совместно торки и печенеги с половцами. Союзники потеряли много всадников, их станы были захвачены, и теперь, вывалившись в Русь, они умоляли Мономаха принять и защитить их.

Мономах совещался в своей палате с ближними людьми. Здесь были старые, израненные в боях воеводы — Ратибор и другие, сидели сын Ярополк — опытный и бывалый воин, и Всеволод Ольгович, который уже успел отличиться под Минском и послушно исполнял все, что говорил ему Мономах.

Решение было немедля вернуть Вячеслава и Фому Ратиборовича, оставить на время Подунавье ради старинной и первой цели — окончательного сокрушения самого страшного и беспощадного врага — половцев, которые, кажется, оправившись от жестоких поражений и снова начали движение вверх по Дону и в Русь.

И на исходе лета войско под началом Ярополка Владимировича и Всеволода Ольговича, двух двоюродных братьев, двинулось в сторону Донца.

Впервые за последние годы неустанных походов в степь Мономах остался в Киеве.

Теперь, обладая дружинами послушных сыновей и сыновцов, их молодым, но уже закаленным в сечах военным опытом, располагая испытанными воеводами, он мог уже не садиться в седло в свои шестьдесят три года. Да и совершать это становилось ему все тяжелее. Путь же к Дону (он прикрывал глаза, вспоминая эти бесконечные версты, бессонные ночи, кровопролитные сечи) был труден и долог. Новое поколение русских воинов должно было отныне продолжить его дело.

Кроме того, ему надлежало быть в Киеве и здесь держать в своих руках все нити управления огромным государством — знать, что происходит в новгородских пятинах и на Волыни, в Турове и Переяславле, Чернигове и в далеких вятичских лесах, принимать вести из разных стран. Покинуть на многие недели Киев, рисковать собой в степях значило бы поставить под угрозу все дело жизни и судьбы своих еще не окрепших сыновей.

Он следил за каждым шагом продвижения войска двоюродных братьев. Гонцы выходили к нему из степи чуть не каждый день.

Мономах ликовал: Ярополк и Всеволод дошли до Донца, захватили половецкие города Сугров, Шарукань и Балин. На это у него самого ушло несколько десятилетий; теперь же по проложенному им пути русская рать шла к Донцу как к себе домой.

Половецкие вежи в тамошних местах были захвачены, основные силы половцев вновь оказались отброшенными за Дон.

С ПЕРОМ И МЕЧОМ

Жизнь огромного государства, сложная, противоречивая, все больше и больше втягивала его в свой водоворот, и Мономах теперь уже отвык мыслить делами и чаяниями лишь своей степной окраины, одного Переяславского княжества. Новгородские земли терзала осмелевшая чужь, и он дал приказ Мстиславу ударить по ней вплоть до берегов Варяжского моря. И тут же, после победоносного похода Мстислава, перевел сына в Белгород, под Киев, а в Новгороде оставил княжить Мстиславова сына Всеволода. Как когда-то отец, он теперь хотел, чтобы старший сын был рядом с ним, вникал в дела всей Русской земли, а новгородцы пусть привыкают к очередному князю из Всеволодова дома.

Теперь все чаще и чаще Мономах призывал к себе Мстислава. Среди всех прочих забот его больше всего тревожила одна, которой он, по существу, отдал лучшие годы своей жизни, — единство Руси перед лицом непре-

кращающегося противоборства с половцами. Он чувствовал, что силы его убывают, и его тревожило, сможет ли Мстислав держать в узде своевольных князей — Всеславичей, Ольговичей, Ростиславичей, да и своих, уже взрослых, братьев. Он знал, что половцы затихли лишь на время, пока Русь хозяйничает на берегах Донца и Дона, но лишь прекратятся походы руссов в степь — половцы вновь подтянут свои вежи к ее границам.

Мстислав принимал участие и в управлении Русским государством, и в переговорах с иноземными послами, и во встречах с русскими князьями. Постепенно Мономах перекладывал на него всю тяжкую ношу государственных дел, оставляя за собой право мудрого советника. И Мстислав старательно и смело осваивал новые для него области жизни.

Именно Мстиславу Мономах поручил проследить за работой нового русского летописца — игумена Сильвестра, и теперь его старший сын долгие часы проводил в монастырской келье, знакомясь с затейливыми записями выдубицкого игумена. Они сидели, перелистывали пергаментные листы, и день за днем из летописи исчезало все, что возвеличивало Святополка и дом Изяслава, а появлялись новые записи, посвященные Мономаху. Мстислав истово отстаивал интересы отца, а значит, и свои собственные. Особенно его заботила возможность летописного оправдания восшествия отца на киевский престол в обход старшинства Святославичей. В подтверждение этой правоты он попросил Сильвестра включить в летопись в нескольких местах и под разными годами просьбы киевлян к Мономаху прийти на княжение в Киев и его отказы вплоть до тех роковых апрельских дней 1113 года, когда над Русской землей загорелся пожар мятежа, и Мономах наконец дал согласие. Мстиславу казалось, что и появление в летописи легенды о призвании варягов на Русь также будет способствовать укреплению законных прав отца на Киев. В ходе долгих бесед Сильвестр и Мстислав нащупывали новый строй летописи, переделывали тексты Нестора, вставляли в них новые сказания, были и небыли.

Потом работа была закончена, новая летопись создана. В конце ее Сильвестр приписал: «Я, игумен Сильвестр монастыря святого Михаила, написал книги эти, летописец, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире, когда он княжил в Киеве...»

Вскоре после этого летописание вновь было передано

в Киево-Печерский монастырь. Мономах тем самым восстанавливал дружеские связи с печерскими монахами. Теперь тамошние летописцы тщательно сверяли свой труд с тем, что дал им Сильвестр, а сам выдубицкий игумен в 1119 году получил освободившуюся кафедру в Переяславле и стал епископом переяславским.

В 1117 году Мономах вместе с сыновьями и остальными князьями нанес наконец решающий удар по Ярославу Святополчичу, волынскому князю.

Первым выступил сам Ярослав. В союзе с поляками он попытался овладеть волостями Ростиславичей, а заодно отнять земли по Горыни, издавна закрепленные за Киевским княжеством. До Мономаха дошли вести и о том, что Ярослав ищет повода, чтобы отослать от себя свою жену, его, Мономаха, внуку, дочь Мстислава.

Владимир потребовал от Ярослава явиться в Киев для объяснений, но тот отказался. Это, как и с Глебом, означало войну.

Мономах послал гонцов к князьям, и вскоре в Киев послушно съехались Давид Святославич черниговский, Ольговичи во главе со старшим Всеволодом, Мономаховичи. Был послан наказ и к Ростиславичам — выйти с ратями для наказания мятежного племянника. Василько и Володарь ответили покорным согласием.

Мономах сам решил вести к Владимиру-Волынскому объединенное войско.

Была середина лета 1117 года. В Киеве стояла тихая, неподвижная жара. Мономах вышел на крыльцо в легком, простом одеянии, без помощи дружинников вскочил в седло, оглядел дворцовую площадь строгим взглядом поверг голов, уперся взглядом в плоские свинцовые купола святой Софии, легко тронул бока лошади каблукми...

Весь путь до Владимира он проделал верхом. На подходе к Волыни к войску присоединились рати перемышльская и теребовльская, и скоро огромное русское войско обступило со всех сторон Владимир-Волынский.

Здесь, как и под Минском, Мономах не стал затевать боя и приступа, не желая губить русские жизни в междоусобной брани. Он приказал перенять все дороги, зажать Владимир в железное кольцо голода и бескормицы и располагаться вокруг города на долгое время.

А в городе метался Ярослав Святополчич. Его гонцы гнали коней в Буду и Краков, чтобы просить помощи

против Мономаха у венгерского и польского королей. Ярослав обещал отдать им пограничные земли, вернуть полякам червенские города, лишь помогли бы ему отложить Волынь от Киева. Но слишком внушительны были силы руссов под Владимиром: давние друзья Святополка и его сына не решались выступить против Мономаха.

Шестьдесят дней находился город в осаде. За это время Мономах не пролил ни единой капли крови своих врагов. И на шестьдесят первый день Ярослав дрогнул. Не получив помощи от союзников, ввергнув город в тяжкие испытания, волынский князь запросил мира.

Как и под Минском, Мономах потребовал от мятежного князя лично и всеюдно повиниться перед ним.

И вот Ярослав со своими боярами выходит из города, пешим бредет по пыльной дороге к Мономахову шатру, преклоняет колена перед киевским князем, просит у него пощады, отдает себя и свою семью, своих людей, город на его волю.

Долго выговаривал Владимир Ярославу все его преступления против Русской земли. А тот стоял на коленях перед ним и перед другими князьями, сидящими рядом. Затем Мономах потребовал от волынского князя, чтобы тот отказался от союза с иноплеменниками, жил бы с другими князьями в мире и хранил мир и любовь в своей семье. Здесь же во всех этих делах Мономах взял с Ярослава роту и отпустил его назад во Владимир.

Во все времена этого похода приднепровские половцы Тугоркановичи хранили с Мономахом мир. И Мономах после этого похода окончательно решил укрепить мир и любовь с этим половецким коленом. Вновь, как и тогда к ханам Аепе и другому Аепе, к Тугоркановичам были посланы послы с великими дарами, и ханы тоже прислали в Киев послов и щедро отарились. Было решено, что Тугорканова внука, красавица, будет высватана за сына Мономаха Андрея. А к осени, когда Тугоркановичи откочевали с причерноморских берегов на север, знатная половчанка в сопровождении огромной свиты появилась в Киеве.

Так во Всеволодовом доме, после второй жены самого Всеволода, жены Юрия Владимировича, появилась третья половецкая жена.

Теперь и Русь и степь снова были замирены и утишены. Тихо было и на других рубежах.

Конец 1117-го и 1118 год Мономах провел в Киеве.

Он стал прибалкивать, продолжал передавать дела старшему сыну Мстиславу. С Мстиславом к управлению Русской землей тянулись унылые люди. Долгие годы они сидели за спинами старших князей и бояр, старились, завидовали, от этого еще больше старились. Теперь наступал их час. Малоопытные, наглые, жадные, отодвинутые долгими годами от больших доходов, не испившие горькой чаши страданий и поражений, они теперь, при стареющем великом князе, искали в жизни лишь усад. Они не думали о долге и ответственности даже перед своими приспешниками, не говоря уже об общерусских заботах.

В эти месяцы Мономах многие дни проводил в своей палате за книгами, в беседах с митрополитом Никифором. Уже давно, с тех пор, как он после смерти Гиты прочитал бывшее в ее библиотеке «Отцовское поучение» некоего англичанина, у него зародилась мысль оставить и своим сыновьям поучение о том, как жить, как управлять, воевать и хозяйствовать. Но, пока он был молод, мысль эта все отодвигалась и отодвигалась вдаль. Каждый год нес с собой неотложные заботы, дальние походы, кровавые сечи, междоусобицы, море крови и страданий, испепеляющий огонь страстей, в котором гибли и свои и чужие люди.

И вот теперь вся его жизнь уже в спокойной тишине палаты, в наступившей вдруг многомесячной военной передышке, развертывалась год за годом. Он вспоминал очередность прошлых дел, вспоминал отца, дядей, двоюродных братьев, многих из которых уже не было в живых.

Порой ему хотелось услышать отзвук своих воспоминаний и чувств в сочинениях великих мыслителей прошлого. Он вновь возвращался к чтению «Шестиднева» и «Пролога», «Беседам Василия Великого» и «Слову Григория Богослова», и другим «словам» и «поучениям», к греческим хроникам, к трепещущим чувством псалмам Давида и еще и еще раз убеждался в вечности немногих человеческих истин, в постоянном круговороте человеческих мыслей и чувств, в похожести человеческих радостей и страданий независимо от того, сколькими годами и веками были отделены они друг от друга.

Он понимал, что жить ему оставалось не так уж много — пять, семь, десять лет, но, наверное, не больше. Он все чаще задумывался над тем, что сами скоро станут и его уделом. Он еще не лежит на них, но уже

присел на край, и пока тело еще не немощно, пока голова ясна, нужно все, все, что выстрадано, передумано, отдать людям, и прежде всего сыновьям, которым надлежит отстаивать его дело, управлять Русской землей, бороться с ее врагами, вести хозяйство в своих волостях...

В этот вечер он пораньше отослал прочь слуг, плотно прикрыл дверь, разложил на столе лист чистого пергамента, задумался, вывел первые слова: «Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов...» Он помедлил, подумал и продолжал писать буквицу за буквицей: «Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться».

Он работал целый вечер и сумел написать о многом, а главное — о том, что, несмотря на великую силу злоумышленников против праведников, — все равно кроткие люди унаследуют землю, а скрежещущие зубами сгинут безвозвратно. Он писал: «Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба».

Он снова и снова перелистывал книги мыслителей прошлого, вникал в них, находил укрепление своим думам и радостно, удовлетворенный, вписывал их слова в свое «Поучение». Старательно перенес Мономах на свой пергамент слова Василия Великого, обращенные к отрокам: «Еде и питью быти без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе; не многое смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет».

А потом уже от себя он продолжал размышлять: «Все же более убогих не забывайте, но насколько можете по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его».

Он вспоминал свои давние годы, и ему казалось, что всю жизнь жил он по этим своим заповедям, хотя порой в мыслях смутно проступали и иные картины — жестокости и клятвопреступления, гордыни и себялюбия, но он отгонял эти видения прочь. Он знал, что те порывы детства и юности о добре и благодати никогда до конца не умирали в его сердце, и, преступая их, совершая то, что повелевала ему власть, он всегда помнил об этих высоких человеческих чувствах. А потом уже, потеряв многие из них, он держался за их призрак, и сегодня ему казалось, что вся его жизнь была освящена любовью к ближнему, справедливостью и незлобивостью. Впрочем, он не хотел особенно долго думать над этим. Сегодня он великий князь киевский, и его слова, его мысли, его поучения не поддаются сомнению. То, что он вложит сегодня в этот пергамент, и останется его сутью. В минуты таких размышлений глаза его суживались, становились холодными, а подбородок каменел.

Все эти дни с небольшими перерывами Мономах трудился над своим «Поучением».

До полудня вершил дела всей Русской земли, в полдень обедал и почивал, а после отдыха принимался за писание.

Он рассказывал о своем первом пути в Ростов и о походах на Запад, и котóre с Олегом Святославичем, и борьбе с Всеславом полоцким, о нескончаемых сечах с половцами и до сих пор рвущей сердце битве на Стугне. Он долго вспоминал все свои выезды из Чернигова к отцу в Киев и бесчисленные сечи и погони и записал: «А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных не упомяну меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного девятнадцать».

Он вспомнил (и от этого на сердце становилось приятно), сколько золота, скота, ковров, одежды, оружия взял он за плененных половецких ханов, и до сих пор помнил он эту страшную сечу на Сольнице, когда ханов рубили у него на глазах и бросали в воду — за все: за страх, за беги, пожараща, угон людей в плен.

Он писал свое «Поучение», а жизнь властно вторгалась в тишину хоромов. Вот несколько дней назад митрополит Никифор, мудрый друг и учитель, передал ему свое послание. Много добрых слов написал ему Никифор, но среди них многоопытный Мономах отыскал то, ради чего

старец взялся за перо: «Но смешаны суть злобы с добродетелями, яко же плевел в пшеницы...» И еще он пишет о том, как человеку дано постигать окружающий мир: очами, слухом, обонянием, вкушением, осязанием. И говорит, что князю не должно доверять слуху, но требуется все осязать самолично, потрогать руками: «О сем испытай, княже мой, о том помысли: об изгнанных от тебя, о осужденных от тебя наказания ради, о презренных вспомни о всех, кто кого изрек и кто кого оклеветал и сам судя разсуди таковых...»

Мономах размышлял об этих витиеватых словах, тонких намеках старого друга, понимал, что, передоверив в последние годы управление Русью Мстиславу и уным людям, он, видимо, слишком многое отдал им, живет их словами и очами, а ведь прежде он до всего доходил сам. К посланию старца следует прислушаться.

Он написал Никифору грамотку, в которой поблагодарил его за разумное послание, греющее сердце и проветляющее душу.

И снова приходилось отвлекаться от писания «Поучения», от дорогого ему дела, от радостного чувства творчества, рождающего в груди тепло, звучащего в душе многоголосным и стройным хором мыслей, чувств и слов. Шли тайные гонцы из Новгорода от внука Всеволода. Он сообщал, что в городе зреет сговор среди бояр, купеческой верхушки. Уход Мстислава из города на юг, поближе к отцу, окончательно развязал руки заговорщикам.

Среди них едва ли не первый Ставка Гордятич, старинный Мономахов боярин, который вот уже долгие годы близок с новгородцами и лишь ждет своего часа, чтобы оторвать Новгород от Киева. Заговорщики мечтают о старых временах, когда город был независим, о временах Владимировых и Ярославовых.

Теперь нужно было думать о том, как вывести крамолу в Новгороде, обезглавить зреющий мятеж.

И все-таки осенью 1118 года он вначале собрался ехать на реку Альту, а уже оттуда двинуться на север, в Суздаль или Ростов, и вызвать туда главарей сговора.

Давно уже Мономах замыслил поставить на берегу Альты, в том месте, где посланцы Святополка Окаянного прокололи копьями князя Бориса, Глебова брата, церковь имени двух братьев-страстотерпцев. И вот теперь, когда утишилась земля, когда он столько вспомнил и переду-

мал, создавая свое «Поучение», Мономах решил осуществить прежнюю мысль. Ему хотелось тем самым создать себе обитель отдохновения и покоя, где можно было бы уединиться душой, хотя бы ненадолго уйти от давящей мирской суеты. В то же время богатый опыт прошлых лет, уже накатанная дорога долгих борений и побед вела его на Альту, оттуда он мог еще раз всколыхнуть Русь мыслями о единстве и общности, сурово осудить своих противников, приобщить сыновей к русским святыням, связать имя наследника Мстислава с именами Бориса и Глеба.

Он двинулся на Альту вместе с сыновьями. Ранее него туда же направились каменесечцы из Киева и Переяславля, многие телеги с припасами из обоих этих городов, потянулись работники. И снова, как несколько лет назад в Смоленске, Владимир Мономах превратил заложение церкви Бориса и Глеба в общерусское действо. Кажется, и вовсе недолго продолжалось это заложение — всего какой-то час, пока Мономах клал камень в угол будущей церкви, пока шел молебен, пока работные люди споро проложили первый ряд храмовой опоры. Но оно привлекло к себе сотни людей из разных городов Руси, собрало весь высший княжеский и духовный люд, а последовавший затем пир в Переяславле сопровождался богатыми денежными и вещевыми раздачами и продолжался несколько дней.

Уже отсюда, из Переяславля, весть о новых стараниях Владимира Мономаха за Русскую землю шла по всей Руси. Его приспешники повсюду проклинали раскольников — Глеба Всеславича и Ярослава Святополчича, еще и еще раз поминали про то, что Русь всегда была сильна, когда она выступала против врагов в своем могучем единении, что память Бориса и Глеба вопиет против междоусобий, братских кровопролитий и союзов с иноплеменниками. Глашатаи кричали о славных победах Мономаха над половцами, звали православных утереть пот за Русскую землю.

Из Переяславля Мономах двинулся, в объезд Киева, в ростово-суздальскую землю.

Он снова, уже в который раз, ехал по этой осенней, окрашенной лиственным золотом, березовым серебром и темной еловой зеленью дороге, мимо проплывали любимые с юности пологие мягкие холмы, одетые стареющей, жухлой травой, скромные, тихие, безымянные речки, неведь где начинающиеся и кончающиеся, спокойные ве-

личавые озера, напоминающие славянских женщин в их покойной гордости и уверенной красоте.

Дорога все уходила и уходила в лесную холмистую глубь. Мономах стал подремывать под мерный перестук колес возка и цоканье лошадиных копыт, но и сквозь дрему он постоянно возвращался мыслями к цели своей поездки — к Суздалю, где он должен был встретиться с новгородским крамольным боярством.

Подъезжая к городу, где его встречал сын Юрий, Мономах уже определил свои действия по дням и часам.

В тот же день он послал гонцов в Новгород с требованием прибыть в Суздаль Ставке Гордятичу и некоторым другим новгородским боярам, а чтобы у них не было никакого сомнения в серьезности его намерений, пригрозил в случае непослушания самолично прибыть в Новгород с ратью.

Теперь оставалось ждать. В эти дни Мономах много беседовал с сыном, встречался с суздальским епископом, видными боярами, дружинниками, тысяцким. Он видел, как отстроился и укрепился за последние годы Суздаль, как наполнилась людьми вся ростово-суздальская земля, каким бойким и многолюдным был городской торг, какими оживленными все дороги, ведущие к Суздалю с северо-запада и уходящие от него прочь, на юг и восток.

Он понимал: что-то происходит в этих сумрачных северных лесах, здесь начинается какая-то новая жизнь, уже мало связанная с Киевом и южной Русью. Суздаль уже не выглядел робким, глухим углом, куда посылали в прежние годы малолетних князей на выучку. Теперь это был большой и гордый город со своей ремесленной, торговой, военной статью. Да и сами суздальцы нынче мало в чем уступали жителям Киева и вели себя хотя и смиренно, но спокойно и горделиво. А вместе с ними и Юрий, чувствовалось, прочно встал в эту северную самостоятельную жизнь, опирался на мощное боярство, купечество, церковный клир, на сильную местную дружину. Все это Мономах отмечал, постигая своим многолетним богатым опытом, что в этой спокойной самостоятельности Суздаля зреет, возможно, большая, еще не познанная опасность для единства Русской земли. Но он тут же отгонял эту мысль: Суздаль был его родовой отчиной, он был послушен, да и Юрий с почтением внимал словам и наставлениям отца.

Через несколько дней гонцы принесли весть о том, что вызванные новгородцы подъезжают к Суздалю. Он

заставил их долго ждать около дворцового крыльца и лишь по истечении времени велел вести в гридницу.

Первым появился его старинный друг Ставка. Он был немного старше Мономаха. Его лицо, испещренное глубокими морщинами, изобличало бурную, полную переживаний и страстей жизнь, и мятежную, неукротимую душу. Волосы боярина стали совершенно белыми и вялыми космами спускались на лоб, а из-под этих косм на Мономаха угрюмо смотрели налитые кровью, все в красных прожилках, но еще неукротимые глаза. Сзади теснились другие бояре.

Мономах не стал заходить издалека. Не сажая новгородцев за стол, он сразу же начал выговаривать им все их неправды: неподчинение Киеву, отказ платить сполна и исправно прежние дани, давать деньги на содержание князя-наместника, нежелание признавать Всеволода новгородским правителем после отъезда на юг Мстислава, пренебрежение давнишней связью с домом Всеволода, мятежные связи с иноплемениками — чудью и шведами.

Голос его был тих и яростен, подбородок надменно поднят, взгляд прищуренных глаз холоден и грозен. Все, кто знал Мономаха, видели, что в эти минуты для него отступали в небытие его обычная мягкость и уветливость, спокойствие и склонность к размышлениям о жизни и ее бренности. Теперь речь шла о единстве Руси, незыблемости первенства Всеволодова дома, благополучия его самого как великого князя и Мстислава как наследника. Если отложится Новгород, Русь снова расколется надвое, как это было до Олега Старого, как случилось во время вражды Ярослава Мудрого и его брата Мстислава: тогда половцы и иные враги пойдут походами по ее землям.

Ставка Гордытич поднял руку в знак того, что он хочет сказать слово, но Мономах не стал слушать своего бывшего боярина, лишь обратился к дружинникам: «В оковы его, в поруб!»

Тут же были схвачены еще несколько крамольных бояр. Остальным было приказано подписать грамоту о верности Киеву, о том, что им впредь не принимать на княжение иного князя, не его, Мономахова, рода, платить все дани по старине, невзирая, сидит князь в Новгороде или находится в отъезде.

Грамота наказывала ныне новгородцам во всем слушаться Мономахова внука Всеволода.

Бояре молча склонили головы.

Тут же состоялось подписание грамоты-роты, и новгородцев снарядили в обратный путь, чтобы они взяли в своем городе роту со всех горожан в верности Мономахову дому и целовали бы на том крест. До тех пор, пока вести об этом не придут в Киев, взятые под стражу новгородцы должны будут томиться в киевском порубе.

* * *

И все же покоя, которого Мономах так жаждал все эти годы, не было. Большие завихрения человеческих страстей, бывшие тем сильнее, чем выше поднимались сами люди в человеческой лестнице, неустанная, отчаянная борьба за первенство, которую вели с ним, с его сыновьями противники, проски и враждебные действия ляхов, угров, греков постоянно держали в напряжении стареющего великого князя. И все чаще изнемогала его душа в этой неустанной борьбе, в этой наполненной враждой жизни.

Весной 1119 года Мономах отправился в новый поход на Волынь, потому что Ярослав Святополчич нарушил роту, разорвал все свои обещания, отослал в Киев свою жену — Мономахову внучку, перестал платить дани. Но едва Мономах вышел с войском из Киева, как Ярослав бежал в Польшу к своему зятю, польскому королю.

Мономах беспретятственно занял Волынь и посадил здесь своего сына Романа.

Вернувшись в Киев, Мономах тут же, не распуская войска, начал подготовку к новому весеннему походу. Он не мог смириться с тем, что дунайское устье, дунайские города, которые, казалось, уже были в русских руках, вновь перешли к грекам. Однако ведь жив был сын Леона Диогена — претендента, врага Комнинов, Васильий — его, Мономахов, внук, сын его дочери. Теперь условия для похода на Византию созрели: Волынь, правое крыло русских земель, было прочно в руках Мономаха.

Все начало 1119 года Владимир Всеволодович провел в подготовке к новому походу на Дунай. Выслал вперед, как и несколько лет назад, войско под началом Яна Войтишича, послал гонцов к князьям, чтобы к весне подошли со своими ратями на Днестр для большой войны с греками.

И все в жизни повторяется. Как когда-то в 943 году

во время подготовки Игорем Старым великого похода на Константинополь, греки, ужаснувшись, направили к нему на Дунай свое посольство, чтобы откупиться от нашествия золотом, дорогими тканями, уступками земель в Северном Причерноморье, обещаниями подписать выгодный для Руси русско-византийский договор, так и теперь, узнав о подготовке Мономаха к большой войне, Алексей Комнин выслал к киевскому князю своих послов.

Мономах принимал посольство в Киеве, в своем великокняжеском дворце. Город был полон войми. В старом Ярославом и Владимировом городе располагались дружины из разных городов Руси. Почти каждодневно приходили новые силы. Все сыновья Мономаха собрались здесь уже давно, кроме занемогшего внезапно Романа. Предвоенная забота и суета охватила и ремесленные слободы, и Подол. Мономах в своей палате с удовольствием вслушивался в этот новый, веселый, привычный для него предпоходный гул. Ян Войтишич должен был войти ранней весной в Подунавье, а следом за ним в уже захваченные городки должна была двинуться основная русская рать.

К половцам Тугоркановичам Мономах послал богатые дары, и те обещали всемерную помощь в войне с греками и поклялись выслать на Днестр навстречу русскому войску свою конницу.

Алексей Комнин был тяжело болен, в Византии вновь назревала междоусобица, враги Комнинов поднимали голову в разных концах империи. В Константинополе при еще живом императоре шла борьба за корону между старшим сыном императора Иоанном и мужем его дочери Анны — Никифором, которого поддерживала императрица. Время для похода было самым подходящим.

В те дни Владимиру Мономаху исполнилось шестьдесят шесть лет.

...Уже на первом, посольском приеме греки поразили Мономаха: прося мира, они поднесли ему в виде даров императорский венец, один из тех, которые византийские императоры надевали на голову в торжественных случаях. Венец был золотой и богато украшен драгоценным камнем. Вместе с венцом они поднесли императорскую ламиду, драгоценный пояс, скипетр и яшмовую чашу. Изумленный Мономах, не говоря ни слова, смотрел на все эти дары, и кровь прилиwała к его желтым, уже дряблым щекам, пламенила лицо.

Это было неслыханное на Руси дело. Еще два с половиной века назад знаменитый византийский император Константин Багрянородный в своей книге «Об управлении империей» предупреждал своего сына и всех последующих императоров, чтобы они остерегались давать в дар византийские императорские святыни варварам — рускам, уграм, печенегам и другим, что варвары будут использовать эти дары как свидетельство признания византийцами высокого достоинства варварских правителей. Но особенно настойчиво Константин предупреждал своего наследника и потомков против заключения с варварами династических браков.

С тех пор неоднократно Русь требовала и добивалась от Византии войнами признания и уважения. Однажды, в пору грозной опасности, нависшей над Византией, Василий II даже согласился на брак своей сестры Анны с Владимиром Святославичем, потом пытался воспротивиться поездке Анны в Киев, и лишь захват руссами Херсонеса сломил сопротивление императора. Так Русь впервые породнилась с константинопольским правящим домом. Потом была женитьба Всеволода Ярославича на дочери Константина Мономаха. И в этом смысле Русь встала вровень с другими державами, которые давно уже вопреки предостережениям Константина Багрянородного имели династические родственные связи с константинопольскими правителями. Но никогда еще ни одна высокая регалия не была преподнесена русским великим князьям. Они по-прежнему именовались в Константинополе князьями, и не более, между тем как в X веке императорский титул был признан Византией за германским владыкой и цесарский за правителем Болгарии. И вот теперь перед страхом русского нашествия истерзанная крестоносцами, надломленная турками-сельджуками, опустошаемая полочками с севера и италийскими владыками с запада, расколота междоусобной борьбой большая империя предлагала царский венец, скипетр и державу киевскому князю, а знати — и титул цесаря. Одновременно послы предложили ради укрепления дружеских отношений Руси с Византией обручить третьего сына Алексея Комнина Андроника с Доброной, в христианстве Ириной, младшей дочерью Мстислава Владимировича.

Все это было неслыханно. Долгие годы возвышения Руси, укрепление ее могущества наконец сломали последнюю плотину византийской гордыни и тщеславия.

В обмен Мономах должен был отступить от дунай-

ских городов, вернуть войско Яна Войтишича, распустить воев по домам, отменить готовящийся поход.

Послы ушли на свое подворье, а во дворце князь долго еще совещался с сыновьями — Мстиславом, Ярополком, Вячеславом, тысяцким — воеводой Фомой Ратиборичем, с боярами.

Было решено согласиться на предложение греков и направить в ответ в Константинополь для утверждения договора русское посольство.

НАСЛЕДИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

В эти годы Мономах достиг вершины могущества и славы. Вся Русь была собрана им в единое и нераздельное целое: Киев, Новгород, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Ростов и Суздаль, Владимир-Волынский, другие города и волости. Послушно шли по его наказу в походы не только сыновья, но и Давыд Святославич, и Ольговичи, и Ростиславичи. Чудь трепетала при его имени на северо-западе, болгары — на востоке. Ляхи боялись вступить за своего друга Ярослава Святополчича, приднепровские половцы ходили в друзьях и помогали русам в дунайских походах против Византии, угры не нарушали границ на юго-западе, признав власть на Волыни молодого Романа Владимировича. Донские половцы, хотя и сохранили свои силы, но были вынуждены откатиться на юг, русское приграничье теперь передвинулось далеко в степь, и Донец стал теперь рекой, куда все чаще стали наведываться русские дружины. Писал позднее неизвестный русский автор уже в XIII веке, вспоминая те досто-

славные времена¹: <О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими, — всего ты исполнена, земля Русская...

Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до карелы, от карелы до Устюга, где живут тоймичи... и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все покори́л бог народу христианскому поганые страны: великому князю Всеволоду², отцу его Юрию³, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам господин Мануил Цареградский⁴, страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда не взял».

Имя Мономаха, его дела теперь хорошо знали не только ближайшие соседи Руси — Византия, Венгрия, Польша, половцы, Волжская Булгария, но и дальние страны. Он был связан династическими узами прошлыми и настоящими со многими государствами — Византией, Англией, Германией, Швецией, Норвегией, немецкими княжескими домами. Там жили его сестра, дочери, а ныне живут внуки; а дочери западных владык и половцев ханов стали женами его сыновей. Но особенно возросла слава Мономахов в западных странах после знаменитого похода в степь в 1111 году. Эта победа прогремела от Хорезма до Рима, от Багдада до Упсалы⁵. Вести о походе руссов в степь проникали с посольствами, торговыми караванами, гонцами, соглядатаями и растекались

¹ Здесь с небольшими сокращениями дается текст «Слова о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава».

² Всеволод Юрьевич Большое Гнездо — великий князь Владимир-Суздальский.

³ Юрий Владимирович — сын Владимира Мономаха.

⁴ Византийский император Мануил Комнин.

⁵ Город в Швеции.

по окрестному миру как вода в половодье — постепенно, но все более глубоко затапливает заливные луга, старые поймы, доходят до самых далеких возможных рубежей, передавая свою силу дальним озерам и речкам.

Теперь ежегодно, ежемесячно, ежедневно приносили свои плоды те огромные усилия, тот великий труд, которые вложил Мономах в борьбе за единство Руси, против своевольных, себялюбивых князей, обуздывая распри, которые, смиряя собственную гордыню ради дальних больших целей, ради победы над своим главным врагом — половцами.

Подойдя к 70-летнему рубежу, он лишь следил, чтобы порядок, им завоеванный и установленный, не был нарушен чьей-нибудь случайной злой волей, чтобы Русь снова, как и при Ярославе Мудром, собранная в единый мощный кулак, стала грозной силой для любого врага. И он понимал, что нельзя ни на один день выпускать из вида эту главную, эту первостепенную заботу, потому что огромная жизнь державы состоит из сотен, тысяч, десятков тысяч человеческих жизней, человеческих стремлений, страстей, больших и малых желаний, и рано или поздно среди этого сонма вырастает, крепнет то, что пойдет наперекор его, Мономаховой, воле, нанесет удар по его желаниям и стремлениям. Воистину говорят мудрые люди, что сердце человеческое праздно быть не может, оно непременно наполняется либо любовью, либо враждой. И едва он замечал первые ростки враждебных действий со стороны своих соплеменников или окрестных владык, то, как и прежде, наносил, не дожидаясь худа, первый удар.

15 января 1119 года на Волыни внезапно умер сын Роман. Там, в далеком западном приграничье, когда в городе, в великокняжеском дворце еще сидят приспешники Ярослава Святополчича, польские и венгерские лазутчики, тайные соглядатаи византийцев, в любой час можно было ожидать всяческих напастей.

Болью в сердце отозвалась весть о гибели еще одного, уже третьего по счету сына, но горевать было некогда — Волынь осталась без князя и, видимо, стояла на грани новой междоусобицы, и Мономах немедленно посылает туда на княжение сына Андрея. Андрей женат на половчанке, Тугоркановичи мирны с Киевом, поэтому, опираясь на свою дружину, на их степную мощь, молодой князь, думал Мономах, сможет сохранить власть над Волынью. И Андрей немедленно выехал на запад.

Потом снова поднялся с полоцанами князь Глеб, вновь вышел в волости Мономаховых детей — в земли смоленские и новгородские.

И снова было зимнее время, и снова снега и метели загоразивали полоцкую землю от Мономаховой рати. Но это не остановило киевского князя. Мстислав получил наказ немедленно с дружиной и войми, при поддержке братьев Вячеслава и Ярополка нанести удар по Полоцку и Минску и поймать наконец Глеба. Тот снова затворился в Минске, потом запросил мира и снова калялся, но Мстислав был неумолим. Город был взят, и Глеб в оковах доставлен в Киев, где вскоре скончался.

В 1120 году Мономах отправил Ярополка в степь: необходимо было держать половцев в постоянном страхе перед русским выходом, пресекая тем самым возможные будущие половецкие нашествия на Русь. Ни году не должны были быть спокойны половцы за свою судьбу, призрак неизбежного возмездия должен был постоянно витать над их вежами.

Ярополк по проторенной дороге быстро дошел до Донца, но не обнаружил половецких станов, только вдали на краю поля порой возникали фигурки всадников, которые тут же растворялись в дальнем сером небе.

Несколько недель провел Ярополк в половецком поле, сбил там небольшие станы и узнал, что отныне многие оловцы оточевали прочь от русских границ. Большая орда хана Отрока — сорок тысяч половецких всадников с женами и детьми — ушла в Грузию и поселилась на землях царя Давида. Другая орда, хана Татара, испросила разрешения венгерского короля Стефана II расселиться на венгерских границах.

Тем самым были надолго очищены торговые пути из Руси в страны востока, юго и юго-запада. Теперь торки и берендеи, размещенные Мономахом в степном приграничье, исправно несли сторожевую службу, загода известая Киев и другие русские города о возникновении степной опасности. Обрато Ярополк вернулся с ясской княжной, с которой вскоре и обвенчался. И это означало, что яссы вступали в мирные связи с Киевом, с Мономахом.

Юрий в тот же год по наказу Мономаха ходил водою и сухим путем на волжских булгар и одерживал над ними победу, взяв большой полон и обеспечив безопасность ростово-суздальских земель.

Властной рукой Владимир Мономах останавливал попытки Ярослава Святополчича вновь и вновь пробиться

на Волынь. В 1121 году Ярослав напал с ляхами на Червень, но был отбит войсками Мономахова воеводы Фомы Ратиборовича. За это Фома получил от киевского князя в дар золотую цепь и гривну. В 1123 году Ярослав вторично пришел на Волынь, на этот раз при поддержке польских и венгерских войск. Но в коротком и кровопролитном бою под стенами Владимир-Волынського он был разбит войском Андрея Владимировича и погиб в этой сече. 70-летний Владимир Мономах, собравшись идти на помощь сыну, лишь дошел с киевским войском до реки Стира и повернул обратно.

Уже десять лет сидел Владимир Мономах на великокняжеском киевском столе, и к концу этого срока он наконец добился того, что вся Русь от Червеня до вятичских лесов, от северных новгородских пятин до края половецкого поля была безоговорочно послушна Киеву. Впервые за долгие века своей истории Русь имела единую военную силу, которая приходила в движение по мановению руки великого киевского князя: поднимались в походы князья черниговский, новгород-северский, переяславский, смоленский, ростово-суздальский, владимиро-волынский, теребовльский и перемышльский и другие, помельче. И лишь Мономах знал, кому, куда и в какую очередь идти в поход и кто из князей был нужнее в половецком приграничье, а кто на юго-западных и западных рубежах. В короткий срок мог он собрать и огромную общерусскую рать. И рать эта была уже иной, чем во времена его отца и деда. Теперь основную часть войска составляли пешцы, простые вои-смерды и ремесленники, которые не раз уже доказали свою непреборимую мощь в сечах с половцами. И трепетали враги Руси. Болеслав Польский и Стефан Венгерский не осмелились более вступить в борьбу с ней после гибели Ярослава Святополчича и были замирены Андреем; на севере и северо-западе признали силу Новгорода чудь, карела и емь.

Натиск булгар был остановлен волжским походом Юрия Владимировича.

Византия торжественно встречала внуку Мономаха, жону Андроника Комнина, брата императора Иоанна.

Все дальше на юг от русских границ откатывались донские половцы, искали дружеских связей с Мономахом половцы приднепровские. Обновленные стояли по приднепровским речкам старые крепости, продолжалось строительство новых крепостей по Удою и Остру: русский натиск в глубь половецкой степи опирался на мощную

линию укреплений, а от стен крепостей, вслед за русскими ратями все смелее и смелее шли в половецкое поле земледельцы, распахивали вековечную степь, ставили там свои погосты, а за ними тянулись ремесленники, всякий иной люд, и оживало дикое поле.

Владимир Мономах вбирал в себя, в свою память, в свои заботы всю эту огромную, такую стройную и такую зыбкую, постоянно меняющуюся и волнующую русскую жизнь. И она двигалась вместе с ним и под его началом, как огромная ладья посреди то спокойного, ласкового, мирного, то взволнованного, вздыбленного моря. Со временем менялся состав гребцов и кормчих. И снова продолжалась бесконечная борьба с людьми, которой он отдал всю жизнь при своем незлобивом сердце и созерцательной душе. Их нужно было мирить, сокрушать и снова мирить, уступать, отходить в сторону, ради покоя на земле, ради собственного покоя и снова входить в гущу смуг и междоусобиц, когда уже не было другого выхода. Эта борьба затягивала его и иссушала, и не было сил вырваться из ее сетей, потому что только благодаря ей и благодаря свершившимся победам он достигал великих своих целей. И рядом с ним шли жена, дети, друзья.

И вот уже многих нет на этом свете. Давно ушла Гита, нет и второй жены, боярышни, и как зрелые плоды в непогодь валятся с дерева, так падали рядом с ним его сыновья, полные жизни, сил, надежд, — Изяслав, Святослав, Роман, сгоревшие в огне междоусобиц, тайных заговоров, черной ворожбы.

Ушел и Никифор, умер и Даниил, ушел в мир иной в 1123 году последний из старших Святославичей — Давыд, и в один год с ним избыл земную жизнь Сильвестр, епископ переяславский. А на следующий год один за другим покинули эту землю Володарь и Василько, Ростиславичи. до конца своих дней, неукротимые душой, воевавшие с ляхами. Сходили на нет его боевые соратники Ратибор, Дмитр Иворович, Прокопий.

Уходили люди, и он сам уже присел на край погребальных саней — в начале 1125 года ему исполнилось семьдесят два года, а жизнь продолжалась и требовала все новых сил, новых решений. То, что он увидел, вернее — почувствовал в Суздальской земле, теперь пробивало себе дорогу и в других русских землях — и уже Новгород, Владимир-Волынский, Галич, Чернигов, Новгород-Северский, Полоцк, Минск, другие города наполнялись тем же духом уверенности, новой хозяйственной и

военной стати и вставали вровень с Киевом. Повсюду там сидели сыновья и сыновцы Мономаха — сегодня истовые, послушные, по одному его зову берущиеся за меч, по кто скажет — как поведут они себя завтра, когда киевским князем станет Мстислав и что-то будет с великой державой после Мстислава... Он видел перед собой и всегда ровного, веселого и спокойного Ярополка, и мрачного, и гневливого, скрытного Юрия, и хорошего воина, по никудышного правителя Вячеслава, и упорного, смелого Андрея, и слабого духом внука Всеволода Мстиславича. А рядом с ними вставали деятельный Всеволод Ольгович, его братья, сыновья. Удастся ли Мстиславу и Мономаховым внукам удержать в узде эту буйную свору Ольговичей.

Ему хотелось заглянуть вперед на десять, двадцать, пятьдесят лет, и он сознавал тщету своих усилий, смутно пошмая непостижимость этой постоянно движущейся жизни.

Он долгими часами, уже слабая, беседовал со старшим сыном о будущих судьбах Русской земли, учил его главному — сохранению ее единства, великой доблести, неустанному вниманию к поискам ее врагов и основного из них в эти и предыдущие годы — половцев. Сегодня они отбиты и бегут за Железные ворота, укрываются в Венгрии, но завтра на их место придут новые колена, и вновь половецкие вежи зачернеют шатрами и повозками вблизи русских границ, и новое горе обрушится на русские города и села...

Умирать он уехал на реку Альту, в небольшой дом, построенный для него поблизости от храма Бориса и Глеба.

Была ранняя весна 1125 года. Занемогшего великого князя осторожно везли в возке по подсыхающей апрельской дороге. Ярко светило солнце, над землей летел разноголосый весенний гуд.

Здесь неподалеку находился родной Переяславль, стояли Змиевы валы — знаки былых сеч и былой славянской славы, места его детских и отроческих утех, здесь неподалеку начиналось когда-то дикое поле, по которому он проходил за свою жизнь десятки, а может быть, и сотни раз: здесь на Альте его предки рубились с печенегами, а сам он бился с половцами, а теперь здесь же стоит выстроенный им храм, который не видел ни одного степного нашествия.

Он сам вышел из возка и прошествовал в церковь.

После молитвы Мономаха уже под руки отвели в хоромы, и он оставался там в одиночестве до вечера. Лежал, думал, вспоминал, все ли он успел сказать старшему сыну. Других сыновей Мономаха в эти дни к себе не звал. Еще в 1121 году он все им сказал в Смоленске, и установил для них порядок владения Русской землей, определив каждому свой стол, обязав всех в случае его смерти подчиниться старшему брату и чтить его в отца место.

19 мая 1125 года над Альтой раздался скорбный звук колокола, возвестивший о смерти великого киевского князя Владимира Мономаха, а уже к вечеру его сыновья и внуки стали один за другим прибывать на Альту.

Тело Мономаха доставили на ладье в Киев, а на почайновском причале переложили на сани. Печальное шествие направилось к храму святой Софии, в приделе которой рядом с ракой великого князя Всеволода белела дорогим греческим мрамором рака Владимира Мономаха. И в молчании стояли около раки и далее по всему храму и на софийской площади вдоль улиц русские люди, смутившись духом в преддверии новой неведомой жизни, ожидаемой с уходом великого воителя за Русскую землю.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

1053	— Год рождения.
1054	— Смерть Ярослава Мудрого.
1056	— «Сажание на коня», начало обучения ратному делу.
1061	— Первое нашествие половцев на Русь.
1066	— Начало самостоятельного княжения в Ростово-Суздальской земле.
1067	— Участие (предположительно) в военном походе против полоцкого князя.
1068	— Народное антифеодальное восстание в Киеве.
1070—1072	— Княжение в Смоленске.
1072—1076	— Княжение во Владимир-Волынском.
1076	— Поход во главе русского войска в Богемию.
1076—1077	— Княжение в Чернигове.
1077	— Участие в походах против полоцкого князя.
1077—1078	— Княжение в Смоленске.
1078	— Участие в битве на Нежатинной ниве против тмураканских князей.
1078	— Начало великого княжения Всеволода, отца Владимира Мономаха.
1078—1094	— Княжение в Чернигове.
1078	— Война с полоцким княжеством.
1079	— Разгром половцев под Стародубом.
1080	— Разгром торков под Переяславлем.
1080—1081	— Походы против вятичей.
1084	— Поход на Волынь против мятежных князей.
1084	— Разгромы половцев около города Горошина и города Прилуки.
1084	— Поход во главе общерусского войска в Польшу.
1092	— Нашествие на Русь объединенного половецкого войска.
1093	— Смерть отца, великого князя Всеволода.
1093	— Поражение от половцев в битве на реке Стугне.
1094—1113	— Княжение в Переяславле.
1095	— Разгром половецкого войска ханов Итлара и Китана.

- 1095 — Первый поход русского войска в половецкую степь.
- 1096 — Разгром половецкого войска Тугоркана под Переяславлем.
- 1096 — Нападение половецкого войска хана Бояка на Киев.
- 1096 — Гибель сына Владимира Мономаха — Изяслава в битве за Муром.
- 1097 — Любечский съезд русских князей.
- 1100 — Витичевский съезд русских князей.
- 1101 — Мирный съезд в городе Сакове с половецкими ханами.
- 1102 — Набег половцев хана Бояка на Русь.
- 1103 — Съезд у Долобского озера русских князей.
- 1103 — Первый поход общерусского войска в земли донских половцев.
- 1107 — Смерть жены Владимира Мономаха, английской принцессы Гиты.
- 1107 — Набег половцев хана Бояка на Переяславское княжество.
- 1107 — Разгром объединенного войска ханов Бояка и Шарукана на реке Суле.
- 1109 — Поход в земли донских половцев воеводы Дмитра Иворовича.
- 1110 — Неудачный зимний поход в половецкую степь объединенного русского войска.
- 1111 — Победоносный поход общерусских войск в земли донских половцев.
- 1113 — Народное антифеодалное восстание в Киеве.
- 1113—1125 — Великое княжение в Киеве.
- 1116—1118 — Создание нового летописного свода.
- 1116 — Поход против мятежного минского князя.
- 1116 — Поход русского войска на Дунай.
- 1116 — Поход русского войска во главе с сыном Владимира Мономаха Ярополком в земли донских половцев.
- 1117 — Поход против мятежного владими́ро-волынского князя.
- 1118 — Разгром новгородского заговора.
- 1119 — Поход против мятежного минского князя.
- 1120 — Поход русского войска во главе с сыном Владимира Мономаха Ярополком в земли донских половцев.
- 1125 — Смерть Владимира Мономаха.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

«Владимир Мономах — боярский князь». В кн.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 451—468.

Орлов А. С. Владимир Мономах. М.—Л., 1946.

Будовниц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина. — «Исторические записки», № 22, 1947, с. 42—100.

Ляскоронский В. Л. Владимир Мономах и его заботы о благе Русской земли. Киев, 1892.

Брюсова В. Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха. — «Византийский временник», т. XXVIII, 1968.

Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. «Историко-археологический сборник, посвященный А. В. Арциховскому». М., 1962.

Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1966.

Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха. ТОДРЛ, т. II. М.—Л., 1925.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его поучения. Ч. I. М., 1901.

Розанов С. П. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII века. — «Известия АН СССР», VII серия, отделение гуманитарных наук, № 8. Л., 1930.

Розанов С. П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071—1109) — «Известия АН СССР». VII серия, отделение гуманитарных наук, № 8. Л., 1930.

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

Аристов Н. Я. О земле половецкой. Киев, 1877.

Прозоровский Д. Об утвари, приписываемой Владимиру Мономаху. Спб., 1880.

Послание Никифора, митрополита Киевского, к Великому князю Володимиру, сыну Всеволожю, сына Ярослава. «Русские достопамятности, издаваемые обществом истории и древностей российских». Ч. 1. М., 1815.

Пространная Русская Правда. «Устав» Владимира Мономаха. В кн.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953, с. 97 и сл.

«Поучение Владимира Мономаха». «Изборник», М., 1969, с. 147—171.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вадим Каргалов.</i> СВЯТОСЛАВ	5
Часть первая. ОЛЬГА, КНЯГИНЯ КИЕВСКАЯ	7
Часть вторая. ХАЗАРСКИЙ ПОХОД	61
Часть третья. БОЛЬШАЯ ВОЙНА	126
Хронология походов князя Святослава	198
Краткая библиография	198
<i>Андрей Сахаров.</i> ВЛАДИМИР МОНОМАХ	199
Завещание Ярослава Мудрого	201
Детство	223
Первый путь	246
Мятежи	283
На западном приграничье	299
«...И раздрася вся Русская земля»	326
Князь черниговский	353
Брани	390
Любечский съезд	444
В глубь половецкого поля	465
Поход 1111 года	503
Во главе всей Руси	522
С пером и мечом	548
Наследие Владимира Мономаха	563
Основные даты жизни и деятельности Владимира Мо- номаха	571
Краткая библиография	573

Каргалов В. В., Сахаров А. Н.

К 21 Полководцы Древней Руси. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 575 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 16 (654)).

В пер.: 2 р. 50 к. 150 000 экз.

В ЖЗЛ уже вышли книги о выдающихся полководцах прошлого — Дмитрие Донском, Александре Невском, Александре Суворове, Михаиле Кутузове. Сборник «Полководцы Древней Руси» продолжает биографическую летопись ратной славы нашей Родины, обращаясь к эпохе становления и расцвета Киевской Руси в X — начале XII века к победам Святослава и Владимира Мономаха.

К $\frac{1792010200-232}{078(02)-85}$ 151—85

ББК 63.3(2)41
9(С)12

ИБ № 4492

Вадим Викторович Каргалов, Андрей Николаевич Сахаров

ПОЛКОВОДЦЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Редактор **В. Калугин**
Художник **Н. Козлов**
Серийная обложка **Ю. Арндта**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Р. Сиголаева**
Корректоры **Г. Василёва, Т. Песнова, Н. Мейланд, А. Долидзе**

Сдано в набор 07.02.85. Подписано в печать 17.07.85. А00821.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24+ +1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 33,91. Уч.-изд. л. 34,4. Тираж 150 000 экз. (75 001—150 000 экз.). Цена 2 р. 50 к. Заказ 2310.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская ул., 21.